

Российская Академия наук
Институт лингвистических исследований

Л. З. СОВА

У ИСТОКОВ
ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

ГЕНЕЗИС АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Санкт-Петербург
1996

У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. Л.З. Сова. — СПб., Издательство ТОО "ЛАБРИС", 1996, 384 стр., ISBN 5-900772-02-0.

Впервые в языкознании на конкретном языковом материале воссоздается картина возникновения языка и мышления. Показывается, что библейская легенда о мироздании, демиургом которого было Слово, является отражением процессов словотворчества, реально происходивших в истории языка.

В основе научной реконструкции лежит ретроспективное описание процесса зарождения и эволюции речевой деятельности. Её модель в синхронии и диахронии создаётся путём регистрации результатов взаимодействия артикуляционного механизма, порождающего звуковую субстанцию, и аппарата языкового мышления, отвечающего за генерацию смысла. Материалом для построения модели служат данные африканских языков с использованием сравнительно-исторических реконструкций по ностратическим (индоевропейским, семито-хамитским, картвельским, алтайским, уральским, дравидийским) языкам.

Работа иллюстрируется картами, таблицами и схемами. Указатель рассмотренных языков содержит около 900 наименований. В списке цитированной литературы 148 названий.

Книга рассчитана на специалистов в области африканского, общего, сравнительно-исторического, типологического и компьютерного языкознания, а также на востоковедов, этнографов, философов и кибернетиков, работающих в области моделирования человеческого мышления и создания искусственного интеллекта. Отдельные её разделы, особо оговоренные в Предисловии, доступны для широкого круга читателей, — всех, кого интересуют проблемы развития языкознания в следующем тысячелетии.

Ответственный редактор

доктор филологических наук профессор В.А.Лившиц

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор А.Л.Грюнберг

доктор филологических наук профессор А.А.Жуков

доктор филологических наук профессор Ю.К.Кузьменко

© Л.З.Сова, 1996

©Издательство ТОО "ЛАБРИС", 1996

ISBN 5-900772-02-0

1. Вначале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух Божий носился над водою. 3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. 4. ...и отделил Бог свет от тьмы. 5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один... 7. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. 8. И назвал Бог твердь небом... И был вечер, и было утро: день второй... 10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями... 11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень... 13. ...день третий. 14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной... 16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, светило меньшее, для управления ночью, и звезды... 19. ...день четвертый. 21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее... 23. ...день пятый. 24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их... 26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... 31. И был вечер, и было утро: день шестый.

(Библия. Быт., Гл.1.)

С древнейших времен человечество постоянно задавало себе вопросы: "Что такое язык? Как он появился?" Но ответа на них дать не могло. Были разные гипотезы. "Язык это дар божий, Он, как разум и живая душа, является неотъемлемым свойством человека. Возник вместе с ним и существует, пока он есть", — говорили одни. Другие возражали: "Нет. Было время, когда люди жили без языка, общались с помощью жестов. Потом они поняли, что это неудобно, и ввели общественный договор: дали имена вещам, которые их окружали". Снова нашлись несогласные: "Язык это организм, который имеет собственное бытие — вне человека, независимо от него. Язык рождается, живёт и умирает по своим внутренним законам. Он был до человека, будет после него, может существовать вечно. Это Бог, который приходит к нему в момент рождения, ведет его душу по жизни и расстается с ней, когда она покидает его тело. Но и после этого язык не умирает, он лишь меняет хозяина, вновь вселяется в новорожденного, являя ему вечную душу человечества". "Нет, — ответили четвертые, — Язык это порождение человеческого сознания, продукт речевой деятельности. Он не существует без человека, без речевого коллектива. Возникает общение, появляется язык. Исчезнет человечество, не станет речевой деятельности, не будет языка, останется только память о нем в виде книг. Язык не возникает в нашей жизни как откровение Всевышнего. Божьим даром являются органы речи, способность пользоваться ими. Ребенок Шаг за шагом овладевает речевой деятельностью с помощью родителей и учителей, усваивает опыт, запечатленный в словах. Постепенно организуя их в систему, он овладевает процессом мышления. Абстракция от языковых систем, представленных в сознании всех индивидов, — это и есть язык. В этом смысле, он идеальная сущность, имеющая собственное бытие и подчинённая законам внутреннего развития".

Долгое время лингвисты считали, что вопрос о происхождении языка решается только после абстрагирования его от процессов речевой деятельности. Поэтому с середины XIX в. они регулярно сопоставляли родственные слова из разных языков и строили схемы для сведения их к форме, которую можно было считать их общим предком. Совокупность таких форм называли праязыком. Языки, имеющие одного и того же предка, стали именоваться генетически родственными. Так возникли понятия об индоевропейской, семито-хамитской, нигеро-кордофанской и многих других семьях. С помощью того же метода индоевропейская, семито-хамитская, картвельская, уральская, дравидийская и алтайская семьи были возведены к праязыку следующего уровня. Их стали называть ностратическими (от лат. слова *nostrum* 'наш'). Затем появились

гипотезы о дальнейшем расширении ностратической общности языков. В ближайшее время, наверно, будут созданы словари компаративных серий, свидетельствующих, что все языки мира происходят из одного и того же источника. Однако ответа на вопрос, как возник язык, эти исследования не могут дать в принципе, потому что они занимаются статическими объектами ("первоэлементами"), а не процедурами их создания. Совокупность процессов, ведущих к порождению слов и других единиц в реальной языковой практике, называют речевой *деятельностью человека*. Изучая её модель, можно понять, как осуществляется вербальное поведение индивида. Чтобы узнать, как возник язык, надо исследовать *речевую деятельность коллектива*. С помощью её модели можно описать процессы, стоявшие у истоков языка и сознания. Реализации этого подхода посвящена данная книга.

На основании опыта, накопленного в индоевропеистике и ориенталистике, выявляются процессы, характеризующие речевую деятельность человека с точки зрения устройства его органов речи и решаемых им коммуникативных задач. Наблюдение за динамикой их развития (ослаблением, исчезновением, консервацией, возникновением, усилением) позволяет поставить в зависимость от них всевозможные изменения, которые происходят в языках и приводят к преобразованиям как отдельных слов или грамматических категорий, так и языковой системы в целом. Вместе с ней трансформируется вербальное сознание, становится иной философская (физическая) картина мира, потому что понятия, лежащие в ее основе, базируются на языке, присущих ему категориях и усваиваемом с детства способе отражения объективной действительности. Описывая этапы развития речевой деятельности "от нуля" до сегодня, от элементарных процессов ко все более сложным, мы получаем инструмент для проникновения в тайны процесса формирования категорий нашего мышления, который позволяет как бы перенестись в то время, когда они создавались, и следовать за ними на всём пути их развития. При замене ретроспективного движения проспективным, у нас появляется средство для проникновения в будущее и составления научного прогноза о том, каким будет наш язык завтра, как будут эволюционировать категории мышления, в каком направлении будет перестраиваться философская или физическая картина мира, какие методологии будут определять развитие науки в новом тысячелетии.

Данная книга написана на материале африканских языков. Больше всего в ней содержится сведений по языкам банту, специалистом в области которых является автор. Однако к тем же выводам можно прийти, исследуя иные языки, например, славянские или германские, — об этом говорят приведенные в работе параллели из неафриканских языков. Коль скоро восстанавливается начальная точка генезиса человеческого сознания, в каком-то смысле безразлично, по какой тропинке к ней идти, — проложенной бантуязычным или

каким-либо иным коллективом. Чем ближе к началу, тем больше в языковых процессах черт, общих для разных языковых семей, тем обобщеннее законы, которые ими управляют, тем менее дискретен континуум языковой действительности, фиксируемой мозгом. Сущность языковой эволюции, описываемой в книге, и процедуры реконструкций, предлагаемых автором, можно понять, независимо от того, на каком языке говорит читатель и фактами которого располагает, потому что для этого требуется оценивать не материал, а логику рассуждений о нем. Процедура поиска "нулевой точки" в истории праязыка, концепция перехода от начального этапа к последующим, то новое знание, которое вводится в науку открытием "языкового нуля", проблемы, которые возникают вслед за этим открытием, — все это может быть интересно не только для посвященных в дела лингвистические. Однако, анализ процессов речевой деятельности в языках банту, их выявление, установление, параметры, номенклатура, связь с результатами, — эти вопросы требуют особой, весьма высокой, филологической подготовки. Не меньшая квалификация нужна и для того, чтобы оценить соответствие экспонируемых в монографии материалов фактам современной науки. Поэтому книга состоит как бы из двух взаимопроникающих частей: *для узкого* и *для широкого* круга читателей. Страницы, доступные всем, оговорены особо, о них и о логике рассуждений, связывающей их в единое целое, пойдет речь ниже.

Суть выводов такова. Изученные материалы показывают, что речевая деятельность зарождалась в виде возгласов многофокусного образования, не расчленившихся на отдельные звуки и не дифференцировавшихся в зависимости от положения органов речи или характера дыхания. И смысл, и форма этих возгласов были максимально обобщенными, не соотносимыми с существующими сегодня понятиями. Исходную ситуацию легче всего представить посредством аналогии с картиной "гулящего" младенца. Речевое детство человечества, представляющее перед читателем, мало чем отличается от первого года жизни его отдельного представителя (как говорят, филогенез совпадает с онтогенезом). Со временем аморфный, с звуковой и смысловой точки зрения, первоэлемент вступил в процесс деления: вместо одного появились два, из них — четыре, и т.д., пока не образовались все слова и морфемы, из которых состоят современные языки. В книге этот процесс прослеживается шаг за шагом в обоих аспектах: как в отношении языковых форм (фонем, морфем, слов), так и стоящих за ними значений. В качестве исходной единицы плана содержания выступает понятие *хаоса*; его бинаризация приводит к понятиям *света* и *тьмы*; на их основе образуется противопоставление *воздушно-водной* субстанции и *твердей*; из противоречий, возникших внутри представления о твердых, формируется определение *твердей небесных* в противовес *твердям земным*, бинаризация понятия о *воздушно-водной* субстанции результируется

отделением понятия о *воде* от понятия о *воздухе*, и т.д., и т.п., — пока не создаются все элементы нашего словаря. За этим процессом легко угадывается библейский сюжет о сотворении мира. В основе дуализации понятий лежит необходимость ориентироваться во времени и пространстве (вне человека и внутри его мозга). Параллельно смысловым, в истории языка происходят звуковые процессы: из синкретичного многофокусника, обозначавшего понятие *хаоса*, вычленяется *вокалический* компонент в противовес *консонантному*, каждый из них делится на два (например, гласные начинают противопоставляться по ряду и подъему, согласные — по месту и способу образования), и т.д., — вплоть до существующего сейчас многообразия фонем. Ответственными за этот процесс являются органы речи (специфика их развития и функционирования). В работе подробно исследуется, какие органы речи (нос, язык, глотка, ларинкс, велум) на каких этапах дуализации исходных элементов отвечают за возникновение новых оппозиций и посредством каких означающих закрепляются результаты их деятельности.

Перейдем к более подробному изложению содержания той части монографии, которая ориентирована на *широкого* читателя. Во Введении (с. 13-14) рассказывается, какие этапы прошло на своем пути вербальное сознание. В преамбуле к главе 1 (с. 23-24) представлены методы и исходные данные для построения модели. Затем приводится общая характеристика грамматического строя современных языков банту и показывается, каким мог быть прабанту и язык, предшествовавший ему, а также какими особенностями должна была обладать человеческая речь в эту эпоху (с. 53, 54, 70). На с. 82-85 описываются особенности ритмо-мелодической структуры банту, определявшие их эволюцию в прошлом и сохранившиеся неизменными от праязыка до наших дней; здесь фиксируются универсальные характеристики, обуславливающие во всех языках мира однотипные процессы образования слога, систем гласных, слияния элементарных единиц языка в более сложные и превращения одних элементов в другие. Во второй главе показывается, как мог сформироваться аппарат порождения согласных и какую роль при этом играли тонально-тембровые особенности речи, отвечающие за такие процессы, как назализация, фарингализация, лабиализация и др. (с. 86, 158-168). Третья глава посвящена процедуре реконструкции праформ на основе анализа современной артикуляции. На с. 177-184 излагается методика реконструкций и на примере компаративной серии со значением '*слеза*' в современных языках банту иллюстрируется процесс воссоздания артикуляции прототипа этого слова в прабанту. Та же методика применяется к семантическому полю бантуских слов со значением '*земля*' (с. 187-195), затем приводятся примеры, подтверждающие, что аналогичная ситуация имеет место за пределами бантуского ареала, — во многих нигеро-кордофанских, афразийских, койсанских и ностратических

языках (с. 196-199). Следующие реконструкции производятся в семантических полях со значением '*солнце*' (о языках банту см. с. 199-208, о других языках — с. 208-214) и '*вода*' (с. 214-219). Далее показывается, что протокорень со значением '*земля*' образовался от протокорня со значением '*солнце*', а тот — от протокорня со значением '*темная, водная стихия*' (с. 215). Поэтому наиболее аморфная артикуляция представлена у праформы с '*водной*' семой (это синкретичный язычный консонант с лабиоглоттализированной окраской). Дифференциация язычного компонента на два элемента: синкретичный сонант и не-сонант привела к выделению r/1-корней ('*солнечных*') и t-корней ('*земных*'). В предыстории к '*водному*' (синкретичному r/1-корню) был этап отделения слов, обозначавших *воздушно-водную среду*, от *твердей*, этому этапу предшествовал период фиксации в языке полного синкретизма сред и отсутствия противопоставления *света-тьмы*, отражённых в понятии *хаоса* (с. 217). На с. 169-177 описывается модель артикуляционного механизма прабанту и процессы ее модификации в современную.

Итоги исследований по воссозданию начального этапа возникновения языка и мышления, а также гипотезы о том, какие факторы должны были ему предшествовать, представлены в заключении к третьей главе (с.231-255). Здесь приводятся иллюстрации из мифов и легенд, с помощью которых поясняются основные положения книги. Этот раздел является *культурно-лингвистическим*. Он служит ключом для понимания всего материала.

Четвертая глава рассказывает о формировании грамматических категорий. В преамбуле к ней (с. 256-263) говорится о категориях, представленных в банту и соответствующих роду, числу и артиклю в других языках. Подробно описывается, как они возникли и каким должен быть язык, в котором они функционировали (с. 277-278, 284-287). Показывается процесс формирования категории существительных как способа фиксации в древних языках значения посессивности, а в современных — предметности (последнее значение развилось на базе первого в процессе де-синкретизации понятий). В качестве средства создания существительных из протокорней выступает назализация: с ее помощью говорящий показывает, что он становится "обладателем реалии", называемой данным словом. В формальном плане "факт обладания" запечатлевается появлением назальных в начале слова и другими феноменами, вызываемыми назализацией (с. 218, 288, 291-292). Аналогичный процесс формирования категории субстантивности, в противовес категории глагола, прошли и другие языки. Результаты реконструкции протоформ, определяющих грамматический статус существительных в банту, приводятся на с. 296-300. На с. 301-303 излагаются материалы о соотношении именных классов с категориями рода, числа и артикля. Сопоставление западно-атлантических, вольтийских, шари-нильских, суданских и других африканских языков завершается

экскурсом в их генезис. Для этого проводится исследование сходств и различий их грамматических категорий и показывается, до какого момента эти языковые общности были тождественны, с какого этапа их пути разошлись. Например, в одних случаях древнее посессивное значение превратилось в категорию рода (нубийские языки, с. 322), в других — класса и числа (банту, западно-атлантические, манде), в третьих — конкретности и определённости (нилотские, с. 327-329; паранилотские, с. 330-332), и т.п.

Итогом рассмотрения материалов является идея моногенеза африканских и ностратических языков (с. 338). Соединительный "мостик" между ними — афразийские (в частности, чадские), с одной стороны, и банту, с другой. Эти выводы подтверждаются анализом топонимов, этнонимов и лингвонимов (названий языков). По всей Африке представлены обозначения местностей, экваторий, племен и языков, которые соотносятся с корнем, реконструированным на с. 249. Это свидетельствует, что современные языки, которым принадлежат указанные слова, имеют общее происхождение. Аналогичные названия, при изучении их как результатов речевой деятельности, вызывающей в них соответствующие изменения, можно найти на других континентах (в Европе, Азии, Америке, Австралии) и островах Океании (в составе аборигенной лексики). Собранные воедино, они говорят, что эти языки — потомки одного и того же предка. Как отмечалось выше, такая идея для языкознания не нова. Однако проведенное исследование не только доказывает ее правильность, но регистрирует *процедуру эволюции праязыка в современные и его создания из одного единственного первоэлемента*. Другими словами, при рассмотрении языка как продукта речевой деятельности появляются доказательства теоретической возможности развития существующих языков из протоядра (с. 235), а мышления — "от нуля" (все шаги этой процедуры, от исходной точки до наших дней, описаны в книге). Тем самым дан положительный ответ на вопрос, могла ли речевая деятельность спонтанно возникнуть у субъекта, располагавшего "нашими" органами речи. Этот ответ, правда, рождает новый вопрос: являются ли "наши" органы речи результатом эволюции или на всем протяжении истории человечества (за пределами языковой ретроспективы, рассмотренной в работе) они были одними и теми же. Попытка найти решение снова приводит к исходной задаче, и т.д., — пока мы опять не сталкиваемся с тайной "перволчка" и его демиурга. Формируемые таким образом проблемы просто отодвигают искомое начало все Дальше в глубь истории; ответа на вопрос о том, как появилась именно наша языковая цивилизация, они не дают. Попробуем преодолеть этот парадокс с помощью сведений, отраженных в легендах, бытующих у африканских народов. Возможна, например, такая версия.

В одной из легенд рассказывается, что несколько тысячелетий назад, в местности, где были горы, вода и лес, появилась группа детей (50 мальчиков

и 50 девочек) в сопровождении взрослого мужчины. По другим преданиям, его называли именем, которое артикулировалось в виде лабиоглоттализованного вибранта, реконструированного на с. 171. В зависимости от особенностей произношения оно могло дать такие рефлексy в современных языках, как *Бог, Бугуи, Яхве, Холле, Игвар, Гор* и т.д. (с. 233, 240). Прибыли странники неизвестно откуда, на каком-то большом средстве передвижения, погрузившемся в ил. По воспоминаниям одних детей, оно было похоже на гору, другим казалось огромным животным. Первые своим потомкам впоследствии рассказывали, что *вышли из большой дыры в земле (из горы, из пещеры)*, вторые — *из "чрева" (кита, слона)*. Были и те, кто запомнил *тростник* или *грязь*, по которым они брели к берегу (с. 247); в некоторых легендах утверждается, что человек на земле существовал вечно. Дети были размещены в двух хижинах (в лесу). В одной жили мальчики, во второй — девочки. Лет десять они не знали о существовании друг друга. Затем их стали знакомить. Образовавшаяся семья перебиралась в специально построенную для нее хижину, вдали от всех, и начинала жить самостоятельно. Ее связь с остальными обрывалась. Пока дети росли, взрослый был с ними. Можно предположить, что он познакомил их с законами морали, медицины, астрономии, механики, математики, а также научил языку, объяснив путь формирования категорий мышления, который они прошли под его руководством, и "закрепив" эти знания в виде своеобразной "считалочки" (с. 249) о деривации слов из аморфного образа (смыслового и звукового) путем его последовательной конкретизации (дуализации). Став жить отдельно, семьи забыли дорогу к своему Учителю. Он исчез из их жизни, ничего не сообщив о своем прошлом и будущем. Века многое стерли из человеческой памяти. "Считалочку" о происхождении слов люди интерпретировали как *легенду о сотворении мира*, детскую постройку "до неба" из букв-кубиков назвали *Вавилонской башней*. Знания стали восприниматься как результат божественного откровения. Почти полностью растеряв то, чему их учили в детстве, люди опомнились и начали старательно всё восстанавливать. Так появилась наука нового времени. Правда, есть мнение, что в древности мы знали значительно больше, чем сейчас.

Нетрудно увидеть, что эта история содержит отмечаемую во многих легендах "склею" двух сюжетов ("божественного" и "человеческого", с. 244). Вопрос о возникновении "*языка вообще*" она соотносит с первым, зарождение *языка и мышления в нашей цивилизации* — со вторым. То, что язык, в принципе, может быть "развернут" из одного синкретичного возгласа, видно из онтогенеза. Однако осознать это можно, только наблюдая за ребенком со стороны. Если "считалочка", действительно, отражает процесс развития языка у детей, с которыми связано начало нашей цивилизации, сочинить ее мог только Учитель (процесс овладения языком до сих пор остается для нас тайной),

т.е. сами говорящие зафиксировать этот период своей "младенческой" истории не сумели бы. Это — сильнейший аргумент в пользу существования Учителя. "Собственно наша" языковая история началась после этапа, описанного в "считалочке". В книге этот момент соотношен с формированием партитивно-посесивного языкового строя. Относительная лингвистическая хронология может быть заменена абсолютной с помощью нескольких методов. Например, можно установить, сколько циклов деления прошел исходный протоэлемент "до нашей истории" ("в детсаду") и сколько — за последующий период. В легендах упоминается от 7 до 22 циклов (с. 246); описанные в работе дихотомии, каждая из которых соответствует одному циклу, приводят к тем же цифрам, — в зависимости от того, с какого момента начинает фиксироваться переход от предыстории к истории, см., в частности, с. 234-238. Дихотомии нового времени (с. 301-303 и др.) говорят, что за время дивергенции языков произошло еще около 20 циклов (о соотношении реального и лингвистического времени см. с. 312: пяти циклам соответствует примерно 3000 лет), т.е. начало цивилизации ("после детсада") можно датировать приблизительно 10-м тысячелетием до н.э. Хочется также отметить, что в "детсаду" могли быть разные дети: от одних и тех же родителей или нет. Во втором случае общность языкового генезиса, фиксируемая в десятом тысячелетии до н.э., не является аргументом в пользу возникновения в ту же эпоху кровного родства у членов нашей цивилизации; его принципиальную возможность допускают биологи (с. 249), но время существования нашего прапредка относят к значительно более древней эпохе (280000 — 140000 тысяч лет назад). И значит, вопрос о возникновении языка и мышления может быть отделен не только от проблемы происхождения современных языков, но и от генезиса их носителей. Это три независимые задачи, решения которых могут совпадать, но могут быть и различными.

Итак, если следовать логике этой книги и принимать во внимание легенды, бытующие у африканских народов, органы речи представителей нашей цивилизации всегда были такими, как сейчас. Мы не были обезьянами и не лазили по деревьям (разве что детьми). История, запечатленная в устных и письменных памятниках современного человечества, началась примерно 12 тысяч лет назад. У ее истоков находятся *детские воспоминания* наших прапредков о том, чему их учили, как выглядел окружавший их мир (опять-таки, с их точки зрения), каким был язык и его творец. На вопрос о том, откуда мы появились, эта книга ответа не дает. Хочется надеяться, что в XXI в. эту тайну тоже удастся разгадать...

1. В лингвистической литературе неоднократно высказывалось предположение, что наши предки и говорили, и думали не так, как мы. Свидетельства различных языков показывают, что наше мышление прошло через три фазы: партитивно-посессивную, когда реалии осмыслялись человеком через призму отношений "часть-целое", "обладатель-обладаемое", пространственную, при которой сформировалось представление о пространстве как некоей окружающей человека данности и все связи (в том числе, прежние партитивно-посессивные) стали трактоваться как спатиальные (пространственные, локативные, исправительные, местные и т.п.), и наконец, темпоральную, которая превратила трехмерный пространственный мир в четырехмерную реальность, благодаря введению нового фактора, названного "время". В соответствии с языковыми данными, время сначала осознавалось всего лишь как еще одна характеристика пространства — та мера, с помощью которой определялись усилия говорящего, необходимые для преодоления данного расстояния, т.е. превращения его в "собственность" говорящего (см. такие выражения, как *очередь длиною в год, два дня пути, копать с восьми утра и до забора*, где пространство измеряется временем или время — пространством). Затем темпоральность стала обязательной характеристикой любой реалии, и все прежние связи обогатились новым (темпоральным) смыслом.

Поскольку развитие языкового сознания является процессом постепенного накопления качественных изменений, деление на описанные три фазы условно. На самом деле, в недрах партитивно-посессивного строя постепенно зарождалось переосмысление пространственно не дифференцированных отношений "часть-целое", "обладатель-обладаемое" в отношения "снаружи-изнутри", "слева-справа", "вверху-внизу" и т.п. По мере развития локативных отношений усиливалась "пространственная" призма описания реалий, первоначальный способ их восприятия ослабевал,

и партитивно-посессивный языковой строй сначала превратился в пространственно-партитивный (посессивный), а затем в пространственный, пространственно-темпоральный, и наконец, темпоральный с (большими или меньшими следами прежних фаз, — в зависимости от степени сохранности реликтовых особенностей в том или ином языке).

Эволюция нашего сознания на этом не остановилась. Темпоральная фаза ныне уступает место новому способу осмысления действительности, который можно назвать модальным. В его основе лежит бинаризация прежних "просто темпоральных" связей на абсолютные и относительные, а последних — на субъективные-объективные, потенциальные-реализованные, специфицированные-обобщенные (см. такие типы модальности, как долженствование-намерение-возможность), синхронные-последовательные и т.д. Поэтому современную фазу языкового мышления можно определить как темпорально-модальную (с реликтовыми явлениями различной глубины, соотносимыми с пройденными этапами эволюции).

Каждая языковая категория является продуктом своей эпохи. Например, оппозиция имени и глагола возникла в недрах партитивно-посессивного строя, формирование категории аспектных (видовых) противопоставлений в системе спряжения глагола относится к пространственной фазе, образование временной части глагольной парадигмы (например, конфронтация давно прошедшего-прошедшего-настоящего-близкого будущего-отдаленного будущего в зулу) знаменует становление темпорального мировоззрения, категория наклонения практически оформляется на наших глазах (см. формирование наклонений намерения и долженствования в зулу на фоне функционирования дефективных глаголов, служащих лексическим средством передачи значения, грамматикализирующегося посредством парадигмы категории наклонения).

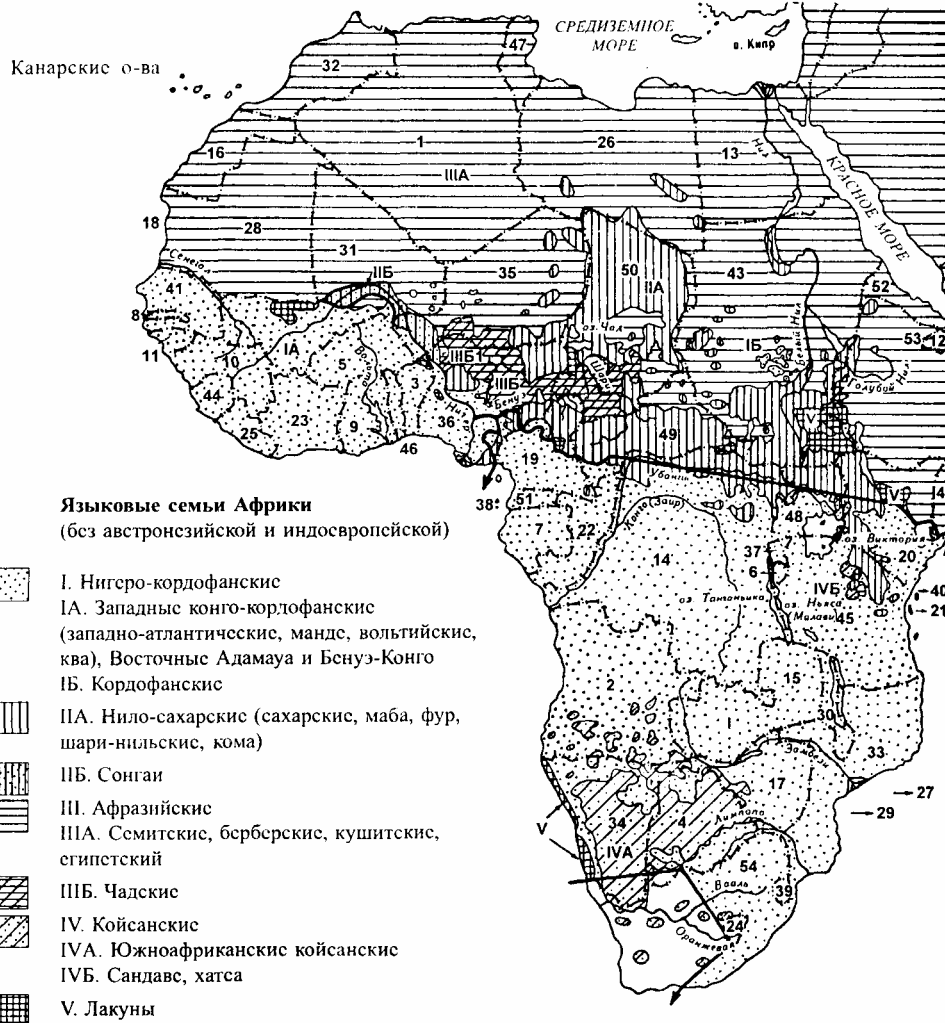
Хотя языкознание занимается, в основном, объектами, характеризующими две последние из отмеченных выше фаз, не менее важным является осмысление всего пройденного пути в целом и исходной точки этого пути. Естественно, об этом можно строить только гипотезы — большей или меньшей достоверности по отношению к известным фактам. Иного метода проникновения в предысторию «нашего мышления, как конструирование моделей развития языка на основании анализа тех следствий, которые представлены в известных лингвистам языках, в науке пока нет. Поэтому ниже пойдет речь об одной из таких моделей. Материалом для ее построения являются данные современных языков банту.

2. Банту относятся и нигеро-кордофанскому семейству, насчитывающему свыше двух тысяч африканских языков и диалектов (примерно при

300 млн. говорящих). В настоящее время известно свыше 500 языков и диалектов банту, на которых говорят около 200 млн. человек в 23 африканских государствах южнее Сахары (Ангола, Ботсвана, Бурунди, Габон, Заир, Замбия, Зимбабве, Кения, Коморские острова, Конго, Лесото, Малави, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Танзания, Уганда, Центральноафриканская Республика, Экваториальная Гвинея, Южно-Африканская Республика) и на о. Реюньон. Кроме того, отдельные вкрапления языков банту есть и в других государствах, пограничных с бантуязычными, — в Камеруне, Сомали и Мадагаскаре.

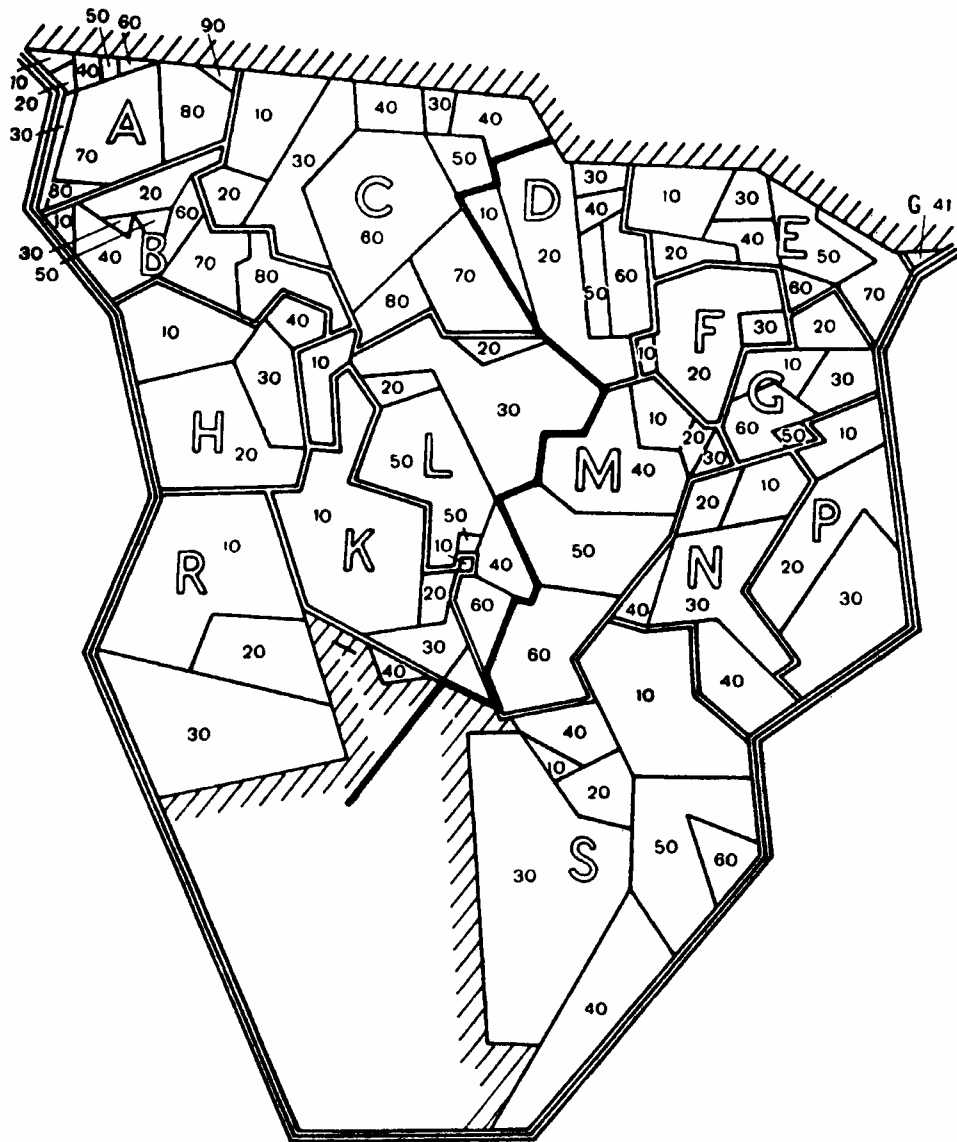
Представление о лингво-географических ареалах Африки и их соотношении с политико-административным делением дает карта 1. В соответствии с генетической классификацией, предложенной Гасри [86], семья языков банту делится на 15 зон (A-S), каждая из зон — на группы, а те, в свою очередь, — на языки, диалекты и поддиалекты. Зона А включает девять групп: А10.лунду-балонг, А20.дуала, А30.бубе-бенга, А40.баса, А50.бафия, А60.санага, А70.яундефанг, А80.мака-нджем, А90.кака; зона В — восемь групп: В10.мьене, В20.келе, В30.того, В40.шира-пуну, В50.нджаби, В60.мбете, В70. теке, В80.тенде-янзи; зона С — восемь групп: С10.нгунди, С20.мбоши, С30.банги-нтумба, С40.нгомбе, С50.соко-келе, С60.монго-нкунду, С70.тетела, С80.куба; зона D — шесть групп: D10.мболе-эна, D20.лега-каланга, D30.бира-хуку. D40.конджо, D50.бембе-кабвари, D60.руанда-рунди; зона Е — семь групп: Е10.ньоро-ганда, Е20.хая-джита, Е30.масаба-лухья, Е40.роголи-кура, Е50.кикую-камба, Е60.чага, Е70.ньяка-таита; зона F — три группы: F10.тонгве, F20.сукуманьямвези, F30.иламба-иранги; зона G — шесть групп: G10.рого, G20.шамбала, G30.зигула-зарамо, G40.суахили, G50.поголо, G60.бена-кинга; зона H — четыре группы: H10.киконго, H20.кимбунду, H30.кияка, H40.кимбала; зона K — четыре группы: K10.чокве-лучази, K20.лози, K30.луяна, K40.субия; зона L — шесть групп: L10.пенде, L20.сонге, L30.луба, L40.каонде, L50.лунда, L60.нкоя; зона M — шесть групп: M10.фипа-мамбве, M20.ньяка-сафва, M30.конде, M40.бемба, M50.биса-ламба, M60.лендже-тонга; зона N — четыре группы: N10.манда, N20.тумбука, N30.ньянджа, N40.сенга-сена; зона P — три группы: P10.матумби, P20.яо, P30.макуа; зона R — четыре группы: R10.умбунду, R20.ндонга, R30.гереро, R40.ейе; зона S — шесть групп: S10.шона, S20.венда, S30.суто-тсвана, S40.нгуни, S50.тсва-ронга, S60.чопи. Географическая локализация перечисленных зон, групп и входящих в них языков и диалектов представлена на карте 2, список языков банту с индексами из данной классификации см. в Приложении.

Карта 1.

1 - Алжир, 2 - Ангола, 3 - Бенин, 4 - Ботсвана, 5 - Буркина-Фасо, 6 - Бурунди, 7 - Габон, 8 - Гамбия, 9 - Гана, 10 - Гвинея, 11 - Гвинея-Бисау, 12 - Джибути, 13 - Египет, 14 - Заир, 15 - Замбия, 16 - Западная Сахара, 17 - Зимбабве, 18 - Кабо-Верде, 19 - Камерун, 20 - Кения, 21 - Коморские Острова, 22 - Конго, 23 - Кот-Дивуар, 24 - Лесото, 25 - Либерия, 26 - Ливия, 27 - Маврикий, 28 - Мавритания, 29 - Мадагаскар, 30 - Малави, 31 - Мали, 32 - Марокко, 33 - Мозамбик, 34 - Намибия, 35 - Нигер, 36 - Нигерия, 37 - Руанда, 38 - Сан-Томе и Принсипи, 39 - Свазиленд, 40 - Сейшельские Острова, 41 - Сенегал, 42 - Сомали, 43 - Судан, 44 - Сьерра-Леоне, 45 - Танзания, 46 - Того, 47 - Тунис, 48 - Уганда, 49 - Центральноафриканская Республика, 50 - Чад, 51 - Экваториальная Гвинея, 52 - Эритрея, 53 - Эфиопия, 54 - Южно-Африканская Республика.

Карта 2.

3. Предлагаемая вниманию читателя монография - продолжение прежних исследований автора [37, 40]. Ее целью является реконструкция языкового состояния, которое можно рассматривать как предысторию современных языков банту.* Книга состоит из двух частей: в первой и второй главах строится эволюционная модель звукового механизма ("от прабанту до наших дней"), современная стадия развития которого генерирует системы гласных и согласных, представленные в банту (по материалам XIX-XX в.в.), третья и четвертая главы посвящены предыстории этой модели ("от прабанту до нуля"). В третьей главе описывается попытка реконструкции того этапа эволюции звукового механизма, который предшествовал этапу прабанту, и строится модель формирования лексики в соответствии с звуковой моделью (или в терминах этой модели).

Схема рассуждений автора такова: если правильны положения о развитии звукового строя языков банту на основе их современного статуса, описанные в первых двух главах, то, в силу взаимодействия друг с другом всех языковых подсистем, эти положения отражают ситуацию внутри не только звуковой подсистемы, но и праязыка в целом. Поэтому они дают возможность строить допущения о праязыке как образовании, развившемся из системы, обладающей закономерностями, которые проявились в характеристике сначала праязыка, а затем всех языков, в которые он эволюционировал.

Четвертая глава посвящена развитию этих идей применительно к сфере субстантивных категорий. Кроме того, на основании анализа взаимоотношений между означающими и означаемыми именных категорий строится генеалогическое древо для нигеро-кордофанских и нило-сахарских языков, отражающее процесс формирования именных категорий в этих языках по отношению друг к другу. Описание языковых групп и семейств дается в терминах [103], поэтому результаты сравнимы с теми, которые представлены в полученных ранее генетических классификациях африканских языков [85, 104, 105, 133-135, 141 и др.].

4. Системы гласных описываются в терминах табл. 1, которая составлена в соответствии с [3:16], но отличается от нее по техническим обстоятельствам некоторыми символами. В табл. 1 цифры стоят рядом с кардинальными

* "Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества типологически вероятных последовательных трансформаций, которые и определяют "диахроническую выводимость" системы. Подобные трансформации переводят из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований" [12, 1:LXXXIII].

гласными, в скобках помещены гласные, для артикуляции которых требуется особое округление губ, в отличие от их соседей, вынесенных за скобки. Символом ə обозначен центральный гласный с эпиглоттальным трением и сужением фаринкса, а символом ɘ — нейтральный гласный, при артикуляции которого образуется резонаторное пространство между верхними зубами и внутренней поверхностью вытянутой вперед нижней губы.

Таблица 1.

<i>i</i>		i(ü)		ĩ		ɯ		u	ц8
	i			ə				u	
		2e		ɘ				o	7
		e		ə				o	
		3ε		ε" (ö		об	
				æ)					
				ε				ə	
				4æ		a		æ5	

Кроме символов этой таблицы, в характеристике гласных участвуют символы, указывающие на назальность (помечается тильдой, например: ã — назальное а) и долготу (незначительное удлинение, например, гласного а, обозначается в виде ā, значительное удлинение — в виде aa; по техническим обстоятельствам при наличии диакритических знаков, фиксирующих тон или ударение, а также при дифференциации трех ступеней пролонгизации гласных незначительная долгота обозначается двоеточием в виде a:). Гласные, которые слышатся только в сопровождении других звуков, при особом произношении, или употребляются факультативно, помечаются скобками. Тон, если его обозначение не оговаривается особо, регистрируется надстрочными штрихами: á, í — восходящий или высокий тон, à, ì — нисходящий или низкий, â, î — восходяще-нисходящий, ã, ï — нисходяще-восходящий. Тонирование несонорных согласных помечается штрихом над согласным: 'p — восходящий тон, ˘p — нисходящий.

При описании консонантных систем используется табл. 2 и следующие правила оперирования с символами: косая черта в таблице (например, p/b) обозначает оппозицию "глухость - звонкость", дефис (например: w-w̃) оппозицию "огубленность — неогубленность" (огубленные

фонемы стоят после дефиса, неогубленные – до него). Для обозначения имплозивных согласных *h, d, i, n* и дрожащего язычного *r* используется готический алфавит (в случае фонетической транскрипции) и русский, если это требуется для соблюдения орфографии данного языка (см., например, передачу имплозивных билабиальных в [79] посредством символов, напоминающих русские буквы Б, б). Эксплозивные согласные регистрируются с помощью латинского, русского, греческого и армянского алфавитов, а также специальных символов.

С помощью символов табл. 2 можно описать следующие согласные: *p/b* – билабиальные взрывные (глухой – звонкий); *h* – звонкий билабиальный имплозивный; *hm/m* – билабиальные назальные (глухой – звонкий); *ɸ/β* – билабиальные фрикативные (глухой – звонкий); *w-ŵ* – билабиальные полугласные (неогубленный – сгубленный); *f/v* – лабиодентальные фрикативные (глухой – звонкий); */m* – лабиодентальный назальный, при образовании которого внутренняя часть нижней губы втягивается быстрее, чем край губ; *ɸ̣/ɸ̣* – лабиодентальные фрикативные с округлением губ, участием верхних зубов и внутренней поверхности нижней губы (глухой – звонкий); *ш-ш* – лабиодентальные полугласные

Таблица 2.

Тип образования согласных	Место образования										
	губно-губные	губно-зубные	губно-зубные с втянутым языком	зубные	альвеолярные	палато-альвеолярные	ретро-флексные	палатальные	велярные	увулярные	глоттальные
Взрывные	<i>p/b</i>			<i>t̚/d̚</i>	<i>t/d</i>			<i>c/j</i>	<i>k/g</i>		<i>ʔ</i>
Имплозивные	<i>h</i>				<i>d</i>			<i>i</i>	<i>n</i>		
Назальные	<i>hm/m</i>		<i>/m̥</i>	<i>/n̥</i>	<i>hn/n</i>			<i>hny/ny</i>	<i>hŋ/ŋ</i>	<i>/N</i>	<i>h/ɦ</i>
Фрикативные	<i>ɸ/b</i>	<i>f/v</i>	<i>ɸ̣/ɸ̣</i>	<i>θ/ð</i>	<i>s/z</i>	<i>ʃ/ʒ</i>		<i>ç/ʝ</i>	<i>x/ɣ</i>	<i>ħ/ʕ</i>	
Дрожащие (одно- и многоударные)					<i>hr/r</i>		<i>/r</i>				
Латеральные				<i>l̥</i>	<i>l:hl/l̥</i>						
Полугласные	<i>w/ŵ</i>		<i>ш/ш</i>	<i>ɣ</i>				<i>y/ÿ</i>	<i>ω-ö</i>		

(неогубленный — огубленный); t̥/d̥ — дентальные взрывные (глухой — звонкий); /ŋ — дентальный назальный; θ/ð — дентальные фрикативные (глухой — звонкий); ɣ — дентальный полугласный; ɭ — латерально-дентальный; t̪/d̪ — альвеолярные взрывные (глухой — звонкий); d̪ — имплозивный альвеолярный; hn̪/n̪ — назальные альвеолярные (глухой — звонкий); s/z — альвеолярные фрикативные (глухой — звонкий); hr/r — альвеолярные дрожащие или одноударные (глухой — звонкий); l — альвеолярно-латеральный; hl/ɬ — латеральные фрикативные (глухой — звонкий); ʃ/ʒ — палато-альвеолярные фрикативные (глухой — звонкий); r — дрожащее язычное r; c/ɟ — палатальные взрывные (глухой — звонкий); i — имплозивный палатальный; hny̜/ny̜ — палатальные назальные (глухой — звонкий); ɕ/ʑ — палатальные фрикативные (глухой — звонкий); y̜-ÿ̜ — палатальные полугласные (неогубленный — сгубленный); ω-ö — велярные полугласные (неогубленный — сгубленный); k/g — велярные взрывные (глухой — звонкий); ŋ — имплозивный велярный; hn̪/ŋ — велярные назальные (глухой — звонкий); x/ɣ — велярные фрикативные (глухой — звонкий); /N — увулярный назальный; h̥/ʁ — увулярные фрикативные (глухой — звонкий); ' — глоттальная смычка; h̥/f̥ — глоттальные фрикативные (глухой — звонкий).

Дополняя символы табл. 2 следующими правилами деривации производных символов, мы получаем возможность регистрировать всё многообразие согласных, которые встречаются в описываемых языках: 1) для изображения аффрикат используются диграфы, образованные из символов табл. 2 (например; cç — глухая палатальная аффриката, jʃ — звонкая палатальная аффриката); 2) аспирированные согласные фиксируются посредством диграфов, вторым элементом которых является знак h (ph, mh, th и т. д.); 3) дополнительная дентальная артикуляция согласных отмечается посредством подстрочной точки или подстрочного значка (см. в табл. 2 символы t̥, d̥, ŋ, ɭ, ɣ); 4) лабиодентальная артикуляция, вовлекающая верхние зубы и внутреннюю поверхность нижней губы, фиксируется подстрочной черточкой или особой символикой (s, z; см. также в табл. 2 знаки m, ш, ɮ/ʎ); 5) значок ˜, стоящий над строкой, обозначает дополнительную свистящую артикуляцию (например, в случае сибилантов с дополнительным трением š, ž или в случае диграфов rž, bž); 6) назализация фиксируется тильдой над полугласными (w, y — назальные полугласные); 7) неполная смычка с трением регистрируется надстрочной точкой (ñ — фрикативный n); 8) эйективная артикуляция обозначается апострофом (p' — эйективный глухой билабиальный взрывной согласный); 9) долгий согласный записывается при помощи редупликации (диграфы tt, dd); 10) с помощью скобок фиксируются звуки,

которые слышатся только в сопровождении других звуков или в речи со специальным акцентом; 11) для регистрации щелкающих звуков используется особая нотация (например, буква q, диграф xh и т. п. знаки, оговариваемые особо); 12) слогообразующий характер согласного помечается кружком под согласным (ᵐ – слогообразующий билабиальный назальный сонант, ɱ – слогообразующий альвеолярный назальный сонант и т. д.); 13) для обозначения гоморганных назальных (их сокращенной записи) используется символ U, слогообразующие гоморганные назальные сонанты в краткой записи имеют вид N, т. е. с помощью символа U обозначаются гоморганные назальные m, n, ny, ŋ), а с помощью символа N — слогообразующие варианты тех же гоморганных назальных ᵐ, ɱ, ŋy, ŋ *

* Эта система транскрипции почерпнута, в основном, у Гасри, но по техническим обстоятельствам отличается от нее: изменено обозначение большинства фрикативных, импловивных, полугласных, дрожащего r, гоморганных назальных, а также производных символов, образуемых с помощью диакритики. В этих аспектах данная система отличается также от IPA. Кроме того, вслед за Гасри, в отличие от IPA, при описании гласных вместо символа y (IPA) для обозначения центрального круглого варианта гласного i используется диграф ii; палатальный полугласный j (IPA) обозначен посредством символа y, круглый палатальный полугласный — посредством ü; палатальный назальный в таблице и в тексте фиксируется как диграф ny (за исключением тех примеров, когда надо противопоставить эту монофонему сочетанию назального с полугласным y; в последнем случае палатальный назальный изображается с помощью знака n'); глоттальная смычка — посредством апострофа ' ; глухое l - посредством диграфа hl; для импловивной разновидности j, как отмечалось выше, вводится символ i (знак j резервируется только для звонкого палатального смычного).

Глава 1.

Регистровый строй языков банту

Для реконструкции артикуляции прабанту* предлагается метод: зафиксировать характеристики звукового строя современных языков банту, соотнести их друг с другом, выбрать инвариантные, выявить артикуляционные законы, которые их объясняют, связать эти законы воедино, сформировав таким образом описание артикуляционного механизма и языка, который может быть порожден им, сравнить полученные результаты с современными языками и артикуляционными аппаратами говорящих на языках банту, установить выводимость последних из первых и описать процесс эволюции праязыковой артикуляции в современную и праязыка в языковые системы наших дней.** Естественно, для

* "Артикуляционная база языка это, прежде всего, совокупность фонетических характеристик, которые отличают данный язык от остальных. Например, польский язык характеризуется палатализацией гласных, французский – назализацией гласных и т.д. Эти характеристики имеют двоякое проявление: 1) в фонетической системе данного языка, 2) в положении органов речи перед открытием рта. Источник одного, а не другого положения органов речи, прежде всего, следует искать в антропологических элементах данной популяции: например, длинная шея у бушменов предрасполагает к фарингализации, короткая голова, большое лицо и романское небо вызывают палатализацию, хотя не следует забывать и влияние behavior, доминирующего типа поведения, который, например, у африканцев приводит к лабиализации" [26:177].

** "Представление фонем в терминах преимущественно артикуляторных признаков распространилось в последнее время взамен более популярного в предыдущее десятилетие набора акустических признаков, связанного прежде всего с бурным развитием спектрографии, выявившей в дальнейшем и ограниченность этого метода. Формулировка характера дифференциальных признаков фонем исключительно в терминах акустических признаков приводила зачастую к недостаточному учету артикуляторных

регистрации перечисленных выше исследовательских процедур и их результатов нужен объем не одной книги. Поэтому здесь намечаются только отдельные вехи такого исследования и фиксируются лишь те из полученных автором результатов, которые лежат на поверхности и могут быть экстрагированы из приводимого иллюстративного материала даже не африканистом.

В первой главе указанный метод применяется для реконструкции регистровых характеристик праязыка и конструирования модели регистрового механизма, которая могла бы интерпретироваться как генератор гласных. Во второй главе тот же метод используется для создания модели генератора согласных – тембрового механизма. Для построения модели регистрового механизма, действующего как в современных банту, так и в прабанту, фиксируются такие характеристики современных языков банту, как структура слога, закономерности, определяющие просодические корреляции и вокалическую синтагматику, а также такие особенности артикуляции, как мощность вдоха и степень раствора речевого канала. Эти параметры обеспечиваются деятельностью наиболее жестко фиксированных органов речи.

Во второй главе говорится о деятельности подвижных органов речи, совокупность которых образует тембровый аппарат. Результаты, полученные в этих главах, являются естественным продолжением или подтверждением положений, изложенных в [40].

§1. Слоговая структура современных языков банту

1. При изолированном произнесении слов почти во всех ЯБ (например, в куриа, букусу, руанда, суахили, ньянджа и др.) большинство слогов являются открытыми. Они имеют структуры следующих разновидностей: 1) Г (например: u в слове uluzotha ‘звезда’ в ньиха); 2) СГ (lu в uluthandá ‘звезда’ в бемба); 3) ПГ (wa в akawanga-wanga ‘звезда’ в ламба); 4) ССГ (nta в intanda ‘звезда’ в дала); 5) СПГ (fyа в unalafyale

особенностей фонем, представляющих их существенные свойства. Однако значимость артикуляторных характеристик не только для образования, но и для восприятия фонем подтверждается в последнее время все большим числом исследований... Поэтому представляется целесообразным в качестве дифференциальных признаков фонемы дать набор таких артикуляторных, а возможно и акустических признаков, которые, не исключая друг друга, могут охарактеризовать фонему по ее существенным признакам. В этом смысле набор дифференциальных признаков, учитывающих артикуляторные характеристики речи, представляется более предпочтительным, чем набор признаков, строящийся исключительно на акустических характеристиках фонем" [12,1:ХС].

‘вождь’ в ньякюса); 6) ССПГ (ngwe в watongwe ‘листья табака’ в дала). В некоторых языках закрытых слогов вообще не бывает, есть только открытые. Такими считаются кукуя (B77a), тсого (B30), сира (B41), сангу (B42), пуну (B43), мбете (B61), мбаама (B62), ндуумо (B63), гикую (E51), а также некоторые из языков, входящих в группы K,L, M, N и P. Отмечается отсутствие закрытых слогов и слогаобразующих сонантов в C 10 и C20. Например, слово в гикую может начинаться с любого гласного и с любого согласного, встречаются сочетания двух гласных, двух согласных (назального и не-назального), а также композиты с полугласным w. В конце слова может стоять только гласный или последовательность гласных (два или даже три гласных); ни согласные, ни полугласные в конце слов стоять не могут, так как в гикую есть только открытые слоги: Г (aga ‘недостаток’, ‘нужда’), СГ (де ‘земля’, ‘низ’), СПГ (cwe ‘дырявая одежда’), ССГ (mbogo ‘буйвол’), ССПГ (ndwara ‘сторона, бок, край’).

Кроме открытого, в ЯБ иногда встречается закрытый слог. Так, закрытый слог на назальный слогаобразующий сонант в конце слова отмечен в кела (C75), на назальный слогаобразующий в начале слова – в дамба (M54), на назальный в начале и середине (но не в конце) – в языках подгрупп A10 и A30, на назальный в середине – в букусу (E31c) и куриа (E43), на полугласные w, ẁ в конце слова – в текес-в (B72), на сонорные l и ɭ в конце – в мпуоно (B84a), различных типов в начале, середине или конце слова – в A40, A70 и A90, в любой позиции – в A50, A80, B22b, B50, B81-B88 и т.д. Кроме того, в A80 зарегистрирован закрытый слог на слогаобразующий сонант и полугласный, в суахили (G41) – на слогаобразующий назальный в начале слова и на неслогаобразующий назальный или любой другой согласный в середине (как правило, в заимствованиях), в мвера (P22), ньянджа (N31 a) и чева (N31b) – на слогаобразующий назальный в начале и на неслогаобразующий назальный или спирант в конце слова (в идеофонах). Иногда встречается закрытый слог в A60, B21, B22a, B70 и многих языках группы M. В A80 фиксируется много слов без гласных – вместо гласных здесь функционируют слогаобразующие сонанты и полугласные, поэтому большинство слогов являются полуоткрытыми. "Чисто закрытых" слогов нет и здесь. В итоге складывается впечатление, что во всех языках подавляющее большинство слогов являются открытыми или полуоткрытыми, т.е. такими, которые либо состоят из слогаобразующих сонантов, либо заканчиваются сонантами: назальными (N), сонорными (l, ɭ) или полугласными (w, ẁ). "Чисто закрытый" слог на несонорный согласный встречается в ЯБ крайне редко (как правило, только в заимствованиях или в звукоподражательных словах).

2. В связной речи ситуация изменяется. Так, в беембе (Н11) и вили (В 12) последний гласный в слове часто редуцируется или выпадает, появляются закрытые (в случае элизии гласного) или полузакрытые (при редукции гласного) слоги. В нзеби (В52) в финалях слов часто слышен редуцированный гласный э, поэтому открытый слог может превращаться в полуоткрытый. В дамба (М54) субъектный согласователь для 1-го лица ед.числа положительного спряжения Present Indefinite Tense сослагательного наклонения [77:290] представлен гоморганным слогаобразующим назальным N (m̄fwe ‘пусть я умру’, ɲɔye ‘пусть я съем’, ɲgwe ‘пусть я упаду’, ɲɔje ‘пусть я пойду’), который образует отдельный слог типа С; слогаобразующий назальный имеет вокалический резонанс в виде гласного i, и слог типа С звучит как слог ГС, т.е. im, in, inu, iɲ [77:21]. Кроме того, в ламба наблюдается также девокализация в устной речи слогов ti, si, которые в конце предложения звучат как закрытые (например, umuti ‘дерево’ произносится как umut’, pansi ‘внизу’ – как panʃ, и т.д.). Здесь мы имеем дело с закрытым слогом типа С или СС, где в качестве С выступает слогаобразующий неназальный согласный (t’), а в качестве СС – композита, состоящая из назального согласного и спира́нта (nʃ).

В связной речи на суахили закрытый слог также встречается чаще, чем при изолированном употреблении слов. Хотя большинство слогов в суахили, действительно, являются открытыми (СГ: ki-ja-na ‘юноша’; ПГ: mazi-wa ‘молоко’; Г: ni-a ‘цель’; ССФ: mwe-nda ‘идуший’; СПГ: mwe-nda; СССГ: kʃta:ki (наряду с kuʃta:ki; kuʃta:ki) ‘обвинять’; ССПГ: ngwe-a ‘становиться худым’), встречаются и закрытые: С – слог, представленный назальным сонантом m̄, ɲ, ɲu, ɲ: m̄-ti ‘дерево’, ɲ-je ‘наружная сторона’, ɲu-o-ka ‘змея’, ɲg-ge ‘скорпион’, и слог, заканчивающийся на назальный согласный: am-ka ‘проснись’, ni-lim-si-kia ‘я его слышал’ как допустимые варианты слогаделения в разговорном суахили (см. произношение basi и bas, kap-te-ni и т.п.).

Такие примеры можно привести и из других языков. Так, при изолированном произнесении слов в языках К и L все слоги являются открытыми. Повсеместно представлены шесть типов слога: Г (например, e в слове eswa ‘гнездо’, L23); СГ (mu-lo-bo ‘шип, колючка’, L23); ПГ (we-tu ‘наш’, L23); ССГ, где первый согласный является назальным, второй – назальным или неназальным (mpe-lu ‘жернов’, L23; nna-a-mi ‘это я’, L23); СПГ (mu-nwe ‘палец’, L23); ССПГ (mfwa-nda ‘порох’, L23). Однако в связной речи, где слогаделение взаимосвязано с ударением и интонационным рисунком слова, а также с ритмо-мелодической структурой всего предложения, появляются и иные типы слогов. В частности, в кван-гари (К33) фиксируются разновидности, не отмечавшиеся выше, – СГС

СПГС, где второй согласный является сонорным; например, слово *mururwani* ‘граница’ произносится как цепочка слогов *mu-gur-rwan-ni* Г 145’81 потому что слогораздел проходит внутри слогаобразующего сонанта и это вызывает его геминацию: одна часть сонанта как бы отходит к предыдущему слогу, он из открытого превращается в закрытый или полуоткрытый, а вторая произносится вместе со следующим слогом, и тот становится прикрытым.

Аналогично обстоит дело и в тех случаях, когда за сонантом следует согласный (в цепочках *mm*, *nn*, *ng*, *mb*, *nd* и т.п.), – слог C_n СГ превращается в два слога C_n – СГ. Явления этого типа наблюдаются во многих языках, например, в букусу (Е31с), мпонгве (В 11 а) и других языках группы мьене (В 11). Все перечисленные типы слогов могут стоять как в середине слова, так и в его начале. В начале и в середине встречаются также сочетания двух гласных, например, в языках групп К и L. Каждая из них произносится отдельно, дифтонги при этом не образуются: *diulu*, *miosa*, *aututa* в луба-катанга; *nzoolo*, *npaami*, *ooso* в сонге; *ootate*, *taalimi*, *kaiga* в квангари; *uakwata*, *vuala*, *paaru* в луба-касаи и т.п. Дистрибутивные возможности финалей слов крайне ограничены; повсеместно слово заканчивается на гласный, иногда в финалях слов стоят два гласных: *ibeu* в луба-катанга, *bau* в луба-касаи, *mvuu* в квангари и т.п. То же происходит в языках N и P, где подавляющим большинством слогов являются открытые; например, в ньянджа: 1) Г (а в слове *a-ta-te* ‘отец’); 2) СГ (*ta*, *te* в *a-ta-te*); 3) ПГ (*wi* в *ka-wi-ri* ‘дважды’); 4) ССГ (*mba* в *nyu-mba* ‘дом’); 5) СПГ (*mwa* в *mwa-na* ‘ребенок’); 6) ССПГ (*nkhwa* в *nkhwa-ngwa* ‘топор’). Кроме того, встречаются и закрытые слоги; это либо слогаобразующие сонанты (например: *ng-ombe* ‘бык’, *m̩-ma-so* ‘лицо’ в ньянджа,* *m̩-zū-ngu* ‘европеец’ в чева), либо редкие случаи слогов, заканчивающихся на согласный. Как правило, последний тип слога представлен в идеофонах (например, *chum* в ньянджа, *raf*, *kum* в чева, где *f*, *m* – глухие согласные). Закрытый слог, заканчивающийся на назальную фонему, отмечен как уникальное явление также в мвера (например, *lukom* ‘камень или булыжник, используемый в игре’).

Во всех языках данных групп слово может начинаться с любого гласного и согласного, а также с композиты, первым элементом которой является назальный или последним – полугласный (например, в ньянджа *mmisiri* ‘мастер своего дела’, *mtengo* ‘дерево’, *mbvula* ‘дождь’, *mwendo*

* Слогаобразующие сонанты в инициали слова – явление, распространенное во всех языках банту; в чева зарегистрирован случай слогаобразующего сонанта в финали слова: [tuɛŋ].

‘нога’, nyumba ‘дом’; в мвера: nnai ‘бамбук’, mbui ‘козел’, twanga ‘фунт зерна’, ntyale ‘скачок’, mnwele ‘свободный человек’). Оканчиваться слово может на любую гласную, а в некоторых языках – также на последовательность из двух или трех гласных фонем (в мвера: nnai ‘бамбук’. liau ‘сеть’, mwei ‘месяц, луна’; в ньанджа: siboo ‘сверление’, mseu ‘широкая дорога’, mau ‘слова’).

В юго-восточных языках большинство слогов также являются открытыми, однако встречаются примеры и закрытых. Как правило, это – слоги, состоящие из слогообразующих сонантов; например, в тсвана слог ɲ в слове thabeɲ, в сутою – ɾ в tserɾ (идеофон теплоты) или ɭ в mo-ɭ-lo ‘огонь’, в ронга – ɲ в mbɪlurɪɲ ‘в сердце’, в зулу – ɱ в идеофоне bámɱ ‘бам’, ɱ в идеофоне qhámɱ ‘неожиданное появление’, ɲ в ɲtambama ‘в полдень’, а также повсеместно – слогообразующие сонанты в составе префиксов именных классов, например, ɱ, ɲ в словах u-ɱ-ntu ‘человек’ в к’оса, ɲ-tlo ‘дом’ в сутою, u-ɱ-fula ‘река’ в зулу и т.п. Иногда наблюдаются и закрытые слоги типа СГС, где последний согласный часто является сонорным. Так, в к’оса финальный гласный i в ряде случаев элизируется, в результате два последних слога стягиваются в один: wami → wam ‘мой’, kumi → kum ‘мне’; аналогично: в середине слова может исчезать гласный и, например: wemuka → wemka ‘он ушел’, omude → omde ‘высокий’ и т.п. Особенно богаты примерами такого рода идеофоны.

Элизия гласного в финалях слов, в результате которой открытый слог трансформируется в закрытый, используется в поэзии как средство объединения отдельных слов в фразу, в которой значение и ритмо-мелодическая структура последующего слова как бы вливаются в предыдущее, "оборванное" на согласном, – например, в зулу: Ngifun’ ukuf’ usangithanda ‘Я при смерти, а ты все еще меня любишь...’ (Вилакази). Закрытый слог здесь является сигналом связности данной части высказывания, ее неразрывности и незаконченности; той же цели служит закрытый слог и в разговорной речи (см. примеры в [138:50-51]: Bayathanda ukuhamba → Bayathánd’ukuhamba ‘Они хотят идти’, Wenzela ukuба bavume akutshoyo → Wenzél’ukuба bavum’ akutshoyo ‘Он добивался, чтобы они согласились с тем, что он сказал’, и т. п.).

В начале слова могут стоять любые гласные, согласные, полугласные, сочетания двух гласных, согласных, гласных и полугласных, согласных и полугласных, слогообразующие сонанты и сочетания слогообразующих сонантов с согласными: utyani ‘трава’, kanti ‘но, даже’, wahamba ‘он пошел’, iorenji ‘апельсин’, linkomo ‘скот’, ndibona ‘я вижу’ в к’оса; ɱme ‘моя мать’, ɾga ‘мой отец’ в тсвана и т.п. В середине слова слог начинаться с гласного не может, в остальном тип слога в середине не отличается от

начала; например, в сутою: mo-ɭ-lo ‘огонь’, ho-ɭ-la ‘кричать’. В конце, как правило, представлены открытые слоги, но могут, как отмечалось выше, употребляться и закрытые. Регулярно они встречаются в сутою, ронга, тсвана и других языках, где локатив и 2-е лицо мн. числа императива выражены слогообразующими назальными сонантами; например, в сутою: metsiŋ ‘в воде’, rataŋ ‘любите’. В единичных случаях примеры этого типа представлены и среди других частей речи – существительных, наречий, местоимений, предлогов и идеофонов; в сутою: mong ‘хозяин’; в сев. диалектах тсвана: uaŋ ‘как’, uanoŋ) ‘сейчас’, kgoŋ ‘гну’, logoŋ) ‘палка’ – dikgoŋ) ‘палки’; в джонга: Bhanu laba m̩’bamaŋ ‘Кто эти люди?’; в ронга: mahlwen ‘перед’, tolwen ‘позавчера’, madambien ‘вечер’, boyaŋ ‘трава’, moboayaŋ ‘в траве’; в тсвана: muŋ ‘хозяин’ – beŋ ‘хозяева’, logoŋ – dikgoŋ ‘дрова’; в педи: mang ‘кто’, eng ‘что’, motseng ‘в деревне’ и т.п.

Кроме того, в юго-восточных языках, подобно остальным ЯБ, встречается девокализация финального гласного, особенно i, когда он имеет низкий тон; в этом случае конец слова произносится шепотом, и гласный может едва слышаться или вовсе не артикулироваться. Наиболее часто такие явления наблюдаются в словах иностранного происхождения, заканчивающихся на согласный в языке, из которого они заимствуются, и приобретающих финальный гласный при ассимиляции в банту; например, dzas(i) ‘пальто’ в зезуру, batʃ(i) ‘жакет’ в корекоре, маньика, каранга и ндау, rukitʃen(i) ‘место’ в зезуру, ŋgwarat(i) ‘разновидность антилопы’ в зезуру. Иногда девокализации подвергается и финальное u: buth(u) ‘ветер’ в бос’а, dab(u)dab(u) ‘идеофон отскакивания’ в зезуру. Примеры этого типа являются редкими; преимущественное же большинство слов в любой позиции имеют открытые слоги.

Отступления от слоговой структуры типа СГ встречаются в языках и других групп. Так, в дуала назальный в конце слова – обычное явление, например: ɪdɪŋ ‘миллион’, ɪdɪbwan ‘ключ (в замке)’, ɪbɔŋ ‘пуля’, m̩’bwan) ‘богатство’, ɲɔŋɲɔŋ ‘род’ и т.п. Кроме того, в связной речи происходит элизия финальных гласных и появляются закрытые слоги (moto абwam ‘хороший человек’ звучит как [mɔt’ абwam], muleedi a esukulu ‘школьный учитель’ – как [mɔlɛd ɛsɔkɔlɔ] и т.п.). Аналогичные закономерности отмечаются и в других языках подгрупп А 10, А20 и А30. В А60 закрытый слог не встречается [87]. Наоборот, в А40, А70 и А90 он наблюдается часто (в середине и конце слова), а в А50 и А30 – повсеместно (в любой позиции). Так, в эвондо (А72а), наряду со словами mvú ‘собака’, zě ‘леопард’, и др., имеющими структуру СГ, функционируют слова díś ‘глаз’, ɲát ‘буйвол’, dzóm ‘вещь’, máŋ ‘море’ и т.п. со структурой СГС, где последний согласный может быть не только назальным.

Еще больше закрытых слогов в связной речи – за счет элизии финальных гласных, например: Kèl' syé mendim 'Принеси воды', Mak'ā fos 'Я иду на почту', Angel' ôyo 'Он еще спит' и т.п.

Вообще рафинированный открытый слог (см. шесть типов структур, перечисленных выше) встречается в связной речи на ЯБ реже, чем это может показаться при ознакомлении с отдельными словами из этих языков, поскольку к указанным шести типам часто добавляются не менее употребительные структуры полуоткрытых слогов: СГСсон, СПГСсон, ГСсон, Ссон, и т.п., где Ссон – любой сонорный согласный. Если открытый и полуоткрытый слог записать одинаково (например, СГ, где С – любой согласный, а Г – гласный, полугласный, редуцированный гласный, сонорный согласный, слогаобразующий сонант или их цепочка), связную речь на ЯБ можно зафиксировать в виде СГСГСГСГСГ...

3. В большинстве языков слово может начинаться на любой согласный, гласный и полугласный. Во многих языках в инициалах слов могут стоять, кроме того, два гласных (например, в квангари (К33) каждый из гласных произносится отдельно, дифтонги не образуются; в гикую (Е51) возможно образование дифтонгов), композита типа СнС (кураи, гикую) или типа СП (языки группы N, P, и т.д.), т.е. ограничений на инициали слов в ЯБ нет. Иное дело – финали. В большинстве случаев слово может заканчиваться любым гласным, но в пуну (В43) в финалях слов зафиксированы только гласные а, і, у (другие гласные здесь стоять не могут). Кроме того, в финалях слов не бывает не-сонорных согласных, а в большинстве языков – и полугласных. Редко встречаются также случаи, чтобы слова заканчивались двумя или тремя гласными, хотя примеры этого типа наблюдаются в кураи, гикую и некоторых языках N, P, S, а также долгими гласными или дифтонгами. Исключения из этого правила представлены в В72, В76, В78, S10 и некоторых других; например: mhoi 'страус' в зезуру и mhoi в остальных диалектах шона; zoì 'слон' в каранга – pzoì в зезуру; maì 'мать' в зезуру и маньика; fai 'злой дух' в маньика – zaì в зезуру, хотя -bgaírá 'моргать', -taírá 'говорить', -panaírá 'ходить вперевалку' и т.п. в зезуру.

4. Наиболее распространенными являются трех-четырёхсложные слова, но есть слова и с большим количеством слогов (например, с шестью и более в руанда). Односложными или двусложными повсеместно являются служебные слова (предлоги, союзы, местоимения, наречия, дефективные глаголы) и многие идеофоны. Как правило, односложный характер наблюдается также у частиц и морфем (грамматических формантов и некоторых корней или основ существительных и глаголов). Особенно много односложных слов в мфину (В83) и в языках подгрупп А70 и А80,

в остальных языках односложных слов и основ мало. При соединении двух слогов во всех языках происходит взаимоуподобление их звуковых обликов; например, в кукуя (В77а) согласные двух соседних слогов становятся одинаковыми по месту образования; в гикую (Е51) происходит ассимиляция тоном на стыке основы и префикса; в букусу (Е31с) высокая тонема уподобляется предшествующей низкой; в чева (N31b) низкая тонема превращается в высокую, если попадает в окружение высоких; в ганда (Е15) наблюдается гармония гласных вследствие приспособления префиксных гласных к гласным основы, и т.д.

§ 2. Основной тон и его регистровые особенности

1. Во всех ЯБ тон различается по высоте. При этом релевантной оказывается только относительная высота слогов (см. материалы языка кукуя). Два тона: высокий (В) и низкий (Н) зафиксированы во всех группах. В некоторых языках проводится более дробная дифференциация; например, в богонго (С12b) выделяются более высокий и менее высокий тон, во многих языках групп Е, F фиксируется три тона: высокий (В), средний (С) и низкий (Н); в некоторых языках группы М, кроме высокого и низкого, отмечается средне-высокий (сВ) и средне-низкий (сН) тон; в дуала различаются 5 типов тона: низкий (à), средний, высокий (á), восходящий (ã) и нисходящий (â). Самостоятельный тон могут иметь не только гласные, но и назальные согласные; например, в словах *mòm* 'самец', *túj* 'хижина', *inoŋ* 'птица' финальные назальные имеют собственный тон – низкий (*m*) и высокий (*n*, *ŋ*). В зулу [79] зарегистрировано 9 ступеней тона: с самым высоким – 1-й ступени и с самым низким – 9-й.

Кроме высоты, обычно вводится еще ряд признаков, которые считаются релевантными для описания тона. Это – различение тонов по интенсивности (например, сильный-слабый, долгий-короткий в руанда), по направленности (однаправленный-разнонаправленный, – см. принципы сложения однонаправленных и разнонаправленных тоном в С, Д, Е, F, К, L и др.) и по степени стабильности или изменчивости; ровный тон обычно противопоставлен изменяющемуся, который имеет две разновидности: повышающийся (или восходящий, *Vc*) и понижающийся (или нисходящий, *He*). Например, в букусу фиксируются два изменяющихся (скользящих, глайдовых) тона: высокого и низкого регистра. Существенным признаком тональной системы руанда является интенсивность тона, однако экспериментальных данных по различению долгой и краткой интенсивности тона пока нет. По-видимому, с интенсивностью тона

связаны долгота и краткость гласных (в [79] фиксируются 10 гласных фонем: а, е, о, í, у и их долгие соответствия; отмечается, что долгота гласных в руанда имеет фонематический характер): долгие гласные обычно являются не только носителями высокого тона, но и долгой его интенсивности, а краткие гласные – носителями низкого тона и более краткой интенсивности (например, последний слог может иметь только низкий краткий тон).

Часто для описания тона используются оба признака – высота и степень стабильности. Например, в гикую выделяются три ровных тона: высокий, средний и низкий и два скользящих – восходящий и нисходящий; в ламба и других языках группы М – четыре ровных тона: высокий, низкий, средне-высокий, средне-низкий и два скользящих: восходящий и нисходящий. В некоторых языках отмечается, что высокий и низкий тоны – простые, а восходящий и нисходящий – сложные, каждый из которых можно представить как результат композиции простых тонов. Например, в чева восходящий тон во всех словах, кроме идеофонов, рассматривается как следствие сращения двух противоположных тоном ровного тона – высокой и низкой; более сильной оказывается высокая тонема, результирующая становится также высокой, от низкой остается нисходящий глайд. При определенных условиях нисходящий тон в чева может быть также представлен как результат слияния высокой и низкой тоном. В идеофонах восходящий и нисходящий тон не производный (результат сращения), а исходный.

Гласный, который имеет восходящий или нисходящий тон, возникший вследствие слияния высокой и низкой тоном, является долгим; в нсенга этот гласный произносится как композита, состоящая из двух частей с тонемами противоположного направления, в других языках раздельность произношения может отсутствовать. В луба-касаи не только восходящий и нисходящий тон считаются результатом композиции высокого и низкого, а и средний рассматривается как следствие перехода от высокого тона к низкому; в силу этого в луба-касаи выделяются два простых ровных тона: высокий и низкий и три сложных: средний (ровный), нисходящий и восходящий (скользящие).

В подгруппе суто-тсвана высокий, средний и низкий тоны обычно бывают статичными. Низкий тон отмечается только в последнем слове предложения, остальные слоги, кроме предпоследнего, произносятся высоким или средним тоном. Предпоследний слог, который является долгим и ударным, характеризуется динамичным тоном: он бывает либо нисходящим (от высокого к низкому: рú:là 'дождь', от высокого к среднему: lejó:ra "жажда", от среднего к низкому: foba:là 'читать'),

либо восходящим (от среднего к высокому: *po:ká* ‘река’). Восходящий тон предпоследнего слога по абсолютной величине оказывается более низким, чем восходящий тон других слогов, но значение имеет только относительная высота тона того или иного слога в слове, а не его абсолютная высота. Аналогично: деление тона на высокий, средний и низкий не является абсолютным, а обусловлено спецификой каждого языка; например, в педи средний тон значительно ниже, чем в других языках этой подгруппы.

Кроме этих тонов, засвидетельствованы и более сложные динамические тоны – циркумфлексные; например, в педи встречается тон, который начинается в среднем регистре, затем слегка поднимается и снова падает до уровня, находящегося немного ниже среднего регистра (ср. *lɔ:ʔo* ‘голова’ в педи с *lɔ́:fo* в суюю). Другим примером в педи является циркумфлексный тон, который начинается ниже среднего уровня, поднимается до среднего уровня и затем снова падает, доходя до самого низкого тона (ср. *βuǎ:ŋ* ‘трава’ в педи и *vozá:ŋ*, *voza:ŋ* в тсвана). Особенно много таких примеров в зулу (например, *umandlulelo* “результат”: (5)-(5)-(5)-(3-8)-(9), *imbuzi* ‘козел’: (3)-(8-3-8)-(9) и т.п.).

2. Во всех современных ЯБ тон служит средством смысловозначительных оппозиций, однако место таких оппозиций в структуре различных языков не одинаковое. Значимость тона для установления грамматических противопоставлений отмечается повсеместно: в частности, тон релевантен при спецификации форм глагольного спряжения, особенно при фиксации типов глагольного действия и образования прошедших времен. Значительно реже регистрируется роль тона при установлении минимальных лексических пар, например: *umutendè* (СССН) ‘летающий муравей’ – *umutèndè* (ССНН) ‘приветствие’, *ukukulà* (ССНН) ‘расти’ – *ukukulá* (СССН) ‘тащить’ в ламба (М54); *umulámbà* (ННВН) ‘большое копье’ – *úmulámbà* (СНВН) ‘пояс’ в ныха (М23) и т.д. Лексические оппозиции, основанные на противопоставлении тоновых контуров слов при одинаковом фонемном составе часто наблюдаются в дуала: *mbá* ‘я’ – *mba* ‘туман’ – *m̃bá* ‘насморк’; *módj* ‘самка’ – *módj* ‘месяц’ – *modj* ‘стебли для плетения циновок’; *mongò* ‘копье’ – *móngò* ‘твой’ – *mongo* ‘спина’; *múdj* ‘сторона’ – *mudj* ‘ураган’ – *m̃dj* ‘дым’ – *mudj* ‘душа’; *sóngo* ‘твой отец’ – *songo* ‘могила’ и т.п. В эвондо, где гоморганные назальные функционируют как показатели не только 9-10-го, но и 1-го, 3-го классов, префиксы дифференцирует тон: существительные 1-го, 3-го классов имеют префиксы низкого тона (*m̃fùm* ‘белый’, *Ntánán* ‘европеец’), а существительные 9-10-го – префиксы высокого тона (*m̃vú* ‘собака’, *hát* ‘буйвол’). Примером использования тона в сфере лексических оппозиций являются такие пары слов из языка руанда: *inkoko* (– ^ –) ‘курица’ – *inkoko* (– – –) ‘блюдо’;

ikirere (– – ^ –) ‘пространство’ – ikirere (– – – –) ‘лист банана’; inda (^ –) ‘живот’ – inda (– –) ‘вши’; чева: tsōnde ‘пожалуйста’ – tsōnde ‘плодородная почва’; m̄tēngō ‘дерево, дрова’ – m̄tēngō ‘цена’; ní (ná) ‘и, с’ – ní(na) ‘быть’; k̄tī ‘сказать’ – k̄tī ‘где?’; masāno ‘сестра верховного правителя’ – masāno ‘могила’; m̄tōndo ‘ступка’ – m̄tōndo ‘разновидность дерева’; βálīrō ‘когда они существовали’ – βálīrō ‘они существовали’ (высокий тон обозначается штрихом над гласным, низкий тон не фиксируется); мабиха: liyūngu ‘пространство под кроватью’ – liyūngu ‘бамбук’; indāla ‘палочка для размешивания каши’ – indāla ‘голод’; āβō ‘те’ – āβō ‘их’; ūwē ‘падай’ – ūwē ‘умри’; βālōta ‘они хотели’ – βālōtā ‘когда они хотели’.

Как средство различения лексических и грамматических значений, тоновые контуры в языках группы S выступают обычно в единстве с долготой гласных и ударением. Однако встречаются и чисто тоновые оппозиции. Иллюстрацией смысловозначительной функции тона в лексике и грамматике являются следующие примеры: úbonile ‘он видел’ – ùbonile ‘вы видели’, ndiboné ‘я видел’ – ndibonè ‘что я мог видеть’, umzì ‘тростник’ – umzì ‘крааль’, imbàli ‘история’ – imbàli ‘хороший писатель’, ulúsù ‘желудок’ – ulùsú ‘кожа’ в к’оса; kè ‘я’ – ké ‘это’, ò ‘ты’ – ó ‘он’, sà ‘нет’ – sá ‘еще’ в сутою; γà ‘нет’ – γa ‘если, когда’, sèγa ‘смейся’ – sèγa ‘режь’, nná ‘я’ – ñnà ‘садись’, sà ‘нет’ – sâ ‘еще’, βóna ‘смотри’ – βoná ‘они’, thàβa ‘радуйся’ – thàβa ‘гора’ в педи; pitsé ‘лошадь’ – pitsè ‘горшок’, metsé ‘вода’ – metsè ‘города’, nná ‘я’ – nnà ‘садись’, ntló ‘иди сюда’ – ntlò ‘дом’ в тсвана.

Хотя в языках В, С, D, Е, F, М, N, Р и S отмечаются примеры лексических оппозиций, различия в значении которых фиксируются только с помощью тона, их удельный вес невелик (есть языки, в которых выделяется всего несколько слов, образующих минимальные регистровые пары, члены которых различаются по смыслу; в остальных языках их зарегистрировано около ста или больше). Особенно широко в таких оппозициях используется противопоставление гласных ровного тона гласным скользящего тона. Все остальные характеристики, которые сопровождают тоновые оппозиции, обычно воспринимаются как второстепенные и соотносятся не с тоном, а с ударением, пролонгизацией гласных или изменением их раствора. Поэтому большинство минимальных пар, служащих для различения смысла слов в современных ЯБ, используют противопоставления слогов не по тону, а по комплексу супрасегментных характеристик, – например, по тону, ударению и долготе гласного (см. материалы языков N, Р) или по тону и долготе гласного (в группе М и др.), и т.п. Поэтому "чисто тональные" смысловозначительные противопоставления играют относительно небольшую роль, а наиболее

важными оказываются оппозиции, построенные при учете комбинации тона и других признаков – долготы гласного, места ударения в слове и качества гласного. Кроме того, сфера использования регистровых средств становится все уже. Фактически неизменной она остается только в подсистеме глагольных форм, которые, как и вся категория аспекта, относятся к одной из наиболее реликтовых областей глагольного спряжения.

3. Каждое предложение имеет определенный тоновый контур. Тоновые контуры одного и того же предложения, переведенного на различные языки, могут быть не одинаковыми, но существуют характеристики, которые являются общими для всех языков. Они выступают как универсальные свойства регистрового механизма. Так, каждый язык имеет набор регистровых моделей для предложений в зависимости от типа высказывания и коммуникативной установки говорящего: во всех языках существует, по крайней мере, два типа тона – нормальный и эмфатический (кроме того, может выделяться и иной тип, например, саркастический тон в мабиха) и минимум четыре разновидности тоновых контуров в каждом из этих типов соответственно для утвердительных, вопросительных, отрицательных и побудительных предложений. Есть языки, в которых известны не четыре разновидности, а больше; например, в гикую предложения, содержащие общий вопрос, имеют один тоновый контур, а предложения со специальными вопросами – иные; аналогично в составе отрицательных предложений выделяются отрицательные суждения, негативные аксиомы, частно-отрицательные предложения и т.п.

В каждом языке представлен набор тоновых контуров на уровне словосочетаний; повсеместно выделяются минимум четыре тоновых контура: а) субъектный, который характеризует двучленную синтагму, имеющую подлежащее и сказуемое; б) объектный – в двучленной синтагме, состоящей из сказуемого и дополнения; в) посессивный – у существительного в посессивной форме; г) копулятивный – у существительного в копулятивной форме. В некоторых языках спецификация идет дальше, и каждая из синтагм имеет определенный, присущий только ей тоновый контур. Повсеместно также отмечается противопоставление трех позиции в предложении: его начало, середина и конец. Тоновый контур словосочетания и отдельного слова варьирует в зависимости от того, в какой из этих позиций оно находится.

4. Каждое слово, взятое в изоляции (вне текста), имеет свой собственный тоновый контур. Например, в квангари существительные с двусложными основами имеют [145:7] при произнесении в изоляции от других слов два тоновых контура: НВН (например, siróngo ‘земля’, 7-й кл.)

и ННВ (например, *sirudí* ‘остров’, 7-й кл.), т.е. у всех двусложных существительных наблюдаются глайдовые основы (ВН нисходящего или НВ восходящего тона) и префиксы низкого тона. Так же обстоит дело и с глагольными основами. Когда слово употребляется в речи, его тоновый контур изменяется в зависимости от того, в какую синтагму оно входит, в какой позиции от начала предложения употребляется и в составе высказывания какого типа функционирует. В силу этого у каждого слова есть регистровая парадигма. Например, в сутою слово *mo:tho* ‘человек’ имеет следующую парадигму тоновых контуров: в изолированном употреблении и в предложении *Kémo:tho* ‘‘Это человек’’ – НН, в словосочетании *ɲwaná ðamò:tho* ‘ребенок человека’ – ЁНН, в словосочетании *motho ó'mohò:lo* ‘человек большой’ – СС, в словосочетании *ɲwaná ðamóthó ó'mohò:lo* ‘ребенок человека большой’ – ’ВВ, в предложении *Kémotho* ‘‘Это человек?’’ – СН, в предложении *Kéɲwaná ðamó'thó* ‘‘Это ребенок человека?’’ – В’В.

Исходными формами этих парадигм исследователи конкретных языков называют обычно тоновый контур слова, взятого в изоляции (в словаре). Исходной формой в регистровой парадигме существительного считают либо тоновый контур словарной формы существительного, либо тоновый контур существительного в позиции прямого дополнения в общеутвердительном не-эмфатическом предложении.

Так, в качестве исходной формы можно принять тоновый контур слова, стоящего в конце общеутвердительного предложения. Производными в этом случае будут тоновые контуры слова в начале или в середине утвердительного предложения, а также в конце вопросительного, восклицательного или побудительного. Каждое существительное, как и любое другое слово, имеет свою тоновую парадигму, и можно выделить классы существительных с одинаковыми парадигмами. Эту процедуру можно проводить по-разному. Например, если за исходную форму в тсвана принять тоновый контур основы существительного в конце утвердительного предложения, получится 41 класс существительных [94]. Не менее сложной выглядит тональная система также в том случае, если в качестве исходного принят тоновый контур слова в изолированном употреблении.*

Однако все изменяется, лишь только начинает учитываться следующая закономерность [131:104]: в языках суто-тсвана, если основа существительного является многосложной, тональные модификации затрагивают только последние ее два слога. При этом основы с различными

* Так, в шангана-тсонга [92: 205-244] идеофоны распределяются на 33 группы (в том числе, по 7 групп выделяется у односложных и двусложных идеофонов, 9 групп – у трехсложных и 10 – у остальных).

тоновыми контурами, взятые как единое целое в изолированном употреблении, выявляют одинаковую предрасположенность к тональным преобразованиям финалей. Поэтому принятие в качестве исходной интонационной структуры тонового контура последних двух слогов существительного, выступающего, например, в роли подлежащего, дает возможность все существительные языков суто-тсвана разбить в зависимости от тонового контура их финалей всего на четыре типа: 1) ВВ'; 2) В'В'; 3) СС; 4) СВ', где В – высокий тон, С – средний, апостроф – переход на следующую интонационную ступень.

В 1-ю группу в сутою попадают, например, существительные khudu 'черепаха', letsóhò 'рука', lebese 'молоко', phóǎfòlò 'животное', поскольку в позиции подлежащего, т.е. в конструкции NV, где сказуемое V начинается с субъектного согласователя с тоновым контуром В, все эти существительные имеют тоновые контуры с одинаковыми финалями В': letsóhó' – СВВ', khúdu' – ВВ', lebése' – СВВ', phóǎfóló' – ВСВВ'. Во 2-й группе оказываются món'ná 'мужчина', mósa'dí 'женщина', lefátshé' 'земля' и т.п. с тоновыми контурами СВ'В' и тоновыми контурами двух последних слогов В'В', в 3-й – tlhapi 'рыба', leǎodu 'вор', mollò 'огонь', kxhólofediso 'обещание' и т.д. с тоновыми контурами СС, ССС, СС, ВСССС и тоновыми контурами финалей СС, в 4-й – pholó' 'бык', letsatsí 'солнце', zwaǎ 'трава', motshéharé' 'день' с тоновыми контурами СВ', ССВ', СВ', СВСВ' и тоновыми контурами финалей СВ'.

Соответственно в тсвана и педи существительными 1-й группы являются слова типа khúǎ, khúǎ 'черепаха', letǎxò, letǎǎó 'рука', lobése', leβése' 'молоко', phóǎfóló', phóǎfólò 'животное', с тоновыми контурами финалей СС'; 2-й – món'ná, món'ná 'мужчина', mosá'ǎi, mosá'ǎi 'женщина', lefá'tshé', lefá'sé' 'земля', с тоновыми контурами финалей В'В'; 3-й – tlhapi, lapi 'рыба', lehoǎ, lehoǎ 'вор', molelo, mollò 'огонь', tǎhólofeliǎ, khólofeliǎ 'обещание', с тоновыми контурами финалей СС; 4-й – pholó', pholó' 'бык', letsatsí, letǎtǎi 'солнце', bozaǎ 'трава', motshéharé', moséǎaré' 'день', с тоновыми контурами финалей СВ'.

Существительные 1-й группы, когда произносятся в изоляции или попадают в конец предложения, изменяют тоновый контур финалей ВВ' в $\hat{V}NH$; например, слово khudu 'черепаха' в конце предложения имеет нисходящий тон на предпоследнем долгом слоге и низкий на последнем кратком слоге – khú:dù. Аналогично: letsô:fî, lebé:sè, phóǎfô:lò в сутою, khú:lù, letǎ:xò, lobé:sè, phóǎfô:lò в тсвана, khú:lù, letǎ:ǎó, leβése, phóǎfô:lò в педи. Существительные 2-й группы изменяют тоновый контур В'В' в $\hat{V}NC$: например, в сутою предпоследний слог существительного 2-й группы monna произносится нисходящим тоном, а последний –

средним (предпоследний слог становится долгим, последний – кратким): moŋ:na. Аналогично: mosâ:di, lefâ:tshe, phô:ko в сутою и их соответствия в тсвана и педи, приведенные выше.

Преобразование тонового контура существительных 3-й группы имеет вид: СС → ĈНН, т.е. предпоследний слог такого существительного, как tlhapi в сутою, артикулируется нисходящим тоном (от среднего к низкому), а последний – низким: thlâ:pi (аналогично lefô:dù, mol:lò, kxhólófedî:sǒ в сутою и их эквивалентам в тсвана и педи). Тоновый контур существительных 4-ой группы СВ' преобразуется в НВ'В: так, в существительном phô:'lò (сутою) предпоследний слог произносится восходящим тоном, а последний (после достижения новой интонационной ступени) – высоким: phô:'lò. То же происходит в тсвана и педи. При переходе от утвердительных предложений к вопросительным, восклицательным или побудительным осуществляются следующие тональные модификации: 1) ВВ' → ВН; 2) В'В' → ВВ или В'В; 3) СС → СН; 4) СВ' → 'СВ, например: 1) Aonwá'lebésè 'Вы пьете молоко?', 2) Bóná 'basá'dí; bóná 'basádí 'Посмотри на женщин', 3) Tswhárá tlhapi 'Лови рыбу', 4) Orékilé' pholó 'Ты купил быка?'

Если многосложное существительное входит в состав посессивной конструкции и за ним следует посессивная частица, которая всегда воспроизводится высоким тоном, контуры финалей существительных ведут себя следующим образом: 1) ВВ' → ВС, 2) В'В' → ВС, 3) СС → СС, 4) СВ' → СВ, т.е. существительные 1-й, 2-й и 4-й групп теряют способность понижать интонационную ступень своих соседей справа, а существительные 3-й группы в этой ситуации не изменяют своих тоновых контуров; например, в сутою: 1) letsóhó'le 'lefô:lò 'рука – большая', но letsóhó lá'moŋ:na 'рука мужчины', 2) mosá'dí óabî:na 'женщина поет', но mosá'dí óámô:tse 'женщина из деревни', 3) seatla sésefô:lò 'рука большая' и seatla sámósô:thò 'рука суто', 4) pholó 'e'mâ:tla 'бык сильный', но pholó éámógé:nà 'бык вождя'.

Префиксы существительных в суто-тсвана* имеют средний тон,** но этот тон может изменяться в зависимости от тона основы и позиции существительного в предложении следующим образом.

* В к'оса префикс всегда противостоит по тону основе: перед основами с инициальным слогом высокого тона стоит префикс, заканчивающийся слогом низкого тона, и наоборот. В зулу префиксы, как правило, имеют высокий или средний тон (в изолированном употреблении).

** Кроме префикса bó (мн.ч. от некоторых существительных 1"а" кл.) и префикса bá, употребляющегося в названиях племен, по происхождению также принадлежащих к 1"а" кл.

Если существительному любой из четырех групп предшествуют посессивный формант, союз lé ‘и’ или предлоги по ‘к’, то ‘среди’, которые всегда имеют высокий тон, тоновый контур префикса остается неизменным перед основами начинающимися на слог высокого тона, и повышается перед основами имеющими в начале слог среднего тона; например, в сутою: morádi óá moń’ná ‘дочь мужчины’, но morádi óalésodu’ ‘дочь вора’, metsé lémoń’ná ‘вода и мужчина’, но metsé lé mólló’ ‘вода и огонь’ (после посессивной частицы óá и союза lé ‘и’ префикс то в слове mopna произносится средним тоном, как и в других позициях; наоборот, в словах léfodu и mólló средний тон префиксов lé, то изменяется в высокий, если существительным предшествует посессивная частица óá или соединительный союз lé).

Таким образом, в суто-тсвана тональные преобразования затрагивают только инициаль (префикс) и финаль многосложных существительных, их "середины" остаются неизменными (в частности, если основа состоит из трех и более слогов, тоновый контур начала основы тональным модификациям не подвергается). В отличие от многосложных, для односложных существительных возможна такая ситуация, при которой один и тот же слог попадает под воздействие тоновых контуров соседей существительного слева, поскольку этот слог является префиксом, и соседей справа, потому что в двусложном слове он оказывается последним. В силу этого односложные существительные и их тоновые парадигмы должны рассматриваться особо и к перечисленным выше четырем группам многосложных существительных добавляются еще две группы односложных существительных: 5) существительные с основами высокого тона В; например, в сутою: ntšá’ ‘собака’, mofú’ ‘тело, корпус’, borwá ‘юг’; в тсвана: ntšá’, mofwí’, borwá’; в педи: mpršá’, mofyí’, borwá’; 6) существительные с основами среднего тона С; например, в сутою, тсвана и педи: motho ‘человек’, motse ‘деревня’, ntio ‘хижина’.

Слова последних двух групп испытывают следующие тональные преобразования: попадая в конец предложения, а также перед посессивными частицами, существительные 5-й группы изменяют тоновый контур своей финали В’ в В: kebetsa n̂:ʧǎ ‘я бью собаку’, а существительные 6-й группы перед посессивными частицами остаются неизменными, но в конце предложения преобразуют тоновый контур С в Н: kén:tlò ‘это – хижина’. В восклицательном, вопросительном или побудительном предложении существительные 5-й группы имеют тоновый контур финали В: Aobetsa n’ʧǎ ‘Ты бьешь собаку?’, а существительные 6-й группы – контур Н: Kéntlò ‘Это хижина?’.

В отличие от многосложных существительных, после посессивных частиц, союза lé и предлогов kó, mó, у односложных существительных

изменяются тоновые контуры не только префиксов, но и финалей. Так, в сутою и тсвана тоновый контур существительных 5-й группы СВ' преобразуется в $\hat{C}ВН$, а в педи – в $\hat{C}ВН$; в сутою: moí'ná lé'n:tʃà 'человек и собака', moɦatlà ðàntʃã 'хвост собаки' и их эквиваленты в педи: moí'ná lé'm:pʃã, moséla ðá'mpʃã.

У существительных 6-й группы тоновый контур СС видоизменяется в В'В или в ВС в зависимости от того, входят они в состав предикативной или посессивной синтагмы; ср. в предложениях Lematí lán'tló lé 'lefô:lò 'дверь хижины большая' и lematí lán'tio éámóǵ:nà 'дверь хижины вождя' (сутою) тоновые контуры слова lantio в составе предикативной синтагмы ВВ'В и в составе посессивной синтагмы ВВС.

Деление существительных на шесть тональных групп основывается на свойствах звукового (интонационного) облика слов и не зависит от семантики существительных (в каждой из групп есть существительные различных именных классов, одушевленные и неодушевленные, названия людей и вещей, и т.п.), их происхождения (заимствованные слова встречаются в каждой из групп, наряду с исконными) и морфологической структуры (существительные, образованные от других частей речи, попадают в одну группу с первообразными существительными; например, в составе 1-й и 3-й групп есть много двусложных отглагольных дериватов, в составе 2-й и 3-й – трехсложных, в составе 5-й и 6-й – односложных и т.п.).*

Аналогичные наблюдения над глаголами показывают, что во всех юго-восточных языках глаголы делятся на две группы: с основами низкого тона и с основами высокого, среднего или нисходящего тона, например, в к'оса глагол ukiбона 'видеть' имеет тоновый контур – $_ \backslash _$, т.е. ВН $\hat{В}$ НН, где $\hat{В}$ Н – нисходящий тон, а глагол $\hat{u}k\hat{u}l\hat{i}ma$ 'пахать' – тоновый контур – $_ _ _$, т.е. ВВНН.** Аналогично: в зулу ukiбона ВВ $\hat{В}$ НН и ukulima ВВНН, в венда uvhona НВВ и ulima ННН, в маньика kuona НВВ и kurima ННН, в кгатла gubona НВВ и gulima ННН. Часто между существительными 15-го кл. и инфинитивами имеются тональные различия. Так, в к'оса существительные 15-го кл.,

* Интонационные типы взаимосвязаны с фонетическими особенностями слов; так, в к'оса среди глаголов типа ukiбона нет слов, основы которых начинаются на звуки g, gc, gq; тоновый контур ВВСН имеют, как правило, основы с кликсами и т.п.

** В к'оса, кроме глаголов с основами низкого тона ВВН $\hat{Н}$ и основами глайдового нисходящего тона типа ВН $\hat{В}$ НН, есть глаголы с тоновым контуром – $_ _ _$ ВВСН, например, $\hat{u}k\hat{u}b\hat{e}t\hat{h}a$. 'бить'; они являются разновидностью глаголов с основами нисходящего тона. В ламба (М54) аналогами этих слов являются глаголы с долгими гласными в первом слоге основы; в других юго-восточных языках они не отличаются от глаголов с основами не-низкого тона.

соответствующие глаголам типа ūkūlima, имеют такой же тоновый контур, как инфинитивы, т.е. ВВНН – _ _ _ , но аналогам глаголов второго типа (ūkubona ВНВНН – _ \ _) присущ иной тоновый контур, чем инфинитивам, – ВНВВ, например: ukubona ‘видение’ – _ _ _ _ .

Прибавление локативного суффикса ŋ, который имеет низкий тон, ведет к преобразованию последнего слога существительного, становящегося предпоследним и изменяющего свой тон из высокого или среднего в нисходящий, например, в тсвана: nóká ‘змея’ → nókê:ŋ, lenyó’rá ‘жажда’ → lenyóre:ŋ, molomo ‘рот’ → molomô:ŋ, thaba ‘гора’ → thabê:ŋ, thabeŋ. В диминутивном суффиксе -ana первый слог обычно элизируется, тон второго слога зависит от тонового контура основы (ср. в сутою morírí ‘волос’ – morítshá’ná, modí’sá ‘пастух’ – modísana, maru ‘облака’ – marwana, leotó ‘нога’ – leotwáná). Суффикс -nyana имеет тоновый контур В’В с существительными 4-й группы или СС (СС’) с существительными остальных групп, например, в сутою: modí’sanyana’, marunyana, leotónya’ná. Когда слово с суффиксом -ana или -nyana попадает в конец предложения, его предпоследний слог произносится нисходящим, а последний слог – низким тоном, например: modisâ:nà, modí’sanyá:a:nà.

Сопоставление тоновых контуров слов, занимающих в предложении различные позиции, показывает [131:111], что динамический тон предпоследнего слога в финали предложения (нисходящий или циркумфлексный восходяще-нисходящий) является производным от высокого или среднего в зависимости от высоты, с которой начинается падение тона. Статический тон последнего слога возникает в результате понижения высокого тона у существительных 1-й, 2-й и 4-й групп и среднего тона у существительных 3-й группы.

Наблюдения над другими языками группы S позволяют установить в них аналогичные закономерности. Так, в сутос двусложные существительные разбиваются на семь групп в зависимости от того, как видоизменяются их тоновые контуры [147:246]: 1) ВН → ВВ. thókò ‘сторона’; 2) ВВ: thókó ‘шитье’; 3) НН: thàbà ‘гора’; 4) НН → НВ: tsèlà ‘дорога’; 5) НВ: tàú ‘лев’; 6) Н’ВН: mǎya ‘воздух’, ‘дыхание’; 7) Н’ВН → ВН: ìxhò ‘голова’.

5. Аналогично: корень или основа, рассматриваемые в изоляции (в словаре), также имеют свои тоновые контуры. Например, в ганда все основы существительных делятся на две группы: 1) со слогами постоянно высокого тона (их начало и конец произносятся в одном и том же высоком регистре); 2) с глайдовым началом, при котором основа начинается слогом высокого тона, а продолжается слогом низкого тона.

Обозначая высокую тонему буквой В, низкую – Ни среднюю – С, мы получаем такие группы: для односложных корней – В (например, -fo); для двусложных – ВВ (-alo, -bamba), ВН (-kubwà, -kâ); для трехсложных – ВВВ (-waabo, -kyawa, -ggala), ВНС (-yîisa, -wâmba, -yig_ga); для четырехсложных – ВВВВ (-saanira, -bajira), ВНСС (-buùlira, -sûnsula, -tik_kira, -ddùgula, bonèrezo); для пятисложных – ВВВВВ (-nnanfuusi), ВНССС (-saànikizo, -bânduliro), и т.д.

В некоторых языках отмечается, что тон корней стабилен, а тон остальных морфем варьирует в зависимости от их грамматической функции и положения в слове; в других языках тон корней и основ в отдельных словах также может видоизменяться под влиянием соседних морфем. В случае языков со стабильным тоном корней говорят о лексическом тоне корней или основ и грамматическом тоне морфем. Например, в луба-касаи выделяется четыре разновидности тона: высокий (В), низкий (Н), восходящий (НВ) и нисходящий (ВН).^{*} Основы слов (в том числе, односложных) имеют собственный тон, тон остальных морфем изменяется в зависимости от их типа и положения в слове, поэтому отмечается, что основы имеют независимый "лексический" тон, а остальные форманты – "грамматический" [72:43]. Так, всем корням глаголов с начальным гласным присущ высокий тон, тон остальных морфем в глаголе определяется их грамматической функцией. Существительные имеют основы с различными тоновыми контурами; у основ существительных 1-2-го классов встречаются тоновые контуры: В (-ntu 'человек'), Н (-kwe 'зять'), ВВ (-eni 'чужеземец'), НН (-ɲaɲa 'доктор'), НВ (-ana 'ребенок') и др. Аналогично: у основ существительных 3-4-го классов – В (-nu 'палец'), Н (-tu, -twe 'голова'), ВВ (-tunda 'муравейник'), НН(-jinda 'пальмовое масло'), НВ (-fuba 'кость'), ВН (-landu 'спор'), В^НН (-sono 'верх', 'крыша') и т.д.** Преимущественное большинство существительных имеют двусложные основы, но встречаются также односложные и многосложные

* Восходящий и нисходящий тон рассматриваются как результат комбинации высокого и низкого, средний – как следствие перехода от высокого тона предыдущего слога к низкому тону последующего слога [111: 26].

** В [72 : 63] отмечается, что тон в луба-касаи является "этимологически инверсивным": высокому тону в формах прабанту, полученных в результате реконструкций [86, 111, 120], соответствует в луба-касаи низкий тон, и наоборот (например: форме прабанту *-ato лодка ВН соответствует в луба-касаи основа 14-го кл. -atu НВ). Исключения являются очень редкими например: *-bid, *(m)bòdò, *(n)conĭ, *-gàngà, *(n)gùdúbè, *(n)jídá, *-kútà, *(m)pàdà. Соответствия этих слов в луба-касаи имеют точно такой тон, как формы прабанту: *-gàngà и -ɲaɲa 'доктор' (1-2-й кл.) или частично такой тон: *(m)pàdà. и -pà:là 'антилопа' (3-4-й кл.). Некоторые из этих слов считаются заимствованиями (в частности, -ɲaɲa, -pà:là).

например, НВНВ нуиңунуиңу ‘головокружение’, 12-13-й кл.: основа, полученная в результате редупликации). Префиксы существительных отличает, как правило, высокий тон; в редких случаях встречаются существительные с префиксами низкого тона. Обычно такие существительные являются заимствованиями; например, низкий тон имеют префиксы перечисленных выше существительных -соңо и -нуиңунуиңу, а также такие существительные 3-4-го классов, как -риңа ‘рис’ (НН), -раңа ‘сабля’ (ВВ), -енји ‘лунный свет’ (НВ), -enze ‘сверчок, кузнечик’ (НН) и др. Все остальные существительные, упомянутые выше, обладают префиксами высокого тона.

В квангари существительные с двусложными основами имеют [145:7] при произнесении их в изоляции от других слов два тоновых контура: НВН (например, siróngo ‘земля’, 7-й кл.) и ННВ (sirudí ‘остров’, 7-й кл.), т.е. все двусложные существительные характеризуются глайдовыми основами (ВН, нисходящего, или НВ, восходящего тона) и префиксами низкого тона. Так же обстоит дело и с глагольными основами.

Последний слог в слове может быть высоким или низким – в зависимости от позиции слова в предложении; например, в чева при изолированном употреблении словосочетания tsikú límó:dzi ‘однажды’ финальный слог dzi обладает низким тоном. Когда это словосочетание оказывается частью фразы, последний слог dzi может быть произнесен высоким тоном: tsikú límó:dzi wapita ku mu:dzi ‘однажды он пришел в деревню’. Аналогично: tidyé m̄ma:βa ‘давай позавтракаем с утра’ и m̄ma:βá kwa:tca ‘утром рассвело’. В чева большинство слов звучит с последним слогом низкого тона. При этом тон предпоследнего слога, как низкий, так и высокий, характеризуется глайдом – легким падением тона. В нсенга эффект глайда на предпоследнем слоге создает впечатление некоторого удлинения гласного этого слога; иногда такой эффект отмечается и в отношении последнего слога: он удлиняется, на него падает ударение, гласный этого слога звучит как композита, состоящая из двух фонем.

В чева отмечается еще одна особенность [139:17]: переменный тон (нисходящий или восходящий) во всех словах, кроме идеофонов,* является результатом сращения двух противоположных тоном ровного тона, причем более сильной оказывается высокая; результирующая тонема, приобретая ее качество, становится тонемой высокого регистра; от низкой сохраняется нисходящий глайд, им сопровождается высокий тембр результирующей тонемы (например, kuti[^]i:ne → kuti:ne ‘что я’).

*Идеофонам часто свойствен восходящий или нисходящий тон, не являющийся результатом сращения тоном.

Результирующий гласный в этом случае является долгим (долгий вокалический элемент с отдельным произношением каждого гласного отмечается также в нсенга). Основной тоновый контур, который имеют корни или отдельные слова при изолированном произнесении, видоизменяется под действием трех факторов: 1) аффиксации, при которой каждый из формантов или их последовательность снабжаются собственным тоновым контуром, влияющим на регистр исходного слова или основы; 2) необычного порядка слов, вызывающего изменения привычной интонационной структуры предложения; 3) при эмфазе (в мабиха выделяются вопросительный, эмфатический и саркастический тон). Все факторы могут действовать одновременно. В результате, например, высокий тон предпоследнего слога может передвинуться на другой слог – последний или третий от конца.

Во время таких взаимодействий отмечается следующая закономерность: низкая тонема не встречается в окружении высоких; например, если префикс имеет высокий тон, а основа – тоновый контур НВ, у слова будет контур ВВВ (первый слог основы под влиянием соседних превращается из низкого в высокий). Эти изменения не происходят, если низкая тонема только с одной стороны соседствует с высокой; например, присоединение префикса высокого тона к основе с контуром НН не вызывает ассимиляции низкой тонемы первого слога основы и слово в целом приобретает тоновый контур ВНН.

При переходе от словарной формы корней или основ к их употреблению в речи отмечается наличие у них регистровой парадигматики – параллельно той, которая есть у слов, образованных из данных корней. Регистровая парадигма основ существительных в языках с односложными префиксами больше, чем в языках с двусложными префиксами, потому что функции, выполняемые инициальным гласным, передаются регистровому механизму и в силу этого возникает потребность в его более детальной специализации. Тоновый контур основы представляет собой тонему или цепочку тонем, каждая из которых соотносена со "своим" слогом (материальным субстратом тонемы), имеет строго фиксированные характеристики (относительную высоту, интенсивность и длительность) и упорядочена во времени процесса говорения по отношению к другим тонемам. Фиксированность целого – тонового контура, проявляющаяся в "заданности" каждой тонемы и связей между ними, предопределяет статус частей тонового контура – отдельных тонем и слогов, поэтому каждый слог имеет свой тон. Если слог входит в состав корня, его тон определяется тоновым контуром корня, частью которого он является. Тоновые контуры слогов, не являющихся корневыми, зависят от тоновых

контуров корней – "собственных" (в полнзначных словах) или "соседей" (в случае энклитик и других частиц). Тоновые контуры корней, как отмечалось выше, в связной речи обуславливаются регистровыми особенностями построения синтагм и типов высказывания.

Так тональный строй гикую основан на противопоставлении ровного и глайдового тона. Ровный тон бывает высоким, средним и низким, глайдовый – восходящим и нисходящим. Тоновый контур слова зависит от того произносится оно в изоляции от других слов или в связной речи. Как и в других языках, в гикую тоновый контур утвердительного предложения отличается от тонового контура отрицательного, вопросительного или побудительного; не одинаков интонационный рисунок и слов, выступающих в различных функциях (существительное в предикативной функции может иметь один тоновый контур, а в посессивной функции – другой и т.п.). При рассмотрении существительных гикую в изолированном употреблении можно выделить два типа существительных: 1) слова, все слоги в которых произносятся одинаковым ровным тоном (либо высоким, либо средним, либо низким), например: moondo 'человек' _ _ _ , mote 'дерево', nгоко 'домашняя птица', нуато 'зверь'; 2) слова, в которых префикс произносится низким тоном, а финаль основы – высоким тоном; между префиксом и финалью основы может быть слог высокого (например: njata 'звезда' _ – –), низкого (mборi 'козел' _ _ –) или несколько слогов чередующегося тона (limbo 'трость' _ – _ –).

В связной речи ситуация сложнее. По тоновым контурам в позиции прямого дополнения в утвердительных неэмфатических предложениях все существительные можно разбить на два типа: 1) существительные с основами ровного тона; 2) существительные с основами глайдового тона. Среди основ первого типа выделяются две группы: 1а) низкого тона (например, НН в слове moondo), 1б) высокого тона (ВВ в njata). Второй тип существительных подразделяется на четыре разновидности: 2а) НВ (mборi); 2б) СВ (nгоко); 2в) НВосходящий (moto, нуато); 2г) ВНВ (olimbo). Тон префиксов обусловлен тоном основ; начало слова, т.е. его префикс, в гикую всегда вступает в диссонанс с его финалью: к основам с низким конечным слогом добавляются префиксы высокого тона (moondo ВНН – _ _), а к основам с конечным слогом высокого или восходящего тона – префиксы низкого или среднего тона (mote, нуато ННВ _ _ /; nгоко СВВ _ _ –, mборi ННВ _ _ –, njata НВВ _ – – , ðiimbo НВНВ _ – _ –). Каждая из указанных разновидностей основ обладает парадигмой тоновых контуров, члены которой реализуются в различных интонационных моделях вопросительных,

побудительных, отрицательных и утвердительных предложений.* Например, в зависимости от ситуации, существительные типа 2в могут иметь следующие контуры:

Таблица 3.

Позиция дополнения в общеутвердительном предложении	Позиция посессора в посессивной конструкции	Позиция дополнения в отрицательном предложении	Позиция дополнения в утвердительном предложении	Предикативное употребление существительного	Позиция дополнения в вопросительном предложении
$\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}/$ ННВс ННС	$\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}$ ВНН СНН	$\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}$ ВВН	$\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}/$ ВНВ ВСВ	$\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}$ ВСВ	$\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}$ ССВ

Существительные иных типов имеют иные парадигмы тоновых контуров в тех же ситуациях, т.е. наряду с фоно-морфологической парадигматикой и синтагматикой гикую свойственны регистровая парадигматика и синтагматика, и каждая конкретная языковая форма является порождением механизма, отвечающего за взаимодействие сегментных и супрасегментных явлений.

6. Взаимодействие перечисленных факторов порождает многообразие тоновых рисунков конкретных предложений, которые характеризуются следующими общими для всех языков признаками. В каждом предложении любого типа высказываний и коммуникативной установки есть один или несколько переходов от восходящей к нисходящей интонации, или наоборот. Например, наиболее типичным для тоновых контуров утвердительных предложений языков группы В является рисунок $\backslash\backslash/\bar{\bar{}}\bar{\bar{}}\backslash$. Неэмфатические утвердительные предложения во всех языках характеризуются постепенным падением тона: первый высокий тон в предложении оказывается и самым высоким, низкий тон в финали всегда является более низким, чем низкий в начале или середине предложения. Во многих языках в конце предложения не бывает вообще слогов высокого тона,

* В гикую релевантна только относительная высота тона одного слога по отношению к другому, поэтому одно и то же слово (например, moondo) можно произнести так, что все три слога будут либо высокими, либо средними, либо низкими [61].

последний слог в них всегда имеет низкий краткий тон. Гласный этого слога часто редуцируется или выпадает.

Например, в языках группы S самым высоким в предложении является первый из высоких тонов, по мере продолжения фразы относительная высота тона падает. Предложение произносится в несколько ступенек, и начало каждой последующей ступеньки имеет более низкий регистр, чем начало предыдущей. Так, в сутою предложение *Mosadi ona lekhumə ekxho:lo* ‘Женщина имеет хорошее здоровье’ произносится в пять ступеней: *Mósá1 dí2 – óna3 lé – khúmó4 – ékxhò:lo5*, в тсвана предложение *Mophólófolón1 tsanaxa хахона ере eboitshexaη zāaka ta:u* ‘Среди всех диких зверей нет ни одного такого ужасного, как лев’ также звучит как 5-ступенчатая иерархия: *Móphólófólón1 tsánaxa хахóна – ере2 – ébóitshexa3 – η zāaká4 ta:ú5* - то же в педи: *Moxhola moríthí1 γа – sé2 – mođúdí3 – óá4 – o:ná5* ‘Тот, кто чистит место, не тот, кто сидит на нем’. Тоновый контур каждого конкретного предложения является результатом вложения тоновых контуров различных уровней друг в друга: в тоновый контур предложения в целом как утвердительной, вопросительной, отрицательной или побудительной структуры встраиваются тоновые контуры словосочетаний как композит определенного типа (посессивной, атрибутивной или предикативной), в них – тоновые контуры слов как систем морфем, и наконец, в них – тоновые контуры каждой конкретной морфемы (например, основы существительного, взятой в изолированном употреблении).

Тоновые контуры слов также имеют свои особенности. Последний слог слова никогда не бывает таким высоким, как первый слог основы. Хотя в зависимости от позиции в предложении последний слог в слове может быть низким или высоким, большинство слов имеют в финалах слоги низкого тона (см., например, материалы по чева). Во многих языках гласные в конце слов сокращаются или выпадают. В ганда конечные гласные не удваиваются и не удлиняются (даже после полугласных, хотя в любой другой позиции это происходит постоянно), в нсенга удлинение гласных в последнем слоге возможно, но падение тона при этом (высокого или низкого) наблюдается неизменно; фактически последний слог, попадая под ударение, превращается в два слога, которые произносятся нисходящим тоном, и эффект понижения тона на последнем слоге присутствует даже тогда, когда на него переносится ударение. Нисходящий н на последнем слоге часто регистрируется в суахили, слоги низкого тона в финалах слов – в чева, и т.п. Предпоследний слог характеризуется скользящей интонацией – легким падением тона (высокого или низкого) или его повышением. Так, легкое падение тона

(обычно высокого*) отмечается в языках групп N и P (например, в чева), а повышение тона (произнесение предпоследнего слога восходящим тоном) – в языках группы G (суахили). Этот слог часто оказывается на границе перехода от высокого тона к низкому (реже – наоборот).

Типичным рисунком трехсложного слова в суахили** является формула [Н/С Вс Не]: первый слог (предударный) произносится низким или средним тоном, второй (ударный) – восходящим и третий (заударный) – нисходящим. Несмотря на многообразие тоновых контуров слов в различных языках, закономерность. Состоящая в наличии "интонационного перегиба" на предпоследнем слоге в трехсложных словах, отмечается повсеместно; эта закономерность проявляется по-разному: есть примеры, когда предпоследний слог оказывается на границе между высоким слогом в инициали и низким в финали, поэтому скользящим становится весь тоновый контур; бывает, что скользящим тоном (восходящим или нисходящим) произносится не все слово, а только предпоследний слог (его соседи слева и справа имеют ровный тон); и наконец, регистрируется переплетение этих возможностей, в результате которого и весь тоновый контур, и тон предпоследнего слога являются скользящими.

Говоря о тоновых контурах слов с иным количеством слогов, можно отметить такие закономерности. Односложные слова, как правило, во всех языках собственного тона не имеют, и их тоновые контуры зависят от тона соседей, вместе с которыми они образуют ритмические единства. Двусложные слова чаще всего имеют тоновый контур типа ВН (В-слог высокого тона, Н-слог низкого тона); во всех многосложных словах отмечается хотя бы одна скользящая тонема (переход от низкого тона к высокому, или наоборот). Явления этого порядка регистрируются во всех языках: даже если слово, взятое в изоляции, имеет только тонемы ровного тона, в составе предложения оно либо изменяет свой тоновый контур, либо связывается с другим словом в интонационное целое, тоновый контур которого включает хотя бы один регистровый переход – от высокого тона к низкому, или наоборот.

Существование в ЯБ тенденции к низким финалям и инициалам на фоне высокого тона предпоследнего слога (часто этот слог является инициалью

* Большинство слов в основной словарной форме имеют в этой позиции слог высокого тона, но он может стать низким под действием факторов, перечисленных выше, – например, при эмфазе, необычном порядке слов или формообразовании, приводящем к изменению исходных структур и превращению их в новые структуры.

** Материалы по разговорному суахили собраны с помощью студента ЛГУ Нельсона Ндуби, приехавшего в СССР из Кении (1983 г.).

основы) подтверждается и другими фактами. Так, исследователи пиктоетных языков обычно отмечают, что слоги высокого тона встречаются как правило, в середине слов, в финалях отсутствуют, а в иници-пях наблюдаются относительно редко; в отличие от этого, слоги низкого тона повсеместно представлены в любой позиции – в финалях, инициалах и серединах слов. Для слов, имеющих более трех слогов, наличие низкого тона в середине не противоречит появлению высокого тона во втором слоге от конца, и эта ситуация особых комментариев не требует. Но есть языки, где слоги низкого тона встречаются повсеместно – даже во втором слоге от конца. Понять этот феномен помогает следующее наблюдение: в некоторых языках высокий слог перед низким произносится ниже, чем перед высоким; под воздействием низкой финали высокий тон предпоследнего слога понижается и этот слог звучит как средний или нисходящий (случаи этого типа засвидетельствованы в луба-касаи, нсенга и др. языках).

Материалы букусу, в котором особенно отчетливо представлен механизм понижения общей тональности речи, показывают, что два соседних слога высокого тона произносятся не одинаково: тон первого слога из ровного превращается в скользящий и становится не высоким, а восходящим, поэтому инициаль слога имеет низкий или средний тон, а его финаль – высокий. Действие этого правила привело к тому, что в современном букусу высокий слог встречается только в окружении низких и низкая тональность доминирует над высокой;* например, среди существительных есть слова только двух типов – со

* Так, для четырехсложного слова с тоновым контуром Н-В-В-Н можно зафиксировать следующий ряд превращений, поэтапно объясняющих действие приведенного выше правила: 1) модификация тонового контура Н-В-В-Н в тоновый контур типа Н-Н/В-В-Н, где высокий слог трансформируется в две подструктуры – низкую инициаль и высокую финаль; 2) превращение тонового контура Н-Н/В-В-Н в тоновый контур Н-Н/Н/В-В-Н, при котором высокая финаль второго слога, в свою очередь, распадается на две подструктуры – низкое начало финали и ее высокий конец; 3) остаточный высокий тон во втором слоге начинает восприниматься как легкий глайд при произнесении этого слога низким тоном: Н-НВ-В-Н; 4) оказавшись в окружении низких слогов, предпоследний слог, в борьбе за сохранение своей "высокой значимости", артикулируется под ударением особенно отчетливо и интенсивно, в силу чего слогообразующий элемент этого слога приобретает вид: Н-Нв-В/В-Н или Н-Н-В/В-Н; 5) из двух элементов высокого тона в предпоследнем слоге первый звучит как Н/В; тоновый контур слова воспринимается как структура типа Н-Н-Н/В/В-Н, затем как Н-Н-Н/Н/В/В-Н, далее Н-Н-Н/Н/Н/В/В-Н и т.д., пока не превращается в структуру типа Н-Н-Н-Н. Материалы большинства ЯБ являются иллюстрациями ситуации, соответствующих четвертому и пятому этапам.

скользящими тоновыми контурами или с низкими. Явления этого порядка наблюдаются во многих языках; они свидетельствуют, что высокий тон является реликтовым, а низкий – в одних случаях реликтовым, в других – новообразованием.

В пользу этой гипотезы говорит следующее. Если процессы понижения общей тональности речи, действительно, происходили в истории банту, они должны были привести к тому, что "удельный вес" высокого тона в каждом конкретном языке становился все меньше, регистровый уровень слов постепенно усреднялся и выравнивался, "нормальным тоном" оказывался низкий тон, высоким маркировалась все более узкая сфера грамматических значений, он все более уходил на периферию, тональные оппозиции становились все реже, на главные роли выходили иные способы передачи грамматических значений – те, которые ранее выступали как сопроводительные признаки регистровых оппозиций, а затем, в результате падения значимости регистрового механизма, стали восприниматься как самостоятельные грамматические средства. "Эпоха тона" сменилась периодом просодического многообразия: в одних языках главную роль стало играть силовое ударение, в других – количество гласного, в третьих – степень раствора речевого канала или любые комбинации этих признаков и тона.

Приведем иллюстрации.

Нормальной тональностью в языках группы Н, например, в киконго, считается низкий тон. В кела (С 75) низкий тон регистрируется значительно чаще, чем высокий; в руанда (Д61) большинство слов и морфем имеют низкий тон, а в ганда (Е15) все существительные – инициалы низкого тона, их основы начинаются высоким – реликтовым тоном. В букусу (Е31с) процесс понижения тембра затронул инициалы не только слов, но и основ; хотя здесь встречаются основы как с низкой, так и с высокой инициальной, существует тенденция к унификации всех основ и к превращению их в образования с низкой инициальной, поэтому основы с высокой инициальной остаются лишь в особых, так называемых сокращенных классах; во всех остальных функционируют только основы с низкой инициальной; финалы у всех существительных здесь всегда низкого тона.

Однако есть факты противоположного порядка: встречаются языки, в которых тон по-прежнему играет ведущую роль в арсенале грамматических средств, противопоставления высокого и низкого тона сохраняют свою значимость, и унификация тоновых контуров с понижением их регистра не наблюдается. Естественно, что закономерности взаимодействия тоном здесь являются иными. Так, Мейссен показал, что в луба-касаи при соединении двух слогов в составе глагольных форм гласный

одного слога, как правило, исчезает, а гласный второго слога сохраняется" при этом элизии подвергается гласный, тон которого совпадает с тоном соседа, неизменным остается гласный, тон которого контрастирует с тоном соседа. Это правило распространяется также на многие существительные, хотя здесь оно не универсально. Если в букусу тон слов выравнивается в результате уподобления высоких тоном низким, в луба-касаи развивается тенденция к превращению тоновых контуров в структуры, основанные на контрасте высот тех слогов, которые стоят на стыке морфем. Одним из следствий этого является многообразие тоновых контуров слов в луба-касаи, а также тенденция, которой можно объяснить превалирование у существительных префиксов высокого тона: снижению тона в финалях слов противопоставлять повышение их инициалей.

Много высоких тоном можно отметить в предложениях на языке чева. Их возникновение здесь объясняется следующей закономерностью: низкие тономы не встречаются в окружении высоких; если на стыке морфем оказывается гласный низкого тона, а слева и справа от него стоят слоги высокого тона, он превращается в гласный высокого тона; наличие "высокого соседства" только с одной стороны на высоте исходного гласного не отражается. Аналогичный процесс для слогов низкого тона отсутствует, поэтому превалирующим оказывается высокий тон. Финали большинства слов имеют низкий тон, он в языках этого типа является реликтовым. В отличие от низкого, высокий тон может быть как реликтовым, так и инновационным.

Наличие двух противоположных тенденций (снижение и повышение тона) в ЯБ подсказывает, что язык, из которого они развились, должен был обладать свойствами, которые допускали возможность двойной эволюции. Например, это было возможно, если противопоставление высокого и низкого тона являлось не свободным, а позиционно обусловленным: в этом случае финаль двусложных существительных могла иметь низкий тон, инициаль – высокий (см. реликтовый низкий тон в финалях существительных в языках с повышением тональности и реликтовый высокий тон предпоследнего слога в языках с понижением тональности). Наличие слогов высокого тона в финалях существительных, не вытекающее из синхронных правил взаимодействия тоном, а также слогов низкого тона в инициалах основ, которые как бы являются исключениями из действующих в современных языках законов, говорит о том, что позиционная обусловленность появления высоких и низких тоном имеет вероятностный, а не абсолютный характер. Это означает, что данная закономерность ранее могла быть всего лишь намечающейся тенденцией

и что некогда тоновый контур основ существительных мог быть любым, затем наиболее типичным стал рисунок, представленный в основах существительных типа ВН.

О справедливости этих допущений говорит многое. Во всех ЯБ можно провести деление основ существительных на группы в зависимости от их семантики, деривационной структуры, слогового состава, грамматических функций и т.п. В силу фиксированности тоновых контуров и их разнообразия, в качестве основания классификации существительных можно выбрать и тоновые контуры их основ. В этом случае получатся группы существительных, в каждую из которых войдут слова с одинаковыми тоновыми контурами основ при изолированном употреблении и одинаковыми регистровыми парадигмами при функционировании в речи. Исследование таких классификаций показывает, что есть языки, где основы существительных каждого именного класса имеют всевозможные тоновые контуры (например, в луба-касаи это могут быть основы с тоновыми контурами В, Н, ВВ, НН, НВ, ВН, ВНН и т.д.). В этих языках тоновые контуры основ существительных различаются и инициалью, и финалью. В других языках такого многообразия нет, и существительные противопоставлены либо по их финалям (например, в ганда все основы существительных имеют в инициалах высокие тоны, а в финалях – либо высокие, либо нисходящие), либо по инициалам (в букусу все существительные имеют финали низкого тона, в инициалах может быть скользящая тона любого регистра – как низкого, так и высокого). Учитывая параллельное развитие тенденций понижения и повышения тона, сокращение многообразия основ можно рассматривать как унификацию тоновых контуров основ вследствие ассимиляции соседних тоном, приводившей к отмиранию части противопоставлений (например, в финалях слов, как в букусу, или в инициалах основ, как в ганда). Поэтому данную ситуацию можно рассматривать как инновацию. Разнообразие исходных основ, отмечаемое в луба-касаи, наоборот, иллюстрирует более древнее состояние.

Аналогично можно представить, какими путями шло сокращение исходного многообразия основ существительных, базировавшееся на регистровых оппозициях, в остальных языках. Так, в квангари все разновидности тоновых контуров двусложных основ сводятся к двум типам:

основам нисходящего (ВН) и восходящего (НВ) тона; в гикую выделяются две иных разновидности: основы ровного тона (низкого: Н, НН, ННН и т.д. или высокого: В, ВВ, ВВВ и т.д.) и скользящего (с финалью восходящего тона). Уменьшение многообразия здесь происходит в результате ослабления отдельных тональных характеристик и их превращения в

иррелевантные (в квангари таким параметром стало противопоставление ровного тона изменчивому, в гикую – оппозиция направленности тона в финалях основ скользящего тона). Если количество релевантных характеристик становилось все меньше, уменьшалось количество групп, выделяемых в составе существительных на основании противопоставления регистровых характеристик их основ. Кроме того, каждый язык мог по-своему утрачивать или сохранять значимость регистровых оппозиций и в силу этого по-своему формировать мотивировку выделения этих групп. В результате оказалось, что в современных языках и количество типов основ, и распределенность конкретных основ по этим типам разное. Больше всего общих закономерностей сохранилось у двусложных основ; это подсказывает, что именно они были наиболее типичной частью лексики в тот период, когда началась дивергенция ЯБ.

Получается, что некогда доминантой грамматического строя был тон. Корни слов или основы противопоставлялись друг другу не только своими фонемными обликами, но и тоновыми контурами. Среди основ существительных функционировали основы различных тоновых контуров. Релевантными были фонемный состав основ, высота каждого слога, его интенсивность, продолжительность, характер изменчивости и тип направленности изменения тона.

К этому времени сложилась система основ существительных, распределенных на типы. Количество основ каждого типа изменялось, и со временем выделился тип, который стал доминирующим. Хотя большинство основ были двусложными, сохранилось немало односложных основ; кроме того, стал интенсивно развиваться пласт многосложных основ. Среди двусложных главную роль стали играть основы с низкой финалью и высокой инициальнойю, а среди многосложных – основы с предпоследним высоким слогом, который контрастировал с низким началом и концом.

Вопрос о функционировании основ не отделим от их роли в организации структуры слова в целом. Так, во всех ЯБ отмечается, что тон префиксов существительных обуславливается тоном основ и наблюдаются такие закономерности. В квангари префиксы существительных с двусложными основами имеют низкий тон. Тоновые контуры всех существительных являются скользящими. Выделяется два типа существительных:

- 1) с регистровым перегибом перед инициальнойю и перед финалью основы (НВН);
- 2) с регистровым перегибом только перед финалью (ННВ), т.е. слова восходяще-нисходящего и нисходящего контура. В ганда к основам ровного тона присоединяются префиксы восходящего тона (например, НВ+ВВ), а к основам нисходящего – ровного (НН+ВН); в результате все существительные имеют скользящий тоновый контур

с перегибом перед инициалью или перед финалью основы. В гикую основы с низкой финалью приобретают префиксы высокого тона (например, В+ВН), а основы с высокой или восходящей финалью – префиксы низкого или среднего тона (Н+НВ), и все существительные имеют скользящий контур с непременным контрастированием тона между инициалью и финалью слова.

Эти примеры можно увеличивать неограниченно: каждый язык обладает спецификой отношений между тоновым контуром основы и префикса, а также между тоновыми характеристиками каждой из этих частей в отдельности. Между префиксами и основами могут устанавливаться отношения, при которых происходит ассонанс (например, в букусу) или диссонанс (в ганда) основ и префиксов, ассимиляция или диссимиляция их регистровых характеристик, стабилизация или варьированность тоновых контуров и т.п. Поскольку каждый язык решает задачу объединения префикса и основы в слово в соответствии со своей индивидуальностью, а не на основе каких-либо общих канонов, можно предположить, что процессы формирования слов из префиксов и основ происходили тогда, когда завершился распад протосистемы и дифференциация ее диалектов привела к образованию отдельных языков. Предыдущий период характеризовался тем, что слов, состоящих из основ и префиксов, каковыми сейчас являются существительные в языках банту, не было, каждый из этих элементов функционировал в качестве самостоятельной единицы. О том, что в этот период оба типа элементов, действительно, существовали, говорит их материальное фонетическое сходство в ЯБ; на раздельность функционирования указывает отсутствие единого способа оформления целого. О возникновении в протосистеме тенденции к объединению частей в целое свидетельствует то, что во всех ЯБ существительные оказались двухчастными структурами, состоящими из основ и префиксов.

И значит, в период, предшествовавший распаду языковой общности, основы существительных были самостоятельными языковыми единицами, цельно-оформленность которых задавалась их тоновыми рисунками. Ближайшими соседями этих силлабем слева все чаще становились элементы, тоновые контуры которых попадали от них в зависимость, теряли самостоятельность, превращались в сателлиты своих более сильных соседей, и из независимых ранее силлабем образовывались ритмические единства. В период общности ЯБ эти ритмические единства уже возникли, но еще функционировали как объединения самостоятельных слов, поэтому, с одной стороны, все ЯБ сохранили способность к образованию слов из этих единств и фонетическое тождество материала, из которого создавались слова, но, с другой стороны, решили эту задачу

по-разному. Поскольку превращение ритмических единств в лексико-грамматические (слова) произошло позднее, каждый язык использовал при их формировании собственные средства и создал языковые единицы, различающиеся морфемным швом. Следовательно, общность тонового контура основ у всех ЯБ, которая проявляется в тенденции к тоновому контрасту инициали и финали основы, вызывающему падение интонации к концу основы или после ее начала, с одной стороны, и различие способов объединения префиксов и основ, о котором говорят морфемные швы современных ЯБ, с другой стороны, – это важнейшие факторы, позволяющие в глоттогоническом процессе выделить два этапа: д о филиации протосистемы на отдельные ЯБ и после того, как произошел распад языковой общности.

§ 3. Ударение

1. Во всех современных языках ударение является силовым, или интенсивным, а не количественным. Ударный слог (и слогаобразующий элемент) всегда является более интенсивным, чем безударный; часто ударный слог оказывается еще и более долгим. Повсеместно ударение не отделимо от тона. Особенно сильно эта зависимость выявляется в тех языках, где ударение является слабым. На примере группы N+P видно, в какой мере тип тона обуславливает "силу" ударения: если при эмфазе слоги низкого тона произносятся более высоким тоном, они оказываются и более ударными. Наибольшую силу при этом, а значит, и наибольшее ударение приобретает последний высокий слог в предложении, т.е. предпоследний слог последнего слова. Корреляция между интенсивностью слога (его ударностью) и высотой тона, которым он произносится, регистрируется во многих языках. Легче всего она устанавливается в ситуациях с элизией инициального гласного в префиксах существительных. Например, в ныха у существительных в копулятивной или вокативной форме ударным может быть либо последний слог, либо предпоследний. Этот же слог является и высоким.

Отмечаются следующие возможности деривации форм у многосложных основ: 1) если в исходной форме высоким и ударным является первый слог основы и предпоследний слог в слове, копулятив и вокатив образуются либо элизией инициального гласного (тон и ударение сохраняются), либо элизией инициального гласного и переносом высокого тона и ударения с предпоследнего слога на последний; 2) если в исходной форме ударение падает на префикс, копулятив и вокатив

формируются посредством элизии начального гласного, переноса ударения на последний слог и изменения тонового контура слова (последний слог из низкого безударного превращается в высокий ударный, первый – из высокого или повышающегося ударного модифицируется в низкий или понижающийся безударный). У односложных основ, где ударным оказывается префикс, при образовании копулятива и вокатива инициальный гласный сохраняется, ударение переносится на последний слог, и он произносится высоким тоном.

Понижение тона (переход от высокого тона к низкому) коррелирует в них с уменьшением интенсивности слога и превращением ударного слога в безударный; повышение тона соотносится с увеличением интенсивности слога. О наличии такой прямо пропорциональной зависимости между высотой тона, степенью его интенсивности и силой ударения говорят многие примеры из различных ЯБ.

Например, в ганда наиболее интенсивным гласным в существительных, стоящих в основной форме, является гласный первого слога корня (этот же гласный всегда бывает ударным); наоборот, все начальные гласные префиксов неинтенсивные, безударные, низкого тона. При образовании вокатива и копулятива происходит элизия инициального гласного, но тоновый контур слова в целом сохраняется: первый слог в слове по-прежнему оказывается низким, второй и последний – низким или высоким (в зависимости от типа основы), а предпоследний – наиболее интенсивным, высоким и ударным; если слогов в основе меньше четырех, гласный любого слога может стать двухтонным; этим компенсируется утрата инициального слога.

Во всех языках слог, который воспринимается как ударный, имеет высокий тон; обратное не обязательно: не всегда высокий слог оказывается ударным. Он может обладать какими-то иными просодическими признаками, отличающими его от соседей, например, быть пролонгизованным или содержать гласный более широкого раствора, чем слог низкого тона; в языках группы В отмечается, что при переходе от высокого тона к низкому раствор речевого канала уменьшается, а при повышении тона увеличивается; тесно связана с тоном долгота гласных в языках группы М, и т.п. В суахили и многих других языках ударный слог почти всегда является сферой "регистрационного перегиба", потому что, ударный гласный или слогаобразующий сонант произносятся высоким или восходящим тоном, заударный – низким или нисходящим, а предударный – низким или средним.

Это означает, что силовое ударение и интенсификация звука выступают как сопроводительные признаки модулирования голоса в процессе перехода от низкой тональности к высокой, и наоборот.

Сложение двух разнонаправленных тоном создает впечатление пролонгизации модулируемого гласного, в силу чего устанавливается корреляция между высотой тона, степенью его интенсивности, силой ударения и длиной гласного. Кроме того, в качестве дополнительного признака, сопровождающего взаимодействие перечисленных факторов, может выступать степень раствора речевого канала, координирующая с противопоставлениями гласных по ряду и высоте подъема. В результате порождается многообразие отношений, наличие которых в ЯБ можно объяснить только при учете трансформаций языкового строя, при которых осуществляется постепенный переход от языка тонального типа к языкам, в которых намечается развитие иных языковых типов (например, от тона к силовому ударению и далее – к количественному, или от тона к противопоставлениям гласных по степеням раствора, и т.д.).

Эта точка зрения объясняет, например, то, что пролонгизация гласных может быть следствием не только перехода от высокого тона к низкому (или наоборот), но и переноса ударения на данный слог или его удлинения вследствие эмфазы. Долгие гласные могут появляться как в слогах скользящего тона, так и ровного, под ударением и в безударных позициях, при эмфазе и без нее. Аналогично: интенсификация звучания может происходить не только на рубеже двух различных тоном, но и при усилении произношения какой-либо ровной тонемы, и т.д. Так, в ганда гласный ударного слога всегда является наиболее интенсивным и часто – наиболее длительным, но не всегда. Безударные слоги имеют менее интенсивные гласные, чем ударные, но гласные в них могут быть не только краткими, но и удлиненными и даже долгими. Инициальные гласные в префиксах существительных являются безударными краткими, предкорневые – краткими или удлиненными. Объясняется это тем, что инициальные гласные имеют низкий тон, а предкорневые могут иметь как низкий, так и высокий. Эта закономерность подтверждается также данными экспериментальной фонетики из других языков; например, в руанда долгие гласные (время их звучания составляет около 250 мсек) являются носителями высокого или восходящего тона (150-170 гц), краткие (100-200 мсек) – низкого или нисходящего тона (100-140 гц). То же наблюдается во многих других языках.

2. Проблема тона, по-видимому, лежит также в основе так называемой оппозиции между ритмическим и этимологическим ударением. Впервые этимологическое ударение отметил Майнхоф при изучении языка венда [115:75-76]: "Оно падает на корневой слог, но не удлиняет его. Чисто ритмическое ударение падает на предпоследний слог и удлиняет его. Последнее наиболее легко воспринимается европейцами, которые

различают долгие гласные, но для африканца ритмическое ударение менее значимо. Этимологическое ударение показывает, какой слог является корневым, и помогает отличить его от префиксов или суффиксов".

Поскольку акцент, как и ударение, в ЯБ является динамическим, оно не зависит, подобно музыкальному ритму, от взлетов интонации и долготы гласных. Наоборот, в зависимости от ритма речи те или иные гласные могут звучать дольше или короче; ритм речи строится так, что подчеркиваются моменты, предшествующие полному выдоху, т.е. предпоследний слог. На нём сосредоточивается ритмический центр слова – ритмическое ударение, а в ряде случаев – и удлинение гласного, и повышенный тон его произнесения. Ритмическому центру противостоит семантико-морфологический центр, который в большинстве слов соотнесен с первым слогом основы (как правило, корневым). Этот центр также подчеркивается говорящим и, если ритмический и семантико-грамматический центры не совпадают, в слове появляются два акцента, или, как говорят, оно имеет два ударения – основное и второстепенное.

В зулу основным признаётся ударение, падающее на предпоследний слог. Кроме того, отмечается ряд вторичных ударений – на каждом втором слоге от предпоследнего. Если слово содержит более трех слогов, вторичное ударение падает на корневой слог и на каждый второй слог от него влево и вправо; при этом вторичное ударение, по крайней мере, одним неударным слогом отделено от слога с главным ударением. В отдельных случаях ударение может падать на последний слог (в односложных словах) и на слог, предшествующий предпоследнему (особенно часто этот случай представлен в идеофонах). В шона отклонений от правила об ударности предпоследнего слога встречается значительно больше, чем в зулу. Во-первых, здесь ударение значительно слабее, чем в других ЯБ, и часто едва уловимо. Во-вторых, существует тенденция в многосложных словах "отбрасывать ударение как можно ближе к началу слова" [130:303], в результате чего в многосложных словах часто фигурирует несколько ударений: одно из них соотносится с ударением в исходном слове, т.е. в корневом слоге, а остальные – с другими слогами (в зависимости от степени их удаленности от корневого слога, роли в слове и степени открытости гласного, образующего слог, или его "мощности", см. ниже), например: -gára 'стоять' – mugárirí 'страж', -pínda 'входить' – -píndiríra 'проходить' в каранга.

В частности, вторичное ударение может падать на последний слог, поскольку именно в нем содержится гласный, с помощью которого осуществляется словообразование существительных от глаголов (вместе с префиксами): -gárirá 'следить' – mugárirí 'страж' – mugáriró 'способ

"сидения", поведения' – *chigáriró* 'место для сидения' – *mágariré* 'манеры, обычаи'. Как правило, последний слог бывает ударным также в командах и просьбах, например: *huyá* 'приходи', *ibvá* 'уйди', *regerá* 'пусть идет!', *undibatidzé* 'помоги мне!'. На третий слог от конца и предпоследний слог ударение падает в многосложных словах с суффиксами *-ata*, *-ara*, *-adza*, *-ama*, *-ana*, а только на третий слог от конца – в словах с суффиксами *-ura*, *-uta*, *-uka*, *-udza*, *-ira*, *-ika*, *-ima* и др.

В остальных подгруппах юго-восточных языков ударение чаще всего падает на предпоследний слог.* В тсвана в финали утвердительного предложения ударными могут быть два последних слога: предпоследний слог является при этом долгим и имеет нисходящий тон, а последний, будучи кратким, имеет низкий тон; когда последний слог является ударным или даже акцентируется, он все равно воспринимается как угасающий, потому что произносится низким тоном, иногда шепотом, притом с кратким гласным. Односложные слова обычно не имеют ударения, как энклитики или проклитики, но в ряде случаев у них также появляется собственное ударение (особенно, если они попадают в конец предложения и особо акцентируются, например: *Xakerate motho ó* 'Мне не нравится этот человек' в тсвана).

В тсва в многосложных словах ударение падает на каждый второй слог от конца: например, в слове *pungungulu* наиболее ударным является предпоследний слог *ngu*, вторичное ударение падает на первый слог *pu*. В демонстративах ударение сопровождает последний слог (*lahayá*, *labayá*, *lejáyá* и т.п.).

В к'оса, где ударение обычно присуще предпоследнему слогу, ударным может быть последний слог (например, у идеофонов, односложных существительных с префиксами *ili-*, *ama-*, *убу-*: *ilizwí*, *amathé*, *amasó*, *ibusó* или у односложных глаголов: *ndikha*, *yitha* и т.п.) или первый слог (в наречиях с префиксами *pha-*, *phe-*: *phákathi*, *phámbili*, *phézulu* и др., а также в формах Past Indefinite Tense изъявительного наклонения глаголов: *sákhangelá*, *sáthetha* и т.д.). Дериваты и сложные слова могут иметь два ударения: *umthétheléli* (от *-thetha*), *umthethéli* + *wáka*, *hlánga* + *béza* и т.д. В ряде случаев ударение может играть смысловозначительную роль: *аабо бángenayo* 'те, кто не имеют этого' – *аабо бангéнаyo* 'те, кто вошли'; *ukuzímela* 'прятать' – *ukuziméla* 'отстаивать'.

* В ряде языков, где императив и локатив образуются с помощью суффикса, выраженного назальным (например, в педи *thaβeŋ* 'на горе', *tloŋ* 'приходите', в суюто *metsij* 'в воде', *gataŋ* 'любите'), этот назальный всегда является слогаобразующим; ударение падает на предшествующий гласный и предпоследний слог оказывается ударным.

Два типа ударения (ритмическое и этимологическое) различаются во многих современных языках. Этимологическое ударение обычно соотносят с первым слогом корня, ритмическое фиксируют на втором слоге от конца и всех четных слогах (считая от конца) – при его постепенном затухании к началу слова. В тех языках, где большинство существительных имеют двусложные основы и односложные префиксы, этимологическое и ритмическое ударение совпадают, поэтому создается впечатление, что у существительных есть одно ударение, на предпоследнем слоге. В остальных языках обычно заметно не одно ударение в слове, а несколько: главное (его отмечают обычно на предпоследнем слоге) и второстепенные. Учет обоих типов дает возможность объяснить большинство случаев ударения в современных ЯБ. Например, победой этимологического ударения над ритмическим можно объяснить то, что в ганда ударение падает на первый слог корня; сосуществованием обоих типов ударения – то, что в мабиха, ламба и др. языках групп М, N, Р есть ряд дериватов с двумя ударениями (основным – на корневой инициали и вторичным – на предпоследнем слоге); превалированием ритмического ударения над этимологическим – то, что у большинства существительных в суахили и ньяха фиксируется только одно ударение (падает на предпоследний слог), и т.п.

3. Но ни этимологическое, ни ритмическое ударение не могут объяснить наличие следующих фактов. Во многих языках есть слова, в которых ударным является третий или четвертый слог от конца: если ударение на четвертом слоге от конца всегда можно интерпретировать как ритмическое, ударение на третьем слоге от конца этимологическим можно считать только в трехсложных основах. Наличие такого ударения на префиксах при односложных или двусложных основах существованием фиксированного ритмического или этимологического ударения объяснить нельзя. Особенно много существительных с ударением на третьем слоге от конца отмечается в лала; есть такие слова и в других ЯБ. Например, при описании групп К и L обычно отмечается, что в двусложных словах ударение всегда падает на первый слог. У существительных, прилагательных и инфинитивов, состоящих из трех слогов, ударным повсеместно является предпоследний слог. У представителей остальных частей речи, а также у существительных, прилагательных и инфинитивов, состоящих из четырех и более слогов, ударение определяется спецификой каждого языка; так, у существительных, состоящих из четырех и более слогов, оно может падать на третий слог от конца, у указательных местоимений и наречий (например, рауá ‘там’) – на последний слог, и т.п. Односложные частицы и другие моносиллабемы, а также их последовательности

всегда являются безударными и произносятся в связи с знаменательными словами, каждое из которых обязательно имеет ударение.

В суахили ударение на третьем слоге от конца зарегистрировано в арабских заимствованиях (*ásilí* ‘происхождение’, *kábisa* ‘полностью’ и т.д.), но в *лала* и *ламба*, по крайней мере, часть слов с ударением на третьем слоге от конца является исконно бантуской лексикой. Так, отмечается, что во всех языках группы М каждое слово имеет одно главное ударение, которое падает на предпоследний слог. Если слово удлиняется путем добавления суффиксов, ударение переходит на новый предпоследний слог, например, *káka* – *kacíla* – *kakulúla* – *kakulwíla* в *ламба* (M54). Этому противостоит тенденция подчеркивать наиболее важный слог. В результате появляются отклонения от правила об ударном предпоследнем слоге, и ударным иногда оказывается третий слог от конца. Поэтому в *ламба* добавление к существительным диминутивного суффикса *-íce* может не повлечь переноса ударения (*umúsíce* ‘неженатый мужчина’); правило об ударении особенно часто нарушается в идеофонах. Много слов с ударением на третьем слоге от конца отмечается в *лала* (M52). В *бииса* (M51) в тех случаях, когда увеличение слова приводит к переносу ударения с семантически более значимого слога на менее значимый, исходный слог, который попал в безударное положение, произносится не так, как остальные безударные слоги, а с некоторой паузой или задержкой дыхания, соотносимой с переходом от выдоха к вдоху.

В группах N и P ударение, как правило, падает на предпоследний слог во всех частях речи, кроме идеофона. Добавление указательных местоимений и энклитик может не изменять место ударения, хотя существует тенденция и в этих случаях делать ударным предпоследний слог (например, в *ньянджа* от глагола *néna* ‘говори’ образуется континуатив с помощью энклитики *be*, и это слово может произноситься двояко – с ударением на предпоследнем слоге: *penábe* и с ударением на третьем слоге от конца: *nénabe* ‘продолжай говорить’). В *мабиха* есть ряд слов (дериватов) с двумя ударениями: основное ударение в них падает на корневой слог, а вторичное – на предпоследний. Кроме того, ударным может быть и последний слог – в сокращенных формах перфекта, в некоторых де-монстративах и в вопросительном наречии *dací*?

Во многих языках есть слова, в которых ударение падает на последний слог. Например, в *мабиха* это – сокращенные формы перфекта, некоторые демонстративы, вопросительное наречие *dací* и др. Эти слова не являются ни новообразованиями, ни заимствованиями, они принадлежат к исконной лексике. Аналоги этих слов в других языках тоже имеют ударение на последнем слоге. С помощью ударения может также фиксироваться

изменение синтаксических функций слов или предложений. Иллюстрацией этого являются в суахили специальный вопрос и некоторые типы придаточных предложений, в которых главное ударение падает на последний слог (Kileté? 'Я принесу?') Alipofiká... 'Когда он придет...'), а предпоследний слог произносится также под ударением (хотя и более слабым). В ньяха (M23) большинство существительных имеют префиксы низкого тона; ударение у существительных чаще всего падает на предпоследний слог (например: umugúnda 'сад' ННсВН; íjikhūnzi 'любовь' ННсВН; insí 'земля' НН). При образовании копулятива и вокатива существительные 1-го, 2, 3 и 5-го кл., теряя инициальный гласный, сохраняют свой тон и ударение (ср. с ситуацией в ганда, E15); например: mugúnda 'это сад' НВсН, а существительные остальных классов, наоборот, изменяют тон и ударение: ударение переносится на последний слог, тон этого слога становится высоким (ikhūnzi 'это любовь' ННВ). Однако существительное может не терять инициальный гласный – в этом случае изменяются тон и ударение (insí 'земля' НВ). Кроме того, в ньяха есть ряд существительных, в которых ударными являются третий или четвертый слог от конца (ínkhukhu 'курица' ВсНН, íjithūndu 'корзина' ВсВВН). В этих существительных при элизии начального гласного также происходит перенос ударения на последний слог и изменяется тоновый контур слова (nkhukhú 'это курица' ННВ; jithūndú 'это корзина' НсНВ).

Во всех языках идеофоны могут иметь ударение на любом слоге; например, в чева: ratí, rwá:ta, rúguguru. Это тем более важно, что идеофоны относятся к наиболее древнему лексическому пласту. Их функционирование в современных языках настолько не похоже на поведение остальных частей речи, что словосочетания и предложения, в составе которых они употребляются, в ряде случаев выглядят как фрагменты из языка, грамматический строй которого не имеет ничего общего со структурой современных ЯБ.

Например, в зулу существует так называемая конструкция "девербативный идеофон", которая предполагает превращение любого предложения в последовательность корней, грамматические функции которых фиксируются посредством жесткого порядка слов, а агглютинативные и флективные способности этих слов полностью элиминируются. В рамках современных языков такое "переключение диапазонов" грамматических средств, которое превращает агглютинативно-флективный язык в изолирующий, представляется феерическим, но при обращении к истории ЯБ и воссоздании эволюционной картины прошлое ЯБ предстает в виде системы изолирующего типа со словами-корнями различных тональных

разновидностей и переогласовкой основ в зависимости от их парадигматических связей; соответственно конструкция "девербативный идеофон" выглядит как реликт, дошедший до наших дней из этого прошлого. По-видимому такой же реликтовой осталась и система ударений, представленная в идеофонах; характерным признаком этой системы является свободное ударение, вызываемое интенсификацией силы акцента на любом слоге и коррелирующее со скользящим тоном в ударном слоге или соседнем с ним.

И наконец, последнее. Во всех ЯБ ударение может использоваться как грамматическое средство – например, при образовании копулятива и вокатива или при построении различных типов синтаксических конструкций. Так, в них при формировании копулятива и вокатива ударение в слове переносится с предпоследнего слога на последний; в суахили в специальном вопросе и в некоторых типах придаточных предложений главное ударение передвигается на последний слог; то же наблюдается в других языках при переходе от утвердительных к восклицательным, отрицательным или побудительным предложениям.

Эти факты подсказывают, что так называемое этимологическое ударение в ЯБ и по происхождению, и по современному положению является не фиксированным, а свободным. С одной стороны, при изолированном употреблении слов вся лексика каждого из современных ЯБ делится на несколько неравномерных подгрупп: а) слова с ударением на последнем слоге; б) слова с ударением на предпоследнем слоге; в) слова с ударением на третьем слоге от конца и т.д.; с другой стороны, при употреблении слова в контексте может осуществляться перенос ударения с одного слога на другой (например, в случаях, перечисленных выше), что указывает на использование ударения в качестве сигнала о слоге, который говорящему представляется наиболее важным. В идеофонах таким слогом всегда является первый, т.е. с помощью ударения здесь помечается "граница" слова-корня. Возможно, что так называемое этимологическое ударение – это своего рода реликтовое напоминание о границах существовавших некогда силлабем; в одних случаях поступают сигналы об инициалах слов, в других – об их финалях: это определяется типом конструкции, в которой функционирует данное слово; например, в субъектной и объектной синтагме выделяется первый слог слова-корня (в современных языках – основы), а в копулятивной – последний слог.

К этому можно добавить следующее. Во всех языках существуют способы произнесения первого слога корня (или основы) не так, как остальных, – с большей силой, интенсивностью, длительностью, с некоторой паузой, задержкой дыхания, аспирацией или назализацией;

например, в бииса, когда происходит перенос ударения с корня на префикс при аффиксации, исходный слог произносится не так, как остальные безударные слоги, а с некоторой паузой или задержкой дыхания; в ламба прибавление суффиксов к корню может не вызывать переноса ударения – оно по-прежнему остается на инициали корня; то же происходит во многих языках, когда к существительным добавляются указательные местоимения и энклитики.

§ 4. Мощность вдоха и степень раствора речевого канала

1. Во всех юго-восточных языках функционируют семь и более гласных. Однако фонологическую значимость, как правило, имеют пять. Так, в языках подгруппы шона фиксируется пять фонем: а, і, е, о, и; при этом отмечается, что произношение гласных е, о варьирует в зависимости от того, какие согласные соседствуют с ними [123:1; 138:3], или в зависимости от диалектных и индивидуальных особенностей говорящих; в языках подгруппы нгуни обычно регистрируется семь фонем: а, і, е, ε, о, ъ, и, но две из них ε, ъ считаются аллофонами основных пяти [138:ХУ]. Наиболее разветвленным признаётся вокализм языков подгруппы суто-тсвана. Например, в сутою и тсвана фиксируется девять гласных: а, е, ɛ, ε, о, ɔ, і, и. Гласные а, і, и произносятся одинаково во всех позициях, а гласные е, о подвержены позиционным изменениям и различаются по степени открытости (ср. ɛ-е-ε и ɔ-о-ɔ). В результате сопоставления различных гласных вычленяются: і, приближающийся к кардинальному і; ɛ – закрытое е, во многих контекстах напоминающее і и являющееся более закрытым, чем кардинальный гласный этого типа; е – "нормальное" е, более открытое, чем гласный ɛ, спонтанно чередующееся в речи отдельных индивидов с ɛ; ε – открытое е, которое произносится всеми примерно одинаково и соответствует кардинальному гласному ε; а (иногда, если в соседнем слоге стоит гласный и, вместо а слышится более передний вариант гласного – ае, например: tau ‘лев’, pula ‘дождь’); ɔ – открытое о (в одних языках, например, в тсвана, это у- более открытый, в других, например в сутою, это – более закрытый звук, чем кардинальный гласный этого типа); о (когда в следующем слоге стоит і, появляется тенденция веляризовать о и произносить его как и, например, puli ‘козел’ в педи; иногда тот же эффект создается произнесением слога, содержащего о, высоким тоном; например, óger? ‘что он сказал?’); ɔ – закрытое о, которое соответствует кардинальному ɔ; и – гласный, при-

ближающийся к кардинальному *ɥ* (после *d*, *ɖ* в сутою и тсвана часто слышится централизованный вариант *ü*, например, *ditedü* ‘борода’).

2. Более открытые и более закрытые варианты гласных (например, *ɔ*, *ɛ* в отличие от *o*, *e*) узнаются всеми говорящими; эта дифференциация во многих языках имеет смысловозначительную функцию (*lɔna* ‘вы’ – *lonə* ‘это’; *hɔroka* ‘хвалить’ – *hɔrɔka* ‘шить’ в сутою). Закрытые гласные, как правило, являются неударными и ненапряженными, открытые – более ударными и более напряженными, чем закрытые. Заднеязычные *u*, *o*, *ɔ* произносятся при сильном округлении губ, поднятие спинки языка начинается задолго до артикуляции гласных, поэтому согласные, предшествующие им, оказываются сгубленными; например, композита *ŋk* произносится в сутою и тсвана перед *ɔ* так, что слышится лабиовелярный звук, который обозначается [gkw], т.е. *ŋkɔ* ‘нос’ звучит [ŋkwɔ]. Влияние заднеязычных гласных может распространяться также на звуки предшествующего слога: в словосочетании *ŋku ekxholo* ‘овца большая’ в сутою и тсвана согласователю *e* произносится в виде дифтонга *eɔ*, поскольку гласный *e*, стоящий в предшествующем гласному *o* слоге, испытывает воздействие лабиализованного заднеязычного гласного, подготовка к артикуляции которого начинается задолго до его произнесения и вызывает лабиализацию согласных не только в “собственном” слоге, но и за его пределами. Аналогично: предшествующий слог могут видоизменять и гласные переднего ряда (в сутою *leŋɔɛ* ‘колено’ может произноситься как *leŋweɛ*; *balubi* ‘балуби’ – как *balwibi*; *ɔbala* ‘спать’ – как *ɔwabala*, и т.п.).

Такие же примеры регрессивной ассимиляции гласных можно найти и в языках других подгрупп. Например, в шона копулятивный формант *ndi* при соединении с демонстративами видоизменяется в *nda*, *nde*, *ndo* в зависимости от того, какой гласный стоит в демонстративе – *a*, *i* или *u*: *ndouyu*, *ndaβano*, *ndeiri* и т.д.* В зузу формант настоящего времени *po* может изменять огласовку и превращаться в инфикс *da*, *pe* или *po* в соответствии с последующим гласным, который входит в состав основы или объектного согласователя: *ndinouya* ‘я прихожу’ – *ndinoona* ‘я вижу’ – *ndineenda* ‘я иду’; *tinouda* ‘мы хотим его’ – *tineida* ‘мы хотим его’ – *tinaada* ‘мы хотим их’. Регрессивную ассимиляцию гласных в зулу можно найти в следующих словах: *umtolo-nyama*, *ozela*, *qambusa*, *tipiza*, *sitela*, *koka*, *tiyambe*, *umqoqongo*, которые произносятся соответственно:

umtolanyama, *ezela*, *qambusa*, *tipiza*, *sitala*, *kaka*, *tiyembe*, *umqoqongo* [138:16].
Прогрессивная ассимиляция гласных представлена в зулу, например, в словах: *inkoxe*, *imbokode*, *isiziba*, *binya*, *umkombe*, *pahlu*, *ilunga*,

* Наряду с *ndejiāno*, *ndetuno*.

ukot-etsheni, intulo, igumbe, umtate, isiyela, encika, pakuzela, ginqeka, itshofu-tshofu, которые произносятся соответственно как: inkoxo, imbokodo, isicibi, binyi, umkombo, pahia, ilungu, ukot-otsheni, intulu, igumbi, umtata, isiyeye, enceka, pakazela, ginqika, itshofo-tshofo. К этим примерам ассимиляции гласных можно прибавить явления сингармонизма гласных, напоминающего умлаут в германских языках: если суффикс, содержащий закрытый гласный, прибавляется к основе с открытым гласным, последний становится более закрытым. Таким образом, а, ε → ɛ (но не в е); ɛ остается самим собой (никогда не превращается в е); е → і или остается без изменений; і, и не изменяются; ɔ → ɔ̄ (но не в о); ɔ̄ остается ɔ̄ (никогда не превращается в о), о → u или остается без изменения. Например, в тсвана при образовании локативов: tsela ‘дорога’ → tselɛŋ; lewatle ‘море’ → lewatlɛŋ; ntšhe ‘страус’ → ntšhɛŋ; motse ‘деревня’ → motsɛŋ; setlhar ‘дерево’ → setlharɪŋ; kxhōsi ‘вождь’ → kxhōsɪŋ; ŋkō ‘нос’ → ŋkɔŋ; molomo ‘рот’ → molomɔŋ; ntio ‘хижина’ → tluŋ; pelo ‘сердце’ → peɸuŋ; khuḏu ‘черепашка’ → khuḏuŋ.

Часто ассимиляция влияет на предшествующий слог, если он содержит ɔ или ε: нака ‘бедро’ → nɔkɛŋ; letsetse ‘блоха’ → letsetɛŋ. Гласный а подвергается модификации только перед локативным суффиксом, в остальных случаях он не изменяется; ε, ɔ, наоборот, так подвержены влиянию закрытых гласных, что они практически никогда не встречаются перед і, u и даже перед е, о (одним из таких исключений является слово setšhepi ‘хорошо одетый человек’ в педи). В тсва регистрируются высокие варианты гласных среднего ряда е, о, если в соседнем слоге стоят і, u, и низкие варианты гласных перед слогом с а, е, о, например: poui ‘колдун’ – poua ‘колдовать’; sela ‘лить’ – selile ‘наливать’; lolu ‘это’ – lolu ‘тот’. В зулу при образовании негатива терминальное а превращается в і; соответственно изменяется гласный предшествующего слога, ср.: ngiyahleka ‘я смеюсь’ – angihlākī ‘я не смеюсь’, ngiyōra ‘я истекаю кровью’ – angorī. Те же изменения гласных наблюдаются при образовании локатива с помощью суффикса -ini и при образовании существительных от глаголов трансформированием терминального а в о, і: ibala ‘открытое место’ → ebaleni; ngiyenza ‘я делаю’ – umenzi ‘деятель’, isenzo ‘дело’ и т.п. Наоборот, присоединение суффикса диминутива -ana превращает закрытый гласный предыдущего слога в более открытый: [isivɔo lɔ] ‘дверь’ → isivalwana; [isɛnzɔ] ‘дело’ → isezwana; ibizo ‘имя’ → ibizwana и т.п.

2. При столкновении двух гласных в языках группы S наблюдаются те же явления, что и в языках других групп. В частности, если в непосредственном контакте оказываются два одинаковых гласных, они произносятся друг за другом, каждый со своим тоном и ударением: mudziídzi ‘новичок’, kureeteka ‘говорить’ в зезуру; khoogò ‘старая курица’, k’ut’eerera

‘следователь’ в ндау; в отдельных случаях между ними может вставляться эвфонический полугласный: ukwakhayakha ‘не прекращающееся строительство’ в зулу. Если встречаются гласные разного тона, образуется гласный глай-дового типа: gaàrà ‘это так’ в каранга; ʃóórá ‘давно’, ʃuúrá ‘чистить кору’ в ндау; âbóni ‘они не видят’, íkali ‘оружие’ в зулу; xǎakáarǎkǎ ‘он не купил’ в тсвана.

Если встречаются два различных гласных, они либо остаются неизменными, либо с ними происходят следующие превращения: a+i → ai, a, ε, e (в сутоу: ma+inǎ → mainǎ, menǎ ‘зубы’, ma+ilǎ → malǎ, mailǎ ‘глаза’; в зулу: na+indoda → nendoda); a+e → ae, aye, e, ɛ, ē (в тсвана: naǎ ‘давать’ → nǎ ‘подарок’, ba+eŋ) → bɛŋ) ‘хозяйева’; в зулу: ba+enza → benza ‘они делают’, ukwenza + enza → ukwenzayenza ‘непрекращающаяся деятельность’); a+o → ao, ayo, ō (в зулу: aoba ‘наши отцы’, ukwona ‘постоянно наносимый ущерб, вред, неприятности, оскорбления’, ba+ona → bona ‘они портят’); a+u → au, u, o (в зулу: iya ‘он увидит’, ka+uboni ‘ты не должен видеть’, na+umfana → nomfana ‘с мальчиком’); e+ɤ → ɛɤ, a, o (в педи: e+uru → euru ‘но’; в зулу: lendaба einqaba ‘это запутанное дело’, be+azi → bazi ‘знай они’, e+ubala → obala ‘открыто’); o+ɤ → ɔɤ, wɤ (в педи: mo+eti → mɔeti, mweti ‘путешественник’; u+ɤ → uɤ, yɤ); wɤ, ɤ, o (в ронга: bua → bua; mua → ɱwa; в зулу: insimu+ini → ensimini ‘в поле’); i+ɤ → iɤ, yɤ, ɤ (в зулу: lendaба ienyé ‘это дело – совсем иное’, li+azi → lazi ‘он знает’, i+azi → yaзи ‘он знает’), где ɤ – любой гласный, ɛ, ɔ – гоморганный полугласный. Когда два гласных не сливаются в один гласный, каждый гласный сохраняет свой тон и способность к слогаобразованию. Если второй гласный произносится низким тоном, а первый – высоким, оба гласных обычно звучат раздельно, но если второй гласный имеет нисходящий тон, могут образовываться дифтонги, например, в зезуру и маньика встречаются дифтонги oũ, aĩ, ср.: m̃hoũ ‘страус’ в зезуру и m̃hoũ в остальных диалектах шона, zõũ ‘слон’ в каранга – nzõũ в зезуру, mãĩ ‘мать’ в зезуру и маньика, ʃãĩ ‘злой дух’ в маньика, zãĩ в зезуру и маньика, но -bgaírá ‘моргать’, -taírá ‘говорить’, -panaírá ‘ходить вперевалку’ в зезуру. Случаи этого типа в юго-восточных языках встречаются редко. Особенно нетипичны они для языков подгруппы шона, где каждый гласный сохраняет свое качество и является в слоге самым стабильным элементом.*

* "Контракции очень редки в каранга (и вероятно, во всех языках банту). Фактически они происходят только в случае присоединения проклитик или в случае конечного *a* глаголов перед энклитиками. Они никогда не встречаются в середине слова. Если согласный опускается между двумя гласными, что происходит довольно часто, два гласных не соединяются в один новый звук большей длительности, а каждый гласный сохраняет свое качество и остается самим собой, количество слогов не изменяется. Гласные это наиболее устойчивый элемент в фонетике банту" [110:24].

3. Приведенные выше иллюстрации показывают, что при столкновении двух гласных результаты обуславливаются "качеством" каждого из них: более слабый гласный элизируется, более сильный сохраняет свои свойства – место образования, тон, ударение и длительность. Наиболее важным фактором при этом является градация гласных от открытых к закрытым. Открытые звуки, как наиболее легко артикулируемые и в силу этого не вызывающие у говорящего напряжения, вводят в сферу процесса говорения больший объем воздуха, а значит, и большую амплитуду вибрации [110:25], чем закрытые. При произнесении открытых звуков вдох делается сильнее, чем при артикуляции закрытых, это создает возможность произносить на выдохе более длинные речевые сегменты. Наиболее сильным оказывается *a*, затем следуют в порядке убывания "мощности" остальные гласные – *o*, *e*, *i*, *u*.*

Именно этим объясняются многие особенности взаимодействия гласных (например, то, что *u*, *i* более подвержены элизии, чем *a*, что часто при коалесценции побеждает *a*, что происходит ассимиляция гласных по степени раствора и т.п.). Не менее важен вопрос о "мощности" гласных и для понимания того, почему одни гласные оказываются ударными, а другие нет. Так, в каранга отмечается, что суффиксы *-ata-*, *-aga-*, *-adza* и особенно *-ama*, *-ana* всегда являются ударными; хотя это чисто ритмическое ударение, оно не уступает по силе главному, или этимологическому, например: *náma* 'палка' – *-námáta* 'молиться'; *-báta* 'трогать' – *-bátána* 'трогать друг друга, поддерживать друг друга'. В отличие от них, суффиксы *-oka*, *-ora*, *-odza*, *-oma*, *-eka*, *-edza*, *-ema* и иногда *-era*, особенно в словах из четырех слогов, ударными являются не всегда, ср. *-mónerá* 'дуть' и *-monéréra* 'раздувать'; *-róta* 'бродить' – *-rótera* 'брести' – *-róteréra* 'ходить вокруг'. И наконец, суффиксы *-uga*, *-uta* никогда не имеют ударения, а *-uka*, *-udza* становятся ударными только, если в предшествующем слоге также имеется гласный *u*, например: *-ráka* 'грузить' – *-rákuga* 'разгружать'; *-fúga* 'накрывать' – *-fúguga* 'раскрывать' – *-fúduguga* или *fúdúguga* 'лежать нагим'. Аналогично: суффиксы *-ira*, *-ika*, *-isa*, *-idza*, *-ima* всегда бывают безударными, кроме тех случаев, когда им предшествуют слоги с гласным *u*; например: *-námáta* 'молиться' – *-námátira* 'молиться за'; *-búruka* 'спускаться' – *-búrukíra* 'опускаться на'.

Та же градация гласных по мощности вдоха, обуславливаемой степенью их открытости, определяет положение ударения в односложных словах: ударение в них часто падает не на самый важный этимологически слог,

* Не случайно в [110:25] транскрипция звука *a* приводится в виде [ah], *e* – [eh], что подчеркивает роль вдоха при артикуляции гласных.

а на тот, который содержит наиболее сильный гласный; например: ngingáde ‘я могу любить’; ndakádá ‘я действительно любил’; ndinodá ‘я люблю’; kunó ‘здесь’; ranó ‘езде’; nezítá (а не nezíta) ‘по имени’, и т.п. Степень открытости гласного сказывается не только на месте ударения, но и на структуре тонового контура [77:206]: слог, произнесенный высоким тоном, признаётся ударным, а ударный является таковым из-за того, что содержит самый открытый гласный. Поэтому между степенью раствора гласного, его высотой и ударением устанавливается зависимость, которая реализуется в различных языках по-разному, но повсеместно сказывается на характере звукового строя.

§ 5. Просодические корреляции

1. Во всех языках описание вокализма строится при учете четырех параметров: тона, ударения, количества гласного и его качества (степени раствора речевого канала и характера артикуляции звуков). Роль этих параметров в различных языках не одинакова. В одних языках наиболее важным является тон, в других – ударение, в третьих – количество гласного и т.д. Тем не менее в каждом языке представлено участие всех четырех параметров в организации вокализма и его функционировании; нет языков, при описании которых один из параметров оказался бы лишним: повсеместно существуют релевантные для носителей языков звуковые оппозиции, истолкование которых невозможно без обращения ко всем параметрам. Однако соотношения между ними являются специфическими.

Языки различаются тем, какая роль в организации вокализма отводится в них действию каждого параметра. Так, в группах А-F, Н-L, R, S наиболее важную роль играет тон, а в группах G, M, N, P – ударение. Для характеристики вокализма языков в группах А-D, S на втором месте по важности после тона оказываются степень раствора речевого канала и характер артикуляции гласного (его "высота" и степень углубленности – см. ту роль, которая при описании этих языков отводится дифференциации гласных по степени раствора, ряду и степени подъема), а на третьем – его количественные характеристики (противопоставление долгих и кратких гласных). Наоборот, в языках групп Е-L, R количественные параметры гласных рассматриваются как непосредственное следствие тона и ударения, поэтому характер их артикуляции ставится в зависимость от всего комплекса супrasegmentных признаков в целом (тона, ударения и длительности). Аналогично обстоит дело в группах G, M, N, P:

в языках группы G наиболее важной после ударения и тона признаётся характеристика гласных по степени раствора, а долгота фиксируется как третьестепенный признак, тогда как в языках групп M, N, P наибольшее внимание после ударения и тона уделяется количественным оппозициям гласных, и противопоставления по способу образования ставятся в зависимость от супrasegmentных явлений.

Повсеместно тон оказывается феноменом, обуславливающим взаимодействие и роль остальных параметров; количество гласных, способ их образования, позиционные условия выявления этих признаков ставятся в зависимость от тона или от тона и ударения; тон и ударение фиксируются как главные, остальные параметры – как второстепенные. Тип тоновых контуров гласных и их регистровые характеристики нигде не рассматриваются как следствие их позиции по отношению к ударению; обратные импликации встречаются часто, т.е. есть немало случаев, когда в качестве доминанты языковой системы регистрируется тон, и нет случаев, когда эта роль отводится ударению. Поэтому, хотя мы говорим о корреляции всех перечисленных параметров и их взаимосвязанности или взаимообусловленности, роль по отношению друг к другу у них разная: тон → степень раствора → ударение → количественные характеристики гласных. Никаких свидетельств о том, что на прежних этапах языковой эволюции существовала иная иерархия перечисленных параметров, нет. Значит, зафиксированная иерархия – это свойство грамматического строя ЯБ, которое существовало на всех этапах их эволюции.

2. Во всех ЯБ существует дифференциация гласных по долготе. Например, в зулу выделяются четыре степени долготы: 1) длительный, или очень долгий гласный; 2) долгий; 3) удлинённый; 4) краткий. Длительные гласные служат для передачи эмоций. Часто они встречаются в идеофонах: be:: ‘горение огня в траве’, nto:: ‘прямота, распрямление’ и т.п. Долгим или удлинённым является, как правило, гласный, стоящий в предпоследнем слоге под ударением: наиболее долгим становится такой гласный в последнем слове, долгота предпоследних слогов остальных слов убывает по мере продвижения к началу предложения. Так, в предложении [Lētha:nt'u] ‘Приведи людей!’ гласный a: в слоге ба долгий, ē в слоге lē – удлинённый, а в слоге tha – краткий. В большинстве языков фиксируется три: долгий, удлинённый и краткий (aa-ā-a либо в иной нотации a:-ā-a) или две степени долготы: долгий и краткий (ā-a либо a:-a). Фонологический статус долготы гласных придается редко; если это происходит, речь идет об оппозиции долгих и не-долгих, или кратких, гласных; например, в гикую, мвера, сонге и других языках функционирование долгих и кратких гласных является позиционно обусловленным,

и долгие гласные рассматриваются как аллофоны кратких, а не как самостоятельные фонемы. Смыслоразличительная роль противопоставления гласных по долготе зафиксирована во многих языках (см. *jiibe* ‘сорго’ – *jibeele* ‘грудь’ в луба-катанга [86,3:32-33]). Наиболее сильно она представлена в гикую, каланга₁, мабиха, а также многих языках групп E, F, H, K, L, M, N, P. Наоборот, в языках групп A, B, C, D, R и S доминантой вокалических корреляций является не количество гласного, а его тон. В гикую долгие гласные встречаются чаще всего в эмфатической речи мужчин (в женской речи им соответствует пролонгизация назальных согласных), т.е. усиление мощности и долготы раствора речевого канала является признаком мужской эмфатической речи, удлинение времени активизации назального резонатора – аналогом этого явления в женской речи.

3. Между ударением и долготой гласного во многих языках устанавливается один и тот же тип корреляции: долгие гласные в большинстве случаев бывают ударными, а краткие – и ударными, и безударными.* Например, в дамба под ударением обычно стоят долгие *ē*, *ō* или краткие *ε*, *э*, а также могут появляться долгие *ē̄*, *ō̄*, но краткие *e*, *o* в этой позиции не встречаются, т.е. более узкие гласные, в отличие от более широких, функционируют под ударением лишь при пролонгизации [77:6]. В кете *i* всегда долгое; долгими оказываются также назальные гласные и гласные, за которыми следует *ŋ* или консонантная композита, первым членом которой является назальный. В суахили долгие гласные бывают только ударными (*msi:tu* ‘лес’), в безударном положении произносятся краткие гласные. Краткие гласные встречаются также под ударением; в частности, это происходит, когда они предшествуют назальным композитам (*kupenda* ‘любить’), появляются в беглой речи или произносятся под ударением в третьем слоге от конца в арабских заимствованиях и в слоге, предшествующем главному ударению. Однако предпоследний слог в суахили никогда не артикулируется с такой степенью удлинения, как, например, в зулу или суто, т.е. речь идет об относительной долготе гласных в пределах самого суахили. Данные о соотносительной длительности звучания ударных и безударных гласных показывают, что, например, в слове *kumbuka* ‘длительность’ и в слоге под ударением *mbu* составляет 96 мсек, а в безударном слоге *ku* – 22 мсек. Та же закономерность отмечается при произнесении не только гласных, но и сонантов.

В языках N и P количество гласного тоже тесно связано с ударением и тоном; как самостоятельный признак, различающий значение слов,

*В языках группы L количество гласного не зависит от ударения: под ударением могут стоять как долгие, так и краткие гласные.

долгота или краткость гласного наблюдается редко. Например, в чева фиксируется единственная оппозиция этого типа (*nidā́dza* ‘я пришел’ и *nidā:dza* ‘я приходил’); она служит для различения аспектных характеристик действия. Зато в мабиха таких примеров много (ср. *matu* ‘ползучее растение’ – *maatu* ‘глаза́’ и т.п.). Хотя ударение здесь может падать не только на долгие, но и на краткие гласные, преимущественное большинство гласных, находящихся под ударением, являются долгими или удлинёнными. Особенно сильна пролонгизация гласных в идеофонах, где долгие гласные представлены не только в предпоследнем слого, но и в финалях, а также в последнем слого глаголов для обозначения “расстояния, высоты (восходящий тон) и продолжительности действия” [139:98].

Обычно ударение не отделимо от тона. Само по себе ударение является слабым, и предпоследний слог оно выделяет незначительно. Но, как правило, его усиливает высокий тон: предпоследний слог часто является не только ударным, но и наиболее высоким. В какой мере тип тонового контура обуславливает силу ударения, особенно видно при эмфазе. Например, при эмфатическом произношении предложения *Wamwa mɔ:ʋa* ‘Он выпил’ [в значении ‘Он пьян, он напился’] слоги низкого регистра произносятся более высоким тоном [*Wámwá mɔ:ʋa!*] и соответственно оказываются более ударными. Наибольшую силу при этом имеет последний в предложении ударный слог (*mɔ:*).

В языках группы Н (например, в киконго) ударение падает на первый гласный корня, – он, как правило, бывает и долгим. Также в языках групп К, L, N, Р большинство гласных под ударением – долгие, но могут употребляться и краткие гласные (их функционирование, как в суахили, регламентируется особыми правилами). Противопоставление долгих и кратких гласных в языках группы М имеет часто смысловозначительное значение, например: *amakosa* ‘сила’ – *amakōsa* ‘запястья’; *ukulila* ‘горевать’ – *ukulīla* ‘есть’ – *ukūlila* ‘покупать’ в ламба (M54).

Очень часто долгота и тон коррелируют между собой, различные по смыслу слова имеют при одном и том же наборе фонем различные тон и долготу гласных, например: *amala* (СН) ‘кишки’ – *amāla* (СНН) ‘ногти’ в ламба. Хотя противопоставлению гласных по долготе, как правило, не придается фонологический характер, его роль признаётся немаловажной для описания языков группы М. Между долготой гласных, их тоном, ударностью и характером открытости или закрытости в каждом языке существуют специфические закономерности. Так, ударный слог бывает не только долгим, но и глайдовым: гласный этого слога или слогаобразующий сонант произносится восходящим тоном, заударный гласный – нисходящим, а преударный – низким или средним; поэтому двусложные

слова имеют тоновый контур ВН (например, в суахили тоновая модель \ – представлена в словах [lũ-lu] ‘жемчужина’, [ṁ-bwa] ‘собака’), а трехсложные – НВН или СВН (– \ – [ra-fĩ-ki] ‘друг’, [ṅ-dĩ-zi] ‘банан’ и т.п.). Слова с большим количеством слогов произносятся по-разному – в зависимости от контекста и идеолекта (например, слово nimevilêta ‘я принес им...’ может иметь тоновый контур СВВВН – \ _ или ВВВВН – \ _). Арабские заимствования с ударением на третьем слоге от конца произносятся нисходящим тоном по модели ВСН – _ , а некоторые (kabisa) еще и по модели СВН – _ . По-видимому, в каждом суахилийском слове, имеющем ударение, представлено изменение тонового регистра (“тоновый перегиб”): переход от высокого тона к низкому, и наоборот, либо в пределах одного слога (см. нисходящий тон на слоге lũ в lũ-lu), либо между двумя слогами (см. подъем тона при движении от слога ra к fĩ в rafĩki или падение тона при переходе от bi к sa в ká-bi-sa).

Во всех диалектах мбунду (R11) представлена оппозиция долгих и кратких гласных, наиболее сильно она развита в бенгела. Количественные различия гласных связаны с их качественными и тональными характеристиками. Например, onjila [_ _] ‘путь, дорога’, onjila [_ _] ‘птица’; в первом случае гласный i произносится низким тоном и является долгим, во втором – кратким (высокого тона). Аналогично: в слове mbambi со значением ‘холод, лихорадка’ а имеет низкий тон, он более долгий и более открытый, чем в слове mbambi ‘газель’, с а высокого тона. Удлинение гласных может создавать впечатление геминии соседних с ними согласных (ср. okandyilla ‘тропинка’ и okandyíla ‘птичка’). Многосложные слова могут иметь два ударных слога. Предпоследний слог является либо ударным, либо долгим.

Во всех юго-восточных языках выделяются три степени долготы гласных: долгий гласный, удлинённый и краткий (например, ii – ī – i). Семантическое значение имеет оппозиция долгих и не-долгих. Предпоследний слог утвердительного предложения, как правило, долгий, вопросительного или восклицательного – краткий; это может служить средством для различения утвердительных и вопросительных предложений (ср., например: Kemosima:ne ‘Это – мальчик’ и Kemosimane ‘Это мальчик?’ в тсвана). Долгим или удлинённым может быть предпоследний слог не только в финали предложения, но и в словах, стоящих в его начале или середине. Подчас этот слог является ударным. Однако это не обязательно: соотношение долготы и ударения определяется спецификой каждого языка и регулируется языковой нормой и речевыми особенностями говорящего. Например, в к’оса краткие гласные встречаются в конце

слов; в беглой речи они элизируются: *zis' ility'elo*; конечный гласный *a* часто слышится как *e*. В средних слогах стоят, как правило, долгие или удлинённые гласные; долгие гласные засвидетельствованы в основах императивов (например, *bona* 'смотри', *thānda* 'люби'), в префиксах именных классов (*linkomo* 'скот', *oonina* 'матери', *ūtyani* 'трава' и т.п.), в демонстративах (*aabo*, *aaba*, *loo* и т.д.) и в основах некоторых существительных (например, *umphuunga*, *ithaanga* и др.), в остальных случаях появляются краткие или удлинённые гласные.

В зулу, кроме трех степеней долготы гласного, выделяется [78:179-182] четвертая: длительный, или очень долгий, гласный. Длительные гласные служат для передачи эмоций, в частности, если говорящих разделяет большое расстояние. Немало их в идеофонах, например: *be::* 'горение огня в траве', *ntwe::* 'скользящее движение', *nto::* 'прямота, распрямление', *t'wi::* 'разрывание' и т.п. Предпоследний слог в слове всегда является долгим и несет главное ударение: *le:tha* 'веди', *aba:nt'u* 'люди'. Наиболее долгий – предпоследний слог последнего слова, долгота предпоследних слогов остальных слов убывает по мере продвижения к началу предложения: *le'thaba:nt'u* 'приведи людей'. Долгота гласного может иметь в зулу смысловозначительную функцию, но обычно она координирует с тональными противопоставлениями, например: *iŋk'a:bi* [2, 2-8, 9] 'бык' – *i:ŋk'a:bi* [3-7, 3-8, 9] 'быки', *u:bo:vu* [2, 2-8, 8-3] 'гной' – *u:bo:vu* [3-2, 2-8, 8-3] 'болото'. В шона удлинение предпоследнего слога, как правило, отсутствует. Краткие и долгие гласные являются позиционными вариантами друг друга, смысловозначительной роли не выполняют (за исключением отдельных диалектных слов и некоторых примеров из ндау). Для этих языков количество не является обязательной характеристикой гласного, хотя в отдельных случаях (например, в паре *ka:na* 'маленький ребенок' – *kana* 'если') оно оказывается значимым.

Наличие во многих языках корреляции между ударением и количественными характеристиками гласных говорит о том, что происходит эволюция одного типа ударения в другой. Это свидетельствует, что либо количественное ударение превращается в силовое, либо силовое становится количественным. Учитывая взаимосвязанность тональных и количественных характеристик гласных в мбунду₂, Фодор [82] выделяет четыре тона (высокий долгий, низкий долгий, низкий краткий, или нейтральный, и высокий краткий) и отмечает, что в диалектах мбунду, XIX в. были представлены первые три тона (например, с их помощью различались порядковые и количественные числительные). В настоящее время тональные оппозиции угасают, но основы существительных по-

прежнему бывают только низкого или нисходящего тона, а префиксы именных классов – только высокого (или нейтрального) тона. Затухание тональных противопоставлений коррелирует с изменением остальных супrasegmentных характеристик: существовавшей ранее тенденции переноса высокого тона с предпоследнего слога на последний и акцентирования (ударения) последнего слога, в зависимости от синтаксико-семантических условий. Разрушение политонии соотносится с развитием тенденции к стабилизации ударения. Фактически только вокативная форма сохранила архаическое музыкальное ударение, во всех остальных случаях ударение из музыкального превратилось в ритмическое.

4. Аналогично может быть оценена тенденция к дифференциации гласных по степени раствора речевого канала. Например, в суахили фиксируется девять гласных (i, i, e, e, a, ə, o, u, u). Они встречаются как в ударных, так и в неударных слогах, однако i, e, ə, u функционируют по преимуществу под ударением, i, e, o, u – в безударных позициях. Учитывая фонемные соответствия, можно добавить, что под ударением e встречается после любого согласного, а в безударной позиции – после сонорных согласных, полугласных, назальных согласных, l, r ([wé: we] ‘вы’; [nyɛkúndu] ‘красный’; [paɛrǎ:lɛ] ‘там’); ə, который под ударением зарегистрирован также после любого согласного, в безударном слоге отмечен после полугласного, гласного ([wa: ə] ‘их’) и назальных композит ([makó:mbə] ‘макомба’); i, u, как правило, не произносятся в ударных слогах перед назальными композитами – здесь им, как и в безударных слогах, соответствуют i, u.

Результаты развития этой тенденции особенно широко представлены в языках групп A-D, где особенно много "растворных оппозиций" (дифференциация гласных по высоте, централизованные гласные и т.п.). Если предположить, что растворные характеристики гласных имели прежде не меньшее значение, чем теперь, т.е. что эти тенденции являются реликтовыми и их действие затухает, можно отметить, что язык, который существовал ранее, был таким, в котором характеристика степени открытости гласных была непосредственно связана с семантикой. Увеличение раствора гласного приводило к его удлинению или акцентированию (см., например, отмечаемую в чева пролонгизацию гласных в последнем слоге глаголов, произносимом восходящим тоном, когда надо подчеркнуть продолжительность действия или большое расстояние и высоту; употребление долгих гласных в эмфатической речи мужчин, говорящих на языке гикую, – в отличие от эмфатической речи женщин, которая характеризуется пролонгизацией не гласных, а согласных). Те же закономерности отличают противопоставление ударных и неударных слогов,

свидетельствующее о прежней подвижности ударения в зависимости от растворных оппозиций гласных. Память о периоде, когда существовала звукопись, отразившаяся в регистровых корреляциях, рассмотренных выше, сохранили многие ЯБ, донеся до нас всевозможные комбинации лексических и грамматических элементов, различаемых по тону, долготе, ударению или степени раствора гласных.

§ 6. Вокалическая синтагматика

1. Во всех ЯБ отмечается, что одинаковые гласные, имеющие одинаковый тон, при соединении превращаются в долгий гласный непрерывного и дискретного типа, имеющий ровный тон. При столкновении одинаковых гласных разного тона реализуются следующие возможности: а) элизия одного из гласных вместе с его тонемой (например, Мейссен для луба-касаи показал, что в глаголах исчезает гласный, тон которого одинаков с тоном соседнего слога); б) слияние двух гласных в один долгий со скользящим тоном: восходящим (в случае Н+В) и нисходящим (В+Н); в) композиция гласных при их дискретном произношении, сохраняющем тон исходных гласных.

Связывание различных гласных дает следующие результаты: а) префиксный гласный опускается, корневой приобретает тон обоих; б) между двумя гласными появляется полугласный, каждый из гласных сохраняет все свои супрасегментные признаки (в том числе, тон); в) префиксный гласный превращается в гоморганный полугласный, корневой гласный удлиняется, тонемы сохраняются, но обе прикрепляются к корневому гласному (полугласный не имеет тона). Со случаем а мы сталкиваемся, когда в префиксе есть гласные е, о, корень начинается на і, иногда на u; со случаем б – когда префикс состоит из одного гласного, и со случаем в – когда в составе префикса есть любой согласный, кроме b. В некоторых языках фиксируется еще одна возможность – г) связь гласных на основе их гармонии (префиксные е, о перед і, е, иногда а, уподобляются корневому, е превращается в і, или о в u). Она реализуется, например, в ганда.

Проиллюстрируем эти закономерности на конкретно языковых примерах. Так, в N и P одинаковые гласные либо связываются в один долгий, каждая часть которого произносится отдельно и имеет собственный тон, либо один из гласных элизируется, либо между гласными появляется полугласный. В ньянджа, например, сосуществуют такие варианты произношения и написания одних и тех же слов, как *siboo* и *sibowo*, *siila* и *siyila*, *masie* и *masiye*, *miono* и *miyono*, *sia* и *siya*, *aesa* и *ayesa*, *sanaone*

и sanawone, boa и bowa, oonda и owonda, kuuwa и kuwuwa, nao и nawo, weta и yeta и т.п. [89:90-92]. В мабиха два гласных, каждый из которых произносится как отдельный слог, разделяются полугласным; отсутствие полугласного означает, что соседние гласные образуют дифтонг: восходящий (ai, ei, au) или нисходящий (ia, ie, ue).

Обозначается сдвоенный гласный по-разному: как композита из двух фонем (liiga в мвера, mundiitane в ньянджа) или долгий гласный (nātati в мвера, vāke в чева) – в зависимости от степени пролонгизации гласного. При элизии гласного "память" о нем может сохраняться в виде паузы (вдоха) (в ньянджа: Mulambule m̩mseu'̩mo вместо Mulambule m̩mseu imo 'Вскопай там дорогу'). В мабиха происходит элизия инициального i в показателе 5-го кл. существительных, подобно инициальному a в указательных местоимениях, что также фиксируется интонацией: ayala'yu 'эта женщина', lolo'ko 'посмотри туда'.

Коалесценция гласных сопровождается следующими превращениями: u + a → wa, i + a → ya. Кроме того, часто a + u → ō, a + i → e, наряду с au, ai (в мвера: mbai 'козел', liau 'сеть', но ma + iyo → meyo 'глаза', kunwa + ukana → kunwokana 'пить пиво'). Отмечаются также случаи i + o → o (ньянджа), e + o → o, e + u → o, i + e → ye, i + o → yo, i + и → yu, u + i → wī, u + e → wē, u + a → wā (мвера), e + u → o (чева).* В чева конечный гласный перед начальным гласным следующего слова обычно опускается,** передавая свой тон следующему гласному, который, кроме того, становится еще и долгим (ni + ulĩmbə → nũlĩmbə 'клеем'); иногда образуются композиты с эпентетическим полугласным (w, y): ngátí ũkó → ngátí wũkó 'примерно там'. Есть и отдельные примеры коалесценции гласных (βa + íni → βēni 'владельцы', kōse + ũkə → kōsōkə 'повсюду').

Отличительной особенностью гикую является тенденция к частому употреблению в речи композит из двух и трех гласных. Как моносилла-бемы произносятся дифтонги ie, iε, ia, iɔ, iu, ei, εi, ai, əi, oi, ui, eε, ea, eɔ, eo, oe, ue, oε, uε, oa, ua, oɔ, uo*** и даже трифтонги: iai, iei, iɔi, eei,

* О специфичности таких процессов в каждом языке говорят, в частности, иллюстрации: ukulu, wokulu, ai (чева) и yaikulu, waukulu, iai (манганджа), т.е. ai, au, ia в манганджа соответствуют в чева e, o, i.

** В сочетаниях "na + личное местоимение", которое начинается с i, происходит противоположный процесс – элизия инициального i.

*** Цепочки ae, aε, aɔ, ao, au, əe, oɔ, ou, eu, eε, ea, eɔ, eo, eu не зарегистрированы в гикую [61:3, 4, 17-27]; a + o → əɔ; a + u → əi; a + eε → eε; a + əɔ → əɔ; ə + o → əɔ; ə + e → oε → wε; ə + u → əi; ε + e → eε; ε + eε → eε; ε + u → εi; ə + a → oa → wa; ə + ε → oε → wε (если гласному ə предшествует гласный с глайдом, ə элизируется),

eaí, eei. Одинаковые гласные соединяются в долгий гласный. Тон влияет на долготу гласных: гласный может звучать долго или кратко в зависимости от тонового контура предложения, в составе которого функционирует данное слово (ср. ndaahe (_ –) ‘я дал’ и nendaahe (– – _ _) ‘и я дал’, ‘я-таки дал’). Гласные ε, а, о не бывают долгими после i, e: если слово начинается с долгих ε, а, о, которым предшествуют i, e, образуются дифтонги: iε, ia, io, eε, ea, eo. Гласный e не бывает долгим после i, u. При сочетании гласных, а + о превращается в эо, если а не является частью дифтонга, и о, если а входит в состав дифтонга. Гласный а встречается в гикую только перед i, а; гласный о – перед всеми, кроме о, u; гласный e – перед всеми, кроме u.

В суахили два одинаковых гласных с одинаковым тоном или типа ВН не превращаются в дифтонг или монофтонг, а функционируют как самостоятельные элементы [132:158-159], каждый из которых имеет собственный тон и образует отдельный слог (например, itiiifu ‘покорность’, kizee ‘старушка’, kuvaа ‘надевать’, urooza ‘паралич’, kuu ‘большой’). Два одинаковых гласных с тоновым контуром НВ (безударный гласный низкого тона и ударный гласный высокого тона) претерпевают следующие изменения: a^a → â (a^asi → âsi ‘бунтовать’); i^i → î (mi^iba → mîba ‘колючки’); u^u → û (mu^ungu → mûngu ‘бог’), при этом сохраняется бифонематичность долгого гласного ("длительность долгого гласного приближается к длительности сочетания двух разных кратких гласных; длительность долгого гласного не меньше длительности сочетания двух разных кратких гласных" [42:358]).

Различные гласные при соединении друг с другом ведут себя по-разному в зависимости от соотношения их тона, ударения* и степени

ε + а → ea (если ε не входит в состав дифтонга); ε + а → а (если ε входит в состав дифтонга); а + ε → εε, ε + о → eo (если ε предшествует равная тонема); ε + о → эо (если ε предшествует гласный с глайдом); при соединении гласных между двумя словами или между формантами возможны цепочки aee, aoo, aim, eoo, eee, euu, eui, eee, eoo.

* В безударном положении гласные имеют значительно меньшую длительность, чем в ударном. Например, если длительность гласного под ударением в разговорной речи в слове [dada] равна 220 мсек., то следующий за ним тот же гласный имеет длительность 115 мсек.; соответственно для слова [baba] имеем цифры 216 и 120 мсек [42:351]. Долгота гласных зависит также от количества слогов в слове: длительность гласного ударного слога в многосложных словах меньше длительности гласного ударного слога в двусложных словах, длительность конечного гласного меньше длительности гласного первого предударного слога; гласный второго предударного слога дольше гласного первого предударного и заударного слогов [42:355].

открытости;* например, если первый гласный имеет высокий тон, а второй – низкий (гласный высокого тона является при этом неударным и более закрытым, чем ударный гласный низкого тона: $i + e$, $i + a$, $i + o$, $i + u$ $e + a$, $e + o$, $u + e$, $u + a$, $u + o$, $o + a$ и т.д.), образуются композиты, напоминающие нисходящие дифтонги: [miô:yo] или [myo:yo] ‘сердцá’, [mu^a:a] или [mwa:a] ‘карликовая пальма’;** эти композиты (типа ВН) встречаются преимущественно в словах бантуского происхождения. Если первый гласный низкого тона, а второй – высокого (гласный низкого тона – более открытый, чем гласный высокого тона: $a + i$, $a + e$, $a + o$, $a + u$, $e + i$, $e + u$, $o + i$, $o + e$, $o + u$ и т.п.), образуются восходящие дифтонги: [la^ini] ‘гладкий’, [zε^itu:m] ‘олива’, [ʃa^uri] ‘дело’; эти дифтонги (типа НВ) есть только в заимствованиях (например, из арабского языка). Если первый гласный имеет низкий тон, является безударным, более закрытым, чем второй, и оба они входят в состав корня, то после губных согласных первый гласный превращается в гоморганный полугласный ($u \rightarrow w$; $i, a \rightarrow y$), второй остается без изменений ([fyonza] ‘сосать’, [bwana] ‘господин’, [vuaa] ‘рожать’, [tʃura] ‘лягушка’ – [vuura] ‘лягушки’ из [ki+ura] при палатализации k); после остальных согласных оба гласных не изменяются (siafu ‘маленький красновато-коричневый муравей’, -fuata ‘следовать’). Не наблюдается модификации гласных и в тех случаях, когда первый гласный относится к префиксу, а второй – к корню (kiazí ‘батат’, kíoo ‘зеркало’, uele ‘болезнь’, uochi ‘грех’, uana ‘детство’, kuona ‘видеть’, kuambia ‘говорить’). Аналогично: при безударном первом гласном более высокого тона и большей степени раствора, чем у второго,

* В суахили длительность узких гласных меньше, чем длительность широких. Например, в одной и той же позиции под ударением в словах tambo – tombo – tembo – tumbo – tímbo гласные a, o, e, u, i имеют соответственно следующую длительность звучания: 160, 158, 110, 90, 73 [42:350], т.е. узкие гласные u, i звучат в два раза короче широкого гласного a, и значит, в одних и тех же интонационных условиях (тон, ударение) широкие гласные доминируют над узкими гласными и приспособливают их к себе (но не наоборот)

** Известно, что префикс *tu* функционирует в суахили всего в нескольких словах (например *tungu* ‘бог’, *tume* ‘муж’, *mundu* ‘серп’, *muhindi* ‘кукуруза’, *muungano* ‘объединение’, *tuombaji* ‘проситель’, *tuuzaji* ‘продавец’, *tuujiza* ‘чудо, диковина’, *tuimba* ‘созидатель, творец’, *tuiradi* ‘замысел, решение’, *tuwa* ‘сахарный тростник’, *tuwi* ‘манговое дерево’, и др.). В остальных случаях употребляются префиксы *m* (перед согласными, например, *mkaa* ‘житель’), *mw* (перед гласными: *mwenda* ‘идуший’) и *mwu* (*mwulimwengu*-*mlimwengu* ‘житель’), которые свидетельствуют о тенденции к утрате закрытым (узким) гласным *u* вокалических свойств (слогового характера, собственной тонемы, сонорности), под влиянием последующего более открытого (широкого) гласного, и его консонантизации (превращении в полугласный).

оба гласных функционируют без изменения – как в составе корня (-pauka ‘соединяться’), так и в различных морфемах (waume ‘мужья’, waoga ‘труссы’, waimbaji ‘певцы’, maendeleo ‘прогресс’). Произнесение таких гласных ровным (низким) тоном вызывает элизию первого гласного, если он является безударным: wa + enzi → wenzi ‘товарищи’; ma + ino → meno ‘зубы’; ma + orogo → тогого ‘гладкие’. Это – пример последовательности тоном НН. В случае ударения на первом гласном фонетические преобразования не происходят, и оба гласных остаются неизменными: [ma:i] ‘яйца’ (Момбасский диалект), [uzao] ‘производство’, [mu:a] ‘сахарный тростник’, [t|u:o] ‘книга’, [ndu:i] ‘оспа’, [kinupu:e] ‘покупай это’, [ki:a] ‘щеколда’, [ku:u] ‘жажда’, [kili:o] ‘крик’, [usili:e] ‘не плачь’.* Ударный гласный в этих сочетаниях значительно длиннее безударного. Конечный гласный после широкого гласного (например, о в слове uzao) длительнее конечного гласного после узкого гласного (о в слове kilio).

В луба-касаи в финалях слов все гласные, за редким исключением, – краткие, а после композит "согласный + полугласный" и "назальный согласный + согласный" – всегда долгие. Кроме того, долгими являются и гласные, которые имеют нисходящий или восходящий тон [72: 42]. Долгий гласный может быть как ударным, так и безударным (под ударением могут стоять и долгие, и краткие гласные). Мейссен установил [111:282-291], что в глаголах луба-касаи исчезает гласный, тон которого совпадает с тоном соседнего слога, и сохраняется гласный, тон которого контрастирует с тоном соседнего слога (ku + bà + ámbilá → kúbàmbila). На существительные этот закон распространяется с оговорками (например, есть такие исключения, как -àmbà ‘разновидность змей’, 5-6-й кл., -èndù ‘лампа’, 3-4-й кл., -òtà ‘домашний очаг’, 7-8-й кл., -òsà ‘волосы’, 3-4-й кл., и т.п.). В дамба в именных префиксах встречаются узкие и широкие гласные (i, u, a); e, ε, ə, o в именных префиксах не зарегистрированы. Результатом соединения двух одинаковых гласных является либо долгий гласный: i + i → ī, a + a → ā, u + u → ū, либо композита типа ГПГ, например: u + u → uwu, o + o → owo, e + e → eue. Сочетание различных гласных дает следующие результаты: a + u → au, ā, awu; a + o → ao, ā, awo; a + i → ai, ē; a + e → ē; o + a → wa; ō + a → ōwa, wa; o + u → ō; o + i → oyi, wi; u + a → wa, u + o → ō; u + e → we; u + i → wi; e + a → ā; e + u → ō; e + o → ewo, eyo; i + a → ya; i + o → yo; i + u → yu; ī + u → īwu, yu; i + e → ye.

* Сочетания двух гласных часто возникают в суахили в результате элизии согласных /r/ перед гласными: lia-rīga, lea-rera, kua-kūga, что также подтверждает бифонематичность этих сочетаний [42:356].

Композиты из двух гласных, разделенных полугласными, получаются, как правило, в тех случаях, когда первый гласный является долгим, стоит под ударением и оба гласных имеют различный тон; первый гласный превращается в полугласный, если он является безударным и оба гласных имеют различный тон; сращение в один гласный происходит, если оба гласных имеют одинаковый или однонаправленный тон и второй гласный или оба гласных являются безударными (чаще всего с коалесценцией гласных мы сталкиваемся в конструкциях "глагол + существительное", когда конечный гласный глагола объединяется с начальным гласным существительного, а также при наложении формантов перед основой глагола).

2. Общими для всех языков являются и закономерности соотношения тоном и слогообразующих элементов, выступающих в роли носителей этих тоном. Повсеместно фонемы делятся на три типа: 1) те, которым обязательно присущ тон и которые всегда являются слогообразующими; 2) те, которые могут приобретать тон факультативно: при наличии тона они выступают как слогообразующие элементы, при его отсутствии – как неслогообразующие; 3) те, которые никогда не обладают собственным тоном и не образуют отдельного слога. Везде гласные являются фонемами первого типа, назальные слогообразующие сонанты – второго, полугласные в интервокальной позиции и в начале слова, а также согласные, не являющиеся слогообразующими, – третьего. Кроме того, в ряде языков ко второму типу относятся полугласные в позиции после согласного (в кела и ганда), неназальные слогообразующие согласные (сонорные или пролонгизованные в букусу и ганда, фрикативный дорсо-палатальный *j* в начале слова в кела) и композиты согласных с первым назальным (например, в букусу). Анализ звуковой структуры суахили показывает, что слоговые сонанты имеют большую длительность (136 мсек), чем неслоговые (108-110 мсек) [42:157]. Сонанты под ударением более долгие, чем безударные. Назальные сонанты, выступающие в роли показателей 1-го, 3, 9 и 10-го именных классов, являются слогообразующими в сочетаниях с согласными (например, *mb, mt, nch, nz*), кроме сочетаний *ng, nd* и *mw*: сонанты *m* (перед *w*), *n* (перед *g*) не образуют слога (например, *nguo* 'одежда', *mwezi* 'месяц'), перед *d* сонант *n* может быть как слоговым, так и неслоговым (*ndugu* 'брат'). Перед гласными сонанты *m, n* не становятся слогообразующими (*nukta* 'секунда', *muungano* 'объединение'). Не образуют слога также сонанты в составе корневой морфемы (например, *kumbe*). Сонант *m*, выступающий в роли объектного согласователя, бывает слогообразующим перед сонантом меньшей звучности.

Благодаря тому, что каждый гласный наделен своим тоном, вока-лический состав слова вместе с тоновым контуром оказывается стержнем, организующим звуковую структуру; при различных превращениях морфем каждый гласный сохраняет свое качество и является в слоге самым стабильным элементом. Поэтому элизия гласных в середине слова происходит в исключительных случаях (как правило, на морфемном шве), – см. примечание на с. 67.

§ 7. Заключение

1. При изолированном произнесении слов в ЯБ большинство слогов являются открытыми. В связной речи есть тенденция открытые слоги превращать в закрытые. Больше всего ограничений на качество, количество и регистр гласного, имеющих лексико-грамматическое значение, накладывается на финаль слова (грамматическая значимость тонового контура последних двух слогов, превращение открытого слога в закрытый как средство связности текста, избирательность в отношении древних ("исходных" [120]) гласных и т.п.). Здесь как бы воспроизводится грамматическая традиция. Наиболее чувствительной к инновациям, разрушающим её, является инициаль (см. ассимиляцию тоном, гармонию гласных, уподобление гласных по месту образования и другие модификации, регистрируемые в этой части слова). Самой стабильной в регистровом отношении остаётся средняя часть (начало основы, корень). Грамматические функции сосредоточены по краям слова (в его инициали и финали), лексические – в середине. Циркумфикс оказывается носителем изменчивости, корень – стабильности.

Каждая морфема имеет свой собственный однонаправленный тон: ровный, восходящий или нисходящий. Корням свойственна большая стабильность тона, чем грамматическим формантам. В большинстве случаев корням присущ постоянный тон, грамматическим формантам – переменный. Разнонаправленность тоном является сигналом морфемных швов (отмечается параллелизм ситуаций "внутри слова" и "внутри предложения"). Повсеместно наблюдается ступенчатый характер швов в предложении: каждое предложение произносится в несколько ступенек, начало последующей ступеньки имеет более низкий регистр, чем предыдущей. Тоновые контуры преимущественного большинства повествовательных предложений характеризуются циркумфлексами, а слова – глайдами (в силу обязательного взлета интонации в предфинали с ее последующим падением в финали).

2. Во многих языках наблюдается тенденция к произнесению слов в виде рамочных структур низкого тона с высокой серединой (предфи-налью слова, которая часто является инициальной корня). В остальных языках тенденция к понижению тона распространяется только на финаль. Противопоставление грамматического тона финали (низкого) и лексического предфинали (высокого) является общим для всех языков, статус инициали в языках различных групп различен. Поэтому релевантность оппозиции "низкий-высокий тон" для дифференциации финали и предфинали, а вместе с этим грамматического и лексического компонентов в слове, может рассматриваться как универсальное свойство семьи ЯБ (в том числе, как свойство прабанту – в силу вхождения прабанту в "семью банту", по определению). Это свойство сформировалось в языковой общности до ее дивергенции на отдельные языки. Наоборот, вовлечение инициали в сферу действия регистровых оппозиций (понижение инициали в одних языках и повышение в других) произошло позднее: после дивергенции ЯБ на две подсистемы в соответствии с охарактеризованными выше двумя тенденциями языковых изменений, – в одной развивалось стремление к общему повышению тональности речи и оформлению исхода слова высокой интонацией, во второй шло общее снижение тона и инициаль начала ассонировать с финалью.

Противопоставление грамматического и лексического компонентов с помощью низкой-высокой тонем и положения в слове (финаль-предфиналь) также относится к праязыку, т.е. тому состоянию, когда корни маркировались высоким тоном, а грамматические форманты – низким и оппозиция высокого-низкого тона использовалась как грамматическое средство дифференциации морфем (противопоставления знаменательных лексем, впоследствии ставших корнями полнозначных слов, служебным лексемам, развившимся в форманты и служебные слова [40]).

3. Повсеместно представлено силовое (интенсивное), а не количественное ударение. Повышение тона коррелирует с увеличением раствора речевого канала и интенсивности (ударности) слога, и наоборот. Наиболее ударным является в подавляющем большинстве случаев предпоследний слог. Здесь наблюдаются удлинение гласного и повышение тона, сопровождающие момент, который предшествует полному выдоху. Это главный ритмический центр слова. Каждый второй слог влево от него является вторичным ритмическим центром и имеет ударение, ослабевающее по мере удаления от главного. Кроме ритмического, есть ударение этимологическое. Оно помечает корневой слог (семантико-морфологический центр), не изменяя его количественно-качественных и регистровых характеристик. Этимологическое ударение во всех ЯБ

соотносится с первым слогом корня: посредством акцента выделяется инициаль знаменательной лексемы.

Общим для всех ЯБ является чередование ритмически ударных и неударных слогов (через слог); универсализмом обладает и нефиксированность этимологического ударения в отношении позиции в слове (см. с. 63). Все эти параметры можно соотнести с праязыком. В отличие от них, место локализации главного и вторичных ритмических ударений в различных языках представляет собой переменную величину: ритмически ударными могут быть либо четные, либо нечетные слоги – в зависимости от того, падает главное ритмическое ударение на последний или на предпоследний слог. Неуниверсальность данного свойства можно объяснить тем, что оно возникло и сформировалось в каждом из языков уже после филиации праязыка. Это означает, что праязык был системой со свободным ударением, которое использовалось для выделения различных частей (инициалей или финалей) знаменательных лексем в соответствии с той или иной коммуникативной установкой говорящего (повествовательные-вопросительные-отрицательные-побудительные предложения, субъект-объект-копулятив и т.п).

4. Во всех ЯБ представлено неравноправие гласных: одни выступают как основные, самостоятельные фонемы, не зависящие от положения в слове, вторые – как аллофоны, произношение которых варьирует в зависимости от позиции и диалекта. Гласными, которые имеют одинаковое произношение во всех позициях, считаются а, и, і; гласными, которые подвержены позиционным изменениям и могут манифестироваться по-разному в соответствии со степенью открытости речевого канала, признаются е, о (см. аллофоны ε-е-е̄ и э-о-о̄). Градуировка степени открытости речевого канала (номенклатура аллофонов и их характеристики) обуславливается спецификой языка. Противопоставление основных (а, и, і) и второстепенных (е, о) гласных, а также наличие аллофонов у основных и второстепенных гласных являются инвариантными свойствами ЯБ. Поэтому можно предположить, что оппозиция основных и второстепенных гласных возникла до филиации протосистемы; "аллофонная определенность" каждого гласного сформировалась позднее.

Наиболее важным средством противопоставления 'главных и второстепенных гласных является степень открытости речевого канала и округления губ (ср. і-е, и-о). Степень открытости речевого канала отвечает и за дифференциацию аллофонов (ср. ε-е-е̄, э-о-о̄). Эта степень при произнесении гласного обуславливает энергетический потенциал, от которого зависит "сила давления" на соседнюю фонему: наиболее сильным и поэтому неизменным при сочетании с другими гласными оказывается а,

затем следуют *u, i* (при "давлении" на них со стороны предшествующего им *a* они превращаются в другие фонемы, например, *o, e*), потом второстепенные гласные, и наконец, аллофоны второстепенных гласных. Эта иерархизация вокализма является для банту универсалией, поэтому принцип иерархизации гласных на основании присущего им энергетического потенциала (степени открытости речевого канала) можно соотнести с прабанту. Конкретные формы реализации этого принципа в виде вокалических систем со своей собственной номенклатурой гласных сопоставимы с этапом после филиации праязыка.

5. Как отмечается на с. 70, в праязыке существовала иерархия: тон* → степень раствора → ударение → количественные характеристики гласных, определявшая спецификацию и функционирование плана выражения. Праязыковым является и такое свойство: усиление мощности и долготы раствора речевого канала характеризует эмфазу в мужской речи, а удлинение времени активизации назального резонатора – женской. С прабанту соотносится и отмечаемая во всех языках тенденция к разрушению политонии, затуханию растворных различий и стабилизации ударения.

Наиболее устойчивым элементом в фонетике ЯБ (и праязыка) являются гласные. Элизия гласных в середине слова служит сигналом морфемного шва, их изменения говорят об истории образования слов из силлабем. Так, бифонематичность и пролонгизация гласных, подобно дифтонгам и цепочкам гласных, во многих суахилийских словах оказываются свидетельством иноязычных заимствований или сращения морфем; элизия гласных перед *mí*-назальными напоминает нам об объединении в одно целое двух морфем после того, как произошла назализация второй морфемы; наличие в именных префиксах ламба только основных гласных (*a, u, i*) подсказывает, что именные префиксы образовались из самостоятельных силлабем, которые могли функционировать в любой позиции (качество гласных в них не зависит от позиции), т.е. возникли из древних силлабем, в составе которых были "исходные" гласные *a, u, i*, но не из более новых силлабем, в которых появились производные гласные *e, o*; *mí*-назальные повсеместно сигнализируют о морфемных швах, на которых происходила назализация отрезка слова, начинаемого *mí*-назальным, и т.д.

* Качмарек назвал первый год жизни ребенка периодом тональной модуляции (ср. филогенез и онтогенез) [27:58].

Глава 2. Тембровый строй языков банту

Подобно тому, как регистровый механизм можно охарактеризовать в виде генератора гласных, тембровый аппарат является генератором согласных. В составе тембрового аппарата выделяются два компонента: носовой и ротовой резонаторы. Ротовой резонатор имеет трехчастное строение: передний резонатор (пространство между губами и зубами), задний (области вельюма, фаринкса, ларинкса и глотки) и средний (собственно ротовая полость). Пропуская струю воздуха через резонаторы и приводя их в возбужденное состояние (последовательно или параллельно), можно генерировать звуки, которые ниже интерпретируются как согласные основного, или чистого, тона (средний резонатор) и обертоновые: лабиальные, назальные и фарингальные. Обозначая согласные, создаваемые назальным резонатором, буквой Я, и тремя областями ротового резонатора – соответственно В (лабио-резонаторные), L (средне-резонаторные, основного тона) и Н (велярно-фарингально-ларингально-глоттально-резонаторные), мы получаем систему синкретичных согласных, которая порождается данным механизмом.

При взаимодействии частей тембрового механизма друг с другом и с регистровым механизмом, описанным выше, возникает многообразие звуков, которое представлено в консонантных системах современных языков банту и возникновение которого можно рассматривать как результат эволюции прабанту (генерации конкретных языковых систем исходным праязыковым механизмом). О том, что именно такая модель объясняет данные современных ЯБ, говорят следующие факты.

§ 1. Назальные согласные

1. Спектр назальных в различных языках не одинаков. Например, в нкоя зарегистрированы пять гоморганных назальных – билабиальный (m), дентальный (n), альвеолярный (ɲ), палатальный (ny) и велярный (ŋ), в квангари и ламба – шесть (те же плюс лабиодентальный m̥); например, в ламба: *imiti* ‘деревья’, *imweo* ‘жизнь’, *imbwa* ‘собака’, *m̥fino* ‘они здесь’, *imɔwe* ‘палец’, *ɲembe* ‘напиши мне’, *ut̥ini* ‘маленькие птицы’, *-palanya* ‘уподоблять’, *inyimbo* ‘песня’, *pansi* ‘внизу’, *inombe* ‘скот’, *inɔma* ‘барабан’ [77:18-21]. Характерной особенностью языков группы ВЦ является наличие в них двух рядов назальных (обычных назальных и своеобразных назально-фрикативных): m-m̥, n-n̥, ny-ny̥. Указанные оппозиции имеют смыслоразличительную функцию; например, слова *-ɲwan-* ‘покупать в кредит’ и *-ɲwaɲ-* ‘носить набедренную повязку’ противопоставлены друг другу на основании оппозиции n/n̥: в одном случае в конце слова произносится обычное n, во втором – альвеолярный назальный, напоминающий назализованный фрикативный, т.е. n̥. Назальные фрикативные фонемы входят в показатели 4-го, 5-го и 6-го классов (префиксы *im̥i*, *iny̥u*, *en̥i*, *am̥*).

В языках зоны S билабиальный назальный бывает, как правило, очень сонорным; встречается он перед всеми гласными; в суто-тсвана наблюдается тенденция назализовать следующий за m закрытый гласный, особенно i, u. В нгуни есть два варианта m – билабиальный и лабиодентальный, в остальных языках они не различаются. В шона отмечены два варианта n – альвеолярный и дентальный, но их противопоставление значимым не является, поэтому они могут считаться вариантами одной и той же фонемы – дентального назального. Дентальный назальный, как и билабиальный, функционирует перед любым гласным. Палатальный или препалатальный назальный ny употребляется эпизодически. Особенно редко он зарегистрирован перед закрытыми гласными i, u. В каранга препалатальный назальный ny противопоставлен не только остальным назальным, но и сочетанию дентального или альвеолярного назального с полугласным u; например, произношение ny в слове *nyuaɲ* ‘быть усталым’ отличается от ny в слове *nyua* ‘быть пристыженным’ (в первом случае представлено сочетание двух фонем, во втором одна). Велярный назальный особенно часто произносится перед a, ə; перед i, u он практически не употребляется; перед гласными переднего ряда в суто-тсвана он имеет тенденцию превращаться в препалатальный назальный ny, в шона это явление не наблюдается, например: *mɔnyina*, *mɔnyina* ‘младший брат’ в зезуру, *mɔnyina* в каранга и маньика.

Общим свойством назальных во всех языках банту является их способность к слогообразованию и приобретению самостоятельной тонемы. Например, в каланга², лилима и талахундра слогообразующие назальные встречаются перед односложными основами; когда назальный оказывается не в предпоследнем слоге, он утрачивает свое слогообразующее качество. Долгие назальные в каланга² незначительно отличаются от слогообразующих назальных, в намбзья им соответствуют: 1) назальные, предваряемые гласным *u*; например: *ɲù* или *ɲ:ù* ‘человек’ в каланга² – *unhù* в намбзья и рожи (*ɲdhù* в талахундра, *ɲthù* в лилима), *ɲzi* ‘деревня’ в каланга², лилима и талахундра – *unzi* в намбзья; 2) назальные после *i*: *ɲgwè* в каланга² – *inɲwè* ‘леопард’ в намбзья (в талахундра *ɲgwè*); 3) сочетания назальных с гласными: *ɲsi* ‘пестик’ в каланга², лилима и талахундра – *m̃wisi* в намбзья (*usi* в рожи). В центральных диалектах шона из слогообразующих сонантов встречается только *ɲ*, например: *ɲti* ‘дерево’ в сангве, *kuti baɲ* ‘треск’ в каранга (слогообразующие *ɲ* соответствуют часто в каранга звукам *n*; *ɲu*). В зезуру перед *p*, *b*, *pf*, *bv* в безударном слоге появляется в роли префикса слогообразующий сонант *ɲ*: *ɲpɸúmi* ‘богач’, *ɲperekédzi* ‘вождь’; перед остальными согласными, в том числе, перед имплозивным *h* функционирует префикс *mi-*. Особенно много слогообразующих назальных в языках нгуни – зулу и ндебеле (диалекты Зимбабве).

В суто-тсвана назальные бывают слогообразующими только перед сходными с ними гоморганными смычными: *ɲ* – перед *m*, *p*, *pf*, *ph* и т.п.; *ɲ* – перед *n*, *t*, *ts*, *tʃ*, *tl*, *th*, *tsh*, *tʃh*, *tlh*; *ɲu* – перед *ny*; *ɲ* – перед *ɲ*, *k*, *kh*, *kxh*: *ɲma* ‘моя мать’, *ɲpa* ‘желудок’, *ɲpsa* ‘собака’, *ɲpho* ‘подарок’, *ɲpʃhe* ‘страус’ в педи; *ɲna* ‘сидеть’, *ɲta* ‘вошь’, *ntha* ‘болеячка’, *ntsi* ‘муха’, *ntsha* ‘убирать’, *ntʃa* ‘собака’, *ntʃha* ‘новость’, *ɲtlo* ‘хижина’, *ɲtlha* ‘конец’ в тсвана; *ɲупуа* ‘сочиться’, *ɲупуе* ‘маленький’ в тсвана; *ɲɲwe* ‘другой’, *ɲku* ‘овца’ в педи.* Кроме того, слогообразующие назальные зарегистрированы в финалях существительных, стоящих в локативной форме с суффиксом *ɲ*: *thaβeɲ* ‘на горе’ в педи, а также в финалях некоторых других слов – местоимений, наречий, существительных и императивов мн.ч., например: *βуаɲ* ‘трава’, *loɲ* ‘ёж’, *ɸikxhoɲ* ‘дрова’, *gataɲ* ‘любите’ и т.п. в педи.**

* Иногда отмечается вариативность произношения внутри одного и того же диалекта из-за недискретности образования смычных; например, происходит сближение по месту образования *ny* и *ny*; *ru*, *ps* и *s* (см. в тсвана *gonyenua-gonyetuа* ‘смеяться’, *psa-mca-mruа-mrsa* ‘собака’).

** Предполагается [131:34], что локативное *ɲ* в педи произошло из архаической формы *ni*, служившей локативной частицей (в сев. Трансваале произношение *ɸhoni*, *thaβeni* зарегистрировано, по крайней мере, в трех диалектах педи и суто_ю).

Слогообразующие назальные, стоящие перед другими согласными, обычно вызывают различные преобразования многих из них. Например, в чева: $m̥ + \beta \rightarrow mb$; $m̥ + w \rightarrow mb$; $m̥ + l \rightarrow mnd$; $m̥ + r \rightarrow mnd$; $m̥ + y \rightarrow mndj$; $m̥ + m \rightarrow mb$; $n̥ + \beta \rightarrow mb$; $n̥ + w \rightarrow ngw$; $n̥ + y \rightarrow nd, ndj$; $n̥ + l \rightarrow ndi$; $n̥ + r \rightarrow ndi$; $n̥ + ny \rightarrow nny$.^{*} Примеров $m + m̥$ или $m̥ + n̥$ нет; если $m̥$ предворяет любой другой согласный, кроме β, l, g, w, y , изменения не происходят. Нет изменений также в тех случаях, когда $n̥$ стоит перед любыми дентоальвеолярными, постальвеолярными и постпалатальными, кроме y ; перед остальными билабиальными и лабиодентальными $n̥$ превращается в m . Аспирированные после назальных теряют аспирацию, если между назальным и аспирированным есть гласный: $phiri \rightarrow marīri$, $theβēra \rightarrow mateβēra$; аналогично: аффрикаты превращаются в несегментированные согласные ($pfūkɔ \rightarrow mafūkɔ$, $dzāna \rightarrow mazāna$), смычной b становится фрикативным β , если в следующем слоге есть назальный согласный ($bāmba \rightarrow maβāmba$, но $bōdza \rightarrow mabōdza$). В нсенга существует тенденция изменять произношение звуков, которые соседствуют с m, n (слева или справа). В качестве репрезентаций m здесь могут выступать urn, mu, mw, m, w, u , в качестве репрезентаций n – in, n, ny, i, y .

Кроме того, в начале некоторых слов звучат n или w , которые употребляются, на первый взгляд, просто для благозвучия, но, возможно, являются способом сохранения инициалей или реликтами более древних форм [107:8]. В суахили гласные в слогах, начинающихся на назальный (особенно m), часто назализуются: $[tʃamĩ:a]$ ‘зевота’, $[kiko:mĩ]$ ‘конец’, $[ki:mĩ]$ ‘высота’. Наиболее сильную назализацию можно наблюдать у гласных, стоящих в конце слова после носовых согласных, а также их соединений: mb, nd, ndz, ng, mv, nz , и особенно mb . В этих случаях назализуется весь отрезок длительности конечного гласного [42:353]. Назализуются не только последующие гласные, но и предшествующие. Это происходит, если последующий слог начинается с назальной композиты nz ; назальный согласный, передав свое качество предшествующему гласному, может элизироваться: $[tʃē:za]$ от $chenza$ ‘крупный мандарин’, $[dā:zi]$ от $danzi$ ‘горький апельсин’, $[gã:zi]$ от $ganzi$ ‘онемение’. В ронга наблюдается назализация гласных a, u, e, i под влиянием назального согласного, стоящего в предыдущем слоге; например, $nkhisi$ ‘долина’ произносится как $nkhĩsi$ или $nkhinsi$; $pamuhla$ ‘сегодня’ – как $pamũhla$ или $pamunhla$. Назализация гласных отмечается и в тех случаях, когда в предыдущем слоге стоит велярный n , развившийся в начале, слова перед

^{*} В чева слогообразующие назальные рассматриваются как результат редукции mu, ni ($mu \rightarrow mw \rightarrow m$; $ni \rightarrow nyu \rightarrow ny$) [139:15]. В мабиха слогообразующие отмечаются только в префиксах, в корнях их не бывает.

гласным вследствие назализации основы; например, *hikwabu* ‘все’ произносится как *hīkwabu*.* Следы назализованного гласного в показателе 1-го кл. *mī-* можно отметить в таких словах, как *munḑuku* ‘завтра’, *mundlwana* ‘послезавтра’ и др., которые считаются существительными 1-го класса. Сравнение форм слова ‘человек’ в джонга *monhu-banhu*, ронга *mhunu-bhanu* и хланангу *mohu-bahu* показывает в древних языках наличие основы на гласный, назализация которой привела к образованию форм *nhu*, *hnu*, *hu*, что могло быть, в частности, если основа предварялась назальным гласным ("память" об этом назальном гласном сохранили формы множественного числа *banhu*, *bhanu* в отличие от *bahu*).**

2. Все это свидетельствует, что возникновение слогообразующих назальных связано с активизацией назального резонатора, приводящей к появлению у основного тона назального обертона. Слогообразующие назальные отличаются от неслогообразующих, в первую очередь, тем, что на них может происходить переход от выдоха к вдоху (аналогично гласным). "Длительность слогообразующих согласных приближается к длительности слогообразующих гласных, а иногда и превосходит ее" [42:366]. Как следствие этого, у назальных согласных развиваются самостоятельные тонемы. Наличие тонем у назальных сонантов превращает их в слогообразующие элементы языка и вызывает изменения, примеры которых приведены выше. Комплекс этих модификаций обычно называют назализацией.

Кроме рассмотренных явлений, к ней относятся следующие. При исследовании юго-восточных языков неоднократно отмечалось, что ряд существительных 5-6-го классов имеют формы основ, отличающиеся друг от друга оппозицией "глухой-звонкий согласный" инициали. Например, в шона можно установить следующие соответствия между формами основ в ед. и мн. числе: *badzá* ‘мотыга’ – *mapadzá* ‘мотыги’, *dámá* ‘щека’ – *matámá* ‘щёки’, *gádzi* ‘женщина’ – *makádzi* ‘женщины’, *dzírá* ‘платье’ – *matjírá* ‘платья’. В остальных случаях форма основы во мн. и ед. числе

* В наречиях "вверху" и "внизу" слышится инициальный *h*, за которым следует назализованный гласный: *henhla* или *hēhla* ‘вверху’ и *hansi*, *hāsi* ‘внизу’, подсказывающий, что эти наречия образовались в результате назализации инициали основы, начинавшейся с гласного или полугласного.

** Ср. с формами *monhu-mhunu-mohu* вопросительное местоимение *manḑ* ‘кто? какой?’ в педи и существительные *mong* ‘хозяин’ – *beng* в сутою, *mīh-beh* в тсвана, а также финали локативов *ṛ* в педи, *ṛ* в ронга и тсвана, *pi* в венда и других юго-восточных языках. К этому можно добавить следующие формы слова ‘человек’ в центральных диалектах шона, а также в рожи и намбзья: *unhù-βanhù*, в каланга2 : *n:ù*, *ṛnù-βanù*, в талахундра: *ṛdhù-βandhù*, в лилима: *ṛthù-βathù*.

совпадает. Таким образом: $p \rightarrow b$, $t \rightarrow d$, $k \rightarrow g$, $tʃ \rightarrow dʒ$, остальные согласные остаются неизменными (b , d , m , nd , ηg , r , w , $dʒ$, pf , bv , ts , dz , β , \int , b d , g), например: бата ‘утка’ – мабата ‘утки’, данò ‘мост’ – маданò ‘мосты’, мумуму ‘глухой’ – мамумуму ‘глухие’, nderè ‘цикада’ – mánderè ‘цикады’, $\eta gaw\grave{a}$ ‘долг’ – ма $\eta gaw\grave{a}$ ‘долги’, $gar\grave{a}$ ‘ладонь’ – ма $gar\grave{a}$ ‘ладони’, $w\grave{a}\eta ga$ ‘рана’ – ма $w\grave{a}\eta ga$ ‘раны’, $dzas(i)$ ‘пальто’ – ма $dzas(i)$ ‘пальто’, $pfeni$ ‘бабуин’ – ма $pfeni$ ‘бабуины’, $bvut\grave{e}$ ‘тень’ – ма $bvut\grave{e}$ ‘тени’, $ts\acute{i}ru$ ‘телка’ – ма $ts\acute{i}ru$ ‘тёлки’, $dzam\grave{a}$ ‘толпа’ – ма $dzam\grave{a}$ ‘толпы’, $\int\acute{i}za$ ‘лист’ – ма $\int\acute{i}za$ ‘листья’, $biz\acute{a}$ ‘лошадь’ – ма $biz\acute{a}$ ‘лошади’, $garuwe$ ‘крокодил’ – ма $garuwe$ ‘крокодилы’ в каранга. Аналогичные явления наблюдаются и в других юго-восточных языках. Они говорят о том, что под влиянием префикса, содержащего назальный согласный, глухие смычные p t , k и аффриката $tʃ$ превращаются в импловивные и звонкие, остальные согласные не трансформируются.

Любой плавный согласный изменяется в более напряженный; звонкий смычной, являющийся наименее напряженным, становится глухим (более напряженным), глухой – аспирированным, аспирированный – назальным, т.е. назализация переводит согласные наименьшей (пятой, по классификации Юно [95], ступени напряжения) на 3-ю, 4-й – на 2-ю и т.д. Так, в сутою отмечаются следующие преобразования согласных при назализации: $N+\emptyset \rightarrow nk$; $N+h \rightarrow kh$; $N+(\acute{c}) \rightarrow k$; $N+l \rightarrow l$; $N+r \rightarrow th$; $N+b \rightarrow p$; $N+f \rightarrow ph$; $N+j \rightarrow Ntj$, tj ; $N+s \rightarrow tʃ$; $N+sh \rightarrow tʃh$; $N+hl \rightarrow tlh$; например: $N(ema) \rightarrow nkemela$, $N(haha) \rightarrow nkhh\grave{a}la$, $N(ja) \rightarrow ntja$, $N(rata) \rightarrow nthata$, $N(b\grave{o}na) \rightarrow mpona$, $N(f\grave{e}pa) \rightarrow mphepa$ и т.д. В педи при назализации происходят модификации согласных, напоминающие преобразования в сутою: $N+\emptyset \rightarrow k$, nk ; $N+h \rightarrow nk$, kh ; $N+r \rightarrow nth$, th ; $N+b \rightarrow mp$, p ; $N+f \rightarrow mph$, mp ; $N+g \rightarrow nkg$, kg ; $N+l$, $d \rightarrow nt$, t . В к’оса назализации не подвергаются только вибранты l , r , g , kr и h , все остальные согласные назализуются; в результате образуются комплексы гоморганных согласных: $N+p \rightarrow mp$; $N+f \rightarrow mf$; $N+d \rightarrow Nd$; $N+ty \rightarrow nyty$; $N+k+\eta k$ и т.п. Аналогично в зулу: $N+ph \rightarrow mp$; $N+th \rightarrow nt$; $N+kh \rightarrow \eta k$; $N+ch \rightarrow nc$; $N+qh \rightarrow nq$; $N+txh \rightarrow nx$; $N+c \rightarrow ngc$; $N+q \rightarrow ngq$; $N+x \rightarrow ngx$; $N+f \rightarrow mf$; $N+v \rightarrow mv$; $N+s \rightarrow nts$; $N+z \rightarrow ndz$; $N+\int \rightarrow nytʃ$; $N+hl \rightarrow ntl$; $N+dl \rightarrow ndl$; $N+b \rightarrow mb$; $N+w \rightarrow w$; $N+y \rightarrow y$, ny ; $N+h \rightarrow h$, nk ; $N+hh \rightarrow hh$, ηg , т.е. аспирированные эксплозивные становятся эйективными, аспирированные кликсы – назальными кликсами, глухие неаспирированные кликсы – звонкими, которые предваряются велярными назальными; фрикативные превращаются в аффрикаты (глухие фрикативные – в эйективные аффрикаты, звонкие фрикативные – в звонкие аффрикаты), перед l назальный элизируется, вместо билабиальных импловивных появляются

эксплозивные. В шона при назализации имплозивные и фрикативный β становятся эксплозивными, неназальные сонорные десоноризируются в центральных и восточных диалектах и сохраняются неизменными в каланга² и лилима; назальные сонорные остаются без изменений.

Не претерпевают также изменений звонкие смычные b, d, g , спиранты v, z (в зезуру) и аффриката $dʒ$: в результате назализации неназальных согласных образуются композиты, первым элементом которых является назальный, гоморганиый с одним из перечисленных выше согласных, а вторым – этот согласный или его десоноризованный и эксплозивный варианты: $N+b \rightarrow m'b$; $N+d \rightarrow n'd$; $N+g \rightarrow n'g$; $N+v \rightarrow m'v$; $N+z \rightarrow nz$ (в зезуру); $N+z \rightarrow ʒ$ (в каранга); $N+dʒ \rightarrow nʉdʒ$; $N+d \rightarrow nd$; $N+b \rightarrow mb$; $N+r \rightarrow n'd$; $N+l \rightarrow nd$ (в центральных и восточных диалектах); $N+l \rightarrow nl$ (в каланга² и лилима); $N+\beta \rightarrow mb$; при назализации назальных $N+m \rightarrow m$; $N+n \rightarrow n$; $N+ny \rightarrow ny$; $N+\eta \rightarrow \eta$; $N+mb \rightarrow mb$. Остальные согласные претерпевают следующие изменения: глухие смычные либо элизируются, либо веларизируются, либо превращаются с аспирированными звонкие: $N+p \rightarrow m'$; $N+t \rightarrow n'$; $N+k \rightarrow h$ (в центральных и восточных диалектах); $N+p \rightarrow mʰ, mʰx, mbh$; $N+t \rightarrow nʰ, ndh$ (в ндау). Глухие фрикативные и аффрикаты $s, ʂ, f, pf, ts, tʂ, ʃ, tʃ, ʒ, dz, ch$ назализации не подвергаются: $N+s \rightarrow s$; $N+ʂ \rightarrow ʂ$; $N+f \rightarrow f$; $N+pf \rightarrow pf$; $N+ts \rightarrow ts$; $N+tʂ \rightarrow tʂ$; $N+ʃ \rightarrow ʃ$; $N+tʃ \rightarrow tʃ$; $N+ʒ \rightarrow ʒ$; $N+dz \rightarrow dz$; $N+ch \rightarrow ch$. Свистящий s после назализации артикулируется как аффриката $t's$: $N+c \rightarrow t's$.

При назализации в суто-тсвана $f, ʃ$ превращаются с ph (например, в педи: $m+pepa \rightarrow mʰpepa$, ср.: $keamofepa, keamofepa$ ‘я ем его’ и $o(\ddot{e})amʰpepa$ ‘он ест меня’); $\beta \rightarrow p, m$ (в педи: $keabɔna$ ‘я вижу’ \rightarrow $oamɔna$ ‘он видит меня’ \rightarrow $keammɔna$ ‘я вижу его’); $fs, ʃs \rightarrow psh$; $\beta z \rightarrow ps$ (в педи); $s \rightarrow tsh$ (в сутою и тсвана: $sila$ ‘молоть’ \rightarrow $tshilo$ ‘измельчение’); $ʃ \rightarrow tʃh$ (в тсвана и педи); $ʒ \rightarrow tʃ$ (в педи: $keamozela$ ‘я ем для него’, но $o(\ddot{e})antʃela$ ‘он ест для меня’); $l \rightarrow ntʃ$ (в сутою и педи: $kealaba, lealaba$ ‘я заколол’ \rightarrow $oantʃhaba, oantʃhaba$); $x, \gamma, h \rightarrow kxh$ (в тсвана: $xopotsa$ ‘вспоминать’ \rightarrow $kxhopotʃɔ$ ‘воспоминание’; аналогично в педи: $\gamma opotʃa \rightarrow kxhopotʃɔ$ и в сутою: $\gamma opotsa \rightarrow kxhopotsɔ$); $h \rightarrow h, mʰh$ в тсвана (ср. $keamheta$ ‘я прошел мимо него’ и $oampheta$ ‘он прошел мимо меня’); по-видимому, $h \rightarrow kh$ (в педи); $r \rightarrow th$ (например, в педи: $-ruta$ ‘учить’ \rightarrow $oaitʰuta$ ‘он учится’); $l \rightarrow nt$ ($-lesa$ ‘покинуть’ \rightarrow $oantesa$ ‘он оставил меня одного’); $\ddot{d} \rightarrow nt, t$ ($-\ddot{d}ula$ ‘сидеть’ – $tulo$ ‘сидение’); слогаобразующее $l \rightarrow nte$ (например, в сутою $lɛla$ ‘плакать по кому-то’ \rightarrow $oantelɛla$ ‘он плачет по мне’). Из этих примеров видно, что в сутою не образуются композиты, состоящие из назальных и звонких согласных (см. $N+b \rightarrow tr'$), назальных и сонорных ($N+l \rightarrow nt'$; $N+r \rightarrow nth$), назальных и фрикативных ($N+f \rightarrow$

mph; N+h → ŋkxh; N+f → nytʃh; N+s → ŋtsh; N+l → ŋtlh). В отличие от этого, в ламба назальные встречаются как с звонкими, так и с глухими согласными: mp, mb, nt, nd, ŋk, ŋg. Кроме того, они стоят и перед глухими фрикативными: mʃ, ns, nyʃ, но Nβ → mb; Nl → nd.

Различные языки имеют специфические наборы композит "назальный + согласный". Например, в лучази подвергаются назализации все согласные, кроме f (f перед назальным превращается в ts); ситуация в луимби отличается от положения в лучази тем, что этот процесс происходит в луимби в сопровождении аспирации; в лвена и чокве зарегистрированы только композиты mb, nd, ŋg, nj (p, f, v, t, s, z, l, tʃ, k не назализуются). В ганда: N+l → nd; N+b → mb; N+y → nj; N+w → mp и т.д. с образованием композит: mp, mb, nt, nd, nf, nv, nc, nj, ns, nz, nk, ŋg. В куриа: N+b → mb; N+r → nd; N+h → n; N+m → m, N+n → n; в заимствованиях N+s → ns (сочетания двух согласных не свойственны куриа; так, из 144 возможных пар согласных зарегистрированы всего шесть: mb, nt, nd, ns, nc, nk). В гикую: N+t → nd; N+r → nd; N+l → nd; N+b → mb; N+y → nj, т.е. все типы допустимых сочетаний согласных с назальными сводятся к трем композитам. В квангари: mph, mp, mb, mʃ, mv, ŋth, ŋɔ, ŋs, ŋz, nt, nd, ns, nz, ndz, ndj, nj, nh, ŋkh, nk, ng, ŋg. В ньянджа: mpf, mbv, mdz, nts, ndz, nk, nth, mph и т.п. Сочетания mch, md, mf, mg и т.п. произносятся так, что сначала при сомкнутых губах образуется назальный m, затем губы приоткрываются и артикулируются звуки ch, d, f, g и т.п. Среди сочетаний двух согласных, представленных в этом типе слога, есть не только традиционные гоморганные назальные (mp, mb, nt, nd, ns, nj, nz, nk, ng), но и композиты с назальными, не типичные для других банту: mf, mv, mt, md, ms, mz, mk, mg, mch, nch (nb, np, nf, nm, nw, nv нет).

Во многих языках назальные композиты являются слогообразующими и в силу этого выступают как носители тона; они удлиняют предшествующие им гласные и превращают один слог в два, каждый со своей тоне-мой (ср. однонаправленные и разнонаправленные тонемы перед назальной композитой mb в словах okubāmba и òkùwāmba в ганда). В ганда гласные перед назальными композитами всегда долгие (-wāmba, -lānga); после назальных композит они могут быть как долгими, так и краткими. Назализация основ, начинающихся на гласный или полугласный, ведет к появлению в начале слова перед гласным или полугласным назальных ny, ŋ и композит nz, ŋg, например: nyikà 'страна', ŋaŋgà 'врач' (ŋ возникает перед основами, содержащими N), nziyó 'песни' (nz зафиксировано перед основами, имеющими в ед. числе префикс guw-: guwiyo 'песня'), ŋgoma 'барабан' (ŋg отмечено перед основами на полугласный w, – см. в ламба

основу -woma). Материалы сутою показывают, что любой слабый вдох который слышится перед гласными, начинающими слог, может "материализоваться" – превращаться в согласный; например, при назализации основы -eta образуется слово *pkemela* 'лягушка'; при назализации основ, которым предшествует глоттальная смычка, появляется инициальное k: ср. -eta 'идти' – *-keto* 'путешествие', -'ёа 'идти' – *keёо* 'ходьба', -'ба 'падать' – *коёо* 'падение', -апа 'строить' – *кафо* 'строение'.

При назализации слово увеличивается на консонантную единицу; если этот процесс сопровождается также возрастанием количества интонационных единиц, согласный становится слогообразующим, к слову прибавляется целый слог. Поэтому назализация оказывается средством, с помощью которого односложные слова превращаются в многосложные. Так, назализация инициали односложной основы *-tló* делает ее двусложным существительным *ntló* (префикс *ŋ* выражен слогообразующим назальным, на который падает ударение); назализация финали основы *tló* тоже превращает ее в двусложное существительное – *tlùŋ* 'в доме' (в состав локативного суффикса *el* входит слогообразующий сонант, после коалесценции гласных основа увеличивается на один слог вправо). Аналогично: основа *-ku* может быть расширена путем назализации влево (*ŋku* 'овца' – *ŋiku* 'овцы') или вправо (*kònyana* 'ягненок'). Впоследствии при функционировании слова, полученного в результате назализации из другого слова, назальный может элизироваться, сохранив "память" о себе в виде тех метаморфоз, которые некогда произошли при назализации финали или инициали. Поэтому исследование явлений, вызванных назализацией, является одним из важнейших средств проникновения вглубь языковой истории (с. 123-130).

§ 2. Неназальные согласные

1. В юго-восточных языках, как и во всех других, отмечаются три ряда смычных: звонкие *b, d, g*, глухие *p, t, k* и аспирированные *ph, th, kh*. Неаспирированные смычные часто сопровождаются глоттальной преградой, в силу чего их называют эйективными. В большинстве юго-восточных языков противопоставления между эйективными и не-эйективными нет, поскольку степень эйективности зависит, как правило, от положения согласного в слове и от индивидуальных особенностей говорящего. Так, в *k'osa*, когда смычные *p, t, k* произносятся после неслогообразующих назальных *m, n, ŋ*, они всегда являются эйективными; после них слышится пауза: *imp'isi* 'гиена', *kant'i* 'даже, но', *iŋk'óto* 'бык'. В остальных

случаях смычные p, t произносятся с аспирацией [ph, th], а k – с аспирацией [kh] или со слабой задержкой дыхания [kk]. Смычные b, d, o после назальных артикулируются на выдохе, без назальных их артикуляции предшествует легкая глоттальная смычка [ʔ].

В педи неаспирированные имплозивные являются эйективными, в венда им часто соответствуют назализованные смычные (thak'a 'компания' в педи – trhaŋga* в венда, где trh – ретрофлексная фонема), фрикативные (γар'ε 'основа' – hafu) или звонкий веллярный g (tʃuk'ulu 'большой' – tʃhugulu, а также thak'a 'гора' – trhaga в лобеду). В тсвана эйективность сильнее, чем в сутою и педи. Особо отмечается эйективность t в свати, например, префикс 10-го класса существительных здесь произносится как [t'iN]. В Северном Трансваале глоттальная смычка отсутствует, смычные являются очень слабыми, эйективных нет; не встречаются они и в ролонг, но в сутою, на котором говорят в Лесото, глоттальная смычка слышится после tʃ' и tl'. По-видимому, отсутствуют эйективные также в венда, тонгаЗ и большинстве диалектов шона (кроме ндау и данда). В группах суто-тсвана, тсва-тсонга и нгуни они встречаются, наоборот, постоянно. Например, в суто-тсвана эйективными, как правило, являются p', t', k', но глоттальная смычка может участвовать и при произнесении других согласных – во всех тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть и ясно произнести слово или основу слова, начинающиеся на гласный, когда происходит элизия гласных и сокращается количество слогов или исчезает геминация; например, в сутою mo'ahí 'строитель' (вместо moahí), чтобы отличить это слово от moñahí 'обитель'; в тсвана: хо'εla 'лить' вместо хоεla, чтобы отличить его от хоβεla 'падать'; в сутою mobala → m̩mala → 'mala 'цвет', mo+busisi → m̩musisi → 'musisi; в тсвана: molelo → moll'lo 'огонь' и т.п. Кроме того, в педи глоттальная смычка может участвовать и в произнесении спиранта h, например: 'huma 'быть богатым' (в венда в этом случае появляется pf: pfuma).

Еще чаще эйективные встречаются в зулу и к'оса: например, в зулу фиксируется 8 эйективных (p', t', k', m̩pf, ts', tʃ', kx', ntb'), а в к'оса – 9 (p', t', k', m̩pf', nts', tʃ', sɕ', kx', ntl'). Почти так же много эйективных и в ндау: p', t', k', pf, ts', tʃ', tʃ' (в другом диалекте шона – данда эйективными могут быть только p', t', k'). Противопоставление эйективных

* См. также следующие пары слов из педи и венда: ak'a – anga, kxhak'a – khaŋga, t'au – ndau, ɲat'a – dzanda, tl'ou – ndou, molap'o – muambo, k'e – ndi, sevak'a – tʃhifinga. Ср.: «...в индоевропейских фонемах, определяемых традиционно как звонкие придыхательные, усматривают особого типа смычные согласные с “шепотной рекурсией” (murmured release), определяемые наличием при их произнесении “звонкого выдыхания” (breathy voice)» [13,1:15].

и аспирированных в этих языках часто играет смысловоразличительную роль, например, в ндау: p'angá 'совет' – phangá 'сироп'; k'ámhá 'быть волшебником' – khámhá 'леопард'; k'ényá 'обрезать' – khénya 'плести'; k'arò 'маленькая вещица' – kháro 'я не знаю'. Показатели 7-го и 15-го кл. существительных в ндау также содержат в своем составе эйективные tʃ и k' (см. префиксы tʃ и k'u): tʃ'ip'ándá 'столб', tʃ'urù 'муравейник' и др. Кроме того, эйективные в показателях именных классов зарегистрированы в венда: k', 13-й кл.; k'оса: uc', uc'w, 14-й кл.; свати: t'iN, 10-й кл.

Звонкие смычные в юго-восточных языках имеют ограниченную сферу употребления; например, в педи их вообще нет,* в тсвана есть только b (g и d отсутствуют), в суто есть b, d (g нет). В суто_ю d встречается только перед i, u; например, dítau 'львы'. В заимствованиях перед другими гласными басуто произносят t: Давид – [tafita]; diamond 'алмаз' – [taimane]; dinare 'обед' – [tinare] и т.п. В Северном Трансваале b, d, g звучат очень приглушенно. В центральных и восточных диалектах шона, а также в нгуни звонкие смычные b, d находятся в дополнительной дистрибуции с имплозивными b, d, в западных диалектах шона, где имплозивных нет, b, d встречаются регулярно. Глухие смычные представлены в юго-восточных языках перед всеми гласными. Часто они подвергаются аспирации.

Аспирация вызывается трением воздуха о голосовые связки, которое создается сужением междусвязочной щели без напряжения мускулатуры. Наиболее сильно аспирация представлена в ндау (ph, th, kh, pfh, tsh, tʃh, tʃh), тонгаз (ph, th, kh, pch, tʃh, tsh, tʃh, tʃh), суто-тсвана (ph, th, kh, tsh, tʃh, tʃh, pʃh, kxh) и венда (ph, th, th, kh, tsh, tʃh, tʃh, pxh, pch). Довольно сильно она развита в одном из восточных диалектов шона нданда, в остальных восточных диалектах наблюдаются только её слабые следы; в центральных и западных диалектах шона, а также в нгуни аспирированными бывают три согласных: ph, th, kh. Противопоставление аспирированных и неаспирированных согласных в языках группы S может иметь смысловоразличительную роль, например: -báta 'держат' – bathá 'утка' в будья; kamba 'черепаха' – khamba 'леопард'; -koga 'быть пухлым' – khoga 'хижина для мальчиков', mukòrè 'медь' – mukhore 'трусики' в маньика. Аспирация в разных языках может осуществляться по-разному. Так, в суто_ю перед i артикуляция p и ph сопровож дается

*Ср.: хетто-лувииские "рефлексы индоевропейских смычных серий I и II слились в общую серию, противопоставленную рефлексам серии III как непридыхательные придыхательным, что и отразилось в хеттском письме исторической эпохи в простом и сдвоенном написании соответствующих согласных. Фонетическим основанием для слияния могла быть фонетическая особенность звонких придыхательных, артикуляция с подгортанным – субглоттальным – давлением" [13,1:48].

легким палатальным трением, т.е. *ph* звучит как [pʰi]. Перед *u* аспирация приобретает форму велярного трения с округленными губами так что *phu* произносится как [phu]. Звук *th* здесь является слегка ретрофлексным, перед *i* он немного палатализуется (при артикуляции *ph* перед *i* палатализация больше). Аспирированный *kh* может произноситься в тсвана и педи двояко: 1) *kxh* – с велярным трением (чаще всего перед *u*, *o*); например: *kxhutsa* ‘измерять’; 2) *kh* – без велярного трения (перед остальными гласными, а также в ряде случаев перед *u*, *o*): *khufu* ‘черепаха’ в педи и тсвана; *khiba* ‘фартук’, *khukhama* ‘коллапсировать’ в педи. Аспирации могут подвергаться не только глухие смычные и их композиты (*mphuri* ‘красавица’, *mpfhula* ‘дождь’, *ntʃha* ‘новый’ в ронга, *nthago* ‘позади’ в педи), но и назальные (*mhunu* ‘человек’ в ронга, *monhu* ‘человек’ в джонга, *ɲhala* ‘лев’ в ронга), звонкие смычные, латеральные и даже лабиализованные; например, в тсва встречается сочетание фонем *mbh*, в ронга – *bh*, *tlh* (*-ntlhanu* ‘пять’, *bhanu* ‘люди’ в ронга; *setlhare* ‘дерево’, *-twhala* ‘упаковывать’ в тсвана; *-tuhala* ‘толкать’ в к’оса и т.д.)*. Аспирация в префиксах именных классов зафиксирована в ндау: *tʃh-*, 7-й кл.; венда: *tʃi-*, *tʃ-*, 7-й кл.; пхулана, кутсве: *mph-*, 3-й кл.; к’оса, свати, ндебеле, зулу: *pha-*, 16-й кл. и ронга: *mhu-*, 1-й кл.; *bha-*, 2-й кл.

Спектр фрикативных в юго-восточных языках очень широк. Здесь встречаются: глухой билабиальный *f* (в тсвана, педи), глухой лабиодентальный *f̥*, звонкий билабиальный *β* (в педи), звонкий лабиодентальный *v* (в суто-тсвана только как заимствуемый у европейцев),** глухой альвеолярный или дентальный (свистящий) *s*, глухой альвеолярный или препалатальный (шипящий) *ʃ*, который при нормальных условиях произносится при округлении губ (в педи он является более палатальным, чем, например, в суто_ю и тсвана), препалатальный *u*, дентальный *z* (в тсвана он бывает более палатальным, чем в педи),*** звонкий альвеолярный *ʒ*, глухой и звонкий альвеолярный латеральный *l* (в суто_ю, педи и некоторых диалектах Зимбабве и северного Трансвааля он сопровождается веляризацией, придающей ему гуттуральную окраску; в суто_ю он имеет

* Аспирация часто бывает факультативной и в речи различных людей проявляется сильнее или слабее. Отсюда возникают различные варианты произношения слов в одном и том же языке или диалекте; так, в тсвана могут сосуществовать варианты произношения слов с аспирированными и неаспирированными согласными: *kamoso* – *kamosho* ‘завтра’.

**Например, имя "Давид" басуто произносят [Tafita], в других случаях *v* звучит как *b*: *levenkele* ‘лавка’ произносится [lebeŋkele].

***Звонкий альвеолярный фрикативный *ʒ* в суто-тсвана произносится как *й* (его иногда транскрибируют *ʎ*); в сев. диалектах педи он может звучать как *dy*.

альтернативное произношение с tlh), глухой велярный x (в тсвана и многих диалектах шона произносится с сильным "скребком"; в диалекте суто_ю таунг звучит более звонко, чем в других языках, например, в названии горы Таба Босиу Thaba Bosigo; в диалектах шона почти всегда появляется либо в комбинации с полугласными, например, в начале слова, либо как веляризирующий компонент в составе различных композит), глухой глоттальный h или более мягкий его вариант h, звонкий увулярный γ (особенно глубоко он артикулируется в интервокальной позиции, напоминая французское увулярное r), звонкий глоттальный h (в начале слова или при сильной эмпазе он заменяется обычным спирантом h либо элизируется; bosiu 'ночь' в суто_ю – из bosihu, ср. bosixo в тсвана; см. также различные варианты произношения слова "строитель" в суто_ю: mohafii – moafi – moai).

Говоря о сфере употребления фрикативных и об их взаимных корреляциях, можно отметить, что лабиодентальному f в суто_ю соответствует h или fh в таунг, ролонг и тлхалинг (lefatshe 'земля' – lehatshe) и билабиальный f в тсвана и педи (lefatshe, lefase), а билабиальному β в педи – смычной b в тсвана и суто суто_ю (βona 'видеть' – -βopa; -βala 'читать' – -bala), а также имплозивный b в нгуни (bona, -bala). В суто-тсвана ʃ зарегистрирован перед всеми гласными, но встречается он не часто; в зулу и шона отмечается при его произнесении дрожание языка; во многих языках он не так сильно палатализован, как, например, в ила. В большинстве юго-восточных языков s, z зарегистрированы перед всеми гласными, но в тсвана s не появляется перед э, о, и: в этих позициях его заменяет лабиализованный звук ʃ, поэтому s в суто_ю равен s, ʃ в тсвана: -senya 'разрушать' в суто_ю и тсвана, но -supa 'указывать' в суто – -ʃupa в тсвана. Звуку s в суто_ю может соответствовать ʃ в педи; например, словам из суто_ю bosiu 'ночь', lesika 'сухожилие', -sala 'оставаться', lesapa 'кость', -isa (каузативный суффикс), -lesupi 'разрушать' можно сопоставить следующие слова из педи: βoseyo, lefika, ʃala, leʃapɔ, -iʃa, -leʃupi*; наоборот, аналогом s в педи может выступать tsh в сутою, tʃh в тсвана и sy, tʃh в венда: -seya 'смеяться' (педи) – -tshɛna (суто_ю); -swana 'походить на кого-то' (педи) – -tshwana (суто_ю); selo 'вещь' (педи) – tʃhithu (венда). Кроме того, свистящему s в венда может в^еди соответствовать fs (-sa 'новый' в венда – -fsa в педи).

* В некоторых диалектах суто_ю функционируют такие формы мн. числа, как lesapɔ – mapɔɔ, lesoba – mapoba, lesupi – mapupi (ср. leʃapɔ, leʃoβ a, leʃupi в педи), показывающие, что s здесь имеет вторичное происхождение.

Латеральный фрикативный отмечается не часто. Например, в суто_ю он не встречается в словах, где есть слог lu (за исключением названия одного из племен нгуни – balubi). В педи латеральный фрикативный появляется перед u, которое произошло из o в результате гармонии гласных: moluβi, moluthi из loβa, -lotha ‘ощипывать’. В нгуни оба варианта латерального фрикативного (глухой и звонкий) употребляются не реже остальных фонем. При образовании звонкого варианта латерального фрикативного наблюдается вибрация голосовых связок, глухой вариант близок к латеральному многоударному ɭ, но лишен его звонкости. Гуттуральные фрикативные в каждом языке отличаются своей спецификой. Так спирант h зарегистрирован в тсвана всего в нескольких словах – в начале слова: -hula ‘стрелять’, he ‘сейчас же’; после назального η: Nhabe ‘озеро Нгами’, а также в тех случаях, когда ему соответствует h в педи и f, f̣ в других языках: -huma ‘быть богатым’, -hubila ‘краснеть’, -hura ‘брать в рот’, mhaχo ‘провизия’, -heta ‘проходить’, -huɖua ‘размешивать’. В некоторых диалектах тсвана (тлхапинг, ролонг) лабиальный фрикативный f отсутствует, вместо него произносится h. Это происходит также в диалекте сутою таунг. Глухой велярный h в педи чаще всего встречается перед гласными заднего ряда и соответствует f, fi, ʃ сутою и f, h, x, xw, ʃ тсвана: lehufa ‘соперничество’ (педи) – leɸufa (сутою) – lefufa (тсвана); sehuβa ‘грудь’ (педи) – seɸuba (сутою) – sehuba (тсвана); lehwafa ‘подмышка’ (педи) – lehafi (сутою) – lehwafa (тсвана); -hwa ‘умереть’ (педи) – -ɸwa (сутою, тсвана).

В юго-восточных языках много аффрикат. Например, в суто-тсвана есть сибиллянты fs, f̣s, в педи – βz, в сутою, тсвана и венда – tsh, в тсвана – tʃh, во всех центральных и восточных диалектах шона – pf, bv, ts, dz, j, dj, tʃ, dʒ. Кроме того, в остальных языках и диалектах группы S зарегистрированы: mv, mf, ns, nz, ntʃ, nj, nhl, ndl, kl, nkl (в зулу); pɕ, bɕ, ɲdʒ, ɲdʒg, tly, dy, nc, tsh, tc, pfʰ, pfh, tsʰ, tsh, tʃʰ, tʃh, bzj, pɕy, βɕ, mbɕy (в различных диалектах шона). Двойная артикуляция (губная смычка с одновременным языковым трением) представлена при произнесении ps, psh, pz, fs в педи, pf, pfh в суто_ю и педи, bɕ (в суто_ю наблюдается очень редко, в остальных языках суто-тсвана встречается наряду с другими согласными), kxh (аспирированный звук с велярной фрикцией в суто-тсвана), ts, tsh в суто_ю и педи, tʃʰ, tʃh в суто-тсвана, и т.п.

2. Так же обстоит дело в остальных ЯБ. Например, во всех языках зоны N отмечаются аспирированные p, t, k (в различных диалектах ньян-Джа, кроме того, могут аспирироваться b, d, g, ch), причем во многих случаях аспирированные и неаспирированные согласные взаимозаменяемы; их употребление определяется не общезыковой нормой,

а индивидуальными особенностями говорящего [89:2]. Аналогично: диалектными вариантами в ньянджа и пета являются аффрикаты ps, bz, bv, pf и bs (в чева первым четырем композитам соответствуют ph; bz; v; f, pf или ph). При произнесении неаспирированных g, k в чева нет ощутимого выдоха, поэтому в начале слов k звучит как g; наоборот, аспирированные согласные бывают значительно более "придыхательными", чем, например, в английском языке. В мабиха, наряду с неаспирированными p, t, k, существуют их эйективные соответствия, произнесение которых сопровождается глоттальной смычкой ('): p', t', k'. Они употребляются, как правило, в идеофонах. В ламба p^h, t^h, c^h выделены как самостоятельные фонемы (p^h – билабиальная, t^h – альвеолярная, c^h – палатальная при наличии дентальной фонемы t и палатальной c). Присутствие легкой аспирации при произнесении билабиальных, а иногда денто-альвеолярных, палатальных или велярных согласных отмечается во многих языках зоны М. К. Док объяснял аспирацию денто-альвеолярных влиянием гласного i или полугласного u на t, d, n, s, т.е. превращением t в t^h, s в s^h, a d, n – в слегка аспирированные согласные под действием i, u [77:12-13].

Существует тенденция к аспирации глухих эксплозивных согласных в суахили. Чаще всего она происходит под ударением: [phamba], [thanda], однако встречается и в безударных позициях: [phembeni], [phophoo]. Обычно аспирация фиксируется в начале слов, но отмечается также в других позициях – в середине слова и даже в его конце (например, следующие варианты произношения: [kithu], [mthu], [wethu] и т.п.). Кроме того, аспирированные согласные p, t, k, ch представлены в инициалах существительных 9-го класса, обозначающих животных: phaka 'кошка', thembo 'слон', khaa 'краб', tshangu 'чангу' (вид рыбы). Эта аспирация, соответствующая назализации аналогичных основ в других языках банту (impraka 'кошка', inkala 'краб'), обусловлена не фонетически (ср. пары phaka 'кошка' и -рака 'мазать', thembo 'слон' и tembo 'пальмовое вино'), а лексико-морфологически (phembe 'рог' – rembe 'большой рог'; thundu 'дыра' – tundu 'большая дыра'; ch'ungwa 'апельсин' – chungwa 'большой апельсин'): аспирированные слова относятся к 9-му или 10-му (khuta 'стены') классам, их неаспирированные соответствия – к 5-му (li) классу с нулевым показателем ø (например, kuta 'большая стена' – makuta 'большие стены') [11:38-39].

Наличие параллельных форм – с аспирированными и неаспирированными согласными в одном и том же фонетическом окружении наталкивает на мысль, что процесс аспирации как бы стоит над процессом дифференциации фонем и подчинен не ему, а какому-то иному, более общему языковому механизму. Так, наличие регулярного противопоставления

ществительных li-класса с аугментативным значением существительным pi-класса, основанного на оппозиции: "аспирация инициали – отсутствие аспирации" ([phembe] 'рог' – [rembe] 'большой рог'; [thundu] 'дыра' – [tundu] 'большая дыра' и т.д.), заставляет рассматривать аспирацию как закономерность более общего порядка, чем позиционное соотношение фонем или положение ударения в слове. Эта закономерность соотносится с целевой установкой говорящего: в зависимости от семантики говорящий может варьировать характер произнесения инициали слова: с придыханием или без него.

Тем же целям, что аспирация, служит глоттальная смычка ('). Глоттальная смычка чаще всего употребляется для эмфазы: она регистрирует момент окончания выдоха, появления вдоха и затем снова выдоха. Ею может быть помечено как начало слога, так и его конец: в первом случае глоттальная смычка предшествует гласному ([wakati 'u:le] 'в то время'), во втором – следует за ним ([la'] 'нет', [tu'] 'только'); предшествование гласному соотносится с резким вдохом ['] между двумя выдохами ([i], [u]); следование за гласным отражает резкое прекращение выдоха из-за появления импульса вдоха. На материалах суахили особенно четко видна роль паузы во время смычки перед взрывом при произнесении глухих смычных согласных: пауза соотносится с вдохом, взрыв осуществляется на выдохе, причем придыхательность согласных увеличивается по мере увеличения длительности выдоха [42:361]. Степенью полноты выдоха определяется также наличие или отсутствие призвуков в слове, в частности, дополнительных гласных в конце слова: [basi – bas] 'ладно', [mwali:mu – mwalim] 'учитель', [da:mu – dat] 'кровь'. Соотношение вдоха-выдоха для большинства слов является обязательным, но есть примеры, где допустима вариабильность: [aɣalābu] и [aɣlābu] 'как правило'; [kuʃitāki] и [kuʃtāki], [kʃtāki] 'обвинять'. Умение задерживать поток воздуха внутри рта и направлять его наружу в процессе образования согласного сказывается на различных особенностях суахилийской речи. Особенно часто оно проявляется при артикуляции имплозивных согласных. Некоторые исследователи суахили отмечают, что звуки b, d, j и g имеют имплозивный характер, т.е. являются фонемами b, d, i, g. Эксплозивные варианты этих звуков встречаются только в сочетаниях с назальными (например: mb, nd, nj, ng). Имплозивные b, d, i могут выпадать в начале слова, передавая импульс вдоха предшествующей слову паузе (ср. bumba – umba; bovū – ovū; dume – ume; iambo – ambia; iingi – 'ingi; iema – ema). Кроме того, они могут заменяться равнозначными им по отношению к вдоху-выдоху сонорными или композитами согласных (например, назальными сонантами;

ср. *dema* – *lema* – *ndema* – *ema*; *kiḃwe* – *mbwe* – *kiwe*; *jumba* – *tʃumba* – *nyumba*).

Противопоставление имплозивных и эксплозивных объясняется так [41:91]: если давление воздуха внутри ротовой полости в момент произнесения звука сильнее, чем снаружи, он оказывается эксплозивным и как бы выбрасывается наружу выдохом; если же давление воздуха внутри ротовой полости меньше, чем снаружи, формируется имплозивный звук. Звуковые колебания в первом случае распространяются в потоке воздуха, идущем от говорящего (на выдохе), во втором – в потоке воздуха, "засасываемом" говорящим (на вдохе). Эффект ритмичности суахилийской речи в значительной степени создается равномерностью чередования импульсов вдоха и выдоха. Этому способствуют различные фонетические особенности и, в первую очередь, наличие согласных, которые артикулируются не только на выдохе, но и на вдохе.

По-видимому, любой согласный в суахили может произноситься как на вдохе, так и на выдохе; этим объясняется, очевидно, парность большинства согласных – *ph* и *p*; *th*, *tʃ*,* *θ*, *thʃ* и *t*, *ʃ*; *kh* и *k*;** *b* и *mb*; *d*, *ḁ*, *dh* и *nd*, *ḁ*; *i* и *ndz*; *n* и *ŋg*; *m̥* и *m*; *n̥* и *n*; *ny* и *ny*; *ŋ* и *ŋ*; *ts*, *sw* и *s* (см.[*swiswi*] для *sisi* 'мы', момбасск. диалект); *dz*, *ḁ*, *ndz* и *z*; *ɣ*, *gh*, *hn* и *x*, *h*; *fy*, *vy* и *f*, *v*. Легко заметить, что члены этих пар неравноправны в отношении вдоха-выдоха (например, *b* в сочетании *mb* генерируется на выдохе, а *b* – на вдохе-выдохе; аналогично обстоит дело в остальных оппозициях).*** Имплозивные зарегистрированы во многих языках группы S, например, в зулу, к'оса, чопи, центральных и восточных диалектах шона. В чопи функционирует имплозивный *d* (особенно перед *i*), хотя встречается он также перед *a*, *e*, *ɔ*, *u*. В нгуни употребляется имплозивный *b*; наиболее яркими характеристиками он обладает в диалектах к'оса, но достаточно четко представлен также в зулу, свати и ндебеле. В центральных и восточных диалектах шона функционируют два имплозивных – *b* и *d*; имплозивные превращаются в смычные после гоморганных назальных; иногда встречаются аффрикаты *bv* и *dz*. В диалектах ндау и каранга эмфаза на имплозии сильнее, чем в маньика, зезуру и корекоре, где имплозия едва заметна. Однако имплозивное произношение

* В неассимилированных арабских словах [132:90,92].

** По мнению Майнхофа, согласные *p*, *t*, *k* в размеренной речи произносятся в сопровождении глоттальной преграды; см. также: *tafu* 'икра ноги' как [*tʃafu*, *ʃafu*].

*** На это указывают и позиционные особенности употребления согласных: например, *h* чаще всего встречается в начале слов (*hima* 'быстро', *hema* 'палатка' и т.п.); в словах арабского происхождения может появляться также конечное *h*: *Alla(h)* 'Аллах', *Zuhura(h)* 'Венера', однако *h* никогда не встречается в последнем слоге перед гласным.

поинципе не похоже на эксплозивное: в одном случае движение воздуха, даже если оно слабое, направлено внутрь, в другом случае – наружу (на кимографе соответственно появляется след под средней линией или над ней). Африканцам имплозивный звук кажется совсем иным, чем эксплозивный, они никогда не смешивают *b* и *b*, *d* и *d*. Противопоставление имплозивных и эксплозивных часто имеет смысловозначительную функцию, например: -*bará* ‘писать’ – -*bára* ‘рождать’; -*dùra* ‘дорогой’ – *durà* ‘исповедь’ в каранга; *bandè* ‘пояс’ – *bandè* ‘кора’; -*bará* ‘писать’ – *bára* ‘пуля’ в маньика; -*bará* ‘писать’ – *bára* ‘пуля’; -*dada* ‘утка’ – -*dada* ‘быть наглым’ в зезуру; -*bala* ‘писать’ – -*bala* ‘считать’ в зулу и т.п. Когда имплозивный в к’оса и зулу оказывается между двумя гласными, слог может исчезнуть, например: -*thabatha* → -*thatha* ‘брат’. Немало имплозивных и в языках других зон (А, В, С, D и т.д.).

3. К имплозивным согласным примыкают кликсы. Больше всего кликсов представлено в юго-восточных языках, здесь зарегистрировано пять их типов: 1) билабиальные; 2) дентальные; 3) препалатальные; 4) палато-альвеолярные, часто называемые церебральными, и 5) латеральные.* Вместе все типы кликсов в ЯБ не встречаются. В зулу и к’оса есть три основных кликса: дентальный, палатальный, латеральный и их аспирированные, озвонченные и назализованные варианты. На спектрограмме кликсы в зулу напоминают фрикативные, но они короче и прерывистее по интенсивности перед гласными. В *сутою* зафиксирован палато-альвеолярный клике, который можно соотнести со звуком пробки, вытаскиваемой из бутылки. Этот клике, в отличие от его аналога у бушменов, не является ретрофлексным. Встречается он перед любым гласным, но перед *i*, *u* его трудно артикулировать, поэтому вместо него часто звучит дентальный клике. При произнесении его аспирированного варианта перед гласным обычно слышится призвук *kh*. После назального, который в этом случае является слогаобразующим, произносится назальный вариант кликса; иногда назализация заканчивается до имплозии и назальный звучит как *ŋ*, в других случаях назализация является долгой и захватывает даже следующий гласный, тогда назальный звучит как *ŋ*. В *тсвана*, его диалектах (*таунг*) и в *трансваальских* диалектах *сутою* (*тлокоа*) кликсов нет. Палато-альвеолярный клике в *сутою* соответствует дентальному, палато-альвеолярному и латеральному кликсам в зулу и к’оса, клике в *тсва* считается заимствованным из зулу и к’оса. Дентальные кликсы встречаются также в других языках (например, в *квангари*).

*В одном из бушменских языков Ботсваны (к’онья) найдены пять базисных кликсов: билабиальный, дентальный, денто-альвеолярный, альвеолярный и латеральный. У готтентотов лабиальных кликсов нет.

4. Не меньшим своеобразием, чем имплозивные, кликсы и слогообразующие назальные сонанты, отличаются слогообразующие неназальные сонанты, представленные в ЯБ. Так, во многих языках зоны S зарегистрирован многоударный звонкий альвеолярный сонант *r*. Он функционирует перед всеми гласными; перед *i* он часто превращается в одноударный, который воспринимается европейцами как *l*. Иногда это происходит перед *u*. В тсвана звук *r* перед *e*, *i* часто варьирует с *h*: *renerelegòna-relehelegòna* ‘мы были там’. Как вариант альвеолярного многоударного *r* в *суто_ю* употребляется очень звонкий увулярный звук *r* (как в парижском диалекте французского языка).* В тсвана и педи встречается в нескольких словах слогообразующий сонант *r̥* – за ним обязательно следует также *r*, например, в тсвана: *ṙra* ‘отец’, *ṙra moṙolo* ‘дядя’; в педи: *ṙra* ‘отец’ (редко, обычно в именах), *ṙra moṙolo* ‘дядя’, *-ṙiṙetṣana* ‘швырять камни’.

Звук *l* в *суто-тсвана* произносится перед любым гласным, кроме *i*, *u*; перед гласными заднего ряда он слегка апикализируется; *l* часто элизируется (ср. *phɔɫɔfɔɫɔ* ‘зверь’, *philɔ* ‘почка’ в тсвана и *phɔɔfɔɫɔ*, *philɔ* в *сутою*, *molomo* ‘рот’ в педи и *muɔmo* в венда). Перед *i*, *u* в тсвана и педи слышится *d*-образная многоударная альвеолярная фонема, которая европейцами регистрируется по-разному: *l*, *r*, *d*. В тсвана в этих случаях может употребляться вместо *l* назальный *n*: *kelekerèka* – *kenekerèka* ‘я покупаю’ или веллярный *g*: *gopalama-goragama* ‘взбирайся’. В *сутою* в этих же позициях (перед *i*, *u*) произносится церебральный *gd* или имплозивный альвеолярный звонкий *d̥* (т.е. перед *i*, *u* вместо *l* слышится *d̥*, хотя пишется *l*). В педи не происходит превращения *l* в *d̥* перед *i*, *u*, если они возникли из *e*, *o* в результате гармонии гласных (например, *molimi* ‘пахарь’, от *-lema* ‘пахать’, но *molidi* ‘плакса’, от *-lla*, *-lela* ‘плакать’). Иногда это наблюдается и в тсвана, например: *molusi*, от *-losa* ‘подбивать к драке’, хотя обычно *l* → *d̥* и перед *i*, *u*, происшедшими из *e*, *o*: *pelo* ‘сердце’ – *reṙuŋ*]. В *сутою* и педи встречается слогообразующее *l̥* (перед вторым *l*): *molli* ‘плакса’, *-l̥lela* ‘плакать по кому-то’, *-l̥la* ‘плакать’, *mollo* ‘огонь’, *molloŋ* ‘в огне’; в тсвана *l* никогда не бывает слогообразующим: *-lela* ‘плакать’, *molelo* ‘огонь’.

Многоударные латеральные в различных языках произносятся неодинаково, возникают ряды соответствий, как, например, ниже:

* Предполагают, что это один из реликтовых звуков, существовавших в исчезнувшем ныне диалекте *суто_ю* макхокхоа. Бечуаны и бапеди считают, что все басуто употребляют увулярное *r*. За пределами *суто_ю* этот звук в языках подгруппы *суто-тсвана* не замечен.

Таблица 4

Диалекты ронга			Диалекты тсва		Перевод
мапуту	маркиш	нондване	джонга	хленгу	
liḡandu	liranḡu	liranḡuu	riranḡu		любовь
maḡito	maḡito	marḡito	marito		слова́
-ḡamba	-ḡamba	-ḡamba	-ramba		говорить
liḡimi			ririmi	ḡirimi	язык

В языках группы нгуни г встречается только в заимствованиях и онома-топозитических выражениях, во всех остальных случаях употребляется l. В языках Зимбабве функционирует l в виде плавного континуанта l и многоударного дрожащего ḡ. В центральных диалектах шона, наоборот, есть два варианта* фонемы г – одноударное круглое г и многоударное дрожащее г (боковой континуант l здесь не известен), но в восточных и западных диалектах шона присутствуют обе фонемы и их варианты, хотя каждый язык по-своему проявляет избирательность к их употреблению. Например, в ндау отмечается только г, данда почти всегда использует l; многоударных латеральных здесь нет, зато г иногда встречается. В тонга₃ произносятся оба варианта фонемы г (многоударное г обычно функционирует перед i, e). В санга₃, зарегистрированы l, r, ḡ, хотя более часто представлен звук l. В теве также артикулируются все три варианта фонем l, g, ḡ, но предпочтение отдается g. В западных диалектах шона (талахундра, лилима и каланга₂) наблюдается тенденция к употреблению l, в намбзья и рожи – g, хотя могут появляться не только обе эти фонемы, но и боковая многоударная ḡ (особенно под влиянием гласного i, иногда e). Кроме того, вместо сонорных могут звучать не-сонорные: аффрикаты tʃ, dʒ, боковые фрикативные dl, tl и церебральное*.

Кроме латеральных l, g, встречаются: dl, tl, hl, а также их аспирированные и назализованные варианты. Установлены следующие ряды соответствий: dl в била – da ронга – du в джонга – g в хленгу (например: kudia – kuda – kudya – kuga ‘есть’, diambo – dambu – dyambo – gambo ‘солнце’); tl в джонга – tlh в ронга (-tlela ‘возвращаться’ – -tlhela);

*В языках Зимбабве, а также в ламба, бемба и ила многоударный боковой звук соотносится с фонемой l, в центральных диалектах шона – с g, поскольку положение языка при произнесении многоударного g является тем же, что и при произнесении круглого g. Во многих диалектах произносится звук, средний между g и l. В каранга и других центральных диалектах шона многоударный вариант появляется перед i и часто перед e. Кроме того, в каранга наблюдаются два варианта многоударного латерального (звонкий и глухой – в комбинации с палатальным фрикативным: gy – gc).

hl, nhl в джонга – tlh, ntlh в ронга (-hlamula ‘отвечать’, -nhlanu ‘пять’ – -tlhamula, -ntlhanu); hi в педи – ʈ, ʈh в венда (sehlare ‘дерево’ – ʈari; hlɔʊ ‘голова’ – ʈɔhɔ). В тсвана произношение tl варьирует с t (tla – ta ‘приходи’). Латеральные фрикативные есть также в языках подгруппы нгуни.

К. Док отмечал [77:28, 29] наличие в дамба двух разновидностей l: одна из этих разновидностей напоминает южно-англ. "clear – l", вторая воспринимается нетренированным ухом в одном окружении как l, в другом – как r, в третьем – как d. Тем не менее, по своей природе (артикуляции) эта разновидность l совершенно не похожа ни на один из перечисленных звуков и представляет собой боковой многоударный дрожащий согласный.* В ламба обе разновидности l являются позиционными вариантами одной и той же фонемы: многоударное l встречается перед всеми гласными и полугласными, одноударное l – только перед а, о, и (в отдельных случаях также перед е, но никогда перед i, у, w).** По-видимому, в остальных языках группы М представлена та же ситуация, только в одних случаях боковой многоударный зарегистрирован как l, в других – как r (или r).

Ротацизм именных префиксов в М обычно не регистрируется, хотя повсеместно отмечается взаимозаменяемость r и l (иногда: r, l и d). В ньикюса в показателях 5 и 11-го кл. зафиксированы параллельные формы с фонемами r и l. То же наблюдается в языках остальных зон. Например, в луба-катанга l взаимозаменяем с r перед i [84: 4]. В лунда показателем 5-го кл. обычно является префикс i-, но в нескольких словах встречается dyi-. Его наличие связывается с присутствием начального гласного в основе или с его долготой. Он входит в состав всех согласователей (даже для тех существительных, которые имеют префикс i-). В ньанджа звук r предпочтительнее, чем l, перед е, i; в чева этого нет. В мабиха есть только l, звука r нет. Интервокальное l в последнем слоге

* Вот как описывается его образование: "In its formation the tip of the tongue is brought smartly up to touch the gum-ridge (one side however not touching) and is then flapped forwards – downwards with a single flap, the air escaping in the first place laterally. This we call the flapped lateral" [77: 28].

** Способ образования дрожащего l делает возможным при его произнесении произвести после выдоха импульс вдоха. Одноударное l произносится обычно на выдохе (например, -lāla ‘спать’, -lōta ‘грезить’, -leka ‘оставаться одному’), дрожащее l – на пульсации вдоха-выдоха (например, -lilila ‘уйти навсегда’, -ropolola ‘отвязывать’). Этим объясняется и отмеченная выше дистрибуция обоих вариантов l (см. тенденцию произносить полугласные "на переломе" от выдоха к вдоху, которая взаимосогласуется с употреблением многоударного l и противоречит употреблению одноударного l, например: ilyāla ‘ноготь’, -lwala ‘быть больным’ и т.д.).

является слабым, и весь слог часто элизируется, например, *mtela wakwaci* → *mte wakwaci* ‘какое дерево?’. Кроме того, элизии подвергается интервокальное *h* (*Luhuma* → *Luuma* ‘Тувума’, *wamwahaulila* → *wamwaulia* ‘он сказал ему’). В беглой речи элизируется также конечное *ni*: *kucidoni* → *kucido* ‘говоря’, *acidoni* → *acido* ‘он сказал’. Звук *r*, как правило, в *N* и *P* является многоударным. В показателях классов *l*, *r* часто утрачиваются, в согласователях сохраняются. Например, в *нсенга* в показателях 5-го кл. префикс *li-* представлен всего в нескольких словах, в остальных случаях употребляются основы без префикса. В показателях 11-го класса перед основами на гласный функционирует повсеместно префикс *lw-*, перед основами на согласный – *lu-*. Кроме того, есть несколько слов с префиксами *ulu-*, *ulw-* (*uluimbo* ‘песня’, *uluwezi* ‘нож’, *ulwendo* ‘путешествие’).

В *квангари* *r* никогда не встречается перед *i* и *u*. В позиции перед *i* вместо *r* появляется многоударный дрожащий звук *l*, который является боковым, но произносится достаточно близко к центру и поэтому напоминает по артикуляции одноударное *r*. Перед полугласным *y* артикулируется альвеолярный звук [l]: *lya*, *lye*, *lo* (перед *o* полугласный *y* выпадает, *lyo* превращается в *lo*; *r* в этих случаях не употребляется). В *ганда*: *ri+la* → *dda*, *ri+gi* → *ggi*, *ri+ku* → *kku*, *ri+yi* → *jjj*, т.е. происходит регрессивная ассимиляция *r*. В *эвондо* перед основами на гласный переднего ряда *i* показателем 5-го класса является префикс *dy-* (*dis* ‘глаз’ – *mis* ‘глаза’); перед основами на палатальный полугласный – *dz-* (*dzóm* ‘вещь’; мн. ч. *byém* ‘вещи’ выявляет корневое *y*); перед основами на велярные согласные – *æ-* (*ækoj* ‘копье’ – *mekoj* ‘копья’): подготовка к артикуляции инициального согласного основы начинается задолго до произнесения префикса и определяет его форму, – в зависимости от степени углубленности корневой инициали осуществляется продвижение назад артикуляционных органов перед произнесением префикса.

Ретрофлексный звук, который сам по себе имеет низкий тембр благодаря большому объему ротового резонатора (за счет значительного опущения спинки языка вниз и сильной изогнутости верхнего нёба), при углублении артикуляции перед произношением заднеязычного *k* (более глубокого, чем ретрофлексный звук *k* или его аллофоны) превращается в *æ*, характеризующийся еще большим объемом ротового резонатора из-за еще более низкого положения языка при схожем профиле верхнего нёба. Влияние артикуляции гласного *i* на формирование предыдущего звука состоит в том, что вся масса языка продвигается вперед, приподнимая его среднюю часть, и ретрофлексный звук приобретает *d*-образный характер (в [122] отмечается, что при появлении префикса в слове *dis* сначала происходит продвижение кончика языка к зубам, затем

произносится г-образный звук). Во время образования полугласного у средняя часть языка прижимается к нёбу, кончик передней части опускается к альвеолам, поэтому подготовка к этой артикуляции вызывает превращение ретрофлексного г в d.

В суахили сонанты l, r встречаются в начале и в середине слова (-lala 'спать', -gauga 'рвать'); в качестве конечных звуков они не зарегистрированы; r употребляется, в основном, в заимствованиях; в словах бантуского происхождения существует параллельное употребление r и l. Специфика артикуляции r, l в суахили такова, что в начальной и интервокальной позиции внутри основ они произносятся при очень слабом вдохе и поэтому часто элизируются (ср., например, ukoo 'родство' и lukoolo в ньика; leo 'сегодня' и lego в ньанджа; -ua 'убивать' и -lwa 'сражаться' в зулу; -uma 'кусать' и -luma в зулу). Время звучания начальных и интервокальных l, r в суахили является наименьшим из всех согласных (l – 130 мсек в начальной позиции и 110 мсек в интервокальной позиции, r – 100 мсек в начальной позиции и 83 мсек в интервокальной позиции); так, носовые звучат 200 мсек в начальной позиции, 192 – в интервокальной; глухие щелевые соответственно 184 мсек и 176 мсек, глухие смычные – 173 и 160 мсек, звонкие смычные – 150 и 134 мсек, звонкие щелевые – 132 мсек [42: 360]. Перед i, e вдох усиливается, в этой позиции l сохраняется; перед a, o, u вдох ослабляется, и l элизируется (см. также -ndota – -ota, -gota в гикую; -nduma – -uma, -luma в зулу, -ruma в гикую; ndimi 'языки' – ulimi 'язык'); в прономинальных префиксах, где la- как бы акцентируется и вдох при этом усиливается, l не элизируется (например, letu 'наш', langu 'мой'). Не происходит элизии сонантов, как правило, в заимствованиях. Наоборот, в префиксах существительных 11-го кл. (например, ungo 'сустав') l исчезает, а в префиксах существительных 5-го кл. пропадает не только l, но и сопровождающий его гласный; следы обоих сохранились в виде префикса ii- перед односложными основами, где на него падает ударение, поэтому сила вдоха усиливается (iiwe 'камень', iiru 'нарыв', но рими 'легкие' (анат.) – тарими; nepo 'слово' – mapeno), а также в формах мн. числа: mepo 'зубы' (из ma+ino), meko 'сердца' (из ma+iko). Сохраняется префикс ii- и в том случае, если он передает аугментативное значение, поскольку он произносится с паузой, подчеркивающей имплозию начального согласного, например: mti-iiiti-kiiti; mtu-iiitu-kiitu.

5. Не менее важными для понимания специфики консонантизма ЯБ являются вопросы, связанные с возникновением и функционированием лабиализованных согласных. Так отмечается, что в юго-восточных языках лабиализация согласных (назальных, фрикативных, имплозивных,

аффрикатов и кликсов) чаще всего происходит перед гласными i, e, ε, a. Лабиализация нелабиальных согласных, как правило, фиксируется с помощью полугласного w; например, в педи: -nwa 'пить', -ηweka 'раздеваться', zwala 'пиво', -lwa 'взбираться', -lwa 'сражаться', -hwa 'умирать', moɾwa 'бушмен', ntwā 'война', kwena 'крокодил', letswēle 'грудь'; в сутою: -qwaəa 'бояться'.* Если имеет место аспирация, она осуществляется после лабиализации, т.е. аспирируется лабиализованный согласный: kxwhedi 'месяц', -tswhana 'быть похожим', -twhaɭa 'сломать'. Когда какой-нибудь согласный произносится с одновременной глоттальной преградой (например, tʃ), его лабиализованный вариант становится также эйектив-ным (tʃw'); setʃwana в этом случае произносится [setʃw'ana], но не [setʃ'wana].

Лабиализованные нелабиальные согласные по артикуляции идентичны тем же согласным в позиции перед гласными заднего ряда ə, o, u. Поэтому эта лабиализация называется задней (при округлении губ поднимается спинка языка).** Кроме того, существует передняя лабиализация — поднятие при округленных губах средней части языка во время произнесения лабиальных согласных. Эта лабиализация чаще всего фиксируется с помощью полугласного u; например: βuaŋ 'трава', -βируа 'быть построенным' в педи (в сутою и тсвана передней лабиализации нет, приведенным выше словам соответствуют формы zwaŋ, -botʃwa в сутою и bozaŋ в тсвана).

Лабиализация согласных — регулярное явление в ЯБ. Ее примеры мы находим при образовании пассивной и каузативной формы глагола (лабиализация согласного в последнем слове глагола),*** диминутивной формы имени (лабиализация согласного в последнем слове имени при элизии финального гласного и последующем присоединении суффиксов -ana, -ape) и многих других явлениях. Так, если исключить моносиллабические основы глаголов и основы, в составе которых уже произошла лабиализация (от этих форм пассив строится нерегулярно), можно

* Лабиализованных s, ts, tsh в тсвана нет; в сутою есть несколько слов, содержащих лабиализованные ʃ, tʃ, tʃh. В тсвана нет ɭ, поэтому нет и ɭw (слова с ɭw в сутою и педи соответствуют словам с tʃwh в тсвана). Лабиализованные h и kh зарегистрированы в педи; в сутою и тсвана их нет.

** Предполагается, что задняя лабиализация развилась на месте эпентетических o, u, которые образовывали слог и имели тон. Этот слог утрачен и полугласный w более не слышится; от исчезнувшего слога осталось округление губ с одновременным поднятием спинки языка: это создает впечатление композиты "согласный+полугласный w или неслогообразующий гласный ə"[131: 76].

*** Считается, что исторически суффиксом пассива был формант -wa или -oa (*-βорба), затем он элизировался, оставив вместо себя лабиализованный согласный.

повсеместно наблюдать заднюю лабиализацию при образовании пассива от основ, заканчивающихся нелабиальными согласными, и переднюю лабиализацию, если в финальном слоге основы стоит лабиальный согласный: -d̥ira ‘делать’ – -d̥irwa, -βala ‘читать’ – -βalwa, -senya ‘разрушать’ – -senywa и -seŋwa, lefa ‘платить’ – -lifya, -βora ‘создавать’ – -βоруа в педи; в сутою и тсвана задняя лабиализация палатальных согласных приводит к иной деривации: -lefa – -leʃwa, -bora – -botʃwa.

При образовании диминутивных форм существительные, оканчивающиеся на а, приобретают вместо а окончание -ana или -ane. Если существительное имеет в финали гласный заднего ряда, происходит лабиализация согласного перед окончанием -ana, -ane. Нелабиальные согласные испытывают заднюю лабиализацию, лабиальные – переднюю (m → ŋ при задней лабиализации); например, в педи: kxhoʊo ‘домашняя птица’ – kxhoʊwana; maŋu ‘тучи’ – maŋwana; mollɔ ‘огонь’ – mollwana; kxhomu ‘бык’ – kxhoŋwana; phefo ‘ветер’ – phefyana; phuphu ‘апрель’ – phupuhana; kuβu ‘гиппопотам’ – kuβuana. При передней лабиализации процесс может идти дальше: передне-лабиализованные лабиальные могут превратиться в задне-лабиализованные палатальные; например, в педи: leуари ‘дыня’ → leуаруana → leуatswana. Особенно часто такие явления происходят в суто и тсвана.

Лабиализация согласных отмечается при описании всех языков группы S. Например, в тсва зафиксированы следующие лабиализованные согласные: mw, nw, ŋw, ndlw, ngw, nzw, nkʷ, lw, hlw, rw, pw, tw, sw, ʃw, tsw, kw, gw, hw, xw, by, mby; не меньше их в ронга: nw, ŋw, ngw, ntw, nŋw, nhw, ŋhw, nkʷ, lw, rw, dlw, tlw, tlhw, hlw, tw, ʃw, thw, ʃw, gw, kw, khw, by, py, dy, ty, thy, mby, mphy, ndy, tʃy, ntʃy (mbyana ‘собака’, -mphyinʃa ‘выигрывать’ и др.). В к’оса лабиализоваться может любой согласный, кроме b, m, p, b (сочетаний типа bw, mw, pw, bw в к’оса нет).

Лабиализация согласных сочетается с их палатализацией или веляризацией. Как правило палатализация происходит перед гласными переднего ряда и полугласными. Например, в зулу: ph, th → sh; b, d → j; b, p, t → tsh; m, n → ny; mp, nt → ntsh; mb, nd → nj. Примером прогрессивной палатализации является образование сокращенного перфекта (например, в тсвана -bɔna → -bonue, в педи: -hora → -hoʃe), а также диминутивной формы существительных, заканчивающихся на гласный переднего ряда: перед суффиксами -ane, -ane гласный утрачивает слогаобразующий характер, превращается в полугласный, палатализует предшествующий согласный и элизируется; например, в педи: lenti ‘струна’ – lentiāna; в сутою kxhale ‘давно’ – kxazana; poti ‘козел’ – potsane. В результате прогрессивной палатализации происходят следующие преобразования согласных:

r → tsh, ʒ; d → ts; t → tʃ; f → tʃwh; p → tʃw; ph → tʃwh; m → ŋw; n → ny в тсвана; r → tʃh, ʃ, ny; l → ʒ; d → tʃ; t → ty; f → sw, fs; βy → βy, βz; p → tsw, py; ph → tsw; m → ŋw; n → ny в педи; l, r → g; b → by; m → ŋw в тсва, например: mafura ‘жир’ – mafugana, ndlela ‘дорога’ – ndlegana; p → tʃ; b → ty; b → j; mb → nj; m → ny; mp → ntʃ перед e, i в к’оса и т.д.

Регрессивная палатализация представлена в существительных 5-го класса в тсвана: lesaka ‘крааль’ – maraka; letsatsi ‘день’ – malatsi; letʃwele ‘кулак’ – mabole (под действием префиксного гласного переднего ряда происходит преобразование инициального согласного основы так, что r → s, ʃ, tʃh; l → ts; b → ts tʃ tʃw; s → h). В префиксах именных классов палатализация наблюдается в зезуру: tʃi-, tʃ-, 7-й кл.; корекоре: tʃi-, 7-й кл.; каранга: itʃi-, tʃi-, tʃʰ-, 7-й кл.; ндау: tʃi-, tʃʰ-, tʃh-, 7-й кл.; каланга², лилима: itʃi-, tʃi-, 7-й кл.; венда: tʃhi-, tʃh-, 7-й кл.; кхалахади: ʃi-, 7-й кл.; педа: βʒ-, 14-й кл.; сутою: dʒw-, 14-й кл.; к’оса: uc’w-, uc’-, 14-й кл.; зулу: utʃw-, utʃ-, 14-й кл.; свати: tʃw-, tʃ-, 14-й кл.; нгонин: itʃi-, 7-й кл.; тсва: aʃi-, Ji-, 7-й кл.; тсонга: uʃ-, 5-й кл.; ʃi-, 7-й кл.; ронга aɲu-, ɲu-, 3-й кл.; ʃi-, 7-й кл.; чопи: (i)ɲu-, 1-й, 3-й кл.; tʃi-, tʃ-, 7-й кл.; тонга³: (e)ji-, 7-й кл.; (a)ji-, 8-й кл.

Веляризация наиболее распространена в шона, особенно в центральных диалектах. Встречается она также в венда, тонга³ и других языках, однако не с такой силой, как в шона. В зависимости от точки, к которой подтягивается спинка языка, можно выделить различные типы веляризации. Если при поднятии спинки языка достигается контакт с мягким нёбом, согласный как бы звучит в сопровождении звуков k, g, ŋ в зависимости от того, является он глухим, звонким или назальным. Если спинка языка поднимается не так сильно, появляется велярная фрикция, и смычные произносятся в виде аффрикат (их второй компонент напоминает звуки x, y соответственно в глухих и звонких композитах). При открытии назального резонатора веляризацию сопровождает назализация (слышен как бы назальный полугласный w). Перечисленные типы веляризации представлены в зезуру, фрикативная веляризация – в каранга и ндау, резонансная – в маньика и корекоре (в остальных языках она наблюдается реже). Все эти явления говорят о наличии особого фарингального тона, реликты которого представлены с большей или меньшей силой в описываемых языках. Примерами веляризованных согласных являются следующие композиты, зарегистрированные в зезуру: pk, px, bg, by, vɣ, mbg, mbɣ, mɲ, mṵ, mɲw, mw, tʃk ʃk, dʒg, dʒy, nydʒg, nyɲ, nyɲw, tkw, txw, dɣw, ndɣw, rɣw, sxw, skw, zɣw, zgw, nzɣw, tsxw, tskw, nyɲw, ʃxw, ʃkw, ʒɣw, ʒgw, tʃkw, dʒɣw, dʒgw, nydʒɣw, pw, bw, mbw, mw, tw, ndw, rw, sw, zw, nzw, tsw, dzw, ʃw, nyw, xw, hw, sxw, tsxw, txw, kw, gw, ŋgw, ŋw, pkw, bgw, mɲgw, mɲw, khw, ʃw, nɲw.

В мабиха отмечается лабиовелярный полугласный у, который, соединяясь с согласными t, d, l, n, палатализует их, превращая в ty, dy, ly, ny (глайд у становится при этом частью звука). Подобный глайд слышится также иногда при произнесении билабиальных смычных: b, p (например вместо kubulala ‘убить’ в беглой речи звучит kubuaa). Кроме того, встречаются лабиовелярные, которые можно обозначить диграфами kw, lw, tw (например, в словах ntwawe ‘её муж’, luhimu lwake ‘его песня’ lw и tw фиксируют не композиты звуков, а лабиализованные согласные l, t). В ламба перед i, у произносятся альвеолярные d, t, перед другими гласными и w – дентальные; альвеолярное t является аспирированным, дентальное нет; при назализации альвеолярным d, t предшествует альвеолярный n, дентальным d, t – дентальный n (ср., например, nt и nth в словах icintu ‘вещь’ и -pintila ‘подвигать’). В руанда существует [73: 15] 20 согласных (p, b, pf, m, f, v, t, d, n, r, s, z, ts, shy, sh, c, j, k, g, h) и два полугласных (w, y). Полугласный w может следовать за любым согласным, кроме v и pf. В позиции перед w все фонемы, кроме m, n, x, получают признак лабиализации: b+w → bw, t+w → tw, g+w → gw, k+w → kw, а в ряде случаев – еще и веляризации (b+w → bgw, d+w → dgw, t+w → tkw, z+w → zgw, s+w → skw, sh+w → shkw, ts+w → tskw, r+w → rgw). Полугласный y может сочетаться только с девятью фонемами: p, b, m, t, d, n, r, s, k. Эти фонемы, кроме r, перед у палатализуются (ab + y → ab’) и в ряде случаев (кроме m, n) приобретают признак аффрикаты (k+y → c’, p+y → ptshy, d+y → dg’, s+y → sk’, t+y → tk, m+b+y → mbz). Фонема r перед у превращается в dg. После носовых фонемы p, t, k фарингализуются (m+p → mph; n+t → nth; n+k → nkh), r, l превращаются в d (n+r → nd; n+l → nd), остальные остаются без изменений. В гикую полугласный у вступает в сочетание только с гласными; наоборот, w зарегистрирован после любого согласного (tw, dw, bw, kw, gw, dw, gw, hw, ηw, cw, а также mbw, ndw). В куриа из 13 согласных только b, m, n, k зарегистрированы в сочетаниях с полугласными: by, ny, bw, kw; в квангари спектр употребления с полугласными шире: py, mby, ty, ly, mbw, tw, kw; в ганда еще шире: 10 согласных (p, b, m, t, d, n, l, r, k, g) могут появляться с полугласным у, образуя цепочки py, by, my и т.д., 16 согласных (кроме f, v) присоединяют к себе полугласный w (например: p^v, bw, mw и т.д.). Гласные после полугласных, которым предшествуют согласные, удлиняются (например: byā, byâ, bwā, bwâ) во всех позициях, кроме конечных; на предшествующие гласные – композиты с полугласными не влияют. Таким образом, лабиализация, палатализация и веляризация в языках проявляются по-разному. Специфика этих процессов обуславливает артикуляцию многих звуков, в том числе, полугласных.

6. Полугласные привлекают внимание исследователей во многих языках банту. Отмечается наличие трех типов полугласных – звонкого би-лабиального, палатального и глухого веларного (в гикую, квангари). Фиксируется их слогаобразующий характер (например, в односложных корнях в ганда⁸), а также то, что в интервокальной позиции при произнесении полугласных происходит вдох и их артикуляция сопровождается двойным переходом "выдох-вдох-выдох".** Особенно часто появляется необходимость в таком дыхании при артикуляции гласных различной степени раствора и различного тонового контура, например, при сочетании закрытых гласных с более открытыми. В этих случаях в суахили возникают как правило, интервокальные эпентетические полугласные: *yai-yaui* 'яйцо' *mīaa-mīyaa* 'карликовая пальма', *ndio-ndiyo* 'да', *kua-kuwa* 'расти', *toa-towa* 'выдавать'. С тем же явлением мы сталкиваемся в началах слов: *oa-woa* 'жениться', *aya-yaaya* 'няня'. В мвера отмечается даже наличие сочетания *uw* (например, *umūwa* 'быть разбуженным'), в чева полугласные *w*, *y* между двумя гласными часто опускаются (*wayāmba* → *wāmba* 'он начал', *kunīwūza* → *kunīūza* → *kunūza* 'сказать мне'), и т.п.

Однако самые интересные явления зарегистрированы в языках зоны В. Так, в северо-восточных диалектах теке полугласные *w* и *w̃* зафиксированы в финалях слов, т.е. здесь представлены два уникальных явления: во-первых, назальные полугласные *i*, во-вторых, полугласные в финалях слов с закрытым слогом. Противопоставление полугласных в языках зоны В осуществляется не только по признаку "назальный – неназальный", но и по другим; так, лабиализованные полугласные в префиксах именных классов зафиксированы в секияни (см. в В21 префикс 19-го кл. *w̃i*) и келе3 (префиксы 12-го кл. *l̃w̃* и 19-го кл. *w̃i* в В22а); полугласные с менее напряженной артикуляцией (например, *w*) отличаются от полугласных с более напряженной языковой артикуляцией (например, *w̃*) в диалектах текес-в (так, в В72 наблюдаются три различных билабиальных полугласных, участвующих в смыслоразличительных оппозициях: ср. *wa* 'давать' – *w̃a* 'опускать' – *w̃a* 'паковать', где *w̃* – лабиализованный билабиальный полугласный, а *w̃* – билабиальный полугласный

*В многосложных корнях полугласные теряют свой слогаобразующий характер, поэтому *-kyala*, *-Iwadde* оказываются трехсложными (ВНС), а не четырехсложными (ВВНС); *-tyôbola*, *-bwâtula*, *-kwêkweto* – четырехсложными (ВНСС), а не пяти- или шестисложными (ВВНСС); *-lyâzaamaanya* – семисложным (ВНССССС), а не восьмисложным, и т.д.

**См.: «Индоевропейские диалекты *centum* и *satam* – как результат "движения" атализованного ряда "гуттуральных" соответственно в различных фонетических направлениях» [13,1: 114].

⁸ Л-З.Сова

с более напряженной языковой артикуляцией, чем нелабиализованный w). Дополнительная артикуляция, представляющая собой трение между верхними зубами и внутренней поверхностью нижней губы или нижних зубов, может иметь место и при образовании полугласных. Например, в бали такие билабиальные полугласные отмечены в слове w̄wa ‘девять’, в тиене они есть во всех словах со слогом w̄ɕ (например, w̄ɕ-ɔl ‘открывать’).

В большинстве языков группы В20 билабиальный назальный полугласный \tilde{w} при образовании которого верхние зубы почти соприкасаются с внутренней поверхностью нижней губы, встречается в виде префикса существительных. Так, в нгом он является показателем 1-го и 3-го классов в тех случаях, когда основа начинается на согласный (например, \tilde{w} -ðeŋ) ‘незнакомец’ – ба-ðeŋ] ‘незнакомцы’; \tilde{w} -ŋɪŋ ‘канат’ – те-ŋɪŋ] ‘канаты’). Присоединение указанного полугласного к основе существительного приводит к модификациям начального согласного основы, проявляющимся в том, что он соноризуется, назализуется, спонантизуется и приобретает какую-либо дополнительную артикуляцию (об этом говорят параллели из других языков, например, слово \tilde{w} ɛtə ‘сердце’ в В24, которое соответствует слову nɛtə в В22а, в других ЯБ имеет корень tɛtə; коррелятом к корню в слове \tilde{w} ðeð ‘граница’ в В22 является корень -dɛdɛ в других ЯБ, и т.д.).

7. Подобно полугласным, слогаобразующий характер имеют геминаты. Например, в ганда первый компонент геминаты произносится с небольшой паузой, подчеркивающей ее слогаобразующий характер. Предваряются геминаты краткими гласными (за геминатами могут следовать как долгие, так и краткие гласные). Подобно гласным и полугласным, геминаты могут быть самостоятельными носителями тона; например, в основе -baɟɟа выделяются не два слога с двумя тонемами, а три слога с тремя равными тонемами -ba-j-ja; аналогично: основа -saɟɟа состоит из трех слогов (ВНС): -sá-ĩ-ja, причем гемината является носителем разно-направленного тона – глайда (слог sá является высоким, затем тон падает, начало геминаты произносится низким тоном, после этого происходит новый "прварот" регистра и тон повышается в конце геминаты, так что последний слог ja произносится средним тоном). Чаще всего геминаты встречаются в середине слова, однако немало их и в начале (особенно непривычными для европейцев являются случаи геминации глухих согласных в начале слова: \grave{s} aza, ttemu, ffumu, k̄kubò и т.п.). Удвоение согласных, как и удвоение гласных, может быть средством дифференциации значений (например, с помощью геминации согласных и удлинения гласных различаются такие слова: òkubika ‘разглашение новостей’ – òkùbika ‘кладка яиц’ – òkubbika ‘погружать’ – òkubikka ‘накрывать’; òkùbâ ‘бытие, быть’ – òkubba ‘красть’).

В суахили геминаты встречаются редко – удлинение согласных используется, как правило, в целях эмфазы ([Sivitakki hivi] ‘Я не хочу их’); в этом случае происходит дополнительный вдох между геминируемыми согласными; здесь же отмечается главное ударение и взлет интонации (глайдовая тонема). Иногда геминаты фиксируются в заимствованиях, хотя есть тенденция произносить геминаты из других языков в суахили кратко. Так же обстоит дело повсюду; например, в нгом долгие согласные функционируют в начале слова (sse ‘рыба’), в аква – в начале слога (bba ‘река’, ivva ‘девять’), в кела распространена геминация назальных сонантов. В гикую согласные произносятся более долго после кратких гласных, чем после долгих [61: 38]. Удлинение согласных смысловозначительной роли не играет. Долгие согласные часто встречаются в эмфатической речи, особенно в женской (ср. пролонгизацию гласных в эмфатической речи мужчин (Ne moondo monεεεε ‘Он большой человек’) и пролонгизацию согласных в женской речи (Ne moondo monεηηηηε) [61: 29]. Такие примеры показывают, что при функционировании геминат, слогаобразующих сонантов и полугласных мы постоянно сталкиваемся с фактами, свидетельствующими об изменении "количества сонорности" в том или ином слоге; например: mta ‘моя мать’ в суто – тама в зулу; толпа ‘мужчина’ в сутою – топопа в диалектах сев. педи; -lla ‘плакать’ в сутою – -lela в тсвана, -lila в венда; mollo ‘огонь’ в сутою – molelo или moll’lò в тсвана, molyo в венда; -rakalla ‘вытягивать ноги’ – -rakalala в тсвана. Появление слогаобразующих сонантов (например, в именных префиксах) также обычно объясняется как результат исчезновения гласного (в к’оса: umuntu → umntu, omude → omde).

В квангари отмечается еще ряд особенностей консонантизма. Звук [β] никогда не встречается в одном слоге с гласными о, у. В именных префиксах рефлексом [β] является удлинение гласного (например, òotate ‘отцы’, ùuta ‘лук’). Первый элемент префикса имеет лабиодентальный характер; место образования этого синкретичного звука напоминает о согласном β, рефлексом которого он является, а способ образования – о соседнем с ним гласном, которому он уподобляется. В остальных формантах как рефлекс β перед о, у выступает лабиодентальный полугласный w (например, gwu ‘тростник’). Перед остальными гласными и полугласным у фонема β произносится [β], перед полугласным w – [B]. Фрикативный β превращается в имплозивный b также в результате назализации: [mb] (даже перед у – [mbu]). В зоне М повсеместно отмечается необычное для европейца звучание билабиального звука, который соотносится в одних случаях с фрикативным β, в других – с композитами bw, vw, tw, в третьих – с полугласным w (т.е. со звуками, произносимыми

при определенных условиях, например, в начале слова; не только на выдохе, но и на вдохе). Во многих языках есть фрикативный β; при его артикуляции губы смыкаются, голосовые связки вибрируют во время выдоха (β не смешивается ни с b, ни с w). Перед u, ə спирант β в чева превращается в полугласный w, между двумя гласными он часто опускается (makumi βaβiri → makumãβiri ‘двадцать’, muβānthu → muānthu → mwānthu ‘эй, люди’). В мабиха существует фонема β, которая не встречается между двумя гласными (в этой позиции функционируют только композиты с согласным m или с полугласным, а также фрикативный β: kubuaa ‘убить’, liya limbihī ‘свежее яйцо’ → maɣa maβihī ‘свежие яйца’). Зато фрикативный β никогда не предваряется назальным. В интервокальной позиции полугласный w напоминает β.

В этой связи можно отметить, что глухой билабиальный звук p во многих языках ведет себя, с точки зрения европейца, необычно. Так, в луба-касаи он произносится как p только после назальных, во всех остальных случаях звучит как f [72: 40], т.е. становится спирантом. В луба-катанга p также отмечается лишь после назальных, в иных ситуациях произнесение p сопровождается шумом, превращающим эту фонему в глухой билабиальный спирант β, например: mɔpra, umpe, но mɔpɔra, mɔpele, βepi, luβepele и т.п. [84: 5]. Балуба, живущие в Лубилаши, Ломами и Танганьике, а также бена-каньока произносят β как велярный спирант h, например, βepi как hehi, luβepele как luehele. В квангари тоже есть два варианта p – не-назализованный (p) и назализованный (ɸ). Назализация может сопровождаться аспирацией; в результате появляются звуки, которые можно записать в виде композит: [mɸh], [mhp], [mhpɸ] с глухим назальным [mɸ] и глухим аспирированным имплозивным [pɸ].* Аналогичные явления наблюдаются и при произнесении дентального t [t] и велярного k; ср., например, следующие звуки: [ɲtɸ] и [ɲt], [ɲkɸ] и [ɲk]. Фонема p встречается только в двух словах звукоподражательного характера (pa, pe), фонемы b, d, g, j существуют в композитах с назальными (mb, nd, ng, nj); фонемы ð, t, r находятся в дополнительной дистрибуции к d; γ и k – к g. Согласный r является фрикативным, t и k никогда не аспирируются. В ряде языков (например, в аква) в интервокальной позиции не различаются t и d; k и g; согласные p, d находятся в дополнительной дистрибуции к f, l (например, в кела по отношению к назальным, которые им предшествуют).

* "The voiceless nasals are characterised by the passage of air through the nose before the actual articulation of the plosive. They could perhaps be rendered as -mɸh-, or, with the consonant also aspirated, as -mhpɸ- etc." [84: 5-6].

Во многих языках зоны В представлены звуки с дополнительной фрикативной артикуляцией. Так, в группе В20 повсеместно встречаются со-пасные с дополнительной артикуляцией контакта между верхними зубами и внутренней поверхностью нижней губы (ɸɸɸ ‘огонь’ – ɸɸɸ ‘огни’, В22а) в В84 существует особый плавный сонорный с дополнительной дентальной артикуляцией, противопоставленный обычному плавному сонорному; в группе В70 первый согласный корня часто образуется с помощью дополнительной артикуляции путем трения между верхними зубами и внутренней стороной нижних зубов (k5, В75; tio, В75); кроме того в В71 есть лабиовелярная фонема kɸ, не отличимая от kw, в В22b – звонкий дентальный фрикативный ɸ и многоударное r, в бома и других языках – увулярный фрикативный x, в мфину – палатальные аффрикаты (ссɸ). Звуки с дополнительной дентальной артикуляцией зарегистрированы во многих языках (например, в луяна это – ɸ, в квангари – ɸ, ɸh, в педи, – ɸ, в мапуту, маркиш, нондване, джонга, хленгу и др. – ɸ, и т.д.). Наличие дополнительной дентальной артикуляции может наблюдаться не только у n, t, d, s, z, но и у c (ср. постпалатальные tɸ и tɸ в языках зоны L). Согласные t, k после кратких гласных имеют более сильную имплозию, чем после долгих. В соседних слогах не могут стоять k-t, k-k, k-c, k-θ, происходит замена k на ɸ (например, -ɸe-tɸ ‘отбросить’, но -ko-hɸ ‘дать’). "Характерной особенностью дистрибуции согласных курия следует считать явление, известное в бантуистике под названием "закона Даля", заключающееся в следующем: глухой согласной фонеме корня в префиксе соответствует звонкая фонема, и наоборот, звонкой фонеме корня в префиксе соответствует глухая фонема, например: ege-toco ‘заяц’, eke-ɸama ‘бедро’, ege-saka ‘река’, iki-niibo ‘поиски богатства’ и т.д. Однако эта особенность не является универсальной, поскольку имеют место некоторые исключения: это относится к классам go-, ko-, ogo-, oko-, gu-, ku-, ugu-, uku- (ugo-geɸa ‘огромный камень’) и bo-, bu-, obo-, ubu- (ubu-ginga ‘маленький остров’). Сочетаний трех согласных фонем (ССС) в курия, по-видимому, нет" [7: 36].

§ 3. Диахронические иллюстрации (основной тон и обертоны)

Особенности развития звукового строя ЯБ проиллюстрируем на материале мбунду₂ (R11), история которого отражена в публикациях за последние 150 лет. Наиболее важные данные, собранные лингвистами и миссионерами, сведены воедино и прокомментированы Федором [82].

Они охватывают, кроме современного мбунду₂, десять диалектов прошлого века: нано (киМбунда₂, бунда₂, н'бунда) с поддиалектами чиКомба и баилундо; каЛобар (лобале, ловар), молува, лунда₂, (моропу), хумби (му-Ньянека), овамбо₂ (хуАмбо₁, кваньяма₂), бенгера, бенгела (пангела) с поддиалектами амбоим (сев. бенгела), хаМбундо и бие (бихе, оВийе).

Эволюция этих диалектов прослеживается по материалам, собиравшимся на протяжении XIX и XX в.в. Кёлле (бенгела, начало XIX в.), Хэйлом (бенгера, 30-е годы XIX в.), Серпа Пинто (хаМбундо), Мадьяром (нано, каЛобар, молува, середина XIX в.). Бликом (нано, бенгела), Капелло и Ивенсом (н'бунда, бие, 70-е годы XIX в.). Люксом (баилундо), Джонстоном (нано, бие, 80-е годы XIX в.), Стоувером (баилундо, бие), Шухардтом (бенгела), Лекомте и Нашименту (бенгела, конец XIX в.), Кейлингом (хуАмбо, 30-е годы XX в.), Альвесом (бие, середина XX в.), Валенте (70-е годы XX в., современный мбунду₂; словарь порту-гальского-умбунду языков, составленный Валенте, содержит 30000 словарных статей), и другими [56, 69, 97, 99, 101, 102, 106, 121, 136].*

Анализ сведений по мбунду₂ и его диалектам показывает, что в этом языке в XIX в. единообразного ударения на предпоследнем слоге не существовало. Место ударения определялось фонетическими (позиционными) условиями. Большую роль играла мелодика фразы и музыкальное ударение. Многосложные слова могли иметь два ударных слога.

* В приводимых ниже примерах сохраняется орфография первоисточников. Для понимания характера звуковых соответствий и перевода на единую фонетическую транскрипцию примеров можно составить следующую таблицу: ñ – ŋ, ʃ – s (веляризованный глухой фрикативный s) или ʃ; dʒ – t (Кёлле); ñ – ŋ; ch – ʃ; j – z (Серпа Пинто); sz – ss; s – ʃ; g(ng) – ŋ; zs – z; ty – t (веляризованный глухой фрикативный t); gy – d (веляризованный звонкий фрикативный d); ny – ŋ; tʃ – t' или ʈ (Мадьяр); c – k; qu – kw; sch – ʃ; nj – ŋ (Люкс); ñ – ŋ; ch – ʃ; j – z (Джонстон); ch – tʃ; nj – ndʒ (Нашименту); tch – tʃ (Кейлинг); u – w; dz – gi; tch – tʃ (Лекомте); tj – tʃ; ndj – ndʒ; ñg – ŋ; tj – tʃ; ñ – ny или t' (по определению: глухая палато-альвеолярная неназальная фонема, противопоставленная ndʒ); ng – ng (Альвес); ch – t или t' (по определению: похожа на аффрикату tʃ); nj – ndʒ (Валенте). Кроме того, следует не забывать, что португальская орфография лежит в основе работ Серпа Пинто, Капелло и Ивенса, Нашименту, Кейлинга, Лекомте, Альвеса и Валенте, немецкая – Кёлле, Люкса и Шухардта, английская – Хэйла, Джонстона и Стоувера и венгерская – Мадьяра. Интерпретация примеров строится мной при учете этих факторов, а также тех сведений о характере гласных и согласных в мбунду₂, и его диалектах, которые приводятся в различных исследованиях по этой группе языков, указанных в библиографии (например, принимается во внимание, что в юго-западных языках функционируют лабиовелярные vu, βu, увулярное и ретрофлексное r, фрикативные β, γ, рефлексное и веляризованное d, бифокальные лабиодентальные фрикативные и т.д.).

Предпоследний слог был либо ударным, либо долгим. Во всех диалектах представлена оппозиция долгих и кратких гласных, наиболее сильно она развита в бенгела. Количественные различия гласных были связаны с их качественными и тональными характеристиками. Эти закономерности наблюдаются и в современных языках. Например: *onjila* [– _ _] ‘путь, дорога’, *ongila* [– – _] ‘птица’; в первом случае гласный *i* произносится низким тоном и является долгим, во втором – кратким, высокого тона. Аналогично в слове *mbambi* ‘холод, лихорадка’ *a* произносится низким тоном и является более долгим и открытым, чем в слове *mbambi* ‘газель’, *a* высокого тона. Удлинение гласных может создавать впечатление геминации соседних с ними согласных (ср. *okandyilla* ‘тропинка’ и *okandyila* ‘птичка’).

Учитывая взаимосвязанность тональных и количественных характеристик гласных в мбунду₂, Фодор выделяет четыре тона (высокий долгий, низкий долгий, низкий краткий, или нейтральный, высокий краткий) и отмечает, что в архаических диалектах мбунду₂, представлены первые три тона (например, с их помощью различаются порядковые и количественные числительные). В настоящее время тональные оппозиции угасают, но основы существительных по-прежнему бывают только низкого или нисходящего тона, а префиксы именных классов – только высокого (или нейтрального) тона. Затухание тональных противопоставлений коррелирует с изменением остальных супрасегментных характеристик – существовавшей ранее тенденции переноса высокого тона с предпоследнего слога на последний и акцентирования (ударения) последнего слога, в зависимости от синтаксико-семантических условий. Разрушение поли-тонии соотносится с развитием тенденции к стабилизации ударения. Фактически только вокативная форма сохранила архаическое музыкальное ударение, во всех остальных случаях ударение из музыкального превратилось в ритмическое.

Система гласных представлена по-разному: в большинстве диалектов исследователи фиксируют пять гласных (*i, e, a, o, u*) и их долгие соответствия; в бенгела Кёлле зарегистрировал семь гласных (*i, e, ε, a, o, ə, u*) с их долгими соответствиями. В современном мбунду₂ функционирует пятичленная система гласных, их долгие соответствия рассматриваются как позиционные варианты фонем (аллофоны), а не как самостоятельные фонемы. Полностью исчезли дифтонги (дифтонгов *eu, au* нет в памятниках XIX в., а композиты *ai, ou* в них представлены, но без фонетической интерпретации).

2. Система согласных современного мбунду₂ насчитывает 19 монофонем: *p, t, k, mb, nd, ŋg, f, s, h, v, j, w, tʃ, ndʒ, m, n, h, ŋ, l* и пять полифонем:

mbw, ŋgw, kw, mw, ŋw [82:102-103]. В прошлом консонантная система была значительно богаче. В XIX веке еще повсеместно функционировала фонема b (см. obá.bá ‘вода’ в нано, meba в калЛобар, obaba в хаМбунду, baba в бенгела и т.д.), впоследствии стал употребляться ее назализованный вариант mb (ср. muebo и ocimumba ‘племянник’, otyibombo и kimbombo ‘пиво’) или она заместила другими фонемами – m (meta ‘вода’ в молува), p (ср. ribito и epitu ‘дверь’, bika и pika ‘раб’) или β, v (ovava ‘вода’ в современном мбунду₂). В бенгела, молува и калЛобар еще встречалась фонема d, например: disul ‘нос’ (молува и калЛобар), diwum ‘живот’ (молува) – diwumo (каЛобар), из нано она уже почти везде вытеснена назальной композитой nd. В некоторых диалектах еще различался звонкий велярный g (ср. guwu ‘гиппопотам’ в калЛобар и muwu в молува, goombe ‘бык’ в калЛобар и pombe в молува, góonde ‘луна’ в молува и gonde в калЛобар и т.п.).

Параллельно с неназализованным рядом звонких смычных согласных функционировали их назализованные варианты (фонемы mb, nd, ŋg, представленные и в современном мбунду₂, а также два аналогичных ряда глухих смычных: неназализованные p, t, k употребляются и поныне, а назализованные mp, nt и ŋk исчезли; ŋk было зафиксировано и в бенгела, и в нано, и в молува, и в калЛобар (ɔlonkɔlo в бенгела – inkima ‘обезьяна’ в молува), mp и nt – уже в единичных случаях только в нано, молува и калЛобар (manta ‘дядя’ в молува – panta в калЛобар и т.п.). Фонема mp была замещена m (ср. impemba – otemba ‘татуировка’) или mb (k.o. mpákká – ochimbaka ‘ров’); nt – n (i.ntámbe – onambi ‘поминки’), t или nd (ntembo – tembo, ndembo ‘жена верховного вождя’) и ŋk – ŋg или ŋ (onkundu ‘карп’ – ongundu ‘сельдь’).

Из всех диалектов исчезли ʃ и dʒ, вместо них появилась фонема tʃ, противопоставленная ndʒ. Наибольшим изменениям подверглась велярная часть спектра: в диалекте бенгела, по описанию Кёлле, насчитывалось 12 велярных и гуттуральных, в диалекте нано у Мадьяра – девять, в современном мбунду₂ – восемь (исчезли фонемы ŋk, ŋh, представленные во всех диалектах XIX в.; появилась назальная лабиализованная велярная фонема ŋw, параллельно с существовавшей ранее смычной назальной лабиализованной велярной фонемой ŋgw; не употребляются больше hw, g, mh, еще встречавшиеся в диалектах XIX в.).

3. Выясняя причину этих изменений, обратимся к процессам назализации, фарингализации, лабиализации и импловизации. Начнем с назализации. Материалы XIX в. по диалектам мбунду₂ показывают, что роль назального резонатора за последние 150 лет существенно изменилась: если в середине прошлого века назализация являлась фактором, влияв-

шим на все языковые единицы (фонемы, морфемы, слова, предложения) и их супрасегментные характеристики, то в современном мбунду₂ назализация осталась регулярным явлением только на стыке префиксов именных классов и корней существительных, в остальных языковых подсистемах она встречается эпизодически.

Так, описывая функционирование диалекта бенгела в начале прошлого века, Кёлле регистрирует назализацию как фактор, наряду с количественно-качественными характеристиками, определяющий фонологический статус всех гласных; в соответствии с этим он выделяет в бенгела четыре подсистемы гласных: краткие (i, e, ε, a, ə, o, u), их назальные соответствия (ĩ, ê и т.д.), долгие соответствия (i:, e: и т.д.) и назально-долгие соответствия (ĩ:, ê: и т.д.). В современном мбунду₂ этой регулярности нет, назализация гласных определяется позиционными условиями и встречается значительно реже, чем в диалектах XIX в.

Наиболее сильно назализация происходила в бенгела и бенгера (XIX в.): действие назального резонатора здесь охватывало не только отдельные слоги, но и все слово в целом; назализованными оказывались все гласные, например: kũãrã ‘четыре’; в остальных диалектах назализовалась, как правило, только ударная и заударная часть слова: eɲyũŋ ‘нос’ (бенгера) – e.nyulou (нано); ɛɲɲyãrã ‘ноготь’ (бенгера) – olonyanra (хаМбундо) – olo, nyále (нано). В современном мбунду₂ назализуется преимущественно ударный или заударный гласный (см. kwãla ‘четыре’; eɲyulu, eɲhulu ‘нос’; olunyala ‘ноготь’; ukwene ‘компаньон, партнер’; opa ‘насекомое’; oswĩ ‘порода деревьев’, и т.п.).

Общей закономерностью является затухание заударной и предударной назализации (ср. kũãrã ‘четыре’ – kuana – kwãla; olõnyĩhĩ ‘пчела’ – olonyihi, olonhihi; ɛzirãrã ‘восемь’ – echelãla – ekilala; ekunyi, dikumi, ekuin – ekwi – ekui, ekwi ‘десять’ и т.п.), сосредоточение ее на одном (последнем или предпоследнем) слоге и превращение из фонологического фактора в супрасегментный, – ср. примеры, в которых назализация материализована посредством назальных согласных (kuáná ‘четыре’), с примерами, где она выступает в роли назальной окраски слогов (kwãla ‘четыре’). Эту закономерность иллюстрируют следующие серии, последним словом в которых является современная форма: olonyanra – ɛɲɲyãrã – olunyala ‘ноготь’; -pingana, -pinyana – -pingala ‘наследовать’; pãla – pãna – pãla – pala ‘далеко’; mama, mame – mãyi, mãi – mai ‘мать’; ngonio – ongolo – ogolo ‘колени’; ɛzizãrã – olohala – oluhãla ‘зуд’; eswenena – eswẽlela –

asuelela ‘слеза’; ukāñi, musaje, n’casi, usanjī — ukai, ukāyi ‘замужняя женщина, жена’.*

Сокращается назализация и в сфере грамматики; так, из функционировавших в XIX в. четырех вариантов перфектного суффикса -ile, -ele, -ine, -ene, в современном мбунду₂ остались две формы -ile, -ele; префикс существительных mi- в ряде случаев превратился в и-, е- (см.: mukombe → ukombe ‘незнакомец’, munano → imano ‘нано’, musito → usito ‘ущелье’, mufume → efuma ‘большая лягушка’ и т.п.); префиксы omu-, mi-, omw-, oma-, omi- употребляются все реже и, передавая свои функции префиксам без назальных (o-, u-, ova-, ovi-), уходят на периферию системы согласовательных классов. Все это означает, что происходит постепенное ослабление влияния назального резонатора на артикуляцию звуков.

Анализ соотношения назализации и слоговой структуры показывает, что назализация, в основном, была сосредоточена на финалях слов: ударном и первом заударном (а иногда и на втором заударном, если ударение падало на предпоследний слог). Так, в нано (середина XIX в.) примерно у 33% существительных с назализованными гласными и согласными (всего насчитывается около 2/3 таких существительных, остальные назальных не содержат) назализован только последний слог, у 28% — предпоследний, у 25% — последний и предпоследний, у 10% — финаль слова (последний, предпоследний или оба слога) и лишь у 4% существительных — только инициаль слова, т.е. у 86% существительных, содержащих назальные, зафиксирована назализация финали слова,** у 10% — инициали и финали и у 4% — только инициали.***

* Фодор сравнивает современную форму ukāyi с формами ōkai, ukai, которые зарегистрированы в диалектах XIX в., и говорит на основании этого примера (других он не приводит), что есть случаи, когда процесс назализации усиливается. Однако в диалектах XIX в. представлены также формы ukāñi (бенгера), musaje, n’casi (хаМбундо) и usanjī (бенгела), в которых назализация является более сильной, чем в современной форме ukāyi; это свидетельствует не о возрастании роли процесса назализации, а о неравномерности его затухания в диалектах XIX века (форма ukai зарегистрирована, наряду с назализованными вариантами, в хаМбундо, а также в нано с начала XIX в. по 30-е годы XX в. и в бенгела в конце XIX в.; более новых сведений по этим диалектам нет; форма ōkai зафиксирована только в бенгера в начале XIX в., дальнейшая ее судьба неизвестна).

** Называя финалью слова последний и предпоследний слоги, мы рассматриваем двусложные слова как структуры, состоящие из финали (двух последних слогов) и инициали, выраженной нулевым слогом.

*** Односложных существительных с назальными в списках, собранных по нано XIX в., нет; двусложные существительные с назальными составляют около 20%, трехсложные — примерно 57%, четырехсложные — ~21%, остальные слова (~2%) являются пятисложными (слова с большим количеством слогов представляют собой композиты).

Из существительных, в состав которых входят назальные, наиболее представительными являются: 1) трехсложные слова с назализованным предпоследним слогом (~21%), который является, по-видимому, и ударным (ударение в памятниках не фиксируется*): *u.mbera* ‘дождь’, *o.nyoka* ‘змея’; 2) трехсложные существительные (~15%) с назализацией двух последних слогов (по-видимому, ударного и заударного): *omu.nu* ‘человек’; *ki.mbungo* ‘гиена’;** трехсложные слова с назализацией последнего слога (~13%): *e.kumbi* ‘солнце’, *u.lima* ‘год’; 4) двусложные слова (~12%) с назализованным последним слогом (*boma* ‘боа’, *hetan* ‘сегодня’, *o.mbo* ‘страус’).

Эти четыре группы охватывают свыше 60% существительных с назальными. Далее следуют пять групп (23%): 5) четырехсложные слова с назализацией на последнем слоге (~6%): *uváléndé* ‘туча’; 6) с назализацией последнего и предпоследнего слогов (~5%): *olo.manda* ‘лес’; 7) с назализацией на предпоследнем слоге (~5%): *gyi.lemila* ‘гром’; 8) двусложные слова с назализацией на последнем и предпоследнем слогах (~4%): *mámé* ‘мать’, *mémé* ‘овца’, *tota* ‘боа’; 9) трехсложные слова с назализацией на первом и последнем слогах (~3%): *malanka* ‘антилопа’.

Остальные 14% существительных распределяются по 20 группам, каждая из которых представлена единичными случаями соотношения назальных и неназальных слогов; так, зафиксированы следующие типы трехсложных слов (назальный слог регистрируется буквой "н", неназальный — дефисом): *manguáŋge* ‘брат или сестра’ (ннн); *tyi.nyonyá* ‘эпилепсия’ (-нн); *na.ngolo* ‘зебра’ (нн-); *náito* ‘миг’ (н--); двусложные слова реализуют модель (н-): *néke* ‘дерево’. Четырехсложные слова представлены разновидностями: *ki.malánká* ‘гиена’ (-н-н); *mon.u.kai* ‘дочь’ (нн--); *o.ngonussi* ‘вечер’ (-нн-); *miaria* ‘ласточка’ (н---); *onguagi* ‘вид птиц’ (-н--); примеры пятисложных слов: *ki.kuamángá* ‘ворона’ (---нн); *ki.lelémbia* ‘душа’ (---н-); *lu.mbongululu* ‘звезда’ (-нн--); *ovi.muinya* ‘пальцы’ (--н-н); *kánekétere* ‘ураган’ (-н---); *oku.nyimáná* ‘печаль’ (--ннн).

4. Учитывая огромную роль, которую оказало изменение деятельности назального резонатора на эволюцию звуковой системы мбундуд, остановимся на характеристике явлений, помогающих определить специфику связанной с ним артикуляции. Данные диалектов XIX в. показывают, что

* Остальные части речи еще более однородны; так, среди глагольных основ нет ни одной с назализацией только предударного слога (без назализации ударного или заударного слогов). Аналогично ведут себя числительные, прилагательные, местоимения и наречия.

** Диакритика Мадьяром, собравшим материалы по нано середины XIX в., которые мы анализируем, используется для обозначения тона.

такие факторы, как сила назализации, моменты "включения – выключения" назального резонатора, длительность процесса назализации, наличие или отсутствие преград, образуемых органами речи в полости рта, и специфика этих преград, если они возникают во время назализации, – смыслоразличительного значения в мбунду не имели и не имеют.*

Эти факторы обуславливаются спецификой артикуляции, свойственной каждому диалекту, определяются индивидуальными особенностями говорящих и их коллективов, проявляются в виде изменений просодических элементов (и на их основе фонологических элементов), аналогичных фонетическим, позиционным и историческим чередованиям звуков. Изменения, подвбные грамматическим чередованиям, данными факторами не вызываются; они обусловлены явлениями иного порядка: не типом назализации, но ее наличием или отсутствием. Противопоставление активного и пассивного состояния назального резонатора может иметь смыслоразличительную функцию и вызывать грамматические чередования просодем, а противопоставление различных фаз и типов его активного состояния с грамматическими чередованиями не связано и с семантическими оппозициями не соотносится.

* В анализируемых материалах, есть один весьма интересный пример: *ʒizā́* *gã* 'зуд, ед.ч.' – *ʒizá* на 'зуд, мн.ч.' из бенгела начала XIX в. На первый взгляд, может показаться, что *-ara* – это суффикс ед. числа, *-ana* – суффикс мн. числа (корень *-ʒiz* свидетельствует о редупликации исходного слога). Однако то, что сила назализации ни в одном примере не имеет смыслоразличительной функции, наталкивает на мысль, что показателем ед. числа является не *-ara*, а *-ara* и назализация суффикса – вторичное явление, возникшее вследствие назализации основы ед. числа, образованной в результате редупликации и назализации исходного слога. Это подтверждают способы "развертки" корневого слога в основу, наблюдаемые в других диалектах. Например, коррелятом *ʒizā́gã* в нано является слово *olu.hálá*, свидетельствующее об образовании основы ед. числа без редупликации, с помощью трансфиксной сонантизации (см. инфикс *-lu-* и постфикс *-lá*) и фарингализации исходного слога, сделавшей *-zi-* эквивалентом *-há-*; назализация здесь вообще отсутствует. Множественное число образуется в результате понижения тона и внутренней флексии, вызывающих превращение префикса *olu-* в *olo-*: *olu.hálá* – *olo.hálá*. В бие коррелятами этой пары являются формы *oluhála* – *olohála*, отличающиеся от форм в нано назализацией корневой финали. В н'бундо зарегистрированы формы: *saḥana* (ед. ч.) – *jisaḥana* (мн. ч.), свидетельствующие о фарингализации редуплицированного корня (см. эквивалентность *-ziza-* и *-saḥa-*) и такой сильной назализации финали основы ед. числа (ср. превращение суффикса *-aga* в суффикс *-ana* в н'бундо с модификацией его в суффикс *-ãgã* в бенгела), что исчезло различие между основами ед. и мн. числа (произошло выравнивание основ ед. и мн. числа, наблюдаемое в других диалектах, поскольку дифференциация ед. и мн. чисел передвинулась с финали слова на его инициалы суффиксный способ различения числа, зарегистрированный в бенгела, превратился в префиксный способ, наблюдаемый в остальных диалектах: *olu-/olo-* в нано и бие, *ø/ji-* в н'бундо и т.п.).

Этим объясняются два явления в истории мбунду₂: роль назализации как таковой (для оформления одних слов в противовес другим, не подвергающимся назализации) и роль варьирования различных параметров назализации. Первое помогает понять эволюцию плана содержания, второе – плана выражения, так как отсутствие непосредственной связи между значением слов и силой назализации, ее длительностью или спецификой (в зависимости от типа преграды, образуемой органами речи в полости рта) позволяет говорящим свободно обращаться с назальным резонатором и фиксировать перечисленные параметры в соответствии со своими индивидуальными особенностями или ситуативными условиями, а это порождает описанное выше многообразие разновидностей процесса назализации и его результатов – диалектных форм, соотносимых с одним и тем же значением, но по-разному назализованных. Посредством этих форм манифестируется история плана выражения языка мбунду₂ и эволюция его звукового строя.

Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах. Об ирревалентности для семантики такого параметра, как сила назализации, мы уже говорили, демонстрируя ряды форм, различающихся степенью назализации: 1) назальный согласный на месте "нуля звука" как материализация интервокального "сгустка назализации" и самая сильная ее степень; 2) назализованный согласный (композиция, состоящая из назальной и неназальной частей, или назальный согласный, заместивший неназальный согласный); 3) назализованный гласный; 4) неназализованный коррелят, – см., например, такие серии: ukāŋi – ukāi – ukai 'замужняя женщина, жена' (1-я, 3-я, 4-я степень); tanu – tālo – talo (2-я, 3-я, 4-я степень); olonyāŋa – ŋrunyāra – olunyala, olo.ŋyale' – kiala, loŋala (1-я, 2-я, 3-я, 4-я степень).

О различной длительности включения назального резонатора свидетельствуют следующие серии из различных диалектов: kũārã – kaŋyinyi – kuana – kwāla – kualā 'четыре' (в первом диалекте назализуется всё слово в целом, т.е. три слога; во втором – два слога: ударный и заударный; в третьем – один слог: ударный или заударный; в четвертом назализованных слогов нет); euŋ, euŋo – eŋyulu – eúhúro, disul 'нос' (два слога – один – ни одного); -pālã (ocipālã 'расстояние') – -pana, -pāla – -pálá 'далеко' (два слога – один – ни одного), и т.д.

Индифферентность семантики к моменту включения назального резонатора видна на таких примерах: -māyi – -mai 'мыть' (в первой словоформе назализация начинается и заканчивается на первом ударном слоге, во второй назализованы оба слога: инициальный ударный и финальный заударный); ekũlakũla 'разновидность фруктовых деревьев' – vakulankula

‘разновидность фруктов’ (в одном диалекте назализуются второй и четвертый слоги, в другом – третий слог); n’kasi, mukaye – ukāyi – ukaŋi (в первой паре назализовав предударный слог, во второй словоформе – ударный, в третьей – заударный); messéne, omesene – esszene – omesele ‘хозяин’ (от англ. master; в первой паре назализованы предударный и заударный слоги, во второй словоформе – только заударный, в третьей – только предударный); mi.sa – osuã, usuã – usua ‘разновидность деревьев’ (в первой форме назализован инициальный предударный слог, во второй паре – финальный ударный, в третьей форме назализации нет); umarem – omopa – omóga ‘сын, мальчик’ (в первой форме назализован ударный слог и финаль заударного слога, во второй – ударный слог и инициаль заударного слога, в третьей назализация заударный слог не затрагивает); osõyi – sonyi, sonhe – ossoin – osohi ‘стыд’ (в первой форме назализован ударный слог, во второй паре – начало заударного слога, в третьей форме – финаль заударного слога, в четвертой назальных нет), и т.д.

Иррелевантность места образования преграды, степени участия голоса – шума и характера контактов органов речи в момент назализации для плана содержания иллюстрируют минимальные пары из различных диалектов типа: nt ~ nd (ntembo – ndembo ‘жена верховного вождя’; mp ~ mb (mpunga ‘родня вождя’ – ombunga ‘толпа’); ŋk ~ ŋg (malánka – omalonga ‘антилопа’); n’ ~ in (n’cási – micasje ‘замужняя женщина, жена’); n ~ m (inanu – imamu ‘дядя’); n ~ ny (minue – minye ‘палец’); ng ~ ny (-pingana – -pinyana ‘наследовать’); n ~ ŋ (enyuno – enyũŋ ‘нос’); ny ~ nh (unjamo – unhamio ‘год’); m ~ ny (dikumi – ekunyi ‘десять’); m ~ nh (dikumi – likuinhe ‘десять’); n - nh (ekwin – likuinhe ‘десять’); nt ~ n (nantu – inanu ‘дядя’); nt ~ m (manta – imámu ‘дядя’); nr ~ n (-panranra – panana ‘лететь’); nd ~ ŋg (ondiaviti – ongiaviti ‘топор’); ndy ~ ny (ondyawe – onyawe ‘водяная змея’); ndy ~ ŋg (ondyawe – ongava ‘водяная змея’); ŋh ~ n’g (ŋhõra – n’gombo ‘пупок’); m ~ mh (olomhãngu – olomangu ‘стул, скамья’) и др.

Этот список можно дополнить случаями отсутствия преграды, когда происходит "просто назализация", – в отличие от назализации, дифференцированной по степени участия голоса, положению губ и языка, длительности контактов и характеру взаимодействия органов речи, о чем говорилось выше (степень участия голоса при назализации была эксплицирована посредством оппозиции "глухие-звонкие согласные", место образования преграды – с помощью оппозиции "билабиальные-ден-тальные-палатальные-веярные согласные", длительность контактов и характер взаимодействия органов речи – на основании оппозиции

"монофонемы-компози́ты, полифонемы, фонемы с дополнительной артикуляцией" и т.п.). "Просто назализация" (или недифференцированная назализация) обычно регистрируется в виде назализации гласного: *māyi*, *maĩ*, *pālã*, *ɛzizārã*, *mãhi*, *õgolo*, *ekũlakũla*, *esuẽlela* и т. п. Дифференцированная и недифференцированная назализации могут образовывать в диалектах коррелятивные пары: $\emptyset \sim m$ (*mãe* – *mame* 'мать'); $\emptyset \sim \eta$ (*ukãĩ* – *ukãŋĩ* 'женщина'). Тип корреляции также не зависит от значения и определяется позиционными условиями: характером назализуемого слога или его соседей слева и справа; например, появление билабиального согласного в форме *mame* (ср. с формой *mãe*) объясняется влиянием артикуляции первого слога на второй; палатальный назальный в слове *sonyi* возникает при назализации под влиянием палатального полугласного в последнем слоге (*osõyi*). Аналогично: коррелятом форм *kwãla* – *kũãrã*; являются формы *kwana*, *kuana* (*l*, *r* при назализации превращаются в *n* перед всеми гласными, кроме *i*, и в *ny* – перед гласным *i*: *kwãla* и *kuara*; *eswẽlela* – *eswenena*, но *kwãla* – *kanyinyi*). Та же закономерность лежит в основе образования гоморганных назальных (например, в составе композит: *nt*, *nd*, *mp*, *mb*, *ŋk*, *ŋg*). Недифференцированность назализации гласных проявляется не только в невыявленности преграды при переходе к назальным согласным, но и в нефиксированности момента ее образования (преграда может возникать до произнесения гласного или после этого); так, форма *ɛyãuyã* 'скорпион', в которой назализация происходит одновременно с артикуляцией гласного *a*, соотносится, с формой *ɛnyãnyã*, где назализация предшествует артикуляции *a*; *eswenena* 'слеза', в которой назализация начинается после артикуляции гласного *e* и длится до конца артикуляции слова, коррелирует с формой *eswẽlela*, где назализация сопровождает образование только гласного *e*, форма *maĩ* 'мать' фиксирует протяженность назализации до конца слова, ее коррелят *māyi* – назализацию только первого слога, а форма *mame* свидетельствует о распространении назализации на первый и начало второго слога с угасанием к концу второго, и т. д., и т.п. Эти особенности также не имеют смысловозначительной функции, определяются позиционными условиями и характером артикуляции, свойственной речевому коллективу.

Наиболее ярко типы недифференцированной и дифференцированной назализации, встречающейся в регионе мбунду₂, проявляются в следующих сериях форм из разных диалектов: *inanu* – *imãmu* – *manu* – *nantu* – *manta* 'дядя'; *dikumĩ* – *ekuĩn* – *ekunyi* – *likuinhle* – *ekwĩ* 'десять'; *ukãŋĩ* – *ukanyĩ* – *n'casĩ* – *musaɛyɛ* – *ukãuyĩ* 'замужняя женщина, жена'; *umãmoe* – *mwe* – *mãhi* – *emosĩ* – *kosĩ* 'один'; *omola* –

omona – umarem – umānē ‘сын, мальчик’; mame – m̃āyi – m̃āe – mai – maĩ – maē “мать”; ol̃nyĩhĩ – olo.nyihĩ – olonhi – yinhique – ol̃nihĩ ‘пчелы’; enyuno – enyũŋ – e.nyulou – enyulu – enyũru – anhulu – eñulu – eúhúro ‘нос’. Эти примеры показывают, насколько разнообразны изменения в словах может вызвать назализация: выпадение звуков, их замену, снабжение звуков новыми характеристиками, утрату прежних характеристик, изменение слоговой структуры слова (количество слогов и их типов, ср. три открытых слога в enyuno и два слога в enyũŋ: открытый и закрытый; три открытых в dikumĩ; два открытых и один закрытый в ekuin; два открытых в ekwĩ), и т.д.

Особенно важным для понимания истории мбунду₂ и других ЯБ являются случаи, когда назализация в одной из параллельных форм возникает в инициали слова, в другой – в его финали. Например, в диалекте нано (середина XIX в.) зарегистрированы формы lo.sa и tu.sa для обозначения дерева и его плодов, в диалекте бие (середина XX в.) – формы usuã ‘дикая слива’, osuã ‘ее плоды’: в слове tu.sa назализована инициаль существительного (см. префикс tu- и корень -sa), а в словах usuã, osuã – финаль (префиксы u-, o- vs. корень -suã). Аналогично: в слове mon.u.kái ‘дочь, девочка’ (нано) назализована инициаль (mon.u.), корень -kai остается не назализованным; в его корреляте usain (бие) инициаль не назализована (префикс и-), а финаль назализована (финальное -n в корне [-cain]). Параллельно с префиксной и суффиксной, в диалектах представлена также циркумфиксная назализация, при которой образуется “назальная рамка” (инициаль и финаль слова назализуются, середина остается неназализованной): omola ukaui (ср. с формами mon.u.kai и usain).

При назализации инициали слова, начинающегося с билабиального согласного, назализация может сопровождаться лабиализацией; в результате этого пауза перед билабиальным согласным “заполняется” лабиализованным назальным гласным, изображаемым в виде префикса o или ot; ср. форму bamboo ‘бамбук’, в которой назализована только финаль слова, с формой ombambu, где назализация проходит через все слово, образуя назальный циркумфикс (первое m указывает на назализацию инициали слева, в результате которой образуются ‘назальное o и назальная композита mb, второе m – на назализацию финального B, превратившую его в mb). В ongelo ‘колени’ назализована только инициаль, в слове ngonio с тем же значением – и инициаль, и финаль; аналогично: opusi – pupsi ‘антилопа’ и т.п.

При назализации инициали пауза, предшествующая корню, может “заполняться” не только назальным компонентом, изображаемым в виде

слога со структурой ГН (гласный + назальный согласный или назальный комплекс), но и компонентом типа НГ (назальный сегласный + гласный); например, в инициали формы *ondjembu* [ondʒembu] ‘губа’ (бие, середина XX в.) возникла структура типа ГН, а в инициали формы *muzumbo* ‘губа’ (бие или нано конца прешлого века) была представлена структура типа НГ. Особенно показательными в этом отношении являются серии: *mundjīla* ‘дорога’ – *o.ngyila* – *mongira* – *ondyilla* – *njila* – *onjila* – *onghira* – *ondjila*; *omo.unyu* ‘жизнь’ – *omoenho* – *cumuenha*, *muenha* – *omweño* – *omwenho*; *bámbi* ‘зима, холод’ – *ombambi* – *n’bambe*; *dsámba* ‘слон’ – *ōndsám̄ba* – *ójamba* – *n’zamba* – *dsohamba* – *onjamba*. По-разному может быть оформлена и финаль слова: ср. структуру типа ГН в финали слова *ekuip* ‘десять’ со структурой типа НГ в финали слова *dikumi* (‘десять’) или СГ (согласный + назализованный гласный) в финали слова *kūārā* ‘четыре’.

Специфичность параллельных форм, отражающих различные результаты действия назального резонатора, на плане содержания не сказывается; эволюция их плана выражения не зависит от эволюции значений. Однако сравнение назализованных и неназализованных форм показывает, что назальный резонатор функционирует не в отрыве от семантики, определяемой коммуникативным поведением говорящего, а в непосредственной связи с ней. Так, *bumbi* ‘человек с мошоночной грыжей’ – *ombumbi* ‘грыжа’; *bulongo* ‘доза яда’ – *ombulungu* ‘пытка ядом’; *ukwalla* ‘остролист’ – *mukwallo* ‘кинжал, меч’; *ohunga* ‘угорь’ (зоол.) – *mukongo* ‘пикообразная рыба’ и т.д. Эти примеры подчеркивают, что назализация является средством словообразования и что назализованное слово обозначает различные "неотчуждаемые принадлежности" предметов: болезнь (*ombumbi*) исходного предмета (*bumbi*), процесс выявления его свойств (*ombulungu*), существенную часть его характеристики (*mukongo*), компонент подобия в его структуре (*mukwallo*) и т.д. С помощью назализации говорящий фиксирует две связи: одновременности (с темпоральной точки зрения, неотчуждаемая принадлежность предмета – это то, что неотделимо от времени бытия этого предмета) и партитивности (с пространственной точки зрения, неотчуждаемая принадлежность предмета – это его часть). Тем самым один предмет "закрепляется" во времени и пространстве другого предмета. Назализуя номинат, говорящий осуществляет локализацию его денотата во времени и пространстве другого денотата (назальный поток выступает как означающее течения в пространственно-временном континууме объективной действительности, которое создаст новый предмет, имеющий пространственно-временную структуру, соотносимую с исходной как ее неотъемлемая принадлежность).

Рассматривая назализацию как способ относительной пространственно-временной локализации событий, т.е. сужения сферы проявления признаков и процессов до некоторой точки в пространственно-временном континууме говорящего, можно объяснить не только соотношение значений, возникающих в паре "исходное слово-дериват", но и многообразие возможностей варьирования результатов деятельности назального резонатора, отмеченное выше. Относительность пространственно-временной ориентации у говорящих из различных языковых коллективов позволяет выбирать различные точки отсчета в используемой ими языковой действительности и создавать слова, имеющие полное или частичное сходство формы и значения. Например, если наблюдается полное тождество значения (один и тот же тип пространственно-временной локализации) и различные типы назализации (только инициаль, или финаль, или циркумфикс и т.д.), это означает, что в одном и том же языке или в разных диалектах представлены слова одного и того же ранга производности (ср. *binji* 'волк', где назализуется только финаль слова, и *ombinji*, где назализуется и инициаль и финаль); аналогично в одном и том же языке и в различных диалектах возникают пары типа: *tembo – ntembo*, *tembo – ndembo* 'первая жена верховного вождя'; *gangu – ongandu* 'крокодил'; *gondi – onguni* 'муравей'; *gulu – ɲgolu* 'свинья'; *ganga – onganga* 'колдун'. Наоборот, частичное тождество значения при различии в способе назализации свидетельствует о несовпадении рангов производности, поэтому по характеру назализации можно судить, какое слово является исходным, какое – производным (см. примеры, приведенные выше: *bulongo – ombulungu* и т.п., а также: *gonga* 'орел' – *ngonga* 'орел, пустельга'; *ukombe* 'гость, незнакомец' – *mukombe* 'гость'; *esenge* 'куча' – *mossenge* 'лес'; *ocifuto* 'головной убор' – *epunta* 'одежда').

Указанное свойство назализации (служить средством словообразования и переосмысления значения) не зависит от того, в каком месте речевого потока она регистрируется. Подобно префиксам, функционируют суффиксы. Так, в нано (середины XIX в.) *o.feku* 'девочка' – *fekana* 'невеста'; *hela* 'завтра' – *helaina*, *helainyana* 'послезавтра', *helainyana* 'позавчера'; *ou.vi* 'уродливый' (нано, XIX в.) – *uivin* 'зло, уродство' (хаМбундо, XIX в.) – *uvĩ* 'уродство, пакость' (отие, середина XX в.).*

* В этом контексте особый интерес представляет употребление слова *hela* в различных диалектах. Например, Джонстон в нано (он посетил Анголу в 1882 г.) фиксирует формы *hela*, *hena* 'завтра' и *hena* 'вчера'; Сэндерс, Фэй и другие миссионеры примерно в то же время зарегистрировали форму *hena* 'завтра, вчера'; немецкие этнографы Ф. и В. Ясперт (1926-1927 гг.) указывают, что *hāla* обозначает 'вчера', а *hena* 'завтра'; Шаттбург (1933 г.) приводит формы *hena*, *hela* со значением 'завтра'; Альвес (1951 г.)

5. Исследование назализации и вызываемых ею изменений в языках региона мбунду₂ показывает, что она происходит в тесном взаимодействии с другими процессами; чаще всего назализация коррелирует с фарингализацией. В отличие от назализации, результаты которой эксплицирует любой исследователь, фарингализация относится к числу процессов, которые регистрируются не всегда. Начнем с анализа тех ее результатов, которые обозначаются посредством *h* и фонем, чередующихся, в зависимости от позиционных условий, с *h*. В современном мбунду₂ фонема *h* появляется только в начале слога. В памятниках XIX в. она иногда встречается в финали слога и даже в конце слова; например, в *нано* (середина XIX в.): *veta puh puh* – идеофон со значением ‘порка’; *sáh* – префикс со значением мужского рода, *nah* – префикс со значением женского рода.*

Кроме того, в диалектах XIX в. зарегистрировано инициальное *h*, которого нет в современном мбунду₂: *hetári, hetan* ‘сегодня’ (арх.) – *etari, etali* ‘сейчас’ (совр.); *honga* ‘копье’ (арх.) – *unga* (совр.); *huima* ‘завтрак’ (арх.) – *-uima* ‘завтракать’ (совр.); *hulume* ‘мужчина’ (арх.) – *ulume* (совр.); *hebe* ‘земля’ (арх.) – *eve* (совр.). Эти примеры показывают, что фарингализация, как и назализация, имеет тенденцию к угасанию.

Подобно назализации, можно установить типы фарингализации. В зависимости от времени длительности, случаям, когда в сферу действия фарингализации попадает только один слог, можно противопоставить фарингализацию двух, трех и более слогов; например: в слове *ɛdzingɔŋgo* ‘сифилис’ (бенгела начала XIX в.) фарингализованы два последних слога, в его эквиваленте из *нано* (середина XIX в.) *gui.ngongo* ‘вирусное заболевание’ фарингализованы три слога.

В зависимости от силы, интенсивности и степени сужения глотки, можно выделить случаи частичной и полной фарингализации. Частичная фарингализация обычно фиксируется с помощью дополнительного артикуляционного признака фонем у так называемых фрикативных назальных: *mh, nh, nkh* и т.п. (ср. финали следующих форм: *olonginge* ‘муравей’ и *kit!chikinha* – *olondschindschi*; *ozanye* ‘курица’ и *sandschi* и т.п.); о полной фарингализации свидетельствует возникновение особых фонем

фиксирует: *hela* ‘вчера, завтра’, а Валенте (1973 г.) – *hêla* ‘завтра’ и *hela* ‘вчера’ (во всех диалектах первой половины XIX в. отмечается только неназальный вариант этого слова; *hélá* ‘завтра’ в *нано*, *hěga* ‘вчера’ в бенгала, *hêra* ‘вчера’ в хаМбундо и т.д.) [82].

* В современном мбунду₂ есть префиксы *sa-* и *pa-*, но их значение не идентично арх. *sáh* и *nah* (*sa-* употребляется для обозначения больших предметов и отношения “отец такого-то”, *pa-* передает значение диминутива и женского рода); в гереро есть постфикс *-па*, который служит для образования диминутива.

(elimilo ‘гром’ – gyi.lemila; sayi ‘месяц’ – sahi; ulo ‘здесь’ – kulo; unga ‘копье’ – hongа и т.п.) или превращение нефарингальных фонем в фарингальные (iputa, futa ‘каша’ – ohita; nda fa ‘я умираю’ – nda ha; olviso ‘клоп’ – oluhiso и т. п.).

И наконец, учитывая степень продвинутой фарингальной потоки, сказывающуюся на типе согласного, артикулируемого во время фарингализации, можно зафиксировать глоттальную (гutturальную), велярную, палатальную, препалатальную, альвеолярную и дентальную фарингализации. Глоттальная фарингализация в анализируемых текстах эксплицируется посредством h и композит, одним из компонентов которых является h: mh, ηh, hw; велярная – посредством k, g, w и графем, образованных на их основе: ηg, kw, ηgw, ηw, ηk, ngh, ng, n’g; палатальная – посредством ky, gy; препалатальная (постальвеолярная) – t’ch, tsch, sch; альвеолярная – gys, cs, cz, ş, ss, sss и дентальная – dy, ty, dsch, tsch, dş.

Так, слову ozanye ‘курица’ в бенгела (середина XIX в.) с палатализованным назальным согласным пу в финали соответствует в бенгела начала XIX в. форма ósāndṣi (с назально-фарингализованным дентальным ndṣ) и формы osanguе, osangie в бенгела конца XIX в. (с назально-фарингализованным велярным); в нано конца XIX в. это слово представлено формой sandschi (с назально-фарингализованным дентальным ndsch в финали), а в нано середины XIX в. – формой szangysi (с палатальной назально-фарингализованной финалью ngys и фарингализованным альвеолярным согласным в инициали sz); в хаМбундо фарингализация наблюдается только в инициали, назализация – только в финали (ср. форму ossanje, где ss обозначает звук сужения глотки при дентальной фарингализации инициали слова и nj – назализацию при артикуляции его финали).

Аналогично: форме ossima ‘обезьяна’ в бенгела середины XIX в. с фарингализованным дентальным согласным в инициали (частичная фарингализация) соответствует форма ohīma в бенгела начала XIX в. с полной глоттальной фарингализацией, а также формы с нефарингализованной инициальной в бие конца XIX в. ima и середины XX в. osima (в нано середины XIX в. это слово представлено формами szima[^]o.szima с фарингализованным дентальным согласным sz, в баилундо конца XIX в. – формой hīma с полной фарингализацией инициали; в словаре современного мбунду2 зафиксирована форма osima, где фарингализация отсутствует).

В результате взаимодействия различных параметров в диалектах образуются серии форм, элементы которых различаются долготой, интенсивностью и степенью продвинутой фарингализации. Например,

форма lá.tyi.mue ‘ничего’ с фарингализованным вторым слогом и лабио-назализованным третьим слогом (mue – mwe) в нано середины XIX в. соответствует lachimwe в современном мбунду² (без фарингализации) и lakámue, hatschimu в его различных диалектах начала XX в., свидетельствующим о различных типах фарингализации: в lakámue зафиксирована полная фарингализация второго слога (возникновение велярной фонемы k – ср. с фарингализованной дентальной фонемой ty в форме lá.tyi.mue), в hatschimu представлена фарингализация двух первых слогов: полная фарингализация 1-го слога (ср. lakámue и lá.tyi.mue, указывающие на превращение l в h) и частичная фарингализация 2-го слога (ср. фарингализованные дентальные tshy в hatschimue с ty в lá.tyi.mue).

Чаще всего в диалектах встречаются "близкие" типы фарингализации; например, глоттальный в одном диалекте коррелирует с велярным в другом (ohokui ‘бедняк’ и o.kokui), велярный – с палатальным (osangue, osangie ‘курица’ – szangysi), палатальный – с препалатальным (gya.pera, kiarera [куарера] ‘вкусная пища’ – tschiräpa), препалатальный – с альвеолярным (t’chito ‘мясо’ – ossitu, oŝitu), альвеолярный – с дентальным (v.o.ngyso ‘дом’ – əndso, ondscho). Такие пары, свидетельствующие о ступенчатости фарингализации, зарегистрированы и в пределах одного и того же языка (см. в нано дентально-альвеолярную: tyéla – cséla ‘игра в домино’ или палатально-альвеолярную: v.o.ngyo – v.o.ngyso ‘дом’ кореляции). К явлениям этого типа относятся также соотношения согласных внутри одной и той же части спектра, например, gy – ky (gya.pera ‘вкусное’ в нано и kiarera в баилундо).

Наиболее представительным является чередование h и k (hatako – katako ‘спина’; hángá – olokanga ‘фазан’; hongolo – olukongolo ‘радуга’; onhoha – o.nyoka ‘змея’; oluhamwe – olu.kama ‘москит’; -hwete – -kwete ‘иметь’; ohaka ‘муравьед’ – o.kaka ‘панголин’ и т.п.); это говорит о превалировании глубокой (велярной и глоттальной) фарингализации над остальными (поверхностными) типами.

Глубокая фарингализация одного слога, как правило, предопределяет наличие фарингализации в соседних слогах – такой же глубокой (например: o.kokui ‘бедняк’, keke ‘муравьед’, o.kaka ‘панголин’) или более поверхностной (gui.ngongo ‘вирусное заболевание’, qui-ngongo ‘сифилис’, ohaka ‘муравьед’). Поверхностной фарингализации эта закономерность не свойственна (olo.ssi, loschi ‘рыба’; ossitu, oŝitu, t’chito ‘мясо’; l.óóú.iszi ‘дым’), хотя в отдельных формах она и наблюдается (gyi.szue ‘лиса’, otyi.szue ‘линкс’).

Глубокая фарингализация оказывается более устойчивой, чем поверхностная, и к диахроническим изменениям; например, серии архаических

диалектных форм, в которых зафиксированы случаи поверхностной фарингализации, resultируются формами, в которых фарингализация вообще отсутствует, – ср. *olo. ssi* и *olusi*; *ossitu* и *o.situ*; *l.óóú.iszi* и *owisi*; *gui.szue*, *otyí.szue* и *ochiswe* и т.д. Наоборот, сериям форм, в которых отмечена глубокая фарингализация, соответствуют в современном мбунду₂ формы, в которых фарингализация сохранилась (*o.kokui*, *ohokui* (арх.) и *ohukwí* (совр.); *ku.kuassi*, *ohuassi* (арх.) и *ohuasi* (совр.); *ohima*, *hima* (арх.) и *ohima* (совр.) и т.д.).

Фарингализация может быть поэтому описана как волновой процесс, центром которого в слове является участок самой глубокой фарингализации, затем следуют отрезки менее сильной фарингализации, и, наконец, на периферии находятся слоги без фарингализации (например, в слове из современного мбунду₂ *ohukwí* ‘бедняк’ центром фарингализации является слог *hu*, он переходит в более поверхностный по фарингализации слог *kwí*, на периферии оказывается слог *o*, в котором фарингализация отсутствует). Чем больше слоев окружает центр в синхронии и чем меньше слогов насчитывается на периферии, тем фарингально-устойчивее слово в диахронии (если фарингализованы два или три слога, фарингализация сохраняется лучше, чем при фарингализации только одного слога). Глубокая фарингализация более устойчива к затуханию, чем поверхностная. Более сильные по фарингализации сегменты речевого потока в синхронии (охватывающие несколько слогов и имеющие более глубокий регистр) оказываются такими же в диахронии. Это показывает, что изменяется не артикуляция отдельных слов, а речевые навыки в целом: из способа модификации речи в зависимости от варьирования коммуникативных установок фарингализация постепенно превращается в средство факультативного окрашивания тех или иных частей речевого потока, в большинстве случаев объясняемое традицией, а не задачами плана содержания. И так как различные речевые коллективы (племена) не одинаково сохраняют связь с традицией (ср. замечание Мадьяра о том, что диалекты молува и каЛобар являются более консервативными, чем диалект нано), по-разному сохраняются и реликты фарингализации в диалектах изучаемого региона.

6. Для каждого слова сила фарингализации не является константой, она варьирует от диалекта к диалекту (как в синхронии, так и в диахронии). Например, в нано середины XIX в. существовала форма *ki.szuángyi* ‘лжец’, в которой фарингализация охватывала все слово в целом (см. велярную фонему *k* в первом слоге [*ki*], лабиовеляризованную альвеолярную фонему *s* во втором [*swa*] и фарингализованную назальную палатальную фонему в третьем [*ngyi*]); в современных диалектах

мбунду₂ зарегистрированы формы otjɪswandjɪ и ochɪswanjɪ ‘интриган’, в которых сохранились только слабые следы этого явления.

Слову qui-n’gongo ‘сифилис’ в бие конца XIX в. с глубокой фарингализацией всех трех слогов (велярные согласные k в первом слоге, g во втором и ŋg в третьем) соответствует слово gui.ngongo ‘вирусное заболевание’ в нано середины XIX в. с глубокой фарингализацией второго и третьего слогов и поверхностной фарингализацией первого слога; в современных диалектах зарегистрированы формы: otjɪngongo (бие) с поверхностной фарингализацией первого слога (произошло затухание k в ty) и ochingongo (нано) без фарингализации первого слога (поверхностная фарингализация исчезла, и палатальная фарингализованная фонема gu превратилась в препалатальную фонему tʃ).

В слове ku.kuászi ‘богач’ (нано середины XIX в.) фарингализованы все слоги (первые два слога содержат велярные фонемы, в последнем слоге фарингализована альвеолярная фонема); ему соответствует в современном мбунду₂ форма ohuasi, в которой фарингализован только второй слог (в конце XIX в. была зарегистрирована форма ohuassi, свидетельствующая о фарингаизации не только второго слога, но и финали). Эти формы показывают, что фарингализация исчезает из первого слога, затем – из последнего и дольше всего сохраняется в предпоследнем слоге, который, как наиболее фарингализованный, является центром процесса.

Столь же распространены случаи с центром фарингализации в последнем слоге. Например, в слове o.szingo ‘шея’ (нано середины XIX в.) фарингализованы предпоследний и последний слоги; центром фарингализации является финаль, поскольку здесь сосредоточена самая глубокая фарингализация. Аналогичные формы зарегистрированы в бенгела (pɔsʃɪŋgo ‘горло’) и хаМбундо (ossingo) середины XIX в., а также в бие конца XIX в. (tɪ-t’chingo). Более поздние формы свидетельствуют о затухании фарингализации в предпоследнем слоге и ее сохранении только в финали (см. в современном мбунду₂ osingo). Случаев фарингализации в третьем от конца слоге при ее исчезновении в последних двух слогах в анализируемых материалах нет. Однако формы с фарингализованным третьим или четвертым слогами от конца в архаических диалектах не редкость (в нано середины XIX в.: gyi.lemila ‘гром’; gya.pera ‘вкусное’; oku.répa ‘вкус’; ki.mbombo ‘пиво’; в хаМбундо начала XIX в.: quiremiro ‘гром’; в баилундо конца XIX в.: kimbombo ‘пить’, и т.п.). Впоследствии эти формы утратили фарингализованные согласные, их префиксы превратились в префикс ochi- (otʃi-).

Как при назализации, фиксация начального момента фарингализации варьирует от диалекта к диалекту. Например, слову u.hákora ‘тонкость’

в нано середины XIX в. соответствует huakora в баилундо конца XIX в.; это свидетельствует о различных фазах включения фаринкса в диалектах: после первого слога в нано и до него в баилундо; в хаМбундо оба первых слога оказываются нефарингализованными: uасора. Особенно интересными в этом отношении являются две серии: 1) l.óóú.szi ‘дым’ (нано середины XIX в.) – óussí (хаМбундо начала XIX в.) – owísi (совр. мбунду₂); 2) ku.kuássi ‘богач’ (нано середины XIX в.) – ohuassi, sukuasi (начало XX в.) – ohwasi, ukwasi (середина XX в.). Первая серия показывает, что в хаМбундо фарингализация длилась не менее двух мор (ср. произношение с композитой, состоящей из геминаты sss и слога sí), в нано – одну мору. Современный мбунду₂, утратив фарингализацию финали, сохранил ее только в предпоследнем слоге (см. велярную фонему w, которая является реликтом фарингализации, происходившей в прошлом и зафиксированной с помощью графем sz и sss в архаических диалектах). Во второй серии также демонстрируется различная длительность и интенсивность фарингализации и ее постепенное ослабление за последние 150 лет; так, в ku.kuássi фарингализованы все три слога; в ohuassi и sukuasi – по два слога (второй и третий в ohuassi, первый и второй – в sukuasi); в последней паре фарингализация сохранилась только во втором слоге. При исчезновении фарингализации артикуляция глоттально-палатальных согласных оказывается продвинутой вперед; вместо глоттальных и велярных появляются палатальные, альвеолярные или дентальные согласные, вместо палатальных и альвеолярных – соответственно препалатальные (либо альвеолярные) и дентальные. Поэтому в нано середины XIX в. префиксу gui- с палатальной фарингализованной фонемой соответствует в современном языке префикс ochi- с препалатальной нефарингализованной фонемой.

Во время расцвета процессов фарингализации наиболее представительным является гуттурально-велярный консонантизм. При ослаблении фарингализации эти консонанты продвигаются вперед и самой массивной становится средняя часть спектра. Палатальная окраска начинает восприниматься как ведущий признак консонантизма, "освобождающегося от фарингализации"; в палатальные и препалатальные превращаются по аналогии не только бывшие гуттуральные и вийярные, но и все остальные согласные, подвергавшиеся ранее фарингализации (дентальные и альвеолярные). В частности, таким образом префикс tui- (нано середины XIX в.) с дентальной фарингализованной фонемой превратился в префикс tʃi- с палатальной нефарингализованной фонемой в современном мбунду₂. В силу этого в нано исчезла существовавшая в XIX в. дифференциация префиксов gui- и tui-: оба префикса слились в один otʃi,

gui. szue ‘лисица’ – otyi.szue ‘кошка’ в nano середины XIX в. и [otʃiswe] ‘дикий кот’ в современном мбундуд (otʃiswe в орфографии Альвеса и ochiswe – у Валенте). Те же явления лежат в основе отмечавшегося выше исчезновения некоторых велярных фонем из фонологической системы мбунду, и возникновения новой единой препалатальной фонемы tʃ взамен прежнего многообразия фонем в этой части консонантного спектра.

Чаще всего в диалектах представлены оппозиции близких типов фарингальных фонем. Но иногда встречаются корреляции и дальних типов. Например, глоттальный или велярный согласный в одном диалекте соотносится с фарингализованным препалатальным, альвеолярным или дентальным согласным в другом диалекте. Наиболее показательной в этом отношении является серия форм: *olonginge* ‘муравей’ с велярными согласными в двух последних слогах – *olo.ngyinyu* с палатальным согласным в последнем слоге, велярным в предпоследнем, с палатальными соответствиями в тех же позициях, *kit’chikinhe* с глоттальным в третьем от конца и велярным в инициали, причем двум слогам в этой форме соответствует по одному слогу в предыдущих (*kit’chingi*, *ngyi*; *kinha-nge*, *ngyi* – в результате изменения моросчитания) – *olondschindschi* с дентальными коррелятами. В современных диалектах этим формам соответствуют *olonjinji* и *olondjindji*, фарингализация в которых отсутствует.

Случаи этого типа редки. Обычно, чем ближе друг к другу диалекты, тем более близкие корреляции в них представлены. Это говорит о постепенном накоплении качественных изменений, которые перераспределяют дискретизацию звукового континуума в каждом диалекте, благодаря перестройке артикуляционного аппарата говорящих. Перестройка происходит непрерывно и столь незначительно в каждый момент, что практически не замечается в речи, и только фиксация результатов речевой деятельности помогает понять, в каком направлении изменяются речевые навыки носителей языка.

7. Сравнение форм с фарингализованными и нефарингализованными согласными показывает, что фарингализация может иметь смыслоразличительное значение. Так, в бенгела начала XIX в. Кёлле зарегистрировал минимальную пару: *ɔmɔko* ‘нож’ – *ɔmhɔko* ‘меч’, свидетельствующую о смыслоразличительной роли оппозиции назальных и назально-фарингальных согласных. Затем Блик показал, что префикс *ka-* соотносится со значением диминутива (*ongyila* ‘птица’ – *ka.ngyila* ‘птичка’). Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют зафиксировать следующие типы смысловых оппозиций для префикса *ka-*: *olo.holo* ‘доблесть’ – *kalo.holo* ‘трусость’; *топа* ‘сын, мальчик’ – *kamona, okamola* ‘ребенок,

дотя'; ombumba 'ласка' (зоолог.) – okambumba 'хорек'; ongyila 'птица' – okanguila 'птичка, воробей'; o.feku 'девочка' – ka.feku 'проститутка'. Общим для всех пар является отношение "частичного сходства" – тождества по основаниям сравнения и различия тех значений, которые приписываются этим основаниям; так, o.feku и ka.feku "тождественны по полу" и антагонистичны по социальному статусу; в слове ka.feku содержится отрицательная эмоциональная окраска, которой нет в слове o.feku; kalo.holo – это olo.holo "со знаком минус" (эти примеры иллюстрируют, как из префикса ka- развивается показатель дерогатива и негатива). Okanguila – это еще не ongyila; okamola – "еще не mopa: на базе этих оппозиций формируется значение ka- как показателя диминутива. Okambumba – это почти то же, что и ombumba: они относятся к одному и тому же виду, но различаются умом, повадками, образом жизни (в одном отношении подобны, в другом – антиподы); на основе оппозиций этого типа появляется значение ka-, выражаемое по-русски словами "как, подобно". Эти примеры можно дополнить употреблением ka- при образовании негатива в системе спряжения глагола и функционированием ka- в конструкции "сын такого-то" (в чем-то подобный отцу, но не отец), также подтверждающими соотносимость форманта ka- со значением "частичное сходство".

Общим значением префикса ku- в минимальных парах: esenge 'куча' – ku.szenge 'гора', o.jevu 'понимать услышанное' – oku.jeva 'смысл услышанного', u.tue 'голова' – okutue 'ухо', – также является частичное сходство. Однако, если с помощью префикса ka- обозначается подобие качеств предмета, то префикс ku- служит для регистрации пространственно-временных тождеств и различий. Так, фиксация подобия по форме и различия по величине приводит к формированию значения аугментатива (esenge – ku.szenge); подобие по форме и различие по функции скрывается за оппозицией u.tue – okutue; подобие по типу деятельности и различие по отношению к фазам ее протекания, а также к оппозициям, эксплицирующим пространственно-темпоральные характеристики этих явлений (процесс-результат, период процесса-момент результата, пространственная аморфность процесса-формированность результата и т.п.), – отражается в дериватах типа o.jevu-oku.jeva и т.п.

Ту же семантику можно выявить и при анализе форм с инициальным k- в одних диалектах, чередующимся с ø в других диалектах. Например, во вторых членах пар: olui 'река' – kolui; ilu 'небо' – kilu, k'ilu; ulo 'здесь' – kulo к пространственным значениям, передаваемым первыми членами пар, присоединяется оттенок направления (например: k'ilu 'вверх', kolui 'к реке', kulo 'сюда'), возникающий в результате констата-

ции частичного тождества между *ilu* и *k'ilu*, *olui* и *kolui*, *ulo* и *kulo* (*k'ilu*, *kolui* *kulo* – это не *ilu*, *olui*, *ulo*, а направление, в котором надо двигаться, чтобы их достичь).

Значение префикса *ki-* можно проиллюстрировать следующими парами (нано середины XIX в.): *o.szingo* ‘шея’ – *ki.szingi* ‘ствол, туловище, хобот’; *szondi* ‘кровь’ – *ki.szondi* ‘разновидность красного муравья’; *malanka* ‘антилопа’ – *ki.malanka* ‘гиена’; *olo.nyima* ‘до, преждевременный’ – *oki nyima* ‘после, запоздалый’. Исходя из обобщенного значения префикса *ki-* в последней оппозиции, *ki.malanka* можно интерпретировать как “то что приходит после кончины *malanka*”, “тот, кто ест останки *malanka*”, и т.п. Аналогично *ki.szingi* – “то, что является частью *o.szingo*”; *ki.szondi* – “сгусток *szondi*”, “отчужденная часть пространства, принадлежащего *szondi*”, и т.п. Во всех рассмотренных примерах представлены способы номинации предметов посредством их соотношения с “отчуждаемыми принадлежностями” других предметов, предшествующих им во времени. Язык регистрирует пересечение пространственно-временных признаков, при котором устанавливается частичное тождество пространства (часть тела или пространства, принадлежащего денотату слова без префикса *ki-*, как бы передается во владение или пользование денотату слова с префиксом *ki-*) и различие во времени обладания этим пространством (сначала частью предмета или его пространством обладает денотат слова без префикса *ki-*, затем ему наследует денотат с префиксом *ki-*). Логическое развитие этого варианта отношения частичного сходства приводит к значениям диминутива-дерогатива (“остаток”, “останки”, часть целого), финальности (“то, что следует за чем-то, происходит после чего-то”), каузальности (“то, что является продолжением или следствием чего-то”) или результативности (“то, что наступает после чего-то, является результатом чего-то”); поскольку числительные можно интерпретировать как результат счета, легко понять, почему в нано, бенгера и н’бунда числительные также формируются с помощью префикса *ki-*.*

Суммируя, можно отметить, что *k-*фарингализация в начале слова, сформированная в виде префиксов существительных *ka-*, *ku-*, *ki-*, *k’-*, является во всех диалектах средством словообразования, которое возникло

* Слоги *ko*, *ke* в инициалах слов встречаются редко и об их значениях судить трудно (например, *ko.ko* ‘рука’ может быть результатом как редупликации, так и префиксации; аналогично *keke* ‘муравьед’). В тех случаях, когда возможность редупликации отпадает, инициальные *ke*, *ko* являются не префиксами, а входят в состав корней, например: *kebi* ‘выдра’, *oku.kemala* ‘похвала’, *kegum* ‘молния’, *kondombolo* ‘петух’, *o.kokui* ‘бедняк’, *vi.kola* ‘обычай’ и т.п., хотя этимологически в некоторых словах префиксы, по-видимому, вычленяются (ср. *enda* ‘идти’ – *-kenda* ‘хоронить’).

и стабилизировалось задолго до эпохи, отраженной в памятниках (все диалекты единообразны в отношении морфологизованной к-фарингализации в инициалах слов). Кроме того, в инициалах представлена неморфологизованная к-фарингализация следующих типов: 1) слова, в которых инициальный слог не является префиксом: *karakaĵu* 'попугай'; *kuku, kakura* 'кукушка'; *kukulululu* 'предок'; *keke* 'муравьед' в нано середины XIX в.; 2) слова, в которых префикс вычленяется. Только этимологически, в нано XIX в. уже воспринимается как часть корня: *kalunga* 'рай', *kangula* 'кузнец', *kaĵaba* 'кедр', *kuaĵua* 'лето';* 3) слова с инициальным к-, которое в нано середины XIX в. не только было корневым, но и предварялось префиксом: *oku.kála* 'мир', *ma.kondi* 'бусины', *e.kumbi* 'солнце'.

Как видно из приведенных примеров, общим значением префиксов, в состав которых входит фонема [k], является отношение частичного сходства, которое конкретизируется в зависимости от типа огласовки (ka, ku, ki) на следующие значения: посессивность, антонимия, негатив, отношение рода и вида (ka-), аугментатив (ku-), локатив (ku-, k'-), дорога-тив, диминутив (ka-, ki-), финальность, каузальность (ki-), результатив (ku-, ki-). Учитывая соотносительность большинства случаев неморфо-логизованной к-фарингализации с морфологизованной, можно предположить, что оба эти типа фарингализации имеют одинаковый спектр значений и что в основе любой инициальной к-фарингализации лежит процесс "овладения" новым денотатом путем установления его частичного сходства с уже известным денотатом и закрепления результатов этого процесса с помощью означающих: в качестве номината известного объекта принимается нефарингализованное существительное, для обозначения нового объекта с помощью фарингализации создается существительное, которое отличается от исходного инициальным слогом ka, ku, ki, ke, ko или k'.

В отношении финальной к-фарингализации дело обстоит так. Финальное -ka в составе интонационного единства (основы) является, в большинстве случаев, глагольным суффиксом; его наличие в существитель-

* В записях нано середины XIX в., сделанных Мадьяром, последовательно проводится принцип фиксации интонационных единств: пауза внутри слова, свидетельствующая о разрывности интонационной группы, фиксируется тачкой; например, слово *kuaĵua* произносится на одном дыхании, без паузы, а в слове *ka.kuaĵua* 'осень' интонационно выделяются две части: префикс ka- и корень -*kuaĵua*. Мадьяр отмечает, что *kuaĵua* в середине XIX в. произносилось как целое, не разложимое на части; наличие в нано слова *vi.nuaĵua* 'саванна, травяное плато' и форманта ku-, передающего пространственно-временные значения, описанные выше, позволяет предположить, что этимологически *kuaĵua* – это "время, когда направляются в *vi.nuaĵua*", "пора *vi.nuaĵua*", так же, как *ka.kuaĵua* – "время после *kuaĵua*" (см. выше значение префикса ka-).

ных часто свидетельствует об отглагольной деривации. Например, в нано середины XIX в.: -puguruka ‘отдыхать’; -pinduka ‘расти’; oku.lupuka ‘бег’; o.ndáka ‘призыв, сообщение’; ová.longuka ‘оживление’. Тот же суффикс встречается у прилагательных и существительных, образованных от них: o.jeruruka ‘желтый’, u.kuszuka ‘красный’, gya.poszoká ‘хороший’.* Кроме того есть слова, в которых финальное -ка не вычленяется в виде суффикса, например: o.kaaka ‘панголин’, o.nyoká ‘змея’, ma.buka ‘разновидность фруктов’, mu.táka ‘секира’. Особую группу среди них составляют слова с назализованным или геминированным k в финале, например: malanka, ki.malanka; a.mbákká ‘караван’; k.o.mrákka ‘ров’ и другие. Кроме финального -ка, употребляющегося в составе основы, в нано середины XIX в. функционировали постфиксы -ка и -к, не входившие в интонационную группу основы, а имевшие статус самостоятельных синтагматических единиц. Эти постфиксы выполняли функцию связи между словами и произносились между ними, например, ка в конструкции "сын такого-то", атрибутивная частица k.a. в синтагмах: ko.ko k.a.pína ‘левая рука’, ko.ko k.o.nguío ‘правая рука’ и т. п.

Финальные -ku, -ki, -ke, -ko встречаются редко. Интонационная отделимость от корня зарегистрирована только для постфикса -ко: e.szántá ko ‘это, действительно, правда’; á.kueti sze.ko ‘помощник, опора’ (ср. kuete ‘иметь’, p.o.szi ‘внизу’, ko.ko ‘рука’). В слове ko.ko финаль может быть результатом редупликации или отделимым постфиксом. Остальные финали -ku, -ke, -ki воспринимаются как часть корня, например: o.feku ‘девочка’, o.ngyéke ‘сумка’, o.nguáki ‘забияка, крикун’ и т. д., однако наличие параллельных форм позволяет в составе некоторых слов отделить постфиксы от корней диахронически, например, -ke на основании пары: e.teke ‘день’ – olo.neke ‘день, ежедневно’; -ko и -ku – на основании слов: hatako, katako ‘спина’ – ma.taku ‘задняя часть’, и т.п.

Наряду с финальной и инициальной k-фарингализацией, наблюдается, хотя и редко, циркумфиксная фарингализация.** Здесь представлены четыре типа случаев: 1) инициаль является k-префиксом, интонационно отделимым от корня, финаль – k-слогом, не отделимым от корня: k.o.mrákka ‘ров’, kua.poszoké ‘ведро’; часто финаль при этом назализована: ki.malanka; 2) инициаль и финаль образуют интонационное единство (katako ‘спина’), хотя циркумфиксный характер формантов этимологически

*Как и в других языках банту, это релятивы, отличающиеся от индоевропейских прилагательных темпоральностью, она присуща им, как и глаголам.

**Частным случаем такой фарингализации являются двусложные слова без префиксов типа: ko. ko, keke, kaaka и т.п. или двусложные основы с префиксами, например: -kokuí (в слове o.kokuí), -hukuí (в слове dihukuí) и т.п.

ясен (ср. *katako-ma.taku*); здесь также возможны случаи назализации финали (*kalunga* ‘рай’, *-kavenga* ‘распутничать’ и т. п.); 3) инициаль не отделяется от корня, в финали стоят форманты *ko*, *k* или *ka*, которые воспринимаются в одно и то же время и как постфиксы предшествующего слова, и как префиксы последующего слова; 4) инициаль и финаль функционируют в виде отдельных префиксов и постфиксов (примеры третьего и четвертого типов см. выше).

Отсюда видно, что префиксная и суффиксная *k*-фарингализации выступают как частные случаи циркумфиксной фарингализации. Возможность этимологического выделения префиксов и суффиксов в составе двусложных и трехсложных слов, которые в середине XIX в. функционировали как единства, не расчленяемые на морфемы, свидетельствует, что удельный вес односложных и двусложных корней тем выше, чем глубже исторический срез. Многосложные корни (по крайней мере какая-то их часть) образовались из композит, в состав которых входили односложные и двусложные корни с префиксными и постфиксными сателлитами, объединявшиеся в единое целое интонацией. Примеров, свидетельствующих о развитии в *мбунду*₂ противоположной тенденции, нет.

Можно заметить, что различные части циркумфикса не равноправны. Так, в качестве ядра фарингализации может выступать либо корень, либо постфикс, но не префикс. Если ядром фарингализации является корень слова и в нем есть суффикс и префикс, то суффикс всегда составляет с корнем интонационное единство; префикс, как правило, обладает интонационной самостоятельностью. В тех случаях, когда префикс на синхронном уровне не отделим от корня, а вычленяется только этимологически, он составляет с корнем интонационное единство, но сила его связи с корневой инициалью меньше, чем сила связи постфикса с корневой финалью (между финалью корня и постфиксом отмечается ровный тон; между инициалью корня и префиксом – тональный перегиб). В силу этого постфикс попадает в ближайший к ядру фарингализации слой, префикс – в более отдаленный.

Финаль корня, произносимая на выдохе, оказывается более легкой и менее весомой, чем его инициаль; возникает тенденция к выравниванию структуры слова; оно притягивает к себе, в первую очередь, ближайший постфикс, который, начиная употребляться в составе интонационного единства с корнем, постепенно превращается в сателлит корня – суффикс. Преобразование постфикса в суффикс вызывает перевешивание финали слова над его инициалью; снова вступает в силу тенденция к равновесию и симметрии, но теперь она приводит к вовлечению в зону действия корня тех элементов, которые функционируют в препозиции: бли-

жайший к инициали корня элемент превращается в префикс, образуется новое интонационное целое; в его состав входит префикс, еще отделяемый от корня, и суффикс, уже спаянный с ним. Именно с такими циркумфиксными структурами мы и сталкиваемся при рассмотрении материалов XIX в. по диалектам мбунду₂.

8. Перейдем к значениям h-фарингализации. В анализируемых материалах нет оппозиций инициальных слогов ha-hu-ho-he-hi, имеющих смысловозначительную функцию; хотя в инициалах слов может стоять любой из этих слогов (см. haka-hukwi-hopia-hela-hima), функции префиксов, не составляющих интонационного единства с корнем, эти слоги не имеют. Диалектная вариативность огласовки инициалей корня (ср. ohupa-gui.hopia, dihukui-ohokui и т. п.) или перестановки слогов внутри слова (u.hakopa-huakopa) также смысловозначительной роли не играют, на морфемном членении слов не сказываются, т.е. тип огласовки h-фарингализации, в отличие от k-фарингализации, не морфологизован.*

Существование в различных диалектах и даже в пределах одного и того же диалекта таких пар, как ohaka-okaka 'панголин', hángá-olo.kánga 'фазан', huete-kuete 'иметь', hatako-katako 'спина', hongolo-kongolo 'радуга', и отсутствие смысловозначительных оппозиций с фонемами h-k** говорит о том, что противопоставление h- и k-фарингализаций имеет фонетический, а не лексико-грамматический характер и зависит от позиционных условий или особенностей произношения. Однотипность значений, передаваемых h- и k-фарингализациями, подтверждается также минимальными парами, в которых h-фарингализация противопоставлена отсутствию фарингализации; в этих парах дериваты с инициальным h имеют значения такого же типа, как дериваты с инициальным k в минимальных парах k-ø.

Например, отношение частичного сходства, выражающееся в конкретизации направления и фиксации границ части объекта, которое было отмечено при словообразовании с помощью префикса k'-, присоединяемого

* Наличие формы háándi 'ладно, пусть' в нано, коррелирующей с формами handi 'еще' в бенгела и handi 'еще не' в бие, позволяет выделить инициальное ha, соотносимое с ka, в антонимах и негативах. Та же сема присутствует в слове háimo (hamo) 'никогда' в нано; по-видимому, этимологически в словах háándi и háimo выделяется префикс há- и корни -ándi (ср. ku-enda 'идти'), -imo (ср. lá.tyi.mue 'ничего').

** Встречаются слова, которые можно было бы рассматривать как k-h оппозиции, имеющие смысловозначительное значение, например: keke 'муравьед' – ekehe 'ягуар, рысь'; o kaka 'панголин' – ohaka 'муравьед'; umeleke 'девушка' – umalehe 'юноша' – umalehi 'дитя', если бы не соотношенность с различными диалектами и тоновыми конструкциями; ср. umeleke [̄ _ _ _], umalehe [̄ _ _ _], umalehi [̄ _ _ _].

к инициалам исходных номинатов, выявляется и при анализе таких пар, как *etari* ‘сейчас’ – *hetari* ‘сегодня’ (сужение *etari* до *hetari*, установление границ континуума *etari* в виде *hetari*).*

Так же обстоит дело с *h*-фарингализацией финали: в паре *u.tanya* ‘солнечный свет’ – *utanha* ‘солнце’ значение финальной *h*-фарингализации похоже на посессивное значение префикса *ka-* (*u.tanya* это как бы “сын” *utanha*, а *utanha* – “отец” *u.tanya*: функционирование постфикса *-ha* в слове *utanha* напоминает употребление префикса *ka-* в конструкции “сын такого-то”). Подобным образом можно интерпретировать и отношения в паре: *ou.vi* ‘уродливый, урод’ – *úú.viha* ‘зло’, и переход от глаголов к прилагательным’ (ср. *-vi* ‘плохой’ – *-viha* ‘быть плохим’); смысл прилагательного – это как бы частичка смысла глагола: глагол вмещает и перекрывает значение прилагательного. Значение поверхностных типов фарингализации также является производным от значения глубокой фарингализации: *tyi-* соотносится с *ki-* (ср. *otyí.munu* ‘вор’ – *oquimuno*; *oku.tyita* ‘рожать’ – *sukita*) или с *ka-* (*lá.tyí.mue* ‘ничего’ – *lakamue*); *tyu-* – с *ku-*; *tya-* – с *ka-*; *gui-* – с *ki-* (*gyí.lemila* ‘гром’ – *guiremiro*),** *g-* – с *ku-* (*kuenda* ‘идти’ – *genda*); *gya-* – с *kia-* (*gyá.pera* ‘вкусный’ – *kíapera*); *dsē-* – с *ki-* (*dsē tekawa* ‘черный’ – *ki.takāvā*) и т.п. (см. с. 139).

9. Как отмечалось выше, фарингализация в большинстве случаев сопровождается назализацией. Особенно часто это наблюдается при глубокой фарингализации. О характере взаимоотношений между фарингализацией и назализацией говорит то, что в процессе модификации форм лучше всего сохраняются те фарингализованные фонемы, которые назализованы (ср. *gyí.ngongo* в нано середины XIX в. с *ochingongo* в современном мбунду₂) и что назально-фарингализованные фонемы, как правило, развиваются в назальные фонемы, а не в фарингальные. Отсюда можно заключить, что фарингализация, следы которой вытеснены назализацией, является более реликтовым процессом, чем назализация, и что назализация, которая возникла на базе фарингализации, выполняла две различных функции: в одних случаях она поддерживала и консервировала фарингальные формы, в других уничтожала и “растворяла” их. Первая

* На смысловозначительную функцию оппозиции *h-ø* в бенгела начала XIX в. указал Кёлле, зарегистрировавший, как отмечено выше, минимальную пару: *эмókэ* ‘нож’ – *эмhókэ* ‘меч’ (ср. инициалы основ *-ókэ* и *-hókэ*). Здесь также представлено отношение частичного сходства.

** В нано середины XIX в. зарегистрированы слова *gyí.szue* ‘лисица’ – *otyí.szue* ‘кошка’; обе формы результировались в других диалектах в одну форму: *ociswi*, *otchisua*, *otjiswe*, *ochiswe* ‘линкс’. Минимальной парой *gy-ty* слова *gyí.szue-otyí.szue* считать нельзя из-за наличия лабиализации инициалы в *otyí.szue* и ее отсутствия в *gyí.szue*.

функция осуществлялась в сфере глубокой фарингализации, вторая – в области поверхностной; это противопоставление двух типов фарингализации, по-видимому, указывает на их различную природу и происхождение.

Иначе говоря, за каждым процессом был "закреплен" участок полости рта, где он протекал наиболее интенсивно и порождал "свои" фонемы. В иных местах данный процесс результировался дифференциальными признаками фонем, создаваемых другими процессами. фарингализация господствовала в велярно-глоттальной части речевой полости, ее результатом были велярные и глоттальные фонемы. Назализация здесь происходила как вторичный процесс, приводивший к возникновению у фарингальных фонем дифференциального признака назально-сти. В остальных частях ротовой полости фарингализация уступала доминирующую роль лабиализации и назализации, которые являлись своеобразными специализированными генераторами лабиальных и назальных фонем (каждый в своей области), и реализовалась в виде дифференциального признака фонем или особой велярной окраски, приводившей к изменениям артикуляции гласных и согласных (например, продвижению их назад, появлению у них дополнительной артикуляции, второго фокуса и т.п.). Впоследствии ситуация изменилась: в тех случаях, когда фаринкс и назальный резонатор действовали вместе, главным начал становиться назальный резонатор, роль фаринкса стала ослабевать; в результате фарингалы постепенно вытеснялись назальными из композит, одним из компонентов которых был фарингальный, вторым – назальный (см. *olonginge* 'муравьи' – *olonjinji*, *v.o.nguo* 'дом' – *onjo* и т.п.). Когда фаринкс не коррелировал с назальным резонатором, его действие постепенно уменьшалось, пока не исчезло совсем. Затем стала ослабевать и роль назального резонатора. Это привело к затуханию противопоставления назальных и неназальных фонем и возникновению новой доминанты – оппозиции фонем по месту и способу артикуляции.

10. Столь же важным, как назализация и фарингализация, для понимания сущности изменений, происходящих в мбунду₂, является процесс лабиализации. В имеющихся у нас материалах лабиализация фиксируется по-разному. Чаще всего она передается с помощью лабиовелярного или велярного полугласного *w* после согласных (например: *bumba* 'майский жук' – *erumbwe*, *emumwa* 'жук'), в интервокальной позиции (*ombewu* 'черепаха') или в начале основы (*-wanja* 'смотреть') и слова (*wiakora* 'тонкий'); примеров с финальным *w* нет. Во многих случаях лабиовелярный полугласный *w* регистрируется посредством гласного *u* (*ólui* 'река' у Серпа Пинто – *oiwi* у Валенте, *o.uá* 'гриб' у Мадьяра – *owa* у Валенте, *u.tu.tue* 'голова' у Мадьяра – *u-tue* у Блика, *útué* у Серпа

Пинто, *utué* у Люкса и т.д. – *utwe* у Валенте и Альвеса). Иногда коррелятами лабиовелярного *w* являются фрикативный лабиодентальный *v* или билабиальный смычной *b*; возможно, с помощью этих графем в анализируемых материалах изображаются фрикативная билабиальная фонема β и лабиовелярные фонемы β , *w*: *kowasa* ‘впереди’ – *kovaso* – *k.obászo* (β у или *w*), *vi.kola* ‘обычай’ – *bi.kola* (β у), *diabite* ‘топор’ – *ondiavite* – *ondíaweti* (β или *w*). Кроме того, результатом лабиализации могут быть централизованные гласные, билабиальные и лабиодентальные согласные, лабиализованные гласные *i*, *o*, полугласный *w* и всевозможные комбинации этих фонем: *eteke* ‘день’ – *uteke*, *õteke* ‘ночь’ (показателем лабиализации являются префиксы *u-*, *õ-*), *tundanga* ‘порох’ – *fundanga* (см. чередование *t-f*, свидетельствующее о лабиализации основы); *-vala/-wēra/-bella/-wāla* ‘слабый’ (ср. различную регистрацию результатов лабиализации инициали основы в различных диалектах) и т.п.

Как и другие процессы, лабиализация может быть более или менее продолжительной и в силу этого по-разному локализоваться в пределах слова. Например, она может охватывать все слово в целом или сосредоточиваться только на одном или нескольких слогах; ср. форму *muzumbo* ‘губа’ в бие XIX в., где лабиализованными оказываются все три слога (см. рамку из билабиальных согласных и лабиализованную окраску всех гласных), и форму *onjembu* в бие XX в., в которой второй слог не является лабиализованным, а лабиализация сохранилась лишь на границах слова в виде циркумфикса; в слове *u.jela* ‘белый’ в нано середины XIX в. лабиализована инициаль, в современных диалектах лабиализация инициали не зарегистрирована. Длительность лабиализации может быть различной даже в пределах одного слога (ср. формы *-beta/-veta* ‘бить’, где лабиализовано только начало слога, и форму *-wāta*, в которой лабиализация затрагивает весь слог в целом).

Не одинакова сила лабиализации в родственных словах одного и того же языка или в эквивалентах из различных диалектов. Сильная лабиализация результируется возникновением фонем, слабая приводит к появлению на супрасегментном уровне лабиализованной окраски гласных или согласных. Например, в нано XIX в. слово *enge* ‘сахарный тростник’ коррелирует со словом *owangu* ‘сорняк’ в бие XX в., Свидетельствующим о сильной лабиализации инициали, которая привела к возникновению нового слога и переогласовке бывшего первого слога (*e-* и *owa-*), и слабой лабиализации финали (ср. превращение *-e* в *-i*). При слабой лабиализации инициали (ср. *e-* и *u-*) и сильной лабиализации финали (ср. \emptyset и *ve*) возникает иной дериват: *ungeve* ‘разновидность мимоз’ (совр. *мбунду*₂). Сильная лабиализация инициали (ср. *e-* и *era-*) и отсутствие лабиализации

в финали результируются появлением формы *erange* ‘разновидность деревьев’ (бие XX в.).

О различных возможностях лабиализации говорят также следующие серии форм: 1) *olui* ‘река’ (хаМбундо начала XIX в.) с нелабиализованной или слабо лабиализованной (если $u=w$) финалью и *oluwi* (уМбунду конца XIX в.) с лабиализацией трех слогов; 2) *o.mbeu* ‘черепаха’ (нано середины XIX в.) – *ombevo* (бенгела середины XIX в.) – *ombewu* (совр. мбунду в том числе, бие), где по-разному регистрируется сильная лабиализация финали при однотипной сильной лабиализации инициали, и *quicovo* (бие конца XIX в.), где лабиализация инициали отсутствует (вместо лабиализации и назализации в первой части слова зафиксирована фарингализация а с середины второго слога – лабиализация); 3) *oāsu* ‘глаза’ – *ówāso-ovasso-owasso-ovaso-obá.szo* (здесь по-разному представлено соотношение фарингализации и лабиализации: в форме *ówāso* лабиовелярный свидетельствует о лабиализации и веляризации второго слога, в противовес форме *oasu*, где второй слог нелабиализован и не фарингализован;

первый слог повсеместно лабиализован; третий слог в одних примерах только лабиализован, в других к тому же фарингализован); 4) *ou.iki* ‘мед’ – *u.iki* (альтернативные формы из нано середины XIX в., в которых графема и обозначает лабиовелярный полугласный: в первой форме лабиализованы первый и второй слоги, фарингализованы второй и третий; во второй форме лабиализован только первый слог; фарингализованы оба слога, т.е. фарингализация длится при артикуляции обеих форм одинаковое время, а лабиализация в одном случае является долгой, во втором – короткой); 5) *owisi* ‘дым’ (совр. мбунду₂) – *l.óóí.iszi* (форма из нано середины XIX в., регистрирующая более длительные и интенсивные процессы лабиализации и фарингализации, чем в современном языке).

Не менее интересны также серии: *poi.nette* ‘грудь’ – *onāte* – *onete* (в первой форме лабиализованы гласный и согласный первого слога, второй слог не лабиализован; во второй форме лабиализованы гласные первых двух слогов, в третьей форме из совр. мбунду₂ – только гласный первого слога); *poli.pere* ‘плечо’ – *perere* – *oqirere-arāre-erere* (в первой и третьей формах присутствуют нелабиализованные инфиксы *li*, *qi* и лабиализованные префиксы *ro*, *o*; в четвертой форме лабиализован гласный предпоследнего слога *ä*, инициаль не лабиализована; в последней форме из совр. мбунду₂ лабиализация отмечена в двух последних слогах); *omāla*, *omāra* ‘рот’ – *omela* (совр; мбунду₂) и т.п., показывающие, как и предыдущие примеры, что лабиализация, подобно назализации и фарингализации, во всех диалектах постепенно затухает. Контр-примеры, свидетельствующие об усилении лабиализации в сериях

эквивалентных форм, отсутствуют (в списке дериватов, где значение производного слова не равно значению исходного, есть много лакун, в силу которых дериваты приходится соотносить не с теми словами, от которых они, на самом деле, образованы в каждом диалекте, но с их аналогами из других диалектов, поэтому судить по ним о том, возрастает или убывает лабиализация, нельзя).

Лабиализация может происходить в начале слова (*uteke* ‘ночь’, *feka* ‘страна’), середине (*diabite* ‘топор’, *ivandala* ‘блеяние’, *indua* ‘журавль’), конце (*-tekáwá* ‘черный’ – *takava-tekãva-tekava*), двух последних слогах (*řivumo* ‘живот’), двух первых (*owiki* ‘мед’), первом и последнем (*ungeve* ‘мимоза’), двух первых и последнем (*subuima* ‘дыхание’), первом, третьем и четвертом (*poli.pere* ‘плечо’, *wiakorra* ‘тонкий’) и во всех слогах (*-nhwa* ‘пить’, *oiwi* ‘река’, *ovaso* ‘глаза’, *ongulube-onguluve* ‘кабан’, *olohorio* ‘клещ’). Наиболее распространенными являются случаи лабиализации всего слова. Результатом лабиализации инициали является возникновение префикса, переогласовка инициали, изменение качества инициального согласного (*feka-ofeka*, *eteke-uteke*, *-vanja-wanja-bangysa*). Лабиализация финали, как правило, вызывает ее переогласовку или появление постфикса. Итогом циркумфиксной лабиализации чаще всего является префикс и переогласовка финали (*enge-owangu*) или переогласовка инициали и постфикс (*enge-ungeve*). При лабиализации середины слова происходит переогласовка корня (*kujeva-okujova*), чередование согласных (*okufuima-subuima*), вставка согласных, полугласных или гласных и изменение слоговой структуры слова (*ange-erange*, *olui-oluwi-oiwi*). Наиболее распространенным при этом является возникновение интервокального *w* (обычно называемого эпентетическим), например: *ku.szeula-sewula*, *a.osze-owesi*, *ombeu-ombewu*, *olui-oluwi*, *o.uja-owuja*, или его коррелятов *v*, *b* (см. выше): *oãsu-õwãso-ovaso-obã.szo*; *indua-induva* и т.п. Эти процессы могут приводить к переразложению морфемной структуры слова: *a.osze* ‘зуд’ – *owesi* – *ow-esi*; *k.obãszo* ‘впереди’ – *kõ-vasõ* – *kowaso*; *v.imu* ‘живот’ – *wẽmo* – *ři-vumo* и т.п.

Результаты лабиализации зависят не только от ее долготы и интенсивности, но и от синхронизации с другими процессами. Так, лабиализация, сопровождаемая назализацией, результируется звонкими согласными, в противовес глухим, которые возникают в параллельных неназализованных формах; например, вследствие назализации озвончается лабиализованная инициаль в формах *řika* ‘раб’ – *m’bika*. Назализация может также приводить к утрате лабиализованными согласными фри-кативности: *ocifuto* ‘головной убор’ и *erunta* ‘одежда’, *okufuima* ‘дыхание’ и *subuima* (в *erunta* назализация охватывает два слога, превращая

f в р и t в nt; в okufuima назализован последний слог; в subuima назализация происходит трансфиксально: при назализации второго слога наблюдается озвончение глухого f и утрата им фрикативности, в силу чего f → b, назализация последнего слога результируется назальным согласным mn).*

По семантике наличие лабиализации противопоставлено ее отсутствию (вариативность типов лабиализации, определяемых ее интенсивностью и долготой, на плане содержания не отражается). Следующие минимальные пары помогают установить словообразовательный характер лабиализации в мбунду и его диалектах: eteke 'день' – uteke, ōteke 'ночь'; enge 'сахарный тростник', ange 'лиана, лоза' – owangu 'сорняк' – ungeve 'разновидность мимоз' – erange 'разновидность деревьев'. Те же словообразовательные возможности можно отметить у лабиализации и на примере таких пар из нано середины XIX в., как feka 'страна' – o.feka 'народ'; -jela 'быть белым' – u.jela 'белый'; u.kongo 'охотник' – vá.kongo "мастера" охоты'; o.тепе 'завтрак' – vo.mene 'утро'; v.imu 'живот' – ova. v.imu 'понос'; u.tu.tue 'голова' – tu.tu.tue.úá 'память'; ku.jeva 'охотиться' – okujova 'охота'.

11. Особое место среди диахронических процессов занимают явления ротацизма. Во всех диалектах намечается тенденция к утрате r и замене его l; формы с r и l являются равнозначными; o.fera 'воздух' (нано середины XIX в.) – ofela (совр. мбунду₂); onguḡu 'свинья' (бенгела середины XIX в.) – onḡulu (совр. мбунду₂); u.kuere 'друг' (нано середины XIX в.) – ukwele 'компаньон, партнер' (совр. мбунду₂); quiḡemḡo 'гром' (хаМбундо начала XIX в.) – elimilo (совр. мбунду₂) и т.п. В ряде случаев r и l коррелируют с y: okujova 'охотиться' (нано середины XIX в.) – oculoia (баилундо конца XIX в.); okurugui uca 'отдых' (хаМбундо начала XIX в.) – oku.ruguruka (нано середины XIX в.) – cu-riiuiuca (баилундо конца XIX в.) – ruluuuka, ruuuka (совр. диалекты). Это свидетельствует об общей природе процессов, приводящих к образованию слогообразующих сонантов, и об упрощении артикуляционного механизма (многоударный звук заменяется одноударным, артикуляция продвигается вперед, исчезает фарингализация, сопровождавшая увулярное r, ослабевает дифференциация сонантов).

Процессы соноризации, приводящие к образованию r, l, y и на их основе нового слога, оставили свой след во всех частях слова. О соноризации

* Поскольку о назализации, как о других процессах, судят по ее результатам, характеризующим здесь явления обычно описывают иначе: говорят о регрессивном влиянии назальных последующего слога на предыдущий, т.е. превращение f в р (ocifuto-erunta) или fab (okufuima-subuima) объясняют влиянием последнего назализованного слога на предыдущий.

инициали слова говорит появление префиксов lo- (ср. lui 'река' – lo.luij), l- (ousssi 'дым' – l.óou.iszi), ri- (óusssi 'дым' – ri-t'chi), yi-(cáhana 'зуд', ед. ч., – uicahana 'зуд', мн.ч.), y- (onjovo 'весна' – yonjovo). На соноризацию финали указывают суффиксы -li, -ri, -re (enszui 'дикий кот, шакал, рысь' – 'guli 'лев', onguli 'лев, гиена', onguri 'волк', ongire 'тигр'), -la (tyi.ngore 'голубой' – tyi.ngorola 'зеленый'; engole 'зеленый, желтый, цвет змеи' – otyi.ngolola 'пятнистая шелковая лента'). Чаще всего встречается соноризация середины слова, в результате нее возникают инфиксы внутри корня: -l- (-saimiha 'потеть' – -salamiha); -y- (-vandala 'мычать' – -vandajla); ru-(-puyuca 'отдых, покой' – rúruí uca) или между префиксом и корнем: -lo- (o.tyiri 'истинный, правильный' – olo.tyiri 'правда, справедливость'); -lu- (onyihi 'пчела' – olunyihi 'пчёлы'); -y- (oku.ira 'убийство' – cu.yiba); -i- (nato 'миг' – payto, naito). Результатом соноризации оказывается также озвончение глухих согласных (ср. -ira/-yiba), как при назализации.

Значение соноризации наиболее четко прослеживается на таких парах, как onyihí 'пчела'– olunyihí 'пчёлы'; n'hique 'пчела' – yinhique 'пчёлы' (категория МН.4Исна);e.nszui 'дикий кот' – onguli 'лев', ongire 'тигр' (аугментатив); tyi.ngore 'голубой', e.ngole 'желтый' – tyi.ngorola 'зеленый', otyi.ngolola 'пятнистый', в которых представлены различные случаи образования множеств (увеличение количества предметов: olunyihí или величины, силы и других качеств предмета: onguli, ongire; суммирование качеств путем их наложения друг на друга: ngore + ngole = ngorola; конъюнкция в результате их соположения рядом друг с другом: ngore + ngole = ngolola) и т.п.

12. На основании записей Мадьяра можно судить о соотношении вдоха-выдоха при произношении слов в нано, молува и каЛобар середины XIX в. Так, запись k.c.kumbi 'в полдень' помогает понять, что первый слог артикулировался на двух импульсах вдоха-выдоха (вдох-выдох при артикуляции k; пауза, обозначаемая точкой; вдох-выдох при артикуляции e; пауза, обозначаемая точкой), два последних слога – на одном импульсе вдоха-выдоха. Стабильной корреляции между слоговой структурой слова и пульсацией вдоха-выдоха в мбунду₂ XIX вг не существовало: одному вдоху-выдоху могло соответствовать два слога (kumbi), часть слога (k, e), один слог (о.пора 'пупок') или несколько слогов (см. oku.kemála 'хвалить', kondombolo 'петух', kukulululu 'предок', где на одном дыхании произносятся три, четыре и даже пять слогов).

Наиболее частотной является пульсация вдоха-выдоха, при которой "квант вдоха-выдоха" соотносится с одним или двумя слогами (такие ритмические единства охватывают более двух третей текста). Эта зако-

номерность еще сохраняется в наше время, хотя ей противостоит тенденция к "спрямлению речи" – сокращению и устранению пауз между выдохом и новым вдохом, а также к артикуляции бифонем (геминат, сегментированных и слогообразующих согласных) в виде монофонем на выдохе вместо прежнего вдоха-выдоха. В силу этого речь становится более плавной и менее четкой, дыхательные толчки ощущаются слабее или вовсе не ощущаются и поэтому не фиксируются, ср. k.e.kumbi и k'ekumbi; e.nganna 'сэр' (с двумя паузами: долгой после префикса и короткой при артикуляции геминаты) и ongala (с одной паузой внутри назальной композиты); o.mbiszi 'рыба' (с тремя паузами: долгой после инициального гласного и двумя короткими после включения назализатора и после приступа к фарингализации) и ombisi (с одной короткой паузой внутри назальной композиты) и т.п.

Наличие особого "толчкового" ритма в диалектах XIX в. отметили в своих записях и другие исследователи. Например, толчок при назализации постоянно фиксируют Капелло и Ивенс (ср. dsamba 'слон' и n'zamba; gandu 'крокодил' и n'gandu; gulu 'свинья' и n'gulo; gyila 'птица' и n'jila; hombo 'козел' и n'combo). В ряде случаев они также замечают наличие толчка при фарингализации (например: oku.kemala 'хвалить' в записи Мадьяра, зарегистрировавшего паузу перед фарингализацией основы, и su-t'chimana у Капелло-Ивенса, которые с помощью дефиса регистрируют не только паузу, но и толчковую артикуляцию инициали основы; аналогично: o.szingu 'шея' у Мадьяра и ri-t'chingo у Капелло-Ивенса; l.óòù.iszi 'дым' – ri-t'chi; i'era 'белый' у Серпа Пинто 'и u.jela у Мадьяра и т.д.). По-видимому, с фиксацией пауз и толчков соотносятся и такие изображения, как 'guli 'лев', ousssi 'дым', а также геминаты, сегментированные согласные, эпентетические полугласные" и другие средства, о которых шла речь при характеристике процессов назализации, фарингализации, лабиализации и соноризации, сопровождаемых имплозией. Фактически все эти средства служили одному: сделать значимым звучание речевого потока не только во время эксплозии, но и в процессе имплозии.

Ритмизация и выравнивание дыхания, которые приводят к тому, что толчки выдоха становятся более плавными и отклонения от средней силы вдоха-выдоха уменьшаются, resultируются появлением гоморганных назальных, произносимых "на одной артикуляции" со следующим согласным (ср. назализацию как отдельный процесс, предшествовавший произнесению основы и поэтому не resultировавшийся гоморганными согласными, в записях Капелло-Ивенса, и назальную артикуляцию аналогичных форм в современных диалектах: n'bambe 'холод, зима' (арх.) – ombambi (совр.); n'zamba 'слон' (арх.) – onjamba (совр.);

qui-n'banda 'колдун' (арх.) – ochimbanda (совр.); n'gana 'сэр' (арх.) – oqgala (совр.), и т.п.). Развитие этих процессов постепенно уменьшает значение оппозиции имплозии и эксплозии, имплозия начинает превращаться во вспомогательный прием, сопровождающий эксплозивную артикуляцию. Имплозивно-эксплозивный характер артикуляции преобразуется в эксплозивный, областью действия имплозии остаются, в основном, паузы. Падение роли имплозии и возрастание эксплозии ведет к ослаблению и исчезновению процессов, сопровождавших имплозию, – назализации, фарингализации и лабиализации. Вместо них начинают усиливаться процессы, происходящие во время эксплозии и поддерживающие ее доминирующую роль: моросчитание, фиксация ударения, превращение ударения из музыкального в количественно-качественное, противопоставление долгих и кратких гласных, более детальное дифференцирование эксплозивных согласных по способу и месту образования, гласных же – по высоте и характеру артикуляции, а не степени открытости и силе звучания, т.е. все те процессы, которые определяют звуковой облик современных языков банту и с большей или меньшей степенью проявляются во всех языках и диалектах.

13. Основным средством, регулирующим взаимосвязь эксплозивных и имплозивных отрезков речи и превращающим отдельные импульсы в непрерывный континуум, является тон. Он выступает как носитель интонационной непрерывности значимых отрезков речевого потока и средство связывания дискретных звуковых единиц в интонационное целое. Тон не отделим от структуры звуковой речи. Все языковые средства функционируют не сами по себе, но как бы "погруженными в тон". Назализация, фарингализация, лабиализация или соноризация, о которых шла речь выше, вне тона не существуют: результаты, по которым мы судим об их проявлении, могут фиксироваться в абстракции от интонации именно потому, что они не отделимы от нее и являются своеобразными сгустками интонационной энергии, "оседающей" на отрезках звуковой субстанции. Назализация, фарингализация и лабиализация представляют собой не самостоятельные звуковые явления, а назальный, фарингальный и лабиальный параметры тембровой окраски звукового потока. Это обертоны, которым противостоит основной тон, не осложненный включением резонаторов.

И обертоны, и основной тон можно модулировать по высоте, интенсивности и длительности;* варьирование обертонов по интенсивности

*О модулировании обертонов по долготе и интенсивности см. с. 125. Во всех этих случаях, поскольку обертон является одним из компонентов интонации, он определяет ее длительность и интенсивность, а также длительность и интенсивность основного тона, на который накладываются обертоны.

и длительности семантической нагрузки в диалектах мбунду₂ не имело и не имеет; повышение или понижение тона в любой части слова и прибавление к основному тону обертона, наоборот, сказывается на семантике и служит средством словообразования.* Например, о повышении тона в первом слоге говорит минимальная пара: *osyã* ‘плоды дикой сливы’ – *usyã* ‘дерево дикой сливы’; повышение тона в финали представлено в формах: *u.malehe* ‘юноша’ – *u.malehi* ‘малышка’. Понижение тона в инициали при повышении в финали зарегистрировано в словах *utwe* ‘голова’ – *etwi* ‘ухо’ (кроме того, здесь происходит утрата лабиального обертона и переход к основному тону). Взаимодействие лабиального обертона и высоты тона можно продемонстрировать на многих примерах (ср. *u.tolo* ‘сон, сновидение’ – *otulo*, *tullo* ‘сон, процесс сна’; *ovita* ‘война’ – *ovota* ‘грабежи’; *keke* ‘муравьед’ – *okaka* ‘панголин’).** Лабиальный и фарингальный обертоны также могут влиять на высоту тона или коррелировать с ней, – см. повышение тона в финали слова и ее лабиализацию при параллельной лабиовеляризации инициали в паре: *-kunda* ‘говорить’ – *ohundo* ‘речь’ или повышение тона в инициали и ее фарингализацию в противовес лабиализации: *o.meke* ‘слепой’ – *gyi.meke* ‘утро’. Так же обстоит дело с соноризацией и фарингализацией (на фоне назализации и лабиализации) в паре: *orne la* ‘рот’ – *omeke* ‘слепой’. Противопоставление лабиализации и повышения тона, с одной стороны, и соноризации при понижении тона, с другой (на фоне сохраняющейся назализации), можно проиллюстрировать формами: *olom.anya* ‘житие’ – *omo.unyu* ‘жизнь’.

Повышение тона в инициали слова или основы связано с понятием об увеличении исходного объекта: переходом от части к целому (*osyã-usyã*), от результата – к процессу, порождающему множество результатов (*tolo-tulo*), от единичного процесса или потенции субъекта его совершить – к сериалу процессов (*olom.anya-omo.unyu*), от отдельных актов – к непрерывному континууму (*ovota-ovita*), от меньшего предмета – к большему (*okaka-keke*). Повышение тона в финали имеет противоположное значение: свидетельствует о замене мужских особей женскими, больших – меньшими (ср. *u.malehe* ‘юноша’ – *u.malehi* ‘малышка’). Одновременное повышение тона в инициали и понижение в финали является средством "умножения" тоном, сравнимым с редупликацией мор-фем (см. *etwi-utwe*).

* Здесь идет речь только о модулировании тона в парадигматике, на функциях тона в синтагматике (при построении из парадигматических единиц словосочетаний и предложений) мы не останавливаемся (см. с. 36-46).

** Ср. с явлениями внутренней флексии в индоевропейских и афразийских языках.

При противопоставлении основного тона по высоте в диалектах мбун-ду-, приходится абстрагироваться от обертонов, которые наслаиваются на основной тон, так как в естественной языковой ситуации чистый тон, состоящий только из основного без обертонов, встречается редко. Обычно он осложняется фарингальным, назальным или лабиальным обертонами, которые resultируются посредством фарингализации или лабиализации и имеют значения, охарактеризованные выше. Хотя каждый обертон соотносится с каким-то одним, только ему присущим спектром значений, есть много ситуаций, когда различные обертоны оказываются взаимозаменяемыми. Особенно часто это наблюдается в отношении назализации и фарингализации. Сравнивая формы, служащие для выражения одного и того же значения, нельзя не заметить, что почти везде, где наблюдается фарингализация, зафиксирована также назализация и что в одних случаях результаты фарингализации и назализации представлены в одной и той же форме, в других они распределены по формам из различных диалектов.

Например, анализ серии: *dissul-eūhuro-engyulu*, *enyuno-enyun-enhulu* ‘нос’ показывает, что в первой форме нет ни назализации, ни фарингализации, во второй зарегистрирована фарингализация предпоследнего слога, в третьей паре – назализация предпоследнего слога или всей финали в целом, в четвертой форме – фарингализация и назализация (фари-назализация) предпоследнего слога и в пятой – назализация предпоследнего слога и фари-назализация последнего слога. Во второй и третьей формах назализация и фарингализация являются взаимозаменяемыми, в четвертой и пятой – взаимодополнительными. Смыслоразличительной функции оппозиция "отсутствие фари-назализации (∅) – фари-назализация (ф+н) – фарингализация (ф) – назализация (н)" в приведенном примере не имеет.

Аналогично обстоит дело в следующих сериях: *sayi* (∅)-*sahi* (ф)-*osanyi*, *osāyi* (н) ‘месяц’; *kiala* (ф)-*nyala* (Н)-*ngyale* (ф+н) в слове *olongyale* ‘ноготь’; *osohi* (ф)-*ossoin*, *sonyi*, *osōyi* (Н)-*sonhe* (ф+н) ‘стыд’; *kēuhe* (ф)-*okuenye* (Н)-*okwenhe*, *okwēne* (ф+н) ‘осень’; *olonyihi* (н – в предпоследнем слоге, ф – в последнем) *lonhihi*, *yinhike* (н+ф – в предпоследнем слоге, ф – в последнем) *-olonhi* (н+ф – в последнем *snore*) *-olōnyihī* (н – в предпоследнем слоге, н+ф – в последнем) ‘пчелы’; *ɔzizā:rā* (н)-*olohala* (ф)-*olohana*, *olohāla* (ф+н) ‘зуд’; *ima-osima* (∅ – во втором *snore*)-*ossima*, *ohima* (ф) ‘обезьяна’; *ulima* (∅ – во втором слоге)-*unyamo* (н)-*unhamo* (н+ф) ‘год’; *ekovi* (∅)-*angohi* (н+ф)-*enyanya*, *ɛyā:yāi*, *eñeña* (н)-*enhenha* (н+ф) ‘скорпион’.

Результаты взаимодействия назализации и фарингализации бывают различными: оба процесса могут быть сосредоточены в одном и том же

слоге; в этом случае образуется (ср. *angohi* – *okwenhe*) монофонема (*ŋ*) или композита (*nh*); процессы могут быть распределены по различным слогам (*olohana*); один слог назализуется, второй фарингализуется. Рас-пределенность процессов может происходить в пределах одного и того же слога (см. *olohāla*, где начало предпоследнего слога фарингализовано, конец назализован). Наконец, возможны такие случаи корреляции обоих процессов, при которых один слог назализован и фарингализован, второй только фарингализован (см. *angohi*), или весь слог назализован, а какая-то его часть (инициаль или финаль) фарингализована (*enyuŋ*), и т.д. Иллюстрацией еще более сложных отношений между обоими процессами является серия: *ongonussi-ongolosi-gonlossi-kongolossi* ‘вечер’ (в первой форме назальный резонатор включен во время артикуляции ударного и предударного слогов, фарингализация происходит только в начале назализации; во второй назализация прекращается вместе с фарингализацией; в третьей фарингализация предваряет назализацию, фарингализация прекращается, когда начинается назализация; и наконец, в четвертой фарингализация продолжается во время назализации). Столь же многомерны и отношения между назализацией и фарингализацией в серии: *ukai-unaŋi-mukaye-n’casi-ukāyi*. Наиболее показательной является серия: *sayi(ø)-ossai, sáhi (ф)-osāyi, ossain, lofan, osanyí* ‘месяц’, поскольку три из этих семи форм зарегистрированы в одном и том же диалекте (*нано*): *sayi* – *sáhi* – *osanyí* (совр. *osāyi*), что доказывает факультативность фарингализации и назализации, а также иррелевантность их противопоставления для плана содержания; в молува этим формам соответствует *góónde*, в калЛобар – *gonde*; на фоне приведенных выше форм видно, что это тоже результаты взаимодействия назализации (см. финали слов) и фарингализации (инициали).

Сравнивая параллельные словоформы из *нано*, *молува* и *каЛобар*, можно заметить, что назализация и фарингализация происходят в них по-разному. Например, в *каЛобар* при назывании таких животных, как бык и гиппопотам, первый слог фарингализуется (*guwu, goombe*), в *молува* – назализуется (*tuwu, pombe*), в *нано* и назализуется, и фарингализуется (*o.ongebe, o.ngombe*). Есть и иные соответствия: назализация второго слога в *каЛобар* (*mámá* ‘мать’, *náandu* ‘дедушка’) и фарингализация в *молува* (*máko, náka*) при следующих соответствиях в *нано*: *máté* с назализованными обоими слогами и *kuku* с фарингализованными обоими слогами. Эти примеры свидетельствуют о взаимозаменимости и взаимодополнительности назального и фарингального обертонов, в основе соединения которых лежат пересечение и взаимосвязанность их значений: частичное сходство деривата с исходным денотатом, которое передается

с помощью фарингального обертона, во многих случаях коррелирует со значением пространственно-временной локализации явлений, выражаемым с помощью назального обертона.

Поскольку все обертоны и модулирование высоты основного тона являются языковыми средствами, используемыми для конкретизации пространственно-временных значений одних денотатов путем их соотнесения с другими денотатами, в языке возникают ситуации, когда они могут заменять друг друга (в одном диалекте используется один способ конкретизации явления, в другом – иной). Взаимозаменяемость назального и лабиального обертонов (на фоне фарингального) можно продемонстрировать посредством форм: n'combo-ohombo 'козел'; назального и фарингального (на фоне лабиального и изменения высоты основного тона или без них): ombeu-quicovo 'черепаша'; n'polo-kipala 'лицо'; n'jila-gyila 'птица'; основного и назального: ololo.gambia-olongembya 'боль'; основного и лабиального (при повышении или сохранении тона): o.szingo-ri-t'chingo 'шея'; v.imu-rimu-rivumo 'живот'; фари-назального и основного (на фоне лабиального) или назального: o.szónéna-assonena-eswenena-esuèlelela-eswèlelela-eswelelela 'слеза'; лабиального и фарингального (на фоне назального или без него): nawa-nauiñ-naha 'сводный брат'; ol.viszo-oluhiso 'клоп'; uva.hájja-huacaia 'здоровье'; wiakorpa-huacora 'тонкий'; лабиального, основного и фарингального (при повышении тона): oloisso-quiisso 'клоп'; при повышении тона, на фоне назального обертона: ólónginge, olonjinji, olo.ngyingyi 'муравей' и т.д.

Эквивалентность нескольких обертонов (назального, фарингального и лабиального) одному обертону (только назальному или только лабиальному) видна на примерах: -ноа-nhwa 'пить'; оора-óñhōра-n'gombo-o.hopa 'пупок'; kamaunã-kemála 'славить'. Иррелевантно к значению варьирование высоты основного тона в тех случаях, когда мы имеем дело с формами из различных диалектов (но не в пределах одного и того же диалекта, см. с. 157): -ноа-nua-puui 'пить'. Также может не сказываться на значениях слов из различных диалектов неидентичность тона по высоте в префиксах и суффиксах (или финалях слов); например, повышение тона в префиксе или понижение в финали корня может служить средством диалектного варьирования форм, не приводя к изменению их значений: euo-εуэ-riyo 'зуб', u.kongo-rikongo 'охотник', ekumbi-ricumbe 'солнце', epito-ribito 'дверь', imu-rimo 'живот'. Может не влиять на значение форм из разных диалектов добавление какого-либо обертона (сверх уже существующих в одном диалекте): bámbi-n'hambe 'холод, зима' (назальный обертон добавляется к лабиальному в первом слове); hombo-n'combo 'козел' (назальный обертон накладывается на фарингальный и лабиальный в

первом слоге). Не менее показательны серии: 1) *honga* ‘копье’ (фарингализация всего слова + назализация финали)-*ongería* (повышение тона в финали + фарингализация инициали + соноризация финали с образованием постфикса)-*unga* (фари-назализация финали + повышение тона в инициали) -*ewǎnga* (фари-назализация финали + лабиализация инициали)-*musongo* (назализация, лабиализация и повышение тона в инициали + фари-назализация финали); 2) *olo.nyíhi* ‘пчела’ (соноризация и лабиализация инициали + назализация центра + фарингализация финали: каждый слог произносится с обертоном, контрастирующим с обертонами остальных слогов) -*ǎlǎnyíhí* (то же + назализация финали)-*on.yíhi* (назализация инициали + соноризация центра + фарингализация финали)-*olonhi* (соноризация и лабиализация инициали + фари-назализация финали)-*ni'hique* (назализация инициали + фарингализация всего слова)-*lonhihi* (соноризация и лабиализация инициали + фари-назализация центра + фарингализация финали)-*olunyuíhi* (соноризация, лабиализация и повышение тона в инициали + назализация центра + фарингализация финали) *olunhihi* (то же + фарингализация центра).

Если обертоны противопоставлены друг другу в одном и том же диалекте, это связано с семантикой: один обертон передает одно значение, второй – иное. Иногда это имеет место, если речь идет о разных диалектах. Так, оппозиция фарингального и лабиального обертонов дает возможность построить следующие пары (основной тон при этом может либо меняться по высоте, либо оставаться постоянным) в одном и том же диалекте: *ovo.ko* ‘кисть руки’ – *ko.ko* ‘рука’ и в различных диалектах: *ovo.ko* ‘руки’ – *okuoku* ‘рука’; в одном и том же диалекте: *vi.pindi* ‘торговцы’ – *gyi.pindi* ‘рынок, торг, торговля’ и в различных диалектах: *óbólu*, *ǎwálu* ‘ноги’ – *ǎkǎlu*, *okulu*, *okuru* ‘нога’. Назально-лабиальный тон, в противовес фарингальному, представлен в паре: *uvín* ‘урод, зло’ – *uví* ‘уродство’ (здесь релевантным для значения является сила лабиализации и назализации, – ср. противопоставление долгой и короткой лабиализации в инициалах слов и оппозицию дифференцированной и недифференцированной назализации в финалях слов) – *viha* ‘злоствовать, быть уродливым’.

О взаимоотношении между высотой основного тона и фарингализацией говорят формы: *ou.kolua* ‘становиться пьяницей’ – *o.holoa* ‘пьяница’ – *u.holuhe* ‘пьянство’. Высота основного тона, фарингальный и назальный обертоны противопоставлены в сериях: *ombambu*, *bamboo* ‘бамбук’ – *kababa* ‘кедр’; *ombumba* ‘ласка (зоолог.)’ – *ka.bumba* ‘хорек’; основной тон и назальный обертон – в паре: *u.malehe* ‘юноша’ – *u.manehe* ‘мальчик’; основной и фарингальный обертоны (на фоне

варьирования высоты основного тона или при ее неизменности) – в сериях: losa ‘разновидность дерева и его плоды’ – usuã ‘дикая слива (дерево)’, osuã ‘плоды дикой сливы’; etari ‘сейчас’ – hetan ‘сегодня’. В некоторых случаях сходные по семантике оппозиции могут строиться с помощью различных формальных средств; например, в одном случае используется нисходящий тон, в другом – восходящий (от инициали к финали); ср. две пары: u.tue ‘голова’ / ritue ‘ухо’ и utwe ‘голова’ / etwi ‘ухо’.

§ 4. Заключение

1. Активизация назального резонатора в языках банту происходит по-разному, ее следствием, в зависимости от специфики произношения, свойственной данному речевому коллективу, являются такие процессы, как назализация гласных, согласных, полугласных, слогов и слов, слогообразование, пролонгизация фонем, протеза, обертонирование, озвончение, имплозия или эксплозия, увеличение напряженности согласного, аспирация, эйективация и другие. Одни из этих процессов приводят к изменению качества фонем, вторые – их количества. Поэтому в результате назализации может не только модифицироваться фонемный состав слова, но и увеличиться его длина (на согласный, гласный, полугласный или их различные последовательности). И значит, тембровый механизм, в состав которого входит назальный резонатор, можно рассматривать как генератор назальных фонем, – в частности, синкретичных гоморганных назальных согласных \mathcal{N} ; место и способ образования которых обусловлен артикуляцией их соседей. Эти преобразования затрагивают не только грамматическую периферию слова, но и его корень. В итоге однокоренные слова даже в пределах одного и того же языка могут выглядеть как относящиеся к различным словообразовательным гнездам. Еще менее они могут казаться похожими, если употребляются в различных диалектах.

2. В описанных ЯБ представлен разный набор консонантов; неодинакова ни их дистрибуция, ни условия функционирования. Отделяя специфическое от универсального, можно отметить, что общим является тот компонент артикуляционного аппарата, который отвечает за релевантность оппозиций: эксплозия – имплозия; назализация, глоттализация, веляризация, аспирация, лабиализация – их отсутствие. Оппозиции глухо-сти – звонкости; мягкости – твердости; однофокусности – многофокусности; одноударности – многоударности; ретрофлексности, ротацизма, щелкания, дрожания – их отсутствия представлены по-раз-

ному: в одних языках глухость – звонкость является дифференциальным признаком фонем, в других противопоставления согласных по глухости – звонкости отсутствуют (во всей системе или в какой-либо из ее подсистем); есть языки, где многофокусность артикуляции противопоставляется однофокусности или щелкание его отсутствию, но существуют и такие языки, которые индифферентны к этим признакам, и т.д. Поэтому представляется естественным связать с праязыком те компоненты артикуляционного аппарата, которые отвечают за назализацию, глоттализацию, веляризацию, фарингализацию, аспирацию, лабиализацию, импловизацию-эксплозивацию, а также иерархизуют артикуляционный аппарат на основании данных параметров (представляют его в виде системы устройств, каждое из которых отвечает за данный процесс), и не искать в праязыке свойств, обуславливающих дифференциацию согласных по глухости-звонкости, мягкости-твердости, месту и способу образования (с современной точки зрения).

3. Аналогично тому, как гоморганные назальные генерируются носовым резонатором (N), гоморганные ротовые (L) порождаются собственно ротовым резонатором (без активизации губ и гортанной области или при их участии). Конкретный облик этих гоморганных согласных зависит от взаимодействия органов речи, результирующегося наборами различных значений следующих признаков: латеральный-альвеолярный-дентальный, дрожащий-плавный, ротовой-носовой, одноударный-многоударный, звонкий-глухой, веляризованный-глоттализированный-аспирированный, однофокусный-многофокусный, импловивный-эксплозивный, апикализованный-ретрофлексный. Взаимодействием органов речи управляет подготовка к артикуляции последующего звука (см. произношение искомого звука в виде l перед всеми гласными, кроме u, i, в суотсвана и перед u, i подобно d или gd; как одноударного – только перед a, o, u в ламба (но не перед i, y, w); в виде многоударного дрожащего l – перед i, y в квангари и как r – перед остальными гласными; наподобие dy – перед i; dz – перед u; æ – перед велярными согласными в эвондо; l – перед i, e, с элизией перед a, o, u в суахили и т.д.) или специфика артикуляционных баз (см. в нгуни отсутствие r в исконно бантуских словах – в противовес центральным диалектам шона, в которых нет, наоборот, l и т.д. по языкам).

Общим для этих закономерностей является установление зависимости между обликом неназального сонанта (в виде l, r или иных фонем) и продвижением вперед-назад артикуляции при подготовке к произношению следующего звука, т.е. гоморганность L относительно места образования гласного. Поэтому в прабанту можно зафиксировать существование

синкретичного неназального сонанта (условно *L), конкретный облик которого в каждом контексте (l, ł, r, r, rʏ, d, gd и т.д.) определяется степенью продвинутости органов речи при подготовке к произношению следующего звука (гласного). Дифференциация синкретичного неназального на различные фонемы и закрепление за каждым языком своего набора аллофонов (фонем l, ł, r, r, rʏ, d, gd), как это следует из несовпадения результатов происшедшей эволюции, формировались после филиации протосистемы. Параллельно этому шла и узуальная спецификация особенностей произношения (органов речи), в силу которой члены каких-то речевых коллективов не выговаривали r, или заменяли многоударные звуки одноударными, или начинали произносить их только на выдохе, и т.п.

4. О такой же полифункциональности, синкретизме, гоморганности артикуляции говорят материалы по остальным согласным. Так, во многих языках фиксируется зависимость формирования облика губных звуков от характера артикуляции их соседей справа (в виде лабиодентального удлинителя гласных или полугласного w перед o, и; как b перед w и β перед остальными гласными в квангари, а также b, β, w, bw, uw, fw в языках зоны M, и т.д.). Эти и многие другие примеры говорят о том, что конкретная форма согласного, порождаемого передней частью тембрового механизма (лабиализатором), так же, как и форма согласного, генерируемого средней частью ротового резонатора или назализатором, обуславливается позиционными факторами, т.е лабиальный согласный (B) также является гоморганным и его облик определяется артикуляцией соседней (справа) фонемы. Не меньшую роль в этой гоморганике играет корреляция ротового резонатора с назализатором. Например, во всех языках банту, где есть оппозиция имплозивных и эксплозивных согласных, имплозия соотносится с пассивным положением носового резонатора, эксплозия – с активным (следствием этого является превращение $b \rightarrow b$, $d \rightarrow d$, $g \rightarrow g$, например, в инициалах основ, когда они подвергаются назализации или соединяются с префиксами, выраженными назальными согласными).

5. Столь же отчетливым является гоморганный характер артикуляции звуков, порождаемых задней частью тембрового механизма (H) – фаринксом, ларинксом, велюмом и глоткой (гортанью),* – см. артикуляцию

* Ср.: "...на основании рассмотренного выше ряда соответствий можно с известной долей вероятности предположить наличие в индоевропейской системе поствелярного ряда смычных, члены которого в дальнейшем совпадают с рефлексам велярного ряда или вовсе теряются в ряде индоевропейских диалектов" [12,1:132]. "В этот ряд входят смычные фонемы, определяемые традиционно как "велярные". Судя

различных многофокусников с велярным компонентом во многих языках банту, превращение лабиальных полугласных в лабиовелярные, противопоставление так называемой задней и передней лабиализации, модификацию гласных и согласных (углубление, эйективацию, аспирацию, спирантизацию, апиализацию согласных, появление у них второго фокуса, возникновение фонем и слогов) и другие явления, возникающие вследствие активизации какой-либо зоны задней части ротового резонатора. Как и в рассмотренных выше ситуациях, здесь возникают двусторонние зависимости: с одной стороны, "заднетембровые" согласные влияют на своих соседей справа и углубляют их артикуляцию и, с другой стороны, конкретный облик "заднетембровой" фонемы зависит от характера артикуляции ее соседа слева (ср. "левую" гоморганность синкретичной фонемы *Н и "правую" гоморганность фонем *В, *L, *N). Рассмотренные выше материалы показывают, что все согласные, которые мы реконструируем для прабанту, обладают синкретизмом, позволяющим им принимать различные облики в зависимости от обстоятельств – артикуляции соседних звуков (слева или справа).

6. Все существующее в современных языках множество консонантов и их систем может быть порождено описанной выше регистрово-тембровой моделью, однако это же многообразие показывает, что модель, использованная для описания фактов праязыка, является абстракцией от времени существования прабанту; как и сам праязык, она должна была эволюционировать вместе с ним. Кроме статических признаков, зафиксированных ранее для праязыковой модели, можно отметить также динамический признак, который позволяет представить, как осуществлялась эволюция праязыка в языковые системы, которые представлены в наши дни. Этот признак можно выделить на основании предположения о существовании процесса де-синкретизации фонем,* т.е. дифференциации синкретичных фонем на отдельные фонемы, прежде функционировавшие в виде вариантов,

по рефлексам фонем этого ряда в исторических индоевропейских языках, эти индоевропейские фонемы могут быть фонетически охарактеризованы как заднеязычные, артикулируемые примерно в зоне произнесения смычных k, g, т.е. при смычке спинки языка и передней части мягкого нёба (velum palati)" [13,1: 82].

* Ср.: "Расщепление второй серии индоевропейских смычных на чистую звонкую и звонкую придыхательную в древнеиндийском должно было способствовать аналогичному расщеплению серии III индоевропейских смычных на глухую чистую и глухую придыхательную [13,1: 54].

зависящих от позиционных условий.* Эти изменения вызываются перестройкой исходной (праязыковой) регистрово-тембровой модели в кон-сонантивокалическую:** угасание прежних регистрово-тембровых

* "Наличие в хеттском особого ряда лабиализованных велярных фонем в дописьменный период его развития видно из таких стабильных сочетаний велярный+лабиальный, как в фонемах *kuiš* при *kuiški*, с диссимилятивной утерей лабиального элемента, ср. лат. *quisque*, а также в отдельных фактах написания лабиализованных последовательностей типа *-kw-* в форме *-uk-*, ср. *e-uk-zi* (K.UV XX 53 У 6, 10) при обычном *e-ku-zi* (то есть *ek^w-zi*) и др." [13,1:88]. "Наконец, в некоторых случаях индоевропейские лабиовелярные фонемы в исторических языках, в частности в греческом, дают отражение в виде лабиальных монофонема *b*, *ph* и *p* (соответственно из индоевропейских лабиовелярных **k*, **g^{[h]o}*, **k^{[h]o}*), в чем также проявляется монофонематический характер постулируемых индоевропейских лабиовелярных: признак лабиализации превращается в самостоятельную фонему – звонкую, глухую или придыхательную в зависимости от признака при велярном компоненте индоевропейской смычной фонемы, то есть с сохранением в возникшей фонеме этого признака исходной фонемы и утерей признака велярности" [13,1: 88]. "Такое развитие индоевропейских лабиализованных велярных **k^o*, **g^{[h]o}*, **k^{[h]o}* соответственно в **b*, **p^h*, **p* (ср. греч. *βαίνω* 'иду' при др.-инд. *gácchati* 'он идет', гот. *qiman* 'идти'; греч. *βοῦς* 'бык' при др.-инд. *gáu-* 'корова', 'бык'; греч. *φόνος* 'убийство', при др.-инд. *hánti* 'поражает', 'убивает'; греч. *πότερος* 'который из двух', др.-инд. *katará* – 'который из двух') сравнительно поздний факт в истории фонологического развития греческого. Греч. *β*, *φ*, *π* возникают из более ранних рефлексов указанных индоевропейских фонем, давших соответственно формы *g^w*, *k^{hw}*, *k^w*, засвидетельствованные еще в микенском греческом: ср. микен. греч. *qo-u-ko-ro* при греческом *βουκόλοι* 'пастухи', *βοῦς* 'бык'; мик. греч. *qe-to-ro-* 'четыре' при лат. *quattuor*... Развитие индоевропейских лабиовелярных в греческом (исключая позиции палатализации) можно представить в виде перехода и.-е. *k^o*, **g^{[h]o}*, **k^{[h]o}* → греч. *g^w*, *k^{hw}*, *k^w* → *β*, *φ*, *π*" [13,1 :88]. "Аналогичный переход индоевропейских лабиовелярных наблюдается в итальянском и, отчасти в кельтском. Индоевропейские велярные **k/*k^{[h]o}*, **g^o/*g^{[h]o}* и **k^o* отражаются в кельтском соответственно как **k*, **g* и **b*... Аналогичное отражение глухого лабиовелярного **k^{[h]o}* в виде фрикативной лабиальной фонемы наблюдается в отдельных случаях и в германском (гот. *fimi* 'пять', ср. лат. *quinque* < **p^{[h]enk^{[h]o}e}*; др.-инд. *ráñsa*") [13,1: 89].

** В соответствии с предположением Ван Гиннекема, Г.Хьюса, Ч.Хоккета, Р.Стопы и других лингвистов и антропологов, экспираторные консонанты современных языков являются вторичным образованием, развившимся из кликсоблоков, т.е. кликсов, связанных с некоторыми гуттуральными согласными. По этой гипотезе из лабиальных кликсоблоков развились лабиальные согласные, из дентальных – дентальные, экспираторные велярные появились в результате эволюции эйективных велярных. Другими словами, регистрово-тембровой модели, использующей энергию воздушной струи, должна была предшествовать мускульно-воздушная модель, производившая кликсы на основе только мускульных усилий и эйективных велярных с участием воздушной струи (см. табл. 7). Если считать, что при развитии артикуляции происходит ее упрощение за счет исчезновения одного из компонентов движения органов речи при

различий постепенно приводит к тому, что наиболее значимой при артикуляции звуков становится манипуляция не резонаторными пространствами а отдельными органами речи. Самым активным оказывается наиболее подвижный орган – язык.

Благодаря усилению его активности происходит все более детальная дискретизация звуков (см. губно-зубные, зубные, альвеолярные, губные с дополнительной дентальной артикуляцией и т.п.), наиболее важной характеристикой фонем становятся место и способ (а не регистр-тембр) их образования. От регистрово-тембрового аппарата сохраняется только степень напряженности артикуляции (наибольшую напряженность создает

сохранении остальных компонентов (см. примечание "***" на с. 170), то превращение мускульных движений в мускульно-воздушные (см. табл. 7) должно было привести к преобразованию лабиальных кликсов в лабиодентальные и билабиальные (движения губ и языка друг относительно друга сохраняются, движение языка для открытия преграды исчезает и заменяется действием легких) согласные, дентальных кликсов – в дентальные, альвеолярных – в альвеолярные, церебральных – в церебральные, палатальных – в палатальные, ретрофлексных – в ретрофлексные, латеральных – в латеральные в силу сохранения гоморганики, т.е. $\Theta \rightarrow b, b', p, p', f, pf, v, vh$ и т.д.; $/ \rightarrow d, d', t, t', tr$ и т.д.; $\neq \rightarrow \mathring{d}, \mathring{t}, \mathring{z}, \mathring{s}, \mathring{t}\mathring{s}, \mathring{d}\mathring{z}$ и т.д.; $! \rightarrow y, \mathring{j}, \mathring{t}\mathring{j}, \mathring{j}, r$; $// \rightarrow l$; $/// \rightarrow r$. Аналогично лабиовелярные мускульные должны были результироваться лабиовелярными мускульно-воздушными (ω). Описываемый этап языкового развития в банту, как это следует из экспонируемых материалов, соотносится с ситуацией "после такого перехода", если он имел место. Эта оговорка вызвана следующим соображением. Параллельно ряду кликсов $/, \neq, !, //, ///$ в банту существует ряд спирантов $d-d-y-l-r$ или их аллофонов. Эти спиранты взаимозаменяемы друг с другом в определенных позиционных условиях (см. с. 105), и значит, возводятся к одному и тому же звуку, дифференцировавшемуся в зависимости от позиции на перечисленные выше разновидности. Поэтому если считать спиранты развитием кликсов, возводить их нужно не к пяти различным кликсам, а к одному: дифференциация этого единого "лингвального" кликса на пять разновидностей в этом случае может рассматриваться как факт параллельного развития: одни языки шли по пути дифференциации кликсов, иные – спирантов. Поэтому в качестве исходных придется признать два кликса: лабиальный и "лингвальный"; последний дифференцировался на латеральный и дентальный (ср. ситуацию с тремя кликсами $\Theta, //, /$ у приматов, – см. с. 236), а тот эволюционировал в $\neq, !, ///$. Возможность этой "собственно человеческой" эволюции можно объяснить, исходя из различий в устройстве языка как органа речи у человека и приматов (ср.: "анатомическое строение органов речи, в частности языка, совершенно различно у бабуинов, шимпанзе и людей" [27:57]). Особенно важными в этом контексте являются эксперименты проф. де Люмлея по моделированию с помощью ЭВМ анатомических структур органов речи у различных гуманоидов для генерации с их помощью различных звуков; например, оказалось, что артикуляционная база тотавельского гуманоида дает возможность порождать различные варианты гласного e (но не o, u) и т.д.

активизация назализатора, менее регулярно и сильно действует "задне-ротовой резонатор, еще слабее – лабиальный и, наконец, практически пассивным оказывается "среднеротовой" резонатор)*. Соответственно распределяются в современных грамматиках языков банту и классифицируются согласные. Консонантные системы все сильнее расширяются за счет представления средней части ротовой полости в виде уплотняющегося множества точек. Иные части ротовой полости (губы-глотка) начинают все чаще играть роль неподвижных ориентиров, относительно которых движется язык. Дентальная часть спектра согласных возрастает,** глоттальная сокращается*** (см. приведенные в [82] две таблицы консонантизма в нано по материалам XIX в. и в наши дни).

* "Таким образом, следует допустить перестройку индоевропейской системы акцентуации с интенсивного динамического ударения в систему с весьма слабым по интенсивности ударением, не обуславливающим изменения в вокалическом составе акцентуированных фонем. Вместе с тем это явление можно было бы объяснить перестройкой системы динамического ударения в систему тоновых различий со слабой интенсивностью слогов, находящихся под тоном, что не должно было вызывать редукции безударных слогов. В пользу тональной интерпретации позднеиндоевропейской системы акцентуации свидетельствуют исторические рефлексы этой системы в целом ряде индоевропейских диалектов: древнеиндийская..., древнегреческая... и балто-славянская... системы акцентуации характеризуются, как известно тоновыми различиями, следы которых косвенно отражены и в германском, в типологически связанном с тоном явлении озвончения фрикативных согласных в древнем предтоновом положении, описываемом "законом Вернера" [13,1 :195].

**Ср.: "Система сибилантных фонем в индоевропейском реконструируется традиционно в виде единственной сибилантной фрикативной фонемы *S" [13,1:116].

*** Ср.: "Такой переход реализованных согласных в соответствующие звонкие смычные, наблюдаемый в ряде языков, может найти фонетическое оправдание в характере глоттализированных звуков, произносимых с гортанной артикуляцией, которая выражается в полном смыкании голосовых связок. Гортанная артикуляция характерна и для звонких смычных, что проявляется в вибрации сближенных или сомкнутых голосовых связок. При взрыве глоттальной смычки во время фонации глоттализированных, в частности перед гласным, может возникнуть кратковременная вибрация (размыкание после смыкания) голосовых связок, характерная для фонации звонких звуков. При продолжении периода сопутствующей вибрации во время артикуляции глоттализированных может возникнуть соответствующий звонкий преглоттализированный (или звонкий ларингализированный, как в хауса) звук, характеризующийся в целом артикуляционными признаками глоттализированного звука. Примечательно, что на шкале состояний гортани при фонации глоттализированные стоят ближе к звонким, чем к глухим... По новейшим общefonетическим описаниям предполагается, что звонкие звуки и звуки с глоттальной артикуляцией (ларингализированные), в том числе смычногортанные-глоттализированные, являются близкородственными звуками, входящими в один "естественный

Соответственно строится описание консонантных систем: не в терминах регистрово-тембровых оппозиций, а на основании противопоставлений по ряду-месту образования (см. таблицу 2) и по степени напряженности. В частности, по степени напряженности согласные и кликсы распределяются на пять групп: 1) наиболее напряженные – назальные; 2) аспирированные; 3) эйективные и некоторые аффрикаты; 4) фрикативные, свистящие, дрожащие, шипящие; 5) смычные, назальные сонанты, глоттальная смычка. Например, в суто_ю [95: 3]: 1) наиболее напряженные (m-n-ny-ŋ); 2) аспирированные (ph-th-ʃh-kh); 3) эйективные (p'-t'-tʃ'-k') и аффрикаты (ts, pʒ, tlh); 4) фрикативные, свистящие, шипящие, дрожащие (f-r-ʃ-h, а также s, fʃ, hl); 5) b-1, d-j-(ʻ), bj. Имеющийся в суто_ю церебральный клике попадает в 3-ю группу (вместе с эйективными и аспирированным латеральным), аспирированный вариант кликса как его более напряженный аллофон – во 2-ю, а назализованный вариант – в 1-ю. Степень напряженности согласного определяет его длительность. Так, в суахили наибольшая длительность регистрируется у носовых, затем следуют глухие щелевые и глухие смычные: "придыхательные согласные имеют гораздо большую длительность, чем непридыхательные" [42: 362], "длительность придыхательных смычных в большинстве случаев превосходит длительность щелевых смычных согласных, но не превышает длительность носовых" [42: 363]. Из носовых наибольшую длительность звучания имеет согласный пу, из придыхательных – k^h.

класс" звуков. Эти звуки фонетически значительно ближе друг к другу, чем звуки с глоттальной артикуляцией и глухие. Показательно, что во многих языках совершенно различных систем обнаруживаются соответствия глоттализированных согласных, смычных и аффрикат, звонким (в том числе преглоттализированным) звукам – смычным или спирантам" [13,1:51].

Консонантизм мбунду по Кёлле (XIX в.)
[82:104]

Таблица 5

		билабиаль- ные	лабиоден- тальные	дентальные	альвеоляр- ные	постальвеоляр- ные	палатальные	велярные	глоттальные (глотт.)
Взрывные	глухие	p		t				k	
	звонкие	b		(d)				(g)?	
	глухие наз.							ŋk	
	звонкие наз.	mb		nd				ŋg	
	глухие лаб.							kw	
	звонкие наз. лаб.	mbw?						ngw	
Фрикативные и полуглас- ные	глухие		f		s	ʃ			h
	звонкие		v		z		j	w	mh?ŋh
	глухие наз.								hw
	глухие лаб.								
Аффрикаты	звонкие				dz?	dʒ			
	звонкие наз.					ndʒ			
Назальные	звонкие	m		n			ɲ	ŋ	
	звонкие лаб.	mw							
Латеральные	звонкие			l					
Круглые				r					

Современная система согласных в мбунду, [82:103]

Таблица 6

		билабиаль- ные	лабиоден- -тальныс	дентальные	альвеоляр- ные	постальве- олярные	палаталь- ные	велярные	гutturальные (глотт.)
Взрывные	глухие	p		t				k	
	звонкие назальные	mb		nd				ŋg	
	глухие лабиальные								
	звонкие назальные и лабиальные	(mbw)						(ŋgω)	
Фрикативные и полугласные	глухие		f		s				h
	звонкие		v				j	w	
Аффрикаты	глухие					tʃ			
	звонкие назальные					ndʒ			
Назальные	звонкие	m		n			h	ŋ	
	звонкие лабиальные	(mw)						(ŋw)	
Латеральные				l					

Классификация звуков человеческой речи [127] по силе толчка и движению речевых органов

Таблица 7

Движение органов речи			Сила толчка							
			Мускульные (нереспирационные)		Мускульные воздушные		Респирационные (спиранты)			
			9	10	11	12	активно респират.		пассивно респираторные 13	
			Интраверты	Экстраверты	Депрессанты	Компрессанты	вдох	выдох		
			9	10	11	12	Инспираты	Экспираты	Экспираторно-мускульные	
8	абруптивные	кликсы (исполные, т.с. с передней релизой)	кликсы # альвеол. ! палат.							
7	трактивные		○ лабиальн. / дент. // латер. /// ретроф- лксные	/ дент., направ- ленные наружу						
6	инъективные	йективные			имплозивные h, ð, ʒ, ɣ					
5	эйективные				эйективные p', pʰ, t', ts', s', t', k', kx'					
4	дизъективные		лабио- влярные (k)p,(g)b,ɰ							m, n, ŋ
3	эмфатичес- кие	обструк- тивные						p, t, s		
2	звонкие							i, c, a, o, u, l, r, b, d, g, v, z, dz		
1	глухие								p, f, t, s, ts, k, x	

1. Преграда вызывается смыканием или сближением органов речи в ротовой полости. 2. Дополнительная преграда вызывается сближением голосовых связок. 3. Спинка языка поднята к встому. 4. Губы или голосовые связки взаимодействуют. 5. Ларинкс движется вверх. 6. Ларинкс не движется вниз. 7. Вдывающее движение языка. 8. Движение языка, отскакивающего от неба или альвеол. 9. Движение языка внутрь ротовой полости вызывает открытие силой мускулов. 10. Движение языка снаружи ротовой полости вызывает открытие силой мускулов. 11. Задержка воздуха между прикрытой голосовой щелью и ротовой преградой плюс сила мускулов, вскрывающая преграду. 12. Компрессия воздуха между голосовой щелью и ротовой преградой плюс сила мускулов, вскрывающая преграду. 13. Вдох или выдох через нос и открытие ротовой преграды

1. В предыдущих главах артикуляционный аппарат предков современных бантуязычных народов был охарактеризован как регистрово-тембровый механизм, состоящий из семи жестко фиксированных относительно друг друга блоков: имплозиватора (устройства вдыхания воздуха), эксплозиватора (устройства выдоха), регулятора степени раствора речевого канала, назализатора, лабиализатора, глоттализатора и «нейтрализатора» (резонатора в центральной части ротовой полости), а также одного подвижного относительно этих блоков органа речи — языка. Предложенная модель в зависимости от состояния регистрового блока (положения регулятора раствора речевого канала) является генератором гласных (например: *i* — самая узкая щель, самое верхнее положение; *a* — средняя щель, самое нижнее положение; *u* — самая широкая щель, самое верхнее положение), и в зависимости от характера активизации резонаторных пространств — генератором согласных *N*; *B*, *H* и *L* (соответственно: назальных, лабиальных, гортанных и ‘центральных’). При взаимодействии резонаторных блоков друг с другом и с регистровым блоком каждый исходный согласный может результироваться многообразием консонантов; например, исходный согласный *n*. (‘манифестируется посредством гоморганных фонем *m*, *n*, *ny*, *ŋ*) (артикуляция каждой из этих фонем зависит от подготовки языка к произнесению последующего звука), согласный *B* — посредством гоморганных *w*, *w̥*, *b*, *b̥*, *β*, *v*, *p*, *f*, *bw*, *pf* и т.д. (конкретный тип артикуляции также обуславливается подготовкой к произнесению следующего звука, но дифференцируются разновидности подготовки не только по положению языка, но и по степени раствора речевого канала, степени активности губ и силы эксплозии-имплозии), согласный *H* — посредством гоморганных *g*, *k*, *γ*, *x*, *h*, *h̥*, *ɸ* (артикуляция

определяется подготовкой к произнесению соседа справа и слева, а также взаимодействием с другими регистрово-тембровыми блоками, особенно с назализатором), согласный L — посредством гоморганных фонем l, ł, r, r, tl, dl, tr, t, d, ʈ, ɖ, y (в зависимости от положения регулятора раствора речевого канала и узусных движений языка).

Множество фонем, порождаемых темброво-регистровым механизмом, увеличивается за счет симультанного взаимодействия блоков; например, синхронизация активности среднего и заднего резонаторных пространств дает возможность генерировать звуки типа tlh, thi, gɖ, rɣ, hr, kr, s, z, dz и т.п., при совместном включении переднего и заднего резонаторных блоков* возникают такие лабиовелярные звуки, как ɔ̃, kɔ̃, gɔ̃; синхронизация всех трех резонаторных пространств результируется звуками hlɔ̃, tlɔ̃h, gɔ̃r, klɔ̃ и многими другими,** в том числе, кликсами. Объединение

* “Фонологический признак ‘лабиализации’ может проявляться фонетически как в виде интенсивного огубления и качестве дополнительной артикуляции согласного, так и в виде веляризации или фарингализации соответствующего согласного, что автоматически вызывает слабое артикуляторное огрубление. Согласно выводам Якобсона, Фанта, Халле 1962, ‘лабиализация’ и ‘фарингализация’ являются вариантами одного и того же дополнительного фонологического признака. Характерно, что лабиализация и веляризация а, возможно, и фарингализация не выступают вместе в качестве независимых дистинктивных признаков. Эта особенность признака лабиализации, выступающего в двух различных фонетических вариантах, может объяснить целый ряд преобразований ‘лабиализованных’ согласных в исторических языках” [13,1:83].

“Так называемые ‘эмфатические’ согласные, характеризующиеся в исторических семитских языках признаком фарингализации..., интерпретируются для периода семитской языковой общности (а возможно и позднее) именно как глоттализированные... Переход в семитском глоттализированных фонем в соответствующие ‘эмфатические’ (фарингализированные) сопоставим с элиминацией серии глоттализированных в индоевропейских диалектах путем озвончения глоттализированной серии или элиминации признака глоттализации” [13,1:137]. “Характерно, что при артикуляции эмфатических согласных в некоторых современных арабских диалектах, в частности в египетском арабском, наблюдается сопутствующее огубление” [13,1:138].

** “Гармоничными комплексами депессивного ряда являются двухэлементные комплексы согласных с начальной смычной и последующим гомогенным заднеязычным смычным или спирантом...: by, dy, px, tx, p'q', t'q'” [13,1:255]... “гармоничные комплексы депессивного ряда можно интерпретировать как унитарные консонантные фонемы с некоторым фонологически релевантным признаком веляризации, который при расщеплении соответствующих фонем дает заднеязычные смычные или спиранты. Аналогично этому, комплексы типа C+w следует рассматривать для раннего общекартвельского уровня как лабиализованные согласные, претерпевшие в дальнейшем фонемное расщепление и превращение в бифонемный комплекс Sw (то есть согласный плюс сонант w). Такое развитие, предполагаемое для пракартвельских лабиализованных, можно сопоставить с аналогичным развитием постулируемых лабиализованных фонем в индоевропейском” [13,1:256].

с назализатором дает полифонемы $\eta g s$, $\eta g q$, $\eta g \omega$, $\eta g \omega r$, $r \ddot{o} \eta$, $l \omega \eta$ и т.п. Если этот процесс сопровождать попеременной многократной активизацией импловизатора и регулятора раствора речевого канала, указанные полифонемы представляются соответственно такими цепочками звуков, как $\eta g t s w a$, $\eta g k w a$, $\eta g w a$, $n g w a r a$, $n g w a l a$, $l o n g o$, $h l w a n g a$, $r o n g o$, $k r o n g o$ и т.д.*

2. В качестве главной эволюционной тенденции, обуславливающей развитие праязыкового регистрово-тембрового механизма в современный была зафиксирована де-синкретизация фонем (тенденция к превращению синкретичных полифонем в монофонемы). Так, в результате многовекового постепенного действия этой тенденции лабиовелярный (глоттальный) дрожащий многофокусник мог дифференцироваться на фонемы r , r , tr , l , l , hl , dl , g , γ , h , $к$, $'$, j посредством процессов $gwr \rightarrow gw$, wr , $r\gamma \rightarrow g$, r , γ , \ddot{o} ; $hlw \rightarrow hl$, $l\omega \rightarrow h$, l , lw ,** и т.д. или

* 'Дело в том, что утерю признака лабиализации в определенной группе индоевропейских диалектов при лабиовелярных фонемах легче объяснить с учетом типологических данных диахронической фонологии, чем появление лабиального элемента в соседстве с велярной фонемой в качестве одного из ее признаков или независимой фонемной единицы в последовательности. Не представляется возможным объяснить естественным путем появление такого элемента при рефлексах индоевропейских велярных, тогда как утеря дополнительного признака, модифицирующего основной ряд велярных, легко объяснима и может быть иллюстрирована на достаточно большом типологическом материале (ср. развитие лабиовелярных в дардских, кафирских ... и африканских языках...)' [13,1:91].

**Ср.: 'Уже позднее, в период независимого, обособленного существования отдельных centum-ных языков, происходит дальнейшая перестройка системы велярных с утерей фонетически нестойкого лабиовелярного ряда в силу универсально значимой тенденции к элиминации маркированного ряда в системе. В греческом такая элиминация лабиовелярного ряда, характерного для греческой системы еще в микенскую эпоху..., происходит путем преобразования фонем этого ряда в лабиальные смычные β , ϕ , π или в дентальные смычные δ , θ , τ в позициях палатализации. В кельтском аналогичная тенденция приводит к частичному слиянию лабиовелярного ряда с чистым велярным, к переходу глоттализованного $*k^{o} \rightarrow b$ и $*k^{[h]o} \rightarrow p$ в определенном ареале кельтских диалектов... Аналогичное развитие наблюдается и в оскско-умбрском, где италийские лабиовелярные дают лабиальные фонемы с полной элиминацией маркированного лабиовелярного ряда; тенденция к преобразованию лабиовелярных в лабиальные прослеживается в отдельных диалектных формах латинского языка типа $b\ddot{o}s$ 'бык', $lupus$ 'волк'. Аналогичная тенденция обнаруживается и в германских формах типа гот. $fimf$ 'пять', $wulf$ 'волк', $af-lifnan$ 'оставаться' (с позднейшей прогрессивной ассимиляцией). В отличие от этого, в другой группе centum-ных диалектов позднейшая элиминация маркированного лабиовелярного ряда осуществляется путем разложения его на собственно велярный и лабиальный элемент - $w/-u-$ в функции сонанта или гласной. Такое 'упрощение' лабиовелярного ряда, происшедшее, очевидно, независимо друг от друга в сравнительно поздний период истории каждого из этих диалектов, наблюдается в хеттском и тохарском, отчасти в греческом...' [13,1:410].

с образованием слогов на базе лабиовелярного полугласного: gōr->gor, gur, gwor, gwog, kwor и т.д.*

Основным инструментом образования согласных, как это следует из представленных выше материалов, является подвижный орган речи — язык. Регистрово-тембровый механизм постепенно превращается в аппарат, доминантой деятельности которого становится противопоставление звуков по месту (внутри ротовой полости) и способу образования (в зависимости от того, какой орган речи участвует в процессе артикуляции). От регистрово-тембрового механизма сохраняются отдельные характеристики, свидетельствующие обо всё угасающем действии назализатора, лабиализатора и фарингализатора. Это сказывается на том, что назализация, аспирация, веляризация и лабиализация всё больше уходят на периферию фонологических систем и всё чаще воспринимаются как факультативные или диалектные признаки фонем. Фактически только степень напряженности артикуляции, определяющая иерархизацию консонантных систем, остается единственным “живым” признаком, поддерживающим регистрово-тембровую традицию.

3. Обращаясь к ретроспекции праязыкового механизма и отталкиваясь от постоянно присутствующей в эволюции языков банту тенденции к дифференциации синкретичных элементов на компоненты менее сложной артикуляционной структуры, можно предположить, что в предыстории к охарактеризованному выше регистрово-тембровому механизму находится еще более синкретичное устройство; различению тембров (условному делению речевого аппарата на четыре тембровых блока) предшествовал их синкретизм: сначала произошло отделение назализатора от ротового резонатора, затем единый до этого ротовой резонатор стал члениться на две зоны — центральную и краевую. Бинаризация краевой зоны снова на две привела к выделению еще двух самостоятельно резонирующих

*Ср.: ‘Вокализация рефлексов слоговых сонантов с окраской тембра и в соседстве с фонемами, восходящими к индоевропейским лабиовелярным в некоторых satam-ных языках, является прямым отражением признака лабиализации при соседней согласной фонеме. Это дает основание считать лабиовелярный ряд наличествовавшим в системе satam-Нвix диалектов и противостоявшим собственно велярному ряду еще в период вокализации слоговых сонантов. Такой след признака лабиализации при смычных фонемах можно усмотреть в древнеиндийских формах типа gūrtá- ‘желанный’ (из *k’^ort[h]-), ср. лат. grātus ‘приятный’, оск. brateis; др.-инд. gurú- ‘тяжелый’ (из *k’^oṛgu-), ср. лат. grauīs, греч. βαρύς ‘тяжелый’... Довольно ясные примеры аналогичной вокализации слоговых сонантов обнаруживаются в иранском: авест. ruxda- (из *pṛk^oto- ...), ср. греч. πέμτος ‘пятый’, оск. promptis ‘quinqüies’, а также лит. kùmsté <* kùmpstè <* pumk^oste ‘кулак’ [13,1:413].

подпространств: губного и гортанного.* В итоге начали функционировать четыре отдельных резонатора, о которых шла речь выше.

Соответственно шел процесс дифференциации полифонем: этапу различения четырех поликонсонантов \mathcal{N} , \mathcal{B} , \mathcal{H} и \mathcal{L} должен был предшествовать этап синкретичности 'краевой' фонемы \mathcal{CO} в противовес центральной фонеме \mathcal{L} , этой эпохе — период синкретизма всех ротовых ($\mathcal{B}+\mathcal{H}+\mathcal{L}$) фонем и генерация единой ротовой фонемы ($\mathcal{R}=\ddot{\omega}+\mathcal{L}$), противопоставляемой единой же носовой фонеме \mathcal{N} . Доводя этот процесс до 'логического начала', можно отметить, что этапу деления консонантизма на две полифонемы (назальную и неназальную, или ротовую) должен был предшествовать этап синкретизма единственно существовавшей консонантной фонемы ($\mathcal{K}=\mathcal{N}+\mathcal{R}$) — как результата генерации тембрового механизма в противовес вокалической полифонеме, порождаемой регистровым механизмом. Начальной точкой этого процесса является ситуация существования единого регистрово-тембрового аппарата, создававшего синкретичные звуки, не дифференцируемые ни по одному из перечисленных выше признаков. Выделение такого параметра звука, как тембр, в противовес регистру, привело к представлению речевого аппарата в виде двух подсистем: регистровой (\wedge) и тембровой (\mathcal{K}); это явилось основой оппозиции вокализма и консонантизма.

Параллельно тому, как тембровая подсистема проводила дискретизацию тембрового пространства и формировала иерархию $\mathcal{K}\rightarrow\mathcal{N}-\mathcal{R}\rightarrow\mathcal{N}+(\mathcal{R}\rightarrow\mathcal{L}+(\ddot{\omega}\rightarrow\mathcal{B}+\mathcal{H}))$ блоков \mathcal{N} ; \mathcal{L} , \mathcal{B} , \mathcal{H} , вокалическая развивалась во время дискретизации регистрового пространства путем фиксации все большего количества положений регулятора раствора речевого канала. Этот процесс начался с противопоставления открытого (гласные) и закрытого (согласные) состояния регулятора. Конкретное положение открытого регулятора оставалось при этом irrelevantным к процедуре порождения звуков и вследствие этого генерировалась единая вокалическая фонема \wedge (в противовес консонантной \mathcal{K}). Затем стали фиксироваться два открытых состояния регулятора: самое открытое и любое другое (ср. противопоставление а остальным гласным). Самым открытым было среднее нижнее положение. Для его фиксации в языковом сознании потребовалось ввести оппозицию: горизонтальное движение — вертикальное и начать мысленно градуировать обе оси (разделить горизонталь на две точки: центр-периферия, периферию — на переднюю и заднюю

*Ср.: "При исследовании древнейшей системы индоевропейских грамматических категорий (флексионных и деривационных) нетрудно установить явные черты бинаризма, пронизывающего всю индоевропейскую языковую систему, как грамматическую, так и лексико-семантическую" [13,1:267].

части, в результате образовалось тернарное противопоставление: переднее-среднее-заднее положение; дробление по вертикали началось с фиксации противопоставления исходной нижней точки и противоположной ей — (верхней). Благодаря этому компонент ‘не-а’ в оппозиции ‘а-(не-а)’ развился в противопоставление *i* (передняя часть горизонтали, верхняя точка вертикали) — и (задняя часть горизонтали, верхняя точка вертикали). Дальнейшая дискретизация вертикальной оси привела к фиксации средне-высокого положения (между точками артикуляции *i-u-a*), дробление горизонтальной оси — к выделению пространства ‘перед а’ и ‘сзади а’ с соответствующим делением каждого из этих пространств пополам. Так сформировались области артикуляции *e*, *o* и т.д., — вплоть до выделения 5, 7, 9 и 11 гласных, представленного в современных банту.

Как следует из описанной выше гипотетической схемы, процесс развития артикуляции начался с произнесения синкретичного звука, не дифференцированного на гласный и согласный *k*, затем в результате различения регистровых и тембровых возможностей речевого аппарата образовались две подсистемы: одна (регистровая) отвечала за производство синкретичного гласного (\wedge), вторая (тембровая) — за генерацию синкретичного согласного (*K*), и т.д. в соответствии с описанной выше картиной. В общем виде процедуру де-синкретизации консонантно-вокалических систем можно зафиксировать как цепочку следующих этапов: $k \rightarrow (\wedge \rightarrow (a + (\Gamma a \rightarrow i + u))) + (k \rightarrow N + (R \rightarrow L + (\ddot{o} \rightarrow V + H)))$, осуществлявшихся благодаря постепенному иерархическому вычленению в составе речевого аппарата пяти блоков (одного регистрового и четырех тембровых). Этому процессу предшествовал этап дифференциации эксплозии и имплозии как факторов, приводящих в движение весь механизм.

4. В силу принципа параллелизма, действие которого наблюдается во всех языках, естественно предположить, что синкретизм субстанции плана выражения сопровождался синкретизмом субстанции плана содержания. Параллельно тому, как осуществлялась де-синкретизация (дифференциация) означающих, должен был идти процесс развития означаемых: от аморфного значения, имеющего глобальную сферу употребления, к фиксации сначала двух областей, противопоставляющих две (и только две) семы, затем к дифференциации каждой из этих сем на следующие две, и т.д. Поэтому генеративный механизм, отвечающий за эволюцию языковых значений и порождение семантики как субстанции плана содержания можно описать аналогично аппарату порождения субстанции плана выражения. Результат соотнесения обоих генеративных механизмов интерпретируется как фиксация эволюции языкового сознания, происходящей в единстве с развитием языковой артикуляции. Этим путем может

быть построена модель развития лексики и грамматических категорий в каком-либо одном языке или языковой семье. Конкретная реализация данного подхода на материале ЯБ представлена в двух следующих главах.

5. Общим методом предлагаемых ниже реконструкций плана содержания в единстве с планом выражения является такой прием. Отбирается серия слов в заведомо родственных языках, имеющая одно и то же значение и одну и ту же (с точки зрения тождеств, отраженных в законах о звуковых корреляциях родственных языков) форму. Осуществляется сопоставление словоформ с целью выявления разницы в артикуляционных движениях, производимых в каждом языке, и строится гипотеза о том типе произношения, которое порождается аппаратом, свободным от специфики современных артикуляционных механизмов и обладающим только тем общим, что есть во всех них. Этот аппарат назван артикуляционным механизмом прабанту, порождаемые им продукты речевой деятельности — праязыком (протосистемой, прабанту), единицы этого языка — праформами (протосиллабемами, прото- или пракорнями, прото-морфемами, протолексемами). Результаты анализа фиксируются в виде праформ, например: *tlō (условного обозначения процесса абстрагирования тождеств и различий в процессах артикуляции соответствующих слов из современных банту).

На этом первый этап реконструкции завершается и начинается второй. Для этого полученная праформа рассматривается как стержень (пракорень) гнезда однокоренных (с точки зрения гипотетического праязыка) слов и в исследуемых языках выбираются все слова, допускающие сведение к данному корню (в соответствии с нормами современных языков и установленными выше диахроническими законами). В итоге формируется некоторое поле. В него входят слова, которые, в силу гипотезы о параллелизме плана выражения и плана содержания [37], имеют общий звуковой и семантический стержень. Путем сопоставления значений современных слов выделяется сема, представленная у всех родственных слов (например, 'реалии, имеющие какое-либо отношение к воде'). Эта сема фиксируется как центр семантического поля, т.е. как значение, которое приписывается цепочке фонем, регистрирующих результат реконструкции артикуляции (как значение протокорня, например *[(l/rt)'^o^]). Гипотетический протокорень является единством полученных описанным выше путем означаемого и означающего. На этом заканчивается второй этап реконструкции и начинает формироваться третий.

В современных ЯБ выделяются компаративные серии слов, обладающих контрольной семой, т.е. могущих быть отнесенными к зарегистрированному семантическому полю. Слова, входящие в эти серии, анализируются

на предмет совпадения-несовпадения с артикуляцией, которая была зафиксирована в качестве характеристики означающего контрольного протокорня. Если в артикуляционных движениях отмечаются тождества, позволяющие рассматривать их как варианты одной и той же, хотя и более синкретичной артикуляции, новые компаративные серии добавляются к старым, и поле однокоренных слов становится шире. Параллельно фиксируется признак, с помощью которого на предыдущем этапе языковой эволюции могла произойти де-синкретизация артикуляции (например, к консонантному синкретизму добавился вокалический), и реконструируется новая протоформа (ср. $*[(l/rt)^{\circ\wedge}]$ и $*[t^{\circ}i]$, $*[t^{\circ}a]$, $*[t^{\circ}u]$, описанные ниже), характеризующая более древний, чем предыдущие, этап прабанту (его предысторию в составе более древней общности). Артикуляционному признаку ставится в соответствие семантический и вычленяются оппозиции плана означаемых, с помощью которых можно объяснить развитие значений в исследуемом семантическом поле. Затем оппозиции упорядочиваются и интерпретируются как вехи в эволюции языкового сознания.

Эти вехи (0, 1, 2, ..., i, ... современное состояние) определяют развитие глоттогонического процесса; i-ый член данной последовательности соотносится с собственно прабанту, т.е. народом, который состоял только из предков современных банту. В силу непрерывности глоттогонического процесса существует не только i-й член данной последовательности, но и i-1-й, и i+1-й (i-1-й соотносится с предысторией прабанту, когда предки современных банту были членами более широкой языковой общности, а i+1-й — с эпохой, когда народ прабанту перестал быть единым и превратился в совокупность отдельных языковых коллективов). Хотя i-1-й член соотносится с этапом 'до-прабанту', в силу непрерывности языковой эволюции (непрерывности развития языковых форм, языкового сознания и артикуляции), он принадлежит бантуской истории (правда, не только бантуской, поскольку в языковую общность i-1-го этапа входили предки как прабанту, так и других семей). Поэтому протокорни, которые реконструируются ниже на основании данных современных банту, могут быть сопоставлены не только с i-эпохой, но и с любой эпохой до нее (однако не после нее — в силу того, что фиксируется общее во всех языках банту, а не в каких-либо их группах, возникших после распада единого прабанту на дочерние подсистемы). Другими словами, эти корни могут принадлежать и банту, и другим генетически родственным с ними народам.

Регистрация последовательности модификации звуковых обликов таких корней в направлении от синкретичных полифонем к монофонемам может служить средством для воссоздания истории распада языковой общности, в состав которой входили прабанту: выделив прабантуские

корни, можно ‘наложить’ их на материал иных языковых семей и установить, как интерпретируются эти данные ‘с точки зрения прабанту’. Если интерпретации соотношений, наблюдаемых в деривационных гнездах и семантических полях контрольной языковой семьи, совпадают с закономерностями, зарегистрированными в прабанту, может быть сформирована гипотеза о генетической общности контрольных языков и банту, а также о единстве (до определенного этапа) глоттогонического процесса. Проводя соотносительное упорядочение этапов, на которых обе семьи образовывали единую общность, мы фиксируем средство для реконструкции генеалогического древа (см. 4-ю главу). Но и не делая глобальных выводов, оставаясь в ‘чисто’ бантуском ареале, можно судить о положении дел у соседей прабанту на основании взгляда современников этих древних народов, не через призму тех категорий, которыми оперирует человечество нового времени. В создании такой ‘мировоззренческой ретроспекции’ состоит одна из главных задач исследования, фрагменты которого приводятся в третьей главе.

§1. Методика реконструкции

1. Проиллюстрируем на конкретном примере, как решается вопрос об исходных формах праязыка на основании анализа артикуляционных движений, производимых носителями современных языков. В [86, 3:109] компаративная серия 368 со значением ‘слеза’ включает следующий набор слов: *tu-sozi* (ила), *ɲ-sozi* (манганджа), *iɲ-sotsi* (чопи), *mi-ʃoɖi* (мбун-да), *imi-oti* (луяна), *mi-sosi* (яо), *mi-tʰori* (макуа), *mi-hloti* (тсва), *ssɔyɪ* (те-тела), *tsozi* (ньика), *ʃozi* (шамбаа), *ʈoθi* (тикуу), *tʃozi* (унгуджа), *tsozi* (нгазиджа), *ili-hodzi* (хехе), *ri-soʃi* (мбунду1), *li-sozi* (лвена), *ɛri-sɔsi* (ньи-кюса), *li-oli* (матумби), *e-hoɖi* (кваньяма), *e-xoɖi* (ндонга), *e-foɖe* (гере-по), *ʈoɖzi* (венда), *ma-hozi* (гого), *ma-sodzi* (пенде), *ma-soli* (манда), *ma-sodzi* (маньика), *n-dzodi* (болоки), *i-ntyɔni* (мпонгве), *mɪ-nsozi* (нямвези), *imɪ-nsoʃi* (бемба), *mi-nyoyi* (мвера), *ama-nsozi* (ньиха), *ma-sosi* (нгангела), *tʃi nsɔnzi* (луба-лулуа).

Показатели классов имен существительных, как и сами именные классы, являются в языках банту вторичным образованием (с. 178), возникшим из служебных и полнозначных силлабем или из назальных и лабиальных просодем, с помощью которых фиксировалась цельно-оформленность существительного и его предметный характер.* Поэтому

*Ср.: “... на ранней стадии развития языка использовались для выражения жизненно важных параметров ситуации моносиллабемы, а возможно, и отдельные звуки” [27:27].

при восстановлении корней существительных, функционировавших в праязыке, необходимо отсекал префиксы именных классов с учетом характера тех изменений, которые вызываются ими в инициалах основ, а также их собственного звукового состава. В частности, необходимо принимать во внимание, что при назализации происходит озвончение глухих согласных, превращение смычных в назально-смычные композиты, замена плавных и вибрантов назальными или композитами, в состав которых входят назальные, модификация имплозивных в эксплозивные. Все эти явления вызываются изменением артикуляционных движений при активизации назального резонатора и обуславливаются силой и длительностью включения назализатора, которые варьируют в зависимости от навыков речевого коллектива и даже отдельного индивида. В итоге возникает множество форм, часто, на первый взгляд, не похожих друг на друга.

Если же, кроме назального резонатора, переменными оказываются действие фаринкса (более или менее сильное его участие, длительность, корреляция с носовой полостью) и губ (длительность лабиализации, момент вступления в более напряженное состояние или выхода из него), многообразие форм расширяется еще больше (например, в инициали корня могут возникнуть веляризованные или фарингализованные призвуки, результирующиеся глоттальной смычкой, спонтизацией исходных фонем, появлением инициальных *k*, *h*, *γ*, *hw*, *γw* и т.п. звуков, назальная окраска инициали может стать велярной или лабиовелярной с образованием специальных фонем *ŋ*, *w*, *õ* и т.д.). Поэтому наибольшее внимание при выявлении исходных фонем, стоявших в прото-инициалах, привлекают те элементы компаративных серий, которые не подверглись назализации (в первую очередь, не содержат назальных). В силу этого приведенный выше сравнительный материал сужается, и данные *mpongwe*, *nyamvezi*, *bemba*, *mvera*, *nyixa* и *luba-lulu* на с. 177 временно отбрасываются.

Образование систем именных классов было длительным процессом. На первых порах только часть именных основ употреблялась с препозитивами, которые постепенно превратились в именные префиксы. Другая часть функционировала без препозитивов. В тех случаях, когда надо было использовать такую основу в ситуации, фиксирующей связь денотата основы с какой-либо другой реалией (говорящим или посессором), перед произнесением основы включался назальный резонатор и возникали формы с назализованной инициальной. Первоначально такие формы служили для передачи реалий, вводимых в посессивно-партитивные связи с говорящим. На базе этих связей [40:329] развились значения

определенности (в противовес неопределенности неназализованных основ), несвободности (развитием этой категории стало появление форм *status constructus vs status absolutus*) и предметности (локализованности относительно места в пространстве, генетически: места говорящего в пространстве).

Со временем формы с назализованными инициалями стали интерпретироваться как основы с префиксами. Этому содействовало отсутствие назализации инициалей во множественном числе (множество не имело гибкой локализации относительно одного какого-либо места в пространстве и для оформления слов, обозначающих множества, использовались иные приемы); там, где множество реальных фиксировалось с помощью препозит, соответствующие формы единственного числа с назальной инициалью стали восприниматься как пары к формам мн. числа. В итоге назальный в инициали основы приобрел статус префикса и произошло переразложение основы: назальный и интонационно связанная с ним в один слог часть основы стали обозначаться как префикс, остальная часть основы — как корень (или основа).

Переразложение основ происходило не только в случае назализации: те же явления наблюдались при фарингализации и лабиализации. Кроме того, изменение морфемной структуры слова могло возникнуть и как следствие действия закона аналогии: развитие систем классов привело к тому, что инициали основ, совпадающие по форме с префиксами, присоединяемыми к другим основам как показатели классов, стали интерпретироваться как отдельные морфемы — показатели классов этих основ. Все эти факты приходится учитывать при конструировании праформ. Поэтому *ŋ-sozi*, *iŋ-sotsi* и *n-dzodɨ* признаются для реконструкции прото-корней не композитами, состоящими из префикса и основы, а цельными словами с назализованными инициалями. Они, как и уже упомянутые выше словоформы, временно из рассмотрения исключаются.

Оставшаяся группа слов представляет собой либо композиты, состоящие из основы и одного из четырех префиксов: *tu-*, *ta-*, *mi-*, *li-* (с алломорфами *gi-*, *ili-*, *eŋi-*, *li-*, *e-*), либо морфологически нечленимые единства (основы). Отсекая временно префиксы, мы получаем следующий список основ: *-sozi*, *-ʃoɖi*, *-oti*, *-sosi*, *-tʰori*, *-hloti*, *-ssɔyi*, *-tsori*, *-ʃozi*, *-tʰoθi*, *-tʃozi*, *-hodzi*, *-soʃi*, *-sasi*, *-sozi*, *-oli*, *-hoɖi*, *-xoɖi*, *-hoɖe*, *-hozi*, *-tʰodzi*, *-sodzi*, *-solɨ*, *-sosi*. Общим для этого множества является наличие двухслоговой структуры с гласным заднего ряда в инициальном слоге и переднего ряда — в финальном. Повсеместно, кроме *-tʰoθi* и *-tʰoθi*, в инициали стоит спيرانт, если слог имеет структуру СГ. Спиранты и инициальный согласный в *-tʰoθi* и *-tʰoθi* относятся к дентальной (*t*, *tʰ*), альвеолярной (*s*, *ss*,

ts), палатальной (ʃ, tʃ), велярной (h), увулярной (x) и глоттальной (ħ) частям спектра; среди них есть латеральный двухфокусник hi, свидетельствующий о глухой фрикативной артикуляции.

Нетрудно заметить, что ‘упрощение’ артикуляции, при котором двухфокусник превращается в монофонему, может результироваться в различные звуки: одни из них реализуют фарингальность и спирантность двухфокусника, другие — его альвеолярность, латеральность или сонорность, третьи — и то, и другое. В частности, -hlo- (см. -hloti) может превратиться в -ho-, -xo-, -ħo- (см. -hozi, -ході, -ħođe), если доминантой произношения становится фарингализация, а имплозия, сопровождающая артикуляцию -hi-, заменяется эксплозией; как отмечалось выше, эксплозия происходит вместо имплозии, например, при активизации назального резонатора, и значит, назализация инициали в данном случае может проявляться не только в возникновении назальных согласных, как в изъятых из рассмотрения случаях, но и в переходе от импловивной артикуляции к экспловивной, ведущей к изменению качества произносимого консонанта и замене фарингально-импловивной артикуляции (hi) фарингально-экспловивной (h, x, ħ). О том, что здесь происходила также назализация, можно судить по форме ma-hozi (в [40] иллюстрируется, что назализация в ЯБ бывает как контактной, так и дистантной, поскольку активизация назального резонатора сопровождается генерирование не только первого слога, но и инициали второго или сохраняется до конца всего слова); резюмируя, отмечаем, что -ho- могло возникнуть из -hlo- под действием та-, при произнесении которого происходит активизация назального резонатора.

В отличие от ma-hozi, в словах e-hođi, e-ħođe, e-ході и ili-hodzi назальных согласных нет; однако наличие однотипных с ma-hozi корневых инициалей и вхождение в одну и ту же компаративную серию, свидетельствующую о регулярности данных соответствий и соотносимости с одним и тем же значением, а в силу этого — об общности генезиса всех пяти форм, — подсказывает, что и в формах e-hođi, e-ħođe, e-ході и ili-hodzi мы имеем дело с результатами происшедшей некогда назализации инициалей основ, которая сопровождалась глоттализацией и предшествовала присоединению к ним префиксов e-, ili-. Как отмечалось выше, эта глотто-назализация результировалась в различных языках по-разному; в R21 (кваньяма), R12 (ндон-га), R31 (гереро) и G62 (хехе) она привела к возникновению в инициалах основы слова ‘слеза’ велярных, увулярных и ларингальных спирантов вместо бифокального импловивного звука hi, а в изъятых ранее языках — к появлению назальных композит.

Поскольку каждый речевой коллектив обладает своими тенденциями к артикуляции звуков, кажется, что привычка сохранять фарингальность данной артикуляции может быть свойственна носителям одного диалекта и исчезнуть у носителей другого. Например, можно ожидать развития тенденции к артикуляции только альвеолярной части двухфокусника и произношения hi, опять-таки при активизации назального резонатора, в виде t, d или nt, nd. Однако, как показывают приведенные выше примеры, такие случаи не зарегистрированы. Наоборот, все языки сохраняют «память» о фарингальном (глоттализированном) компоненте исходной артикуляции, хотя и проявляют это по-разному. В одних случаях бифо-кальность исходного согласного и его глоттализированный характер сказываются на спонтизации альвеолярного (hi → s, а не в t), в других — на его аффрикатизации (hi → ts, tʂ, tʃ, dʒ), в третьих — на углублении и палатализации (j, nty, ny), в четвертых — на длительной спонтизации, вызывающей эффект сибилантной геминации (ss).*

Все эти явления отмечены в зарегистрированных выше формах в пределах первого слога в M63, N31c, S61, K15, P21, P31, C71, D28b, E72a, G23, G42d, G44a, H21a, K14, M31, Gil, Lll, N11, S13a, Blla, F22, M42, P22, M23, K12b и L31x. Однако глоттализация может сопутствовать не только инициальному слогу основы, но и его финали, т.е. не предшествовать или сопровождать альвеолярную артикуляцию, а ее завершать.**

*Ср.: «...в диалектах этого типа следовало бы допустить утерю признака фарингализации-лабиализации и слияние этого ряда с рядом чисто велярных смычных. Однако существовавшее некогда в этих диалектах противопоставление этого ряда велярных (лабиализованно-фарингализованных) основному ряду чистых велярных смычных проявляется в факте комбинаторной палатализации в позиции перед гласными переднего образования фонем именно этого, дополнительного ряда, а не основного ряда индоевропейских велярных смычных. В результате палатализации в таких случаях возникают соответствующие аффрикаты или фрикативные» [13,1:91].

**Ср.: «Одним из возможных источников ларингальной (смычно-гортанной) артикуляции слогового сегмента типа датского sted, западнонорвежского 'толчка' и подобных явлений в западногерманских диалектах в словах типа исл. [va'tn] 'вода'... можно было бы считать перенос признака глоттализации на весь слог с превращением этого признака в суперсегментный: и.-е. *цот'-ог/n → * ца't-n-. Превращение определенного сегментного признака фонемы в суперсегментный является широко распространенным явлением в разных языках... Хорошей типологической параллелью такого развития признака глоттализации с превращением его в суперсегментный признак может служить пример глоттальной диссимилиации в лаху, одном из языков тибетско-бирманской группы. В лаху в определенных фонетических условиях происходит утеря глоттализации с превращением ее в признак высокого тона, вызвавшим преобразование первоначальной тональной системы языка...» [13,1:36].

С этим явлением мы сталкиваемся, например, в формах -*ɬodzi* и -*ɬoθi*, в которых спирантом является не первый компонент, а второй (см. также спиранты в финалях большинства слов из данной серии). Формы *todzi* и *toθi* можно рассматривать как результат слоговой “дистрибуции” артикуляционных движений: при произнесении инициали активизация назального резонатора вызвала продвижение вперед артикуляции, латеральный компонент стал произноситься как дентальный, и фарингальный закрепился за финалью (см. [40]).

2. Обращаясь к реконструкции второго слога, можно отметить, что повсеместно представлен гласный переднего ряда узкого или среднего раствора (ɔ, i, e); это свидетельствует, что при переходе от первого слога ко второму во всех языках, кроме гереро, наблюдается продвижение вперед артикуляции и повышение подъема гласного (сужение щелевого отверстия), — ср. пары *o-i*, *ɔ-i*, *o-i*; в гереро (*e-hoðe*) фронтализация гласного не сопровождается сужением щелевого отверстия. Во всех языках, кроме луяна, макуа, тсва, тетела, матумби, кваньяма, манда, болоки, мпونغве и мвера, во втором слоге стоят альвеолярный или палатальный фрикативный согласный или аффриката: *s*, *z*, *ʒ*, *ts*, *ð*, *dʒ*, *dz*, *nʒ*, *ʃ*. В луяна и тсва зарегистрирован *t*, в кваньяма — *ɬ*, в болоки — *d*, в макуа — *ɾ*, в манда и матумби — *l*, в тетела и мвера — *y*, в мпونغве — *ɲ*. Это подсказывает, что во втором слоге исходной была язычная артикуляция, локализованная у альвеол: в одних случаях она сдвинулась вперед из-за подготовки к артикуляции фронтального гласного, начинавшейся перед произнесением второго слога, что привело к образованию дентальных согласных, в других случаях сохранился исходный обычай и артикулировались альвеолярные.

Если фарингализация прекращалась в момент перехода от первого слога ко второму, во втором слоге произносились взрывные; если она распространялась и на второй слог, здесь образовывались спиранты и аффрикаты. В мпونغве представлен случай, когда второй слог произносится при активизации не только фаринкса, но и назального резонатора, что вызывает образование особого фрикативного альвеолярного назального *ɲ*. Таким образом, материалы многих языков (кроме макуа, манда, матумби, тетела, мвера и мпونغве) показывают, что наиболее близкой к исходной является форма, зарегистрированная в тсва: *-hloti*. Однако в перечисленных шести языках содержится подсказка о нестабильности соноризирующего компонента в составе слова: сонорный согласный может возникать не только в инициали основы, но и в ее финали (*r*, *l*, *ɲ*, *y*). Примеров с сонорными согласными (не считая назальных) в обоих слогах не зарегистрировано.

Свободу сонорного относительно границ слога можно объяснить тем, что в праформе существовали не два слога, а один; он состоял из многофокусного лабио-глоттализованного язычного консонантного комплекса *lt'°/tl'°/l'°t'°/t'°l'°/l'°t'° и фронтального узкорастворного гласного (i): посредством lt, tl обозначается язычный комплекс, апострофом передается глоттализация, кружком — лабиализация [13]. Например, вариант *l'°t реализован цепочкой фонем hlot, вариант *t'°l — цепочкой tsol, вариант *l'°t'° — цепочкой hlothw (hlot w) и т.д.* Поскольку описываемый многофокусник мог артикулироваться не только на вдохе или выдохе, но и при переходе от вдоха к выдоху,** возникали консонантные комплексы различной структуры: консонантно-непрерывной (см., например, этнонимы тлвхаро, тлхваро) и консонантно-вокалической (в частности, этноним тлхалинг является результатом вокализации консонантного комплекса при назализации), с о-окраской из-за заднеязычного характера многофокусника.

В итоге образовались композиты типа *hlöti, *thöli, *t[h]öli и т.п. (с лабиовелярной вокализацией, сгубленным велярным сонантом, глоттализированным билабиальным полугласным), из которых развились формы hloti, tsoli

* Ср.: “Типологической параллелью фонетическим особенностям предполагаемой индоевропейской ‘ларингальной’ фонемы может послужить фонетический характер семитических фарингальных фонем h и ‘, определяемых соответственно как глухой фарингальный спирант и ларингализованный фарингальный... Обладая способностью влиять на тембр соседних гласных, звонкий фарингальный может выступать в определенных позициях в качестве слогового элемента... Любопытны в типологическом отношении также данные кабардинского языка, в котором... фарингальная фонема ɣ может реализоваться в виде слогообразующего элемента’... Образовавшиеся таким образом слоговые варианты ‘ларингальных и представляют собой так называемое Schwa Indogermanicum, определяемое в исторических языках соответствиями: др.-инд. i ~ греч. α(ε, ο) ~ итал. а ~ балт.-слав. а” [12,1:166]. “Другое направление развития, ведущее к возникновению огласовки о, могло быть связано с влиянием соседних фонем, в частности сонантов”. [12,1:167]. “Не исключено, что появление гласного полного образования тембра о из первоначального редуцированного было обусловлено характером заднеязычных смычных” [12,1:169]. “... внутренний анализ индоевропейских корневых структур позволяет обнаружить следы изначальной фонетической обусловленности огласовки *o и ее исконной связи с фонологическими структурами определенного типа” [12,1:177].

**Ср.: “...первые языковые средства были неэкономичными (трудными) по форме и глобальными (мультифункциональными) по функции” [27:27]. Многофокусник *hltso мог развиваться из кликсблока, состоявшего из синкретичного ‘лингвального’ кликса (см. лабиальный, альвеолярный и латеральный компоненты) и гуттурального h (см. [27:58 и далее]).

и многие другие. В большинстве языков многофокусник превратился в два одно-двухфокусника с распределенностью по двум слогам артикуляции, исходно соотносившейся с одним слогом, в остальных языках от лабиовелярной артикуляции остался только велярный гласный, от латерально-альвеолярной — латеральный или альвеолярный согласный (-oli в матумби, -oti в луяна). Наложение на эти явления палатализации с назализацией и включение образованных таким способом основ в систему классов с сформировавшимся в каждом языке своим набором вариантов именных префиксов привело к возникновению того многообразия, которое представлено в современных ЯБ и фрагменты которого собраны в исследовавшейся компаративной серии.*

3. Реконструировав исходный корень и процесс его развития в рефлексы, представленные в современных языках в виде основ слов со значением ‘слеза’, можно отобразить однокоренные слова и выявить поле значений, развившихся на базе исходной силлабемы. Так, значение ‘плакать’ соотносится со следующими корнями в современных языках: -l̥i- в мфину, -li- в унгуджа, -ll- в сутою, -rr- в ньоро и ньянкоре, -i- в покомо и тубета, -e- в камба и дуала, -e- в мбете, -u- в бенга, -ui- в булу и бене, -ue- в нгомбе, -je- в пунгу, мунгу, нджем и баджуэ, -gi- в мвумбо; анало-

* Ср. полученный нами результат динамической реконструкции *[lt'°i] со статическими протоформами Гасри, абстрагированными от той же серии основ: -cód̥i и -ncód̥i [86,3:109]. Высокий или восходящий тон первого слога в противовес низкому или нисходящему тону второго слога мог возникнуть вследствие распада многофокусника, произносившегося на переходе от вдоха к выдоху: в процессе замены имплозии эксплозией сужение речевого канала и голосовой щели, предшествовавшее имплозии, все сильнее отодвигалось за пределы слова, к началу артикуляции, поэтому расширение голосовой щели, сопровождающее эксплозию, стало обстоятельством, сопутствующим произнесению первого слога: увеличение голосовой щели, заканчивающееся полным выдохом и подготовкой к вдоху для произнесения второго слога, создавало эффект тонального перегиба, и слово воспринималось как последовательность двух фонем — восходящей (в пределах первого слога, являющегося рефлексом инициала многофокусника) и нисходящей (во втором слоге, с которым соотносится финаль исходного многофокусника). Различные типы консонантов в первом и втором слогах рефлексов свидетельствуют, что исходный многофокусник перед распадом протосистемы на диалекты стал звучать неодинаково в речи различных индивидов: в одних случаях он начинался с прикосновения языка к альвеолам, сопровождаемого округлением губ и сужением глотки, а заканчивался латеральной артикуляцией, в других случаях исходным было латеральное движение, завершающим — альвеолярное; первый тип отражен в цепочках tl̥öli, второй — hl̥öti, образовавшихся соответственно из *tl'° и *lt'°.

гичные редуплицированные корни* представлены в манди (-lɛl-), бали1, к'оса, зулу, лвена, бемба, яо и мбунду1 (-lil-), бобанги (-lɛl-), тетела (-lɛl-), сукума (lil), рунди и маньика (-rɪr-), гикую (-rɛr-), гереро и венда (-rɪr-), нгом (-dɛd-). В этих словах сохранились латеральная и фарингальная 'части' (hl) артикуляции многофокусника *[tɪ'ɔ].

Рефлексом лабиовелярного компонента может быть корень -wɪ в фанг, альвеолярного и латерального – -dɪl- в конгоц, луба-касаи и ила, дентального и латерального – -dɪl- в ронга, палато-альвеолярного, латерального и фарингального – -jɪl- в луба-катанга. В мпонгве зарегистрированы корни -lɛɲ-, dɛɲ-, свидетельствующие, что разложение многофокусника происходило на фоне активизации назального резонатора при образовании не только существительных, но и глаголов (если при произнесении существительных назальный резонанс начинался перед активизацией остальных органов, то артикуляция глагольных корней завершалась назализацией; следствием этого является наличие назальных винициалей основ существительных** ив финалях глаголов). Кроме того, на примере корней из мпонгве видно, что исходная артикуляция включала три компонента: латеральный, альвеолярный и фарингальный (см. фрикативный назальный). В нгунди тот же корень дал рефлекс -ngeu- (на фоне назализации произошло усиление фарингализации, что особенно часто представлено во многих языках банту, и утасли все остальные тенденции произношения, кроме глайда как следа перехода от вдоха к выдоху, который был присущ многофокуснику и результировался дифтонгоидным характером финали основы).

* Редупликация (полная или частичная) обычно употребляется для образования интенсива и фреквентатива, что весьма вероятно, если данные рефлексы возникли как более поздние дериваты. Для более раннего периода разложения многофокусника удвоение согласных могло быть следствием ассимиляции $t, d \rightarrow l, r$. Ср.: “Одним из основных средств выражения в глагольной форме множественности актанты путем деривации была, судя по реликтовым данным анатолийских языков, редупликация начального согласного основы, приводящая формально к совпадению с глагольной основой, выступающей позднее в перфектных структурах... Те же морфологические элементы, маркирующие множественность актант в глаголе, применяются и для выражения аспектуальных противопоставлений — вида глагольного действия или состояния, ср. хет. -šk- в видовом значении итератива ... при -šk- как маркере множественности актанты” [13,1:308].

** Естественно, назализация могла не ограничиваться пределами первого слога, а распространяться на второй, поэтому назальные могут трассировать и последующие слоги. Соответственно в глаголе затрагиваться назализацией может и предфиналь.

Сравнение глагольных корней со значением ‘плакать’ с именными корнями со значением ‘слеза’ показывает, что именные корни обладают большим набором компонентов многофокусника, чем глагольные, и что в глагольных корнях лучше сохраняется альвеолярно-латеральная часть артикуляции, а в именных — лабиовелярная (см. консервацию лабиовелярной части артикуляции посредством сгубленного гласного заднего ряда). Это можно объяснить различием в моментах активизации назального резонатора: в именных рефлексах наибольшему разрушению подвергалась инициаль многофокусника, поскольку здесь была самая высокая фаза назализации, в глагольных рефлексах, наоборот, инициаль многофокусника осталась более нетронутой, но финаль разрушилась (опять-таки в тех случаях, когда на неё приходился “пик назализации”).

Таким образом, для исходной артикуляции многофокусника был характерен альвеолярно-латеральный исход, сохраненный глаголами, и лабиовелярное завершение, зарегистрированное в существительных, поэтому, если предположить наличие синкретизма значения у исходной протосиллабемы ‘слеза, плакать’, то ее означавшим следует признать многофокусник, который можно обозначить в виде *t^l° (конечно, если опираться только на перечисленные выше глагольные рефлексы).

Однако, кроме этих форм, значение ‘плакать, лить слезы, рыдать’ может выражаться также глаголами, в которых доминантой артикуляции является лабиовелярный компонент: -kuw- в луяна и маньика (велярно-лабиальная артикуляция), -ku- в манганджа и гереро, -kɔ- в ниламба, -hɔ- в сутою, -kuɣ- в ндонга, -kiu- в конгоц, -kɔu- (‘выводить мелодию, вести пение’) в гикую, h[^]wereg- в венда (лабиовелярный компонент представлен в первых двух слогах, денальный и альвеолярный соотносятся с многоударным ретрефлексным r). В некоторых языках зарегистрированы также формы, в которых эти четыре компонента сохранились в виде фонем k (велярный), o, и (лабиовелярный),* l (латеральный), t^l (фарингализованный альвеолярный): -kat^lul- в мпото, -kalul- в пенде, чева и яо, -ka^lo в бали1, -ka^l- в каланга1 и бобанги.

Сопоставление этих рефлексов с предыдущими (например, -huwereg и -hloti) показывает, что праформа глагола со значением ‘плакать’ соотносится с многофокусником, язычный компонент которого обозначается как *[t(l/r)], а исходная форма синкретичного номино-вербала ‘слеза –

* Ср.: “Латинские формы uarog и caseus объяснимы как результат преобразования сочетания ku путем утери одного из компонентов: велярного k в форме uarog и лабиального ц в форме cāseus, чем и достигается расподобление этого сочетания с рефлексом лабиовелярной фонемы *k[h]o” [13,1:102].

‘плакать’ может быть представлена в виде *[t(l/r)]’^o или *[(l/r)t]’^o, где лабиоглоттализиция фиксируется для всей совокупности в целом, поскольку речь идет о симультанной артикуляции одной многофокусной фонемы, а не о цепочке последовательно произносимых монофокальных фонем.

§2. Поле слов со значением ‘земля’ в языках банту

1. На всей территории бантуского ареала употребляются слова, которые соотносятся со значением ‘земля’ и возводятся к моносиллабеме типа СГ, где С является дентальным (t) или альвеолярным глухим смычным согласным (t), а i — узкорастворным фронтальным гласным (i, i, i, e); например, i-ti ‘земля’ (тикуу). Перед гласным переднего ряда часто происходит палатализация согласных, в результате чего артикуляция [t, t] продвигается назад и образуются спиранты и аффрикаты, конкретный тип которых обуславливается диалектными и индивидуальными особенностями произношения: si ‘земля’ в хай, ‘si в сукума, si в буду, -si в мбене, -si в рунди, ньоро, ньянкоре, ганда, диалектах конго и мбунду3, -si в руанда, -se в дуала, мбете и келе, -tue в мпонгве, ji в шамбаа, -ji в бемба и ила, -je в каланга1 -je в нгом, he в бенга, hi в гереро, tji в луимби, tji в ямбаца, tse в бобанги, tshi в ньика, de в гикую, the в камба, thi в мбунда, tshi в унгуджа, tthi в макуа. Возникновение слога может сопровождаться активизацией назального резонатора, вызывающей назализацию инициали и приводящей к образованию гоморганных назальных или композит с гоморганными назальными: ntse в бобанги (наряду с -tse), ntsi в нтсуо, nji в луба (касаи и катанга), inyi в хехе, je в рими.*

От первообразной основы со значением ‘земля’ формируются дериваты. Прежде всего, это — существительные и наречия со значением ‘на земле, внизу, низ, под’ с префиксами pha-, pa-, mu-, ha-, wa- и суффиксом локатива -ini (или их алломорфами): pansi в ньянджа, phantsi в к’оса,

* В современных языках банту преимущественное большинство существительных имеют префиксы, известные в литературе как показатели классов. Чаще всего данная основа употребляется с показателями 9-го класса (n tye в B11a, n-tse в C32, n-je в D28b, in-si в D62, n-the в E55, n-tshi в G42d, n-si в H16b, n-tji в K12a, in-ji в M42, en-si в E11, E13, E15, но встречаются и иные префиксы: bu-nsi (см. название божества Земли на юге бассейна Конго — Бунт), o-si в R11, e-hi в R31, mo-ntse в C32, ko-se в B61, e-se в C32, hi-si в A43a, ye-se в C55, wa-se в A14; назализация может вызывать озвончение инициали и превращение t в d: n-de в даисо (E56).

phansi в зулу, haasi в ханга, wānsi в ганда, mūnsi в рунди, mūnʃi в бемба, tshini в каума, tʃhini в унгуджа, iʃini в тикиу и т.д. по всему региону банту. Тот же корень входит во многие другие существительные; например, это слова со значением ‘страна’: iʃi в тикиу, tʃi в ямба, nʃe в мпонгве, nʃi в нтсуо, tshi в гирьяма, nʃhi в унгуджа, -ntʃe в бобанги, -se в мбете, бобанги (ср. mɔntʃe и eʃe), uʃe в келе², si в ньоро, ньянкоре, ганда, si в буду, бене, мбене, nsi в центральных диалектах конго, i'si в руанда, si в хай, 'si в сукума, -ʃi в ила, ʃe в нгом, ʃi в шамбаа, he в бенга, eʃi в гереро, nʃe в камба, nʃe в даисо, θi в ндинги; ‘саванна’: tsiо в нгунгвел, tsiе в лаали, -sio в бали¹; ‘остров’: -si:e в мфину; ‘осадок’: -sio в бали¹.

Та же тема ‘земли’, если судить по означаемым, присутствует в словах ‘корень, основа, середина’: -ʃina в болиа, tuʃina в ниламба, -ʃina в рунди, -tsina в бали¹, siʃna в каланга¹, sina в гирьяма, конгоц, -siʃna в теге-кали, -sina в ханга, eʃini в мфину, -ʃina в сонге, -ntʃina в мбете; ‘основание пня’: ʃina в дуала, ʃin в булу, -ʃina в гикую, камба и бобанги, -tsiʃna в монго, теге-кали, -ʃina в мпонгве, tʃina в бембе¹, tʃina в тетела, -ʃina в луба-катанга, ʃina в лвена и сагала¹, -ʃin в бушоонг, sina в каума, конгоц, -sina в хехе, -siʃna в мбунду², -ʃina в кваньяма, -hiʃna в матенго;* ‘пень, пенёк (‘основание дерева’): -tsiki в ндау, -tsintsi в ньянкоре, siki в унгуджа и ньоро, -sici в яо, sikidi в конго³, -ʃiki в луба-катанга, бемба, са-гала¹, и луба-касаи, -ʃitsi в рунди, -ʃikhi в сукума, -hiki в маконде, -hitsi в макуа; ‘пятка’: -tindi в бобанги и булу, tindi в дуала, -tsiindi в бали¹, -tsinʃi в тетела, ʃindi в ила; ‘нога’: -tindi в келе² и комо.

Во многих языках понятие ‘внутри, нутро’ также возникло на базе словосочетаний типа ‘в земле, земляной, земельный, принадлежащий земле, происшедший из, от земли’, на что указывает морфемная структура слов, выражающих это понятие; например, слово ‘внутри’ конструируется как совокупность двух моносиллабем: ассоциативной (посессивной) частицы ka, развившейся в префикс, или проклитику, и корня со значением ‘земля’, — в камба (ka-te), хунгу (ka-tʃi), тиене (ke-te), ямба (gade), конгоц (kati), пенде (katsi), яо и унгуджа (khati). Аналогичные структуры могут быть построены на базе посессивно-локативной частицы e (e-te в булу и бене, e-tej в комбе и монго) или посессивно-детерминативного форманта N (n-tej в бобанги).

После срастания цепочек силлабем указанного типа в слово может осуществляться повторное оформление их ассоциативными (a-kat в бу-шонг, a-kati в ила) или детерминативными морфемами (n-kati в сена, яо

* В словах -ʃina и др. -на — суффикс (ср. с ассоциативным постфиксом в глаголах, ассоциативно-комитативным предлогом и сочинительным союзом).

и конгоц, ŋ-katʃi в луба-касаи, (ŋ)gathi в сукума, m̩-kati в манганджа). финальным этапом возникновения слов, какими они представлены в современных языках, является оформление основ, составленных из корней и ассоциативных морфем, показателями классов: локативных (pa-kati в манганджа, сена, маньика, бемба, яо, pa-katʃikatʃi в луна, phakathi в к'оса и зулу, ha-katʃi в лвена, wa-kati в ганда; mu-kati в бемба, маньика, конгоц и каланга², mu-katʃi в лвена, mokati в гереро) или предметных (lu-kati в конгоц, βu-k'at'i в венда, βa-kati в конгоц, ma-kxhathe в педи). Показателю класса может предшествовать аугмент, играющий в современных языках роль детерминатива позитивной модальности (оценки говорящим номинируемого факта как реально существующего в лингвистическом пространстве, см. [40:101]): um̩-khathi в зулу, oka-ti в мбунду₂.

Эти примеры свидетельствуют, что силлабема ti и ее алломорфы соотносятся не только с землей, но и с реалиями, находящимися в непосредственном с ней контакте (локализованы в какой-то ее части, расположены на ней как ее непосредственное продолжение, являются разновидностями каких-то ее частей и форм, выступают как ее представители в других средах, входят внутрь нее, образуя с ней единое целое, касаются ее, связывая с ней остальную часть тела и т.п.). Все эти отношения характерны для пар "целое и его часть, реалия и ее неотчуждаемая принадлежность". Это означает, что с помощью силлабемы ti и ее алломорфов в языках банту ранее фиксировались объекты, которые интерпретировались как неотчуждаемые принадлежности земли. Хотя в современных языках это значение силлабемы ti лексикализовалось или грамматикализовалось и в ряде случаев не вычленяется при синхронном анализе из семантической структуры слова в целом, этимология перечисленных выше слов показывает, что, по происхождению, они являются однокоренными дериватами от исходного слога со значением 'земля'.

2. То же представление о реалиях как неотчуждаемых принадлежностях земли можно найти и в сериях слов со значением 'дерево' (ср. 'волос на голове' и 'дерево на земле'): -ti в бали¹, ньоро, ньянкоро, ганда, унгуджа, конгоц, луимби, маньика, бемба, мбунду₂, гереро, рунди, -thi в зулу и к'оса, -thi в сукума, -te в бубес, мбете, сенгеле, гикую, камба, эна, тонгве, -ti в фа, -tʃi в луба-катанга и луба-касаи, -hi в рабаи и покомо, -ci в каонде, -cɛi в нгандьера, -teɛɛ в тсого, -vi в хай, -di в вунджо; 'табуретка': -ti в маньика, унгуджа, конгоц, -ti в манда, -te в гикую, -hi в гирьяма; 'палка': -ti в мбунду₂, ндонга, ньоро, кваньяма, бембе, нгангела, ti в конго³, -thi в зулу и к'оса, -tʃi в луба-катанга, -te в бубес и камба; 'снадобье, зелье, лекарство': -ti в рунди, бали₂, -thi в зулу и к'оса, -t(i) в бембе₂, -te в мбете, болиа, эна, камба, ломбо, -tʃi в луба-катанга; 'камень': -tʃe в зулу, -taɛ в тсого, комо.

В некоторых языках в качестве неотчуждаемой принадлежности земли выступают: ‘река’ usi в ньянга и матенго, ose в камба, -oʃi в тетела; ‘колодец, источник, пруд, лужа’’, -tɪma в бапуку и болоки, -time в ньян-джа, -tsɪma в монго, -tsime в чева, tsime в маньика, sima в конгоц, -sima в унгуджа, бена, субиа, яо, -sɪma в манда, -ʃima в шамбаа, бемба, луба-катанга, лвена, лунда, -fima в кваньяма, -θima в квамби, -θema в гереро, -sime в манганджа, -hima в макуа (та— постфикс [40:319-323]); ‘деревня’:-ti в тсва, -si в яо, -ʃi в бемба, tʃi в мрима, -syɛ в камба, -ʃya в луба-катанга, -ɖe в гереро, -ɖi в ндонга, -nʃi в ила, -zi в зулу, -ki в лунду; ‘хлеб’’, -kati в бондеи, -gaati в ньоро и ганда, -gaathi в сукума, -kate в нданди, унгуджа, яо и манганджа, -kate в камба, -kaate в рунди, луба-катанга и бемба, -ɣate в шамбаа, -ɣate в гикую, kat в бушоонг, -kahe в гирьяма; ‘змея’’, nteɪ в мфину, ntæɪ в янsv; ‘рыба’’, -si в мбунду₂, -se в тетела, болиа, -ʃi в лунда, лвена, хунгу, нкоя, кваньяма, ʃi в сукума, θi в мбунда, ʃe в нкуту, -xi в ндонга, fi в гереро, -di в луяна, nsɪ в нтомба; ‘обладатель, посессор, житель, абориген’: mɔs(i) в нзеби, ðsi в бали₁, mɔsɪ в бобанги, mɔhɪ в нтомба, mus(i) в бембе₂, muʃi в бинджи (mɔ-, ð-, mɔ-, mu- — префиксы); ‘отец’: tata- в бенга, tatə в бобанги, tata в булу и бене, tate в зигула, taata в конгоц, лунда, маконде, ньоро и ганда; tata ‘мой отец’ в бапуку, ньянкоре, лвена и ила, taat в бушоонг, taata в камба, бемба и луба-катанга, sɔ в келе₂, dtaa в мпур, daata в рунди, utata в к’оса, tate в мбунда, нкоя, манганджа, мбунду₁, гереро и чопи, taati в яо, se в рунди, таабва, конгоц; ‘его отец’: ɪse в ямбаса, se- в тумбука, oxe в ндонга, ɪse в ломбо, конзо и сукума, itʃe в фулиро, ise в ньоро и лвена, iʃe в ньянкоре, -yise в зулу, sse- в ганда, ɪɖe в гикую, ɛθe в камба, ʃe в ниламба, iʃe в шамбаа, ʃe в кваньяма, -ɪse в ньикюса, oxe в ндонга, uʃe в ила, iʃe в болиа, ʃʃe в тетела, ɪsi в лега, isi в мамбве; ‘твой отец’: ɪsɔ в монго, ʃʃɔ в тетела, itʃo в фулиро, isɔ в гусии, ʃɔ в ниламба, iʃo в шамбаа, iso в лвена, so в сукума, рунди, ньоро, ньянкоре, мбунду₂, ʃo в кваньяма, охо в ндонга, uso в ила, wiso в бемба, oɔoɔ в ньикюса, weeso в тумбука.

Лабиялизованный вариант того же корня связывается со значением ‘человек’ (‘чернокожий, абориген, африканец’): mɔtɔ (дуала), ɔtʃ (манди), mɔt (буду), muut (макаа), mɔtɔ (кота, бобанги), mɔmɔtɔ (мпеса), bɔnto (монго), ɔtɔ (тетела), umũntu (рунди), omũntu (ньоро, ньянкоре, ганда), mɔndo (гикую, камба), mũtinu (сукума), mɔthu (нгазиджа), mũntu (конгоц), mutu (лвена), umuunu (луяна), mũntu (луба-касаи и луба-катанга), oɔɔndɔ (ньикюса), umũntu (бемба), muntu (ила), mɔnthu (манганджа), mũndu (яо), mɔthu (макуа), omunu (мбунду₂), omundu (гереро), umutu (ееи), munhu (маньика), muthu (венда), mɔthɔ (сутою), umɔntu (к’оса), umuntu (зулу), mɔt (нгом); ‘пигмей’: bɔtwa (болиа), umutxwa (рунди), omutwa (ньоро), mɔtwa

(нгазиджа), mutwa (санга), ɔtɔ (тетела); ‘карлик’: ɔtswa (бали₁), mɔtwa (бобанги), omutwa (гереро); ‘бушмен’: mɔtwa (камба), umutwa (бемба), umɔtwa (к’оса, зулу); ‘вождь’: ɔmɔtwa (кинга), ɔntwa (ньикюса), mutwa (манда), ‘themí (сукума), mutemí (гого); ‘прах’: -twe (субиа, гереро), -twe (бубею-в), motɔ (мфину), ntɔ (каланга₁), muto (луимби), imito (бемба), madɔ (ямбаса), wutu (хунгу), uto (лвена), butu (луба-касаи), buto (луба-катанга), ɔto (бали₁), mɔt (манди), mɔtɔ (тсого); ‘пыль’: -tʃɔ (тетела); ‘мука’: -tu (гикую, камба), -tʃɔ (бембе₁); ‘термит’: tsu (бинджи), -tʃwa (бубес, унгуджа), -ɸwa (тикуу, венда), swa (лвена, лунда, каланга₁, рунди, луба-катанга, луба-касаи, мбунду₂, кунда, ньоро, ила, манганджа, тетела, ханга, бемба), ‘swa (сукума), -ɸoa (гикую), uɸwa (луяна), -θwa (камба), -ɸwa (ньянкоре, маньика), -hua (хехе), -nswa (конгоц), -xwa (ндонга); ‘рыба’: sɔ (мпомпо), -tʃɔ (мбете), -θɔ (нгунди), ntsɔ (бобанги), -su (сонге), sɔɔ (вумбву, дуала, лубала), ntsu (нтсую), ntʃwɔ (бубею-в), -swɔ (ната, ньикюса), ‘ntswi (бали₁), tswi (нзеби), ntshwi (покомо), swi (тумбату), iʃwi (пенде), -swi (ила, тотела), -cwi (ееи₂), -swi (нгомбе), tswi (нгоро), ɸwɔ (бушоонг), ntuɔ (мпонгве), -swe (мванга), sɔ (келе₁), nsi (нтомба), nswa (конгоц); ‘вещь, нечто, что-то’: ithu (макуа), -thu (унгуджа, венда), ntɔ (су-тою), into (зулу, к’оса), -ntu (рунди, ньоро, ньянкоре, ганда, луба-касаи, луба-катанга, бемба, ила), -ndɔ (каланга₁, гикую), ɛndɔ (камба), nhu (сукума), -nthu (манганджа), -ndu (макуа), -nɸu (маньика), -nu (луяна), -tʃu (тикуу); ‘голова’: -tu (сагала₁, луба-касаи, чева), -tɔ (тиене, ньикюса), aatw (манди), twe (гикую), -twe (нданди, ньоро, ньянкоре, ганда, камба, хехе, лвена, луба-катанга, бемба, яо, мбунду₂, лега), -tswɔ (бали₁), -tswɔ (ндонга), -txwɔ (рунди), ntɔwɔ (сукума), ntɔwɔ (хай), ntɔwɔ (вонго), -tʃɔ (квамби), iɔwɔ (римби), ntɔwɔ (бушоонг), ntɔwɔ (матенго), -tɔ (бенга), tɔ (келе₂, тетела); ‘левая рука’: -sɔ (монго-нкундо, каланга₁), -nso (болоки), -nso (бииса), -so (хемба, бемба), ntsɔ (пото); ‘лицо’: -sɔ (булу, бене), su (конго₃), -su (бали₁, бембе₂, субиа, маньика), -sɔ (лунду, вумбву), -hɔ (банго), -zɔ (мпонгве), -su (нданди), -ɸ (бушоонг); ‘передняя часть’: -su (булу, бене), -su (субиа), -hɔ (нтомба); ‘шея’: swa (луба-касаи, луба-катанга, лвена), -nswa (каланга₁, таабва), -su (ганда); ‘волосы’: sɔɔ (баакпе, ломбо), -sɔɔ (ди), -swe (бобанги), -tʃɔ (бунгили), -sɔɔ (логоли), ‘tʃɔɔ (ямбаса), -suɔ (нгом), sɔɔ (янсв), swɔ (бобанги), hu (аква), -hɔɔ (кота); ‘трава’: -swa (сукума, маньика); ‘травянистое место’: -swa (конгоц); ‘сад’: -swa (лега); ‘вельд’: -swa (ханга); ‘саванна’: -sɔɔ (тетела).

Особую группу составляют слова, имеющие в современных языках темпоральное значение и своей структурой указывающие, что прежде время и его различные отрезки воспринимались как части пространства (неотъемлемые признаки или свойства земли). Это — такие слова, как

‘время’ (-kati в яо, зигула, тумбату, унгуджа, kati в каранга, -khathi в зулу и к’оса, -khhathe в сутою, -si в венда); ‘день’ (-si в яо, маньика, ньикюса и манда, -si в лега, -ise в келе2 -se в педи, -de в гикую, -ji в шамбаа, -ihhi в ньянга, -nsi в рунди, -nse в ниламба, -indzi в луяна, -onthe в камба); ‘ночь’ (-tjo в болиа, поке и мболе, tjo в тетела, -tjiо в бубею-в, -tjoxo в со2, -tjko в ната и ниламба, -diko в логоли, thiku в ндонга, -fiku в кваньяма, -hiyu в макуа, -jiku в бемба и ила, -tjiko в ланги, -hrjko в рими, -siku в каума, манганджа, унгуджа, мбове и чопи, -sixo в сафва); ‘ночь. холодное время суток’ (-tika в тиене, -thika в мбунда, -jika в луба-катанга, луба-касаи, лвена и лунда, -sika в унгуджа, лучази, манганджа, к’оса и зулу, -sika в конгов); ‘сутки’ (-tsiku в ньюнгве, -fiku в кваньяма, -jiku в бемба и ила, -ikhu в сукума, -hiyu в макуа, -diko в логоли, -sixo в сафва, -siku в манганджа, siku в унгуджа, гирьяма и тсва).

3. Силлабема со значением ‘земля’ может функционировать не только в качестве корня существительного или его главной части, но и как служебная морфема, например, в зулу есть слова umhlaба ‘земля, мир, страна, свет, территория’ и umhlabathi ‘земля, почва, грунт’, противопоставляющие ‘мир теней’ (в земле, ‘принадлежащее земле’) и ‘мир под солнцем’ (на земле, ‘принадлежащее солнцу’); вторичность деривации umhlabathi от umhlaба очевидна [40:310], -thi здесь выступает в роли форманта, уточняющего и специфицирующего значение корня -hlaба. Исходное лексическое значение -thi в этой структуре уже не воспринимается, и только словосочетательные возможности корней -hlaба и -hlabathi помогают его восстановить. Так, если речь идет об ‘обитатели умерших’, говорящий на языке зулу употребляет слово umhlabathi, а не umhlaба (KwaMsunduza (1) kungené (2) umhlabathi (3) wakobantu (4) ‘Мсундузе (1) довелось (2) перейти (2) в (2) землю (3) предков (4), — ср. русск. ‘на тот свет’); зато, когда имеется в виду локализация живых существ, обитающих на земле (‘под солнцем’), выбирается слово umhlaба (см. emhlabeni wonke ‘на всей земле’, ‘во всем мире’, ‘езде под солнцем’ и т.п.). Указанные противопоставления реализуются не только на макросинтагматическом уровне (в контексте за пределами слова), но и обуславливают микросинтагматические особенности функционирования обоих слов: выбор показателей классов, с которыми сочетаются данные корни, и те значения, которые передают цельнооформленные слова. Так, префиксы isi- — izi- употребляются с корнем hlabathi, но не с -hlaба (isihlabathi ‘песок, песчаный грунт, песчаный берег’ — UNkuhlu(1) ufana(2) nezihlabathi (3) zolwandle (4) ‘Нкухлу (1) по красоте напоминает (2) морское (4) побережье (3)’). Есть и различия при сочетании с показателями других классов; ср. inhlaба ‘разновидность низкорослых алоэ (растущих под

солнцем) — inhlabathi ‘земля, грунт, песчаный грунт, земля из могилы’; inhlabā ‘разновидность очень низкорослых алоэ; что-либо едкое или острое (как алоэ); резкая боль; земля из могильника, используемая для колдовства’ — inhlabathi ‘беловатая, с песком земля, песчаный грунт, речной песок’).

4. Корень -thi может входить в состав основ не только существительных и наречий, но и глаголов. В этом случае исходное ‘земляное’ значение корня -thi наименее ощутимо, но с его помощью оказывается довольно просто моделировать комплексное значение, развившееся на базе исходных сем. В частности, как деятельность, связанная с землей, в языках банту фиксируются такие действия, как ‘спать’ (-tēe- в нгунгвел, -tōō в камба), ‘ставить, устанавливать’ (-tio в бали₁, -tēe- в камба, -tey- в луба-касаи, бемба, нсенга, маньика, -te- в ила, -thiy- в к’оса, -tē в бушоонг), ‘оставлять, покидать’ (-tī в камба, -dī- в дуала, -i- в луба-катанга, ила, -y- в бемба, -iy- в луба-касаи, -si- в манганджа, бали₁, -sy- в мбунду₁, -hi- в макуа, -θe- в гереро, -sī- в бембе₁, -siy- в маньика, -siy- в суто_ю, -iy- в к’оса), ‘спускаться’ (-ts- в бобанги, -tsiy- в монгонкундо), ‘ставить, класть’ (-t- в лвена, луба-катанга), ‘бросать, отбрасывать’ (-t- в бобанги, лега, логоли), ‘терять’ (-t- в рунди), ‘толочь, размельчать’ (-s- в ньоро, ньянкоре, ганда, -sy- в ханга, - - в сагала₁, сукума, -sy- в ньикюса, рунди, -hī- в болиа, -be- в гикую, -sio в бали₁, -sī- в дуала, -θī- в камба), ‘прокалывать’ (-’si- в мбунду₂, квамби, -θi- в гереро, -xi- в ндонга), ‘делать’ (-t в бали₁, руанда, конго_ц, мбунду₂, -s- в бубе_{ю-в}, бали₁, монго-нкундо), ‘делаться’ (-t- в манганджа), ‘заканчивать, заканчиваться, кончаться’ (-θi- в гвено, -sīō в како, -θī в нгунди, -hī- в ката, -sī- в нгомбе, -sū в дуала, -sū’у в булу, бене).

Лабиализированный и в ряде случаев редуцированный вариант того же корня представлен в глаголах: ‘шить’ (-tot- в мпомпо, яо, -toth- в нгулу₂, -dod- в сукума), ‘протыкать’ (-tw- в кваньяма, -toot- в луанда, -tot- в лвена), ‘толочь’ (-tut- в мбунду₂, -tw- в тиене, шамбаа, конго_ц, лвена, луба-касаи, луба-катанга, бемба, ила, яо, мбунду₂, маньика, -tō- в тетела, -tsw- в бали₁), ‘кусать’ (-tw- в бобанги, -tsw- в бали₁), ‘заострять, быть, становится острым’ (-tw- в конго_ю, конго_ц, лвена, луба-касаи, бемба, ньонгве, мбунду₂, гереро, -tsw- в ндонга, twa в мпонгве, -t]w- в манганджа), ‘приходить, происходить’ (-tō: в мфину, -tō в бушоонг, -tuo в бали₁), ‘строить’ (-tū- в мбете, мфину, -tu- в бали₁), ‘нести, тащить’ (-tut- в шамбаа, лвена, луба-касаи, луба-катанга, чева, мбунду₂, маньика, -tōt- в буджа, -thuth в зулу, к’оса), ‘нагромождать’ (-tut- в гереро), ‘стучать’ (-tuut- в конго_ц, луба-касаи, луба-катанга, бемба), ‘толкать’ (-tuut- в яо), ‘прокалывать’ (-tō в дуала, -tū в комбе, гикую, -tw- в бобанги,

-t w- в ньоро, ланги, - w- в шамбаа, -sw- в сукума, -tsw- в суто_ю, -tɕ в буду, бене, - u- в макуа), 'протыкать, закалывать' (-tɕ- в мулимба, мон-го-нкундо, -taw в мпумпу), 'играть' (-t- в бали₁, бобанги, бемба), 'звать, называть' (-t- в бали₁, бобанги, яо, конго_ц), 'смеяться' (-tɛ- в нгулу₂, -se- в венда). Учитывая рефлексии в именах и глаголах исходного корня, вскрывающие его лабиоглоттализированный характер, его можно представить в виде: *[t'°i].

Если обратиться к зулу, можно отметить, что самый частотный глагол здесь также входит в данный ряд: -thi 'сказать, выявлять, управлять, подразумевать, думать, представлять, воображать, означать, демонстрировать, выражать, быть, производить, делать' (Mangithi 'Дай мне сказать', букв.: 'пусть я скажу'; Uthini (1) uma (2) usho (3) njalo (4) 'Что (1) ты (1) этим (2+3+4) хочешь (1) сказать?', букв.: 'Что (1) ты (1) подразумеваешь (1), когда (2) говоришь (3) так (4)?'; Ukuthi (1) du (2) 'молчать', букв.: 'быть (1) молча (2)'). Во всех этих употреблениях выявляется сема, связанная со значением 'подтекст, суть, основа', которая соотносится с исходным значением корня -thi ('земля, низ'), отмечавшимся при анализе существительных. Перечисленные переводы глагола -thi свидетельствуют о дальнейшем развитии исходного значения, при котором посессивно-партитивное отношение к объективной действительности постепенно превращалось в партитивно-локативное, локативное, темпоральное и модальное (см. с. 13). Итогом этого развития на сегодняшний день является превращение глагола -thi в служебный и его функционирование в качестве темпорально-модального компонента аналитических конструкций: например: Bathi (1) qéde (2) ukuaba (3) bafike (4) ernzini (5) 'Когда-то (1+2+3) они (4) придут (4) в (5) деревню (5)'; kwathi (1)inja (2) yangena (3) endlini (4) 'и (1) вот (1) собака (2) вошла (3) в (4) дом (4)'; ngithé (1) ngahamba (2) 'я (1) чуть (1) не (1) ушел (2)' (букв.: "Я (1) почти (1) сделал (1), я (2) ушел (2)"). Хотя и с трудом, но общее во всех этих употреблениях глагола -thi восстанавливается (соотнесенность действия, передаваемого основным глаголом, с моментом времени, предворяющим время данного действия, как бы находящимся 'под (перед) ним'). Аналогичное развитие значений можно проследить и в других языках банту.

Эти иллюстрации говорят о том, что исходное значение синлабемы -thi было синкретичным. Впоследствии оно развилось в два основных значения, которые можно интерпретировать как предметное представление о земле и всём, что с ней связано партитивно-посессивными отношениями (существительные с корнем -thi), и как предикатное описание реалий по отношению к земле (глаголы с корнем -thi). Дальнейшее развитие каждого из этих значений привело к возникновению семантичес-

ких противопоставлений, охарактеризованных выше и свидетельствующих о различных путях создания слов вследствие композиции силлабем, при которой корень со значением 'земля' оказался в инициали или в финали основы, а затем и внутри слова; далее произошло превращение цепочек силлабем в интонационные и грамматические единства, на базе которых развились современные существительные, глаголы и наречия; оформление этих композит новыми цепочками морфем и срастание с ними; дифференциация на части речи в результате формирования грамматических категорий и образование такой категории локативно-темпорального мировоззрения, как наречие, и т.д.

Не менее важным является и то, что силлабема *thi* относится к исконно бантуской лексике; она входит в состав многих бантуских слов и имеет обширную сферу употребления как в синхронии, так и в диахронии, о чем свидетельствует ее большой 'строевой вес' в создании различных дериватов в каждом языке и их группах. Силлабема *thi* и ее алломорфы зарегистрированы во всем ареале ЯБ; например, в значениях 'земля, страна' она отмечена во всех зонах от А до S по классификации Гасри; выше приведены слова из языков зон А (A24, A34, A43a, A62, A74), В (B11a, B22b, B61, B85d), С (C32, C55), D (D28b, D25, D53, D61, D62), Е (E11, E13, E15, E51, E56, E62a, E72a), F (F21, F32), G (G23, G41, G42d, G62), Н (H16b), К (K12a, K15), L (L31a, L33), М (M42, M63), N (N31a, N31b), Р (P31, P34), R (R11, R31), S (S53, S62), — см. карту 2. Если же к этим материалам добавить все производные слова, образованные от данного корня, покрытие карты Африки южнее Сахары окажется еще более плотным.

Отмеченное повсеместное географическое распространение данного корня свидетельствует о его древности в ЯБ и принадлежности к лексическому слою, который был присущ протосистеме до ее распада на любые сколько-нибудь значительные группировки, послужившие исходными точками развития последующих ветвей, кустов или совокупностей языков и диалектов. О древности и исконности данной силлабемы говорит также образование на ее основе одинаковых композит — слов, имеющих одну и ту же структуру (например, типа *ka-ti*, *ti-na*, *ti-ki* и других, рассмотренных выше) с одним и тем же значением ('земля' в одном случае, 'дерево' в другом, 'внутри' в третьем и т.д.) в самых различных языках (из разных зон; отстоящих друг от друга на сотни километров; находящихся в ареалах, не похожих по природным условиям; не связанных непосредственными караванными маршрутами; употребляемых племенами, имеющими различный образ жизни, социальный и культурный статус; не вступающих в контакты или вообще находящихся в труднодоступных районах).

§ 3. За пределами бантуского ареала

1. Данный корень с тем же значением и вхождением в компаративные серии дериватов встречается не только в ареале ЯБ. Он зарегистрирован во многих нигеро-кордофанских (западно-атлантических. Вольты, Восточных Адамауа, гур, ква), нило-сахарских (шари-нильских, сахарских) и афразийских (чадских, семитских, берберских, кушитских, египетском) языках.* Так, во многих африканских языках слова со значением *‘дерево, пень, деревья, лес’* являются однокоренными со словом *‘земля, низ, место, страна, почва, грунт, территория’* и по своей форме напоминают соответствующие бантуские эквиваленты; ср. такой ряд: *ɪtɛ* ‘дерево’ (нким, экойдный) — *ɛtɪ* ‘дерево’ (этунг, экойдный) — *ɪ-tɪnɔ* ‘пень’ (тив, бантоидный) — *tí* ‘деревья’ (кру) — *tĩ* ‘дерево’ (кваа) — *ti-* ‘дерево’ (гурма: *bu-ti-bu* ‘дерево’ — *ku-ti-gu* ‘лес’) — *yààth-* ‘дерево’ (до-луо) при наличии однокоренных слов со значением ‘дом, деревня, тропа, колодец (вода, река), день, ночь, сутки’ и т.п. на фоне общих терминов со значением ‘земля, низ’ и т.д. (ср. *to* ‘земля’ в нгбака-ма’бо, *tʃé* ‘место’ — *-gàti* ‘на земле’ в банда; *yààth* ‘дерево’ — *òt* ‘дом’ в до-луо, *tulon* ‘холм’ — *tàryà* ‘термит’ в нуэр, *γöt* ‘дом’ в до-луо — *wút* ‘деревня’ в динка и т.д.). Особенно часто корень *thi* встречается в виде различных локативных силлабем (частиц, предлогов, аффиксов) или входит в состав обстоятельственных слов со значением ‘под, внизу, в, на’; например: в мбаи существует локативная частица *ts*, употребляемая после существительных (бē: *tá* ‘в деревне’ от бē ‘деревня’), в динка — локативный суффикс *-itʃ* (*tiɔpitʃ* ‘под землей’, тот же суффикс входит в названия многих существительных: *lêc* ‘зуб’, *léc* ‘животное’, *mòc* ‘человек’ и т.д., — ср. с *th*, *t* в нуэр: *yààth* ‘дерево’, *óót* ‘дом’ и др.) и т.п. В хауса силлабема *tu* входит в следующую серию слов: *tudu* ‘суша, берег, холм, Африка (в противовес другим континентам)’, *Turai* ‘Европа’ (хаусианцы считают Европу ‘лежащей ниже’; ср. также *rai* ‘сердце, жизнь, процветание’), *turaka* ‘помещение хозяина дома, место, где находится начальник’, *tukuna* ‘прежде, сначала, до сих пор’, *tun* ‘до того, как’, *tuní* ‘издавна’, *tatúr* ‘всегда, постоянно’, *túwo* ‘густая каша, которую поливают подливкой’ (главная пища всех народностей Северной Нигерии), *tumu* ‘первые плоды’, *túmkiya* ‘овца’, *tuna* ‘думать, вспоминать, напоминать’ и т.п.

В каждом из этих слов выделяются семы *‘внизу, под, до’* или *‘земля, имеющий отношение к земле, касающийся земли, связанный с землей, часть земли, земляной, земельный’*, свидетельствующие о том, что ука-

* Этот перечень можно продолжить: в него попали только те языки, данные из которых оказались в поле зрения автора во время работы над рукописью.

занные реалии осмыслились носителями языка как неотчуждаемые принадлежности земли и назывались с помощью силлабем, указывающих на их отношение к земле. Аналогично банту, в хауса есть и второе слово для обозначения земли: k'asa 'земля, страна, внизу, на земле' (о его соотношении с аналогичными корнями в остальных афразийских языках см. [21]). В сомали аналогичная серия слов начинается существительными: dhoobo-da 'почва', dal-ka 'страна', dhul-ka 'суша', addun-ka 'земной шар' с одинаковой или похожей инициальной, указывающей на возможность их объединения как дериватов, образованных от одной и той же силлабемы, в состав которой входит звонкий дентальный или альвеолярный согласный и гласный не-переднего ряда (в отличие от банту, хотя озвончение согласного и веляризация гласного в компаративных сериях наблюдается и в ареале языков банту, — см. выше).

2. Те же отношения: 1) наличие силлабемы, называющей землю посредством дентального или альвеолярного согласного; 2) формирование рядов однокоренных слов, обозначающих реалии, которые можно интерпретировать как неотчуждаемые принадлежности земли; 3) коррелятивные серии этих реалий, свидетельствующие об однотипном процессе развития значений или об исходности отношений между членами коррелятивных серий; 4) наличие синонимов для номинации земли, объединяемых в составе одной и той же композиты и дифференцируемых по отношению 'внутри земли — на её поверхности'; 5) образование локативных элементов с исходной семой 'под', развившейся в более сложные локативные и локативно-темпоральные значения: 'до, от, из, перед, когда-то, ранее, первично, генетически' и т.п., — можно установить при анализе слов из других языков.

Обращаясь к сравнительному словарю ностратических языков [21, I], находим: 'diq^ 'земля': картв. diqa 'земля, глина' ~ и.-е. dhgem- 'земля', картв. // др.-грузин, tiqa (совр. tixa) 'глина, грязь' // чан. (n)dixa, мегрел. dixа, dexа 'почва, земля, место' (зан. > грузин, гурийск. dixа 'земля')... и.-е. 'земля' // др.-инд. ksam-....; авестийск. zā // хетт. te-e-kan (< *dhghem с эпентезой гласного) // греч. χθών f. (ср. χαμαί 'на земле' с χ) // албан. dhe // латин. humus // др.-ирланд. dū (gen don) 'место' // др.-прусс. semme, литов. žēmė, латыш. zeme; ст.-слав. zemlja // тохар. A tkam, B kem...' [21,1:220]. Здесь же зарегистрирована серия локативных частиц: с.-х. d ~ картв. da, d/ad ~ и.-е. -D/eD ~ урал. -да/дä ~ драв. -t̥tu/-tt(^) ~ алт. -da/dä, -du/-dū. Далее следует серия примеров [21,1:212-214]: бербер, частица d с направительным значением, кушитская локативная постпозитивная частица (-t в беджа, -d в билин, -d, -t в хамир, -z в дембья, куа-ра), картв. направительно-локативный и локативный формант -da, -d/-ad,

индоевропейский формант аблатива местоимений (личных и указательных) и именных -о-основ (др.-инд. -t, греч. -ω) < *ōd, ст.-латин. -ēd, -ōd, гот. *-ōd, литов. tō), уральский суффикс аблатива (фин. -ta/-tä: al-ta 'снизу' (и с вторичным расширением функции — формант партитива), саам. (сев) -dē, мордов. -da/-dā, венгер. aló-l, самодийск. *-d(ˆ) и т.д.), драв. -t̥tu (тулу -t̥u/-d̥u, куй -t̥i, куви -t̥i, брагуи -aṭi, колами -t, гонди -te, курух -tī, малто -nte), алт. //тюрк. *ḍa/-ḍä и -ta/-tä (суффикс локатива-аблатива). Дальнейшее развитие пространственных значений ('под, снизу') и превращение их в темпоральные ('до'; прошедшего времени) зарегистрированы в серии 65 [21,1:218-219], где зафиксированы суффиксы форм прошедшего времени: картв. -di (имперфект), драв. -tt-/t- (претерит), алт. -di (претерит).

Соотносимость с силлабемой -t- (ta, ti, tu) заметна также у названий различных частей пространства, деревьев, еды, животных и интервалов времени: 1) слова, обозначающие 'дерево' в семито-хамитских языках: араб: 'iḍa f., др.-юж.-араб. (сабейск.) 'ḍ, геез 'eḍ, египет.-арамейск. 'q, библейско-арамейск. 'ā'ā, угарит. 'ṣ ('дерево, виноградная лоза'), др.-еврейск. 'ēṣ, аккад. iṣu, haṭtu 'ствол', др.-египет. d" 'ветка', берб. agṣṣa 'ствол дерева, бревно' (шельха); кушитск.: беджа hindi, hinde (с вторичной назализацией), сахо haḷā f., ираку ха'teno, бурунги ḥāda 'палка', мбугу xātu; чад.: хауса itācē (мн.ч. itātúwà), болева оѐ; бата-марги: багама kada, бата kade, зуму kadī, зань kadə; гамергу хатта, мандара hāzà; логоне хò'dégà; габри kala, чире gotto, сарва adoa, барейн iti, йегу 'étó, m. (мн. 'èté), муби ádùwóm (мн. ádè); и.-е. 'ветка': армян, ost, греч. 'όζος (эолийск.) 'ὄσδος, гот. asts, др.-верх.-нем. ast, др.-англ. o̅st ('нарост на дереве' — 'место, откуда растет ветка'), сербохорв. hr̆ast 'дуб' < *xvorstь 'хворост, ветви' (см. также рус. дуб, ветвь, хворост и т.п.), урал.: саам. dutkum 'почка на дереве', удмурт, tul'um 'молодые верхние побеги' [21,1:277]; 2) 'рука': урал.: фин. k̆ate-, саам. gietta, морд. k̆ād', (эрзян.) ked', марийск. kit, мансийск. (юж.) k̆āt, хантыйск. (вост.) k̆öt; 'затылок':с.-х.: египет.-арамейск. qdl, еврейско-арамейск. q̆ədālā; монг. письм. ḡede; тунг.: удэйс. ḡädiga, эвенкийск. ḡädimuk; грузин, ked-; 'анус': билин ḡiṭ, qiṭ; 'темя' (картв.: чан. dud-, верх.-аджар. dud-), 'голова' (картв.: мегрел. dud-, урал.: эстон. ots, õts 'голова, конец, острие'), 'сосок груди' (картв.: сван.: dud-ül), 'зад' (кушитск.: хамир. hodā, хамта ḡid, сомали gadāl; алт.: узбекск. ketin) и как развитие этих значений: 'после, за' (кушитск.: ха-вийа ḡédāl, сидамо gidensā), 'сзади' (кушитск.: кулло ḡedo, уральск.: фин. takana саам. duokken, ненецк. t'axana, эннецк. tahane, нганасан, takanu, селькуп, takkan, камасин. takkan), 'задняя часть' (кушитск.: гофа gedo), 'позади, после' (алт.: чагатайск. keḍin), 'грудь' (семитск. *d(j)d, картв. -m-ḡerd-/m-ḡrd-), 'оконечность, кончик, верхушка' (урал: манс. tal'əx,

хантыйск. *tõj*, драв.: тамил. *tuti*, каннада *tudi*, тулу *tudi*, телугу *tuda, tudi*), ‘лоб’ (урал.: фин. *otsa*, вепс. *ots*), ‘хвост’ (картв.: грузин. *ḡud-*, чан., мегрел. *ḡud-el-*, сван. *ha-ḡwad, ha-ḡwd-ul*; алт. (тюрк.): тувин., карагас. *kuduruk*, якут. *kuturuk*, монг. письм.: *qudurḡa*, халха *xudurḡa*; с.-х.: чадск. **gdr/ktr*: мандара *katalja*, падокво гидер *kutra*, мусгу *gider*, маса *gidera*); и.-е.: латин. ‘чуб’ (и.-е.: литов. *kuõdas* ‘чуб’) и т.д. В эту группу входят также названия дóма (и.-е.: авестийск. *katá* ‘каморка, кладовая’, перс. *kad* ‘дом’, церк.-слав. *котьсь* ‘каморка’, зап.-кушитские: гофа *keḡa*, гимирра *kēḡ*, кафра *keḡo*), камня, стены (карт.: *ḡed* ‘камень, который кладется по углам строения’, *ḡed-el* ‘стена’ в груз., *kida, koda* ‘стена’ в чанском, *ḡida(la)-* ‘стена’ в зугдидском), дравид.: *kaḡaḡ* ‘каменная стена’ в ката, *kaḡḡa* ‘запруда для ловли рыбы’ в гонди, *kaḡḡa* ‘дамба’ в найки, парджи, *kuḡi* ‘дом’, *kōḡ* ‘стена’ и с.-х.: сирийск. *ḡaḡḡō* ‘кремень’), града (др.-ирланд. *casar f.* < *kad-tar-ā* ‘град, молния’), и т.д.

§ 4. Поле слов со значением ‘солнце’

1. Обратимся к названиям солнца в языках банту. В отличие от слов со значением ‘земля’, имеющих однотипный *t*-облик в ЯБ, название солнца артикулируется по-разному; это приводит к множеству вариантов, различающихся составом гласных и согласных, а также количеством слогов и типами интонационных структур, — например: *ḡoḡa, dḡba, dḡawḡ, 'iliḡa, ezuḡa, ḡsuwa* и т.д. Многообразие аллофонов в финали (*ба, р, э, awḡ, ba, βa, wḡa, wa, oḡ, a*) свидетельствует, что речь идет о бифокальной артикуляции лабиовелярного типа, которая может давать в современных языках рефлекс в виде лабиальных согласных (*ba, p, βa, wa*), лабиовелярных полугласных (*wḡa*), глоттализированных билабиальных согласных (*ба*)* и гласных, при произнесении которых осуществляется углубление (веляризация) артикуляции (*awḡ*) или ее продвижение вперед (*oḡ*): один гласный соответствует велярному компоненту, второй — лабиальному.

При образовании финали основная роль принадлежит губам и глотке. Анализ инициальных слогов показывает, что здесь доминируют не губы и глотка, а язык и ротовая полость. Местом артикуляции являются зубы, альвеолы, мягкое нёбо или велюм; звук возникает как при имплозии, так и при эксплозии; он может быть смычным или спирантом, дрожащим или плавным, сонорным или шумным, носовым или ротовым, центральным или латеральным: все эти факторы для исходного звука, по-видимому,

* Об интерпретации импловивных как глоттализированных см. [103:7].

были иррелевантны, поскольку впоследствии развились противоположные по каждому из перечисленных признаков фонемы; релевантным оказывается единственный признак, сохраняемый любым рефлексом: активное положение языка по отношению к ротовой полости.

Исходный звук, стоявший в инициали, можно определить как язычный. В большинстве примеров он передается спирантом; в ряде случаев особо фиксируется его соноризирующий характер (iyuβa, iliŵa, iizuβa, diūba, juūba, ntʃuwa, ‘euβa, enjuba, nzoa, ɣoza, lɔba, ŋguba, ŋsuwa), повсеместно отмечается, что он является слогообразующим элементом (см. двух- и трехсложную структуру слов). Поэтому наиболее вероятным является предположение, что в инициали исходного слова стоял слогообразующий язычный сонант (плавный или вибрант).

Соединяя инициали и финали слов, передающих значение ‘солнце’ в ЯБ, и отмечая вариабельность огласовки инициали, свидетельствующую о размытости вокалических характеристик первого слога, наблюдаемую в случае полугласных, можно предположить, что праформа имела вид слога, состоявшего из трехфокусного лабиовеляризованного вибранта, среднеязычного или плавного, и гласного а (*[(l/r/t)ʰa] и т.п. записи, фиксирующие посредством последовательности знаков симультанность многофокусной артикуляции).* Лабиовеляризованные вибранты не редкость для африканских языков, особенно часто они встречаются на территориях, сопредельных с северной границей ЯБ (см., например, в фула goŋko ‘человек’ — wogbe ‘люди’), или в северных зонах ЯБ, где представлены многофокусники, передаваемые комбинацией лабиовелярных и вибрантов; аналогичные явления зарегистрированы в языках манде (кпелле и лома),

*Ср.: “К такому же разряду весьма гипотетических построений, которые могли бы иметь отношение к более отдаленному периоду в развитии индоевропейской языковой системы по сравнению с периодом ее распада на отдельные диалекты, относится реконструкция в системе ряда лабиализованных дентальных смычных фонем, предполагаемых таким рядом соответствий, как: # dɥ- ~ #d- ~ #ɥ ~ #(e)rk- ~ #b”: др.-инд. dváu, авест. dva ‘два’ ~ хет. ta-a-i-u-ga-aš ‘двухлетний’ - гот. wi-t ‘мы оба’ ~ арм. eŋku ‘два’ ~ авест. baē ‘два’ и т.п. [13,1:133]. Подобные колебания в передаче лабиального комплекса с дентальной смычной могут свидетельствовать о монофонематичности такой последовательности. При этом допущении исходную индоевропейскую фонему можно было бы представить в виде глоттализованной дентальной фонемы с признаком лабиализации’ [13,1:133]. Такие построения, выводимые путем внутренней реконструкции с учетом типологических данных, могут отражать соотношения, существовавшие в фонологической системе индоевропейского языка в более ранние периоды его развития, предшествовавшие периоду перед расщеплением его на самостоятельные индоевропейские диалекты’ [13,1:134].

кру (гребо и др.), шари-нильских (мун, дангалеат) и т.д. [140]. В банту они типичны для рунди [40:111], зулу (hlw и т.п.) и многих других юго-восточных языков.*

2. В зависимости от того, какой элемент трехфокусника произносится наиболее отчетливо (это определяется разной активизацией губ, языка и глотки в различных языковых коллективах), образуются различные цепочки монофонем; например, говорящие на гикую подчеркивают вибрантный характер многофокусника, его лабиовелярность передают огубленностью веляризованного гласного, и в итоге название солнца произносится ими как геoa; носители языка хай выделяют не вибрантный характер двухфокусника, но его глоттализованность и лабиализованность; вибрантность интерпретируется как спирализация: iɓuɓa; в луяна дрожая артикуляция заменена плавной, лабиовелярная передана сгубленным лабиовелярным полугласным: 'iliŵa, и т.д. Результатом таких модернизаций артикуляции, сопровождаемых в ряде случаев назализацией вторичного порядка, является следующая серия форм, служащих названиями солнца в современных ЯБ: ɾɔa в гикую, lɔba в дуала, 'iliŵa в луяна, liuɓa в мвера, liluɓa в нденгерекко, liɓuɓa в матумби, tʃuba в бембе1, mʃuwa в яо, akasuɓa в бемба, iɓuɓa в ньикюса, ŋsuwa в ломве, pɔa в ниламба, kizuwa в мбунду1, izuɓa в руанда и ила, iizuɓa в тотела, ezuɓa в нгандьера, 'zuwa в маньика, izooɓa в ньоро, idzuɓa в рунди, idzuɓa в сагала1, dzuwa в манганджа, piɓwa в нгулу2, jɔba в бенга, jɔp в буду и бене, jɔɓa в каланга1, jua в унгуджа, juɓa в луба-катанга, enjuba в ган-да, dɔba в лунду, dɔɔ в мвумбо, düawɔ в макаа, 'diɓa в луба-касаи, iduŵa в маконде, 'ɔuɓa в венда, iɓuɓa в хай, iuɓa в тикую, 'euɓa в гереро, ŋuɓa в сонге, и т.д.

Общим для этих форм является сосредоточение глоттализации перед артикуляцией язычного компонента и лабиализации после него. Это можно зафиксировать посредством символов *['(l/r/t)°a]. Если лабиоглоттализация сопровождается только финальную часть артикуляции, возникают

* Ср.: “Реконструируемые индоевропейские лабиовелярные фонемы, в частности фонемы серий I и III, лучше всего сохранились в латинском языке (и в германском), в которых они отразились как единичные лабиовелярные фонемы: гот. k^w (передаваемое на письме специальным знаком q) и h^w (передаваемое на письме особым знаком h, отличным от h), лат. g^w (на письме gu) и k^w (на письме qu)” [13,1:87]. “Характерно, что в готтской письменности, строго придерживающейся фонемного принципа и выражающей каждую фонему одним графическим символом, сочетания звуков k и h с последующим лабиальным элементом передаются особыми знаками, отличными соответственно от знаков для k, h и w, ср. также в готтском письме отличие в передаче фонемы /h^w/ и группы hw различными знаками” [13,1:87].

такие формы со значением ‘солнце’, как *litaŋgwa* в мбунду, *itaaŋwa* в лунда, *dtaqa* в ееи¹, *ditaaŋu* в одном из диалектов луба-касаи, *etaŋgo* в квань-яма, *ṭtaaŋ* в бушоонг, *dtaa* в мбием, *ilaŋga* в зулу и т.п. Их построение отражает формула $*[(l/r/t)^\circ a]$. Формулу $*[^\circ(l/r/t)u]$ иллюстрируют слова: *igugu* в ньоро и ньянкоре, *eggulu* в ганда, *ḗliḡoḡo* в логоли, *igulu* в суку-ма, *riulu* в мбунду¹, *eḡulu* в ндонга, *euugu* в гереро, *idzugu* в рунди, *izulu* в к’оса и зулу, *iulu* в лунда, *ilu* в мбунду², *lilu* в лвена, *ulu* в хунгу, *ṭoḡo* в поке, *liḡoḡo* в ломбо, *likulu* в ханга, *iwulu* в субиа, *gwəwu* в конабем и беквил.* Их значением является ‘небо’. Это — тот же корень, но с иной огласовкой финали (и, а не а).**

В некоторых языках в эту же семантическую группу попадают названия луны (*hweri* в ронга, *kwēzi* в луба-катанга, *kaḡwezi* в лвена, *kaḡwēzi* в лунда, *pwēdzi* в сукума, *ḡwezi* в шамбаа, *mḡedzi* в маньика, *ḡwedzi* в венда,** kweḡḡi в мбове, *kwēḡi* в нгандьера, *ukwēti* в луяна, *ukwēzi* в рунди, *okwēzi* в ньоро и ньянкоре, *ḡezi* в мбунду¹, *mweri* в вунджо, *mḡēḡi* в ниламба, *mweri* в макуа, *mḡēḡi* в гикую, *mḡēḡi* в камба, *mḡēi* в мвера, *mwezi* в унгуджа, *omḡwēzi* в ганда, *mḡēḡzi* в луба-касаи, *mwezi* в ила, *mwezi* в манганджа, *omḡweḡe* в гереро, *mḡēsi* в каланга¹, *mḡeḡi* в тикую, *omḡwēsi* в ньикюса, *mḡēsi* в яо, *umḡwēḡi* в бемба, *mḡēdi* в маконде, *modi* в дуала и т.п. формы, восходящие к i-огласовке исходного корневого согласного: $*[^\circ(l/r/t)i]$; лунного света (*eḡeḡi* в бобанги, *mēēi* в эна, *mḡeḡi* в булу и бене, *ḡweḡi* в мбунда, *ḡeḡi* в тетела, *omḡweḡi* в кваньяма, *lwezi* в конгоц, *lwēsi* в яо, *kiezi* в хунгу, *umḡēzi* в рунди, *omḡwēzi* в ньоро, *mwezi* в бвенде, *mḡezi* в лвена, *mḡēzi* в луба-катанга, *mwezi*

* Эти примеры демонстрируют естественную зависимость: при а-огласовке двухфокусника первым артикуляционным движением становится язычное, вторым — огубление и сужение глотки; велярный характер финального гласного предопределяет противоположное направление в упорядочении движений: от губ и глотки к движению языка.

** “Такой след лабиовелярных в древнеиндийском проявляется в факте вокализации долгих (и кратких) слоговых сонантов $*ṝ(*ṛ)$, $*ṝ(*ṛ)$ в виде последовательности *ṝṝ* в позиции после заднеязычной, восходящей к индоевропейской лабиовелярной фонеме (как в позиции после собственно лабиальной смычной), тогда как после остальных смычных, то есть дентальных, чистых велярных и палатализованных, вокализация слоговых сонантов дает сочетание *ṝ(ṝ)*... Др.-инд. *r̄ṝṇá-* ‘полный’, лит. *p̄l̄nas:* и.-е. $*p[h]̄[-n-]$ [13,1:93].

*** По-видимому, в этих словах наблюдается переразложение морфем: генетически велярный согласный был корневым, затем он стал интерпретироваться как префикс. Аналогичная ситуация представлена и в других случаях. Переразложению морфем особенно содействовала назализация и образовавшиеся на ее основе назальные, которые стали интерпретироваться как префиксы существительного.

в манганджа, unyezi в зулу, mwedi в ндинги, miedij в нгом), утренней звезды (ikhwezi в зулу, mulaani в лунда, — ср. различие в огласовках иници-алей слов, соответствующее отмеченному выше), пламени (mulanga в бемба), звезды (mwedy в бушоонг, nyeredzi в каранга, inyenyeni в рунди, nyenyedzi в маньика, — с двусторонней фронтальной огласовкой исходного корневого согласного и его палатализованной артикуляцией), острова (ikirga в руанда, esgwa в ньанкоре, tjiwa в ила и ньанджа), земли (ekyaro в ньоро, ekyalo в ганда, icyalo в ханга, calo в манганджа, itjyalo в бемба, mwalo в гуха,* -hlabo в зулу).**

По-видимому, в эту же группу однокоренных слов входит название Плеяд (keřemera в гикую; ki-rimira в ханга, kilimia в унгуджа, seřemela в сутою, isilimela в к'оса и зулу, ilimila в яо). Глагол 'светить' также является дериватом от *[(l/r/t)°], как и существительные, он артикулируется в различных языках по разному: с лабиовелярной инициальной и плавной финалью (-wa- в манганджа), лабиальной инициальной, плавной серединой и велярной финалью (-balig- в куква), плавной инициальной, велярной серединой, лабиальной предфиналью и назальной финалью (-langiban- в бобанги), велярной инициальной, плавной серединой и назально-лабиальной финалью (-kalim- в нтомба) и т.д.: -bal- в фуму, бембе1, луба-касаи, -ar- в гикую, -bal- в яо, -balel- в зулу и к'оса, -balam в педи, -ball- в сутою, -baol- в боон, -al- в тетела, -balim- в бобанги, -badim- в ква-ньяма, -barim- в бубею-в, -bazimul- в зулу, -lak'am- в сутою, -languk- в яо, langaz- в сагала1 -langal- в хехе, -anga- в унгуджа, -laanalir- в ханга и т.д.

3. К этой семантической группе относятся также во многих языках банту названия бога: -lungu 'бог' в гирьяма (mungu в унгуджа, umulungu в бемба, mulungu в манганджа, plungu в яо, pnungu в маконде, mluku в макуа), предка (umkhulu в зулу, omukuru в гереро и аналогичные слова в других языках), духа (gumu в хай, -limo в мболе, монго и бобанги, -gumu в нданди, dimo то в дуала, dimu в нгандьера, -zimu в ньоро, ньанкоре, ганда, рунди, унгуджа, манганджа, -dzimu в сукума, -zimu в лвена, лунда, бииса, -dzimu в маньика, -dzimu в венда, -dimo в сутою), табуируемых реалий (-iga в венда, -gili в бали1, -kila в тетела, -zila в лвена,

* В перечисленных названиях земли корневой слог состоит из плавного огубленного, а префикс соотносится с велярным или лабиовелярным компонентом в ньоро, ганда и гуха и с палатальным в остальных языках. На фоне этих слов видно, что выделение префикса произошло по аналогии; генетически он составлял с корнем единое целое, возникшее вследствие развития глоттализованного язычного консонанта по формуле: [(l/r/t)°a].

** Дальнейшее развитие исходного значения представлено в t haro 'могила' в венда, njwalo 'взморье' в сукума, t alo 'поле сахарного тростника' в шамбаа.

луба-касаи и луба-лулуа, -nʒila в лунда, -ila в мбунду₂, -ɖila в кваньяма, -ila в сутою, -kiɓo в бобанги, -dziro в рунди, -ziro в ньоро и ньянкоре, -ɣiɔ в гикую, giɓo в сукума, -ziro в унгуджа, -ɖilo в бемба, iɓo в педи, -iro в венда), белого человека (-ruŋgu в зезуру, -lok'o в педи, -luŋgu в к'оса и зулу, -jɔŋɔ в комо, dzūŋgu в рунди, -dzuŋgu в мбунду₂, -jūŋgu в ньоро, -zūŋgu в ньянкоре, -zuŋgu в шамбаа и ндау, 'hdzūŋgu в сукума, sūŋgu в яо, sɔŋɔ в камба, -sɔŋɔ в келе, sɔŋɔ в мболе, -ɖɔŋɔ в гикую, -sūŋgu в бемба, -tɕŋgu в мпото), людоеда (-ɣimɔ в гикую, -zimi в к'оса и зулу), мужчины, мужа (-lume в нданди, луба-касаи, бемба, нсенга, яо, мбунда₂, -lume в ганда, -ɣɔmɛ в гикую, -ɣume в гереро, -ɣume в маньика, -lɕm(i) в нзеби, ɔlã(m) в нгунгвел, -lumi в бали₁, ила и конгоц, -lɔmɛ в келе₂, -lume в нданди, -lɔm в мбене), брата жены (дяди по матери) (malume в чева, malɔmɛ в сутою, -ɖɔmɛ в дуала, -ddɕm(i) в нзеби, -ɖɔm в булу и бене, -dume в бембе₁ и бемба),* женщины, жены (-galɪ в поке, -ɣadɪ в тсого, mwaŋgadzi в тонга₃, ŋgal в булу и бене, -kali в бали₁, -xalɪ в со₂, bwalɪ в ломбо, wadɪ в тетела, mwadɪ в бенга, -kazɪ в ньоро, ньянкоре, ганда, манганджа, -kazɪ в конгоц, луба-касаи, луба-катанга и ила, -kasɪ в каланга₁, -katɪ в луяна, -kaɖe- в гереро, -ganɪ в ямбаса, -ɣatsɪ в лумбу, -kɛd(i) в нзеби, -kadzi в рунди, -kaɖi в бемба, -ālɪ в нданди, -alɪ в сагала₁, -ājɪ в луба-катанга, -alɪ- в кваньяма, ɔmwaɣɛ в нгом), дочери (mwāɣɛ в гикую), вдовы (kyādi в конгоц), женщины, поздно начавшей рожать (omwarɪ в гереро, bwāl в бушоонг), девушки (ŋwarɪ в шамбаа, mwali в унгуджа и лвена, mwālɪ в яо, mwājɪ в лунда, ŋwalɛ в сутою, mwarɪ в ньюнгве), брата (-loŋgo в каонде и яо, -loŋgo в манганджа, -noggo в чопи), друга (mulɔŋgo в ила), сестры (-lūmbu в яо, -lūmbu в сукума, -ɣɔmbɔ в ньикюса, ndumbu в нгангела и хунгу, gumbɪ в гереро), старшего брата или сестры (ɔkwəl в нгунгвел, bɔɓo в келе₂, wɔɓo в тетела, ŋɔɓo в бушоонг, omukugu в нданди, -koɣo в гикую, -kulu в луба-касаи, -kugu в квамби, -hɔɓo в сутою), важной персоны (-kugu в рунди, ньоро, ньянкоре и маньика, -kulu в ганда и луба-катанга, -koɓo в ниламба, -kuu в унгуджа, -hɔɓo в сутою), взрослого человека (-kugu в ньоро, ньянкоре и маньика, kulu в ганда, луба-катанга и бемба, -ɣɔɓo в ямбаса, -khulu в сукума), старика (kulu в конгоц, луба-касаи, луба-катанга, мбунду₂, -koɓo в камба), двоюродных братьев и сестер по женской линии (-vuāra в рунди, -fyāla в нкоя и бемба, -zala в зулу, -tsw'ala в сутою), сводных братьев или сестер

* Другими словами, в перечисленных языках банту описывается ситуация, при которой белые люди ('дети солнца') были родственниками жены, чернокожие называли себя 'детьми земли' (-ntu и т.п.); становясь мужем белой женщины, чернокожий как бы приобретал признаки ее 'солнечного рода'.

(ɲkhwēla в сукума), первенца (-βeri в гереро, -βeli в кваньяма, бемба и мбунду¹, beji в луба-катанга и каонде, -βedi в санго, -yeli в мамбве), потомка (-ūdzukuru в рунди, tjukuru в ньоро и т.п.).*

Здесь также представлены такие слова, как ‘кровное родство’ (-longo в матенго и манганджа, lōŋgɔ в луба-катанга, lōŋgɔ в яо), ‘семья’ (-looŋɔ в луба-касаи), ‘семейный клан’ (-goŋgɔ в венда), ‘племя’ (-loŋgɔ в лега, -goŋgɔ в квамби, -lɔk’ɔ в суюто, -luuŋɔ в луна, duŋgɔ в комбе, ɛŋgɔ в тсого), ‘возрастная группа’ (-kula в мбунду², -kura в гереро, kɔɛ в булу и бене, ɲkɔla в мпонгве, -ɲkɔla в монго), ‘полигамия’ (-hali в лвена, -haji в лунда, hmali в сукума, -pali в бемба, ɛva(l) в булу и бене, -pali в нсенга, -adi в ила).** Все эти слова, как и описанные выше элементы ‘солнечного поля’, можно рассматривать как r/l/t-дериваты.

Из животных r/l/t-маркер имеют*** *носорог, черепаха, шакал, лошадь*, несколько разновидностей *антилопы* (импала, куду и бавала); не имеют r-маркеров *собака, бык, корова, овца, бегемот, леопард, кошка, дикий кот, виверра, гиена, эланд*; для названий *льва, козла, слона, буйвола, домашней и дикой свиньи* существуют параллельные формы (в одних языках с r-слогодом, в других — без него).

4. Эти примеры свидетельствуют о вариации огласовок многофокусни-ка, служащих для регистрации различия в значениях (a-огласовка противопоставлена i-, u-огласовкам).**** Можно предположить, что эта оппозиция

* Есть названия жены по ‘принадлежности к мужу’, — см. ассоциативные морфемы ka, ke, k в сочетании с силлабемой, представленной в алломорфах слова ‘человек’: -ketu в пенде, -kentu в нгангела, -kēnto в конго_ц, -hetu в мбунду¹, ɲkentɔ в нтомба, -ɲɛtɔ в тсого, -kaintu в ила, -kainhu в кваньяма, ɲwatɕ в вумбву, ɲajnto в нтомба и т.п.

** Напрашивается гипотеза о счете кровного родства со стороны матери и возникновении понятий о семье, клане, племени и т.п. в связи с женской линией.

*** Во многих языках банту r отсутствует, автохтонное население артикулирует его с трудом (заменяется o, l, z и др. звуками). Ниже эти звуки описываются как аллофоны r.

**** Ср.: “Таким образом, гласная фонема V, постулируемая для раннего периода общеиндоевропейской языковой системы, проявлялась в виде гласного тембра e (основной вариант фонемы), а также в виде гласного тембра a (в отдельных редких случаях в соседстве с H) и гласного тембра o (в соседстве с фонемой H°)” [13,1:160]. “Такое тембральное влияние ‘ларингальных’ на общеиндоевропейскую гласную фонему V следует объяснить фонологическими признаками самих ‘ларингальных’, характеризовавшихся, очевидно, постериорной артикуляцией, более задней, чем увулярные фонемы. Типологические соображения дают основание для рассмотрения этих фонем в качестве фарингальных непрерывных звуков. Благодаря фарингальной артикуляции гласная V в соседстве с такой фонемой проявлялась в виде гласного тембра a. Тембр o объясним с допущением при фарингальных дополнительного признака лабиализованности: H°V → H°o, VH° —’ oH°. Проявление гласной фонемы V в виде гласного

развилась из синкретичной огласовки, и исходная силлабема имела вид: *[(r/1/t)'^o^], где ^ обозначает синкретичный гласный. На её основе впоследствии развились носовые и ротовые варианты, охарактеризованные выше. Эволюция тембровых характеристик в регистровые [40] привела к формированию тональных структур (нисходяще-восходящей, восходящей, восходяще-нисходящей, нисходящей) в зависимости от дальнейшей дифференциации значений или артикуляционных навыков речевого коллектива, возникавших самостоятельно в дочерних подсистемах.

Например, в различных ЯБ функционирует основа, первый слог которой состоит из веллярного или лабиовеллярного и гласного заднего ряда, а второй — из плавного или вибранта, завершающегося гласным не-переднего ряда. Эту основу с нисходящей интонацией на каждом слоге имеют, в частности, слова со значением ‘небо’: iguru (E11, E13), eggulu (E15), ɛlɪgɔɫɔ (E41), igulu (F21), eɣulu (R22), likulu (E32a), lɪkɔɫɔ (C54), idzuru (D62), izulu (S41, S42), eyuru (R31), ɪɔɫɔ (C53), ulu (H33), iulu (L52), ilu (R11), lilu (K14), iwulu (K42), gwəwu (ASS), которые, как это было показано, и по форме и по значению можно рассматривать как рефлексы *[^o(l/r/t) u]-корня.

Дальнейшим развитием той же силлабемы являются слова со значением ‘верхушка, верх, вершина’ (oru-guru, E11; or-guru, E13; i-ɣɔɫɔ, E51; eɲ-gulu, E15; e-ɣulu, R22; ɛlɪ-gɔɫɔ, E41; eɪɪ-ɣulu, D42; lɪ-kɔɫɔ, C54; e-yuru, R31; i-ulu, L52; ulu, H33; li-kulu, E32a; ɪ-ɔɫɔ, C53; umu-ulu, M42; ɪ-ɲɔ, B 11 a), — ср. E32a, C54, R31, C53, H33, L52 с предыдущей серией, откуда ясно, что наряду с полиморфизмом существует полисемия), ‘холм’ (eke-gɔɫɔ, E41; esi-kulu, E32a; ɫɔ-gɔɫɔ, D28b; lu-kulu, D54; ɛ-kɔɫɔ, B81; lu-gulu, F22; lu-ulu— ɲ-gulu, L33; owulu, R11), ‘термитник’ (ɪɪ-gulu, F21; li-ɲgulu, K15; ki-ɣuu, G21; ici-gulu, G61; ky-ūlu, L33; itɪ-ūlu, M42; tɪ-uru, S12; tɪhi-uru, S21; sɛ-ɔɫɔ, S33; lu-ulu, M63; tɪ-ulu, N31c; ɪi-ugulu, P22), ‘вечер’

тембра е в соседстве с фарингальной фонемой могло быть связано с дополнительным признаком палатализации при фарингальной: $\hat{N}V \rightarrow \hat{N}e$, $V\hat{N} \rightarrow e\hat{N}$ ” [13,1:159]. “Этот процесс должен был быть естественным следствием появления фонологически противопоставляемых гласных *а, *е, *о, в соседстве с которыми три разновидности ‘ларингальных’ трактуются по необходимости как фонологически обусловленные варианты одной общей фонемы в зависимости от соседства с вокалическими фонемами разных тембров. При этом есть все основания полагать, что лабиализованный ‘ларингальный’ Н^o еще раньше начал совпадать с основной немаркированной фонемой Н в результате возможной передачи признака лабиализации последующей гласной фонеме V, выступающей в таком случае в виде гласного *о: Н^oV → Но (ср. типологически аналогичное развитие гласного под влиянием лабиализованных согласных в ряде кавказских языков...), а также в результате превращения в некоторых случаях признака лабиализации при ‘ларингальной’ в независимую фонему: Н^o → Нц” [13,1:171].

(eggulo, E15; gulo, G24; li-gulo, P21; li-ulo, P23; tʃi-ŋgulo, N41; ŋ-ɔʔ'e, A74; ma-uro, S12; kɔɭɔ, A34), 'вчера' (i-kulo, E33; i-yulo, E74b; j-gɔla, F24; i-gulo, G12; yulo, G23; zuro, S13a; kɔɭɔ, A33b; oŋ-gulo, R23; a-ŋɔʔ'e, A74).

Параллельно этим словам существует серия: ŋ-gula, B75, H16b, K14; ŋ-gɔla, C32, C71; eŋ-gula, D42; 'ŋula, L52; ŋguula, F21; ŋ-gura, S13a со значением 'реалия красного цвета' и восходяще-нисходящей интонацией. Повсеместное присутствие назальных говорит о вторичности серии, а интонационная структура — о развитии не от г-силлабемы со значением 'небо', но от ее предшественницы, имевшей синкретичный интонационный рисунок, благодаря чему в потомках развивались как структуры типа HĖVĖĤ, так и VĤVĤ.* Представителем еще одного самостоятельного пути развития являются серии со значением: 'небо' (i-kɔɭɔ, B25; i-kɔɭɔ, C32; di-ũlu, L31a; ju-ũlu, L33; e-yuru, R22), 'вверху' (waɛɔɭɔ, E55), 'вверх против течения' (ɔ-kulu, B75; mo-kolo, C32; a-kɔɛ, A74; i-kɔɭɔ, B25; i-kɔɭɔ, C61a) и с нисходяще-восходящей интонацией (VĤHĖ).

Подводя итоги рассмотренных выше материалов, можно констатировать, что для обозначения 'земных' реалий (земли и ее отчуждаемых или неотчуждаемых принадлежностей) в исследуемых языках используется t-слог, а для фиксации 'солнечных' реалий — г-слог, при этом t-слог может выступать как частный случай (упрощенный вариант) г-слога, но не наоборот: *(l/r/t)'° → *t'° (но не наоборот).

5. Среди африканских топонимов выделяется серия слов, содержащих плавный или вибрант и лабиовеляризованный велярный. Во многих случаях он назализован. Это — следующие названия гор, рек, стран, городов, селений, парков, местностей и территорий: *Угалла, Усагара, Бандиагара, Сенегал, Сенекал, Бангала, Гангала* (на Бодло), *Калангала, Кимвангала, Мингала, Монгала, Монгалла, Пангала, Кинкала, Лонкала, Велингала, Гангара, Квангар, Нгара, Ниангара, Пангар, Нагара, Ангола, Муконгола, Накасонгола, Нгонгола, Понгола, Чингола, Контигора, Гонгола, Донгола, Кангола, Капонголо, Ингололо, Ванголодугу, Конголо, Конгор, Танксеро, Ванкоро, Анкоро, Сананкоро, Мананкоро, Бананигоро, Морогоро, Себекоро, Монгороро, Нгоро, Нколо, Шонгорон, Абенгуру, Бангуру, Букуру, Умзимкулу, Нкулупу, Якригуру, Рукуру, Санкуру, Мбемкуру, Кукуру, Лутунгуру, Киса-Нгулу, Бангвеулу, Ньяхуруру* (Фале), *Монгбвалу,*

* Ср.: "Хорошей типологической параллелью такого развития признака глоттализации с превращением его в суперсегментный признак может служить пример глоттальной диссимиляции в лаху, одном из языков тибетско-бирманской группы. В лаху в определенных фонетических условиях происходит утеря глоттализации с превращением ее в признак высокого тона, вызвавшим преобразование первоначальной тональной системы языка..." [12,1:36].

Каунгула, Матангула, Нкурала, Могало, Онгару, Тугела, Сегела, Бенгела, Бангера, Лингере, Кенгере, Рухенгери, Микенгере, Нгеренгере, Кипенгере, Манзенгеле, Нгеле, Тиньере, Мобензеле, Нзерекоре, Зунгеру, Кисангире, Киньянгири, Минкири, Сигири, Бонгила, Дингила, Исангила, Дингирае, Мкангира, Кигали, Млангали, Илангали, Калангали, Маканкари, Бирни-нГвари, Бирни-Нгауре, Тангале, Кунгури, Майдугури, Рукунгури, Югури, Утенгуле, Конкуре, Конкул, Рувензори, Конкори, Тереколе, Теркуэлл, Васо-Ньиром и др. Если предположить, что разнообразие огласовок имеет вторичный характер, то в основе тех из перечисленных топонимов, которые произошли из древних бантуских корней, лежит один и тот же корень, возникший из 'солнечной' моносиллабемы *[(l/r/t)'^oa] в результате однотипной артикуляции, которая начиналась с движения глоттальных мускулов (см. префиксные слоги *ка, га, нка, нга* и т.п), продолжалась ретрофлексным, латеральным или вибрирующим движением в полости рта (слоги в финалях) и могла осложняться округлением губ и назализацией (см. инициали). Однотипность их артикуляции свидетельствует об общности особенностей речевого аппарата автохтонов, давших эти названия тем частям своей страны, которые казались им солнечными или напоминали какие-либо атрибуты солнца.

Более редки топонимы, содержащие в двух последних слогах плавный или вибрант и артикулируемые в обратном порядке (полость рта — гортань): Мкуранга, Лиранга, Бокаранга, Заланга, Лванга, Залангое, Калванго, Байшу-Лонга, Малонга, Чилонга, Салонга, Лулонга, Луонго, Карунгу, Аргунгу, Булунгу, Валунгу, Мпулунгу, Вирунга, Сакалунга, Лунга, Мвинилунга, Рунгва, Рунка, Рунгве, Лунгвебунгу, Навронго, Лонге, Лонгве, Пилонгве, Киронгве, Иринга, Баринга, Маринга, Кипилингу, Иньякаленг, Иринго, Карианго, Боринго, Лушеринго, Залингей, Филлинге, Наленге, Мараленг, Гатленг, Геленг-Денг, Боленге, Локоленге, Маленге, Нчеленге, Чиленге, Ленге, Леанге, Галанге, Лванге, Жесаланге, Лвангинга, Орангу и др.

§ 5. Ностратические параллели

1. За пределами языков банту неземное («солнечное») начало зафиксировано посредством слога, содержащего лабиовелярный вибрант или его алломорфы (например, плавный, лабиовелярный, глоттализированный сонант и т.д.), во многих пантеонах богов: солнечный сокол Гор и бог солнца Ра у египтян, богиня Иштар, *Ḫurriš* и *Šeriš* (мифологические быки бога грозы) у хеттов, Перун (см. также русск. 'гром') у славян, Энлиль у шумеров, древнейший ливийский солнечный культ с его солнечными

быками и баранами, нашедший широкое распространение по всей Северной Африке и отразившийся в сахарских наскальных изображениях быков и баранов с солнечными дисками между рогов, которым поклоняются люди и приносят в их честь дары и жертвы.*

Подобно тому, как формируется название человека у многих народов посредством указания на его связь с *землей* (см. t-образные корни со значением 'человек'), у других народов возникает представление о 'солнечном начале' человека, и названия людей строятся по отношению к 'солнечному' корню. В противовес ЯБ, где эти существительные выступают как наименования не бантуязычных народов, есть языки, где г-образные корни со значением 'человек' функционируют как самоназвания автохтонов. Например: ruhu-r 'человек' в эламском, ruhu-irra 'человеческое существо' в новоэламском, -lu (amelu, ailu < 'auilum) в среднеас-сирийском (в староакк. есть nišū 'люди', по-видимому, с t-образным слогом), ur в шумерском, lú в позднешумерском, gogko 'человек' — wogbe 'люди' в фула, gaàn в динка, gè-mir 'люди' в дангалеат, агп 'человек' в армянском. В том же ряду оказываются: ewgi 'царь, господин' в урартском, šarrum 'царь' в староаккадском, gāj- в др.-инд., gēx в латин., gí в ирланд., царь в русск., 'ēl ('ēlō^ah) 'бог' в др.-еврейском, 'lhw 'боги' в я'удийском диалекте староарамейского, gəḅar 'муж, мужчина' в древнееврейском, hiḡi 'муж' в мун и т.д.

2. В ностратическом словаре Иллич-Свитыча 'солнечный' слог представлен во многих сериях слов. Например: с.-х., семит.: ḡhr 'ослеплять солнечным светом', 'быть ясным' в арабском, ḡhrr 'быть, становиться светлым' в сокотри; ḡhr 'быть ослепленным светом' в сирийском; hrw 'день' в др.-египет.; кушит.: ḡirgā/ḡarik в билин, ḡirkā в хамир, ḡirgā в дембья,

* «Анализируя египетские и сахарские наскальные изображения, Винклер убедительно показывает сильное влияние ливийцев на додинастический Египет. Например, он устанавливает ливийское происхождение «солнечного барана» на египетских петроглифах, что свидетельствует о заимствовании солнечного культа из Северной Африки... Вообще, древнеегипетский Амон, по-видимому, сформировался в важную фигуру позднейшего египетского пантеона под влиянием представлений древнейшего ливийского солнечного культа, следы которого по всей Северной Африке ('солнечные' быки и бараны) очень многочисленны...» «О широчайшем распространении по всей Северной Африке солнечного культа свидетельствуют наскальные изображения быков и баранов с солнечными дисками между рогов... В сказках Феццана, как и в Египте III-II тысячелетий до н.э., баран выступает как олицетворение солнца; у кабиллов баран — персонаж культа плодородия — связан в древней легендарной традиции с солнцем» [35:108-109], см. также Itherther (буйвол)— король и отец всех диких животных у кабиллов [83]. 'Как и солнечный бог древнего Египта, бог бауле предстает в маске барана — символа оплодотворяющей силы» [33:87].

куара, *giärkī* в авийа, *gurāb* ‘рассвет, утро’ в билин, *gurābā* в хамир, *gerāvā* в хамта, *gūjāb* в куара; чадск.: *gātī* ‘небо’ в хауса, *gīr* ‘день’ в мусгу; и.-е.: др.-ирланд. *grían* f. ‘солнце’, др.-исланд. *grár*, др.-верх.-нем. *grāo* ‘серый’ (← ‘светлый’); др.-исланд. *grújandi* f. ‘утренняя заря’; др.-прусс. *sari* f. ‘жар’, лит. *žerėti* ‘сиять, лучиться’, ст.-слав. *zarja, zorja* ‘сияние’, сербохорват. *zòra* ‘заря’; алт.: сред.-монг. *gere*, монг. письм. *gèrel* ‘блеск’; ордос. *gere*, халха *gerē*, монгол. *gerie*, дунсян. *gieren* ‘свет’; тунг. **ṗäṗä-*: маньчжур, *gere* ‘рассветать’, *geri* ‘искра’, нанайск. диал. *gārān(n)i* ‘сияние’, нанайск., ульч. *nägza(n)*, орок. *ṗāgdä* (*gd-*, *-gʒ-* < **-rd-*) ‘светлый’, удэйск. *ṗäi* ‘светлый’, негидал. *ṗäil-* ‘светать’, солон, *nārī(n)* ‘заря’, эвенкийск. *ṗārī* ‘свет, светлый’, эвен. *ṗārīl* ‘светать’ [21:228-229]. Того же корня являются слова: с.-х.: *dr* ‘огонь’ в др.-египет.; *gūr* ‘варить, жарить’ в беджа, *gīr-* ‘загораться’ в хадийа, *gīr-* ‘жечь’ в сидамо, *gīrā* ‘огонь’ в сахо, *gīrā* в афар и камбатта, *gīra* в хадийа и сидамо, *gīrata* в тамбаро, *zīra, gīra* в бурджи, *gē’a* в джанджеро (‘ < **-d-* < **-rt-*). ‘Лабиевелярный в беджа указывает на исходное **gōr*’ [21:239]: *gūrā* ‘разжигать, раздувать огонь’ в хауса, *kur* ‘древесный уголь’ в ангас, *kūr* ‘зола’ в сура, *gurwake* ‘угли’ в логоне, *garui* ‘дрова для растопки’ в барейне; и.-е.: др.-инд. *hár-as-* n., *ghṛṇás* m. ‘жар, тепло’, авест. *garāta* ‘горячий’, армян. *jer* ‘тепло, теплый’, греч. *θερμαί* ‘нагреваюсь’, албан. *zjart* ‘огонь, жара’, латин. *formus* ‘теплый’, сред.-ирланд. *gorim* ‘нагреваю, жгу’, др.-англ. *gierwan* ‘варить, готовить’, др.-прусс. *gogo* ‘очаг’, *gogme* ‘жара’, литов. *gāras* ‘пар, угар’, ст.-слав. *gorěti*, сербохорват. *gòreti* ‘гореть’, сербохорват. *žār*, рус. жар; алт.: тюрк.: киргиз, *koḡ*, туркмен, *gōḡ*, азербайдж. *gor*, турецк. *koḡ*, гагауз. *kōḡ* ‘горячая зола, горячие угли в золе’ [21:239]. Далее: с.-х.: *brq* во всех семитских языках ‘молния’: араб. *barq*, др.-юж.-араб. *brq*, шахри, мехри *barq*, тигре *bärəq*, тигринья *bärqī*, сирийск. *barqō*, угарит. *brq*, др.-еврейск. *bārāq*; кушит.: билин *mirkā* ‘молния’, хамир *mirqā*, кемант *mārk*, куара *merk*, сидамо *bälāqo*, моча *paṗiqq(i)-* ‘сверкать’; чадск.: будума *bārmél*, *baramil* ‘гром, молния’, мусгу *bara* ‘сверкать’, *abera* ‘гром, молния’; картв.: грузин, *brçq-in-* ‘блестеть, сверкать’, др.-грузин, *pa-beçq-al-* ‘искра’, мегрел. *rçq-in-* ‘блестеть’; и.-е.: др.-инд. *bhārgas-* ‘ослепительный блеск’, *Bhīrgavas* pi. ‘мифические жрецы молнии’, греч. (φλέγω ‘сжигаю, опаляю’, латин. *fulgus* ‘молния’ [21:174]; драв.: тамил, *erī* ‘пылать, сиять’, малаялам *erī* ‘жара, горение’, ката, тода *er-* ‘ярко сиять’, кодагу *erī* ‘горит во рту’, тулу *erīyu-* ‘сверкать, быть горячим’, телугу *erīyu* ‘гореть’, *ērcu* ‘сжигать’, колами *erk-* ‘зажигать огонь’, парджи *erī-* ‘жечь во рту’, куй *ēr-* ‘зажигать’; алт.: тюрк.: тувин. *šygu-*, хакас, *šayḡ*, горно-алт. *žar(y)-* ‘светить’, якут. *soḡuk/sayuk* ‘свет’, др.-уйгур, *ṗaru-* ‘блистать, делаться светлым’, *ṗaruq* ‘свет’, туркмен, *ṗaryuk* ‘свет’, чуваш, *šurta* ‘свеча’ [21:280].

Слог с вибрантом или плавным зарегистрирован в нескольких сериях со значениями: *солнце, луна, солнечный свет* (68), *огонь* (71), *сжигать* (140), *горячий, жечь* (208), *утро* (124), *мерцать* (37), *круглый, круг, колесо, золотое или серебряное ожерелье, круглый шар* (202), *светлый, солнце, свет, день, сверкать* (148), *круглый шар, колесо, быть круглым, катиться, вокруг, голова* (94), *солнечный свет, заря, светлый, солнце, ясный, светящийся, мерцающий, рассвет, жара, блеск* (85), *гладкий, блестящий, светлого цвета, желтый, белый* (др.-ирланд. *geí* ‘блестящий, белый’, др.-исланд. *guir* ‘желтый’), *лысый, сверкать* (84). Встречается он и в словах со значением ‘*большой, хороший, лучший, правый, обильный*’ (7), ‘*высокий, рослый, сильный, господин*’ (9), ‘*чужой, далекий*’ (137), ‘*старый, старик*’ (165),* — ср. со с. 204. Типичен г-слог и для названий различных явлений природы (‘имевших неземное происхождение’, ‘пришедших из космоса, от солнца’ и т.п.): *облако, небо, дождь* (13),** *песчаная буря, горячий ветер пустыни, град, снег, дождь, вихрь, ветер, метель, вьюга, бушевать, крутиться* (23), *лёд, иней, холод, замерзать, изморозь, пороша* (230), *холод, мороз, мерзнуть* (176).

3. Аналогично тому, как по отношению к ‘земному’ корню называется низ (с. 187), ‘солнечный’ корень используется для регистрации верха, — см.: *на, над, через, сверху, вершина, верхушка, гора, горная цепь, перевал, взбираться, подниматься, переваливать через гору* (137), *передний край, перед, верх, лоб* (104), *вершина, холм, подниматься, выдаваться вверх, прыгать, парить, летать, высокий* (210). К этим словам примыкают и различные названия территорий, локаций и ландшафтов: *утес, крутой склон* (9), *скала, крутая возвышенность, гора, берег, край* (216), *море, водоворот, волна* (‘вздыхающаяся к солнцу’ — ср. с. 190) (62), *река, озеро, пруд, залив, водоем, источник, ключ* (177),*** *равнина, песчаное дно моря, открытая местность, поле, страна, земля, песок, пыль,*

* Значение ‘слепой’ (6) можно интерпретировать и как ‘живущий без солнца’ (ср. ослепший, ослепленный); ‘слабый’ (96) — как развитие значения ‘старый, старик’; ‘черный’ — как антоним понятия о солнечном (желтом, белом, светлом), — ср. слог ка в инициали *kar/a/* (213), который может играть роль отрицания. Названия всех этих реалий можно вывести из ‘отношения к солнцу’ (см. также ниже).

**Один из приводимых в статье [21,1:1] примеров: др.-египет. *bjz< *bjl* ‘небо; воды на небе, в которых плавает бог солнца’.

*** Возможно, здесь представлены вторичные образования: если ‘солнечные’ люди были для автохтонного населения также и ‘детьми моря’ (приплыли к автохтонам с моря и появились из-за гор), то названия различных акваторий могли быть образованы в виде форм типа ‘место, собственность, исход детей солнца’, — ср. также название острова в той же семантической группе на с. 203.

прах, пепел, зола, глина, мел, известняк, ил, топь (22), например: с.-х.: семит.: араб. *qāra* f. ‘отдельно стоящая скала, холм’, др.-египет. *q*}, *q*}j.t (<*qrr, qrj) ‘холм’; с сохранением г: демотич. *qr*, копт. (бохейр.) *k^hro* (сайд, ахмим.) *kro*, (фаюм) *kra* ‘берег’; бербер. **grj*: шельха *igár* ‘холм’, нтифа *igir* ‘скала’; кушит. **qr*: беджа *kār* (*k* < **q*) m. ‘холм’, сомали *qár* m. ‘край, высокая гора’, галла *qara* ‘вершина, край’; чад. **kr*: ангас *jār* (*j* < **k*) ‘край, холмик, бугор’, герка *kir* ‘гора’, зань *kəgɛmwe* ‘гора’; котоко: кусри *kuɪ*, логоне *kurɪ*, гульфей *gur*’; вост.-чад.: сомрай *kula*, ндам *kuɾaɾ* ‘гора’; сахо *kōgō* ‘высота’, сомали *kūr* f. ‘гора’, галла *kar̥ka* ‘гора’; и.-е.: армян. *k’ar* (< **kṛ*-) ‘камень, скала’, греч. *κρανιός* ‘твердый, каменистый, заостренный’, др.-ирланд. *carra* f., др.-валлийск. *carrec* (вероятно, < **kṛs*-) ‘скала, камень’, ирланд., валлийск. *earn* ‘куча камней’, др.-исланд. *hǫrg* (< герм. **χαru-ga*-) ‘куча камней, место жертвоприношения’, рус. гора; драв. ‘берег, край’: тамил, *karai*, малаялам *kara*, тода *kar*, каннада, кодагу *kare*, тулу *karè*, телугу *kara*, брагуи *karra*k; грузин, *kaṛkaṛ*-, *kaṛkaṛovan*- ‘высокий утес’; алт.: тюрк.: куг: др.-тюрк. *quruq* ‘край, предел’, тувин. *кур*, карагас. *k’ур* ‘грань, горный хребет’, др.-уйгур, *qur* ‘гора’, ст.-кыпчак. *qurap* ‘край, берег’, ст.-огуз. *quḡax*, туркмен, *гуа*, азерб. *guḡag* ‘край, берег’, чуваш, *хёрё*, *хёрри* ‘берег, край, кромка’; монг. письм. *kira* ‘горный гребень, край’, халха *х’ар*, бурят, *х’ара* ‘гребень, возвышенность’, калмыцк. (олёт) *kirə* ‘горный луг’ [21: 340-341]. Отсюда видно, что, в отличие от названий земли с т-слогодом (с. 187), названия с г-слогодом соотнесены не просто с землей, а с землей, находящейся либо где-то на краю известной автохтонам страны, либо отделенной от них горами или водой (представление о пришельцах связано у автохтонов с островом, морем, горами).

4. Как и в случае языков банту, г-слог представлен в названиях семьи, рода, народа, родства: араб. *quila* f. ‘племя, толпа’ (>сомали *qolo* f. ‘племя’), др.-юж.-араб. *qhl* ‘собрание племени’, др.-еврейск. *qāhāl* ‘собрание, толпа народа’; и.-е.: др.-инд. *kūlam* n. ‘род, семья, толпа, множество’, *kṛ-ṣṭis* f. ‘люди, род, народ’, греч. *τέλος*, ‘отряд, толпа’, др.-ирланд. *cland* ‘потомство, поколение, род’, валлийск. *plant* ‘дети, потомство’, литов. *kiltis* m. ‘племя’ (*kilti* ‘происходить, возникать’), ст.-слав. *čeljadь* ‘семья’, сербо-хорв. *čeljad* ‘члены семьи, домашние’, рус. род, народ; урал.: фин. *kuylä* ‘деревня’, вепс. *külä* ‘приход, жители деревни’, эстон. *külä* ‘деревня, округа’; драв.: тамил, *kūli* ‘семья, группа людей, толпа’, *kūl* ‘собираться’, каннада *gūle*, тулу *gūlā* ‘переселяющееся массаами население’; алт.: азерб. *gil*, турецк. *gil* ‘дом, домочадцы’, чуваш, *kil-juš* ‘семья’ (139); с.-х.: араб. ‘*āl* ‘семья, ближайшие родственники’, геез *hllw*, тигре <*hll*>, др.-арам. ‘*l* ‘семья, племя’ (> аккад. (ново-ассирийск.) *a’lu* ‘союз племен’), араб. ‘*ahl* ‘обитатели одного жилища, одной деревни’, др.-южн.-араб. (сабейск.) ‘*hl*

‘род, семья’, мехри ähl ‘народ, семья’, сирийск. jahlō ‘племя’; угарит. ahl, финикийск. ’hl, др.-еврейск. ’ōheḷ, евр.-арам. ’āholā (др.-ханаан. > еги-пет. *’ihj; копт. (сайд. божейр. ohe), (фаюм.) ahi; алт.: др.-тюрк. el, хакас. ēl, il ‘народ, подданные’, др.-уйгур. ēl, чагатайск. el (*e) ‘народ, страна’, казах, el, ст.-кыпчак. el (*e) ‘народ, население’, туркмен, il, азерб. el ‘народ, население’, чуваш, jal ‘народ, общество, деревня’; картв.: др.-грузин. ег- ‘народ, войско’ (совр. ‘народ’), в сред.-грузин, также варианты heg- и el- (‘страна, край’ в памятниках XVII в.) [21: 267-268]. Однокоренная глагольная лексика отражает понятия ‘жить, существовать, оживляться, быть, становиться, иметь’ в семитохамитских (берберских, ам-харском, сомали, бенадир, сахо, афар, логоне, муби) и уральских языках. R-слог представлен также во многих языках в таких глаголах, как *дать* (10), *брать, носить, рожать* (32), *расщеплять, резать* (33), *течь* (98), *сверлить, резать, вертеть, ранить, поворачивать, крутить, вращать* (21), *кипеть, полыхать, бурлить, пробиваться, струиться, хлокотать, бить ключом, кипятить* (24), *переваливать через гору, подниматься, проходить, взбираться* (137), *скрести, ранить, расчищать, ломать, грабить, убивать, брить, оттирать, чистить, истреблять, колоть, вырубать, стричь, мелко резать* (231) и т.д.

5. Из терминов родства выделяются: *жена* (il ‘дом, жена’ в тамильском), *родственник* (illavēn в кодагу), *родственники, родня* (elḡn в калмыцком), *невестка* (жена сына или брата), *невеста* (араб. kanna < *kalna, мехри kelōn, сокотри kelan), *брак* (шахри kelint, геез täklit), *женщина* (грузин, kal-), *девушка* (чан. kale), *золовка, сестра мужа* (арм. tal), *жена брата* (фригийск. γέλαρος), *золовка* (греч. (аттич.) γάλος, латин. glōs), *церк.-слав. зьлѣуа, сербохорв. zàova; урал.: фин. kälү, вепс. kälү ‘сестра мужа или жены, жена брата’, эстон. kälі, саам. galo-jædne ‘жена брата мужа’, мордов. kel, (эрзян.) kijal(o), удмурт, kalі ‘сноха’, коми-язьвин. kel ‘жена брата’, самодийск. *sēl^: ненецк. sēl ‘жёны братьев (по отношению друг к другу); мужья сестер (по отношению друг к другу); сестры, вышедшие замуж за братьев, или братья, женатые на сестрах...’, исходная семантика урал. слова ‘родственница по браку, свойственница’. ‘Перенос названия на мужчину — свойственника (ср. эстон., мордов., самодийск.), вероятно, происходил первоначально в ситуации, когда нужно было одновременно охарактеризовать родственные отношения между женами братьев и мужьями сестер в одной семье; это предполагает случаи проживания мужа в семье жены’ [21: 295-296]; драв.: курух khalli ‘жена младшего брата отца’, малто qalі ‘сестра матери’; алт.: тюрк. *kälіn ‘сноха, невестка (жена младшего брата или сына)’... ‘Древнее значение ‘свойственница’ (первоначально, вероятно, ‘женщина другого брачного*

класса' — одно из восстанавливаемых для ностратических языков названий свойства' [21:296]. К этой семантической группе относятся также названия ребенка (сына, дочери) в семито-хамитских, вейнахских (чечен. *bēr*, ингуш. *ber*, бацбийск. *bader* 'дитя') и индоевропейских языках: алб. *bir* 'сын', др.-исланд. *birr* 'сын', др.-исланд., др.-верх.-нем. *bam* 'ребенок', ст.-литов. *bernas*, латыш. *bērnš* 'ребенок', арм. *ber* 'плод', греч. φέρμα [21:194-195]. Таким образом, в перечисленных выше языках женщина выступает как носительница 'солнечного слога' (см. с. 204).

В некоторых языках представлены с г-слогод и названия мужчин; это самцы, особи мужского пола (принадлежность к виду отходит на второй план, название строится на основании полового признака): драв.: тамил. *ēru* 'бык, самец дикого животного (олень, тигра и др.)', *erai* 'самец крупного животного', малаялам *ēru* 'вол', кота *ēr*, тода *ēr* 'бык', брагуи *arē* 'самец, муж', тулу *eru* 'буйвол-самец'; алт.: тюрк. **ār* 'мужчина, муж', *erkäk* 'самец', монг. **ēre* 'мужчина, самец'; и.-е. **h₁ers-/h₁rs-* 'самец' (др. инд. *ṛṣa-bhā-s* 'бык', авестийск. *aršan* 'мужчина, самец', греч. (ионийск., крит.) ῥερσῆν 'мужской'), ауг 'мужчина', с.-х.: кушит. **g^uḡ* 'антилопа (разные виды)': беджа *garuwa m.* 'самец антилопы', сидамо *garrančo*, кулло *gara*, уоламо *gāgā*, мао (сев.) *garki*, джанджеро *gimwā* (< **girm-wā*), ираку *gwara'ai*; алт.: монг. халха *zür*, *gur* 'олень, самец', калмыцк. *gür* 'самец косули, сайгак'. Из названий частей тела представлены: *сердце* (86, 200), *живот* (214), *язык* (221), *колено* (31), *кровь* (237), *волос* (228), из названий флоры, фауны, предметов домашнего обихода и потребления: *стадо* (40), *дикий зверь* (93), *олень* (135), разновидности *антилоп*, *ягненок* (173), *черепаха* (94), *змея* (179), *журавль* (159), *червь* (234), *растение*, *почка*, *листва*, *трава*, *лист*, *цветок* (16), *колючка* (78), *кора* (217), *рог* (227), *лук* (97), *веревка* (197), *сосуд* (154), *корзина*, *мешок* (236), *пища* (123), *мясо* (237) и др. Среди глаголов можно отметить: *печалиться*, *скорбеть*, *оплакивать*, *тосковать*, *грустить*, *скучать*, *болеть*, *ныть*, *просить*, *искать* (83), *любить* (378), *расти* (16), *краснеть* (быть красного цвета), *цвести*, *процветать*, *созревать*, *увеличиваться* (16), *падать*, *тратиться*, *изнашиваться*, *кончаться*, *убывать*, *расходоиваться*, *сваливаться* (235), *делать*, *сплестать*, *связывать*, *собирать в сборки*, *шить*, *сметывать*, *строить*, *устраивать*, *собирать*, *размещаться*, *сплестать* (236) и т.д.

§6. Поле слов со значением 'вода'

1. После полей *солнца* и *земли* можно перейти к словам, которые выступают как компоненты поля со значением 'мокрая, темная, водная стихия'. Это такие существительные, как *вода*, *ливень*, *дождь*, *туча*,

река, озеро, море, поток, течение, родник, источник, ключ, водопад, лужа, пруд, холод, тьма, жидкость, раствор и пр. Среди глаголов наиболее широко представлены: *мыть, промокать, стирать, лить, пить, плыть, орошать, течь, дождить* и др. Звуковой образ корня, который формируется в центре этого поля, представляет собой комплекс, составными частями которого являются звуковые образы корней, находящихся в центрах полей *земли* и *солнца*. Иначе говоря, если для слов *солнечного* поля реконструируется протокорень с монофонемным язычным *(r/l/t)-консонантом, а для *земного* — с *t-консонантом, то конструкт для *темно-мокро-водного* поля имеет вид комплексного полифонемного r/l/t-консонанта. Например, рефлексy r(l) в одном слоге, t (s,) в другом представлены в таких словах со значением 'река', как ɔlweɣe в ньякюса, lusɪ в матенго, rusɪ в ньянга, loʃɪ в тетела; со значением 'поток' — в яо, хемба, луба-катанга (-sulo), тетела (ʃɔlɔ); 'роса' — в ганда (sulo); 'слеза' — в макуа (-ʃɔɔɔ), тсва (-hloti), ила (-sozi), манганджа (-sozi) и т.п. О наличии r(l)-компонента в первообразном корне со значением 'вода' говорят такие основы с фонемами l, z, d, nz, как -lɪa в келе, -yɪ в тикую, -zzi в ганда, -ɸi в венда, -nzi в зулу и к'оса, на присутствие t-компонента в том же первообразном корне указывают родственные им основы с фонемами t, ts, s, ʃ, ns, tʃ, типа -ti в тсва, -ts'i в южных диалектах суто, -tsi в лухья, -tʃe в таита, -ʃi в мвера, -si в монго-нкундо, -nsɪ в тонгве и др.

В процессе исследования слов, входящих в описанные поля, становится также ясно, что, кроме язычного компонента, манифестирующегося посредством звуков t, r(l) и их аллофонов, необходимо учитывать еще два элемента — лабиальный и глоттальный (см., например, такие формы со значением 'река', как ɔɔwɪhɪz в ньянкоре или ɔɔɔudzi в рунди, со значением 'луна' — hwɛɔɔi в ронга, со значением 'земля' — -hlabathi в зулу; б-билабиальный импловивный). Первый чаще всего реализуется посредством различных губных фонем (b, p, v, f, лабиализованных гласных), второй — увулярных, велярных, глоттальных и ларингальных (g, k, x, глоттальной смычки, аспирации, фарингализации, веляризации); соединение обоих компонентов в единый звук рождает феномен лабиовелярных фонем, которые встречаются во многих африканских языках и иностранцами воспринимаются как kp, gb или лабиовелярный полугласный.

Обращает на себя внимание и то, что лабиоглоттальная составляющая в *земных, солнечных* и *водных* словах представлена по-разному: в корнях, входящих в поле *водной* стихии, регистрируются, как правило, рефлексy обоих компонентов, а также наблюдается назализация корней с превращением ротового язычного консонанта в назальный; в *солнечном*

поле одни языки усиливают глоттальную тенденцию и ослабляют лабиальную, другие — наоборот (ср. *lɔba* ‘солнце’ в дуала и *ilanga* в зулу; *iwulu* ‘небо’ в субиа и *igulu* в сукума); в поле земли оба компонента затухают, причем лабиализация почти совсем исчезает, глоттализация результируется появлением заднеязычной окраски у среднеязычных фонем (иностранными воспринимается как аспирация, спирализация или эйективация).

Эти факты позволяют предположить, что протокорень со значением ‘земля’ образовался от протокорня со значением ‘солнце’, а тот — от протокорня со значением ‘темная, водная стихия’. Иными словами, эволюция лексики, входящей в данные три поля, моделируется в виде цепочки $x_1 \rightarrow x_2 \rightarrow x_3$ где x_2 и x_3 представляют собой развитие в формальном и смысловом плане исходного поликонсонанта x_1 , который является многофокусником с обобщенным значением водной субстанции, состоящим из синкретичного язычного компонента (недифференцированного **l*g(1)-звука, приобретающего **t* или **r*(1)-звучание в зависимости от конкретных фонетических условий) с лабиоглоттальной ‘добавкой’,* — например, с лабиализованной инициальной и глоттализированной финалью (*orwiɬz* ‘река’ в ньянкоре), лабиоглоттализированной инициальной (*urɥudzi* ‘река’ в рунди), лабиовелярной инициальной (*ɔlwɛzɛ* ‘река’ в сафва, *ɔlwɛzɛ* в ньикюса, *gwizi* в маньика, *lwizi* в мбунду, чокве, лвена и др.; *w* — лабиовелярный полугласный).

2. Движущие силы ‘смысловой эволюции’ можно объяснить возникновением в предыстории к трем полям синкретичного образа *враждебных человеку стихий*, ассоциируемых прежде всего с бурей, грозой, ураганом, ливнем, потопом, наводнением и поэтому наиболее четко отраженных в *водной* лексике, а затем появлением на его основе бинарно-

* Как отмечалось в примечании ‘***’ на с. 162-163, существует гипотеза о том, что экспираторные консонанты современных языков являются вторичным образованием, развившимся из кликсоблоков, т.е. кликсов (щелкающих звуков), связанных с гуттуральными согласными. В соответствии с этой гипотезой из лабиальных кликсоблоков развились лабиальные согласные, из дентальных — дентальные, экспираторные велярные появились в результате эволюции эйективных велярных. Не обсуждая в рамках данной работы вопрос о том, какую конкретную форму имел описываемый выше многофокусник, мы оставляем в стороне отличия кликсов от остальных консонантов. Несомненно одно: в качестве стержня первообразного протокорня выступал консонант сложной структуры, имевший синкретичный характер, вызываемый одновременно артикуляционных движений всех трех активных органов речи — губ, языка и глотки. В процессе последующего развития деятельность одних органов речи стала ослабевать (в различных языковых коллективах по-разному, параллельно направлению эволюции органов речи), других усиливаться, и симультанный комплекс распался на последовательность звуков или их просодических характеристик.

го противопоставления, которое в терминах партитивно-посессивного строя интерпретировалось говорящим как ‘моя’ (родная, не-чужая, познаваемая, не враждебная, т.е. ‘обладаемая’) и ‘не-моя’ (чуждая, не подчиняющаяся, враждебная, не покорная, т.е. ‘не-обладаемая’) среда. Это противопоставление результировалось расщеплением единого образа *стихии* вне человека на два производных образа: негативный (*воздушно-водная*, чуждая говорящему среда) и позитивный (*‘твердь земная и небесная’*, дружественная говорящему).*

Языковые данные показывают, что негативный образ *воздушно-водной* среды является развитием исходного синкретичного представления о *хаосе*, *тьме*, *враждебных* говорящему силах (во многих языках поля *хаоса-тьмы* и *воздушно-водной среды* перекрещиваются, на их основе формируется общее семантическое поле). Наоборот, эмоционально противопоставленный им позитивный образ приобретает все большее по самостоятельности и независимости значение и становится центром нового семантического поля. Все, что не является темным, мокрым и воздушным, говорящий начинает относить к этому полю. Так возникает языковое представление о твердых телах,

Дальнейшая эволюция этого образа результируется распадом семантического поля *твердых* тел на два новых поля: ‘тверди *небесные*’ и ‘тверди *земные*’. В центре первого поля оказывается корень со значением ‘*небесное тело*’ (солнце, звезда, луна, небо, которое у древних считалось ‘твердью’), в центре второго — корень со значением ‘*земля*’.

Параллельно развитию значения идет формирование звуковых образов, — исходный синкретичный многофокусник Хд со значением *враждебных* говорящему *стихий*, втянувший в свое поле все *водные* семы, становится обозначением не только хаоса, тьмы и прочих субстанционно не конкретизированных ‘*твердо-воздушно-водных*’ бедствий, но и конкретизированных, т.е. только *воздушных* и *водных* (x_1); затем, в результате последующей деривации, — *воды* и прочих реалей, определяемых по отношению к ней (водоемов, сосудов, жидкостей, растений и субстанций, из которых эти жидкости добываются, действий и процессов, которые производятся в связи с водой, животных, которые обитают в воде, и пр.).

* Ср.: “При наличии конверсных отношений (типа давать ~ брать, покупать ~ продавать) реконструкция предполагает постулирование такой семантемы для архетипа формально соответствующих слов, в которой противоположные признаки (выступающие в одной из реальных форм в первом значении, в другой — во втором значении, ему противоположном) нейтрализуются (конверсные значения давать ~ брать можно возвести к термину для обобщенного обмена, включающего и акт давания, и акт взятия (ср. понятие нейтрализации в фонологии и морфологии))” [12,1:XC1].

Противопоставление *'твердей'* воздушно-водной среде закрепляется звуковой оппозицией. Прежде всего происходит дифференциация артикуляции путем отделения резонаторных (лабиоглоттализированных) движений от нерезонаторных (язычных), и исходный многофокусник начинает реализоваться в двух разновидностях: один вариант (он соотносится со значением *воздушно-водной* субстанции) выявляет тенденцию к развитию резонаторных (лабиоглоттальных, а затем назальных) движений с постепенным затуханием язычного компонента, второй (его значение является функцией от представления о *твердых* телах) манифестирует прямо противоположную тенденцию: усиливать язычную и ослаблять лабиоглоттальную артикуляцию. На следующем этапе эволюции мышления и языка, когда в сфере означаемых возникло противопоставление твердей *земных* твердым *небесным*, произошла дифференциация язычных движений на дрожащие-латеральные и дентальные-альвеолярные; первые стали выступать как означающие твердей *небесных*, вторые — *земных*.

Параллельно тембровым различиям, формировались оппозиции твердости-мягкости и глухости-звонкости. С их помощью производилось особое согласование двух образов — звукового и *'вещного'*. В частности, образ твердых тел, как это показывают языки банту, ассоциировался с твердым или глухим компонентом многофокусника, образ воздушно-водной среды — с мягким, плавным или звонким. В силу этого в названиях *твердых тел* представлено развитие глухих разновидностей язычной фонемы (t, s, и др. фонемы в приведенных примерах) с отмеченным выше затуханием лабиоглоттального компонента и превращением его в просодический элемент или факультативный признак, а в названиях *воздушно-водных реалий* фигурируют рефлексы звонкой разновидности язычной фонемы (d, z) с усилением лабиоглоттального компонента.

Особенно много в названиях *воздушно-водных* реалий назальных. Их появление можно объяснить расширением сферы влияния назально-фарингального резонатора, с помощью которого, по мере развития языка, регистрировалось всё больше реалий, вводившихся говорящим в свою *'собственность'*.^{*} Поэтому типичной формой *'твердей земных и небесных'* стали слоги с твердыми и глухими вариантами исходного протоконсонанта

^{*} Назализация является языковым средством, аналогичным жесту или иному знаку, посредством которого субъект *'закрепляет'* за собой интересующую его реалию [40:222 и др.] и устанавливает между собою и ею связь (ср. метки, зарубки, которые оставляют на деревьях люди, медведи, собаки). Ту же функцию выполняет у различных народов плевок на тотивный предмет, который создает, по представлению верующих, таинственную связь между человеком и его невидимым партнером.

в виде *ru, lu, ti, si, i* и т.п., а *водно-воздушных субстанций* — слоги с мягкими и звонкими вариантами в виде *ri, li, di, dli, zi* и т.п., наряду с лабиовелярными или назальными (см. *lw, rwh, hi, nga, nya, mhwa, kw* и пр. консонантные композиты, наиболее часто представленные в названиях воздушно-водных реалий).*

3. Приведем примеры компаративных серий, соотносимых со значением ‘река’: *orwihz* (ср. последовательность артикуляции отдельных частей многофокусника в этом слове с приведенными выше примерами; в результате переразложения основы, лабиовелярный и вибрантный компоненты стали восприниматься как префиксы, фарингализованный альвеолярный компонент — как корень; форма *enyihz* ‘рэки’ показывает, что при назализации вибрация связок и напряжение губ исчезают, поэтому инициаль оказывается неогубленной, ‘продвинутой вперед’ в ньянкоре); *urɔdzi* (при назализации *inzudzi*, — поскольку увулярный вибрант и качество огубленности исчезает при назализации; ‘память’ о фарингально-альвеолярной артикуляции сохраняется в альвеолярных спирантах) в рунди; *lwizi* (при назализации *ɲgizi* или *ɲzi* с превращением лабиовелярного плавного в нелабиализованный велярный или альвеолярный) в мбунду¹, чокве (CS 2041), лвена и ила (CS 2000); *ɔlwɛɛ* в сафва; *ɔlwɛɛ* (*ɛnyɛɛ*, мн. ч.) в ньикюса; *gwizi* в маньика; *uluuzi* (*ɪŋguzi*, мн. ч.) в мамбве; *lusɪ* (*nusɪ*, мн. ч.) в матенго, *rusɪ* (*ndusɪ*, мн. ч.) в нданди; *lɔɪɪ* (мн. ч. *kɔɪɪ* с произношением велярного компонента вместо латерального вследствие фарингализации) в тетела; *ɔsɛ* (*mbɔsɛ*, мн.ч., с восстановлением лабиального компонента при назализации) в камба; *ɔɔɔ* (*ɲjɔɔ*, мн. ч., с исчезновением вибранта при назализации) в гикую; *olwi* (*olondwi*, мн.ч., с восстановлением альвеолярной артикуляции вследствие назализации в мбунду²); *luui* (*ɲgui*, мн.ч., с заменой латеральной артикуляции более глубокой из-за фарингальной назализации) в луба-катанга; *lɔɪ* (*ndzɔɪ*, мн. ч.) в пото; *lɔjɪ* (*ɲjɔjɪ*, мн. ч.) в ланги; *lɔɔjɪ* (*ɲɔjɪ*, мн. ч.) в каланга¹ (CS 2155).

Наподобие того, как отмечалась вариация распределения компонентов многофокусника относительно речевой цепочки при анализе слов со значением ‘слеза’, можно зафиксировать метатезу в сериях со значением ‘река’. Например, об этом говорит такая пара: *ɔlwɛɛ* (сафва) — *nzɛɪɪ* (нзеби). Финальность латеральной артикуляции зарегистрирована также в бали¹ (*ndzali*), тиене (*ndzale*), тетела (*ɲjale*), мпур (*ɲjal*) — на фоне

* Это не исключает случаев, когда название, например, реки отражает не то, что она водяная (т.е. образована от корня со значением ‘вода’), а то, что она светлая (или темная), т.е. произведена от корня со значением ‘свет, солнце’ (соответственно: ‘земля’).

назализации и фарингализации (спирантизации), сопровождающих альвеолярную артикуляцию. В этих примерах латеральная артикуляция как бы сдвинулась назад (подальше от назализации). В других случаях она и вовсе исчезла, уступив место альвеолярной: *njzæa* в мфину, *pzadi* в конго_ц. В мболе известна пара *lalɛ* ‘река’ — *falɛ* ‘реки’, свидетельствующая об исчезновении в инициали слова латеральной артикуляции во мн. числе под влиянием назализации и замене плавного латерального согласного лабиодентальным спирантом (см. лабиальный, дентальный и фарингальный компоненты исходной силлабемы).

Эти примеры показывают, что различные речевые коллективы по-разному произносят слова, восходящие к одному и тому же корню, из-за усиления одних особенностей артикуляции и ослабления других членами каждого коллектива. Индивидуализация коллективного произношения закрепляется в форме тех или иных слов и в формировании тенденций к выявлению более или менее важных компонентов звукового комплекса для данного коллектива, поэтому носители, например, мбунду₁ латеральность сохраняют в формах не только ед., но и множественного числа, а говорящие на гикую отказались от нее и при произнесении форм ед. числа; зато наиболее устойчивым для их речевого сознания оказался сонорный компонент корня (ср. с камба, где выявляется тенденция к усилению роли губ и их превалированию над языком) и т. д. Поэтому рефлекс одного и того же протокорня могут быть, на первый взгляд, сводимыми к различным исходным корням; лишь анализ артикуляции, вызывающей эти рефлекс, и выявление того общего в артикуляционной базе носителей данных языков, что объясняет развитие всех зарегистрированных тенденций и образовавшихся на их основе конкретных языковых форм, позволяет конструировать диахронические модели как результат абстрагирования форм от процессов, эволюция которых происходила в реальной языковой истории.

4. Обратимся к словам со значением ‘*поток, течение, струя*’. Это *nɣɛlɪ* в нтомба (фарингализация и назализация инициали с консервацией латеральной артикуляции в финали); *mɔkɛj* в бобанги (иная разновидность того же процесса); *eŋgezi* в ньоро и ганда (как более сильное развитие тенденций к назализации и фарингализации с захватом обоих слогов); *nɣedzi* в сукума, *eŋjezi* в ньянкоре, *mugizi* в бангубангу, *umugezi* в ха, *ɔkɛdɪ* в тетела (различные варианты того же явления). В тиене представлена форма *moeli* с сохранением лабиовелярной артикуляции во время назализации в первом слоге и латеральной артикуляцией во втором слоге, свидетельствующей о прекращении назализации перед его произнесением. В лвена и луба-катанга тот же процесс модифицируется, благо-

даря изменению длительности активизации назального резонатора: назализация не ограничивается первым слогом, латеральная артикуляция во втором слоге заменяется альвеолярной: mwēzi в K14 и mwēzi в L33. Аналогично тиене, но по своему образуются формы в хемба (mwēla) и педи (moēla); артикуляция в нгала (mokele), бали1 (ōkele) и монго (bōkele) в значительной степени похожа на произношение в нгомбе и бобанги, однако полностью ни один язык не дублирует особенности другого. В ханга вместо плавного в финали звучит вибрант, фарингальность сказывается на артикуляции палатального, а не веллярного консонанта в инициали основы (omucera).

Из этих иллюстраций видно, что вместо фронтального гласного в финали может артикулироваться а, значение форм при этом не изменяется. Это может свидетельствовать о синкретизме финального гласного в протоформах, при котором не различались его передняя и средняя артикуляции. С передней артикуляцией финального гласного соотносятся также словоформы oluzzi ‘заводь’ (enzizi, мн. ч.) в ганда, loze (nzize) в ниламба, gudj в венда, ogui (otui, мн. ч.) в гереро; инициальной оказывается латеральная или ретрофлексная артикуляция, сопровождаемая лабиовеляризацией, финальной — фарингально-дентальная (альвеолярная); в гереро происходит распределение вибрантной и альвеолярной артикуляции между словоформами ед. и мн. числа.

5. Особенно представительна серия слов со значением ‘вода’. Здесь мы также сталкиваемся с i-огласовкой исходного корня. В большинстве случаев употребляются назализованные формы, что свидетельствует об их вторичности. Есть словоформы и без назализации: а-уе в мболе, ba-ija в келе однако стертость дифференциальных признаков при артикуляции делает невозможным их анализ без обращения к назализованным вариантам. В большинстве из них латеральная артикуляция исчезла, поскольку назализация распространилась на все слово, и сохранилась только фарингализованная альвеолярная артикуляция, результировавшаяся образованием альвеолярных и палатальных спирантов с возникновением композит (ЧНС): mɪnzi (F21), manzi (G38), amenzi (K41), aminzi (M22), manzi (G38, N41), amanzi (S41, S42), mǎnzɛ (E55), mǎnɕɛ (F31), mǎnsj (F11), amenʃi (M42), mēzi (M63), amǎntʃɛ (E45), либо без них: mazi (D25), amaazi (D62), amaizi (E11, E13), maase (E56), meesi (P21), ameɕɛɕ (M31), basi (C61a), kameeci (E31b), ameji (G12), mayi (G41), maji (F33, D28b, G42d), maje (F32); maji (P22); в последнем случае часто наблюдается образование аффрикат и геминат: amatsi (E32a), gamatsi (G35), amadzi (D66), madzi (N31c, E71), maði (P33), medzi (E74b), amatʃɛ (E74), matʃi (N14),

mæets'e (S32a), mæts'i (s33),* amazzi (E15). Иногда глоттализация и фарингализация полностью исчезают: meedi (P23), mađi (S21), mati (S51); в луба-касаи, бобанги, лози и гикую упрощение артикуляции результировалось полным исчезновением консонанта (maġ, mai, ameei, maę).

В противовес сериям слов со значением 'вода', которые свидетельствуют о длительности назализации, слова со значением 'холод' (см. ниже) отражают короткую активизацию назального резонатора, длящуюся только при произношении префикса. Это может быть результатом того, что основа со значением 'холод' функционировала как самостоятельное слово (уже развившееся из исходного корня в каждом из сформировавшихся к этому времени языков по своим специфическим законам, — ср. разновидности приведенных ниже форм) еще до того, как возникла тенденция к назализации; эту тенденцию она встретила только предынициально: перед основой сформировался назализованный компонент, развившийся в префикс; изменения, вызываемые назализацией, дальше первого слога не распространились (см. наличие латерального или вибранта во втором слоге основы в бали₁ ð-dzili, в бобанги ndiġi или в унгуджа bariddi). Наряду с этим, существуют формы, в которых сохранилась только альвеолярная (modi в мфину) или фарингализованная альвеолярная артикуляция (ŋziŋi в конгою, zizi в конгоц).

6. Кроме слов, которые мы соотнесли с моносиллабемой, заканчивавшейся узкорастворным гласным переднего ряда, есть рефлексы моносиллабем с ширококрестворным гласным среднего ряда низкого подъема в финали. Это серия слов со значением 'дождь'. У большинства слов наблюдается назализация либо только в первом слоге, либо в обоих. Когда назализация затрагивает лишь инициаль основы, в финали артикулируется латеральный или вибрант; при этом инициаль сохраняет лабиальный и фарингальный компоненты исходного многофокусника: mvula в B75, H16b, L31a, L33, N31c, S21, imvula в S41 и S42, mbvula в C71, mbuġa в C32, mbvəl в B72a, mbuġbba в B22b, mvura в S13a, mfula в B44, imfula в M42, mbul в B85b, (m)buġa в F21, ombela в R11, mbula в P23, ŋbuġola в A62, imvura в D62, mbuġa в E51, mvura в S13a, ombura в R31. В ряде случаев лабиальный компонент сокращается, инициальный консонант произносится без участия губ (enjura в E11, enzura в E13) или сливается с билабиальным назальным (mġla в D28b). Иногда назализация распространяется на второй слог, латеральная артикуляция исчезает, консонант (слог) 'проглатывается' (mbuġa в A24, три в A83, mrię в A84, mbvu в B83, mbuġa в E55, mbjо в A91) или заменяется полугласным (mvuwo в A81, mbuġo).

* Здесь сохранились также глоттальная смычка и переход от импловивной артикуляции к эксплозивной.

в B21, mbуа в A34). При отсутствии назализации финаль везде, кроме G43b, представлена la-слогом (в G43b — уа-слогом), в инициали стоят лабиодентальные (fɔla в F11, fula в G23, vuуа в G43b, vula в K14), фарингализованные альвеолярные (eʃɔla в G65), дентальные (oɔla в R11), билабиальные (ipula в P31), велярные (hula в N14) или глоттализированные билабиальные (p'ɔla в S33), вслед за которыми произносится гласный заднего ряда, являющийся развитием лабиовелярного ω. В P21 рефлексом всего слога является гласный и. К случаям этого типа, по-видимому, относятся и слова типа ummfula 'река' — imimfula 'реки' в зулу (назализация не только во мн. числе, но и в единственном; следствие — оттеснение латерального компонента за пределы слога, подвергающегося назализации, и формирование двух слогов, один из которых сохраняет латеральность исходного многофокусника, а другой — его лабиальность, фарингальность и дентальность).

Среди топонимов, обозначающих реки, водоемы, озера, водопады, водохранилища и другие акватории, часто встречаются различные варианты слова nyanza.* Это слово зарегистрировано в составе компаративной серии со значением 'озеро'. Повсеместно представленная назализация затрудняет реконструкцию основы, рефлексами которой являются современные слова: nyanza S13a; inyānza D66; nyāndza F21; ɛnyanza G65; ɛnyānja M31; nyanja N31c; nyaasa P21; nānza F31; enyānja E11; mwānza H16b; mwanja A25; ennyānja E15; kuɔnɔa L11. В эту серию Гасри включает также ulwandle 'море', S42; это позволяет зарегистрировать в качестве исходного корневого элемента tl-консонант в назальной форме ndl и наличие веляризованных и глоттализированных согласных в остальных словах интерпретировать как рефлекс глоттальной смычки ('tl). Приведенные примеры дают возможность предположить, что сначала трехфокусник распался на два элемента: глоттализированный или лабиовеляризованный альвеолярный и латеральный, затем возникла тенденция к назализации существительных, в результате которой бисиллабема под воздействием назализации превратилась в слова, содержащие назальные вместо обоих согласных (и латерального, и альвеолярного) везде, кроме S42 (в S42 образовался импловивно-назальный консонант).

Помимо а-, i-огласовок, встречаются м-огласовки: ðkulu 'течение' в B75, mɔ-kɔlɔ в C32, i-kɔlɔ в B25, lɛ-kɔlɔ в C61a, a-kɔe в A74, mɔ-sɔlɔ 'поток' в C32, mu-sulu в L31a, mu-sulo в R33, lu-sulo в P21, ka-sulo в L34, n-sulu в H16b, ɲ-sɔlɔ в D28b, ɔ-sɔe в A74, ʃɔlɔ в C71, omu-sulo 'роса' в E15, en-sulo 'родник, источник, ключ' в E15, in-sulo в M41, n-sulo

* См. названия озера Ньяса, рек Ньянза, Ньянга и т.п.

в L34, en- \int uro в E13, e-solo в C54, ka-sulu в L52 и K14, t \int i-sulu в G51, en-soro в E11. Одна и та же огласовка может соотноситься с разным значением (например, а-огласовка — со значениями ‘дождь’ и ‘река’, i-огласовка — ‘вода’ и ‘река’, и-огласовка — ‘течение’ и ‘родник’) и разные огласовки могут соответствовать одному и тому же значению (i-, u-огласовки у словоформ со значением ‘река’ и т.п.). Это свидетельствует о формальном и смысловом синкретизме исходной моносиллабемы (отсутствии на самом древнем этапе дифференциации форм a-u-i) и их функционировании в виде единой силлабемы ($^{\text{t}}\text{tl}\omega^{\wedge}$, с огласовкой, не определенной по высоте подъема, степени раствора и ряду). Синкретизм значения сводился к тому, что все перечисленные выше названия соотносились с одним видовым термином, который в зависимости от обстоятельств (партиципивно-посессивных характеристик) обозначал и воду, и дождь, и источник, и течение, и слезы, и реку, и холод, и т.п.*

Наличие различных огласовок у слов с семой ‘жидкость, вода, взвесь, раствор’ свидетельствует о синкретизме исходной моносиллабемы, относившейся с обобщенным значением ‘вода и все, что к ней имеет отношение, может быть определено как ее разновидности, ‘части’, носители, неотчуждаемые принадлежности’ и т.п. Дифференциация этого исходного значения, маркируемая посредством звуковой оппозиции (противопоставления огласовок, сочетаемости с другими силлабемами, образования отдельных артикуляционных компонентов при произнесении мно-гофокусника), привела к формированию названного поля слов. В ходе последующей конкретизации значений и выявления все новых реалий, соотносимых с ним, поле расширялось и в своем движении — по пути обобщения, при формировании локативных, темпоральных и модальных элементов — все более теряло связь с исходным синкретичным корнем.

7. Дифференциация означаемых сопровождалась бинаризацией означающих; одним из исходных этапов этого процесса было выделение параметров конституирования гласных и ‘расщепление’ протофонемы среднего ряда на две фонемы: переднего и заднего ряда с противопоставлением первой и последней по степени раствора. С помощью тернарной оппозиции (i-a-u) было зафиксировано дробление значений, необходимость в дифференциации которых вызвала к жизни изменение (конкретизацию) элементов плана выражения. Соотнесенность одного и того же значения в разных языках с неодинаковыми огласовками свидетельствует о том, что уточнение данного значения произошло уже после расщепления единой языковой общности на подсистемы, сформировавшиеся

* Ср. с развитием значений в филогенезе.

в языки, где это значение нашло специальное выражение. Корреляция различных значений в одном и том же языке с одной и той же огласовкой показывает, что дифференциация этих значений возникла после того, как появилось противопоставление огласовок, но до того, как образовалось новое средство фиксации значений сверх перемены гласного (этим средством, как показывают приведенные выше материалы, явились префиксы). Таким образом, если два слова характеризуются несходством финальных огласовок корней, оппозиция их значений является более древней, чем у слов, отличающихся префиксами; например, значения 'вода' и 'источник' разошлись в ганда раньше, чем значения 'источник' и 'роса', так как элементы первой пары противопоставлены огласовкой финалей (ср. *i*-огласовку в *amazzi* 'вода' и *i*-огласовку в *ensulo* 'источник'), а члены второй пары различаются префиксами (ср. *en-sulo* 'источник' и *omu-sulo* 'роса'); аналогично: в монго *lo-si* 'река' — *ba-si* 'вода' и др.

Сравнение таких пар, как *amayetsi* 'вода' в конго и *umungedzi* 'источник' в рунди, показывает, что разделение этих значений возникло в данных языках после того, как они разошлись и перестали образовывать единую общность. В системе, из которой они развились, значения 'вода' и 'источник' не различались с помощью отдельных слов (или силлабем), но соотносились с обобщенным представлением, в которое входили оба понятия. Дифференциация представлений здесь связана с семой пространственной локализации: в одном случае ('вода') пространственные границы реалии не фиксируются и она не локализуется относительно какой-либо территории, в другом случае ('источник') происходит 'прикрепление' реалии ('воды') к определённом месту в пространстве. Противопоставление неопределенной (индефинитной) и определенной (дефинитной) локализации, как свидетельствуют данные примеры, не является изначальным, т.е. возникло не в праязыке, а тогда, когда он распался на подсистемы. Дуализация посессоров на дефинитные и индефинитные свидетельствует о развитии пространственного мировоззрения и возникновении всевозможных спатальных категорий.

Этот этап эволюции языкового сознания, как явствует из примеров, наступил после филиации: до филиации пространственная дифференциация данных явлений не происходила. О том же свидетельствует и сравнение пар *-sulo* 'источник' в луба-катанга и *-sulo* 'роса' в ганда. Первое значение связано с представлением о реалиях — причинах или предпосылках, происходящих (существующих) до события, интересующего говорящего и служащего точкой отсчета; второе значение включает сему 'после', поскольку представление о росе ассоциируется с понятием о результате или следствии каких-то явлений.

Бинаризация темпоральности

на *до* и *после*, как показывает данный пример, не была присуща праязыку, и значит, развилась в современных языках на более поздних этапах языковой эволюции (после распада языковой общности). Эта дифференциация говорит об увеличении темпоральных параметров и обогащении континуума темпоральности, свидетельствующем о росте временных категорий и становлении темпорального мировоззрения. То, что темпоральная параметризация происходила позднее, чем пространственная, видно не только из примера, приведенного выше (относительное упорядочение этих процессов регистрируется по соотношению означающих: огласовкам финалей и префиксам), но и многих других [40:312]. Это позволяет заключить, что на этапе, предшествовавшем филиации праязыка, существовало синкретичное пространственно-темпоральное мышление, и дифференциация реальных происходила по иным параметрам (по посессивно-партитивным связям).

Однако на этапе праязыка не только оппозиции ‘процесс-результат’ (индефинитность-дефинитность локализации и длительность-мгновенность во временном континууме), ‘причина — следствие’, ‘локализованное в пространстве — аморфное явление’, ‘действие — предмет’ были иррелевантны для языкового сознания, но и многие другие. Например, отсутствовало вычленение типов субстанций (не было, в частности, противопоставления воздушной и водной сред: ср. *mi-dī* ‘холод’ в бушоонг и *maḍi* ‘вода’ в венда, возникшие из одной и той же протосиллабемы *dī* ‘холод, вода’), разновидностей субстанции (одна и та же силлабема служит для обозначения воды, молока, слюны, пива и любого питья, — см. приведенные ниже примеры). Можно заключить, что на этом этапе языкового сознания человек не связывал себя с природой, а выделял себя из нее и оценивал все явления только через отношение к себе: в одну и ту же группу попадало все, от чего ему было холодно, темно, мокро и неудобно, или всё, что он ел и пил. Эти явления, первично не вычленимые, обозначались одной и той же моносиллабемой; впоследствии каждое из них было абстрагировано от говорящего путем соотношения с его источником, посессором или причиной: результатом этой операции была сначала дифференциация сред, затем по отношению к ним — разновидностей субстанций, далее — их подвидов и т.д. Параллельно шла номинация в языке.

8. Как отмечалось на с. 156, в данном семантическом поле представлены следующие глаголы: *плакать* (с. 155), *дождить* (-lok- K31, L31a, M42, N41, R11; -rok- R31; -lɔ C71; -lo- D54; -yɔ A22; -ny- G42d, P21; -n- S12, S33, S41, S42), *темнеть* (-hlwa, S42), *прекращаться лить* (-kal-L33; -khalikh- F21; -kalik- M42), *мыть* (-kukhl- S51; -khuhl- S41; -kuuz-

M51; -kuus- M42; -guçs- F21; -kus- K12c; -kuhw- R24; -kusul- M42; -kus-H16b; kuh N14; -huç- S21; -hohl- S33), лить, выливать (-tshel- S33; -thel-S41, S42; -tjel- S51; -tʃoql- C71; -ttulul- E15; -itulul- M42; -tsholl- S33; -thulul-S42; -tʃulul- S51; iturr- E11, E13; -itil- R11; -it̃er- E45; -til- E74b, K13, M63; -itil- G31, M42; -yitil- H16b; -itʃil- K14; -icil- L41; -thil- N31c; -dir- S13a; -jer- S21; -yir-, -jir- B11a; -yir- B75; -yil- B71b; -zyara, -zın B82; -it̃- E51, M11; -uç- A31c; -et̃- E55; -jit-, -it- P21; it̃h- F21; -d- N15; -th-S41, S42; -tʃaak C83; -itʃikiç- L31), черпать, набирать, доставать, тащить, нести воду (из источника) (-tek- B61; -rik- P31; -teku- K15; -tek- G42d, H16b, K42, L33, M63, N14, P21, R31, S13a, S61; -tek- C83; tek B52; hek- E72a; -deç- A62; -tio- B75; -tok- A34, C32; -tuk- D33; -toql- C61b; -roç- B22b; -to- A24; -tahol- C71; -tapul- L41; -tap- M42, N41, R11; -taç- L31a; -taç- E55, H21a; -tav- E56; -tah- Ell, E13, E15; -dah- D62, F21; -day- E74b; -la(p) A74); вычерпывать мед из ульев (-tap- L41, R31; -raç- S21, S32a; -thaph- S42), напоить, опьянить, напиться, удовлетворять, удовлетворяться, насытиться, насыщаться (-kholw- F21; -kolw- G24, H16b, L31a, L33, M42, M63, N41, R21, D62; -klw- D28b; -kol- E55; -kolo B77a; -xol- S31a; -khol- S41; -kol- G24, M42, M63; -kolelw P21; -koles- H16a; -kolel- P21; -kolezy- L33; -kolwezy- N41; -kolwif- R21),* есть (-ry- D61, N21; -dl (tlh)- S42, S16; -dly- S13a; -ry- R31; -tsjad B52; -rz- S15; -dçg- S12; -c' S41; -g- S51; -dy- H16b, L31a, M63, N31c; -dy- A34; -ly- E11, E15, F21, K14, M42, P21, R11; -le C32, C71; -d- A24; -di A74; -dze, -dzak A75; -di A81; -de A83; -de A84; -de A85; -ne-, -ne- B11a; -ne, -niak A44; -di- B22b; -j- B25, E74a, L52; -e- B31; -y- B41, C11, C41, E55; -dç- B61, G23, S33; -dz- B75; -ry- D42, E13; re E51; -l- G42d; -jy- L33; -l- S21), становиться полным, наполняться (-tjar- P31; -tl'al- S33; çar- S21; -zar-S13a; -zai- S41, S42; -tal- S51; -izal- H21; -dzal- L11, N31c; -jal- R21; -tjar- P31; -zaal- H16b; -zal- K14; -dça- G44a; -ja- G42d; -ya- G41; -dzay- E71; -jal- D25; -jaç- A74; -nyal- C32; inçal- L62; -ijor- Ell; -izor- E13; -ur R31; -zul- N41; -zul-, -izul- M63; -isul-°M42; -izul- M22; -izul- F21; -dzul-D66; -udzur- D62; -itsul- E32a; -itçor E45; -içwø E62a; -ijçor- F32; iðuuy- G22; -yuul- L34; -tçur- E74a; -ijçor E51; -jjul- E15; -yul- D27; -yoql C83; -yoñ, -jçoñ B11a; -nyql- C61a; -jul- K15; -ul- L31a; -uð- R22; -uço- E55), течь, лить (-ger- E11, E15, E72b; -kel- C71; (y)er- S13a; -er- S21; -el- S32a, S41; -kel- C32; -etç P32), пытаться, стараться очистить, мыть (-ger- E41; -gel- D28b; -el- L23; -jel- M25; -ger- M31; -(y)er- S13a; -jer- E13; -ely E55; -gez- E15; -gedz- D62; -çery- D42; -çerç- E51; -çez- G23; heç- E62b;

* В ряде языков представлены вторичные дериваты, образованные на базе данной основы с помощью суффиксов.

-eʃ- M42; -yez- N21; -edz- S13a; -gez- G42, S42; а также производные формы: gelanis- G62; -eiek- L33; -geiek- D25; -etek- K31; -esek- K14, L41; -erery- P32; elezy- M22; -elekez- L31a), становиться белым, чистым, спелым* (-er- Gil, D62, E11, E13; -el- D25, L33; -el- C71, S33; -yel- N31c, B73a, B75, H16b), плыть (-ele- G42d; -eleel- F21; -elɛel- E55; -yewel- P23; -erer- S13a; -ereer- E11, E13; -jekajel-, elajel- P21) и т.д.

9. Приведем для иллюстрации несколько серий, обозначающих реалии, названия которых также восходят к протосиллабеме со значением ‘вода’ или её предтече с синкретичной финалью *[(t/l/r)ʰˠ]: ‘масло’ (kuhra F32; -khura P31; pfura S21; -fura S33; -kʰfura P33; -fura E31b; -uʎa A24; -uʎe A32a; -ɔl A44; -o A43b; -wʎl A74; mʎlo A84; mwʎl A85; -lela R13; -futa E15, G15, G42d, H16b, K42, M42, M63, N31c, S41, S42; -kʰta D14, F31; -gʰta E45; -gʰta E51; -gʰtha F21; -pfuta G35; -futʃa G41; -fuha E72a; -sʰta G65; -hʰta N14; -uta P21; ʰta A31b, C36a, C61a; -ʰto A92, B21; mʰ ʰt C83; -gʰde A62; -wʎl A74; -βuʎe A34; -kʰta D28b; -ʰta A31a, C55; yʰta C15; -gʰdi; R22; -galʰ B11a; -asi R11; -as(i) H11; -azi H16b; -aʰi K14; -aʰi H14, L62; -adʰi B22b; -aʰe R31; -aʰi R21; mɛɛd (j) B52; -aʰdi K32; aʰzi L51; -anyʰ L31a; -ani L34; -alʰ B61; aʰli B75; -alʰ C32; -ari B73c; mɛ: B83), кровь (-azi E71, N31a, M22; -asʰ D28b; -aʰi P21; -se L23; -ʃi L31a, L41; -adʰi S33; -aʰi P11, P13; -gazi N31b, S41, S42; -gari F31; -aʰi P23; -gadʰi F21; -gati S54), еда (-dlyo S13a; -lyo P21, M42; -dyo N31c; -lo G42d; -dʒo S33; -riɔ E51).

10. Эти серии можно увеличить, обращаясь не только к тем, в которых представлены рефлексы прото-моносиллабемы, но и к дериватам от них, полученным в результате композиции прото-моносиллабемы со значением ‘вода’ с другими прото-моносиллабемами или в результате сращения более поздних рефлексов протосиллабем. О факте синтеза на более позднем этапе говорят явления, характеризующие морфемные швы в современных языках банту. В первую очередь, морфемные швы можно диагностировать по наличию назальных композит (или других следствий назализации) внутри существительных при отсутствии признаков назализации в их инициалах. Как отмечалось выше, в сфере существительных назализация начиналась с инициали основы, в сфере глаголов — перед артикуляцией финали. Поэтому у существительных, не являющихся глагольными дериватами, назализованная финаль (без инициали) сви-

* Возможно, это — ‘солнечные’ слова (белый < светлый; спелый < возвращенный, напоенный солнцем; круглый, большой, как солнце и т.п.) либо: белый < вымытый водой; спелый < наполненный соком (водой), напоенный водой — ср. слова со значением ‘сверкать’: -el- F21; -zer- R24; -yer- R31; -ery- F31; -edz- S12 и т.п.

детельствует, что последний слог присоединен к инициали не изначально, а в более позднее время: после того, как возникла тенденция назализовать инициаль существительных и фиксировать локализованность обозначаемых ими реалий относительно некоторых пространственных ориентиров.

Так, если обратиться к серии слов со значением 'туча' в некоторых ЯБ, то можно заметить, что слова образованы из двух компонентов, по-разному в разных языках подвергавшихся назализации до их сращения: в рими и мбунду₂ первая силлабема произносилась без назализации, вторая — с назализацией, в итоге возникли слова с основами -lũnde и -lende (если бы назализация затрагивала и первый слог, латеральный заменился бы другим звуком); в макуа, наоборот, первая силлабема подвергалась назализации, вторая нет: ni-hute (в противном случае глухой согласный второго слога стал бы звонким или назальным); есть языки, в которых назальный резонатор включался при произнесении обеих силлабем; это вызывало утрату латерального или его превращение в альвеолярный, лабиодентальный или велярный спирант, а глухого альвеолярного второй моносиллабемы — в назальную композиту: zunde в G23, -fũnde в G63, -fũnde в N11, -ũnde в P21, -hũndĩ в N14 и т.д. Наличие вариантов, представленных в рими и мбунду₂ свидетельствует о разрывности данных композит, невозможности рассматривать их как рефлексы протосиллабем типа *[(l/rt)'^o] и необходимости считать рефлексами более поздних образований — композит, развившихся из осколков многофокусника в менее древний период.*

11. Аналогичный путь развития можно отметить при анализе серии слов со значением 'ливень'. Так, в H16b зарегистрировано слово ndũmbi, в S33** — dũp'ę, в C61a — lũфе, а в R11 — -lembi, т.е. назализация может происходить не только в инициали слова (S33) или в обоих слогах (H16b), но и в одном втором слоге (C61a, R11). Среди других рефлексов этой композиты встречаются такие основы со значением 'ливень': bvumb- N31c; bvũmbi D62; -bvumbi N31c; -umbi P21; -vũmbi H16g, L31a, L33;

* Сбор таких 'осколков' и их композиций является средством для генетического упорядочения языков банту; так, перечисленные выше языки в какой-то период образовывали языковую общность (или входили в нее уже после филиации протосистемы), поскольку случайность композиции одних и тех же 'осколков' с формированием одного и того же значения является маловероятной.

** Глоттализированный губной р' в S33, назализованный губной mb в H16b и R11, фарингализованный губной в C61, как показано выше, являются регулярными рефлексами 'лабиовелярной части' многофокусника, результативавшейся в ѳi-слог в потомках 'водных' слов.

-vumbi S41, S42; -fūmbi M42; -zūmb- F21, -zūmbi F21; -ḍimbi R21; -ḍumbe C71; ‘мгла’: rūmbe E51; -rūmbi D42; -bvumbi S13a; -ūmbe E55; ‘мрак’: -ḍumbi R31; ‘дождливый день’: -vumbi K14. Не менее продуктивной в данном семантическом поле является и ‘обратная’ композита: -ḍi+li. Она представлена в словах со значением ‘грудь’: -bele S42, -beene H16b и их параллелях в других языках (на составной характер основы указывает форма из H16b с назализованной финалью).

В эту серию входят: -bele K14, R11; -beele F21, M42, P21 (удлинение гласного подтверждает гипотезу о стыке морфем); biεε (дифтонгоидальность также соотносится с соединением двух слогов); -beεε C32; -veεε C71; mbele G44; beele H13, L31a, L33; -bele S41, S42; -bele S51; -bele — -wele N31c; -tsw’εε S33; beere D62, E11, E13, E32a; ebbeere E15; -βere R31,* S62; -weεε — -beεε B11a; beεn B52; biene B75; beene H16b; бeḍ B22b. Та же композиция представлена в словах со значением ‘вымя’: -bele S41, S42; -bele M63, R11, K14; -biele B75; -beεε C32; -wele G42d; -pele P31; -tsw’εε S33.** Однокоренным с этими словами является ‘молоко’: -beele L31a, L33; -beele F21, P21; -beεε A31a; -vele C71; bele K14, R11; -pele P31; -beere- D62 (mele в G23 и omaere в R31). Слова со значением ‘молоко’ могут быть образованы также на базе композиты *(li + ōa): ama-dīβa M11; -rīa E51; -ziwa M22, G42d; zi-βwa N41; -dziva G63; -θiβa G41; -ziya E72a; -hiβa N13. Та же структура представлена в словах ‘вода’ (-liβa A11; -liβa C55; -liβa D42; -lep A43a; -ndip A74; -niβ A44; -dīβa A24, B22a, C41; -dziwo A81; dzuwa A83); ‘река’ (-lia A11; dziwo A81; lep A43a), ‘лу́жа’ (-liba C32; -dīβ C83; riβa D62; -liβa N13; ntiā P31; -diba E15; -dīβa B81; -tiya K31; -rīa E51; ziya E72a; liβa F11; ziwa G42d; dzia G44a; ziba H16d; -ziba L31a, M63; -ziya L52; -ḍiβa L62; liya N14; ḍiya R22; dziwa S13a; dziβa S21; tiβa S51); ‘колодец, источник’ (-liβa C32; -liβa C52; -dip A74; -dziβa D62; ḍiba H14; -ḍḍiya K32; -ḍeβa R31; -ziβa K14, L33; -ziβa M25; -ziβa E11, N21; -siβa D28b; -liβa L23, M42; -tliβa R11); ‘пруд, затока’ (-dīβa A34; -ziβa E15, S41, S42; -diwa G21; -dīβa S32a; diā E51; -siβa E32a; -liβa E41; -dīβa S33) и т.д. Рефлексами композиты -(‘la+ōa) является серия глаголов со значением ‘мыть’: -hiatsw’-; -hlap’-S33; -hiamb- S41, S42; -ḍamb- E51; -ḥamb- S21; -tḥamb- G42d; -ḥamb S14; -θamb E55; -ḍamb- E56; -samb- E62a, M63, N31c, S13a; -sāmb- M42; композита (lu + ka) представлена в словах со значением ‘река, русло реки,

* В A24, A74, A75, B72a, B83 и C41 значение ‘грудь’ выражается с помощью основ -be, -beε, -bi, -bbiaa, -bbiε:, -be, в A55 — -εε. Не исключено, что в A24 и C41 одна часть композиты стала интерпретироваться как префикс, вторая — как корень: dī-be; li-be.

** В A24 dī-be, в E72a — ere.

канал, низина, долина' (mo-loko P31; no:k'a S33; -lōŋga K42, M42; nōŋga L35; loŋga M63, S51; -looŋa L52; -doŋga K13, R11; -đoŋga B22b; -oŋga B11a; -lūŋgu L33; ōŋgo F31; -roŋga N21, R31, S21; -roŋga S12, K33), а также в словах, образованных от них (например: 'линия, ряд' в серии: -rōŋgo D62; -roŋgo S13a; loŋgo R22, E72d, M63, K14; looŋo L31a; -lōŋgo L33, M42; -loŋ A43b; -lōŋgo C32; ləoŋ C83; -oŋ A62; ōluo B75; ōlwaŋ B85b; nəŋ A74; nōŋgo C71, D28b; oŋgo G42d) и др. § 7.

Заключение

1. Подводя итоги, можно отметить, что реконструкция звуковых образов протокорней, стоящих в центрах описанных выше полей, позволяет представить их эволюцию в виде цепочки дериватов (языковых форм, образованных от исходной протоформы), которые имеют следующие значения: 1) континуумная 'стихия' (тьма, мокрое, хаос, бездна, темные силы, враждебные говорящему, стихийные бедствия, нечто бесконечное, ужасающее, непознаваемое) → 2) воздушно-водная субстанция (ураган, буря, гроза, ливень, потоп, наводнение, дождь, туча, облако, вода, река, море, океан) → 3) 'тверди' (небесные: солнце, небо, луна, планета, звезда и др.) → 4) земля (все реалии, которые могут быть рассмотрены как части земли, ее 'дети', 'владельцы', насельники, признаки и качества).*

Интерпретируя развитие этих дериватов как единств означаемых и означающих, получаем, что исходным пунктом деривации ('первоматерией') является *континуумная стихия* (тьма, мокрое, хаос, бездна, непонятная и недоступная говорящему), из нее 'рождается' *воздушно-водная субстанция* (мировой океан, космос, атмосфера, вода), затем, когда 'разверзаются хляби небесные' (ср. цепочку фонем в слове *хляби* с описанным выше многофокусником, в составе которого содержатся те же компоненты), из мирового океана и тьмы 'возникает' *свет* (ср. библейскую формулу: 'да будет свет!'), а вместе с ним *солнце, луна и небеса* (по легендам, твердые). Далее из 'тверди небесной' 'создается' (т.е. образуется от корня, обозначающего небесную твердь) *твердь земная* (земля).

*См.: "Порядок сотворения мира соответствует следующей идеальной схеме: хаос → небо и земля → солнце, месяц, звезды → время → растения → животные → человек → дом, утварь и т.д. Таким образом, космогонические мифы описывают становление мира как результат последовательного введения основных бинарных оппозиций: небо — земля и т.п., и градуальных серий (основанных на постепенном возрастании или уменьшении какого-либо признака): растения → животные → люди и т.д." [28: 7].

Параллельно этому процессу идет образование слов от корней 'тьма', 'вода' и 'солнце', а также от их дериватов и дериватов этих дериватов. Затем в этот процесс включается корень со значением 'земля'. Из-за параллельной деривации (например, в одном языке название реки образуется от корня со значением 'мокрое, тьма', во втором — 'солнце, свет', в третьем — 'земля' и т.п.) возникают слова с различными означающими и означаемыми, но служащие для называния одних и тех же реалий. История, сохраняя деривационные связи между словами, интерпретирует их как отношения между реалиями, и языковое творчество со временем переосмысливается в сотворение мира. Внутренняя форма слов, упорядоченных в цепочку дериватов, превращается в космогоническую легенду. Миф о мироздании с какого-то этапа становится различным у разных народов, хотя до какого-то деривационного узла продолжает сохранять единство во всех уголках земного шара, куда расселились потомки одного и того же протоэтнуса. Сравнивая сходства и различия в вариантах мифа о мироздании, бытующих у разных народов, можно увидеть, до какого этапа существовало единство между их предками и с какого этапа каждый этнос стал развиваться самостоятельно, постепенно утратив все связи со своим протоязыком, кроме деривационной истории слов и ее фантастической интерпретации.

2. По-видимому, так появились формулы Ветхого завета и дошедшая до нас библейская история создания человека и окружающей его действительности. Из приведенных выше примеров видно, что слово 'человек' в одних языках является дериватом от 'солнечного' корня, в других — от 'земного'. В терминах мифов этот факт интерпретируется как создание человека *после* того, как возник свет: по данным одних легенд, сразу же после сотворения солнца, в соответствии с другими — на следующий день после создания земли. Есть и иные версии — *до* солнца и земли, из 'воды' или 'хаоса', а также от божественных особей растительного или животного мира. Почему возникают такие варианты, нетрудно понять.

Дело в том, что названия животных в различных языках имеют неодинаковую деривационную историю. Некоторые животные предстают в легендах как 'созданные' до человека, остальные — после него. Среди предшественников человека выступают 'наук' (символ единства множественности и многоликости единого, как основы сущего, позволяющей производить описанную выше бинаризацию, которая определяет характер развития языкового сознания), 'черепаха', 'змея', 'крокодил' (символы единства воздушно-водно-твердой среды их обитания), 'питон' (олицетворение синкретизма воздушно-водной субстанции, связываемое

с представлением о водной стихии, с одной стороны, и жизненной силе — с другой), *'хамелеон'* (знак взаимных превращений в полях света-тьмы, образов-реалий), *'птица'* (знамение единства воздушно-твердой субстанции) и некоторые другие существа. Их названия являются дериватами от первокорней *'хаоса'*, *'водно-воздушной субстанции'* или *'твердей'*, поэтому соответствующие данным словам реалии интерпретируются как 'возникшие' до человека. В ряде языков имя первопредка оказывается более древним, чем слово *'человек'*, являющееся абстракцией 'от особой одного и того же рода или племени. В этих случаях имя первопредка обычно возводится к тому же корню, что и название одного из указанных выше животных, или является дериватом от последнего. Потомки переосмыслили этот факт, как 'происхождение от паука' (или черепахи, или змеи, и т.п.) и превратили название животного в тотем.

Например, у акан мифы о происхождении мира повествуют о большом черном *пауке*, подчиняющемся приказам верховного разума. Он осуществляет созидательную деятельность, поставляя жизненное вещество, из которого возникают все человеческие расы. Происхождение сену-фо 'предопределяют' пять существ: *черепаха*, *змея*, *крокодил*, *хамелеон* и *птица*, они же соответствуют и пяти главным ветвям сенуфо. Обожествленными оказались: *паук* (*Коло* в Верхней Гвинее, *За-коло* у бете и т.п. имена, являющиеся рефлексамии исходного многофокусника с велярным, лабиальным и плавным компонентами), *питон*, *змея*, *дракон*, *ламантин*, *крокодил* — у йоруба, бауле, сенуфо, фон, манджа, бете, дида, годье, тура, сусу, бамбара, бага, налу, бали, бамум, марка, бамилеке, куба, луба, бена-лулуа, сара-коле, бозо, сомоно, сонгаи, конкомба, бобо, моей, гуси, ашанти, ибо, фанг, у жителей прибрежных районов озер Чад и Виктория, рек Конго и Замбези, т.е. практически по всей Тропической Африке, *хамелеон* — у бауле, суто, ньоро, тсвана, тонга, венда, нгони, булу, фанг, яунде, зулу, к'оса и др., *богомол* у бушменов, *черепаха* (по всему континенту).

3. Историю развития своего сознания говорящие считали настолько важным фактом своей 'биографии', что постепенно придавали ей статус божественного откровения и вменяли в обязанность всем поколениям свято ее хранить. Процесс мироздания Библия не случайно начинает формулой: 'Вначале было Слово (Логос), и слово было у Бога, и слово было *Бог*'. Слово в устах человека, давшего себе имя, артикулировавшееся в виде многофокусника, о котором в языках-потомках свидетельствуют рефлексии различных лабиовелярных консонантов (ср. *Бузуи* у бете, *Бог* у славян, *Яхве* у израильтян и т.п.), стало демиургом Вселенной, как этот процесс понимали древние, которые, в силу принципа параллелизма между названием и вещью [37], мир слов отождествляли с миром

реалий (это повсеместно отражено в табу, заклинаниях, обрядах и пр.) и интерпретировали процесс образования слов как процесс создания реалий, названных этими словами.* Поэтому *слову, животворящей речи* в большинстве религий отводится главная роль, а верховное божество в пантеонах народов Тропической Африки, как отмечается в литературе, носит характер простого философского понятия, идеи в чистом виде, плодотворного слова.

4. В ходе этих наблюдений возникает вопрос о том, какой была предыстория ‘создания’ космических реалий (тьмы, небес, солнца и земли), о которых шла речь выше. Можно предположить, что это был этап, на котором произошло выделение говорящим своего ‘я’ из окружающей среды. Это противопоставление могло закрепиться, например, посредством оппозиции ротового и носового резонаторов: факты различных языков свидетельствуют, что для обозначения реалий, соотносимых с личностью говорящего, часто используются назальные звуки, а для реалий, классифицируемых им как чуждая, непознанная и недостижимая стихия, — ротовые. В этом случае, чтобы стать мысленным ‘обладателем’ чужой реалии, достаточно было набросить на нее ‘назальную сеть’, т.е. ‘включить’ назальный резонатор и, назализовав прежнее название, тем самым ‘объявить’ о своей ‘власти’ над реалией (связи с ней, — см. примечание на с. 218). Так создавалась граница между познанным и непознанным, введенным в обладание говорящего и чуждым ему.

Этап, предшествовавший этим процессам, впоследствии был осмыслен как время, когда не существовало еще названий ни неба, ни земли, ни космоса, ни человека (все эти названия появились позднее).** ‘Несуществование названий’ приобрело смысл ‘несуществования ре-

* См.: “Физическому порождению очень близко порождение предметов путем их словесного называния, поскольку последнее есть некая духовная эманация божества, а не творение из ничего (егип. Птах создает мир ‘языком и сердцем’; ср. мотив возникновения вселенной по приказу, требованию: серия приказов в мифе маори (Новая Зеландия), в результате которых совершаются основные космогонические акты, или миф индейцев хайда, где подобные приказы отдает ворон)” [28: 8].

** Ср. “Это — рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто... Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов... Не было ничего, что могло бы двигаться... Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование... (‘Пополь-Вух’, Центральная Америка). Сходная картина представлена в скандинавской, ведийской, шумерской, аккадской, иудаистической, греческой, сибирских, полинезийских и многих других мифологиях” [28: 7].

лий', поименованных данными названиями. В результате возникли формулы 'до сотворения неба, земли, человека' и т.п. 'Вне времени и пространства' (осознание этих реалий также пришло позднее), в еще чистом, почти совсем пустом сознании говорящего витало некое 'я' как инобытие (т.е. в противовес остальному миру) и предтеча, *демиург*, творец всего, что потом появилось в языковом сознании и мышлении.

И наконец, этому этапу предшествовал период полного синкретизма образов, когда 'я' говорящего не было противопоставлено остальной среде, процесс дискретизации сущего говорящим еще не начался, и всё воспринималось как *первоначало, природа, 'триединый бог', тьма, хаос, смешение всего сущего, всеобщая взвесь, единая материя, первородный океан* и прочие образы, отражающие континуумность (непрерывность, недискретность) исходного элемента деривационного ряда и неприменимость к нему каких-либо противопоставлений и дифференциальных признаков, развившихся в человеческом сознании впоследствии. Об этом, в частности, говорят теофорные образы, подчеркивающие единство протомира, из которого еще не вычленены отдельные особи, и указывающие на потенциальные возможности 'развертывания' исходной точки по кругу, спирали, циклам, древовидным структурам для конструирования процесса дискретизации единого целого на самостоятельные реалии. Чаще всего это образы *клубящегося пчелиного роя, текущей паутины паука, разматывающегося клубка шерсти, вращающегося над огнем облачка насекомых, разрастающегося корнями в землю, а ветвями в небо дерева* и других реалий, расширяющихся из единого крохотного центра и самим процессом роста как бы набрасывающих свою сеть на окружающее пространство, чтобы 'овладеть' им и целиком заполнить.

Суммируя, можно отметить, что исходной точкой формирования языка, языкового сознания и мышления был этап, предшествовавший выделению говорящим своего 'я' из природы и абстрагированию ее признаков и характеристик. Механизм вербального сознания начал функционировать в тот момент, когда возник отдел 'память', зафиксировавший первый образ: *единство всего сущего*. Затем над этим исходным символом была проделана первая мыслительная операция — отрицание его неделимости; второй операцией было деление исходного символа на два: один из образовавшихся новых символов был соотнесен субъектом со своим 'я' (путем активизации назального резонатора), второй явился 'продолжением' исходного символа (с помощью ротового резонатора говорящий по-прежнему фиксировал среду своего обитания: опять-таки единый мир, но теперь уже не 'сам по себе',

а по отношению к мыслящему субъекту, который поместил свое название в его центре).

За этим актом дуализации последовал новый, и т.д. по схеме, описанной выше. Поэтому можно сказать, что у истоков речеобразования и языка стоит представление о единстве всего сущего, как начале деривационного процесса, который имеет вид цепочки элементарных актов дуализации, в ходе которой от 'большой' реалии рождаются 'меньшие': (недифференцированное синкретичное сущее → ('я' говорящего субъекта + (континуум, окружающий человека как воздушно-водно-твердая среда его обитания → ((воздушно-водная среда + 'тверди') → ((воздух + вода) + (космические тела + земля)))))) и т.д. (при параллельном членении 'я' говорящего).

В предыстории к этому этапу был период выделения речи из остальных физиологических актов в процессе коммуникативной деятельности; в частности, сфера взаимодействия людей, связанная с категорией позитива-негатива, до сих пор отражает синкретизм речи и жеста, которые в ответах 'да' и 'нет' могут выступать как равноправные означающие одного и того же акта волеизъявления со стороны говорящего-слушающего; этапу собственно речевых взаимодействий должен был предшествовать этап вербально-моторных движений, когда говорящий (одновременно и действующий) уже отделял себя от остальных членов вербально-моторной совокупности в процессе повседневной борьбы за существование, но еще не осознавал речь как средство 'обладания' миром и не выделял ее из других орудий преобразования мира. Этот этап является довербальным, поэтому находится вне компетенции языкознания.*

* "... можно утверждать, что первая стадия развития языка соотносится с глобальными движениями всего тела, когда все органы и движущиеся части тела находились в активном состоянии при назывании ситуации как единого целого" [27:27] "... в развитии языка представлены четыре стадии 'фонетической' эволюции: 1) движения всего тела, включая органы речи; 2) стереотипы, состоящие из жестов руками, пантомимы, мимики и различных движений органов речи; 3) жесты руками + кликсы удовольствия + базисные звуки с некоторыми мелодическими особенностями речи; 4) стереотипы из жестов руками + жестоподобные кликсы + базисные звуки со стереотипами музыкальных параметров речи — тона, ударения, длительности, эпиглоттального трения" [27:28]. "Развитие звуков из кликсов шло двумя путями: 1) либо кликсовые блоки как единое целое упрощались и изменялись в кликоподобные (эйективные, инъективные или дизъективные) фонемы, 2) либо кликсы опускались и гуттуральная (соответственно назальная) часть кликсоблоков устанавливалась в начале слова" [27:28], например: /^{1,2,3}k^{2,3}a^{1,3} 'рука' (южнобушменск.) развивается в два корня t^{1,3}a^{1,3} и k^{2,3}a^{2,3}, а те соответственно в ta (см. a-ta в логба) и ka (см. ka в бамана, e-ka в мбунду и др.);

5. Процессу деривации как таковому в большинстве африканских мифологий уделяется много внимания. Наиболее распространенным его символом является образ *дерева*, растущего между небом и землей и тем самым как бы объединяющего обе субстанции, возникающие из общего деривационного ствола. Рост корней дерева при этом символизирует процедуру формирования *'земных'* реалий, появление все новых и новых ветвей соотносится с процессом создания *'небесных'* названий. На вершине дерева обычно представлены *две птицы* — символы *света и тьмы, дня и ночи, воздуха и воды, добра и зла, духовного и материального, человеческого и божественного*, а также иных противопоставлений, определяющих последующие деривационные акты. У корней дерева изображается человек (см. образование слова *'человек'* от корня *'земля'*). Есть и иные интерпретации процесса *'мироздания'*: в виде *гончарного круга, вращающейся* или движущейся по спирали *субстанции, лестницы* или *тропы, соединяющей небо и землю*, и др.

Хотя сотворение мира различные народы изображают по-разному, в этой символике много общего. Во-первых, однотипно обозначается исходная точка. Повсеместно она представлена как нечто нечленимое, недискретное, никем не созданное, бесконечное, превышающее любые пространственные границы, изначальное, способное к развитию и расширению, соотносимое с речью, сознанием, воображением, мышлением

исходное слово образовано с тремя артикуляционными преградами, далее используется только две преграды и на современной ступени деривации (см. примеры из логба, бамана и мбунду — одна преграда). 'Кликсовая звуковая система является промежуточным состоянием между жестовыми, кликсовыми и голосовыми экспрессивными средствами приматов и голосовыми системами современных языков' [27: 29]. "У шимпанзе есть 11 звуков, которые в общих чертах схожи с аналогичными звуками у человека. Это один гуттуральный окклюзивный k(g), два гуттуральных фрикативных h (ларингал) и x (велярный), одна эйективная аффриката kx', два назальных звука: m (не соединяется с гласными) и n (используется только как призвук k или g, т.е. nk, ng), два протогласных: передний a(e) и задний o(i) и, наконец, три неполных (без задней смычки) кликса: лабиальный ʘ, дентальный / и латеральный //'" [27: 21]. 'Первый фонетический синтез, т.е. соединение гласного с согласным уже достигается в звуковых выражениях шимпанзе, например: kx'a 'крик' [27: 22]. 'Кликсы не зависят от дыхания, но производятся только силой соответствующих мускулов' [27: 23]. "Кликсы — это жестоподобные консонантные единицы речи, которые в противовес нашим обычным консонантам производятся только мускульной силой языка или губ без влияния дыхания. Наоборот, наши экспираторные консонанты рождает дыхание, — кроме назальных вроде m, n, для производства которых необходимо движение соответствующих мускулов плюс резонанс назальной полости (что, конечно, непосредственно связано с дыханием)" [27: 26].

и вербальной деятельностью. Во-вторых, деривационный процесс повсюду фиксируется как непрерывно продолжающийся 'от исходной точки до наших дней' (преемственность деривационной истории отражается посредством образов *'от родителей к детям'*). В-третьих, мифологии особо выделяют бинарный характер каждого единичного акта путем указания на рождение близнецов у богов, фиксации *двуликих* или *двуполых* особей, регистрации процесса развития как расчленения на две части и т.п. Французский африканист Б. Оля замечает: 'Напомним в этой связи, что подобные процессы расчленения и специализации божественных существ часто встречаются на всем континенте, и в литературе можно найти много таких примеров. Их можно разделить, по меньшей мере на три группы: 1 — объединение двух или нескольких существ в виде единого крупного божества; 2 — расчленение первоначального существа на два или несколько божеств с разными функциями; 3 — тенденция крупного божества приобретать два самостоятельных облика, дополняющих друг друга или противостоящих друг другу, наподобие ипостасей в религиях, основывающихся на учении о спасении' [33; 92].

В-четвертых, традиционные африканские религии подчеркивают эволюционный характер деривационного процесса, при котором изначальное не уничтожается, а продолжает функционировать вместе с вновь образованным. В силу этого особую роль начинают играть тройки (верховное божество и два его *'ребенка'*, *'триединое божество'* ствол и два направления его роста — к небу и земле), *семерки* (после первого акта деривации начинают функционировать три элемента: исходный и два новых, после второго акта — семь: к трем, полученным ранее, добавляются четыре новых: по два от предыдущих), символы 'множественности' в едином (образ *паука*, отмеченный выше, *многоруких* и *многоликих* божеств, представленных в скульптуре, культ богов и богинь, приносящих *плодородие, большое потомство*). Наиболее отчетливо характер деривационного процесса обычно передают схемы древовидного характера, и не случайно образ дерева занимает такое большое место в символике процесса мироздания (см. опять-таки семь ветвей, которые вырастают от главного ствола, семь птиц, которые на них сидят, и т.д. — в зависимости от специфики деривационной истории в каждом конкретном языке). Та же непрерывность процесса и сохранность 'протоवेशества' не менее ясно передаются образами *вкладывающихся друг в друга вещей (холм между небом и землей, в нем пещера, в ней — два рога, в них — 'семя плодородия' в виде масла или воды и огня и т.п.)*.

В-пятых, однотипной оказывается и половая соотнесенность космогонических образов. Исходной точкой деривационного процесса яв-

ляется *бесполое беспелесное* существо или гермафродит. Далее появляются два производных образа, не имеющих к зачатию отношения (созданы ‘словом’, ‘божественным актом творения’, ‘появились неизвестно откуда’, ‘существовали всегда’, ‘пришли из небытия’), но числящих своим ‘отцом’ первотворца. Первый из производных образов, соотносимый с *водно-воздушной стихией*, как правило, приобретает *женские* черты, второй символизирует ‘*тверди*’ и имеет четко очерченный облик *мужчины* божественного происхождения. С этого момента все элементы деривационного ряда имеют строго фиксируемые половые признаки.

Например, зулу и к’оса почитают небесную принцессу *Номкубулвану*, которую описывают так: Uhamba (1) ngenkungu (2), nganhlanye (3) ungumuntu (4), nganhlanye (5) ulihiathi (6), nganhlanye (7) ungumfula (8), nganhlanye (9) umile (10) utshani (11), uyisikhotha (12). ‘Она (1) идет (1) туманом (2), частично (3) она (4) человек (4), частично (5) она (6) лес (6), частично (7) она (8) река (8), частично (9) она (10) стала (10) травой (11) — исикотой (12)’. Культ Номкубулваны, как отмечает один из крупнейших исследователей народов банту Брайант [8: 377-388], имеет поразительное сходство с культом греческих богинь Деметры и Персефоны, много общего в нем и с культом фракийской ‘матери богов’ *Кибелы*.

В приведенном выше отрывке Номкубулвана характеризуется как существо, объединившее в себе три субстанции: *воздух* (см.: uhamba ngenkungu ‘появляется туманом, из тумана’ — слово ngenkungu можно перевести любым из этих эквивалентов), *воду* (nganhlanye ungumfula ‘частично она река’) и ‘*тверди*’ (nganhlanye ulihiathi, uyisikhotha ‘частично она лес, частично трава-исикота’). Женский характер облика передается не с помощью портретной характеристики, но указанием на одну из важнейших женских функций — производить потомство, давать начало росту живых существ (сема роста и множественности фиксируется посредством собирательных существительных ihlathi ‘лес’ и utshani ‘травы’).

Поскольку телесный образ Номкубулваны, как ее описывает легенда, никак не напоминает человеческое существо, остается считать, что человеком она является лишь в духовном отношении (nganhlanye ungumuntu ‘частично она человек’). Когда народы банту персонифицируют в сказках животных, они наделяют их одним и тем же неизменным свойством — умением *говорить*. Тем же атрибутом легенда характеризует Номкубулвану, приносящую людям не только плодородие, но еще обычаи и законы. Таков образ синкретичной субстанции, давшей начало различным явлениям и обладавшей животворящим *словом*. Мужского антипода Номкубулваны в зулу и к’оса нет, она является единственным божеством, существующим вне времени и пространства, где-то в *предыстории*

к возникновению народа нгуни, представителями которого являются зулу и к'оса. Зато свою историю все племена нгуни свято хранят и передают от поколения к поколению. Начинается эта история с прадеда мужского пола *Ункулункулу*.

В-шестых, легенды сохраняют не только семантику деривационных отношений, но и их звукопись. Например, деривационные возможности протокорня фиксируются посредством указания на божественных двойников, имена которых образованы с помощью метатезы друг от друга (см. *Лого* и *Коло* у бете. *Ругу* и *Куру* в различных вариантах у банту). Члены пар, на которые разбиваются исходные образы первотворцов, находятся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу и в сумме составляют имя первотворца (скажем, имя одного из детей первобога содержит билабиальные компоненты, второго — глоттальные или велярные, а имя отца состоит из тех и других; такие отношения представлены в тройке *Ибо-Гейи-Догбоза* у бете). Возможны и иные отношения: двуединый первообраз (см. у бамбара образ первоначальной пустоты *гля* и ее звучащего двойника, появившегося по зову голоса) и произведенное на следующем деривационном этапе триединое божество, каждая ипостась которого имеет имя, соотносимое с одним из компонентов исходного многофокусника (у бамбара это тройка *Фаро-Телико-Пемба*: в *Фаро* представлен дрожащий и лабиодентальный консонанты со следами глоттализации в виде спиран-тизации лабиодентального согласного, в *Телико* лабиальный компонент почти совсем исчез и о нем свидетельствует лишь лабиализованный гласный в финали, а в *Пемба* четко представлены только лабиальные компоненты, и о плавном или дрожащем можно догадываться по назальному в середине слова, который мог возникнуть на месте прежнего плавного или дрожащего консонанта, как это часто случается в африканских языках). Есть и иные типы деривационных преобразований, поэтому особое внимание при их выявлении следует уделять всевозможным подсказкам семантического плана (например, указаниям, что герои являются близнецами, двойниками, оборотнями, братьями-сестрами, имеют две или три ипостаси, двуединую природу, произошли от таких-то родителей и т.п.).

В этом контексте приобретает особое значение совпадение фонетических обликов имен верховных божеств у различных народов. Так, эве в Бенине и Того рассказывают предания о древнем божестве, которого звали *Нана-Булуку* (ср. с *Номкубулваной*, культ которой сохранился на юге Африки; соотношение имен можно объяснить перестановкой слогов, возникшей вследствие различного упорядочения компонентов исходного многофокусника: в слове *Булуку* артикуляция начинается с губ и завершается велярным компонентом, поэтому появляется

комплекс *блк*, в слове *Номкубулвана* произношение корня *-кубул-* осуществляется с активизации гортани, затем вступают в действие губы; в первом случае назализация сосредоточена только в инициали слова (компонент *Нана*), во втором она охватывает слово в виде циркумфикса; по-разному включается в действие и латеральный компонент: перед активизацией гортани и после нее).

Йоруба сопровождают своего бога эпитетом *Аругбо* ('древний') — см. появление, вместо плавного консонанта, дрожащего и развитие велярной и лабиальной артикуляции в финали слова. Ашанти поклоняются богине *Ньямие Кпли*, что значит Большое Небо, — здесь представлена последовательность *кпл* артикуляции того же многофокусника. Свою богиню неба кробу называют *Кловеки*, а манде считают, что вокруг их домов бродят ночные духи *воклову*, или просто *вокло*. Бамбара говорят, что все возникло из первоначальной пустоты *Гля*, племена лесной зоны поклоняются божеству *Где*, сереры в Сенегале и Гамбии помнят исполнителей воли верховного божества по имени *Панголь*, у народности ба-нен в Камеруне плодородную силу верховного бога, которая падает с дождем на землю, называют *Хоель*. Сонгаи знают духов *Холле*, а бамбара — божество воздуха и олицетворение дыхания *Телико*.

Божество-творец нематериальной силы у сенуфо-миньянка известно под именем *Келе*, лоби тем же словом называют индивидуальную жизненную силу. Ашанти поклоняются индивидуальной жизненной силе, душе-дыханию *Окра*, эфе — бессмертной жизненной субстанции *Бору-ни*, мусульмане говорят о сверхъестественной силе *Барака*, лоби-бири-фор чтут *Барка*, хауса и маури проводят обряды в честь духов *Бори*. Эве и фон одного из своих главных божеств называют *Легба*, луго-луголло-ни, герзе-кпелле, коно, мано, коньянка, галла — *Оглие-Ататье*, анголь-цы — *Калунга*, Ираку на противоположной стороне континента — *Нетланга* (божество, живущее в воде), герзе и коно за тысячи километров от них — *Алатанга*, пастухи-кочевники гереро — *Карунга*, земледельческие народы Межозерья — *Руанга*, догоны — *Йуругу*, коньяги-басари — *Игвар*, сереры — *Гбекре* (судья загробного мира).

Египтяне сохранили предания о божественном соколе *Гор*, пигмеи Габона и ныне рассказывают легенды об огромном слоне по имени *Гор*. Верховным божеством у сереров признается *Рог* (см. метатезу *Гор-Рог*), а у бете — *Лаго*. Его двойником является божественный паук *За-коло* (на метатезу в словах *Лаго-Коло* неоднократно указывалось в литературе). У нуэров *Кол* — дух, который управляет грозами и поражает людей молниями, у киси на другой части континента его аналогом является *Хала*, у банен — небесный бог *Коло*, и т.д. и т.п. по всей Африке.

Сюда же относятся и производные имена следующей ступени деривации, в которых глоттальный компонент либо совсем исчез (см. выше *Бори, Борупи*), либо сохранился в виде спирализации или аспирации. Это главный бог йоруба *Олорун*, ашанти — *Алуруа*, бог солнца Ираку *Лоа*, предок-охотник народов лунда и леле *Фабори*, божество лоби-бири-фор *Йуло*, крачи *Вульбари*, ману *Вулу*, солнечный бог эве *Лиз*, духи *Тро-во*, бог-солнце у фон Бенина *Лиз*, божественная черепаха бага и налу *Абуль*, воплощение солнца-жизни у галла *Аду*, верховный бог бауле *Адудва (Алуруа)*, распределитель жизненной энергии у йоруба *Алайе* (как одна из ипостасей *Олоруна*) и мн. другие. К ним примыкают имена со следами глоттализированных или без них, относящиеся, в соответствии с водно-воздушной семантикой образов, называемых данными именами, к первой ступени деривации. Это двуполое водяное чудище *Фаро*, олицетворяющее водную стихию Нигера у бамбара и выступающее в облике сказочного длинноволосого ламантина, верховный бог бушменов Калахари *Тор*, хозяин атмосферы у пигмеев на р. Итури *Тор*, хозяин неба у бамбути, повелевающий грозами, дождями и временами года. *Тор* и пр.

Трактуя мифы как летописи деривационных языковых процессов, можно в названиях образов, являющихся атрибутами верховного божества, выявить звукопись, с помощью которой языковое сознание говорящих фиксировало данный образ. В частности, образ *Номкубулваны* соотносится с такими земными реалиями, как *-khotha* ‘разновидность быстрорастущей длинной травы’, *-tshani* ‘трава’ (родовое понятие), *-hiathi* ‘лес’, *-ntu* ‘человек’, и это подчеркивается (-компонентом этих корней, а также глухой разновидностью плавного фрикативного согласного *hi*, противопоставленного в зулу звонкой разновидности *dl* и не-фрикативному *l*. ‘Водно-воздушная’ ипостась *Номкубулваны* ассоциируется с назализованными лабиальными и велярными компонентами, о которых шла речь ранее и которые представлены в словах *ngenkungu* и *ungumfula*, а также плавным согласным в корне *-mfula*. Легенда сохранила не только семантику деривации (образование от первичной *воздушно-водно-твердой* субстанции *воздушных* реалий, к которым относится туман, *водных*, к которым принадлежит река, и *твердых*, которыми являются человек, лес и трава), но и ее звукопись: те языковые формы, которые образовались на данном этапе, и те звуковые закономерности, посредством которых закрепилось развитие означающих в каждом языке.

И наконец, есть еще одна характеристика, которая объединяет мифы различных народов и позволяет рассматривать их как регистрацию процессов словообразования. Как правило, в легендах описывается не одно

верховное божество, а д в а. Каждый из образов как бы живет в своей плоскости, эти плоскости не пересекаются. Один образ соотносится с первоматерией, функционирует вне времени и пространства и воплощает пассивное начало, которое, постепенно развиваясь, превращается в бесконечность и порождает все остальные реалии. Второй образ, наоборот, представляет собой активного субъекта, первотворца, созидателя, носителя животворного слова, первопредка.

Первый священнодействует над космическими объектами, создавая с помощью магии или божественного слова небо, солнце, землю, животных и человека. Второй занимается обычными земными делами: лепит горшки, обжигает глину, пасет стада, строит жилища, расставляет силки на птиц, управляет семьей, выбирает жен и т.п. Первый является отцом богов, в земные дела не вмешивается. Второй живет на земле и только после смерти или при иных каких-либо важных событиях попадает на небеса. Первый выступает без определенных половых признаков: это либо бестелесная субстанция, либо гермафродит, либо *духовное начало*, ассоциируемое с животворными свойствами какой-либо материи — слова, энергии, воды, огня и т.п., часто соотносимое с девственницей; например, это первоначальная пустота *Гля* и двуполое водяное чудовище *Фаро* у бамбара, бестелесное существо, заполняющее собой космос, *Ку-лотиоло* у сенуфо, небесная принцесса *Номкубулвана* у нгуни и мн. другие. Второй образ имеет четкую половую соотношенность: повсеместно он описывается как особь *мужского* пола. Например, “у догонских теологов, — отмечает Б. Оля, — совершенно безличное понятие верховного небесного бога сосуществует с другим, согласно которому бог — самец, ревнивый муж, похожий на человека” [33: 67].

Хотя у некоторых народов происходит контаминация обоих образов и сюжеты, в которых верховное божество предстает в одном облике, соседствуют с сюжетами, где оно приобретает иной облик, в большинстве случаев сказители четко знают, о каком из персонажей идет речь. Тем более, что во многих языках каждый из образов соотносится со своим особым именем. При наличии двух имен, имя абстрактного бога артикулируется, как правило, в виде описанного выше многофокусника или его рефлексов (*kib, kbi, kol, gor* и т. п.), а имя предка — в виде цепочки назальных: *Нун, Нан, Ной, Нанни, Ньямбе, Ньямие, Номмо, Имана, Амма, Амон, Оман* и т.п. Каждый образ имеет свою генеалогическую ветвь: от одного образуются боги, от другого — люди. Впоследствии родословные склеиваются. Поскольку это делается для оправдания приоритетного положения определенного клана перед остальными, божественное происхождение приписывается предку этого клана, его родословная

‘подклеивается’ к генеалогии богов, и имя строится как дериват от имени абстрактного бога (см. корень -kul- в зоне бантуязычия как один из рефлексов корня -kubul-). Тем самым соотношение культурных слоев, отразившихся в формировании каждого из божеств, заменяется прямо противоположным, ибо исследователи отмечают, что более древним является сюжет, посвященный первопредку, а более новым — космическому богу.

В соответствии с объяснением, предлагаемым в данной работе, образ пассивного бестелесного божества возник как абстракция от процесса деривации слов и соотносится с исходной точкой этого процесса, а активный персонаж мужского пола соответствует облику реального предка, который был субъектом данного процесса и демиургом всех тех вербальных субстанций, которые впоследствии нашли отражение в виде генеалогии богов. Наличие двух божеств отражает фиксацию языковым сознанием двух различных периодов его формирования: довербального и ранневербального, на котором человек не вычленил себя из окружающей природы и еще не начал описывать ее в виде цепочки дериватов, получившей статус *божественной генеалогии*, и собственно вербального, на котором началось освоение водно-воздушно-твердой среды с помощью языка и ‘сплетаемой’ из его элементов сети, набрасываемой говорящим на мир для его покорения и объяснения.

Формируя ‘сеть’ для охвата объективной действительности, говорящий тем самым создавал свое собственное мышление. При этом исходной ‘пустой’ точке своего сознания он придавал бестелесный и абстрактный образ, единственной существенной стороной которого было то, что тот служил началом всех начал в человеческом мировосприятии. Наоборот, характеризуя того человека, который начал ‘плести эту сеть’, говорящий видел в нем своего предка и мог четко очертить его облик. Впоследствии оба образа приобрели статус самостоятельных реалий и стали обрастать собственными мифологемами,* а еще позднее про-

* Ср. с положениями, которые развивали М.Мюллер, А.Кун, Э.Мейер и Ю.Белох в связи с лингвистической теорией мифологии. Эти ученые полагали, что вследствие бедности древних языков человек обозначал различные явления одними и теми же словами; когда первоначальное значение слов забывалось, люди начинали приписывать словам статус особых существ и олицетворяли таким образом различные явления в виде божеств. Иллюстрируя процесс ‘порчи слов’ (придания мифологического содержания названиям реалий), представители лингвистической теории мифов не ставили своей задачей вскрыть деривационные связи и интерпретировать их как отражение взаимоотношений между миром формирующегося языкового сознания и миром реалий, поэтому они не заметили параллели между ‘сотворением мира’ и созданием слов. Однако они собрали большой материал, осмысление которого дает возможность для создания модели, предлагаемой в данной работе.

изошла их контаминация, или *склейка божественной и человеческой генеалогий*, искажившая не только отношения между миром слов и миром реальных, но и хронологию внутри деривационных процессов.

Вторичный образ был помещен в начало мироздания и стал выступать как основная динамическая субстанция, отвечающая за создание не только языкового сознания, но и того субъекта, с которого начиналась эта эволюция. Естественно, что 'пересаженный' из головы человека в объективную действительность образ стал носить крайне абстрактный и обобщенный характер. Поэтому хранители преданий даже у тех народов, культурное наследие которых сохранилось достаточно хорошо (коно, гуро, дида, тура, сенуфо, бете, бамбара, курумба, бозо, лоби, бобо, бум-бути, бабинга, мпонгве, лунда, луба, чокве, куба, масаи, нуэры, готтентоты, дамара, бушмены), всегда затрудняются описать свое высшее существо и соотносят его не с реальной исторической перспективой, а с небытием, пустотой, космосом и т.п. образами.

6. Приведем несколько иллюстраций. Верховное существо пантеона сенуфо, имеющее чрезвычайно абстрактную форму, буквально заполняет космос; одновременно оно присуще всем людям, животным и вещам; оно определяет их материальное существование и придает ему смысл. Зовут его *Кулотиоло*. Центральные группы сенуфо, расположенные в районе Корхого и возглавляемые тиёмбара, утверждают, что в первый день Кулотиоло, вышедшее из небытия благодаря своему божественному слову, построило себе небесное жилище и зажгло солнце, чтобы оно светило днем, а также луну и звезды, чтобы они сияли ночью. На второй день Кулотиоло опустило вниз кусочек небесного свода, создав таким образом землю, и подняло горы, и т.д. вплоть до появления человека и животных.

Подобную роль в пантеоне бете играет уже упоминавшийся *Лаго-Заколо*: у бете *Лаго* буквально заполняет все пространство. Все формы бытия не только исходят от него, но сами являются *Лаго*. Все достоинства, все ценности, все положительные и отрицательные качества — это продолжение *Лаго*. *Лаго* появляется из небытия после возникновения главных сил вселенной, породивших *Догбозу* (искусство говорить). От *Лаго* и его супруги *Майи* рождается пара божеств следующего ранга производности. Одним из их детей является *Бугуи* — родоначальник предков двух рас: со светлой кожей (*Гомона*) и черной (*Сели*).

В мифах бамбара 'после периода полного хаоса из первоначальной материи появились стихии, живые существа и неодушевленные предметы. Их становлению помогли космические взрывы, вибрации и творческое слово'[33: 44]. Этому периоду, как полагают бамбара, предшествовала эпоха накопления человеком творческих сил *зо*, произведенных

вибрацией *йерейерели* в первоначальной пустоте, именуемой *гля*. “От этой безмолвной субстанции по зову голоса, исходящего при колебаниях, отделился ее звучащий двойник. Их союз породил влажную субстанцию *зо сумале*. Затем обе *гля* вступили в борьбу между собой. В результате произошел космический взрыв, который вылил на землю (она еще была в потенци) тяжелую и плодородную материю (будущее владение бога Пемба), а также *знаки, предвещавшие зарождавшиеся предметы*” [33: 70]. Далее начался процесс сотворения живых существ, растений и предметов — всего 22 витка спирали, т.е. 22 деривационных этапа. На первом этапе возникли: *Фаро* — властелин слова, духовная сущность, предстающая в виде благотворной воды или ламантина, *Пемба* и *Телико* — олицетворение воздуха и дыхания. Затем создаются остальные божества. Фаро построил семь небес, соответствующих семи частям света, и зачал двух водяных близнецов — первых рыбаков из племени бозо. Пемба кружился семь лет и создал землю с ее горами и долинами, после чего превратился в семя растения баланза, из которого выросло дерево, являющееся воплощением Пемба.

У догонов первоначальный бог *Амма* стал бросать в космос шарики и создал светила. Потом он сделал два сферических горшка, украсив один спиралями из красной меди, а второй — из белого металла. Так появилось Солнце, благосклонно относящееся к поколениям черных людей, и Луна, покровительствующая белым людям. Далее Амма создал Землю — свою супругу.

Банту в Кавирондо утверждают, что их верховный бог *Веле Хакаба* в течение двух дней построил себе небесный дом, создал Луну — старшую сестру и Солнце — младшего брата, а затем Землю и поместил на ней, помимо буйвола, слона, гиппопотама и носорога (остальные животные появились позже), первого мужчину, которого вагусу зовут *Мвамбу*, и первую женщину по имени *Села*. От их брака появились все поколения людей. Палеонегритские племена северного Камеруна считают, что сначала существовал *огонь*, потом его залила *вода*, а первые люди появились после потопа. Мифы сенуфо, догонов, коно и бозо первоначальный мир представляют в виде огромного *моря грязи*.

Фактически по всей Африке — и в зоне бантуязычия и за её пределами — в мифах встречается понятие *хаоса* как изначально существовавшей субстанции. Бантуязычной Африке при этом свойственны легенды, в которых наиболее ранние космогонические этапы отсутствуют и все события разворачиваются уже после появления людей и животных, а не-бантуязычной — легенды, в которых наибольшее внимание рассказчика сосредоточено на ‘первых днях творения’. Например, такие племена

банту, как суто, полагают, что мир никогда не был создан, а находился на своем месте с незапамятных времен, — только пастухи и их стада появились позднее: они зародились в недрах земли (см. отмеченную выше деривацию слова ‘человек’ в диалектах суто от корня ‘земля’) и вышли из нее через огромное отверстие в пещере (после тотемных животных).*

Соседние с суто племена нгуни считают, что человек впервые появился в болотистом месте, где растет *тростник*. Его создал первопредок *Ункулункулу*** (ср. назализованный вариант корня *-нкулу* с корнем *-коло* у бете и с другими корнями, приведенными выше). “Омукуру (у гереро) и Ункулункулу (у зулусов) означают то же самое имя и то же самое лицо, что Мулунгу в Ньясаленде и Муунгу у суахили, хотя эти последние имена и утратили теперь свое первоначальное значение. Мы думаем, что перед нами еще один пример столь частой в языках банту инверсии слов: ‘нкулу’ превращается в ‘лунгу’, и наоборот... Так, если сами гереро называют своего бога или великого праотца Омукуру, то их родственники и ближайшие соседи — вамбо изменили это имя на Карунга, что означает... ‘отец человека по имени Овакуру’ ”[7:39] — *ому-* в *Омукуру*, *му-* в *Мулунгу*, *ова-* в *Овакуру* — префиксы, за их вычетом остаются корни, являющиеся различными звуковыми вариантами описанного выше

* Ср. также: ‘Кру в Либерии, например, считают себя потомками человека, который упал с неба вместе с первым дождем, ниспосланным на землю по воле великого божества Нионсва. А их соплеменники, живущие в устье Кавалли, вокруг Табу, ведут свое происхождение от четы предков, спустившихся сверху по длинной лиане... реже встречаются версии, согласно которым первые люди вышли стихийно из земли, из горы, из пещеры, из норы, из термитника, из глубины леса, с морского дна, из реки или болота. В других местах бытует миф, в котором первая чета сошла с неба. Об этом рассказывают экой, ибо, эдо, ашанти, сонгаи, нилоты, батутси, балуба, бемба, беналула, вачокве, тетела и ила’ [33:79].

** На языке зулу, в частности, говорят: Unkulunkulu (1) wadala (2) abantu (3) ohiangeni (4), что обычно переводят как ‘Бог (1) создал(2) людей(3) из(4) тростника(4)’ или ‘в(4) тростнике(4)’, поскольку локативная форма ohiangeni слова uhlanga ‘тростник’ является многозначной. Однако Вилакази и Док указывают [79: 319], что слово uhlanga имеет также значение ‘корень генеалогического дерева, общность происхождения, возводимость к одному и тому же предку, генеалогия, генезис, род, династия, предки’. При такой трактовке слова uhlanga фантастика сменяется реальной языковой формулой о происхождении людей от общего генеалогического древа. Кроме того, слова *-nkulu* и *-hlanga* являются еще одним вариантом метатезы, представленной в *Коло-Лаго*, поэтому данная формула отражает звукопись процесса деривации: корень слова ‘человек’ (*-ntu*) создан в результате развития пары корней-перевертышей *кулу-гола* в назализованной форме (с развитием глухого фрикативного *tr(1)*-консоната в глухой альвеолярный *t*).

многофокусника с дрожащим или плавным (r, l), глоттальным или велярным (k, g) и лабиальным (m, w в предынициали, лабиализованные гласные) компонентами, осложненными назализацией.

Аналогичная ситуация представлена у многих бантуязычных и не-бантуязычных народов. Бессмертные души умерших вождей в западной Африке банту йомбе называют *Нкулу*, манджа и банда за тысячи километров от них боятся *Ига-кола* — духа, злого пожирателя людей, которого представляют как черного мохнатого силача. Басари и коньяги предков своего рода называют *Унонкуол*. Ганда в восточной Африке говорят о своем обоженном предке аристократического рода ханья *Калуви*, сенуфо хранят сказания о мифическом герое *Нголо*, на восточноафриканском побережье широко распространена легенда о *Лионго Фумо*,* в районе Великих озер самым крупным из местных богов стал *Руанга*. В Руанде во главе пантеона богов, которым поклоняются маконде и ньямвези, стоит *Мулунгу*. ‘Его можно считать, очевидно, самым распространенным божеством по всей Восточной Африке, в частности, у акамба, акикуйю и чага... Традиционная доктрина воспринимает Мулунгу как сумму древних темных потенций или, другими словами, как конденсированную генетическую силу, которая посылает дождь, оплодотворяет женщин и гарантирует пропитание’ [33: 28]. Верховным божеством у банту Анголы является *Калунга (Карунга)*, которому приписывается эпитет ‘верховный разум’; у бантуязычных народов южной Африки имена *Мукаранга*, *Вуаранго* и т.п. обычно свидетельствуют, как отмечает Фробе-ниус [83: 40], о принадлежности к роду вождей; у племени ила на р. Кафуэ есть божество *Булонго*, и т.д. и т.п.

* Предполагается, что легенда о Лионго Фумо или Фумо Лионго (‘царе Лионго’) возникла вокруг имени некогда жившего человека; Хэррис указывает даты его жизни 1150 — 1200 гг., Хиченс помещает его в XIII в., Кнашперт говорит о конце XVI — начале XVII в. Жуков [17:53] отмечает, что “образ Лионго многослоен, он впитал в себя черты многих эпох и неоднократных контаминации”. Особенно интересными в легенде являются указания на древний язык, которым владел Лионго и который был непонятен его современникам. Есть и иные доказательства контаминации древнего образа и реально жившего в средневековье поэта (ритуальное убийство медной иглой, следы древней системы наследования власти, культ воды, связь с землей, проявляющаяся в мотиве ‘Ахиллесовой пяты’ Лионго — его пупке, и др.). Поэтому наиболее правдоподобным кажется, что некогда слово Лионго могло “обозначать представителя социально могущественной группы, в которую входили хранители культов доисламской идеологии” [17:109], а впоследствии — реально жившего поэта, благодаря тому, что корень этого слова суахилийцы, как и другие народы банту, возводили к имени первого предка, прародителя вождей или иной исходной точке генеалогического древа.

7. Языковые факты, отраженные в легендах и мифах африканских народов позволяют трактовать историю мироздания как историю словообразования, в соответствии с которой синкретичный первообразный многофокусник, обозначающий окружавший человека 'хаос', распался на два менее синкретичных поликонсонанта: первый стал названием воздушно-водной среды, второй — твердой. Эти многофокусники снова дуализовались, в результате образовалось семь поликонсонантов, и т.д. Каждый многофокусник отражал спецификацию исходного элемента деривационного ряда в определенном артикуляционном отношении: в одном деривате развился лабиоглоттальный компонент, во втором — язычный, затем возникло деление лабиоглоттального на лабиальный и глоттальный, а язычного — на дрожащий и плавный, и т.д.

Сравнение материалов различных языков показывает, что распад языковой общности произошел на этапе синкретизма исходного протоконсонанта: во всех языках сохранились реликты обеих возможностей артикуляции: в направлении от гортани к губам (см.: kbi, kbr, hbl, kpl, kib, krb, gor, kol, kro, hlo) и от губ к гортани (brh, brk, blh, pik, phi, ..., vhr, pig, ..., rbk, lvh).^{*} Например, к образованиям по первому типу можно отнести имена небесной принцессы *Номкубулваны*; фригийской богини плодородия и Великой матери богов у римлян *Кибелы*; детей нимфы *Кабиро*,

^{*} Проф. де Люмлей из лаборатории фонетики университета Экс-ан-Прованс совместно со специалистами в области физиологии речи и информатики восстановил внешнюю морфологию тотавельского человека, жившего в одной из пещер Руссильона 450.000 лет назад, и с помощью компьютера создал действующую модель артикуляции, производимой индивидом, который имеет аналогично тотавельскому человеку выдвинутую вперед нижнюю челюсть с горизонтальными мышечными связками, лежащий в передней части ротовой полости массивный язык и не соприкасающиеся друг с другом губы. Выяснилось, что такой индивид не в состоянии произносить гласные [o], [и], но может артикулировать лишь различные фонетические варианты [e]. Индивид, нижняя челюсть которого прикреплена к шее вертикальными мышцами и который обладает параллельными губами и языком меньших размеров, свободно двигающимся в ротовой полости, может воспроизводить все гласные и согласные современных языков. Доказательств того, что органы речи первого индивида могут эволюционировать в органы речи второго, нет. Поэтому обоих индивидов следует рассматривать как членов генетически не связанных общностей и продолжать поиски иного предка современного человека. Тем более, что выводы биологов Уилсона, Канна и Стоукинга, которые изучали митохондрии ДНК 147 человек из пяти географических регионов, представляющих все континенты, подтверждают гипотезу о принципиальной возможности сведения человеческого рода к первопредку, поскольку различия в структуре митохондриальной ДНК у всех обследованных людей оказались так незначительны, что объяснить их можно только наличием общей ДНК-предка.

которые в древнегреческой мифологии считались покровителями мореплавания и богами света, огня, полей, плодородия земли и были божествами малоазиатского происхождения, *Каби́ров (Кавиров)*; первородного каннибала *Ихеби́ла* у кабилов; одного из наиболее древних тотемов ганда Каби́ро; почитавшегося с глубокой древности многими народами Европы *Купалы*, а также многих других божеств, названия которых распространены на различных континентах. По-видимому, в этот ряд также входит имя племенного бога иудеев, выступающего в роли творца неба и земли в Ветхом завете, *Яхве-Элохима*.

По второму типу образованы имена высшего божества и управителя мира в индуизме *Брахмы*; бога солнца и покровителя финикийских городов *Молоха*; главного бога древнеславянского пантеона, бога дождя, молнии и грома *Перуна (Перкунаса)* у литовцев, если допускать правильность сближения славянских и балтийских словоформ [48: 246-247]), бога огня у хеттов (^d raḥḥur, — см. также лувийск. pa-a-ḥu-u-ur ‘огонь’, тохарское Б puwār ‘огонь’, оксское purasiai ‘огонь’ [17: 272]); богини брака, любви, семейного очага и супруги верховного божества скандинавской мифологии *Одина Фригг*, образ которой слился с образом богини плодородия, любви и красоты *Фрейи*; итальянского бога огня, пожаров, очага и покровителя ремесел, связанных с использованием огня, *Вулкана*; различных богинь в Прибалтике и на Балканах, которые выступают как символы плодородия и входят в ближайшее окружение Громовержца, играя роль *Богородицы*, дочери Громовержца, девушки-героини и т.п.: серб.-хорв. *Пропоруша*, *Прпац*, болг. *Папаруна*, *Пеперуна*, *Преперуна*, *Пеперуда*, *Преперуда*, *Пеперуга* (см. укр. *Баба Руга*), *Преперуга*, *Пене-рунга*, *Пемперуга*, рум. Rărărudă, Rărărugă, Rărălugă; арум. Rîrîrîună, Rărărună, Rorîrîrita; алб. Rerperonë; ново-греч. *Перлеро̀вна*, *Перлеріва*, *Перлеріа*, *Перлерітса*, *Полеріа*; русск. *Параскева* и др.*

8. Приведем еще иллюстрации использования космогонической лексики за пределами бантуязычного ареала. Обратимся к древнему Египту. В древнеегипетской мифологии Нил олицетворен в образе бога водной стихии *Хани* (ср. с лабиоглоттальной частью описанного выше многофокусника 2-й деривационной ступени), солнце — в образе бога *Ра* (т.е. ‘в сумме’ из двух корней образуется все тот же исходный трехфокусник, да и распадается он на такой же, как в банту, ‘солнечный’ r-корень и глоттальнола-

*Сам принцип называния жены, дочери и т.п. Громовержца тем же корнем, которым обозначается и его имя, хорошо известен во многих традициях [44:52]. Другими словами, во многих традициях отмечается принцип параллелизма между деривацией слов и их мифологическим истолкованием: исходное слово и отец, производные и дети (или жёны).

биальный 'водный корень', причем последовательность артикуляции 'от глотки к губам' также напоминает банту скую). Есть здесь и два изначальных божества: с одной стороны, это *Хепри* (ср. 'сумму' *Хани* и *Ра*), с другой — *Нун*, или Первоокеан (см. выделенного выше субъекта деривации, имя которого формируется из назальных). Есть и указание на то, что 'все вышло из моих уст', т.е. на роль созидательного слова в сотворении мира. 'Общей для всех космогонических концепций была идея о том, что сотворению мира предшествовал хаос воды, погруженной в вечную тьму. Начало выхода из хаоса связывалось с возникновением света, воплощением которого являлось солнце... Согласно 'Текстам пирамид', *Ра-Атум-Хепри* создал себя сам, возникнув из хаоса', или Пер-воокеана, который 'изображался обычно как необозримое предвечное водяное пространство' (ср. отмеченное выше противопоставление г-слов t-словам в языках банту и оппозицию солнечного бога Ра и создателя первого островка твердой почвы Атума, а также звукопись слова *Хепри* и лабиоглоттализированный г(л)-консонат, являющийся стержнем соответствующего бантуского протокорня). 'В продолжающемся акте творения от первой пары богов — Шу {*Воздух*} и Тефнут (*Влага*) — родились Геб (*Земля*) и Нут (*Небо*). Они в свою очередь породили двух богов и двух богинь: Осириса, Сета, Исиду и Нефтиду. Так возникла Великая девятка богов — Гелиопольская Эннеада'[27: 7-25].

А вот, как обстояли дела в древней Индии. Высшим объективным началом, "из оплотнения которого возник мир со всем, что в нем находится" [46: 21], в древнеиндийской философии, разработанной в "Упанишадах и далее — в сочинениях ряда религиозно-философских направлений, прежде всего в адвайта-веданте Шанкары и Рамануджи" [46: 20], признавался *брахман*. Считалось, что брахман находится "вне времени и пространства, вне причинно-следственных отношений, вне субстанции; он свободен от качеств и действий, и поэтому его нельзя описать в терминах дифференциальных признаков" [46: 21]. Эпитетами брахмана являются слова: непреходящий, бесконечный, бессмертный, невоплощенный, непроявленный, непостижимый, неизмеримый, неизменный, нерожденный, безначальный, бестелесный, лишенный образа, не имеющий частей и т.п.

"На основании простейших сюжетов (из Упанишад), в которых участвует *brahman*, можно также реконструировать его старшинство по отношению к богам, идею порождения богов (в конечном счете) *brahman'oM*; ср. *Bṛhad-ar.-Upan.V,5,1*: 'действительное — это *bráhmaṇ*. *Bṛáhman* (сотворил) Праджапати, Праджапати — богов" [46: 46]. 'Земля — часть (его стопы), воздушное пространство — часть, небо — часть,

океан — часть... Огонь — часть (его стопы), солнце — часть, луна — часть, молния — часть” [46: 71].

Основываясь на параллелях из различных индоевропейских языков, Топоров сближает *brahman* с *barh-is* и, учитывая балто-славянскую форму **b-l-gh’-*, говорит о возможности реконструировать в качестве первоисточника для *brahman* праформу **b(h)-r/l-gh’-*, с которой соотносится и *barhís* [46: 29]. Далее он отмечает, что звукозапись *brhante-bhrāmyate-brahma* вообще характерна для многих отрывков, в которых речь идет о *bráhmaṇ’e* [46: 63]. И значит, исходное понятие древнеиндийской религии имеет звуковую форму, соотносимую с лабиоглоттализированным язычным протоконсонантом, реконструированным при исследовании семантических полей первостихий в языках банту.*

9. Суммируя языковые факты, отраженные в легендах и мифах различных народов, можно отметить, что идея создания земли и солнца из хаоса, тьмы, воздушно-водной среды и иных субстанций отражает представления древних не об истории мироздания, а об истории словообразования: синкретичный первообразный трехфокусник, обозначавший окружающий человека *континуум реалий*, распался на два менее синкретичных поликонсонанта: первый стал названием *воздушно-водной* среды, второй — *твердой*. Эти многофокусники вновь дуализировались, в итоге образовалось семь поликонсонантов, и т.д. Каждый многофокусник отражал спецификацию исходного элемента деривационного ряда в определенном отношении: в одном деривате развился лабиоглоттальный компонент, во втором — язычный, затем произошел распад лабиоглоттального на лабиальный и глоттальный, а язычного — на дрожащий и плавный, и т.д., — вплоть до наших дней.

Процесс образования лексики нашел отражение в космогонических мифах, которые являются летописями не истории мироздания, а истории словообразования. Посредством мифологем и теофорных образов говорящий зафиксировал не только последовательность формирования лексики, но и характер деривационных отношений между исходным и производными корнями. Например, близнечные образы помогают воссоздать дуалистический характер процедуры дифференциации корней; описание мирового дерева дает представление о деривационном процессе в целом; звукопись при построении теофорных имен служит ключом для восстановления фонетических обликов протокорней, характеризовавших этнос, отделявшийся от главного ствола; портретная характеристика богов и героев выступает как мнемоника деривационных связей, и т.п.

*О сходстве мифологем, соотносимых с процессом словообразования (мироздания) в языках различных стран и континентов, см. [19]:

Рассматривая мифы и легенды как летописи деривационных процессов и интерпретируя мифологемы как отражение представлений первобытного человека о формировании не реалий, а их названий, исследователь получает мощный инструмент для воссоздания истории развития языкового сознания, экспликации генеалогических связей между языками и восстановления облика той действительности, которая окружала человека, ставшего на путь ее постепенной дискретизации и отразившего пройденные его языковым сознанием рубежи посредством деривационной истории слов и легенд о сотворении мира.

10. Возвращаясь к прабанту, отметим, что распад языковой общности, в состав которой входил народ прабанту, начался в период после дифференциации протокорня $^{*}[(l/rt)^{\circ\wedge}]$ на 'солнечное' и 'земное' начало (во всех языках банту есть t-корни, соотносимые с землей, и r-корни, соотносимые с солнцем; кроме того, в языках банту есть t-корни, обозначающие солнечные реалии, и r-корни, называющие земные реалии; деривацию этих корней от протокорней можно соотнести с периодом, предшествовавшим выделению прабанту и дифференциации земли-солнца, т.е. с этапом существования протоконсонанта, обозначавшего синкретичную субстанцию, не делимую на твердь земную и твердь небесную).^{*} Современные названия реалий, осмысляемых по отношению к солнцу или земле, отражают не только различия в их образовании от двух протокорней (земли и солнца), но и сходства — благодаря отсчету деривации от предтечи указанных двух протокорней.

11. История языкового сознания — это введение в употребление перечисленных (и иных) оппозиций, дифференциация на их основе окружающих явлений, формирование означающих каждой оппозиции и закрепление категорий посредством языковых форм. Например, означающим оппозиции, противопоставляющей свет и тьму, явилось регулирование силы вибрации голосовых связок и активности органов речи. Следующим было освоение пространства голосовой щели (ширины раствора) и его координация с остальными органами речи (ряд и степень подъема гласного). Это привело к дроблению первичного гласного недифференцированной степени раствора, подъема и ряда [^] на гласный переднего

^{*} Ср. с легендами кабиллов на севере континента: сначала были ночь и тьма, затем появилась черная дыра в земле под названием Tlam, а из нее через русло реки (из воды) вышли дикий буйвол Itherther и буйволица Thamuatz, от них произошли все звери, кроме льва (он имеет деривацию от каннибала). Из земли вышли и люди, т.е. название человека является производным от названия земли, а названия диких зверей имеют иную деривацию — от tl(tr)-слов (см. Tiam) для самцов и назализованных вариантов тех же слов (tl, tr, t-корней) для самок.

и заднего ряда (при наличии ‘точки отсчета’ — нейтрального ‘среднего’ гласного) и на узко- и широкорастворные гласные (опять-таки точкой отсчета является ‘среднерастворный’ гласный).

В итоге появились модификации, например, ‘водного’ корня *[(l/rt)^{o^}] на разновидности с а-, у-, і-огласовками, которые стали использоваться для дифференциации таких значений, как ‘река’ (і-, а-огласовки, в противовес и-огласовкам; оппозиция свидетельствует о релевантности параметра ‘задние-незадние гласные’), ‘вода’ (і-, а-огласовки), ‘дождь’, ‘тьма’ (а-огласовки), ‘поток’ (і-, и-огласовки в противовес а-огласовкам, что говорит о возникновении противопоставления гласных по степени раствора), ‘родник’ (и-огласовки), ‘слеза’ (і-огласовки) и т.п.; ‘всасываемые внутрь’ в виде еды и питья; ‘источаемые наружу’ в виде жидкостей, запахов, отчуждаемых принадлежностей и т. д. Затем наступила дифференциация сред, типов субстанций, разновидностей этих типов и т. д. (см. выше).

12. Рассматриваемые материалы дают возможность предположить, что на этапе вычленения себя из тьмы и ее бинаризации на *солнце* и *землю* народ прабанту был един: во всех ЯБ есть не только г-корни для обозначения солнца и его атрибутов и т-корни для называния земли и ее атрибутов, но и ‘путаница’ при номинации как этих реалий, так и реалий, имеющих ‘водную’ сему. В ЯБ представлены не только т- или г- слова во всех этих полях, но и самостоятельные образования, возводимые к *[(l/rt)^{o^}]-словам. Преимущественное большинство слов, входящих в семантическое поле ‘солнца’, имеет и-, а-огласовки; в противовес этому, поле ‘воды’ характеризуется і-, а-огласовками, т.е. демаркационной линией является оппозиция фронтальности-велярности гласных (центральный гласный в силу этого попадает в означающие обоих полей).

Отклонения от этого правила можно объяснить двояко: 1) последующей деривацией внутри семантического поля с использованием оппозиций гласных для маркировки противопоставления не солнца и воды, а каких-то позднее сформировавшихся категорий; 2) предшествующей (дифференциации на солнце и воду) деривации непосредственно от синкретичного корня с фиксацией огласовки в зависимости от позиционных условий (например, развитие и-огласовки, независимо от семантической нагрузки, можно рассматривать как результат артикуляции первообразного многофокусника с усилением лабиовелярного компонента из-за особенностей произношения в данном речевом коллективе, что привело к превращению лабиовелярного компонента в самостоятельную фонему — лабиовелярный полугласный, затем с усилением сонорности полугласный стал гласным, сохраняющим его велярную окраску, и т.п.). Этим можно объяснить наличие г-слов в современных банту не только среди элемен-

тов 'солнечного' поля, но и среди номинатов воды, а также tl-слов в составе 'солнечной' лексики.

Как отмечалось выше, на том этапе, когда прабанту был единым народом, единым было и представление обо всем, что не являлось солнцем, землей, небом и реалиями, которые вычленились на предыдущих этапах языковой эволюции. Поэтому одна и та же синкретичная силлабема служила для обозначения не только воды и реки или дождя, родника, озера, лужи и т.п., но и любого питья (молока, пива, масла), еды (возможно, генетически — жидкой пищи), водной субстанции (крови, слюны, мочи, слезы). Та же силлабема использовалась для названия 'насельников воды' — рыб. Однокоренными по этому принципу оказываются как имена, так и глаголы. Поэтому можно предположить, что дифференциация реалий на эти группы появилась п о з д н е е — на этапе, когда прабанту распался на различные диалекты.

1. Наиболее заметной чертой грамматического строя языков банту, одним из его важнейших компонентов является система именных классов. Часто ее называют доминантой грамматического строя ЯБ, а ЯБ — просто языками с именными классами [6]. И хотя системы именных классов засвидетельствованы не только в банту, например, они есть в дагестанских, суданских, австралийских, австронезийских, индейских и других языках [124], вся внутренняя структура грамматического строя ЯБ настолько проникнута духом системы именных классов, что она является ключом, который открывает двери к пониманию всех грамматических категорий; формацией, которая связывает воедино различные части языковой структуры и превращает ее в целостный организм [40].

Как отмечалось в [40], отражение объективной действительности посредством систем именных классов в современных ЯБ осуществляется в результате корреляции нескольких принципов, сформировавшихся на разных стадиях языковой эволюции. Самым древним, по-видимому, является принцип классификации реалий по их партитивно-посессивному статусу (кому они принадлежат — говорящему или слушающему, постоянно или временно, при непосредственном или опосредованном контакте и т.д. [40:309 и далее]). От этой эпохи дошли всевозможные "исключения", отражающие положение номинатов частей тела (руки, ноги) в системах классов, неясные корреляции ед.-мн. числа, особый статус 1"а"-2"а" классов, реликты оценочной подсистемы, а также ассоциативных и посессивных морфем, "выглядывающих" из-под слоя собственно классовых показателей, и т.п. явления. Развивавшееся в недрах посессивно-партитивного строя пространственное мировоззрение "наслоило"

на партитивно-посессивное значение грамматических формантов семантику пространственных отношений; на их основе образовалась группа силлабем, специализировавшихся на передаче пространственных* значений (так называемые локативные морфемы).

По мере того, как пространственное мировоззрение эволюционировало в пространственно-темпоральное, развивалось значение служебных силлабем, обслуживавших знаменательные морфемы. Доминантой большинства служебных силлабем становился темпоральный подтекст; они, наряду с более древними посессивно-партитивными отношениями, стали передавать более новые — временные. На этом эволюция мышления не кончилась. Произошел новый виток дуализации существовавших до этого категорий, каждая из них "разбилась" на две: "одно пространство" стало интерпретироваться как два (внутри мозга и вне его), "одно время" заменилось двумя — относительным и абсолютным, "один говорящий" начал восприниматься как субъект и объект, и т.д. Этот этап эволюции человеческого сознания как раз и представлен в современных языках.

Конкретным инструментом, осуществляющим корреляцию двух времен и пространств друг с другом и по отношению к средствам, существовавшим ранее, в ЯБ является система именных классов. Общий механизм отображения реалий с помощью системы классов во всех ЯБ является одинаковым. В [40] он был проиллюстрирован на примерах из языка зулу. Эти материалы мы представим и здесь.

2. Всего в зулу есть 14 классов существительных: 12 из них являются парными (единственного и множественного числа), два — *singularia tantum*. Как принято говорить, 1-2-классы — это классы людей; например, *umu-ntu* 'человек' — *аба-ntu* 'люди' (*-ntu* — корень, *umu-* — префикс ед.числа, *аба-* префикс мн.числа, *umu-* называют показателем 1-го кл., *аба-* — показателем 2-го кл.). В любое слово, связанное в предложении с существительным, вводится формант, несущий "отпечаток" этого существительного, как бы сохраняющий память о нем. Этот формант называют, как и в других ЯБ, согаасователем.

Например, если на зулу говорят 'человек спит', в слово *ukulala* 'спать', употребленное в соответствующей видо-временной форме *-lele*, вводят префикс *u-* (*ulele*), а если 'люди спят' — префикс *ба-* (*balele*); префикс *и-* является субъектным согаасователем по 1-му кл. и напоминает

* Ср.: "Собственно дательный-местный падеж, выражавший отношения адресата действия, а также отношения направленности действия и цели, появляется в системе индоевропейского склонения позднее, при разрушении бинарной системы склонения с двумя основными актантами и образовании именной парадигмы с более сложными падежными соотношениями" [13,1:286].

о префиксе *umu-* слова *umuntu*, а префикс *ба-* — субъектным согласо-вателем по 2-му кл. и соотносится с префиксом *аба-* слова *абанту* (*б* — имплозивный губогубной согласный). Какое бы слово ни связывалось с существительным — местоимение, прилагательное, глагол, числительное, существительное или наречие, — в нем присутствует согласователь, коррелирующий с тем существительным, "службой" которого оно является. Например: *umuntu omdala ulele* 'старый человек спит' — *абанту абадала balele* 'старые люди спят'; *umuntu omdala walapha* 'старый человек отсюда' — *абанту абадала balapha* 'старые люди отсюда'; *umuntu wami* 'мой человек' — *абанту бами* 'мои люди' и т.п.

Кроме класса людей, в зулу есть еще пять пар классов, которые обычно называют классами деревьев (3-4-й), явлений природы (5-6-й), вещей (7-8-й), животных (9-10-й), длинных предметов или пространств (11-12-й), и два непарных класса — инфинитивов (13-й) и абстрактных сущностей (14-й). Каждый класс имеет свой показатель и набор аллитеральных со-гласователей, вводимых в слова, связанные с существительными. Так, показателями 3-4-го классов являются префиксы *umu-* — *ими-* и их алломорфы, например: *umu-thi* 'дерево', *um-mbila* 'маис' — *ими-thi* 'деревья', *ими-mbila* или *им-mbila* 'маисовые зерна'; 5-6-го *i(li)-* — *ама-*: *i-langa* 'солнце', *i-Bululwane* 'Булулване' (название реки, *singularia tantum*) — *ама-langa* (мн. число), *ама-nzi* 'вода', *ама-zolo* 'роса' (*pluralia tantum*); 7-8-го — *иси-* — *изи-*: *иси-hlangu* 'щит' — *изи-hlangu* 'щиты', *ис-ando* 'молоток' — *из-ando* 'молотки'; 9-10-го — *иN-* — *изиN-*, где *N* означает гоморганый назальный согласный: *имбузи* 'козел' — *изимбузи* 'козлы', *индабусхе* 'рысь' — *изиндабусхе* 'рыси', *инюока* 'змея' — *изинюока* 'змеи', *инкуку* 'домашняя птица, курица' — *изинкуку* 'куры', 11-12-го — *у (лу)-* — *изиN-*: *улвандле* 'море' — *изилвандле* 'морья', *удонга* 'стена' — *изиндонга* 'стены'; 13-го — *уку-*: *укудиа* 'еда', *укулала* 'сон'; 14-го — *убу-*: *убунту* 'человечность', *убубеле* 'нежность' (ср. *ибеле*, 5-й кл. 'грудь'), *ибитпуата* 'чернота' (ср. *-мпуата* 'черный') и т.д.

Каждому показателю класса соответствует определенный согласователь; например, субъектный согласователь в настоящем времени в зависимости от класса существительного, выступающего в роли подлежащего при глаголе-сказуемом, приобретает следующие формы: *у-*, *ба-*; *у-*, *и-*; *ли-*, *а-*; *си*, *зи-*; *и-*, *зи-*; *лу-*, *зи*; *бу-*; *ку-*. Аналогичная парадигма форм есть у атрибутивных, релятивных, прономинальных, эnumerативных, посессивных и объектных согласователей, присоединяемых соответственно к прилагательным, релятивам, местоимениям, числительным, посессивам и глаголам, при которых существительные,

чьи объектные согласователи вводятся в сказуемые, выступают в роли прямых дополнений.*

Хотя каждый класс обычно называют по тем денотатам, которые в нем превалируют (например, люди в противовес животным или растениям), непосредственная связь с объективной действительностью у именных классов отсутствует: именные классы служат не для фотографирования объективной действительности, но для ее отражения и являются результатом классификации не реалий, а тех образов, с помощью которых реалии осмысляются и "поступают в ощущение" членов языкового коллектива. Поэтому, с одной стороны, в составе всех классов встречаются однотипные денотаты (например, люди), и, с другой стороны, в рамках одного и того же класса представлены разнотипные денотаты (люди, животные, вещи, растения, абстрактные понятия). Однако в каждом классе названы эти денотаты одинаково, по-своему, единообразно для данного класса; этот "взгляд" сближает между собой образы разных денотатов, описываемых в одном и том же классе, и разъединяет образы одного и того же денотата, соотносимые с различными классами.

Так, анализ существительных, относящихся в зулу и других языках банту к 1-2-му классам, и экспликация того общего, что присуще всем семантическим группам слов этих классов [40], показывает, что функцией показателей 1-2-го кл. является изображение любых денотатов, как одушевленных, так и неодушевленных, в виде людей, т.е. реалий, которые имеют духовный мир и физическую субстанцию ("душу и тело"), могут самостоятельно передвигаться и развиваться в окружающем их времени-пространстве и вербализовать свои ощущения (думать, говорить, пользоваться языковыми средствами) во внутреннем времени-пространстве (времени-пространстве речевой деятельности, ассоциативного поля, мозга). Этими свойствами, как считает зулус, могут обладать, кроме людей, "говорящие вещи" — животные и другие персонифицируемые предметы в сказках.

Показатели 3-4-го классов фиксируют реалии в виде сменяющих друг друга пространственных образов, видоизменяющихся форм, пространственных перемещений. В этот класс попадают все "дарители жизни"; бегущие животные; пресмыкающиеся; всевозможные растущие особи; особи-хамелеоны; растения, модифицирующие пространственные образы в зависимости от сезонов, природных условий, роста и состояния; перемещающиеся пространства и совокупности, например, названия боевых

* Подробное описание механизма образования и употребления формантов согласовательной системы зулу представлено в [78].

отрядов и ландшафтов, меняющих свой облик под порывами ветра; режущие (раздавливающие) и раздвоенные предметы, а также названия болезней, частей тела и людей — по характеристике их движений, перемещений, смене состояний и облика. Каждая регистрируемая в этом классе реалия обладает какой-либо неотъемлемой принадлежностью (плодом, внутренней частью, окраской и т.п.), изменения в состоянии которой обуславливают статус всей особи.

Те же реалии, если они регистрируются с помощью префиксов 5-6-го классов, описываются языком иначе: как вместилища, имеющие что-либо внутри — "душу", содержание, свет, жар, запах, качества, признаки и свойства, которые могут излучаться в пространство окружающей среды и восприниматься говорящим в качестве "неотчуждаемых принадлежностей" их носителей, способных проявлять себя эманацией из внутреннего пространства во внешнее. Таковыми, по свидетельству языка зулу, могут быть солнце, вода, роса, дождь, цветы, травы, книги, слова, реки, пространства, музыкальные инструменты, отдельные части тела; некоторые плоды, животные и насекомые — как источники болезней, неприятностей, человеческих эмоций и состояний; люди как представители каст, профессий, социальных, расовых или религиозных групп и источники эмоциональных реакций или оценок.

Префиксы 7-8-го класса фиксируют денотаты как физические тела, лишённые духовного мира, характера, содержания; пустые оболочки, не имеющие ничего внутри; результаты, абстрагированные от процессов; неодушевленные, бездушные и бездуховные твари; оторванные от реальной исторической перспективы реалии, имеющие "неполную размерность" (например, только темпоральность без локализации в пространстве или только внешнюю темпоральность без внутренней и т.п. "дефекты размерности"). Сюда попадает большинство названий вещей, утвари, предметов домашнего обихода и прочих реалий, не способных самостоятельно передвигаться, развиваться, иметь внутренний духовный мир. Названия людей, растений, животных и всяких существ, которые изображаются как неодушевленные вещи, "недо"-реалии, неотъемлемые части других реалий; абстрактные понятия, сформированные в отвлечении от процесса и описывающие только результаты какой-то деятельности, также относятся к этим классам. Например, сюда входят слова: *isayooyo* 'новорожденный', *isalukazi* 'старуха', *isidime* 'идиот', *isibili* 'плоть, вещество, материя', *iziZulu* 'язык зулу' (и остальные лингвонимы), *isambo* 'катастрофа', *isikalo* 'вес', *isikhathi* 'время как результат (измеряемое секундами, минутами и т.п. единицами, являющееся неотъемлемой принадлежностью говорящего)'.

Не менее яркой представляется мотивированность показателей 9-10-го классов: все слова, принадлежащие к этим классам, проникнуты идеей темпоральности, временности границ бытия. Если показатели 3-4-го классов изображают реалии как меняющиеся пространственные очертания, бегущие по волнам пространства, окружающего человека, то показатели 9-10-го классов представляют те же реалии несущимися в потоке времени и переходящими из одной фазы развития в другую, постоянно эволюционирующими — взрослеющими, дряхлеющими, приобретающими какие-то преходящие признаки, свойства, отличия, должности. В этом классе больше всего названий животных и растений. Есть названия болезней, имеющих точно фиксированное начало и конец. Встречаются названия пространств с точками перегиба, начала и конца; контуров, "удобных" для отсчета времени, а также названия людей (их образы как бы овеивает ветер времени). Репрезентантом этих значений является слово *inkathi* 'время как процесс; сезон, год, эпоха; время как грамматический термин'.

Показатели 11-12-го классов изображают реалии в виде застывших пространств. Больше всего здесь спатиальных названий (*udada* 'поле', *udadawe* 'континент', *ucengese* 'плато', *ubuku* 'болото' и их "неотъемлемые принадлежности" — *udini* 'край, граница, поверхность', *udonga* 'могила, русло, стена, обрыв, грань, склон, предел, степень, ранг, класс', *uhlobo* 'ген, раса', *uhlu* 'цепь, ряд, шеренга, волна' и т.п.). Среди названий животных и людей представлены номинации по пространственным признакам (например: *uhabela* 'высокий человек', *ugalashane* 'человек с тонкими ногами', *uhazula* 'человек или животное с длинным телом' и т.д.). Названий рыб, птиц и животных в 11-м классе почти нет (в основном, здесь встречаются только те существительные, денотаты которых имеют панцирь, раковину и другие "мертвые пространства").

Существительные 15-го класса совпадают по основной форме с инфинитивами (о различиях существительных и инфинитивов см. [38]). Панхронический характер инфинитива и однокоренного с ним существительного общеизвестен. Можно подчеркнуть также их панспатиальный характер во внешнем пространстве (нелокализованность обозначаемых ими реалий в пространстве, окружающем говорящего) и конкретно локализованный во внутреннем пространстве (мозга). В силу этого они оказываются опредмеченными процессами.*

* В ряде языков банту (тонга, бииса, сукума, мбунда, камба, гереро, гуха и др.) в этот класс попадают названия уха, в других языках банту — названия руки и ноги (в тиене, кукуя, диалектах конго, мбунду, ламба, чева, нсенга и др.). Кроме того, здесь встречаются существительные, являющиеся названиями рек, которые, как отметил

И наконец, показатели 14-го класса в зулу характеризуют реалии как признаки, "застывшие" во времени и опредмеченные говорящим в момент их фиксации, — в отличие от инфинитивных существительных, не только локализованные в пространстве мозга, но и имеющие строго фиксированную темпоральную составляющую во внутреннем континууме. Кроме названий признаков, в этот класс попадают некоторые названия растений, животных, птиц, насекомых, предметов и людей, регистрируемых метонимически по какому-либо признаку. Здесь есть также названия частей тела, кушаний, лекарств, болезней. Слова *ibulili* 'пол, род', *ibuhlungu* 'боль', *ibomi* 'молодняк пчел', *ibulanda* 'загробная жизнь' и другие также осмысляются в зулу как сущности, названия которых относятся к 14-му классу.

3. Во всех ЯБ дело обстоит, как в зулу: говорящие однотипно описывают объективную действительность, выделяя пространственно-временные признаки реалий и преломляя их с помощью языковых средств, сконцентрированных в системах именных классов. Различаются языки не способом фиксации реалий, а распределением названий реалий по классам и спецификацией означающих, за которую отвечают особенности артикуляционного аппарата каждого коллектива говорящих. В стороне от систем именных классов остаются только союзы, идеофоны (слова-корни, которые имеют иллюстративно-дескриптивный характер; например, в зулу: *du* 'идеофон полноты, законченности'; *биба* 'идеофон сдавливания, сжатия, спрессовывания'; *bulukundlu* 'идеофон ползущего движения, ленивого перемещения, лежания'; *klebu* 'идеофон красноты', — см. [38]) и во многих языках предлоги. Остальные слова проникнуты идеей класса и включены в систему согласования с существительными.

Хотя пространственно-временной принцип отражения объективной действительности остается во всех ЯБ одним и тем же, средства его выражения — формирования классовых систем — варьируют от языка к языку. Модификации идут в различных направлениях: языки различаются количеством классов, которые в них функционируют, распределением существительных по классам, соотношением форм ед. и мн. числа и, наконец, фонологическим обликом префиксов. Из 500 языков и диа-

Торренд [130:103], являются рукавами или притоками других рек. В зулу есть два существительных: *ukunene* 'правая сторона' и *ukunxele* 'левая сторона', которые употребляются в составе адвербиальных и определительных конструкций, фиксирующих направленность действий по отношению к говорящему (о соотношении этих существительных с остальными и их роли в реконструкции локативно-партитивных отношений, которые предшествовали современным темпорально-спатильным, — см. [38]).

лектов банту нет ни одного, система именных классов в котором повторяла бы систему именных классов другого языка или диалекта. Например, префиксы 1-го класса *umu-*, *um̩-* в зулу (*m̩* — слогообразующий билабиальный сонант) соответствуют префиксам *u-* в манди, *m-* в каалонг и мбонг, *m-*, *n-* в кее, *mo-*, *m-*, *m̩m-* в квакум, *ɔ̃-* в нгунгвел, *mu-*, *mbhu-*, *mhi-*, *mhe-*, *∅* в кукуя, *mo-*, *mw-* в нгала, *(u)mu-*, *(u)mw-* в руанда, *(u)mu-*, *(o)mu-*, *(o)m-*, *(o)m̩-*, *(o)mw-* в ганда, *mu*, *mw-*, *nw-*, *m-* в ньямвези, *mu-*, *mw-*, *mwu-*, *m-* в суахили, *mu-*, *mw-*, *N* в конго (*N* — гоморганные слогообразующие назальные сонанты), *mu-* в лози, *mu-*, *m̩-*, *mw-* в луба-касаи, *umu-*, *um̩-*, *umw-* в бемба, *mu-*, *mw-*, *m-* в ньянджа, *um-*, *upu-*, *mw-*, *m̩-*, *n̩-* в маконде (*m̩*, *n̩* — назальные слогообразующие сонанты), *(o)mu-*, *omw-*, *omo-*, *o-*, *u-* в умбунду, *um̩-* в к'оса, *(a)mu-*, *(a)mw-*, *m̩-*, *mhu-*, *m̩-*, *n̩-* в ронга, *(i)N-* в чопи, *(e)mwaŋ-*, *(e)waŋ-*, *(e)mu-* в тонга и т.д. для всех именных классов (в скобках регистрируются гласные, произносимые факультативно).

Всего в каждом именном классе, если иметь в виду сумму формантов, встречающихся в ЯБ, представлено до 100 и более алломорфов, большинство из них повторяются во многих языках и объясняются позиционными условиями, но есть уникальные префиксы, зарегистрированные только в одном каком-либо языке или регионе (например: *u-* в манди, *ɔ̃* в нгунгвел, *(e)mwaŋ-*, *(e)waŋ* в тонга и т.п. на фоне типичного для 1-го класса форманта *mu-*). В каждом языке количество префиксов одного класса невелико: как правило, среди показателей классов встречается по 2-3 алломорфа, но бывает, что количество алломорфов доходит до десяти, а в единичных случаях превышает и эту цифру. Наиболее широко синонимия формантов представлена в полярных по географическому положению северо-западных и юго-восточных языках (например, в аква, дуала, тетела, венда, ронга, тсвана, чопи и др.). Особенно много синонимов встречается в 5-м, 7, 9 и 10-м классах, в ряде случаев также в 1-м, 3-м и 6-м.

В большинстве случаев синонимия показателей именных классов оказывается позиционно обусловленной: выбор алломорфов определяется фонетическим обликом инициали основы или закономерностями взаимодействия фонем при их соединении в единое синтагматическое целое, варьирующими в зависимости от языковой специфики. Встречается варибельность префиксов и по другим причинам — из-за различия диалектных форм произношения, за счет употребления архаических и более новых форм или ввиду синтаксической обусловленности.

§ 1. Означающие протосистемы именных классов

1. Исследование согласовательных классов в ЯБ обычно начинают с констатации трех различных подсистем в составе классов: предметной, локативной и оценочной. Примеры предметных классов были приведены выше, из оценочных наиболее распространены аугментативные (А) и ди-минутивные (Б). Представление о них можно составить на основании следующих иллюстраций: А) *muntu* 'человек' — *ka-muntu* 'карлик' (*tu-muntu* 'карлики') в нсенга; *muuto* 'река' — *ka-muuto* 'речка' (*miuto* 'реки' — *tu-miuto* 'речки') в мабиха; *mbuzi* 'козел' — *ka-mbuzi* 'козленок' в чева; *nzo* 'дом' — *ki-nzu-nzo* 'домик' в кукуя; *iso* 'глаз' — *akaaso* 'глазик' в ганда; *mongo* 'река' — *ka-mongo* 'речка' в ньямвези; *mwana* 'ребенок' — *fi-mwa:-mwana* (*mwá:-mwana*) 'маленький ребенок' в конго; *sitji* 'дерево' — *ka-sitji* 'деревцо' (*yitji* 'деревья' — *tu-yitji* 'деревца') в квангари; *tintu* 'вещь' — *ka-ntu* 'вещица' в луба-катанга; *mrembi* 'козел' — *ka-mrembi* 'козлик' в лунда; (*u*)*musi* 'деревня' — *ka-musi* 'деревенька' в ламба; *mbueti* 'палка' — *ka-mbueti* 'палочка' в мбунду; *thavha* 'гора' — *ku-thavha* 'пригорок' в венда; *muti* 'дерево' — *ka-muti* 'деревцо' в шона; *mlima* 'гора' — *ki-lima* 'горка' в суахили и т.п.; Б) *muti* 'дерево' — *chi-muti* 'большое дерево' (*vi-muti* 'большие деревья') в нсенга; *mbômbodo* 'буйвол' — *e-mbômbodo* 'большой буйвол' в кела; *iso* 'глаз' — *oguuso* 'глазище' в ганда; *muti* 'дерево' — *li-muti* (*linti*) 'большое дерево' (*miti* 'деревья' — *ma-miti* 'большие деревья') в квангари; *mukuro* 'река' — *e-mukuro* 'большая река' в квангари; *muntu* 'человек' — *ki-muntu*, *li-muntu* 'большой человек, человечиче' в хемба; *mutondo* 'дерево' — *t i-mutondo*, *lu-mutondo* 'большое дерево' в чокве; *mutondu* 'дерево' — *t i-mutondu*, *lu-mutondu* 'большие деревья' в лунда; *umutwi* 'голова' — *ci-mutwi* 'большая голова' в ламба и т.д.

О характере локативных классов можно судить по примерам из квангари: *Rónzúgo* (1) *ta-ra-wará* (2) 'Дóма (1) хорошо (2)'; *Kónzúgo* (1) *ta-ku-wará* (2) 'Дóма (1) хорошо (2)', *Mónzúgo* (1) *ta-mu-wará* (2) 'Дома (1) хорошо (2)', где *rónzúgo* — *ró* (16-й кл.)+ *nzúgo* 'дом' (9-й кл.) с согласователем *-ra-* в сказуемом *ta-ra-wará*; *kónzúgo* — *kó* (17-й кл.)+*nzúgo* с согласователем *-ku-* в сказуемом *ta-ku-wará*; *mónzúgo* — *mó* (18-й кл.)+ *nzúgo* с согласователем *-mu-* в сказуемом *ta-mu-wará* (различие в значениях слов *rónzúgo*, *kónzúgo* и *mónzúgo* можно эксплицировать следующими описательными характеристиками понятия, передаваемого словом 'дóма' в русском языке: *rónzúgo* 'рядом с домом, при доме, на подворье'; *kónzúgo* 'около дома, у дома, на земле, где стоит дом'; *mónzúgo* 'в доме, в домашней обстановке'). Аналогичная ситуация представлена в кингва-

на, букусу и некоторых других языках, например, в кингвана: ра-нуумба ра-нгу 'у моего дома', ку-нуумба ква-нгу 'к моему дому', му-нуумба мва-нгу 'внутри моего дома' [31:371]; в букусу: á+ámè:ci → ámè:ci 'на воде' (соприкасаясь с водой, на поверхности воды, 16-й кл.), ху-мè:ci 'о воде, у воды, над водой, на воде' (не соприкасаясь с водой, 17-й кл.), му-мè:ci 'в воде' (кроме того, в букусу есть префикс é-, рассматриваемый [66] как показатель особого 24-го кл., с общелокативным значением: е-те:ci 'где-то на воде, где-либо у воды').

Самыми частотными префиксами предметной подсистемы для каждого класса во всех ЯБ являются форманты (в нумерации, сохраняемой со времен Майнхофа): m-, 1-й кл.; ø, 1"а"; ба-, 2-й; а-, 2"а"; т-, 3-й; ми-, 4-й; л-, 5-й; ма-, 6-й; ки-, 7-й; би-, 8-й; н-, 9-й; н-, 10-й; лу-, 11-й; ту-, 12-й; бу-, 14-й; ку-, 15-й. Локативную подсистему могут репрезентировать ее самые частотные для каждого класса префиксы: ра-, 16-й; ку-, 17-й; му-, 18-й.* Оценочные префиксы характеризуются меньшей употребительностью и большей индивидуализированностью, чем остальные. О статистических оценках и репрезентативности здесь говорить трудно, можно лишь отметить, что в роли аугментативных встречаются форманты: лу- (олу-) в мабиха, чокве, луимби, лучази, лвена, лунда, хемба, луба-катанга и ганда, ки- в хемба, луба-катанга, т i- в лунда, ки- — би- в санга, си- — фи- в ламба, чи- — ви- в лвена и нсенга, т i- — уi- в чокве. ли- в мбунду, ли- — ма- в ньямвези, е- — ди- в кела, огу- — ага- в ганда, ку- в букусу и т.д.; диминутивных — ка- в хемба, лвена, мбунду, шона, ака- в ганда, ака- — обу- в ганда, ка- — ту- в ламба, мабиха, нсенга, чева, ньямвези, квангари, луба-катанга, лунда, оту- в ганда, i- — то- в кела, ки- в суахили и кукуя, хи- в тсонга, ки- — би-, фи-, фи-мва, мва- в диалектах конго, ку- в венда; дерогативных — си- в квангари, ти- — ви- в чева, ли- в ламба и т.д.

Сравнивая предметную, локативную и оценочную подсистемы, можно заметить, что вторая и третья меньше, чем первая, во второй и третьей не так регулярно представлены корреляции ед. и мн.числа, чем в первой, инвентарь означающих локативных и оценочных классов в значительной степени дублирует форманты предметных, префиксы оценочных и локативных классов схожи по функционированию и противопоставлены префиксам предметных классов, оценочные и локативные форманты находятся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу (по фонетическому облику). Эти особенности подсказывают, что все

* Кроме того, зарегистрированы локативные префиксы ла-, л'-, ло-, в'-, во'-, ву- и т.д., а также непrefixные (суффиксные, циркумфиксные) способы передачи пространственных отношений.

подсистемы имеют общий генезис и обязаны своим возникновением различию в функционировании одних и тех же формантов.

Действительно, анализ локативных и предметных префиксов показывает, что они имеют различный формальный и смысловой статус в синхронии, объясняемый диахронически. Так, в большинстве современных языков, если префикс с омонимичным значением присоединяется к основе существительного, он имеет значение предметного, а если к цель-нооформленному существительному — локативного или оценочного, например: *ku-ma-usi* 'на севере' (от *ama-usi* 'народность ауши, проживающая севернее народности ламба'), *ku-kū-lu* 'к ноге' (от *uku-lu* 'нога'), *pa-mu-si* 'в деревне' (от *umu-si* 'деревня'), *ka-mu-si* 'деревенька' в ламба, где префиксы *ku-*, *pa-* имеют локативное, а *ka-* — оценочное значение (ср. с *uku-lu* 'нога' и *aka-lume* 'раб', где те же префиксы имеют предметное значение); *ka-si-tji* 'деревцо' (от *si-tji* 'деревцо') и *ka-suru* 'черепашка', *ka-kambe* 'лошадь' в квангари; *mù-mùsútù* 'в лесу' и *mù-sútù* 'лес' в кукуя; *ka-mu-ti* 'деревцо' (от *muti* 'деревцо') и *ka-kema* 'берег' в ньямвези; *pa-mũ-dzi* 'в деревне' (от *mũdzi* 'деревня') и *pā-nuɔ* 'анус', *phĩri* 'гора'; *m̩-khwã-pa* 'подмышка' (букв.: "внутри мышц руки", от *khwãpa* 'рука', 15-й кл.) или *mu-m-thũzi* 'в тени' и *m̩-thũzi* 'тень', *mu-dzi* 'деревня' в чева и т.д.

В языках, где омонимия снимается с помощью супrasegmentных явлений, предметные классы маркируются безударными префиксами, локативные и оценочные — ударными; например, в кукуя префиксы 1-10-го и 14-го классов (предметных) являются безударными и присоединяются к основам существительных, 16-го, 17-го и 18-го — ударными и выступают как пре-префиксы; префиксы 7-8-го кл., если функционируют как предметные, бывают безударными и прибавляются непосредственно к основе, но если выступают в роли диминутивных, приобретают ударение и присоединяются не к основам, а к словам, уже оформленным предметными префиксами. В букусу все предметные префиксы являются двусложными, локативные — односложными (если показатель 16-го кл. функционирует в виде редуцированного префикса *rãrã-*, он играет роль предметного, — ср. *á-mè:ci* 'на воде', где показатель 16-го класса *a-* является односложным, и *rãrã-ndù* 'место', где показатель 16-го кл. двусложный), а оценочные — односложными вариантами двусложных предметных префиксов (ср. *kùmù-xà:fú* 'корова' и *kù:-xà:fú* 'большая корова', где *kù-* — усеченный вариант префикса *kùmù-*).

Аналогичную роль могут играть и другие признаки, например, оппозиция низких-высоких или нисходящих-восходящих тоном, долгих-кратких гласных, сильных-слабых обертонов и т.д. Так, в диалектах конго в показателе 18-го кл. представлен более долгий гласный *i*, чем в пока-

зателях 1-го и 3-го. Кроме того, назальный обертон при произнесении локативного форманта значительно сильнее, чем при артикуляции соответствующих предметных префиксов; в силу этого согласователи по локативным префиксам имеют более яркую назальную окраску, чем по предметным, — ср. согласовательные морфемы в следующих двух фразах: *mú:ma* (1) *mu-bote* (2) *nwe* (3) 'в (1) этих (1) местах (1) хорошо (2)' и *mu-ntu* (1) *ŋ-bote* (2) *wè* (3) 'этот (1) человек (1) хороший (2)', где *mú:ma* — существительное 18-го кл. 'в этих местах, место' с локативным префиксом *mú:-*, а *muntu* — существительное 1-го кл. 'человек', с предметным префиксом *mu-*. Различием в супрасегментных характеристиках локативного и предметного префиксов объясняются и остальные особенности их функционирования (локативный префикс произносится с акцентом, звучит более отчетливо, чем его предметный аналог, поэтому во всех контекстах он имеет стабильную артикуляцию, тогда как предметный префикс в различных позициях произносится по-разному — перед основами на согласный возникают варианты *ŋ*, *n*, *ø*, перед основами на гласный — *õ*; как и прежде *ŋ* обозначает назальный велярный, *õ* — огубленный лабиовелярный полугласный, *ø* — нуль звука).

Приведенные примеры показывают, что локативные и оценочные форманты более самостоятельны в синтагме, чем предметные, их синтагматический статус сближается со статусом самостоятельного слова (предлога); форманты предметных классов функционируют лишь как части слов (приставки). Префиксы предметных классов более тесно спаяны с основой, чем локативных и оценочных. В плане содержания это приводит к тому, что локативные и оценочные классы имеют более единообразные и легче формализуемые значения, чем предметные, в плане выражения — к тому, что между префиксами предметных классов и корнями устанавливаются отношения фузии (модификация фонем на стыке, взаимоуподобление фонетических обликов основы и префикса, интонационно-фонетический сплав элементов в единое целое, свидетельствующий о непрерывности артикуляции), а между префиксами оценочных или локативных классов и основами существительных, к которым они присоединяются, — отношения агглютинации (механического соединения разнородных по интонационно-фонетической структуре частей, являющегося результатом дискретного артикулирования каждого элемента в отдельности).*

* Подробное доказательство этих тезисов на материале 15 языковых зон, на которые Гасри разбил языки банту [86], представлено в [40].

2. Техника соединения формантов локативных и оценочных классов с основами существительных кажется типичной для инвентаря изолирующего строя, техника построения микросинтагм из предметных префиксов и основ существительных присуща флективному строю. Поэтому, если предположить, что флективная техника является естественным развитием изолирующей в результате многократного совместного повторения одних и тех же элементов с образованием из них интонационно-фонетических единств и последующим "склеиванием" швов, можно отметить, что техника присоединения формантов локативных и оценочных классов более древняя, чем предметных, и что форманты предметных классов в составе существительных "спаялись" с корнями существительных до того, как к ним стали прикрепляться префиксы оценочных и локативных классов.*

* Этот тезис кажется парадоксальным, если не указать, что в составе слова более древним является соединение ближайшего к корню префикса, более новым — пре-префикса и что за "двойное время" своего существования префикс прошел два этапа развития: механическое соединение с корнем по типу проклитики, затем фузионные превращения, в ходе которых он стал приставкой, а пре-префикс за "одинарное время" своего существования — только один этап развития: механическую связь с основой по типу проклитики. Дальнейшее функционирование языка при образовании устойчивых синтагм из данных элементов должно было привести к возникновению фузионных процессов между пре-префиксами и основами по типу процессов между префиксами и корнями, срастанию прежних элементов в новое целое, опрощению основ и появлению новых проклитик перед пре-префиксами, которые могут восприниматься как новые пре-префиксы перед элементами, развившимися из пре-префиксов в префиксы. Это и наблюдается в конкретных языках. Например, в ламба случаи опрощения основ приводят к тому, что изменяется модель образования диминутивов и аугментативов (ср. *ka-mu-si* 'деревенька', от *umu-si* 'деревня', — *tu-mi-si* 'деревеньки' от *imi-si* 'деревни', и *kā-munwanwa* 'велосипед' — *tū-munwanwa* 'велосипеды', где произошло опрощение основы *-munwanwa*, на что указывает долгий гласный в префиксе *kā-(tū)*; аналогично: *si-mu-twi* 'большая голова', от *umu-twi* 'голова', — *fi-mi-twi* 'большие головы', от *imi-twi* 'голова', и *si-lutoβala* 'артрит' — *fi-lutoβala* 'артриты'). Срастание префиксов с корнями является одной из причин повсеместно распространенного явления композиции префиксов при образовании множественного числа на фоне замены префиксов ед. числа префиксами множественного. Например, в нсенга параллельно образованию мн. числа путем замены префиксов ед. числа префиксами мн. числа функционирует ряд слов, в которых формант мн. числа наслаивается в виде пре-префикса на показатель ед. числа (*lu-limi* 'язык', анат. — *ma-lu-limi* 'языки', *li-to* 'земля, почва' — *vi-li-to* 'земли, почвы', *u-zu* 'трава' — *ma-u-zu* 'травы' и т. п.). То же наблюдается в чева: *bwáto* 'каное' — *ma-bwáto* 'каное', мн.ч., здесь префикс *bu-* слился с основой и уже не воспринимается как самостоятельный структурный элемент; результатом аналогичных процессов являются также слова *phiri* 'гора' — *ma-piri* 'горы', *ṃsēri* 'секрет', *ṃkamwa*

Из этого следует, что пре-префиксы и префиксы систем классов в составе существительных имеют различный исторический возраст (более древней внутрисклассовой связью в слове оказывается отношение между корнем и префиксом, более новой — между корнем и пре-префиксом) и что форманты, развившиеся в пре-префиксы оценочных и локативных классов, существовали в виде самостоятельных силлабем на том этапе, когда форманты, ставшие впоследствии префиксами предметных классов, уже функционировали как части слов.

Это позволяет сформировать два различных набора показателей классов: один восходит к служебным моносиллабем ближайшего прошлого (например, префиксы *tu-*, *ku-*, *pa-*, *la-*, *lu-*, *ki-* — *ni-*, *li-* — *ma-*, *ka-* — *tu-* и др., функционирующие в роли показателей локативных и оценочных классов), второй — к префиксам существительных (того же этапа исторического развития), например: *tu-* — *ba-*, *tu-* — *mi-*, *li-* — *ma-*, *ki-* — *bi-*, и т.п. форманты предметной подсистемы. Наличие идентичных по форме элементов в обоих наборах (*li-* — *ma-*, *ki-* — *bi-*, *tu-*, *lu-* и т.п.) подсказывает, что ближайшему предшествовало более отдаленное прошлое и что сегодняшние префиксы, как и пре-префиксы, в более отдаленную эпоху могли быть самостоятельными спллабем. Другими словами, возникает проблема: выяснить, нет ли свидетельств, что префиксы предметных классов некогда функционировали как самостоятельные служебные слова, а не как части существительного. Для этого надо исследовать морфемный шов на стыке именного префикса с корнем и убедиться, что явления, происходящие на шве, идентичны результатам, наблюдаемым при связывании самостоятельных слов.

Действительно, подобно цельнооформленным словам, именной префикс и корень (каждый в отдельности) обладают своей собственной интонационной и фонологической структурой, которую можно возвести соответственно к структуре служебных и знаменательных слов; формирование существительного из префикса и корня происходит по специфическим для каждого языка законам, напоминающим образование синтагм. Так, при связывании слов в бинарные синтагмы обычно наблюдаются девокализация финального гласного первого слова (его элизия, превращение в полугласный), исчезновение инициального согласного второго слова или изменение его артикуляции, — см. в зулу у Вилакази: *Nomlomo*

'рот', *khwāra* 'рука', *kumāso* 'лицо' (от *mā-so* 'глаза') и др. Только сравнение данных различных диалектов помогает выявить сложность структуры таких слов в мбунду, как *roi-* *nette*, *onete* 'грудь'; *polipere*, *epere* 'плечо'; *rongōlo*, *olongola* 'колени'; *v'imu* 'живот'; *k'iri* 'небо' и т.д. [40].

wam'usalanda... 'ловишь мои уста...' (из Na + umlomo wami usalanda) [137]; в шона девокализация наблюдается особенно в случае финальных гласных низкого тона i, u; в букусу сокращаются финальные гласные любого тона.

В конго финальные i, u становятся соответственно y, w (mbɛbu iné 'эти губы' звучит как [mbɛbw'iné], инициальный билабиальный согласный исчезает (baɛbí báfé 'два товарища' произносится [baɛby'áfé], bunyu böŋko 'этот стул' — [bunyuw'õŋko]); в кела, если два слова, следующие подряд, начинаются с билабиального смычного согласного, — второе слово теряет его, а предшествующий ему финальный гласный предыдущего слова превращается в гоморганный полугласный (i → y, u → w) или исчезает (e, o, ɛ, ɔ, a); если второе слово начинается альвеолярным смычным согласным d, этот согласный выпадает (в ближайшем соседе кела — языке йела d соответствует l, который и подвергается афереze); в букусу латеральный функционирует только в начале синтагмы, после гласных и не-назальных согласных (в остальных случаях он элизируется), глухой велярный k — в начале синтагмы и после гласных.

В суто-тсвана латеральный перед i, u апикализируется и элизируется или превращается (в тсвана и педи) в d-образную многоударную фонему, которая европейцами регистрируется как l, r, d в зависимости от контекста;* в чева или конечный гласный перед начальным опускается, или начальный гласный превращается в гоморганный полугласный (ngátí ũkó → ngátí wũkó 'примерно там'), или оба гласных сливаются; начальный велярный согласный звучит звонко [g], интервокальные латеральный и увулярный согласные являются слабыми и могут элизироваться (латеральный вместе со слоговым гласным), в ряде случаев афереze подвергается финальный слог -ni; в суахили в интервокальной и начальной позиции часто элизируются l, r, и т.д., и т.п.

* Если i, u возникли из e, o в результате гармонии гласных, т.е. имеют не исконное происхождение и развились не из древних i, u, а появились позднее факторов, обусловивших модификацию e, o в i, u, данная закономерность не действует, и перед "новыми" i, u латеральный не превращается в альвеолярный (педи, иногда тсвана). Эти факты подсказывают, что каждый фонетический закон, действующий в синхронии, имеет собственную хронологию: одни законы появляются раньше, другие позже; например, закон гармонии гласных, функционирующий на стыке префикса и корня, возник на том этапе развития языков банту, когда тип артикуляции среднеязычных обуславливался степенью закрытости следующего за ними гласного и еще не образовалось структурное целое из префикса и корня (элементы оставались самостоятельными единицами, превращение гласных e, o в i, u поэтому еще не происходило, артикулирование альвеолярного вместо латерального не имело места).

Уже из приведенных формулировок ("интервокальная, постназальная, соседняя, инициальная, финальная позиции" без указания на то, фиксируется точка на стыке двух слов при их слиянии в синтагму или на морфемном шве) видно, что во многих случаях явления, происходящие между префиксом и корнем, идентичны в современных языках фактам, регистрируемым на синтагматическом уровне. Всеобщность этих закономерностей можно подтвердить также другими данными. Так, повсеместно в ЯБ отмечается исчезновение латеральных, вибрантов и альвеолярных в показателях 5-го и 11-го классов, девокализация финального гласного (префикса) с его элизией или превращением в гоморганный полугласный в показателях всех предметных классов (особенно часто появление полугласных наблюдается в показателях 1-го, 3-го и остальных предметных и-классов, элизия — в показателях i-классов). По этим признакам интервокальная позиция между морфемами внутри слова не отличается от интервокальной позиции между словами внутри синтагмы.

Нет принципиальных различий и в остальных параметрах: во многих языках происходят и элизия увулярных, билабиальных или лабиодентальных на шве между префиксом и корнем, и афереза слога ni в показателях 9-10-го классов, и озвончение глухих велярных, попадающих в начало слога при объединении префикса и корня, и слияние гласных — по законам, определяемым спецификой каждого языка, но единообразно действующим между словами и между морфемами. Например, в чева этот закон проявляется в том, что одинаковые гласные либо непосредственно связываются, либо соединяются при посредстве полугласных, либо один из гласных элизируется; различные гласные или следуют друг за другом, сохраняя свое качество (au, ai и т.д.), или сливаются в новый гласный ($\beta a + i ni \rightarrow \beta \bar{e} ni$ 'владелец'), или первый из гласных превращается в гоморганный полугласный ($u + a \rightarrow wa$, $i + a \rightarrow ya$ и т.п.). Та же закономерность наблюдается в ньянджа, мвера, чева и других языках, только реализуется она по-разному (ср. в ньянджа $i + o \rightarrow o$; в мвера $e + o \rightarrow o$; в чева $\varepsilon + u \rightarrow o$).

В ламба одинаковые гласные стягиваются в долгий или соединяются при посредстве полугласного; поведение различных гласных отличается от ситуации в чева тем, что из цепочек гласных образуются дифтонгоиды. Управляет процессом объединения гласных просодика: если первый из двух гласных долгий, ударный и иного тона, чем второй, они связываются через посредника — гоморганный полугласный (awu); если первый гласный безударный и оба гласных имеют различный тон, первый гласный превращается в полугласный (ue); если оба гласных имеют одинаковый или однонаправленный тон и второй гласный или оба являются безударными, происходит контракция гласных ($a + u \rightarrow o$).

В суахили два одинаковых гласных с одинаковым тоном или тоновым контуром ВН (В-высокая тонема, Н — низкая) сохраняются, а с тоновым контуром НВ при ударном втором гласном и безударном первом, сокращаются (aa → a). Два одинаковых гласных, если ударение падает на первый гласный, не изменяются и следуют друг за другом; если ударение падает на второй гласный, их цепочка имеет тоновый контур ВН и второй гласный является более закрытым, чем первый, образуются нисходящие дифтонги (îe, îa, îo и т.д.); при тоновом контуре НВ с более закрытым вторым гласным возникают восходящие дифтонги (âi, âe и т.п.).

В куриа одинаковые гласные сливаются в долгий, различные либо ассимилируются (a+o → oo), либо не изменяются (образуются дифтонги io, ie, ai), либо выпадают (o+e → o). Ассимилироваться могут гласные не только префикса, но и основы, определяющим является степень раствора гласного (широко растворные гласные коррелируют с широко растворными, узко растворные — с узко растворными). Аналогичный закон префиксного сингармонизма действует и в других северо-восточных ЯБ, к которым относится куриа.

В ганда на стыке префикса и основы одинаковые фонемы соединяются, различные (кроме a) подвергаются девокализации; префиксное и перед корневыми a, e, i, o превращается в гоморганный полугласный w (исключение: olu-+iso → oluuso); префиксное i перед a, e, o, и вызывает Йотирование корневой инициали (исключение: ezi-+ana → ezaana), префиксное a уподобляется корневому e, o, и или, наоборот, уподобляет себе корневое i (ama-+iso → amaaso 'глаза'). В букусу происходит частичное или полное уподобление префиксных гласных корневым, наряду с контракцией и превращением одного гласного в гоморганный по отношению к нему полугласный на фоне пролонгизации второго гласного (тональный рисунок гласных при этом сохраняется).

То же наблюдается в языках других зон. При столкновении двух гласных в юго-восточных языках, если в непосредственном контакте оказываются два одинаковых гласных, они произносятся друг за другом каждый со своим тоном и ударением: mudziidzi 'новичок', kureeteka 'говорить' в зезуру; khoorò 'старая курица', k'ut'eererà 'следовать' в ндау; в отдельных случаях между ними может вставляться эфонический полугласный: ukwakhayakha 'не прекращающееся строительство' в зулу. Если встречаются гласные разного тона, образуется гласный глайдового типа: órá 'давно' в ндау, íkali 'оружие' в зулу. Если объединяются два различных гласных, они либо остаются неизменными, либо с ними происходят следующие превращения: a+i → ai, a, e, e (в южных диалектах суто: ma-+inɔ → mainɔ, menɔ 'зубы', ma-+ilɔ → mailɔ, malɔ 'глаза'; в зулу: na-+indoda →

pendoda 'с женщиной'); a+e → ae, aye, ε, ε̄, ē (в тсвана: -паёа 'давать' — пёэ 'подарок', ba-+-eŋ → beŋ 'хозяева'; в зулу: ба-+-enza → benza 'они делают', ukwenza+-enza → ukwenzaenza 'не прекращающаяся деятельность'); a+o → ao, ayo, ō (в зулу: аобаба 'наши отцы', ukwonaуона 'постоянно наносимый ущерб, вред, неприятности, оскорбления', ба-+-ота → бōпа 'они портят'); a+u → au, u, o; e + Г → уГ, a, o; o+Г → oГ, уГ; u+Г → uГ, уГ, wF, o; i+Г → уГ, Г (Г — любой гласный).

Когда два гласных не сливаются в один, каждый гласный сохраняет свой тон и способность к слогаобразованию. Если второй гласный произносится низким тоном, а первый — высоким, оба гласных артикулируются отдельно, но если второй гласный имеет нисходящий тон, могут образовываться дифтонги; например, в зезуру и маньика встречаются дифтонги o`u, a`i (mho`u 'страус' в зезуру на фоне mhoi в остальных диалектах шона; зoi 'слон' в каранга — pzo`u в зезуру; ma`i 'мать' в зезуру и маньика и т.п.). Случаи этого типа для юго-восточных языков не типичны, значительно чаще представлены ситуации, когда каждый гласный сохраняет свое качество и является в слогe самым стабильным элементом.

В кела (один из западных языков) одинаковые гласные пролонгируются, сохраняя тон (ba-+-àtā → bààtā → bà:tā 'утки', bō-+-ódó → bōódó → bōdó 'сила'), префиксный гласный либо опускается, либо превращается в гоморганый полугласный (di-+-àtā → dyà:tā 'утка'), либо сохраняется (между ним и корневым гласным появляется полугласный), при этом высота подъема корневого гласного и степень его раствора определяют соответствующие параметры префиксного гласного. Кроме того, префиксный билабиальный согласный перед корневым e превращается в полугласный, который уподобляется префиксному гласному (bō-+-édā → wēdā 'хвост', bè-+-èsé → yè:sé 'кости') .

Историческая суверенность именных префиксов, в сфере которых действуют описанные выше законы, подтверждается и другими особенностями функционирования микросинтагм, связываемых швом между именным показателем и корнем. Так, в кете (один из центральных языков) слева от этого шва функционируют открытые слоги, справа — закрытые или полузакрытые (omu-n[w 'человек', o-m-kay 'женщина', o-m-thond 'дерево', iri:-n 'зуб', itsi-y 'дверь', okā-bw 'собака', owā:-t 'каноз', rā-ndz 'в кра-але' и т.п.), т.е. префикс и корень имеют совершенно различную силлабическую структуру и противопоставлены друг другу как два класса силлабем (слова одного класса имеют вокалическую финаль, второго — консонантную).

Слогораздел между префиксом и корнем представлен и в других языках. Так, в ганда не бывает в префиксах долгих фонем, хотя в корнях

они функционируют повсеместно — не только гласные, но и согласные. В корнях в любых позициях встречаются все гласные, имеющиеся в ган-да: а, е, і, о, и и их аллофоны; в префиксах в предкорневой позиции, кроме полугласных, могут стоять только гласные а, і, и, в инициальной позиции — только а, е, о: непосредственный контакт с корнем обуславливает появление гласных "экстремальных" высот (высокого или низкого подъема) и невозможность функционирования гласных среднего подъема; удаление от корня влево снимает этот запрет и обращает его противоположностью — невозможностью употребления гласных высокого подъема.

По мнению Майнхофа [120:23], подтверждаемому современными данными, более древними были гласные а, і, и, более новыми — е, о (последние возникли в результате коалесценции цепочек первых), причем гласный *a* является наиболее стабильным во всех ареалах языков банту (независимо от степени архаичности языковых единиц, в состав которых он входит). Поэтому гласный *a* не может быть диагностическим для определения "возраста" морфемы (слога), остальные гласные могут использоваться в этих целях. Применительно к нашему случаю указанная выше дистрибуция гласных относительно морфемного шва свидетельствует, что вблизи корня функционируют "старые" гласные, вдали от него — "новые", т.е. что аугмент префикса (ср. его позицию с позицией пре-префикса, о которой шла речь выше) возник на более позднем этапе, чем произошло объединение корня и именного показателя.

Вторичность аугмента подчеркивают явления сингармонизма, обуславливающего функционирование инициального гласного в зависимости от ширины раствора, высоты подъема, ряда и огубленности предкорневого гласного: если перед корнем стоит *a*, инициальным является также *a*, если *i* — инициальным *e*, если *u* — инициальным *o* (*aba-*, *ama-*, *aka-*, *aga-*, *awa-*, *emi-*, *eli-*, *eki-*, *ebi-*, *ezi-*, *omu-*, *olu-*, *otu-*, *obu-*, *oku-*, *ogu-*); это показывает, что способ артикуляции аугмента полностью определяется артикуляцией предкорневого гласного и что этап произнесения аугмента является подготовительным к артикуляции предкорневого гласного. Таким образом, слева от шва, возникает дистрибутивность гласных и избирательность функционирования по отношению друг к другу, справа нет, что подчеркивает соотносительность языковых единиц, находящихся слева и справа от шва, с различными классами силлабем и различным возрастом морфем, возникших из этих силлабем.

О суверенности силлабем говорят и другие факты — просодического порядка. Известно [41:90-93], что если импловивная группа является непрерывной, в инициали должен стоять гласный меньшего раствора, чем

в финали, поэтому в группе, состоящей из префиксного и корневого гласного, в числе префиксных гласных не мог бы появляться а; тем не менее, он употребляется. С другой стороны, если эксплозивная группа является непрерывной, в инициали должен стоять гласный большего раствора, чем в финали, и префиксным гласным не мог быть і или u, однако они, как показано выше, функционируют. Из этого следует, что группа, состоящая из финали префикса и инициали корня, не является непрерывной, т.е. между префиксом и корнем проходит слогораздел и если слева от шва артикулируется имплозивный гласный, то справа эксплозивный, и наоборот. Объединение исторически различных силлабем в единое целое приводит к возникновению и развитию фузионных тенденций (превращению разрывных групп в непрерывные и ассимиляции на шве фонем).

3. Столь же самостоятельным является регистровое оформление силлабем слева и справа от шва. Так, выше было отмечено, что в монго на стыке слов их фонемные характеристики изменяются, тональные нет. Такие же явления отмечаются на шве префикса и корня: каждый из этих элементов имеет собственное не только фонемное, но и регистровое оформление, причем фонемное подвергается модификации, тонемное практически нет. То же наблюдается в ганда. Здесь префиксы начинаются с низкой тонемы, корни — с высокой; префиксные гласные являются неинтенсивными, безударными, краткими, ровного низкого тона, а первый гласный корня и наиболее интенсивным, и ударным. Эти характеристики также свидетельствуют о противопоставленности префикса и корня как двух различных классов силлабем, исторически восходящих к отдельным словам. Сравнение ганда с кете показывает, что в кете доминирующими оказались тенденции, которые привели к оппозиции префиксной и корневой силлабемы по силлабо-фонемным признакам, в ганда — по регистрово-фонемным. Каждый язык прошел собственный исторический путь, обусловивший его облик. Этот путь определяется направленностью артикуляционных изменений, закрепившихся в языковом коллективе и приведших к тому, что в обоих случаях синтагма стала артикулироваться в виде одного слова, но переход от разрывной артикуляции к связной осуществился по-разному, — в зависимости от того, какие артикуляционные факторы стали более или менее важными.

Самостоятельность просодического статуса каждой части слева и справа от шва наблюдается во всех ЯБ, но проявляется по-разному. В букусу историческая суверенность префикса и корня отразилась на том, что каждый из этих классов силлабем имеет специфическое регистровое оформление. Префиксам свойственна инициаль только низкого регистра,

корням — обоих регистров. В суто-тсвана префиксы обладают средним тоном, основы — различными тоновыми контурами (как правило, глай-довыми); в зулу префиксы характеризуются высоким или средним тоном (корни имеют многообразные контуры), в к'оса — восходящим или нисходящим, в луба-каси — высоким (низкий тон представлен лишь в заимствованиях, что подчеркивает их появление в языке уже после того, как возникла регистровая противопоставленность префиксов и корней на основе данной оппозиции),* в ламба префиксы как класс силлабем отличает наличие только узких и широких гласных (i, u, a), — гласные e, ε, ə, o в показателях именных классов не встречаются, и т.д.

Не менее заметна тембровая независимость элементов слева и справа от шва. Например, один из них может артикулироваться основным тоном, второй — с обертоном или каждый со своим обертоном, подобно синтагме, состоящей из отдельных слов. Так, корень произносится при активизации назального резонатора, префикс именованного класса — при его пассивном положении в кете; в нгом многие показатели именных классов артикулируются с фарингальным обертоном, а корни — нет; независимо от наличия или отсутствия фарингального обертона в корне, веля-ризируются показатели 1-го, 3, 5, 11, 14 и 16-го классов в рунди, 1-го, 3-го и 16-го классов в сукума, и т.д.

Анализ соотношения назализации и слоговой структуры в юго-западных языках показывает, что в регионе мбунду назальным обертоном характеризуются, в основном, финали существительных (ударный и первый заударный слог, иногда второй заударный, если ударение падает на предпоследний слог). Так, в нано середины XIX века примерно у 33% существительных с назализованными гласными и согласными (всего насчитывается около 2/3 таких существительных в материалах по нано [82], остальные существительные назальных не содержат) назализован только последний слог, у 28% — предпоследний, у 25% — последний и предпоследний, у 10% — финаль слова (последний, предпоследний или оба при наличии и предударной назализации) и лишь у 4% — только иници-аль слова, т.е. у 86% существительных, содержащих назальные, зафиксирована назализация справа от морфемного шва между префиксом и корнем и всего у 4% — слева от него (10% составляют существительные, у которых назализация представлена равномерно вправо и влево от шва). Это говорит о том, что префикс и корень некогда имели самостоятель-

* Префиксы именных классов в этом отношении сходны с глагольными корнями, начинающимися на гласный (существительные имеют разнообразные тоновые контуры).

ную тембровую окраску, причем тембровой доминантой корней был назальный обертон, префиксы этим свойством не обладали (у 96% существительных с реликтами назального обертона его следы представлены в корнях). Фарингальный обертон чаще всего имеет вид циркумфлексной рамки вокруг корня, т.е. выделяет префикс и суффикс, возводимые соответственно к проклитике и энклитике [40:233].

Это позволяет предположить, что знаменательные и служебные слова в языке, из которого развились архаические диалекты нано, имели тембровое противопоставление: знаменательные синлабемы, ставшие впоследствии корнями существительных, произносились с назальным обертоном, а служебные слова, обслуживавшие их, — с фарингальным обертоном или основным тоном без обертонов. Отсюда следует, что префиксы именных классов, в составе которых есть назальные, имеют иную природу, чем префиксы без назальных: вторые восходят к служебным частицам, первые — либо к полнозначным лексемам ("протосуществительным"), либо к проклитикам, развившимся из просодем и представляющим собой "сгустки" назального тона, "осевшие" на инициалах корней в виде самостоятельных фонем и слогов с назальными. Примером показателя именного класса, восходящего к полнозначному слову, является формант 6-го класса *ta-* и его алломорфы в различных языках [40]; просодемная природа прослеживается у гомоганных назальных показателей 9-го класса *ŋ-*.

4. Наличие просодической и фонологической самостоятельности у элементов слева и справа от шва подтверждается и другими фактами. В частности, еще недавно показатели именных классов, при записи текстов на ЯБ, фиксировались исследователями отдельно от основ существительных; это объясняется не только тем, что письмо вводилось носителями индоевропейских языков, которые в ряде случаев отождествляли показатели классов с артиклями, предложениями или иными служебными словами из известных им языков, но и тем, что интонационная отделимость показателей классов, когда осуществлялся переход от устной речи к письменной, была сильнее, чем теперь. Слитное написание показателей классов с корнями существительных усилило процесс их интеграции в единое целое.

О том, что именно этот процесс происходит в ЯБ, говорит комплекс явлений, вызывающий превращение агглютинативной техники в фузию на шве между префиксом и корнем. Связь между равноправными членами, наблюдаемая в случаях, когда каждый элемент является самостоятельным словом, постепенно заменяется связью между неравноправными в синтагматическом отношении элементами. Одна синлабема становится

главной, вторая — зависимой; звуковой облик главной подчиняет себе звуковой облик зависимой. Это сказывается на направленности ассимилирующих тенденций: если сначала оба элемента взаимосогласуются по интонационно-фонетической структуре (в одних отношениях проклитика подчиняет себе корень, в других — корень проклитику), то с усилением неравноправия ослабляется влияние проклитики на корень, и ее звуковой облик начинает играть все меньшую роль в формировании звукового облика корня. Произношение проклитики превращается в подготовительный этап к артикуляции корня; это и наблюдается в современных ЯБ [40]. Поэтому регрессивная ассимиляция, при которой префикс изменяется под воздействием корня, воспринимается во всех языках как развивающаяся; прогрессивная ассимиляция, вызывающая модификацию корня, становится все более редкой и начинает казаться анахронизмом (ср. глобальность правила о регрессивной ассимиляции гласных в ганда и единичность исключений из этого правила, свидетельствующих об остатках былого влияния, распространявшихся с префикса на корень).*

Интонационно-фонетическая обособленность префикса и корня, имевшая место в прошлом, разрушается процессами, возникающими вследствие их постоянного соположения друг с другом и использования в виде единого целого. Совместное функционирование обеих силлабем и превращение господства полнозначного слова над служебным в доминацию главной части слова (корня) над второстепенной (грамматическим формантом) изменяет характер процессов ассимиляции, происходящих на шве: теряя самостоятельность, первая силлабема постепенно лишается мощности своего энергетического потенциала — присущих ей интонационных и фонетических характеристик. Вместе с этим ослабевают все разновидности ее влияния на вторую силлабему и, наоборот, усиливается

* Эти исключения подсказывают, что проклитики, на базе которых сформировались данные префиксы, относятся к наиболее древнему слою системы классовых показателей в ганда (lu, ka, ga, ma, zi, ср. с. 274). С другим примером таких реликтовых явлений мы сталкиваемся в мпонгве. Здесь представлены две разновидности пары префиксов ɔ- — i-: одна пара состоит из безударных формантов (ударение при связи с ними падает на основу), которые служат показателями 3-4-го кл. и присоединение которых к корням не сказывается на их фонетическом облике, например: ɔ-tɔndɔ 'корзина' — i-tɔndɔ 'корзины', мн.ч.; вторая пара состоит из показателей 11-19-го кл; эти префиксы являются ударными, их артикуляция влияет на произношение следующих за ними корней: после префикса ɔ- артикулируются в инициалах основ (β, r, γ, ω, m̄, n̄, l, y, v, z, а после префикса i- — их десоноризированные, оглушенные и деспирантизированные варианты p, t, k, b, m, n, d, j, f, s (здесь β — лабиодентальный звонкий фрикативный, γ — увулярный звонкий фрикативный, ω — лабиовеллярный, m̄, n̄ — фрикативные назальные).

зависимость от более мощного в интонационном, фонетическом и категориальном плане соседа. В итоге доминирующей становится вторая силлабема; первая превращается в ее сателлит.

5. Одновременное уподобление основе вокализма и консонантизма префикса наблюдается во всех ЯБ. Подготовка к артикуляции инициального согласного основы начинается задолго до образования префикса и обычно определяет его форму — в зависимости от степени углубленности корневой инициали осуществляется продвижение назад артикуляционных органов перед возникновением префикса, поэтому в нем появляется тот или иной звук, удобный для произнесения основы членами речевого коллектива. Это повсеместно зарегистрировано в сфере показателей предметных классов с сонорными согласными — назальными (1-й кл., 3-й, 4-й, 6-й, 9-й, 10-й) и латеральными (5-й, 11-й кл.), а во многих языках — и с другими согласными. Наибольшее разнообразие алломорфов представлено среди показателей единственного числа у префиксов 5-го и 7-го классов (соответственно для них зарегистрировано 124 и 128 формантов); например, в качестве показателей 5-го кл. употребляются префиксы: li-, di-, dʒi-, ji-, zi-, ti-, ri-, ri-, idʒ-, irʒ-, ili-, eli-, in-, eri-, izi-, edi-, eti-, ɛŋi-, l-, ly-, d-, dy-, dʒ-, ʒ-, j-, r-, i-, e-, y-, ø, lili- и т.д. Их выбор в преимущественном большинстве случаев определяется требованиями основы (в единичных случаях обусловлен причинами исторического порядка или взаимодействием фонем внутри префикса).

Так, в эвондо перед основами на гласный переднего ряда *i* показателем 5-го класса является префикс *dy-* (*dís* 'глаз'), перед основами на палатальный полугласный — *dz-* (*dzom* 'вещь', ср. *byém* 'вещи', мн. ч.), перед основами на велярные согласные — *æ-* (*ækoŋ* 'копье'): подготовка к артикуляции инициального согласного основы начинается с произнесения префикса; его форма зависит от степени углубленности корневой инициали и продвижения артикуляционных органов. Образование алломорфов становится понятным, как только мы вспоминаем, что все они являются вариантами ретрофлексного звука, по-разному произносимого носителями языков и диалектов банту. Ретрофлексный звук, который сам по себе имеет низкий тембр, благодаря большому объему ротового резонатора (за счет значительного опущения спинки языка вниз и сильной изогнутости вверх верхнего нёба), при углублении артикуляции перед появлением заднеязычного *k* (более глубокого, чем ретрофлексная фонема *g* или ее аллофоны) превращается в звук *æ*, характеризующийся еще большим объемом ротового резонатора, благодаря еще более низкому положению языка при схожем профиле верхнего нёба. Влияние артикуляции гласного на формирование предыдущего звука состоит в том, что

вся масса языка продвигается вперед при одновременном подъеме его средней части и ретрофлексный звук, наблюдаемый в других языках банту в составе показателей 5-го класса, приобретает в эвондо d-образный характер (в [122] отмечается, что при образовании префикса в слове *dís* сначала происходит продвижение кончика языка к зубам, затем возникает r-образный звук). При произнесении полугласного *y* средняя часть языка прижимается к нёбу, кончик передней части опускается к альвеолам; подготовка к этой артикуляции вызывает превращение ретрофлексного *r* в альвеолярный dz-образный звук.

Явления этого типа отмечаются и в других языках. Например, в дуала перед основами на *i* образуется префикс *du-*, посредством которого ретрофлексный звук *r* приближается по артикуляции к гласному *i* (*dísò* 'глаз'); перед основами на *a* — префикс *l-*, который произносится наподобие имплозивного *d-* (*lambò* 'вещь'); перед основами на *o* — префикс *y* (*yongó* 'копье'); перед билабиальными, палатальными и велярными согласными — *dí-* (*díbòbè* 'паук', *díyò* 'якорь', *díkubè* 'банан'); перед дентальными согласными — \emptyset (*tòì* 'ухо'): наличие узкорастворных гласных *i*, *u* в инициали основы или назального согласного обуславливает появление эксплозивного варианта ретрофлексного звука (в виде r-образного *d*), исходы основ с гласным более широкого раствора предопределяют имплозивное образование префиксной инициали; в силу этого *r*, *l*, *d* различаются только позиционно и являются вариантами одной и той же фонемы, которая в одних языках регистрируется как ретрофлексное *r* (бубе, кее), в других — как *l* (лунду, дуала, оли), в третьих — как эксплозивное или имплозивное *d*.

Ситуация в юго-восточном регионе напоминает северо-западный. Так, перед *i*, *u* в тсвана и педи артикулируется d-образная многоударная фонема, которая воспринимается европейцами как *l*, *r* или *d*; по типу северо-западных языков она может заменяться назальной фонемой *p*; в южных диалектах суто вариантом ретрофлексного *r* является церебральный двухфокусник *gd* или имплозивное альвеолярное *d*; в диалектах Зимбабве функционируют плавный континуант *l* и многоударное дрожащее *l̥*, в центральных диалектах шона — одноударное и многоударное *r*, а в западных диалектах представлены все эти фонемы (например, в санга есть латеральный континуант, одноударный и многоударный вибрант); в зависимости от особенностей артикуляции, свойственных каждому языку, эти фонемы произносятся как различные альвеолярные, дентальные, латеральные, ретрофлексные, палатальные одноударные и многоударные моно- или бифокусники, возникновение которых является результатом приспособления органов речи к артикуляции корневой инициали. Вари-

тивность одноударных и многоударных l, r отмечается и в других зонах; например, в дамба (центральная зона) функционируют одноударный и многоударный латеральные (боковой многоударный звучит наподобие различных фонем — l, r или d в зависимости от окружения и соответствует многоударному вибранту в других языках); в ньанджа вибрант функционирует в виде латерального перед e, i; в его соседях чева и мабиха эта закономерность не проявляется (в мабиха есть только l, вибранта нет); в квангари вибрант перед i превращается в многоударный дрожащий латеральный, перед y — в одноударный и т.д., и т.п.

6. Зависимость префикса от основы проявляется в изменении не только его фонемного состава, но и в модификации супraseгментных характеристик. Так, в языках суто-тсвана, где в изолированном употреблении префиксы имеют средний тон, их тон изменяется в зависимости от тона основы; стыковка префикса и основы в одних языках идет по линии ассонанса тоном, в других — диссонанса; например, в букусу префиксы с низкой финалью присоединяются к основам с низкой же инициальной, а в ганда и к'оса — наоборот: монотонные префиксы коррелируют с глайдовыми основами, глайдовые префиксы — с основами ровного тона (ганда); низкая финаль префикса сочетается с высокой инициальной основы, высокая финаль префикса — с низкой инициальной основы (к'оса).

Особенно разнообразными являются ситуации приспособления префикса к основе в случае активизации назального резонатора. Во всех ЯБ представлено явление, которое известно как возникновение гоморганных назальных в показателях классов и которое состоит в том, что артикуляция префиксного согласного повторяет по месту образования артикуляцию инициального согласного основы, а по тембру отличается от него активизацией назального резонатора. В итоге перед основами на билабиальный согласный произносится в префиксе билабиальный назальный t, перед основами на альвеолярный — альвеолярный n, перед основами на палатальный — палатальный ny, перед основами на велярный — велярный ŋ. Спектр гоморганных не одинаков для всех языков; стандартной является ситуация с названными четырьмя назальными (суахили, куриа, конго, букусу, мбунду, ямбаса, мбене, лунду и т.д), но есть языки, где дифференцируется пять назальных (кроме стандартных, дентальный в нкоя и шона, лабиодентальный в нгуни и кукуя, билабиальный с дополнительной дентальной артикуляцией в ганда и акве, лабиовелярный в эвондо) и даже шесть (кроме стандартных, лабиодентальный и дентальный в квангари и дамба, билабиальный и альвеолярный с дополнительной фрикативной артикуляцией в мьене).

Повсеместно гоморганные назальные зарегистрированы в показателях 9-10-го классов, но есть они также в формантах 1-го (мбене, лунду, мпонгве, галва, конго, кете, луяна, ньикюса, манганджа, яо, мабиха, мве-ра, маконде, маньика, каранга, ндау, каланга, лилима, венда, тсвана, педи, паи, пулана, кутсве, тонга, чопи, ронга), 2-го (кете), 3-го (мпонгве, галва, конго, мбене, лунду, аква, сафва, ньикюса, манда, манганджа, яо, матенго, нсенга, матумби, мабиха, макуа, ломве, маконде, мвера, сена, тонга, тсва, тсонга, ронга, чопи, маньика, каранга, каланга, лилима, венда, педи, паи, пулана, кутсве), 4-го (мпонгве, галва, мбене, конго, педи, пулана, кутсве, тсва, ронга), 5-го (мпонгве, галва), 6-го (ямбаса, мпонгве, галва, педи) и 18-го (яо, мвера, мабиха, манганджа, тсва, ронга) классов.

Не менее обширны примеры изменения инициали основы под воздействием префиксов, в состав которых входят назальные. Например, в луба-касаи глухой билабиальный взрывной артикулируется только при активном положении назального резонатора, в остальных случаях вместо него произносится звонкий лабиодентальный фрикативный *f*, поэтому присоединение к основе префикса, содержащего назальный, деспирантизует и оглушает ее инициаль, если до прибавления префикса здесь был глухой билабиальный взрывной. В луба-катанга в тех же условиях происходит только спирантизация инициали, вместо глухого билабиального взрывного возникает глухой же билабиальный спирант. Балуба, живущие в Лубилаши, Ломами и Танганьике, в этих случаях произносят вместо *r* глухой велярный спирант, т.е., кроме спирантизации, наблюдается веляризация согласного в результате углубления артикуляции. В квангари вместо *r* появляется аспирированный билабиальный или фарингализованный билабиальный, который вместе с назальным фиксируется с помощью одной из композит: *m^hr*, *m^hp*, *m^hph*, что также является результатом углубления согласных и их спирантизации.

В суахили происходит аспирация основ с инициальными *p*, *t*, *k*, *ch*, относящимися к 9-10-му классам (причина этой аспирации — активизация назального резонатора — на письме не отражается, и назальные, присутствующие в других языках перед аналогичными основами, не фиксируются из-за слабой активизации назального резонатора), те же основы с неаспирированными инициальными рассматриваются как существительные 5-6-го классов. В букусу перед корнями на *f*, *s*, *x* назальные также не произносятся, основы сохраняют свою инициаль, в остальных случаях происходят изменения инициального согласного, вызывающие его озвончение, десоноризацию и назализацию, в результате чего *g* превращается в *d*; *t* → *nd*; *c* → *nuj*; *p* → *mb*; *k* → *ŋŋ* (с последующими модификациями: *nd* → *nn* → *n*; *nuj* → *nyu* → *ny*; *mb* → *mm* → *m*; *ŋŋ* → *ŋ*).

В руанда присоединение к основам префиксов, содержащих назальные, приводит к превращениям: p → mph, t → nt'l, k → nkh, r → nd, l → nd (остальные согласные не изменяются); в куриа аналогичные преобразования имеют вид: b → mb, г → nd, h → n, m → m, n → n (в заимствованиях также: s → ns); в южных диалектах суто: h → kh; l → t; f → ph; j → ntj, tj; r → th; в педи: r → nth, th; b → mp, p; f → mph, mp; g → nkg, kg; ld → nt, t; h → nkh, kh; в к'оса: p → mp; f → mf; d → nd; ty → nyty; k → qk; в зулу: ph → mp'; th → nt'; kh → nk'; ch → nc; qh → nq; xh → nx; c → ngc; q → ngq; x → ngx; f → ñf; v → mpv; s → nts'; z → ndz; ʃ → nytʃ'; hl → ntl; dl → ndl; b → mb; m → w; y → y, hy; h → h, nk'; hh → hh, ng (c, q, x, gc, gq, gx — кликсы) и т.д. и т.п. — в зависимости от особенностей артикуляции каждого конкретного языка и диалекта.

Таким образом, при связи основ с показателями, содержащими назальные, происходят процессы ассимиляции, идущие в двух направлениях — от основы к префиксу и от префикса к основе. Процессы первого типа, как отмечалось выше, являются более новыми, чем процессы второго типа. Единообразие процессов второго типа, их повсеместность и архаический характер делают назализацию явлением особенно интересным для реконструкции протосистемы. Здесь обращают на себя внимание следующие факты. В одном и том же языке и в различных языках представлены неодинаковые результаты назализации: в одних случаях наиболее подверженным назализации бывает консонантизм, во вторых — вокализм, в третьих — супрасегментные признаки фонем.

В возникающем многообразии явлений наиболее типичным оказывается формирование композит согласных или сегментированных фонем, первым элементом которых является назальный (mp, nt, пуј и т.д.; по этому пути пошли языки Конго, в которых зарегистрированы назальные варианты всех простых фонем, кроме сонорных), превращение неназального согласного в назальный (например, b→m, d→n, k→ŋ и т.д., аналогично рассмотренным выше иллюстрациям из языков восточноафриканского побережья), появление слогаобразующих назальных или отдельных слогов (инициальное слогаобразующее ŋ, передаваемое на письме посредством m' во многих диалектах конго, слогаобразующие назальные в инициалах основ существительных 4-го класса после префикса mĩ- в чева, финальные слогаобразующие в юго-восточных языках, инициальные назальные полугласные в нгом), нуннация или назальный призвук (слабо различимое инициальное n в нсенга, которое, как считается, употребляется "для благозвучия" [107:8], артикуляция инициальных назальных, которые не регистрируются на письме в начале многих слов в холохоло), изменение артикуляции согласных, помимо назализации

(спирантизация и озвончение согласных в луба-касаи; спирантизация в луба-катанга; спирантизация и веляризация в луба; аспирация и веляризация в квангари; аспирация в суахили; озвончение и десоноризация в букусу; аспирация и десоноризация в руанда; аспирация, десоноризация, сегментация, деспирантизация и оглушение в результате продвижения артикуляции вперед в суто; эйективация, деаспирация, сегментация, эксплозивация (деимпловизация), озвончение и появление дополнительной артикуляции в зулу; изменение артикуляции соседних с *m*, *n* звуков в нсенга), назализация гласных (назализация гласных перед всеми назальными компонентами в кете, назализация предкорневых гласных в ньянкоре, тотела (*omũ-*), ила (*mũ-*, *ĩ-*), чева (*mĩ-*), тенденция к назализации следующих за *m* гласных, особенно *i*, *u* в суотсвана; префиксы, состоящие из назальных гласных в нгунгвел, бали, ндзиндзиу, фа', нгом и других северных и северо-западных языках; назализация гласных *a*, *i*, *e*, *u* под влиянием назального согласного, стоящего в предыдущем слоге, в ронга, в результате чего, например, слово *nkhĩsi* 'долина' звучит как [*nkhinsi*]; назализация гласных, происходившая в XIX в. в бенгела, в силу которой, наряду с неназальными, существовали семь самостоятельных назальных гласных, которые впоследствии из языка исчезли), превращение назальных гласных в композиты, состоящие из гласных и назальных согласных, закрывающих слог (см. показатели 6-го класса *am*, *an*, *aŋ*) в ямба; появление в локативах особого финального слога, заканчивающегося на назальный согласный в юго-восточных языках), и т.д. Столь же разнообразной может быть локализованность назализации: назализация инициали слова в одном языке может соответствовать назализации финали его эквивалента в другом, инициали и финали в третьем, центральной части в четвертом, всего слова целиком в пятом и т.д.

Сравнение данных о распределенности гласных и согласных назальных фонем относительно отдельных частей одного и того же слова в различных языках показывает, что все перечисленные выше, на первый взгляд, разнородные факты являются рефлексамии одного и того же феномена — существовавшей некогда активизации назального резонатора при артикуляции корней, впоследствии разившихся в существительные. Активизация резонатора происходила до филиации праязыка на диалекты, поэтому все языки сохранили реликты описываемых явлений. Возникновение внутри протоэтнуса различных родо-племенных образований (в процессе разрастания исходного этноса) и их постепенное разобщение привели к появлению особенностей артикуляции, свойственных каждому речевому коллективу и отличающих его от соседей.

7. В частности, такая дифференциация праязыка на диалекты осуществлялась, благодаря различному использованию назального резонатора. При активизации назального резонатора можно зафиксировать множество состояний, незначительно отличающихся друг от друга по положению артикуляционных органов, но приводящих к неодинаковым результатам речевой деятельности. Так, увеличивая или уменьшая силу и время активизации назального резонатора, а также изменяя моменты включения резонатора относительно цепочек силлабем, можно создать множество языковых форм, о которых шла речь выше. Например, считая образование самостоятельной назальной фонемы результатом наиболее мощной активизации назального резонатора, появление назальной "части" сегментированной фонемы можно рассматривать как ослабление мощности резонатора; отсутствие назализации в слове при наличии других изменений, вызываемых назальным резонатором, — как еще более слабую фазу назализации, и т.д.

Аналогично: охват назализацией всех слогов свидетельствует о наибольшей длительности активизации резонатора, сокращение количества назализованных слогов — об угасании процесса. В качестве иллюстраций можно привести следующие серии слов с одним и тем же значением из различных диалектов нано: n'kasi — mukaye — ukāŋi — ukāi — ukai 'замужняя женщина, жена'; -nyanra — -nyā: ra — -nyala — -ʃala — -ala 'ноготь'; enyuno — enyūŋ — enyulu — enyōru — enhulu — eúhuro — disul 'нос'; sonyi — sonhe — ossoin — osōyi — osohi 'стыд'; kuana — kwana — kũā:rā — kwāla 'четыре'; enyánya — eyāyā 'скорпион'; mame — māyi — mǎe — maĩ — mai — mae 'мать'; -niĩhĩ — -nyihĩ — -nhĩ — -nhique 'пчела'; inanu — imamu — manu — nantu — manta 'дядя'; -kumi — -kuin — -kunyi — -kuinhle — -kwĩ 'десять'; ngolo — ngonio 'колени'; onusi — nunci 'антилопа'; mundjila — ongyila — mongira — ondyilla — njila — onjila — onghira — ondjila 'дорога'.

Наиболее сильно назализация происходила в диалектах нано XIX в. бенгера и бенгела: действие назального резонатора охватывало не только отдельные слоги, но и все слово в целом; в остальных диалектах назализовалась, как правило, ударная и заударная часть слова; в современном мбунду² назализуется преимущественно ударный или заударный гласный (ср. enyūŋ) в бенгера — enyulu, enhulu в совр. нано; ɔnyūāgā в бенгера — ólonyanra в хаМбундо — olonyále в нано и т.п.). Общей закономерностью является затухание заударной и предударной назализации, сосредоточение ее на одном (последнем или предпоследнем) слоге и превращение из фонологического фактора в супrasegmentный, — ср. примеры, в которых назализация материализована посредством назальных

согласных (kuáná), со словами, где она выступает в роли назальной окраски гласных (kwāla).

Как показывают приведенные иллюстрации, сила назализации, момент и длительность "включения-выключения" резонатора, наличие или отсутствие преград, образуемых органами речи, и специфика этих преград, если они возникают во время назализации, смысловозначительного значения в мбунду₂ не имели и не имеют. Эти факторы обуславливаются спецификой артикуляции, свойственной каждому диалекту, определяются индивидуальными особенностями говорящих и их коллективов, проявляются в виде изменений просодических элементов (и на их основе — фонологических), аналогичных фонетическим, позиционным и историческим чередованиям звуков. Изменения, подобные грамматическим чередованиям, данными факторами, не вызываются; эти изменения обуславливаются явлениями иного порядка: не типом назализации, но ее наличием или отсутствием. Другими словами, оппозиция активного и пассивного состояния назального резонатора может иметь смысловозначительное значение и вызывать грамматическое чередование просодем, а противопоставление различных фаз и типов активного состояния резонатора нет (объясняется фонетически, позиционно или исторически).

Анализ минимальных пар в архаических диалектах мбунду₂, члены которых различаются наличием или отсутствием назализации в префиксе, показывает, что присоединение к корню назальной силлабемы, развившейся в префикс, является средством словообразования и что слово, снабженное назальной проклитикой, обозначает различные "неотчуждаемые принадлежности" реалий, регистрируемых посредством слов без назальных проклитик (болезнь: ombumbi 'мошоночная грыжа' — bumbi 'человек с мошоночной грыжей'; процесс выявления свойств реалии:

ombulungu 'пытка ядом' — bulongo 'доза яда'; пространственную форму, существенный признак: mukwallo 'кинжал, меч' — ukwalla 'остролист', букв.: "растение с листьями-кинжалами"; mukongo 'пикообразная рыба' — ohunga 'угорь', т.е. рыба, в качестве существенного признака которой при номинации был выбран фактор ее принадлежности к классу пикообразных рыб, и т.п.).

С помощью назализации говорящий как бы фиксирует две связи: одновременности и партитивности (с пространственно-временной точки зрения, неотчуждаемая принадлежность — то, что неотделимо от времени существования реалии и составляет ее часть в пространстве). Тем самым один предмет как бы закрепляется во времени и пространстве второго, уже известного говорящему и выделенного из окружающих реалий ранее. Назализуя номинат, говорящий осуществляет локализацию

его денотата во времени и пространстве уже известного ему денотата. Назализация выступает как средство конкретизации одной реалии соотносением ее с другой реалией: сначала путем регистрации новой реалии в качестве объекта обладания прежней, а затем, с развитием пространственных и темпоральных представлений, — посредством локализации её во времени и пространстве уже познанной реалии.

Этот процесс передачи каждой новой реалии в чье-то "обладание", введение нового в сферу "уже познанного" лежит у истоков субстантивации; маркером процесса выступает назализация как обширный комплекс операций, вызывающих изменение формы исходного слова путем активизации назального резонатора. Первоначально активизация резонатора была не дифференцированной по времени, силе и соотносимости с частями слова, практически все слово попадало в "поток назализации" и выходило из него с различными "метками" на всех слогах. Поскольку большинство современных многосложных слов является композитами древних моносиллабем [40:301], результатом их редупликации или более поздними образованиями, противопоставление назальной и неназальной частей в случае композит из древних моносиллабем служит свидетельством некогда возникшего морфемного шва: часть слова со следами назализации соотносится с древним существительным, а часть слова без следов назализации — либо с более новыми напластованиями, либо с другой частью речи (не существительным, а глаголом или служебным словом).

То, что назализация является средством превращения основы слова в существительное (корня, силлабемы в самостоятельное слово), сигналом о том, что денотат наделен границами в окружающем его пространстве и принадлежит другому денотату, а номинат обладает теми же свойствами во внутреннем (языковом) времени-пространстве, подтверждается материалами всех ЯБ. Например, в структуре преимущественного большинства существительных отмечаются назальные гласные или согласные, как и различные модификации вследствие активизации назального резонатора при артикуляции основ. Хотя обычно вопрос о назализации основ существительных рассматривается применительно к показателям 1-го, 3, 4, 6, 9, 10 и 18-го классов, т.е. к показателям, содержащим назальные, более внимательный анализ подтверждает, что многие префиксы 5-го, 7-го и 11-го классов, на деле, являются пре-префиксами, которые наслоились на назальные префиксы, или прилепы, возникшие в результате назализации инициалей основ. Во многих языках есть большой пласт лексем, при образовании пар единственного и множественного числа которых отмечаются различные нерегулярности (ср. пары ед. и мн. числа существительных 5-го кл. в южных диалектах суто

и педи, где присоединение префикса мн. числа *di-* приводит к преобразованиям основы, свидетельствующим, что некогда здесь была инициаль, подвергавшаяся назализации: *leləkwa* 'охапка сена', ед. ч., — *dithəkwa*, мн. ч., в суто; аналогично обстоит дело в парах ед. и мн. числа для существительных 11-го кл.: *loxorə* 'ребро' — *dixhorə* 'рёбра' в тсвана, *lerole* 'пыль', ед. ч., — *dithole*, мн. ч., в педи, а в отдельных случаях — для слов остальных классов: 7-го *sefuβeḑu* 'паук' — *ḑikhujieḑu* 'пауки' в тсвана и других языках, 12-го, 14-го и т.п.).

В ряде случаев оказывается, что даже показатели 1-го, 2, 3, 4, 6-го, не говоря о формантах 9-10-го и 18-го классов, являются не префиксами, а пре-префиксами, т.е. формантами, возникшими перед основой существительных после того, как их инициали были назализованы и "обросли" назальными. В частности, об этом свидетельствует серия слов со значением 'человек': *monhu* в джонга — *mhunū* в ронга, *moɦu* в хланангу, *unɦu* в рожи и намбзья, *n:ù*, *ṅnù* в каланга² (со слогаобразующим назальным в инициали), *ṅdhù* в талахундра, *ṅthù* в лилима, *umuntu* в зулу и т.п. Из этих параллелей видно, что зулусский эквивалент, который при синхронном анализе расчленяется на префикс *umu-* и основу *-ntu* (см. с. 257), при диахроническом подходе должен анализироваться как более сложное образование: исходная основа (моносиллабема) *-thu* плюс инициальное *n*, возникшее вследствие назализации основы и превратившее аспирированный альвеолярный *th* в сегментированный согласный *nt* с первым назальным компонентом, и наконец, плюс префикс (или префикс *-mu-* и аугмент *u-*).

До того, как реконструировать протоформы существительных и проводить сравнение слов из различных языков, особенно за пределами семьи банту, необходимо сначала установить, являются они монолитами или возникли как композиты из более простых элементов. В противном случае мы сравниваем несоизмеримые вещи: первое слово берем из одного языкового пласта, второе — из другого без учета тех преобразований, которые происходили при переходе от одной эпохи к другой. Например, говоря о периоде, предшествовавшем дивергенции юго-восточных языков, и реконструируя праформу со значением 'человек', мы должны исходить не из соотношений между реликтами этой формы, развившимися после назализации как процесса, охватившего протосиллабемы, которым говорящие начали придавать статус протосуществительных, а из соотношений, которые можно восстановить на основе современных "посленазализационных" форм путем соотнесения их с "доназализационным" периодом. Обычно это требование не соблюдается, поэтому компаративные серии в проводящихся реконструкциях создаются из слов раз-

ного возраста (хотя и внешне похожих), а не из слов одного возраста (последние могут быть не только похожи, но и существенно различаться).

Исследование проблем, связанных с активизацией назального резонатора, показывает, что в истории ЯБ есть два типа назальных, которые противопоставлены друг другу по функциям и особенностям артикуляции, позволяющим возводить их к двум различным образованиям. Одни назальные согласные могут обладать собственным тоном, изменять качество (тембр) и количество (долготу) соседнего согласного, быть слогообразующими и эквивалентами гласных, вторые этих признаков не имеют и по функциям не отличаются от остальных согласных. Эта оппозиция представлена с большей или меньшей силой во всех языках, ее истоки относятся к протосистеме. Назальные первого типа зарегистрированы в префиксах и инициалах основ (или на древних швах), не отделимы от назального тона, имплозии и супрасегментных процессов. Назальные второго типа встречаются в корнях (предударном слого, под ударением, в сопровождении долгих и интенсивных гласных). Назальные первого типа появляются сериями или цепями, имеют представителей в различных частях слова, могут пронизывать его как трансфикс или окаймлять как циркумфикс, т.е. имеют рассеянную по всем слогам локализацию и передают свое влияние на расстоянии. Назальные второго типа локализованы в каком-либо одном слого и воздействия на соседние слоги не оказывают. Назальные первого типа в различных языках имеют корреляты всевозможных структур — в виде согласных, гласных, полугласных, просодем или слогов; их артикуляцию характеризует нефиксированность места образования, поэтому их представители формируются в наборы гоморганных звуков. Назальные второго типа имеют более четкий фонетический облик и стандартную артикуляцию.

Это свидетельствует, что одни назальные не имеют стабильных фонетических признаков и являются результатом материализации назальных просодем, вторые развились из фонем. Однотипность во всех языках банту артикуляции и фонетического облика назальных, имеющих фонемное происхождение, указывает на то, что они восходят к праязыку и существовали в нем до филиации протосистемы. Наоборот отсутствие стабильных фонетических признаков, общих для всех языков, региональная вариабельность артикуляции, свойственная назальным, происшедшим из "сгустков" назального тона, говорит, что их возникновение относится к этапу после филиации протосистемы и выделения из нее диалектов, давших начало региональным образованиям, каждое из которых характеризуется специфическим набором присущих ему способов произнесения звуков (в том числе, превращением просодем в назальные фонемы первого типа).

По этому параметру (ср. с. 264) префиксы именных классов, содержащие назальные, распределяются на две группы: 1) показатели 9-10-го классов, которые обладают характеристиками назальных первого типа и, значит, восходят к тонемам (назальному обертону); 2) показатели 1-го, 3, 4, 5, 6 и 18-го классов, которые в большинстве случаев произошли из служебных или полнозначных силлабем (в отдельных случаях здесь представлены существительные, которые имеют префиксы, развившиеся из назальных тоном, на них указывают ряды гоморганных, которые зарегистрированы в кете, мабиха и других языках, перечисленных на с. 282).

Например, в ямба префиксы 1-го и 3-го классов имеют низкий тон (подобно служебным словам), префиксы 9-10-го классов — высокий, это тембровое противостояние еще сильнее подчеркивает их различный генезис. В мпонгве назальные первого типа образуют в префиксах ряды гоморганных вследствие регрессивной ассимиляции префикса основе; назальные второго типа, наоборот, вызывают прогрессивную ассимиляцию, при которой префикс подчиняет основу (об архаическом характере этой зависимости см. с. 278). Так, после префикса 6-го класса *-ma-* инициальный согласный основы теряет спираантность и веларность, а также оглушается вследствие продвижения вперед артикуляции инициали основы и сближения ее с артикуляцией билабиального согласного в префиксе (*i-βaβa* 'крыло' — *am-βaβa* 'крылья'); если в инициали основы стоит лабиовеларный полугласный, он превращается в билабиальный согласный, гоморганный префиксному *m*: *i-wéŋi* 'грудь' — *am-béŋi* 'грудь', мн.ч.

О различной природе назальных во всех языках группы мьене, к которым относится мпонгве, говорит также то, что в показателях 4-го, 5-го и 6-го классов, содержащих реликты древних назальных фонем, наблюдаются назальные фрикативные, восходящие к архаическим многофокус-никам; наоборот, в показателях 9-10-го классов функционируют только простые назальные (без дополнительной фрикативной артикуляции), т.е. фонемы, возникшие из просодем на том этапе, когда полифокальная артикуляция, происходившая в древности, уступила место более новой — монофокальной; многофокусность произношения заменилась политонией и богатством обертонов (о распаде многофокусников и возникновении на их основе различных монофонем, образующих ряды соответствий в различных языках, говорят данные всех регионов и, в первую очередь, корреляты из юго-восточных языков, в которых представлены рефлексы лабиовеларных ретрофлексных звуков, развившихся во всевозможные латеральные, вибранты, дентальные и альвеолярные, примеры которых приводились выше). Подтверждается языковыми фактами и всеобщность тенденции перехода от многофокусной артикуляции к многотембровой;

наиболее яркими представителями последней явились назальный тон и назальные тонемы, возникшие вследствие активизации назального резонатора.

Таким образом, в составе показателей классов выделяются префиксы, восходящие к тонемам (форманты 9-10-го классов с гоморганными назальными), служебным словам (форманты локативных и оценочных классов), долгое время остававшимся таковыми, и силлабемам, некогда функционировавшим как суверенные служебные и знаменательные единицы языка, а потом превратившимся в препозиты существительных и, наконец, префиксы (форманты остальных классов). Наиболее древним и самым близким к корню является слой материализованных тонем, затем следуют препозиты, ставшие префиксами, наиболее удалены от корня элементы, которые были последними втянуты в структуру современного существительного — пре-префиксы и аугменты. Пространственная структура слова служит отражением хронологической упорядоченности этапов ее формирования вокруг корня, выступающего в роли центра, ядра, организатора структуры.

8. Наличие назальных, являющихся реликтами тонем в инициалах корней существительных, отмечается во всех ЯБ, особенно широко они представлены в показателях 9-10-го классов. Всеобщность этого явления свидетельствует, что оно относится к протосистеме. До филиации протосистемы начали функционировать в качестве препозит перед назализованными силлабемами, которые были противопоставлены неназализованным, моносиллабемы со служебным (к этому времени) значением, развившиеся впоследствии в показатели классов, представленные во всех регионах языков и имеющие одинаковую форму (с точностью до алломорфизма), т.е. показатели десяти предметных классов, отмечаемые в языках, где функционируют согласовательные системы: 1-8-го, 11-го и 14-го классов. Различия в процессах, происходящих на морфемном шве, свидетельствуют, что превращение препозит в префиксы произошло позднее (после распада праязыка на диалекты).

Префиксы остальных предметных классов проявляют меньшую однородность функционирования, ими характеризуются не все языки и регионы, поэтому они могут служить диагностическим признаком, помогающим выявить этапы процесса филиации протосистемы. Например, исследование материалов по способам образования и употребления показателей 12-го класса дает возможность разбить языки банту на два региона: прибрежные и континентальные. Прибрежные, к которым относятся языки атлантического побережья (зоны А, В у Гасри),

Африканского Рога (зоны F, G и примыкающие к ним регионы языков C, D, E, M) и южноафриканского побережья Индийского океана (зона S),* характеризуются *отсутствием* *tu*-класса; континентальные, в число которых входят языки центральной части бантуского ареала K, L, M с распространением во все стороны от центра — на запад (H), северо-запад (часть языков зоны C), север (часть языков зон D и E), восток (N, P), юго-восток (часть диалектов шона зоны S) и юго-запад (R), отличает *наличие* *tu*-класса. Это позволяет предположить, что зарождение 12-го *tu*-класса относится к эпохе, наступившей после распада протоси-стемы на две части (прибрежную и континентальную). Это же разбиение можно получить, исходя из анализа функционирования показателей оценочных классов (в частности, 13-го).

9. Говоря о динамике формирования системы классов, которая представлена в современных языках, можно выделить следующие этапы:

1) возникновение группы силлабем, у которых стала назализоваться инициаль; 2) превращение назальной тонемы в фонему, служившую "меткой" формирующегося класса силлабем, противопоставленного остальным силлабемам, не имеющим данной "метки"; 3) снабжение силлабем данного класса препозитами, с помощью которых передавались их функции в предложении и конкретизировались оттенки значения, регистрируемого посредством назализации; 4) превращение части препозит в префиксы тех силлабем, с которыми они регулярно употреблялись; 5) формирование внутри класса назализуемых силлабем нескольких подклассов, члены которых характеризовались постоянными связями с одними и теми же для них препозитами; 6) развитие этих подклассов в современные системы предметных классов; 7) свободное функционирование части препозит (без избирательности по отношению к каким-либо силлабемам) и их развитие в предлоги и служебные слова; 8) превращение последних в показатели оценочных и локативных классов; 9) "втягивание" в системы классов, существующие как предметные в современных языках, оце-

* Большая часть зон Гасри оказывается однородной с точки зрения данного параметра, однако в ряде случаев возникают несоответствия, свидетельствующие о различиях в генезисе отдельных представителей зон. Например, большинство языков зон A, B не имеют *tu*-класса, но в тсого его следы зарегистрированы в виде префикса *-tɔ*; особенно однородными в этом отношении и сходными с юго-восточными языками группы нгуни являются языки мьене, а с диалектами тсва — северо-западные языки, обладающие *tí*-классом; среди языков зоны S выделяются два пласта — генетически прибрежные (они распадаются на две подгруппы: с *tí*-классом и без него) и генетически "континентальные" (шона). Чисто прибрежными являются зоны F, G, континентальными — K, L, N, P, R, смешанными — C, D, E, H, M.

ночных и локативных формантов и образование, по аналогии с предметными, оценочных и локативных классов; 10) унифицирование подсистем и формирование единой системы классов в каждом языке. Этапы 1-3-й, 5-й и 7-й соотносятся с праязыковым состоянием, остальные характеризуют языки, возникшие после распада праязыка.

Реконструкции Майнхофа и Гасри, с этой точки зрения, являются и правильными, и неправильными одновременно: если говорить о том, из каких силлабем развились современные показатели классов, оба исследователя правы,* если ставить вопрос о том, чем были эти силлабемы в праязыке — показателями классов, просодемами, служебными или полнозначными словами, — оба исследователя не правы, ибо показатели 9-10-го классов не существовали как морфемы в то время, когда показатели остальных классов уже функционировали в виде самостоятельных моносиллабем; кроме того, на том этапе, когда начала формироваться система слов, ставших затем представителями различных именных классов, препозиты, из которых впоследствии произошли показатели классов, еще не противопоставлялись по значениям, которые "развели" их по различным классам, поэтому существовали не три различные силлабемы *mi*, ставшие родоначальниками соответственно показателей 1-го, 3-го и 18-го классов, а одна силлабема с синкретичным значением, которое развилось в современное и "обросло" оттенками, приводившими к образованию трех самостоятельных языковых единиц.

Учитывая данные различных языков о том, что дифференциация согласных по звонкости-глухости является более поздним явлением и восходит не к праязыковому состоянию, можно отметить, что показатели 2-го и 16-го классов, возводимые Майнхофом и Гасри к силлабемам с лабиальным согласным (лабиодентальному и билабиальному у Майнхофа и билабиальным у Гасри), в праязыке должны были иметь один и тот же коррелят (с билабиальным компонентом артикуляции, как обязательным, и дентальным, велярным, лабиодентальным или лабиовелярным, как факультативным). Аналогично обстоит дело с показателями 8-го и 19-го классов, по-видимому, соотносимыми с одной и той же протосиллабемой. Так же можно объяснить наличие одинаковых префиксов в качестве

* Оба исследователя отметили моносиллабемный характер исходных единиц (кроме композиты 10-го кл. у Майнхофа, имевшей более позднее образование), противопоставленность растворных различий гласных и характер основного артикуляционного компонента, определяющего консонантную часть. Расхождения связаны с фиксацией факультативной или дополнительной артикуляции, а также с номенклатурой классов.

показателей 15-го, 17-го и 20-го, 7-го и 21-го, 13-го (ака-) и 22-го (ага-) классов.

Для определения облика остальных первообразных силлабем следует отметить еще два фактора: 1) описанную выше взаимозаменяемость латеральных и альвеолярных, обусловливаемую особенностями артикуляции слога в целом, которая объясняет возведение формантов 5-го, 10-го (пре-префикса в протоформе Майнхофа) и 12-го классов в тех языках, где они имеют *tj*-формы, к одной и той же **ɬj*-силлабеме с многоударным ретрофлексным консонантом, превратившимся в латеральный, виб-рант или одноударный звук с артикуляцией в "средней части" ротовой полости (аналогично обстоит дело с формантами 11-го и 12-го, по классификации Майнхофа, классов); 2) зафиксированные в различных языках следы моносиллабемы *1a*- со служебным значением, превратившейся в локативный формант в некоторых из северо-западных языков.

В итоге формируется система моносиллабем, которую условно можно зафиксировать с помощью форм: **tu* (протосиллабема, из которой образовались показатели 1-го, 3-го и 18-го классов), **wa* (с многофокусным полугласным, компонентами которого, как показывают рефлексy в современных языках, были звуки, возникавшие вследствие лабиовелярной артикуляции, на базе которой сформировалось представленное в языках банту многообразие префиксов 2-го и 16-го классов), **mj* (прообраз показателя 4-го класса), **ta* (полнозначная силлабема, на основе которой возник префикс 6-го кл.), **ɬj* (ретрофлексный многофокусник, развившийся в форманты 5-го, а в некоторых языках также 10-го и 12-го классов), **kj* (см. 7-й и 21-й кл.), **wj* (8-й и 19-й), **ɬu* (11-й и 12-й *tu*-класс), **ka* (13-й и 22-й в ганда), **wu* (14-й), **ku* (15-й, 17-й и 20-й в ганда), **ɬa* (20-й, по нумерации Джонстона [93]).

Система является симметричной по отношению к способам артикуляции слога в целом: с одной стороны, выявляется противопоставление гласных по степени раствора (гласный *a* в противовес *ɬ*, и) и по степени продвинутой артикуляции (оппозиция узкорастворного гласного переднего ряда *ɬ* гласному заднего ряда и); с другой стороны, эксплицируются признаки, по которым формируется система согласных и дифференцируются артикуляционные движения при их произнесении (назально-губные согласные и неназальные, делящиеся на "задние" однофокусники — велярные смычные согласные; "более передние" многофокусники — ретрофлексные латеральные согласные; "задне-передние" многофокусники — лабиовелярные полугласные). Она может быть представлена таблицей 8.

Таблица 8

*mu	—	*ma	—	*mi
*ōu	—	*ōa	—	*ōi
* u	—	* a	—	* i
*ku	—	*ka	—	*ki

Такие 12 протосиллабем могли быть использованы в качестве "строительного материала" при формировании префиксов именных классов, которые присоединялись к силлабемам, ставшим играть роль существительных (ср. с реконструкциями Майнхофа и Гасри).

10. Как отмечалось выше, во многих случаях показателем субстантивности стала назализация инициалей протосиллабем, приобретающих статус существительных. Однако назализация была не единственным средством. Во всех ЯБ, кроме охарактеризованных выше именных классов, выделяются еще два — так называемые 1"а" и 2"а". К ним относятся существительные, большую часть которых составляют термины родства. Единообразие оформления этих существительных, их значения и функционирования во всех языках и регионах показывает, что они принадлежат к наиболее древнему пласту.

Эти существительные, как правило, употребляются в двух формах: общей и вокативной. Вокативная форма в единственном числе представляет собой "чистую" основу (корень, лексему), общая отличается от вокативной в большинстве случаев наличием префикса или просодического признака, лабиализующих инициаль основы (например, в зулу: баба 'отец!' — ибаба 'мой отец'). Аналогичным образом (путем отсечения предынициали корня) могут образовываться вокативные формы и от существительных не только 1"а"—2"а"-классов, однако они, как правило, не употребляются и относятся к потенциально возможным, но не реализуемым языковым единицам (в отличие от существительных 1"а"—2"а"-классов). Направленность деривации общей и вокативной формы у существительных 1"а"—2"а" и всех остальных классов является прямо противоположной: у первых от вокативной образуется общая форма, у вторых — от общей вокативная. Вторичность вокативной формы у существительных не 1"а"—2"а"-классов подтверждается тем, что у них при отсечении предынициали сохраняется назальный компонент в предынициали, возникший на шве между корнем и именным префиксом из про-содемы (вследствие того, что вокативная форма появилась после того, как стала употребляться общая с назализованной инициалью; ср. в зулу: mkosì 'вождь', 9-й кл., — nkosì 'вождь!').

Употребление вокативов показывает, что исходной была оппозиция назального и лабиального обертонов (вследствие активизации носа или губ)

при формировании двух различных групп силлабем: слова со значением "термины родства" противопоставлялись остальным прото-существительным как силлабемы, при произнесении которых активизировались губы, силлабемам, артикуляция которых начиналась с "включения" назального резонатора. Первые функционировали в двух формах — общей и вокативной (вокативная была более древней, т.к. в ней не содержится никакой отделяемый от нее показатель функции; в общей такой показатель в виде лабиализующего инициаль компонента есть), вторые — только в общей. Круг первых существительных сужался, лабиализация инициалей отступила на периферию, вторых существительных становилось все больше, дифференцирующее их грамматическое средство (назализация) превращалось в главный способ выделения существительных из остальных силлабем.

Возвращаясь к динамике формирования системы классов (с. 292), можно отметить, что в предыстории к зафиксированным процессам находились этапы дифференциации всех силлабем на два класса: с обертоном (назальным или лабиальным) в инициалах и без него, превратившиеся в существительные и глаголы, с последующим ветвлением этой системы на подклассы (внутри силлабем первого типа выделились силлабемы с лабиальным обертоном, на базе которых впоследствии сформировались корни с лабиализованными инициалами, и силлабемы с назальным обертоном, давшие начало представителям остальных существительных, в структуре которых сохранились признаки реликтового назального тона). Дальнейшее развитие характеризовалось этапами, описанными на с. 292.

Указанная эволюция означающих происходила не сама по себе, а в тесной связи с эволюцией означаемых. В [40] показано, что в истории ЯБ выделяются три периода: 1) партитивно-посессивный строй; 2) пространственный; 3) темпоральный (в настоящее время развивается темпорально-модальный способ отражения действительности). Предыстория образования систем согласовательных классов относится к первому периоду. Категории, из которых развились способы познания мира, отраженные в современных системах классов, восходят к партитивно-посессивным. Так, уже из характеристики классов в зулу, приведенной на с. 257, видно, что пространственно-темпоральные значения, определяющие иерархизацию классов в современном зулу, возникли на основе детализации и конкретизации пространственно-посессивных и пространственно-партитивных значений, которые, в свою очередь, явились естественным продолжением партитивно-посессивных.

Например, можно отметить, что все существительные в зулу отражают деление силлабем на те, которые являются обозначением посессоров, и те, которые служат для номинации целого и его частей. Посессоры распределяются на два типа: владеющие отчуждаемыми (часто "себе подобными") принадлежностями и неотчуждаемыми, а "части" классифицируются в зависимости от того, каким способом они отделяются от целого. В итоге дифференцируются следующие классы реалий, обозначаемые посредством особых типов силлабем: люди (как посессоры, владеющие самостоятельно существующими в пространстве реалиями — людьми, животными, вещами, и как посессоры, обладающие неотъемлемыми принадлежностями — частями тела, душой, признаками, свойствами); животные (посессоры только неотчуждаемых принадлежностей); растения (посессоры отчуждаемых принадлежностей — листьев, плодов, цветов); вещи (не-посессоры); части целого, имеющие фиксированную локализацию в пространстве (такие, как рука, нога, любые части тела и предметов); части целого, локализация которых, по мнению первобытного человека, соотносится не с реальным пространством, а с "потусторонним" или ирреальным миром (это — душа, различные духовные сущности, которые нельзя локализовать среди реалий, окружающих говорящего, а также признаки, характеристики, качества и свойства); "целые", изъятие "частей" из которых уничтожает их и превращает в качественно иные объекты (всевозможные физические тела); "целые", которые не изменяются при отнятии от них "частей" (солнце и различные явления природы, эманация которых в окружающее пространство не изменяет их признаков, ощущаемых говорящим).

Это деление, восходящее к категориям партитивно-посессивного строя, составляет подтекст современных категорий, представленных в системах именных классов. В частности, в зулу эти значения коррелируют следующим образом: значение 1-2-го классов соотносится с представлением о посессорах, имеющих двуединую сущность, свойственную людям. Существительные 3-4-го кл. восходят к силлабемам, описывающим реалии в виде посессоров, обладающих отчуждаемыми принадлежностями, подобно растениям. Лексика 5-6-го кл. сформировалась на базе слов, обозначающих целые, "безразличные" к операции отчуждения частей, т.е. могущие излучать запах, свет, тепло, звуки, смысл, значение, всевозможные признаки и качества без какого-либо для себя ущерба. К 7-8-му кл. относятся названия реалий, которые не являются обладателями других реалий и не состоят из отдельных частей (не имеют ничего "постороннего" внутри). Наиболее представительными среди существительных 9-го класса являются названия животных. В 14-м кл. собраны

"части" — названия качеств, признаков, свойств, принадлежащих каким-то посессорам и вне их не имеющих собственной пространственной локализации. К 15-му кл. принадлежат, наоборот, названия таких частей, которые имеют собственную пространственную локализацию (см. в различных языках названия частей тела, входящие в этот класс, а также названия действий, регистрируемых в виде сущностей, обладающих пространственной протяженностью). Не менее очевидным оказывается и партитивно-посессивный подтекст 11-го кл., в котором собраны названия различных частей и неотъемлемых характеристик пространства (физических тел и локаций).

Наложение на эти значения пространственно-темпоральных и модальных категорий, возникших впоследствии, создает характеристики, с помощью которых специфицируется значение каждого класса в современном зулу и формируется категориальный статус его грамматической системы (см. с. 256). У истоков этого процесса, как было показано выше, находится вербальная деятельность по посессивно-партитивному ориентированию каждой номинируемой реалии в отношении говорящего. В качестве означающего одной из исходных операций этой деятельности, в соответствии с экспонируемыми выше материалами, выступает "обертонирование" (в противовес основному тону) тех силлабем, которым придается партитивно-посессивная определенность (быть названиями реалий, обладателем которых стал говорящий). Дальнейшая дифференциация означающих идет по пути противопоставления обертонов друг другу по месту образования (губы — нос), а означаемых — по линии "не-посессоры" (термины родства и названия всевозможных частей целого) и посессоры (остальные протосуществительные). Этот этап развития языкового мышления и формирования грамматических категорий является общим для всех языков банту и может рассматриваться как одна из характеристик праязыка. Следующие этапы соотносятся с распадом протосистемы и зарождением в недрах партитивно-посессивного способа отражения действительности пространственного, а затем темпорального и модального (более подробно см. [40]).

11. Итоги реконструкции протоформ в соотношении с современными префиксами языка зулу представлены в таблице 9. В ней зафиксированы прото-силлабемы и прото-просодемы, из которых возникли префиксы именных классов. Прото-просодемы разбиты на два типа: тембровые и регистровые. Просодемы выделены в результате фиксации бинарной (активизация назального резонатора — ее отсутствие) и тернарной (и-напряженность губ — их пассивное положения (а) — i-напряженность) резонаторных оппозиций. Бинарная оппозиция результировалась возник-

новением тембровых противопоставлений (наличие назального обертона — его отсутствие), тернарная привела к формированию регистровой спецификации речи (переход от *u*- или *i*-напряженности губ и узкого раствора голосовой щели к пассивному положению губ и широкому раствору щели создает замеченный во многих языках банту эффект образования нисходящего тона, а противоположная направленность артикуляции — восходящего тона, поэтому лабиальное резонирование можно рассматривать, с одной стороны, как источник возникновения последующей регистровой политонии языков банту и, с другой, как средство формирования фонем из *u*-образной окраски инициали вследствие "вертикального" растяжения напряженных губ, *i*-образной — из-за "горизонтального" и *a*-образной — при отсутствии напряжения).

В таблице 9 прото-фонемы обозначены строчными буквами, прото-силлабемы — заглавными. С помощью буквы *m* фиксируется "передний" (билабиальный) назальный звук, *ɲ* — "средний" ретрофлексный, *k* — "задний" (велярный, увулярный или глоттальный, недифференцированный по глухости-звонкости), *ɔ̃* — "задне-передний" (лабиовелярный). Гласные противопоставлены по трем степеням: раствора (*a-u-i*), напряженности (*u-i-a*) и ряду (*i-a-u*). Качество гласных зафиксировано на основании анализа рефлексов, представленных в современных языках и диалектах банту [38, 40]. Показатели классов, которых в зулу нет и форманты которых функционируют в качестве предлогов или префиксов наречий, указаны в скобках. Около общебантуских классов, отсутствующих в зулу, стоит прочерк. Множественное число существительных 7-го класса образуется в зулу, как и во многих других языках банту, с помощью префикса, соотносящегося не с общебантуским показателем 8-го кл. (*βi у Майнхофа, *ɔ̃ i в данной работе), а с формантом 5-го кл. (*li у Майнхофа, *li в работе). Показатель 2"а" кл. в зулу функционирует в качестве пре-префикса, который присоединяется слева к показателю 1"а" кл. *u*- и результируется звуком *o* (см. *a+убаба* → *обаба* 'наши отцы'), остальные префиксы связываются непосредственно с основой.

Таблица 9

Классы по общепантуской номенклатуре Майнхофа	Наиболее частотные префиксы в зулу	Единицы праязыка, из которых они развились		
		Служебные и знаменательные моносиллабемы	Просодемы	
			регистровые	тембровые
1	umu-	*mu		
1“a”	u	-	U-окраска инициали	
2	аба	*ǃa		
2“a”	a-	-	A-окраска инициали	
3	umu-	*mu		
4	imi-	*mj		
5	i(li)-	*j		
6	ama-	*ma		
7	isi-	*kj		
8	(izi-)	*ǃj(* j)		
9	i. -	-	-окраска инициали	. -окраска инициали
10	izi. -	* j	-окраска инициали	. -окраска инициали
11	ulu-	* u		
12	-	* u		
13	(ka-)	*ka		
14	ubu-	*ǃu		
15	uku-	*ku		
16	(pha-)	*ǃa		
17	(ku-)	*ku		
18	(mu-)	*mu		
19	-	*ǃj		
20	-	*ku		
21	-	*kj		

§ 2. Означаемые грамматических категорий в их отношении к категории класса

1. В [40] показано, что развитие категорий числа и диминутивности-аугментативности на базе оппозиций партитивно-посессивного строя происходило следующим образом. При соединении нескольких реалий друг с другом в зависимости от особенностей каждой реалии возникают различные типы композит:

А. если исходные реалии рассматриваются говорящим как части какого-то целого, вступающие в непосредственный контакт друг с другом, и образуемая при этом связь воспринимается как неотчуждаемая (органическая) принадлежность целого, создаются структуры, на базе которых в языке формируется понятие о *собирательном множественном числе*. Внутри этой категории появляется противоречие: дискретное распределение частей в пространстве — континуумное; на его основе происходит противопоставление коллективного множественного паукальному (в частности, двойственному), которое результируется образованием двух классов собирательного множественного числа: Аа) существительные, обозначающие различные группы дискретных реалий, и Аб) существительные, обозначающие вещества, материалы, сыпучие массы и прочие континуумные структуры (в том числе, парные реалии, не функционирующие одна в отрыве от другой). Наиболее древние существительные *imi*-класса в зулу, общие с аналогичными существительными в других языках банту, относятся к типу Аа, существительные *ата*-класса — к Аб (ср., с одной стороны, *imi-thi* 'деревья', *imi-mpfula* 'реки' и, с другой стороны, *ama-nzi* 'вода', *ama-dolo* 'колени', *ama-bele* 'грудь' и т.п.).

Б. Если исходные реалии рассматриваются говорящим как целые, которые являются посессорами, обладают отчуждаемыми (не-органическими) и неотчуждаемыми (органическими) принадлежностями и вступают в контакт друг с другом, формируется класс, состоящий из группы однородных (с точки зрения партитивно-посессивного статуса) реалий, каждая из которых имеет собственную (т.е. "принадлежащую" только ей) локализацию в пространстве со своими отчуждаемыми и неотчуждаемыми принадлежностями (имуществом и частями тела, а также различными качествами, признаками, свойствами). Абстракция от этой группы составляет основу категории *множественного числа одушевленных и социально активных субъектов*,* т.е.

* Ср. "По формулировке И.М.Тронского, "единой категории множественности, свойственной историческим индоевропейским языкам, предшествовало языковое состояние, при котором раздельная множественность распространялась только на имена активного класса, а в пассивном классе имелась только категория собирательности" (Тронский, 1946: 61)" [13,1;282].

посессоров "высшего ранга", каждый из которых принадлежит только себе и не является отчуждаемой принадлежностью никакого другого посессора.

Внутри этой категории возникает противоречие: кровная связь между членами класса — не кровная, и на его основе происходит дифференциация двух типов множеств одушевленных реалий: Ба. множества, образуемые из терминов родства, в которых языковые средства служат для фиксации совокупностей различной степени родственности (показатель множественного числа в этих словах является означающим кровной связи и, благодаря этому, незримая кровная связь как бы материализуется в обществе и приобретает статус осязаемой цепи, соединяющей членов клана в единое целое); Бб. множества, формируемые из связанных друг с другом одушевленных реалий на основании не кровных, а каких-либо иных (посессивно-партитивных) связей. Реализацией этого противопоставления является возникновение 2-го и 2"а" классов множественного числа (ср. в зулу: обаба 'мои отцы', 2"а" кл., и абанту 'люди', 2-й кл.).

В. Если исходные реалии рассматриваются говорящим как целые, которые вступают в контакт друг с другом и являются посессорами "низшего ранга", т. е. существами, обладающими только неотчуждаемыми принадлежностями (отчуждаемых принадлежностей, например, имущества, у них нет, есть только части тела, качества, признаки, свойства), образуется класс, состоящий из группы однородных (с точки зрения партитивно-посессивного статуса) реалий, каждая из которых имеет "несобственную" (т.е. принадлежащую посессору .высшего ранга, не входящего в данную группу) локализацию в пространстве (вместе со своими неотчуждаемыми принадлежностями). Абстракцией от этой группы является *множественное* число реалий, которые относятся к классу посессоров низшего ранга и принадлежат (каждый в отдельности и вся группа в целом) какому-либо из посессоров высшего ранга.

Внутри этой категории возникает противоречие: кровная связь частей и целого у каждого члена множества или нет, и на его основе происходит противопоставление класса животных (Ва) классу вещей (Вб), — ср. возникновение в зулу 10-го и 8-го zi-классов.

Параллельно процессу конкретизации типов множеств идет процесс обобщения и формируется *категория множественного* как абстракция от перечисленных шести типов совокупностей и *единичного* как абстракция от исходных элементов, которые объединяются в эти совокупности. Данный процесс результируется возникновением категории числа как абстракции от оппозиции единичного и множественного.

Категории класса и числа в языках банту являются взаимопроникающими и неотделимыми друг от друга: это свидетельствует о единстве их

генезиса и параллельности последующего развития. Противоречия, лежащие в основе движущих сил развития категории числа, имеют различный исторический возраст и соотносятся с различными периодами филиации протосистемы. Так, оппозиции А-Б,В (собирательное — множественное), Б-В (множественное посессоров высшего — низшего рангов), Аа-Аб (коллективное — паукальное или парное) и Ба-Бб (кровное родство — партитивно-посессивная связь иного типа) представлены во всех ЯБ, имеют однотипные средства выражения (для их обозначения используются алломорфы одних и тех же силлабем) и являются подтекстом практически всех имеющихся в них противопоставлений классов единственного и множественного числа.

Наоборот, оппозиция Ва-Вб (животные — вещи как два различных класса посессоров низшего ранга) функционирует спорадически, средства ее выражения варьируют от языка к языку (например, в зулу префиксы 8-го, 10-го и 11-го классов совпадают по форме: *zi-*, но различие между классами вещей и животных сказывается в том, что множественное число класса животных образуется путем употребления *zi-* в качестве пре-префикса, а вещей — в качестве префикса; в других языках (см. с. 294) 8-й кл. отличается от 10-го и формой префикса).

Это подсказывает, что оппозиции А-Б,В; Б-В, Аа-Аб, Ба-Бб возникли в эпоху, предшествовавшую филиации прабанту, а оппозиция Ва-Вб зародилась на том этапе, когда происходил распад единой общности на диалекты; следы этой оппозиции сохранены во всех языках, что свидетельствует о тенденции, идущей из протосистемы, но способы ее манифестации являются различными в языках, и это указывает, что процесс ее формирования относится к более позднему периоду, когда каждый язык развивался по своим специфическим законам.

2. Процесс формирования категорий класса и числа — это своеобразный хронометр, с помощью которого можно производить относительную датировку ветвления генеалогического древа, одной из подсистем которого являются языки банту. Рассмотрим несколько примеров (по группам, зафиксированным в [103]). Начнем с западно-атлантических языков. Среди них есть два типа: с системами согласовательных классов и без них. Особенно развиты согласовательные системы в тенда, фула, серер и подгруппе языков бак, примером которой является диола. Крайне редуцированная система согласования представлена в волоф (отмечается лишь в адъективной синтагме) и маньяку (вторая подгруппа бак). Например, в кобиана фиксируется 31 класс, в темне и шербо — от 7 до 12, в малу — 3. В большинстве языков показателем класса является префикс, в отдельных — префикс и суффикс (фула, темне, гола). Наличие показателя

не является обязательным (в кисии он отмечается лишь в определительных грамматических конструкциях, в булом и крим часто опускается в единственном числе, в волоф существительные не имеют показателей, но функционируют только согласователи). Там, где есть показатели классов, форманты ед. числа обычно заменяются формантами мн. числа (например, в фула: *ʎoon-du* 'губа' — *ʎoon-di* 'губы').

В языках Сенегала и Гвинеи-Бисау (басари, коньяги, бедик, паяде, би-афада), где есть регулярные именные классы, показатели мн. числа на-слаиваются на показатели ед. числа (например, в паяде: *ku-naa* 'корова' — *ba-ku-naa* 'коровы'). Инициаль корня в западно-атлантических языках варьирует в зависимости от префикса, во многих случаях отмечается и обратная связь: в префиксах представлены гоморганные назальные;

в фула Сенегала и в серер влияние корня на префикс является более слабым, чем в других языках, здесь в префиксах функционируют негоморганные согласные. В инициалах корней существительных чаще всего встречаются назальные *q*, *m* и лабиовеларный полугласный *ɰ*.

Большинство систем классов участвуют в дихотомиях ед.-мн. числа и аугментативности-димиутивности. Наиболее широко оппозиция ед.-мн. числа охватывает классы одушевленных реалий (людей). Часто встречается противопоставление класса жидкостей коллективному существительному. Регулярно отмечается класс деревьев и фруктов. Особо выделяются термины родства. Системы классов имеют отчетливый партитивно-посессивный подтекст, например, в фула: *bo-kki* 'баобаба' — *bo:-de* 'баобабы' — *bo-uge* 'плод баобаба' — *bo-ue* 'плоды' — *bo-kko* 'листва баобаба' — *bo-kko-1* 'лист баобаба' — *bo-kki* 'листья' (см. 'баобаба') — *bo-ggo-1* 'кожура, волокна баобаба'. Повсеместно отмечается наличие морфем, выступающих в роли классификаторов, соотносимых с людьми, вещами, животными, деревьями и абстрактными понятиями.

Все перечисленные явления, подкрепляемые регулярными лексическими соответствиями, свидетельствуют, что носители западно-атлантических языков и банту составляли единую общность на том этапе, когда возникли лабиализация и назализация инициалей силлабем как средство выделения существительных в противовес остальным частям речи и существительные распределились на классы в зависимости от характера партитивно-посессивных отношений, которые говорящий фиксировал у реалий. На этапе, предшествовавшем распаду, уже возникли оппозиции Аа-Аб (см. отмеченное выше выделение класса жидкостей и собирательных), Ба-Бб (формирование, как особого класса, терминов родства на фоне остальных существительных), А-Б (оппозиция одушевленных-неодушевленных существительных внутри категории мн. числа), а также

классификация реалий в зависимости от противопоставления их друг другу на основе учета специфики объектов, вступающих в партитивно-посессивные отношения различных типов (классы деревьев, людей, вещей и т.п.); категория аугментативности-диминутивности была разновидностью противопоставления ед.-мн. числа; впоследствии обе категории стали обозначаться с помощью одних и тех же формантов (аугментативное значение было тождественно множественному, диминутивное — единичному).

Означающими этих оппозиций служили моносиллабемы, к этому времени уже ставшие зависимыми частицами, употреблявшимися слева или справа (вариабельно) от силлабем, функционировавших как главные и впоследствии развившихся в корни существительных; оба класса силлабем были синтагматически самостоятельными, относительный порядок их функционирования еще не был фиксированным, синтагматическая слитность возникла позднее, после стабилизации в каждом конкретном языке строгого порядка употребления главной и зависимой силлабемы, поэтому зависимые силлабемы в одних случаях превратились, как в банту, в префиксы, в других — в суффиксы, в третьих — в префиксы или суффиксы (фула, волоф), в четвертых — в циркумфиксы (басари). Однако "закрепление" за каждой оппозицией своих означаемых и формирование конкретных систем классов как результат этого процесса произошло после дивергенции банту и западно-атлантических языков, поэтому они различаются не только количеством классов, их семантическими характеристиками и соотношением членов ед. и мн. числа, но и формантами, служащими для обозначения классов.

Например, в фула представлены показатели, материально тождественные многим бантуским формантам, но соотносимость их с перечисленными категориями оказывается не похожей на банту: ср. фула *pullo* 'человек из народности фула', ед. ч., — *fulbe* 'люди фульбе', мн. ч., и зулу *umfulo*, ед. ч., — *abefulo*, мн. ч. В зулу, как отмечалось выше, при образовании формы ед. числа наблюдается активизация двух резонаторов:

назального и лабиального; результатом активизации назального резонатора является образование *mi*-назального и озвончение глухого билабиального аспирированного согласного *ph*, вследствие чего артикулируется вместо исходного слога *pi* (см. *pullo* в фула) слог *mfu* (см. зулусский эквивалент *umfulo*); предваряет активизацию назального резонатора округление и напряжение губ, приводящее к возникновению аугмента и лабиализации инициали зулусского слова путем формирования гласного и в его инициали.

Во мн. числе перед произнесением корня в зулу назальный резонатор и губы приводятся в пассивное положение и формируется слог -бе- с

имплозивным губным согласным; в фула формы ед. и мн. числа также противопоставлены по степени активности резонаторов и наличию показателя мн. числа -бе — см. деспирантизацию и продвижение вперед артикуляции при формировании инициали корня в ед. числе по сравнению с мн. числом, свидетельствующую об активизации назально-фарингального резонатора перед произнесением корня в ед. числе на фоне пассивного положения резонатора перед артикуляцией корня во мн. числе. Аналогично реагирует на противопоставление форм ед. и мн. числа губной резонатор: при произнесении формы ед. числа губы сохраняют напряженность в течение двух слогов, при образовании формы мн. числа — только при произнесении корня; показатель мн. числа -бе артикулируется не до корня, а после него.

К числу материально сравнимых формантов классовых систем относятся также упомянутые выше показатели -ki (ед. ч., — ср. с "более высоким" общебантуским *kĩ-), -ko (ср. также с "более высоким" *ku-), -ye ~ -de (ед. ч., ср. с *ĩ-, имеющим r-, d- и l-образные рефлексy в банту), -de ~ -ye (мн. ч., при наличии в фула корреляций *d~y~kk~gg* в постфиксах -de ~ -ye, -di ~ -kki, -ggi, где *d* является преглоттализированным [103:X1] альвеолярным, — ср. со слогом *õa, образованным на базе дентовелярного полугласного o с ослабляющейся к финали слога лабиализацией), -di ~ -kki ~ -ggi (мн. ч., ср. с *õi) и т.д.

3. Западно-атлантические языки признаются одной из наиболее генетически близких к банту ветвей. Кроме западно-атлантических и банту, в семью нигеро-кордофанских языков включают также манде, сонгаи-зарма, вольтийские, реликтовые языки Того, кру и ква. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Одним из типичных представителей манде является бамбара. Множественное число в нем образуется с помощью суффикса -w (mùsò 'эта женщина' — mùsów 'эти женщины', — ср. с серией префиксов мн. числа, представленной во всех языках банту и возводимых, в соответствии с с. 300, к формантам *õa, *õĩ, *ma, *mĩ, каждый из которых содержит лабиальность как общий компонент артикуляции).

Для выражения значения диминутивности используется суффикс -nin[nĩ], — ср. с *ĩ (ед. ч.) при учете регулярных корреляций l и п в соседстве с назальными в банту; аугментативность передается с помощью суффикса -ba (ср. с *õa, мн. ч.). Кроме того, есть форманты -ka (употребляется для фиксации географической принадлежности реалии, — ср. с *ka в партитивно-посессивных конструкциях языков банту), -la (имеет локативное значение, — ср. с *la), -ma (с квалитативным значением, — ср. с *ma), -to (характеризует пациенс, — ср. с *lu для обозначения части целого), -baga (фиксирует агенс, — ср. с композитами, состоящими

из синлабемы *ōa при терминах родства и названиях социально-активных существ в сочетании с ассоциативными или партитивно-посессивными формантами a-, ka-).

Материальное сходство с синлабемами прабанту здесь также прослеживается достаточно четко, как и остальные тенденции развития этой ветви из общего ствола, однако синкретизм значений аугментативности-множественности, диминутивности-единичности, а также слабая дифференцированность всех прочих категорий, присущих языкам банту и западно-атлантическим (распределение мн. числа на типы и корней существительных на классы) свидетельствуют, что отделение языков манде от протосистемы произошло до того, как распались на отдельные ветви банту и западно-атлантические.

4. Еще дальше от банту и западно-атлантических, чем манде, отстоят языки сонгаи-зарма-денди (Мали, Буркина Фасо, Бенин, Гана, Кот-Диву-ар). Среди грамматических средств выделяются: редупликация, изменение тона, аффиксация и модификация морфологической категории путем помещения слова в различные синтаксические контексты. Эти грамматические средства есть и в охарактеризованных выше языковых группах, однако распределенность их по категориям является иной. Например, в банту, западно-атлантических и манде категория диминутивности-аугментативности передается с помощью аффиксов (префиксов, суффиксов или циркумфиксов в банту и западно-атлантических, суффиксов в манде), а в языках сонгаи-зарма-денди — посредством редупликации. Во всех описанных выше ветвях языков редупликация используется для образования интенсивов и диминутивов глагола.

Общность генезиса категорий интенсива-аугментатива-множественно-го числа, с одной стороны, и диминутива-дерогатива-единичности, с другой, на примере языков банту была проиллюстрирована в [40]. Учитывая характер взаимосвязей между данными категориями, можно предположить, что распад этноса, от которого отделилась ветвь, развивавшаяся в современные языки сонгаи-зарма-денди, произошел на том этапе, когда глагол и существительное составляли синкретичную категорию и существительное как самостоятельная часть речи с присущими только ей субкатегориями и средствами выражения еще не сформировалась и не отделилась от глагола (аугментатив и мн. число выражались теми же средствами, что интенсив, а диминутив и дерогатив — теми же, что единичность).

Этот вывод подтверждается также распределенностью по категориям и второго важнейшего грамматического средства — аффиксации. Форманты, которые в банту, манде и западно-атлантических языках однотипно

функционируют в сфере существительных, в языках сонгаи-зарма-денди регистрируются на стыке категорий существительного и глагола:* они выступают в качестве субстантиваторов, с помощью которых от глаголов и прилагательных образуются существительные. Среди этих формантов представлены постфиксы -rì, -jì, -í (ср. с общебантуским *lì), -kò (ср. с *ku), -kòm (ср. с *ku+*mu), -uá (ср. с *I, *N-окраской), -au (ср. с *ǝa). По-видимому, это свидетельствует, что *lì, *ku, *mu, *ǝa-силлабемы и *N-, *A-, *I-, *U-окраски инициалей существительных "пришли" в прабанту для маркирования существительных из более древней системы, а остальные силлабемы были втянуты в круг сателлитов существительных уже после отделения ветви сонгаи-зарма-денди.

5. В вольтийских языках (Буркина Фасо, Мали, Того, Гана, Кот-Диву -ар), как и в западно-атлантических, есть согласовательные классы. Система классов основана на противопоставлении единственного, собирательного и множественного числа; собирательные существительные делятся на коллективные и неисчисляемые (жидкости, абстрактные), а единичные — на классы, напоминающие бантуские (например, повсеместно есть оппозиция одушевленных-неодушевленных существительных или классов типа 'люди-не люди'). Имя четко противопоставлено глаголу. Показатель класса может стоять в постпозиции или препозиции (в бвamu, нанканна и гурманджи суверенность показателя класса столь велика, что он напоминает местоимение). Так, в нанканна и во всех языках группы гурма, кроме моба, показатели классов являются префиксами, в моей — суффиксами, в дагара показателей классов нет, зато есть согласователи. Количество классов и механизм согласования широко варьируют от языка к языку (например, в диалектах бвamu всего четыре класса, в мооре — 17).

Во многих языках существительные маркируются формантами, которые присущи только им и не присоединяются к глаголу. Для иллюстрации можно привести язык мооре. Здесь в качестве показателей классов употребляются суффиксы, которые свойственны только существительным и с глаголами не функционируют. Всего отмечается 17 классов. Кроме двух классов — жидкостей (ср. с *ma-классом в банту) и абстрактных сущностей (ср. с *ǝi-классом в банту), все классы упорядочены по парам ед. и мн. числа. Среди показателей ед. числа выделяются: -a, -ga,

* Ср.: "Во всех этих конструкциях реляционные элементы anda(n) 'в', 'внутри', para '(во) вне', 'вперед', ŷer 'относительно', 'вверх', 'на', rigan '(в) перед', kattan 'вместе', 'вниз, под', 'с' являются одновременно как послелогоми, относящимися к именной компоненте парадигмы, так и превербами, относящимися к ее глагольной составляющей" [13,1:356].

-ba, -re, -de(~le), -go, -fo, -la, значение мн. числа передается суффиксами -ba, -se, -a, -i (~ -a), -do, -i, -si, ø, -li, они образуют пары: -a — -ba (ср. с 1-2-м кл.), -ga(-ba) — -se (ср. с 3-4-м кл.), -re, -de, -le — -a (ср. с 5-6-м кл.), -go — -i (ср. с 7-8-м кл.), -fo — -si, ø (ср. с 9-10-м кл.), -la — -li (ср. с 11-12-м кл.), а также -bo (ср. с 14-м кл.), -m (ср. с 6-м кл.), -go — -do (ср. с 13-12-м кл.) и т.п. Из этих примеров видно, что воль-тийские языки находятся к банту значительно ближе, чем манде и тем более сонгаи-зарма-денди, т.е. что банту, западно-атлантические и воль-тийские составляли общность после того, как от протодрева отделились две ветви: сначала сонгаи-зарма-денди, затем манде.

6. Перейдем к языкам кру (Либерия, Кот-Дивуар). Они обычно считаются подгруппой ква, но исследованы недостаточно (неизвестно их точное количество, опубликованы незначительные фрагменты текстов). Одним из представителей этой ветви языков является гребо (глебо). Множественное число существительных образуется с помощью суффиксации. По соотношению ед. и мн. числа можно выделить пять классов существительных: 1) названия людей, образующие мн. число с помощью суффикса -bo (кѐ 'вождь' — кѐ-bo 'вожди'); 2) термины родства, к которым прибавляется во мн. числе суффикс -no (buò 'отец' — buò-no 'отцы'); 3) слово со значением 'ребенок' (во мн. числе суффицирует -du, ср. уи 'ребенок' — уи-du 'дети'); 4) существительные, показателем мн. числа которых служит суффикс -a (di 'копье' — di-a 'копья'); 5) существительные, мн. число которых строится посредством суффикса -i (ku 'дьявол' — ku-i 'дьяволы').

Суффиксация также используется для деривации наименований единичных реалий от названий их множеств. Например, суффикс -bè, -bo (-pè, -wè) может обозначать человека по присущему ему признаку (gèdè 'язык гле' — gèdè-be, gèdè-bo 'носитель языка'; Monrovia 'Монровия' — monrovia-w 'монровиец, житель Монровии'). Аналогично суффиксы уѐ, è, уо, а употребляются для выделения единичной реалии из множества как носительницы присущего ему признака (ɲε 'звезды, скопление звезд' — ɲεуѐ 'звезда') и для противопоставления собирательного множественному (ɲε 'скопление звезд' — ɲεуо 'много звезд, по одной').

Таким образом, здесь присутствует дифференциация соотношения ед., мн. и собирательного, в которой отражены оппозиции Аа-Аб (ɲ̄ε — ɲεуо), Ба-Бб (кѐ-bo — buò-no) и Ва-Вб (di-a — ku-i). Кроме того, наличие одинаковых формантов для фиксации множества и единичного объекта (ср. значения -bo в кѐ-bo 'вожди' и gèdè-bo 'гребуанец') свидетельствует об исходном синкретизме категории числа (иррелевантности противопоставления «единственное-множественное» для формирования означающих)

и ее производности от категории партитивности-посессивности: слово *kě-bo* 'вожди' является абстракцией от представления о людях, имеющих в качестве неотъемлемой принадлежности качества вождя, а слово *gèdè-bo* 'гребуанец' — абстракцией от представления о людях, имеющих в качестве неотъемлемой принадлежности язык гребо. Генетически оба случая (регистрация множества и выделение единичного) восходят к описанию одной и той же ситуации (фиксации связи между реалией и посессором, который вступает в ее обладание); это отражено и в языковых формах: *gèdè-bo* буквально расшифровывается как *gèdè* 'язык гре' + *bo* 'человек', а *kě-bo* — как 'вождь' + 'человек'.

Поэтому можно предположить, что гребо и родственные ему языки группы кру сохранили реликты того состояния, которое предшествовало дифференциации не только означаемых, но и означающих в сфере категории числа, т.е. что языки кру отделились от общего ствола до того как сформировалось противопоставление внутри общности западно-атлантических, вольтийских, банту и манде, но после того, как отпочковалась ветвь сонгаи-зарма-денди: единство западно-атлантических, вольтийских, банту и манде сохранялась до тех пор, пока на базе категорий партитивности-посессивности не выявились все противопоставления ед., мн. и собирательного числа в корреляции с прообразами классов существительных и каждая из оппозиций А-В не оформилась специализированным означающим; языки кру отделились на этапе, когда такая специализация еще не произошла, а сонгаи-зарма-денди — до того, как начала выкристаллизовываться корреляция между категорией числа и класса.

7. Языки ква распространены в Того, Гане, Бенине, Нигерии и Кот-Дивуар, на них говорит ~35 млн. человек. В [103] языки ква делятся на шесть групп: 1) Вольта-Комоз (генетически распадается на три региона: а) западный — абуре, эотиле; б) центральный — акан, нзема-аханта, шакоси, агни-бауле; в) восточный — гуанг; 2) лагунные языки Кот-Дивуар, среди которых находятся мбато и эбриэ, имеющие много родственных черт с банту; 3) реликтовые языки Того; 4) ган и адангме; 5) эве (подгруппы: а) фон, б) эве, в) махи); б) остальные языки (подгруппы: а) йоруба; б) нупе, игбира, гбари, гаде; в) бини, кукуруку, шман, собо; г) идома, агату, ияла; д) игбо; е) иджо). Многие языки и диалекты исследованы плохо, поэтому объединение их в один класс остается проблематичным. В силу этого не ясен генетический статус отдельных языков и всей группы в целом (например, они классифицируются то как нигеро-кордофанские, то как нигеро-камерунские, то как эбурнео-дагомейские).

В [103:144] отмечается, что, например, в агни категория числа имеет два означающих: суффикс *-тэ* и назализацию инициали корня (с озвон-

чением и соноризацией глухих согласных и образованием назальных фонем). Назализация используется для обозначения мн. числа существительных, являющихся "посессорами конкретной пространственной локализации", которой характеризуется любое множество единичных предметов как "целых", локализованных в пространстве и противопоставленных "частям" совокупностей (ср. Аа-Аб на с. 301). Отдельные аффиксы именных классов представлены повсеместно, в некоторых языках есть более или менее полные наборы систем классов.

Так, в паре *krole* 'кожа' — *nkrole* [ngbole] 'сорта кожи' с помощью назализации существительное, соотносимое с понятием о собирательном числе (континууме частей) превращается в существительное мн. числа (название множества единичных явлений), т.е. назализация выступает как средство, с помощью которого обобщенное (неконкретизированное, не определенное по отношению к пространству) значение собирательности с синкретичным понятием о противопоставлении единичного множественному трансформируется в пространственно конкретизированное значение множества единичных объектов. Аналогично: *dadié* — это название предмета, обладающего свойствами ножа, *nadié* (*d*→*n* в инициали корня) — совокупность локализованных в занимаемом ими пространстве ножей.

Эти примеры иллюстрируют положение о том, что категория числа выступает как вторичная по отношению к категории субстантивности, являющейся абстракцией от операции по уточнению степени определенности реалии, "привязыванию" реалии к посессору (говорящему или занимаемому им пространству). Поскольку категория числа образуется после формирования категории субстантивности, маркером которой, как показывают языки банту (с. 287), служат назализация и лабиализация инициалей протокорней существительных, показатель субстантивности может использоваться и как одно из означающих категории числа (означающее для членов оппозиции, которые характеризуются высшей степенью посессивной определенности). В качестве означающего тех членов оппозиции числа, которые не обладают посессивной определенностью, избирается иное средство, — например, в случае языка агни, суффикс *-mɔ* (мн. число) и деназализация инициалей (ед. число).

Это свидетельствует, что агни и банту разошлись до того, как сформировались оппозиции категории числа, но уже после того, как исчез синкретизм имени-глагола и возникла категория субстантивности, «помечающая» назализацией инициали тех силлабем, которые попадают в ее сферу. В агни категория числа представлена в более синкретичном состоянии, чем в гребо, т.е. если языки ква являются исторически

гомогенной общностью, то данные языка агни позволяют сконструировать такую модель рассеивания протосистемы в пространстве: отделение ветви сонгаи-зарма-денди, затем ветви ква, репрезентируемой языком агни, далее — ветви кру, представляемой гребо; следующей была ветвь манде, за ней последовал распад протообщности на регионы диалектов, послуживших основой западно-атлантических, вольтийских и банту.

8. При исследовании реликтовых языков Того (Гана, Бенин, Того) с помощью метода глоттохронологии установлено [103:121], что среди них представлены две группы родственных языков, отделившихся друг от друга 3000-3500 лет назад. В 11 языках из 14 здесь отмечаются системы классов, основным средством передачи грамматических значений повсеместно является префиксация. Эти данные позволяют провести некоторые параллели между относительной периодизацией языковых семей, о которой шла речь выше, и абсолютной хронологической шкалой. В частности, становится ясно, что свободное функционирование силлабем, развившихся в префиксы и суффиксы именных классов, относится к периоду, значительно более древнему, чем тот, который был 3-4 тыс. лет тому назад.

9. Перейдем к языкам Центральноафриканского плато. Здесь фиксируется [103] четыре региона: 1) языки Бенуэ-Конго; 2) Адамауа; 3) убан-гийские; 4) центральносуданские. В первом регионе выделяют три ареала: а) 45 языков Плато (Нигерия); б) юнкоидные (около 15 языков и диалектов, локализованных в виде островков в бассейне Бенуэ, Нигерия); в) 18 языков кросс-риверских (Нигерия, восточное дельты Нигера).

Во всех языках Плато есть именные классы (от 10 до 16). В рукуба, биром, анагута они напоминают банту, в иригве есть только классы ед. числа (во мн. числе есть специфические адъективные, нумеративные, демонстративные и прономинальные согласовательные форманты). В ганавури на основании противопоставления классов выявляется система консонантных чередований, сопоставимая с бантускими. Показателями классов в большинстве случаев являются префиксы. В ряде случаев они имеют характер инфиксов. Например, в биром в качестве показателя 1-го класса фиксируется инфикс *-w-(m-w-āt* 'человек', — ср. *bī-mat* 'быть человеком'); при сопоставлении с бантускими материалами видно, что инфикс *-w-* — это просодема лабиализации (по происхождению), развившаяся в морфему, префикс *m-* — просодема назализации, также ставшая морфемой (ср. *unhu* в намбзья, где исторически корень сначала назализовался, потом лабиализовалась основа и корень *tu* превратился в *unhu*, с *otwāt* в биром, где корень сначала лабиализовался, затем назализовался и исходная силлабема, образованная на базе консонанта *t*, стала

основой mwāt). Назализация и лабиализация, сопровождающие корневую инициаль, могут результироваться фонемами не только в предкорневой позиции, но и во внутрикорневой (между корневым согласным и гласным: dē 'уступить' — dz-w-e 'концессия' в ганавури).

Оппозиции, определяющие структуры систем классов, корреляция категории класса и числа, материальное выражение этих соотношений и характер звуковых изменений в корнях при соединении их с показателями классов напоминают ситуацию, отмечавшуюся при регистрации вольтийских, западно-атлантических и банту. Например, в биром показателями классов ед. числа являются морфемы -w-, wò-, предваряемые назальными (ср. с 1-м, 3-м кл. в банту и *U-окраской в протосистеме), ē-, ġī-, ø, hē-, ġē- (ср. с *ġī-), kì-, kè- (ср. с *kī-), gò- (ср. с *ku-), yè- (ср. с *I-окраской, отмечаемой в показателях 9-го кл.). Столь же очевидны параллели и с морфемами мн. числа: bā- (ср. с *ōa-), ña- (ср. с *ma-), bī-, vē-, bì-, vè- (ср. с *wī- и *mī- при деназализации, которая особенно часто представлена в северо-западных языках банту зоны С, по классификации Гасри). Интересным, с точки зрения изложенной выше теории, является также использование назализации в качестве регулярного средства образования существительных от глаголов* и прилагательных (см. материализацию назальных тоном в виде префикса ñ-, служащего показателем субстантивации в парах типа: -līs 'длинный' — ñlīs 'долгота, длина', -tá 'быть вкусным' — ñtá 'вкус' и т.п.).

Аналогичной является ситуация в юнкоидных языках. Здесь отмечаются согласовательные классы, их показателями чаще всего бывают префиксы. В мбембе зарегистрировано 11 согласовательных классов с вокалическими и консонантными префиксами, в агбо есть следы всех основных классов, в кенту классы имеют реликтовый характер, но система классов легко реконструируется, в аквенго отсутствует согласование, оппозиция ед.— мн. числа передается суффиксами, и т.д. Не отличаются в этом плане от них и кросс-риверские языки: везде зафиксированы системы классов или следы именных префиксов (в боки отмечается 10 классов, в укелле — 15 и т.д.). Таким образом, языки первого региона Плато, обычно классифицируемые как Бенуэ-Конго, при предложенных выше методах классификации, также выступают как представители протообщности, в которую входили банту, западно-атлантические и вольтийские.

* Ср.: "Этот же показатель *-nt - применяется в индоевропейских языках в дальнейшем не только для активной номинализации глагольных основ, но и для активизации именных форм инактивного класса — для преобразования инактивных имен в имена активные" [13,1:303].

10. В западной части Восточных Адамауа языков (куст IА6А у Гринберга [85] в составе ветви Восточных Адамауа) систем классов нет, но аффиксное согласование имеется (аффиксы, которые, как было показано выше, развились из служебных силлабем, здесь сохранили свое изолированное от существительного положение). В восточной части Восточных Адамауа языков (куст IА6В у Гринберга), которые в [103] описаны как языки Убанги, классы являются живой категорией. Гринберг разбил языки Адамауа на 14 групп, объединенных общим генезисом. В целом, эти результаты не опровергаются последующими разработками (в [103] предлагаются отдельные коррективы результатов Гринберга; например, рекомендуется язык чамба переместить из второй группы в четвертую, ясинг рассматривать не как самостоятельный язык, а как диалект мунданга, мбере и кпере — как диалекты мбум, языки 6-й группы лакка и мангбей считать кустами языков). Поэтому, с точки зрения генетического статуса, всю западную часть Восточных Адамауа языков можно считать гомогенной и ее место в классификации фиксировать на основании характеристик одного из ее представителей.

В качестве репрезентанта группы рассмотрим язык мбум. Средством выделения частей высказывания (например, субъекта или предиката) здесь являются пауза и логическое ударение. Глаголы и существительные образуют класс вербономинатов, они различаются в предложении только синтаксически (в зависимости от функций). Показателями синтаксических функций являются порядок слов, служебные слова и супрасегментные признаки; ведущую роль при образовании дериватов играет композиция, некоторые служебные слова при этом превращаются в префиксы. Все элементы фразы ранжируются в зависимости от типа парти-тивно-посессивных отношений, в которые они вступают. Средством ранжирования являются два местоимения: *mí* 'я' и *tu* 'ты', каждое из которых имеет соответственно по две формы — субъектную (*mí*, *tí*) и объектную (*mí*, *tí*).

Эти материалы, во-первых, подсказывают, откуда произошли две из 12 бантуских протосиллабем: **mí-* восходит к местоимению 1-го лица, **tu-* — к местоимению второго лица; присоединение их к протосуществительным могло служить средством фиксации посессивного статуса реалий, обозначаемых с помощью протосуществительных: употребление моносиллабемы **tu* свидетельствовало, что говорящий соотносил называемые им реалии с "миром слушавшего", а моносиллабемы **mí* — что речь шла о реалиях, "принадлежавших говорящему". Впоследствии **tu* превратилось в силлабему, фиксирующую *контакт* двух реалий (слушающего и говорящего, слушающего и реалии, слушающего и каких-либо

неотчуждаемых принадлежностей реалии), и затем в силлабему, передающую спектр значений, которые определили ее употребление в качестве показателей 1-го, 3-го и 18-го классов.

Развитие моносиллабемы *mí (ср. с зулусским mína 'я') шло иным путем: показатель соотношения с говорящим превратился в показатель определенности номинации, изменяющей обобщенное название реалии с синкретичным значением числа (ср. рус. 'дерево' — ед. число и собирательное) в конкретизированное путем соотнесения с говорящим наименования совокупности реалий, каждая из которых в отдельности и все они вместе имели определенную локализацию в пространстве (мире, имуществе) говорящего. На следующем этапе развития показатель определенности посессивной номинации модифицировался в показатель "определенного" множественного числа (в противовес "неопределенному" множественному), а этот последний — в показатель дискретного множественного (в противовес континуумному, — ср. Аа-Аб на с. 301).

Материалы мбум говорят также о том, что западная часть Восточных Адамауа языков отделилась от протоствола в эпоху синкретизма имени и глагола на стадии партитивно-посессивных отношений, когда основным в языковой детерминации было определение партитивно-посессивного статуса каждой реалии по отношению к говорящему и слушающему, а все остальные категории из этой еще не выделились. Этот этап предшествовал периоду формирования средств, с помощью которых впоследствии стало специфицироваться противопоставление имени и глагола, отмечаемое при анализе соотношения сонгаи-зарма-денди с остальными языками описываемого региона. Таким образом, этапу филиации прото-этноса, зафиксированному в качестве исходного на с. 310, предшествовал период, когда выделились западные языки ветви Восточных Адамауа (в частности, мбум).

11. Остальная часть ветви Восточных Адамауа — языки Убанги (Камерун, Заир, ЦАР, Судан) генетически не гомогенна. В [103] эти языки делятся на четыре региона. Первый из них представлен тремя группами (1) гбайя, гбофи, гбану; али; нмбака; манза, нмбака-манза; 2) нгбанди, санго, якома; 3а) нмбака-ма'бо, монзомбо, гбанзили-булака; мунду, майо-го, бангба; 3б1) ндоро, сере, тагбу; баи, бвири; 3б2) фероге, индри, мангая, тогойо), ко второму относится язык банда, к третьему — занде с нзакара, патри, дио и барамбу с памбиа, а к четвертому — две группы: 1) амади (мадьо, ма) и 2) ндунга, мба (баманга); 'донго. Из этих языков наиболее представительными являются гбая, банда, занде и нмбака-ма'бо (остальные постепенно умирают).

В языках четвертого региона есть системы классов (в мба и ндунга — по девять классов, в 'донго — 10, в ма — 11), группируемые в пары ед. и мн. числа. Показатели классов выражены постфиксами (ср. à-má-'dì 'мадиец' — `a-ma-lò 'язык ма'), соотносимыми с формантами системы согласования (во всех языках, кроме ма), куда входят демонстративы, прилагательные и числительные. Кроме того, отмечается сходство не только между явлениями категориального плана описываемых языков и остальных языков с именными классами, но и между отдельными синлабемами (лексикой, фонетикой и просодикой), что позволяет соотносить данные языки с протообщностью, в которую входили вольтийские, западно-атлантические, манде и банту.

12. Языки остальных регионов отличаются от охарактеризованных по всем параметрам, привлекаемым выше для генетических корреляций. Системы классов здесь отсутствуют. Категория имени противопоставлена категории глагола, каждая из категорий имеет свои специализированные средства для передачи субкатегорий. В качестве средства, диагностирующего категорию существительного, выступают морфемы, которые можно возвести к служебным словам и просодемам той же фонетической природы, что и протобантуские показатели классов. Категория числа имеет специализированные морфологические показатели, также соотносимые с протобантускими. По своему генетическому статусу данные языки занимают положение, промежуточное между ква (агни) и кру (гребо).

Например, в банда (второй регион, с. 312) плюрализация осуществляется с помощью префикса à- (ср. с а-показателями мн. числа в кру и всех позднейших общностях языков, в которые входит кру; в банту префикс а- представлен в качестве показателя мн. числа в наиболее древнем слое лексем, которые оформились в протосистеме в виде самостоятельного класса, — в терминах родства). Субстантивация осуществляется посредством префиксации á, ɔ̄, ī, í к инициалам глаголов с изменением тона или при его сохранении (nā 'идти' — áná 'ходьба', wī 'дышать' — īwī 'нос'), — ср. с *U, *A и *I-огласовками как супрасегментным средством, сформировавшимся при отделении имени от глагола в общности языков кру-манде-вольтийские-западноатлантические-банту.

Кроме того, в банда есть форманты, употребляемые для образования локативов, субстантивированных процессов и абстрактных существительных, материально тождественные тем, которые специализировались для этих функций в указанной выше общности языков, — ср. формант *ku-, используемый в банту в качестве показателя 15-го класса для образования инфинитивов, с префиксом kɛ- — в паре: na- 'идти' — kɛ-na 'процесс ходьбы' и префиксом kɔ- в паре: ngɔ 'сломать' — kɔ-ngɔ 'вывих' (результат)

тат действия); *ōu- как показатель 14-го класса с суффиксом -rū в паре ōbū 'черный' — ōbū-rū 'грязь'; силлабему *та со значением постоянства [40], развившуюся в форманты статива и "континуумного" множественного числа (6-й кл. в банту), и показатель статического локатива tá (в противовес динамическому локативу, показателем которого является префикс gá-, соотносимый с бантуским показателем 17-го кл. *ku-).

Эти явления приводят нас к эпохе, предшествовавшей возникновению системы классов, когда еще только начали формироваться просодежные противопоставления имени и глагола (уже происходило использование степени активизации губ в качестве означающего, но не началось освоение назального резонатора как средства, фиксирующего чисто субстантивные категории — степень определенности реалий по отношению к говорящему).

С тем же историческим периодом соотносят нас материалы языка нгбака-ма'бо (первый регион, с. 312). Одним из наиболее распространенных формантов субстантива здесь является префикс wa- (по-видимому, u+a, где u имеет просодежный характер и является результатом лабиализации инициала корня, а выступает как показатель "связности", — ср. с ассоциативным a). Во многих случаях это — своеобразный детерминатив имени, напоминающий определенный артикль (wà-bónō 'собака'). Тот же префикс употребляется при субстантивации для обозначения агента действия (ср. значение *tu- *ōa-класса в банту): ngàlà 'охотиться' — wà-ngàlà 'охотник'; gbā 'деревня' — wà-gbā 'житель деревни'. Множественное число образуется с помощью префикса ō- (ср. с a+u→ō в банту).

Префиксом аугментатива является ga- (ср. с *ka-*tu- в банту): wà-bónō 'собака' — gà-bónō 'большая собака'. Есть несколько формантов (-à, -kā, ná-), передающих различные связи (принадлежности, наследования, происхождения), которые восходят к партитивно-посессивным отношениям рассмотренных выше типов и соотносятся с ассоциативными, посессивными и соединительными формантами языков банту (см. sò-'à-gbā 'домашнее животное', из sò 'животное' и gbā 'дом'; ngótó-kā-lè 'птенец горлицы', из ngótó 'ребенок' и lè 'горлица'; vō-nè-ndèè 'человек отсюда', из vō 'человек' и ndèè 'здесь'). Обращает на себя внимание материальное сходство гребо (кру) и нгбака-ма'бо (ср. bo 'человек' в гребо и vō в нгбака-ма'бо; каебе 'дом' и gbā; -de 'здесь' и ndèè и т.п. лексические соответствия, наличие однотипной вокалической гармонии, большого спектра лабиовелярных многофокусников, глоттализированных и веляризованных согласных, носовых гласных, разнообразие глайдовых тонов, превалирование открытых слогов, большого количества односложных слов и т.п.).

13. Центральносуданские языки в [103] разделены на три группы: 1) сара-бонго-багирми (~1 млн. в республике Чад); 2) мбаи-мойссала (около 50 000 человек в республике Чад и 2000 в ЦАР); 3) мору-мангбету (Заир). У Гринберга [85] эти языки входят в нило-сахарскую семью, авторы [103], распределяющие языки Тропической Африки по пяти географическим ареалам (1) Языки западного Судана и Гвинеи; 2) языки Центральноафриканского плато; 3) языки северной части восточного Судана; 4) языки южной части восточного Судана; 5) языки банту), считают целесообразным рассматривать их отдельно от остальных нило-сахарских языков и внутри данного региона, руководствуясь фонологическими корреляциями, сгруппировать иначе, чем у Гринберга, который исходил только из отдельных лексических и грамматических соответствий (ср. зафиксированные выше три группы с семью рубриками у Гринберга).

Хотя исследованы эти языки недостаточно, они обладают рядом черт, позволяющих описывать их вместе. Повсеместно представлены реликты фарингальных и назальных тонов в виде глоттализированных согласных или многофокусников, один из компонентов которых соотносится с глоттализацией (ср. 'b и gb), есть *m*-назальные согласные, назальные гласные или иные свидетельства превращения назальных просодем в фонемы и морфемы. Существует корреляция между континуантами, вибрантами и ретрофлексными, напоминающая ту, которая была описана на с. 280, среди ретрофлексных фиксируются *l*, *d*, *nd*, *r*, *d*, *nd*, *t*. Отмечаются сингармонизм гласных, наличие глайдовых тонов и превалирование открытых слогов. В инициалах многих существительных среди вибрантов *r*, *pr*, *br*, *v* присутствуют звуки, свидетельствующие об их назализации.

Существительные и глаголы имеют различное морфологическое оформление. Функционирует много формантов и частиц, соотносящихся с показателями классов в других языках и передающих различные отношения (посессивные, числа, определенности). Оппозиция ед. — мн. числа имеет нерегулярный характер. Системы классов отсутствуют, но повсеместно проводится противопоставление различных групп существительных (намечены дихотомии, позволяющие фиксировать термины родства, живые и не-живые реалии, деревья, животных, лиц и посессоров различного типа). Лексические соответствия выявляются только после препарирования современных слов путем восстановления их "доназализованного и долабиализованного" облика.

Эти особенности свидетельствуют о наличии общего генезиса у центральносуданских и описанных выше языков только до ответвления ква, далее Центральносуданские и ква развивались по одним законам, а остальные наследники протосистемы — по другим; поскольку и ква,

и центральносуданские изучены недостаточно, о взаимоотношениях между членами обеих групп судить трудно, но не исключено, что эти ветви некоторое время составляли общность, распространение которой осуществлялась равномерно в окружающее пространство по различным направлениям и в силу этого какие-то языки на западе древнего ареала оказываются ближе к языкам на его востоке, чем, например, ныне соседствующие между собой языки ква или языки Центрального Судана.

Описанные характеристики центральносуданской группы проиллюстрируем на материале языков мбаи-мойссала. Системы согласных здесь характеризуются наличием преглоттализированных (имплозивных): губо-губного *b* и альвеолярного *d*, а также *m̥*-назальных и многочисленных вибрантов. Преглоттализированный альвеолярный артикулируется только в абсолютной инициали (ср. тонирование инициалей, отмеченное выше), в интервокальной и финальной позиции он звучит как [r]. Среди вибрантов отмечаются ретрофлексные назальные и неназальные фонемы. Ретрофлексные *r* и *l* артикулируются в финалях и перед *u*, *o* (иногда перед *ə*), в детской речи назальный ретрофлексный вибрант смешивается с *r*-образным звуком, задняя артикуляция при этом становится продвинутой ближе к центру (например, *ndòfjì* 'сколопендра' с назальным ретрофлексным вибрантом звучит как [ndàrì]).

Многочисленными являются и иные реликты назально-фарингальных тонов: назальные гласные фонемы (*ĩ*, *ẽ*, *ẽ̃*, *ã*, *õ*, *ũ*), глайдовые тона с назальным обертоном, композиты согласных, развившиеся из многофокусников, первым компонентом которых является назальный. В инициалах многих существительных стоят фонемы, свидетельствующие об их назализации, фарингализации или лабиализации. Например, об этом говорят следующие серии форм из родственных диалектов: *ngõp* 'ребенок' в мбаи — *ɲõpõ* в бабаалиа — *gõ:nõ* в кенге; *ngãàr* 'вождь' в мбаи — *gá:rà* в кенга — *ngéḡé* в креш.

Глаголы и существительные различаются не только синтаксически, но и морфологически, в частности, все существительные, кроме заимствований (более новый пласт лексем) начинаются на согласный, глаголы могут иметь любой исход. Существительные от глаголов образуются с помощью префикса *k-* (возможно, также реликт фарингальной просодемы). Оппозиция ед.-мн. числа имеет нерегулярный характер (в ряде случаев ед. число не противопоставляется множественному, функционирует синкретичная форма, безразличная к категории числа). Чаще всего в качестве показателя мн. числа употребляется суффикс *gã* (с изменением тона или при сохранении тонового контура): *ngãar* + *gã* → *ngãrgã* 'вожди'. Однако многие факты свидетельствуют, что этот способ образования

мн. числа является вторичным и что исходным было варьирование корневых огласовок (ср. превращение о-огласовки корня в а-огласовку в паре ngōn 'ребенок' — ngàngē 'дети').

Хотя система классов отсутствует, но по характеру переогласовок можно судить о классах существительных, группирующихся в пары ед.-мн. числа; например, мн. число существительных, заканчивающихся гласным низкого подъема, образуется путем повышения финального гласного и прибавления суффикса gē (kāgāā 'дерево' — kāgēgē 'деревья'); у гласных не-низкого подъема артикуляция не изменяется (ngó: 'калебас' — ngóògē 'калебасы'); при этом гласный переднего ряда продвигается назад, и артикулируется его централизованный вариант (kújé 'дом' — kújègē 'дома').

Это говорит о наличии дифференциации основ существительных в зависимости от их окрасок (гласные передние-задние, низкого-высокого подъема) и об использовании при образовании мн. числа закономерности, в силу которой происходит повышение подъема гласного или продвижение назад артикуляции, — закономерности, которая стоит за корреляциями пар ед.-мн. числа в современных языках банту, показатели которых образованы из силлабем (см. u-a, i-i); в случае просодем это правило не соблюдается, — ср. u-a, i-i в парах: убаба-обаба и iN-iziN). Та же закономерность определяет и корреляции *mu-*ōa (веляризация артикуляции согласного и централизация гласного), *mu-*mĩ (повышение подъема), *ĩ-*ma (веляризация гласного), *kĩ-*ōĩ (повышение подъема), *ka-*ĩu (повышение подъема), *ĩu-*ĩĩ (повышение подъема), предопределявшие образование пар ед.-мн. числа в протосистеме. Вариация финальных огласовок используется, кроме того, для образования локативов: kújé 'дом' — kújú: 'в доме' (ср. с постфиксным способом деривации локативов в банту, который является реликтом тембровой вариации финалей существительных).

Для передачи синтаксических отношений употребляются также частицы, развившиеся из служебных слов, — локативная -t́ (ср. с *ĩa; функционирует в качестве постфикса: bē:t́ 'в деревне', от bē: 'деревня'), посессивная lò (nèngà(1) lò(2) ngāàr(3) 'ассегай (1) вождя (2+3)'), ассоциативные и комитативные kè (ср. с *ka-), sè, ñ (ср. с na- в банту). Кроме того, есть так называемый суффикс определенности -á, присоединяемый к существительным (kāgē 'дерево' — kāgāā 'определенное дерево') и приводящий к переогласовке корня.

Функционирование этого суффикса показывает, что повышение-понижение подъема гласного используется в качестве средства, регистрирующего характер посессивно-партитивных отношений между реалией

и говорящим: понижение подъема гласного соотносится с включением реалии в мир ("имущество") говорящего и превращением ее в нечто известное говорящему, освоенное или познанное им, повышение подъема гласного коррелирует с указанием на неопределенность партитивно-по-сессивного статуса реалии (ее "бесхозность", неконтролируемость, отсутствие о ней информации и т.п.).

С классами существительных, фиксируемыми на основании партитив-но-посессивных отношений, связано и представленное в современных языках деление существительных на два типа (1) независимые и 2) зависимые), которое определяет их синтаксическое функционирование. К зависимым существительным относятся термины родства, части тела и некоторые слова различной семантики (bòḅ 'отец', jī 'рука', nām 'друг', tǝgá 'сила' и т.п.), остальные существительные считаются независимыми. Это деление на синтаксическом уровне результируется тем, что зависимые существительные могут непосредственно суффицировать личные местоимения (bòḅ 'отец' + m 'я' → bòḅm 'мой отец'), а независимые нет,* и тем, что в минимальной фразе, состоящей из двух слов, могут стоять только независимые существительные.

Кроме синтаксического противопоставления терминов родства и названий частей тела остальным существительным и морфологических примет различных лексических классов, выявляющихся в способах образования числа, именная классификация сказывается и на других категориях. В частности, термины родства имеют иную морфологическую структуру, чем значительная часть остальной лексики: термины родства совпадают с первообразными корнями, а среди названий людей, животных и локаций часто представлены дериваты (композиции из более простых корней).

14. Среди языков северо-восточного Судана выделяется 15 групп (сахарские; маба; тама; моми; даджу; фур; языки Нубийского нагорья

*Ср.: "Предполагаемое для древнехеттского противопоставление конструкций, выражающих органическую и неорганическую принадлежность, отражает, очевидно, древнейшее общеиндоевропейское состояние с противопоставлением посессивных конструкций по семантической специфике выражаемого ими отношения посессивности. След такой дифференциации в выражении посессивных отношений, восстанавливаемый по древнехеттским данным, можно видеть и в наличии в отдельных исторических индоевропейских диалектах местоименных форм, отражающих существование в исходной системе двух рядов посессивных прономинальных конструкций: в одних из этих диалектов сохраняются независимые притяжательные местоимения, в других — энклитические прономинальные элементы, этимологически соответствующие хеттским энклитическим притяжательным местоимениям..." [13,1:290].

с классами; ньяманг; темеин; нубийские; кома; берта; таби; кунама; ба-рья). Именные классы и системы согласования встречаются только в нубийских языках и языках Нубийского нагорья с классами. Вопрос о генетическом статусе выяснен лишь для отдельных представителей этих групп. Гринберг отнес языки Нубийского нагорья (нубийские с классами, ньяманг, темеин) к нигеро-кордофанской семье (ее кордофанской ветви), а остальные языки — к нило-сахарской (нубийские и барья — к нилотским, таби и баджу — к языкам восточного Судана, кома и берта — к шарии-нильским). Однако генетически гомогенными являются только отдельные группы; в [103] отмечается, что генеалогическое единство доказано лишь для западной подгруппы сахарских языков (канури, канембу) и установлена 41-67% общность словаря у языков группы баджу, генеалогическая же классификация остальных групп и языков основывается на отдельных лексических и грамматических соответствиях, поэтому не может считаться решенной.

Например, одним из оснований для объединения групп в данную семью у Гринберга [85] служит серия коррелятов со значением 'слон': *kual* (ганза) — *gal* (гуле) — *акэп* (динка) — *gwɔg* (нуэр) — *ɲgon* (маба) — *kuhun* (теда) — *kuwun* (даза) и со значением 'огонь': *wutti* (кома-булдиит) — *woti* (кома-мадин) — *ot* (удук) — *ito* (кунама) — *uto, udu* (фур) — *uosi* (маба) — *azza* (берти).

В первой серии представлено регулярное чередование в финали $l \sim r \sim n$, типичное, как отмечалось выше, для банту и всех родственных с ними языков и свидетельствующее о соотносимости этих форм с ретрофлексным многофокусником, распавшимся на данные компоненты в зависимости от индивидуальных особенностей произношения, свойственных каждому коллективу. В инициали также представлены результаты процессов, напоминающих о бантуском ареале, — различные рефлексы результатов активизации резонаторов: лабиовелярного (*ku, akɔ, gwɔ, kuhɔ, kuwu*) и лабионазально-велярного (*ɲgo*). Типичной для банту является также неодинаковая распространенность назализации по слогам (только в финали, по всему слову, ни в одном слоге) у эквивалентов одного и того же слова в различных языках и диалектах (см. [40:220]). Данная серия может быть дополнена словами из языков банту (см. компаративную серию 951 из [86,3:252]; например, в зулу это — слово *indlovu*, где префикс является результатом назализации основы, финальный слог — следствием ее лабиовеляризации, а стержневой консонант основы *dl* входит в набор рефлексов ретрофлексного многофокусного вибранта).

Аналогично: если предположить что лабиализованный инициальный слог в словах второй серии является результатом материализации лаби

альной тонемы, предваряющей корень, и в качестве корневого слога выделить фонему *t*, чередующуюся с *s* и *zz*, вторую серию можно расширить материалами из банту и многих других языков, в которых *t*-корни служат для обозначения огня и его дериватов (см. [21]; в частности, с *uosi* из маба соотносится *ma:se* из даджу, *-osa* 'жарить' из зулу и однокоренные слова из других языков банту, — см. компаративную серию 1701 в [86,4:99] и т.п.).

Во всех перечисленных группах зарегистрированы языки, в которых образуются регулярные пары ед.-мн. числа существительных. Средства выражения категории числа варьируют по группам. Например, в маба означающее мн. числа имеет суффиксный характер (суффиксы мн. числа замещают суффиксы ед. числа), в тама мн. число образуется с помощью суффиксации и апофонии корневого гласного, происходящей в результате понижения, веляризации и назализации корневого гласного (*mèti* 'глаз' — *mún* 'глаза', *ámít* 'нос' — *éme* 'носы'), — ср. с. 306.

Обращает на себя внимание также консонантизм финалей (ср. корреляцию финальных слогов *-ti* — *-ŋ* с оппозицией показателей 5-6-го кл. **l̥i-ma*), материальный облик морфем и соотношение лексем с классами (см. регулярные вхождения лексем со значением 'глаз' в 5-6-ой кл. в языках банту), которые напоминают закономерности, присущие банту и родственным с ними языкам. В темеин показателем мн. числа является циркумфикс (*эм* 'живот' — *k-эм-эк* 'животы', *aŋw-is* 'муха' — *k-uŋw-ak* 'мухи', — ср. с фарингализованными показателями в мбаи), коррелирующий с суффиксами ед. числа (*ø*, *-is* и т.д.), которые соотносятся с показателями классов в банту. Фарингализованный формант в качестве показателя мн. числа (*-k*, *-g*) зарегистрирован в таби (*tau* 'газель' — *tau-k* 'газели'); соотносимость с просодикой становится особенно заметной при обращении к местоимениям (ср. *a:ne* 'я' — *agan* 'мы', *o:ne* 'ты' — *ogan* 'вы', *i:ne* 'он' — *egen* 'они'). Веляризация и назализация как средство плюрализации используется в даджу (*serce* 'лев' — *sercinge* 'львы'): здесь финальный гласный или слог основы заменяется морфемами *-ge*, *-ke*, *-(i)ŋge*, *-tiŋge*, *-(i)ciŋge* (ср. **l̥iN-* как показатель мн. числа 10-го кл. в банту).

Эти примеры подтверждают, что категория числа формировалась в данных языках в эпоху развития назальных, лабиальных и фарингальных тонов после того, как исчез синкретизм имени и глагола и внутри категории имени стали образовываться оппозиции, на базе которых сложилась система классов (ср. агни из группы ква),* а категория имени

*Ср.: "Реконструируемая древнейшая система индоевропейских именных парадигм с показателями **-os* и **-om* соответственно для активного и инактивного классов характеризуется явным отсутствием в первичной системе особых показателей множественности, возникающих позднее..." [13,1:281].

стала противопоставляться глаголу с помощью резонансного произношения именных основ. По-видимому, одним из реликтов фарингального оформления существительного являются также к-образные форманты, используемые для образования инфинитивов во многих языках данного региона и за его пределами, которые впоследствии стали не отличимыми от рефлексов к-силлабем, эволюционировавших в аффиксы параллельно просодемам, — см. в даджу: ɲa:d 'говорить' — ɲa:d-ake 'язык'; buk 'хотеть' — buk-ake 'желание'.

Не вступают в противоречие с высказанными предположениями и другие явления, зафиксированные в языках северо-восточного Судана: интенсивное ударение, музыкальный тон, глоттализированные согласные (например, в даджу есть билабиальный, альвеолярный и палатальный импловивные), *m*-назальные, ретрофлексные многофокусники, чередования, типичные для банту (например: *l* ~ *n*, *p* ~ *f*, *b* ~ *mb* и т. п.). Поразительное сходство с банту бросается в глаза при анализе топонимов, этнонимов или лингвонимов: рунга (маба) — ренге (темеин) — эренга (тама) — са-ронге (даджу) — кронго (тумтум) — рунгу, рунгве, соронго и т.п. (банту); нги-реро (коалиб) — гереро (банту); кваньяма (банту) — кунама (кунама); монго (даджу) — монго (банту); бена (барья) — бена (банту); катла (языки Нубийского нагорья) — кгатла (банту); уалири, уали (нубийские) — оли, ули, уоли, уири (банту); ли-гури (даджу) — нгури, нги-ри (банту) — фунгор (Нубийское нагорье); до-нгола (нубийские) — ко-нгола, се-нгола, а-нгола, ли-нгала (банту); о-торо, ди-торо, ли-тиро (Нубийское нагорье) — торо (банту), и т.п.

Во многих языках заметны следы показателей классов (ср. *dorda* 'глаз' — *korda* 'глаза', *delfi* 'рог' — *kelfi* 'рога' в мими), но классы отмечаются только в кордофанских и нубийских языках. Например, в подгруппе коалиб-моро регистрируется 26 классов ед. и мн. числа, показателями которых являются префиксы (ср. *gw-iji* 'человек' — *l-iji* 'люди' в оторо; *kw-izi* — *l-izi* в коалиб; *kw-iji* — *l-iji* в хейбан; *w-uji* — *l-uji* в тира; *p-эг* — *г* в масакин; *p-аг* — *у-аг* в талоди; *b-а* — *у-а* в элири и т.п.). В подгруппе тегали той же цели служат суффиксы. В тумтум и катла именные префиксы встречаются эпизодически. Принципы классификации напоминают банту, но конкретная их реализация отличается достаточно сильно (общими являются категориальные оппозиции, свойственные этапу, на котором произошло отделение ква, но более кардинальные различия с языками основного ствола, в отношении означающих, чем у ква, свидетельствуют, что языки северо-восточного Судана мигрировали до того, как из протообщности выделились ква, — по-видимому, в ту же эпоху, когда возникла дивергенция центральносуданских языков). Из исторических сведений о расселении предков современных на-

родов, населяющих описываемый регион, известно, что диалекты даджу (восточнее Дарфура) имеют восточное происхождение. Есть исторические свидетельства о том, что диалекты, на которых говорили в древней Нубии (памятники христианской литературы VI-XIII в.в.), близки к тем, на которых в Нубии говорят сейчас (махас).

Именные классы в банту и кордофанских языках развивались самостоятельно, но тенденции к их формированию были заложены уже в той протообщности, из которой впоследствии выделились кордофанские и банту. Для понимания соотношения между системами именных классов в банту и нубийских языках важным является тот факт, что в нубийских, кроме категории класса, представлена категория рода, которой в банту нет.

15. Процесс образования обеих категорий в языках можно изобразить в виде следующих этапов распада синкретичных категорий и образования новых:

1) номино-вербалы → 2) имя + глагол → 3) синкретичные категории имени как преддверие партитивно-посессивной (количественно-качественной) конкретизации → 4) членение партитивно-посессивной количественно-качественной конкретизации на количественную (зарождение категории числа) и качественную дефинитивность (возникновение категории определенности-неопределенности → 5) дифференциация категории определенности на субкатегории в зависимости от оппозиции "часть-целое" и "посессор-принадлежность", параллельное развитие категории числа → 6) распределение "частей-целых" и "посессоров-принадлежностей" в зависимости от ранжирования по способам связи между целым и частями, посессором и его принадлежностями → 7) фиксация отношений "посессор высшего ранга", "среднего ранга", "низшего ранга", "непосессор" (и аналогичных в сфере "часть-целое") → 8) иерархизация этих отношений и категоризация существительных на основе складывающейся иерархии → 9) дальнейшая субкатегоризация существительных.

Параллельно шло развитие глагольной подсистемы и субкатегорий глагола (от аспектных подсистем к залоговым и темпоральным, а затем к модальным).*

* Ср.: "Преобразование глубинной структуры праиндоевропейского языка выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности-интранзитивности, становящемуся определяющим классификационным принципом, имплицитующим ряд характеристик в поверхностной структуре языка. Содержательная оппозиция с класса имен переносится на класс глаголов. Такой сдвиг в глубинной структуре языка с именной оппозиции на оппозицию глагольную отражает, по-видимому, процесс перехода с более конкретного именного противопоставления на более абстрактное глагольное, с противопоставления конкретных денотатов на противопоставление типов действий и "деятельности" [13,1:312].

Как показывают данные различных языков, посессорами высшего ранга признавались мужчины как обладатели неотчуждаемых и отчуждаемых принадлежностей ("имущества", куда входили не-посессоры, т.е. скот, и посессоры более низких рангов — женщины и дети); посессорами среднего ранга были женщины как обладатели неотчуждаемых принадлежностей (частей тела и свойств) и имущества, к которому относились посессоры самого низкого ранга (дети) и не-посессоры (утварь). Из этого противопоставления впоследствии сформировались разновидности категории рода: оппозиция посессоров высшего ранга всем остальным результировалась делением на социально активные — социально пассивные, противопоставление посессоров трех рангов не-посессорам привело к оппозиции одушевленных-неодушевленных, совокупность посессоров всех рангов (в противовес остальным) сформировалась в класс людей, объединение посессоров низшего ранга с не-посессорами в один "род", противопоставленный двум другим "родам" посессоров, стало источником возникновения категории мужского, женского и среднего рода и т.п.* Субкатегоризация посессоров сопровождалась аналогичным процессом в сфере отношений "часть-целое" (см. с. 286), взаимодействие этих процессов привело к всевозможным типам иерархизации существительных, из которых развились современные именные классы, грамматические роды, дефинитные группы, оппозиции категорий числа и аугмен-тативности-димиутивности (10-й этап).

Соотнося представленные выше материалы с этим этапом эволюции языкового сознания, можно отметить, что дивергенция банту на континентальные и прибрежные языки произошла после него. С кордофанскими у банту сохранялась общность по седьмой этап включительно (см. стр. 325), затем их пути разошлись, с остальными языками северо-восточного Судана дело обстоит по-разному: дивергенция,

* Ср.: "К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, деревья, растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам инактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла... Поэтому имена, обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именованному классу, тогда как плоды этих деревьев мыслятся как инактивные объекты соотносимые с инактивным именованным классом... К... именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река; рок, судьба, доля, благо и др... К активному классу относятся также названия светил и космических тел ('солнце', 'месяц', 'звезды')" [13,1:274].

по-видимому, происходила с четвертого по седьмой этап (самым ранним было отделение сахарских, маба-масалит, кунама, тама-ма-рарит, таби и даджу; затем ответвились ныманг, темейн; наиболее долго сохранялись связи с мими, фур, кома, берта, барья и нубийскими).

16. Языки юго-восточного Судана в [103] разбиты на три региона: 1) нилотские, 2) паранилотские, 3) группа дидинга-мурле или сурма. Среди нилотских языков выделены: а) динка, б) группа языков нуэр, в) группа диалектов северного луо, г) группа диалектов южного луо. Зарегистрировано четыре группы говоров динка: северная (паданг, абиа-ланг, палек, донгджал на Ниле; нгок, той, луак на р. Собат; рут, рувенг на р. Джур), восточная (бор, боратой, гол, нуаруэнг, тви — правый берег Верхнего Нила), центральная (агар, алиап, гок, съек — левый берег Верхнего Нила), западная (рек, луак, туик, палиет, малуал, палиоупини, ави-ем — провинция Бахр-эль-Газаль).

Одной из основных характеристик динка (по материалам диалекта агар) и других нилотских языков является противопоставление двух типов артикуляции, зависящих от положения основания языка: с фарингальным сужением (основание языка оттянуто назад) и с открытием фаринкса (основание языка продвинуто вперед). Эта оппозиция вместе с иными просодическими средствами используется для противопоставления глаголов и существительных, а также для выделения классов слов и категорий; например: *dér* 'поймать в ловушку' (с фарингальным сужением) — *a-déêr* 'зверолов' (без фарингального сужения) — *a-dér* 'звероловы' (без фарингального сужения); *nín* 'спать' (с фарингальным сужением) — *a-níín* 'место для сна' (без фарингального сужения) — *a-nín* 'места для сна' (с фарингальным сужением); *kwál* 'воровать' (с фарингальным сужением) — *kwêl* 'воровство' (без фарингального сужения).

Мн. число существительных образуется чаще всего посредством изменения супрасегментных характеристик существительного ед. числа, например: *tõnu* 'горшок' — *tõnu* 'горшки' (модификация регистровых характеристик); *γõt* 'дом' — *γõõt* 'дома' (изменение количества гласного и регистровых признаков); *jòk* 'дух' — *jâk* 'духи' (вариация качества гласного и регистровых свойств); *lêc* 'зуб' (без сужения фаринкса) — *lêc* 'зубы' (с сужением фаринкса — регистрово-тембровая перестройка артикуляции). Кроме того, есть супплетивы (*wêŋ* 'корова' — *γók* 'коровы'; *mòc* 'человек' — *kòc* 'люди') и случаи формирования мн. числа путем вариации финального согласного корня на фоне просодических изменений, указанных выше: *yíc* 'ухо' — *yíiṭ* 'уши'; *rèl* 'муравейник' — *rêṭ* 'муравейники'.

Как видно из приведенных примеров, общей закономерностью является повышение тона, увеличение степени раствора и количества гласного, а также его снабжение фарингальным обертоном (ср. со с. 305, где отмечается изменение характера округлости и степени напряженности лабиального резонатора, дополняемое активизацией фарингального резонатора), что свидетельствует о процессах одинаковой направленности при регистрации перехода от ед. числа к множественному во всех охарактеризованных семьях языков.

Некоторые существительные группируются в серии, элементы которых связаны различными зависимостями, соотносимыми с оппозициями А, Б, В на с. 303: *tìèk* 'женщина' — *dyàr* 'женщины' — *díóór* 'женский коллектив'; *mêṭ* 'ребенок' — *mìṭ* 'дети' — *mééṭ* 'коллектив детей'; *bény* 'вождь' — *bâny* 'вожди' — *báány* 'совет племенных вождей'; *ríû* 'вода' — *ryèù* 'жидкость' — *ryèù*, дистрибутивное мн. число — *ríá'ú*, коллективное мн. число; *mòc* 'человек' — *kòc* 'люди' — *míwócs* 'человечество, человеческий коллектив'; *gaán* 'человек, личность' — *gèòr* 'люди'. Указанные серии могут дополняться абстрактными существительными: *góór* 'человеческий статус', *míwócs* 'человечность', *mééṭ* 'детство', *tìèèk* 'женское начало' и т.п. Грамматического рода нет (пол обозначается лексемами и префиксами адъективов).

У всех существительных (ед. и мн. числа) при сочетании с личными местоимениями, числительным 'один' и некоторыми прилагательными происходит изменение корневого гласного и назализация финального согласного: *gâk* 'ограда' — *gân-dië* 'моя ограда'. То же наблюдается при образовании так называемой детерминативной формы: *bény* 'вождь' — *béàny* 'именно этот вождь'. И значит, при конкретизации основы существительного, достигаемой ее употреблением в указанных выше структурах, происходит активизация назального резонатора и изменение регистрово-тембровых характеристик. Понижение назального резонатора соответствует его состоянию, используемому для фиксации посессивно-локативной дефиниции лексем и их субстантивации, отмеченному на с. 311, регистровые характеристики изменяются в том же направлении, что и в оппозициях числа. Поэтому описанные факторы определения существительных могут рассматриваться как развитие способов конкретизации синкретичных лексем, происходившее при формировании категорий субстантивности (см. назализацию как тембровый маркер субстантивности и различные виды вокалических окрасок как реализацию темброво-регистрово-вых возможностей речевого аппарата при переходе от ед. числа к множественному в описанных выше языках, с. 299).

Те же тенденции выявляются при анализе остальных способов детерминации субстантивных корней. Так, большинство существительных ед. числа оканчиваются на фарингализованные *p, t, ʈ, c, k* или на гласные; перед посессивами, демонстративами, релятивами и многими адъективами это окончание заменяется назальными согласными. Во мн. числе это не наблюдается, например: *gâk* 'ограда' — *gâŋ dit* 'большая ограда'; *gə̀k* 'ограды' — *gə̀k dit* 'большие ограды'.

Вероятно, сначала субстантивностью были охвачены только те лексемы, которые обозначали единичные реалии и объекты обладания лиц, фиксируемых личными местоимениями (своеобразные собственные имена, которые были "общими" названиями, не соотносимыми с категорией числа). Затем произошел распад "общих" названий "имен собственных" на субстантивы, соотносимые с единичными объектами и с их множествами. Оба типа субстантивов маркировались одинаково с точки зрения тембровых особенностей артикуляции (назализацией). Поэтому для их противопоставления друг другу были использованы не тембровые особенности, а регистровые — степень раствора голосовой щели. В итоге возникли субстантивы, имеющие формы, которые различались по отношению к оппозиции ед.-мн. числа с помощью регистровых признаков, но были идентичными по отношению к маркеру субстантивности — назализации.

На этом этапе нилотские языки составляли общность с банту (субстантивность и категории числа в них имеют одни и те же означающие), далее они стали развиваться отдельно: одной из основных тенденций эволюции банту стало формирование категории числа в связи с делением существительных на классы по типам основ, а нилотских — в связи с отказом от такого деления и интеграцией типов основ. В нилотских языках в сферу субстантивов постепенно втягивался все более широкий круг лексем, доминантой их противопоставления становились отношения посессивной конкретности-неконкретности и на их основе развивалась категория числа. Роль количественных оппозиций возрастала, единичность стала восприниматься как посессивная конкретность, множественность — как неконкретность, затем как абстрактность, поэтому исходный маркер конкретности (назализация) перешел ко всем существительным ед. числа и только к тем существительным мн. числа, которые употреблялись с ним до того, как окончательно сформировалась оппозиция числа и исчезла из языкового сознания связь между конкретностью и посессивной определенностью.

Группа языков нуэр делится на два региона: диалекты нуэр и атуот (Верхний Нил, Эфиопия). Северный луо (Южный Судан, Эфиопия) включает

три ареала: центральный (шиллук — правый берег Верхнего Нила до границы с Кордофаном, ануак — Верхний Нил), северо-восточный (бурун и мабан), западный (луо, тури, бор, или беланда). Аналогично три региона установлены и для южного луо: западный (алур — Уганда, севернее о.Альберт, и Заир, западнее о. Альберт), центральный (ачоли — Уганда, Судан; ланго, куман, — по происхождению, паранилотские; лабуор, луо, или "чопи", "шефалу", — Уганда), южный (адола — Уганда, Кения; луо нилотских кавирондо — Кения, Танзания, Уганда).

17. Паранилотские языки долгое время считались хамитскими (афризские у Гринберга, эритрейские у Такера). В [103] паранилотские языки разбиты на две группы: 1) бари-маасаи (восточно-нилотские, по Гринбергу, распространены в южном Судане, северо-восточном Заире, на севере и востоке Уганды, на западе Кении и севере Танзании) и 2) календжин (южно-нилотские: Уганда, Кения, Танзания). Каждая группа состоит из трех подгрупп; так, в бари-маасаи выделяются северо-западные диалекты (бари, лотухо, напоре), центральные (топоса, туркана, каримод-жонг, тесо) и южные (маасаи, нгаса), в подгруппе календжин: северные с диалектами марквет, эндо, кадам, центральные (нанди-кипсигис с диалектами: нанди, кипсигис, кейю, туген, терик, конь, пок, сабинь, сабаот, окиек), южные (датог, календжин). В языках первой группы есть грамматический род (показателем мужского рода является инфикс посессора -l-, женского — инфикс обладаемого -n-), в языках второй группы его нет, зато многие существительные характеризуются суффиксами вторичного происхождения деиктической природы: -t- (ед. ч.) — -k- (мн. ч.), которые отсутствуют у существительных первой группы. Обе группы характеризуются противопоставлением артикуляции в зависимости от степени сужения фаринкса (см. с. 327).

У существительных обеих групп мн. число в ряде случаев имеет исходную форму, единственное — производную, например, в диалекте мон-дари языка бари существительные ед. числа образуются от существительных мн. числа с помощью суффикса -cô (ср. múndáricô 'мондариец' — mùndári 'мондарийцы'), в диалекте шир — -cò (ср. šéǵàèò 'шираец' — šéǵá 'ширайцы'), в диалекте каква — -tyo (kakwatyo 'какватец' — kakwa 'как-вайцы'), в языке лотухо — -nì (ótúxòni 'отухонец' — ótúxò 'отухонцы'), в топоса — дефарингализующего циркумфикса у-yt (nyé-tòpòsèit 'топосец' — ñí-tòpòsà 'топосцы'), в туркана и каримаджонг — деназализующе-го и дефарингализующего циркумфикса (é-túrkanáit 'турканец' — ñí-tùrkáná 'турканцы').

Аналогично: в тесо: é-tèsòt 'тесоец' — i-teso 'тесойцы', в маасаи ("ма-саи"): ol-máásaní 'маасанец' — il-máásái 'маасаи' и в различных диалектах

маасаи (o-síryaní 'сирианец' — i-siryá 'сирианцы', ol-púrkóу 'пуркой' — il-purkó 'пурки', ol-dámáti 'даматиец' — il-damát 'даматы' и т.д.). Такая же картина представлена в языках второй группы, — см. seblejin 'эндиец' — sebléj 'эндийцы' в эндо, koo' damin 'кадам' — kádamá 'кадамы' в кадам, noó ndiin 'нанди, ед. ч.' — nándi 'нанди, мн. ч.' в нанди, kipsigisiín 'кипсигис' — kipsigiís 'кипсигисы' в кипсигис, tugéni 'туген' — túgeèn 'тугены' в туген, tèrikin 'терик' — térik 'терики' в терик, bisiyáánda 'бисиед' — bisiyèda 'бисиеды' (с назализацией финали в основе ед. числа) в бисиед и т.п.

Во всех паранилотских языках существительные имеют две формы: первичную и вторичную. Первичная представляет собой корень или корень в соединении с суффиксами числа и различными аффиксами, обозначающими синтаксические функции и признаки пола, размера, локализации и т.п. Вторичная форма отличается от первичной суффиксами, соответствующими по значению определенному артиклю. Конкретный тип суффикса определяется классом существительного, к которому он присоединяется. Так, в покот все существительные ед. числа распределяются на семь классов. Существительные 1-го кл. в первичной форме имеют нулевое окончание, во вторичной — úù (ɲalyâp 'язык' (вообще) — ɲalyâr-úù 'язык данного племени'), 2-й кл. характеризуется окончаниями ó'-éé (póltó 'туча' (не локализованная ни в каком конкретном месте) — pólt-éé 'туча, которая видна или известна говорящему'). Аналогично: ø-yèé в 3-м кл. (kú'nyèt 'мозг вообще' — kú'nyèt-yèé 'мозг конкретного человека или животного'), ø-téé в 4-м кл. (kalályaán 'муха вообще, муха как вид' — ø-tá' (kalályaán-téé 'конкретная муха, отдельная особь'), ø-tá в 5-м кл. (mɲaaɣ 'какое-то масло' — mɲaaɣ-tá 'чье-то или какое-то масло'), γ-i-tâ в 6-м кл. (kīɣ 'какая-то вещь, что-то' — kii-tâ 'чья-то конкретно вещь') и ø-ît в 7-м кл. (yíit 'ухо как часть тела, ухо вообще' — yíit-î't 'чье-то конкретно ухо').

Такие же пары устанавливаются и между первичными-вторичными формами мн. числа (ø-wéé для 1-го кл., ø-ik для 2-го, ø-kä для 3-го, ø-íí для 4-го, ø-íí для 5-го, îp-úú для 6-го, îp-ii для 7-го). В ряде случаев первичная форма мн. числа выступает исходной, ед. числа — производной (ср. róól 'тучи вообще' — póltó 'туча вообще'), т.е. из синкретичного обозначения реалий безотносительно к числу выделились родовые названия, которые сначала конкретизировались в двух направлениях: по отношению к посессору (говорящему) и его локализации ('тучи вообще' — 'конкретные тучи на небе, которые видел говорящий') и по отношению к составляющим их частям ('конкретные тучи' — 'одна из них конкретная туча'), а затем абстрагировались ('одна конкретная туча' — 'туча вообще').

В итоге образовалось несколько типов деривационных отношений, которые привели к формированию категории числа и определенности, отразившейся в оппозициях первичных-вторичных форм (например, мн. число первичных форм — ед. число первичных форм: róól — ról'tó; мн. число первичных форм — мн. число вторичных форм: róól — ròól-ík; ед. число первичных форм — ед. число вторичных форм: ról'tó' — ról-éé и т.д.).

В силу того, что конкретизация начинается с форм мн. числа, назальный показатель субстантивности, маркирующий в других языках формы ед. числа, здесь соотносится с формами мн. числа (см. суффиксы -ín у существительных 6-го и 7-го классов); наоборот, формы ед. числа воспринимаются как конкретные, назальный показатель субстантивности в них отсутствует (в ед. числе сохраняется та форма, которая была присуща лексеме до назализации). Поэтому в ед. числе представлены t- и l-образные деривационные суффиксы, во мн. числе — n- и k-образные. Преобразование исходных форм в производные сопровождается пролонгизацией, назализацией, повышением подъема и сужением раствора гласных (см. с. 306).

Большую роль в грамматической структуре паранилотских языков играют аффиксы. Так, в календжин префикс p- (kír- в нанди-кипсигис) передает значение мужского рода, а также больших или сильных реалий (ср. с wa-образными формантами у посессоров высшего ранга, с. 295). Наоборот, префикс сєр-/сер- встречается у существительных женского рода и в названиях маленьких или слабых особей (ср. с kí-образными формантами у посессоров низшего ранга). Кроме того, отмечаются: притяжательный суффикс (kєєс-áá râkòót 'баран покота', — ср. с ассоциативным формантом в банту), притяжательные префиксы rǎ- (kúú'tîŋ) rǎ'kòónu 'гора племени конь') и ka(p)-, префикс ka(p)-, служащий для обозначения локализации предметов (ср. с ассоциативным *ka-) и п-образные суффиксы в названиях агентов, инструментов и локативов (ср. с N-образными префиксами, использовавшимися для обозначения всевозможных типов конкретизации реалий по отношению к говорящему; общепосессивное значение "реалия-говорящий" как бы распадается на видовые: реалия как агент по отношению к говорящему, как инструмент, как местонахождение и т.п.).

Это свидетельствует о генетической общности паранилотских и всех остальных языков, рассмотренных выше, а также о том, что деление этой общности началось до формирования категории числа, сразу после того, как наметилось противопоставление имени и глагола. Можно отметить, что, по легендам, покоты пришли из Египта, по пути оставив за собой кланы Меттья и Сириква.

18. Дидинга-мурле, или сурма, является изолированной группой в южном Судане, Эфиопии и Уганде. Эти языки называют судано-эфиопскими [103] или восточно-суданскими нило-сахарской семьи [104]. К ним относятся: дидинга, лонгарим, мурле, сури (Судан), маджанг ("месенго"), меэн (с диалектами боди и тешена), квегу, зилмаму, тирма, чаи, мун (Эфиопия, Уганда). Среди наиболее интересных особенностей данных языков — разнообразие способов образования ед.-мн. числа, свидетельствующее о существовании различных направлений деривации (в одних парах исходной является форма ед. числа, в других — множественного).

Так, с помощью постфиксов *-init*, *-ny*, *-ir*, *-it*, *-ni*, *-nit*, *-i* строится форма ед. числа от формы мн. числа в следующих примерах: *lariminit* 'лонгарим' — *larim* 'лонгаримы' (лонгарим), *murlényu* 'мурлиец' — *múrlê* 'мурлийцы' (мурле), *majangir* 'маджангир' — *majang* 'маджанги' (маджанг), *mɛɛnit* 'меэнец' — *mɛhɛn* 'меэнцы' (меэн), *nyidini* 'кве-гиец' — *nyidi* 'квегийцы' (мун), *yidinit* 'квегиец' — *yidi* 'квегийцы' (боди), *muni* 'муниец' — *mup* 'мунийцы' (мун). Тем же целям служат инфиксы (*saci* 'чаец' — *cai* 'чайцы' в чаи), переогласовки финалей (*baleθi* 'зилмам' — *baleθa* 'зилмамы' в тид, *tirmaɣi* 'тирмаг' — *tirmaga* 'тирмаги' в тирмаг), модификация финального слога, внутренняя флексия и т.п.

Проиллюстрируем специфику языков данной группы на материалах мун. Если исходной является форма ед. числа, производной — мн. числа, в качестве показателя мн. числа выступают постфиксы *-cin* (*mama* 'мама' — *mamcin* 'матери', *go* 'костер' — *gocin* 'костры', *wara* 'нож' — *waracin* 'ножи' и т.д.), *-(i)o* (*bi* 'корова' — *bio* 'коровы', *kirin* 'жираф' — *kirino* 'жирафы', *kama* 'сумка' — *kamaio* 'сумки'), *-nyu* (*uli* 'бык' — *ulinyu* 'быки', *kinyar* 'крокодил' — *kinyannyu* 'крокодилы', *bbe* 'топор' — *bbenyu* 'топоры'). При противоположном направлении деривации показателем ед. числа является постфикс *-i* (*kirɛŋo* 'мухи' — *kirɛŋoi* 'муха', *kaŋa* 'бабуины' — *kaŋai* 'бабуин', *buŋa* 'яйца' — *buŋa* 'яйцо') или тот же постфикс в сочетании с внутренней флексией (*owa* 'птицы' — *wai* 'птица'). В ряде случаев элементы пар ед.-мн. числа различаются огласовками финалей: *lusi* 'мальчик' — *lusa* 'мальчики', *nyafi* 'ухо' — *nyafa* 'уши', *baŋi* 'лужа' — *baŋa* 'лужи' (ед. число маркируется *i*-огласовкой, множественное — *a*-огласовкой). Кроме того, есть случаи, когда форма мн. числа формируется с помощью суффиксов и переогласовки корня, свидетельствующих о назализации финали и фарингальном сужении (*dɔŋi* 'дом' — *dɔŋɛn* 'дома', *kido* 'река' — *kidɛn* 'реки', *ŋɔŋo* 'слон' — *ŋɔŋɛna* 'слоны', *kiɔ* 'дерево' — *kɛnɔ* 'деревья').

Вариация положения назально-фарингального резонатора принята за основу образования форм числа и у терминов родства: в ед. числе при произнесении финалей активизируется назальный резонатор, во мн. числе — фарингальный или назально-фарингальный. Следствием этого является образование постфиксов с назальными согласными в формах ед. числа (-пе, -пе) и с фарингальными или назально-фарингальными согласными в формах мн. числа (-ge, -uge, -igen, -ngen), например: uune 'отец' — uuge 'отцы', jəne 'мать' — juge 'матери', ɲəne 'сестра' — ɲənigen 'сестры', gwɔdine 'брат' — gwɔdɪŋen 'братья'. Отдельно стоят супплетивы: hiri 'человек' — zu(γ)o 'люди' и др.

Итак, общим правилом деривации мн. числа является постфиксация, свидетельствующая об активизации назального, фарингального (если в финалях форм ед. числа уже есть назальные) или лабиального резонаторов (-cin, -пуа, -п, -по, -па, -ge, -uge, -igen, -ɲgen, -(i)o). Спецификой артикуляции форм ед. числа является переход от "поперечной" огубленности финалей (а-, о-, и-окраски) к "продольной" (i-окраске). Это тот же арсенал грамматических средств, с которым мы сталкивались при описании языков банту (см. с. 320).

Приведенные примеры показывают, что формирование категории имени существительного в мун связано с оперированием тембровыми характеристиками языка. У терминов родства в финалях форм ед. числа представлены назальные, которые чередуются с фарингальными (или назально-фарингальными) в формах мн. числа, что свидетельствует о вто-ричности финалей (образовании финалей ед. числа вследствие снабжения корней назальной окраской, которая служила показателем посессивной детерминированности лексем, лежащей в основе субстантивации). Предположив, что назализация и в других случаях выступает как показатель посессивной детерминированности, на базе которой развилось значение конкретности и определенности, можно отметить, что в большинстве случаев формы ед. числа выступают как недетерминированные родовые названия (река, бык, нож и т.д., "вообще"), формы мн. числа — как детерминированные, соотносенные с конкретными локациями и посессорами (конкретные реки, быки, ножи).

Той же цели служат и иные посессивные детерминаторы: притяжательный суффикс -iny (giyeu a binu 'кость коровы', от giyeu 'кость' и bi 'корова'), свидетельствующий, что посессивность маркируется наза-

лизацией и в этих структурах; постфикс -а (ср. с ассоциативным *a* в Других языках); лабиализация и фарингализация. И значит, в основе оппозиции форм ед.-мн. числа лежит противопоставление посессивной недетерминированности-детерминированности. Исключением из этого являются термины родства, которые характеризуются наличием посессивной детерминированности в обеих формах (ед. и мн. числа). В силу этого термины родства выделяются как самостоятельный класс и противопоставляются остальным существительным (см. назально-фарингальные постфиксы в их основах).

Кроме группировки существительных по способам образования числа, встречаются иные способы их упорядочения — по тональной структуре (в мун выделяются существительные со слогами только высокого или среднего тона, а также со слогами различных тонов — высокого и среднего, среднего и высокого, высокого или среднего и нисходящего). Категория класса в мун отсутствует. Для фиксации пола употребляются постфиксы -таа, -амаа (м.р.) и -паа, -апаа (ж.р.), например: *ɲatuiɲamaa* 'лев' — *ɲatuiɲapaа* 'львица' (от *ɲatuiɲ* 'лев, львица'). Адъектив вводится связывающей морфемой *a* (в предикативах опускается): *ba(1) a(2) kɔroi(3)* 'черная(2+3) корова(1)', та же морфема употребляется и в генитивной конструкции (*kiaŋ a biɲu* 'живот коровы').

Среди формантов, выступающих в качестве показателей синтаксических и морфологических функций, можно отметить: префиксы *k-*, *kɛ-*, *ku-*, которые маркируют инфинитивы (ср. *buhogɪ* 'колдун' — *ku-buso* 'колдовать', *ilajai* 'больной' — *k-ilasio* 'болеть'), и постфиксы -о (после согласных), -уе, -о, -jo (после гласных), функционирующие как показатели локативов (*ga o* 'в лесу', от *gai* 'лес'; *ɲijo* 'в тени', от *ɲi* 'тень') и свидетельствующие о наличии в прошлом противопоставления основ по типам (ср. с положением в банту, регулирующим выбор алломорфов внутри каждого именного класса). Все это говорит о большой темпоральной глубине разделения языков банту и дидинга-мурле. Различие путей их развития началось после того, как исчез синкретизм имени и глагола, выделился класс терминов родства, начала формироваться категория числа, но до того, как наметились специфические тенденции образования категории числа (вкуче с категорией класса, определенности-неопределенности, грамматического рода, родо-видовой принадлежности, конкретности-абстрактности).

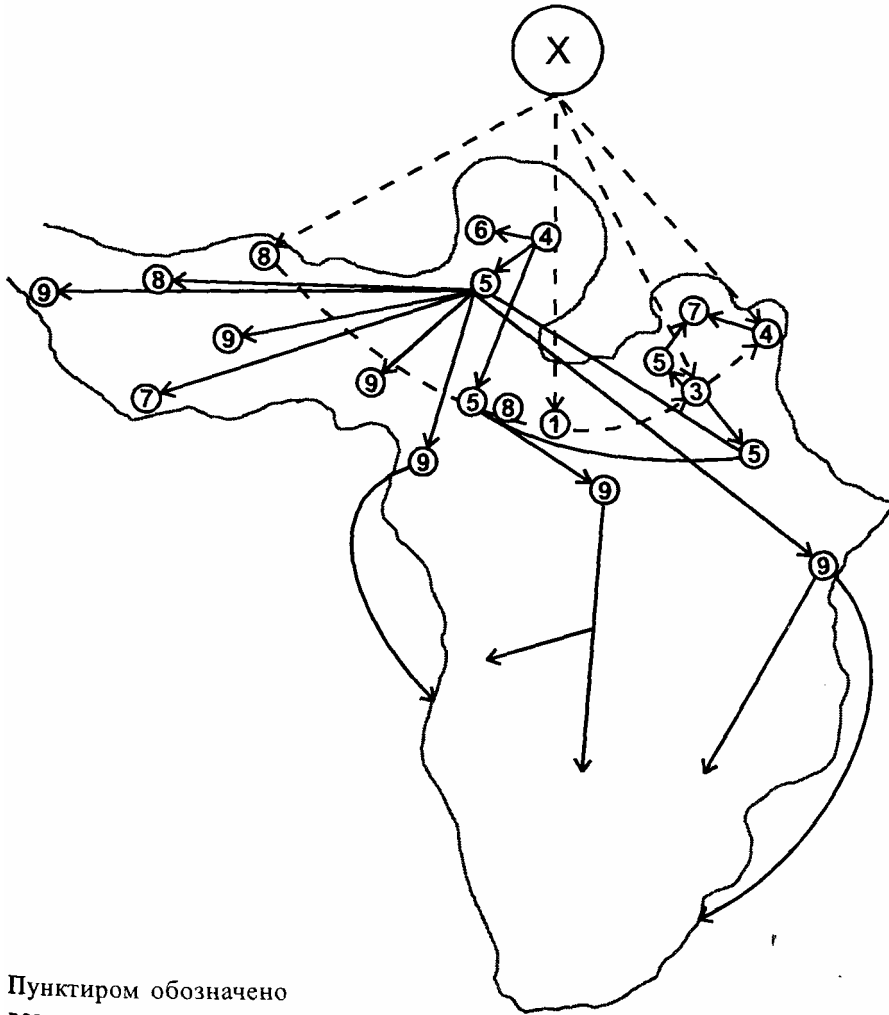
§ 3. Заключение

Итоги распада протообщности по этапам, охарактеризованным на с. 325, можно представить в виде следующей схемы:

Таблица 10

Этапы	Языковые группы, отделявшиеся на данном этапе от основного ствола
1	западная часть языков Восточные Адамауа — с. 314–315
2	сонгаи, зарма, денди — с. 307–308
3	паранилотские (языки юго-восточного Судана) — с. 330–332 дидинга-мурле — с. 333–335
4	сахарские (языки северо-восточного Судана) — с. 323, 327
5	нилотские (языки юго-восточного Судана) — с. 327–329 часть языков северо-восточного Судана — с. 327 часть убангийских языков (1-й, 2-й и 3-й регионы) — с. 316–317 центральносуданские языки — с. 318–321 ква — с. 310–311
6	часть языков северо-восточного Судана — с. 327
7	кордофанские (языки северо-восточного Судана) — с. 325–326 кру — с. 309–310
8	часть убангийских языков (4-й регион) — с. 316 манде — с. 306–307
9	банту вольтийские — с. 308–309 западно-атлантические — с. 303–306 языки Бенуэ-Конго Центральноафриканского Плато (языки Плато, юнкоидные и Кросс-Ривер) — с. 312–313
10	дивергенция языков банту (на континентальные и прибрежные) — с. 326

Дивергенция африканских языков

Пунктиром обозначено
возможное направление
рассеивания протоядра (x),
цифрами — этапы из Таблицы 10

Заключение

1. Данные, рассмотренные в первых двух главах, подтверждают общеизвестную гипотезу о генетическом родстве и типологическом тождестве языков банту, развивавшуюся в трудах практических всех крупных африканистов, которые останавливались на этом вопросе. Материалы содержащиеся в четвертой главе, говорят о генетическом родстве и типологических различиях нигеро-кордофанских и нило-сахарских языков, т.е. служат подтверждением гипотезы об общности генезиса этих двух различных по Гринбергу [85] семей и необходимости объединения их в одну макросемью. Проблемы, поставленные на обсуждение в третьей главе (см. материалы в параграфах, посвященных ностратическим параллелям), подводят к обсуждению тезиса о моногенезе африканских и ностратических языков. Особенно важными кажутся здесь интерпретации языковых фактов, вскрывающие генетические связи афразийских (в частности, чадских) и нигеро-кордофанских (банту) языков.

2. Среди этих интерпретаций — вопрос о лингвонимах, этнонимах и топонимах. К их описанию и классификации могут быть применены результаты проведенного выше исследования и на их основе сформулированы методы, позволяющие дополнить аргументацию о родстве африканских языков следующими соображениями.

В настоящее время известно несколько тысяч названий африканских языков и диалектов (лингвонимов). Они либо тождественны названиям этносов, либо отличаются от последних префиксами, постфиксами и инфиксами (ср. язык *лу-ганда* и народ *ба-ганда*, язык *фуль-фуль-де* и народ *фуль-бе*). В ряде случаев те же корни повторяются в географических названиях (см. *Уганда*). Нанесение лингвонимов на карту в соответствии с локализацией этносов, названия которых в них зарегистриро-

ваны, показывает что одни и те же корни встречаются в различных языковых семьях, на которые традиционно делятся африканские языки, — например, в нигеро-кордофанской, нило-сахарской и афразийской (-леле), нигеро-кордофанской и нило-сахарской (-монго, -бена, -чопи, -макуа, -ромби, -ндого, -саката, -санга), нигеро-кордофанской и афразийской (-шира, -куба, -ганда), нигеро-кордофанской и койсанской (-каранга, -куа, -куси), нило-сахарской и койсанской (-кере), и т.д. Такое же сходство наблюдается и внутри различных подгрупп одной и той же семьи — между ветвями нигеро-кордофанской (-торо — банту, манде и кордофанские; -буа — банту. Восточные Адамауа и манде; -теге — банту, западно-атлантические и гур; -нгомбе — банту и Восточные Адамауа; -ханга — банту и гур; -биса — банту и манде; -леле — банту, манде и гур; -санга — банту и западно-атлантические и т.д.), нило-сахарской, койсанской и афразийской семей.

Полные совпадения названий отмечаются не часто (около 0,5% лингвонимов). Однако и они не столь редки, чтобы признать тождество случайным и не предположить, что оно свидетельствует о генетическом родстве языков и народов, названия которых отражены в обследованном материале, — афразийских (чадских, кушитских), нигеро-кордофанских, нило-сахарских и койсанских. Вместе с данными о генетическом родстве языков каждой семьи эти факты являются еще одним свидетельством в пользу теории африканского единства и доказательством не только ареальной, но и генетической общности автохтонных народов Африки.

Не менее веским аргументом в пользу этой гипотезы являются результаты диахронической интерпретации лингвонимов, сходных по звучанию и тождественных относительно прототипа, из которого они развились (ср. *ронго-лонго-солонго-балонг-ролонг* и т.п.). В этом случае однокоренных оказывается не 0,5% лингвонимов, а в 20 раз больше (около 100 на 1000). Упорядочивая гнезда однокоренных слов по темпоральной глубине фонетических изменений, которые затрагивают лингвонимы, исследователь получает возможность воссоздать лингвистическую историю Африки: 1) восстановить облик исходного слова (название протоэтноса, эволюция которого во времени и рассеяние и пространстве привели к существованию современного многообразия лингвонимов); 2) зарегистрировать результаты миграции дочерних этносов; 3) экстраполировать локализацию протоэтноса; 4) определить относительную хронологию этапов филиации протосистемы и т.д.

3. Для организации этих исследований наиболее важным является установление законов звуковых изменений, происходивших в африканских языках, и их иерархизация в соответствии с реальной исторической

перспективой. Проиллюстрируем, как с помощью полученных выше результатов можно охарактеризовать одно из гнезд однокоренных лингвонимов. Прежде всего, отметим три фактора, содействующие морфемному отождествлению лингвонимов: 1) наличие простых и редуцированных форм (*буа* и *буабуа*); 2) существование префиксных и суффиксных параллелей (*ба-куба* и *куба-ва*); 3) композицию морфем (*со-ронго* и *мусе-ронго*). Корреляты, составленные в соответствии с пп. 1-3, помогают восстановить этап истории исследуемых языков, на котором аналоги современных суффиксов и префиксов функционировали как самостоятельные моносиллабемы в не фиксированном относительно корня порядке [40]. На этом этапе языки, которые впоследствии стали префиксирующими (например, банту) или суффиксирующими (чадские), составляли единую общность (в нее входили также языки, потомки которых развили циркумфиксные способы оформления существительных, — басари, тив, гурма и др.). В описываемом гнезде однокоренных лингвонимов действием второго и третьего факторов можно объяснить возникновение серии: *элинг*, банту, — *нилингей* (ср. *манилинг*), чадские.

4. Не менее важным для понимания эволюции звукового строя африканских языков является правило (4) о заменимости многоударных ретрофлексных дрожащих фонем латеральными, дрожащими и альвеолярными (одноударными-многоударными, звонкими-глухими, взрывными-фрикативными, с дополнительной велярной артикуляцией — без нее), в результате чего возникают такие аллофоны, как $л \sim р \sim д \sim т \sim тл \sim хл \sim дл \sim кл \sim кр \sim гр \sim рг \sim рх$ и т.д. Действием этого закона объясняется появление серий: *каранга-каланга-хлангану*, *ронго-лонго-кронго-тлоунг*, *лен-ге-хленгу*, *ринг-рхиньи* и т.д., которые представлены в анализируемом материале. Эти серии можно расширить, поскольку во многих языках (не только суффиксных, но и префиксных) существует варибельность финального гласного [40], свидетельствующая, что финальный гласный существительного принадлежит не корню, а основе (например, в зулу слова *um-sebenzi* 'рабочий' — *uku-sebenza* 'работать' — *in-sebenzo* 'зарплата' противопоставлены не только префиксами, но и вариацией финальных гласных *i-a-o* на фоне тональных оппозиций; с помощью буквы *b* обозначен билабиальный импловивный согласный). В тех случаях, когда корень соотносится с протосистемой, огласовка его финали является результатом последующего развития [40]; например, дифференциация форм *ланга-ланго-лангу-ланги-ланге* восходит не к протосистеме, но к последующим этапам ее развития, когда силлабема *ланг* с синкретичной финалью эволюционировала в основы с различными конечными огласовками. Это правило (5) дает возможность рассматривать как однокорен-

ные все лингвонимы, имеющие одинаковые корни и различающиеся огласовками финалей: *-ранга ~ -ранга ~ -рангу ~ -ранги ~ -ранге* и т.п.

5. Учитывая тезис Майнхофа [120] о последовательности формирования систем гласных в языках банту из первичных гласных *a, i, u* (правило б), можно отметить, что формы с *o-* и *e-*огаасовками финалей (например: *лонге-лонге, ленге, солонго, ранге*) являются более поздними, чем с *a-, i-, u-*огласовками (*каланга, лунгу, рунгу, рунги* и т.п.). Соотнося тезис Майнхофа с еще более ранним состоянием протосистемы, формирование гласных *i, u* можно представить как результат расщепления синкретичного централизованного гласного *a* на *i, u* вследствие дифференциации заднего и переднего места артикуляции и степеней открытости речевого канала. Эволюция корня *-ранг-* в этом случае выглядит как процесс следующего типа: *ранг → (рунг → ранг) + (ринг → ренг)*. В соответствии с этим представлением лингвонимы с корнями *-ринг-, -ренг-, -ронг-, -рунг-, -ранг-* соотносятся с одним и тем же исходным корнем, содержащим синкретичный гласный, не дифференцированный по ряду, огубленности, степени подъема и широте раствора (с. 173). Это дает возможность включить в гнездо однокоренных лингвонимов слова с различными огласовками не только финалей, но и корней, например: *-лан-ги, -ленге, -лонга* и т.д.

Данный перечень правил не является полным. Он может быть расширен за счет иных закономерностей. Каждая из них ведет к увеличению гнезда родственных слов. Так, при фиксации тезиса, в силу которого не различаются звонкие-глухие согласные (например, в банту, деление взрывных на звонкие-глухие является инновацией, в протосистеме оно отсутствовало [120]), выявляются пары типа *-ранга—ранко, -линге—лин-ке* и к указанным выше добавляются такие лингвонимы, как *дьялонке, малинке, бадьяранке* и т.п. Памятуя, что артикуляция многих согласных сопровождается лабиализацией или лабиовеляризацией, можно прибавить также лингвонимы типа: *-рунгва, -ленгве, -лвангу, -бронг* и др.

6. Перечисленные правила могут быть обобщены посредством закона о распаде многофокусников, в соответствии с которым различные сегментированные согласные и бифокалы (*кр ~ кл ~ гр ~ гл ~ рг ~ лг ~ ргв* и т.д.) выступают, наряду с монофонемами, в анализируемом гнезде родственных слов как рефлексы древнего глоттализованного или лабиовеля-ризованного дрожащего многофокусника (с. 249). Учитывая, что активизация назального резонатора во время артикуляции многофокусников в современных африканских языках результируется изменением облика многофокусников (их соноризацией, озвончением, появлением назальных фонем и т.д.[40]), можно предположить, что "велярный компонент"

многофокусника мог развиваться не только в фонемы *к, г* (в составе композит *кр, гр, кл, гл, рг, лг, ргв* и т.п. или в виде монофонем), но и в самостоятельный слог (в препозиции, постпозиции или циркумфиксно к вибранту). Это дает возможность дополнить приведенную выше серию однокоренных лингвонимов такими словами, как *каранга, каланга, ка-ренг, келенг, керанг, куланго, куранко, коранко, калонго* и т.п. (ср. с несо-норизованными вариантами, превратившимися в лингвонимы *кронго, крахн, хланга* и др.), структура которых свидетельствует о циркумфиксном велярном "окаймлении" дрожащего согласного, его соноризации, приведшей к образованию трех слогов (*ка-ра-нга*), и назализации, происходившей после произнесения дрожащего, но сохраняющей путем "го-морганной симметрии" (ср. велярные *ка-нга*) "память" об исходном единстве многофокусной артикуляции.

В описываемой серии лингвонимов наиболее частотной является велярная инициаль. В ряде случаев она воспринимается как *ки-, ка-, ку-*префиксы, но, скорее всего, это квази-префиксы, возникающие в результате переразложения основ. При дальнейшем распаде многофокусников финали корней становятся все более оторванными от их инициалей, го-морганность артикуляции исчезает, активизация назального резонатора из супraseгментного фактора, воздействующего на весь сегмент, превращается в фонологический фактор, результирующийся образованием назальных фонем (ср. название одного из койсанских языков *корана* или одного из языков группы гур *гурен* и их бантуский аналог *каранга*). Подобно веляризации, в роли фактора, который "окаймляет" артикуляцию дрожащего согласного, может выступать и назализация (например, при образовании лингвонимов *нхарон* и *нварвэнг* назализатор остается активным в течение всего времени артикуляции, фаринкс либо "выключается" в конце — *нхарон*, либо нет — *нварвэнг*; с помощью буквы *в* передается лабиовелярный полугласный).

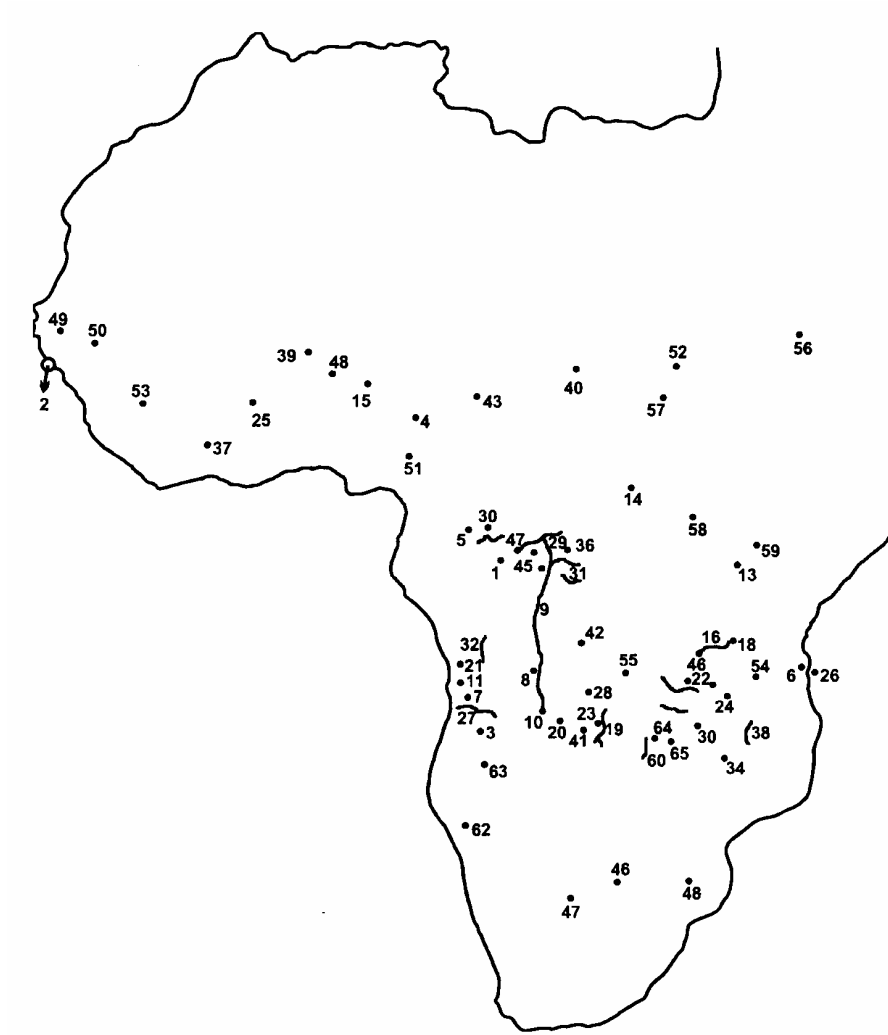
7. В итоге мы получаем список однокоренных лингвонимов, порождаемый гипотетическим механизмом (см. правила 1-6), моделирующим возможности возникновения и развития системы слов, которые соотносятся с африканскими лингвонимами. Возможно, перечисленные выше лингвонимы могут быть описаны в терминах каких-либо иных динамических моделей, и охарактеризованный выше механизм является одним (но не единственным) способом представления материала; немаловажным представляется, однако, тот факт, что анализируемая серия лингвонимов порождается данной моделью и реально существующие африканские слова могут рассматриваться как ее естественная интерпретация.

В частности, в качестве такой естественной интерпретации описанного механизма порождения терминов могут служить следующие лингвонимы, засвидетельствованные лингвистами при изучении различных африканских языков:* банту— *чикаранга* (1), *кикаланга* (2), *чикаланга* (3), *эланга* (4), *шихлангану* (5), *галанго* (6), *гиранго* (7), *марангу* (8), *имелан-гу* (9), *киси.иалвангу* (10), *шихланангу* (11), *киланги* (12), *-танга-ланги* (13), *хлангвини* (14), *иранги* (15), *киньиранги* (16), *чишиланге* (17), *кичи-ланге* (18), *-балонг* (24), *чиронга* (25), *широнга* (26), *кисолонго* (27), *му-серонго* (27), *болонго* (28), *илонго* (29), *кисилонго* (30), *-лонге-лонге* (31), *-ронгеро* (32), *-роньи* (33), *-лунг* (34), *-балунг* (19), *барьюн* (35), *ичилунгу* (36), *ичирунгу* (36), *инамарунгу* (37), *орунгу* (38), *икирунгу* (39), *шингва-лунгу* (40), *ирунгле* (41), *иньярунгле* (42), *-лунгле* (43), *элинг* (44), *элинга* (45), *каталинга* (53), *балинга* (46), *баринга* (46), *лиенга* (47), *экирхинь-ирхиньи* (48), *чиленге* (49), *чиленги* (50), *шихленгле* (51), *киленге* (52); Бенуэ-Конго (кроме банту) — *-ланги* (54), *бамбаланг* (55), *яранчи* (56), *яраван* (57), *орон* (58), *ирунги* (59), *-лунгу* (60), *кулунг* (61), *коринг* (62), *оринг* (62); нигеро-кордофанские (кроме Бенуэ-Конго) — *оранго* (63), *мбулунгии* (64), *бадьяранке* (65), *булун* (66), *каран* (67), *келенг* (68), *крим* (69) (западно-атлантические); *лорон* (70), *логхон* (70), *лорхон* (70), *лоронг* (70), *куланга* (71), *гурен* (72), *гурунси* (72) (вольтийские); *коранко* (73), *кураанко* (73), *дьялонке* (74), *калонго* (75), *ялунке* (76), *ялунка* (76), *малинке* (77) (манде); *каран* (78), *кран* (78), *крахн* (78) (кру); *аброн* (79), *бронг* (80), *бригнан* (81), *бринья* (81), *коранза* (100), *нкоранза* (100) (ква); *каренг* (82), *белинго* (83), *лангба* (84), *лангбасе* (85), *ланкавири* (86) (Восточные Адамауа); *ранге* (87), *кронго* (88), *диморонг* (89), *нгугуранг* (90) (кордофанские); сонгаи-зарма—*рунга* (91), *марансе* (112); нило-сахарские — *каранга* (92), *рунга* (93), *тренга* (94) (маба); *диллинг* (95) (шари-нильский или горный нубийский); *диронг* (96) (сахарский); *бокоруге* (97), */тунга* (98), *саронге* (99) (даджу); *ньярвэнг* (101), *бурун* (102), *рувенг* (103), *ланго* (104), *ачоли-ланго* (105), *борана* (106) (нилотские); *ренген* (107), *календжин* (108) (паранилотские); *бурунг* (109), *эренга* (110), *рунга* (111), *ругна* (111), *рун'а* (111), *мургин* (113), *туркана* (114) (шари-нильские); чадские — *каранг* (115), *каряя* (115), *керанг* (115), *кулонг* (116), *кулунг* (116), *рон* (117), *лангас* (118), *калтунго* (119), *вуркун* (120), *мани-линг* (121), *нилингей* (121), *барейн* (122), *барайн* (122); семитский — *бурунге* (123), *бурунги* (123); кушитские — *булунге* (124), *ммугунге* (124),

* Лингвонимы взяты из [2, 6, 8, 52], топонимы и гидронимы — из [1, 30].

Особый интерес вызывают устаревшие названия, способы различного произношения одного и того же термина различными языковыми коллективами, самоназвания и региональные названия.

Карта 4 Африканские топонимы

билин (125), *белен* (125), *бален* (125), *халанга* (126), *тигринья* (127), *бо-рана* (128); койсанские — *корана* (129), *мбараквенго* (130), *нхарон* (131), *нхауру* (131), *нарон* (131), *кгаро 'ан* (132), *ргоргунг* (133) (с церебральными кликсами в инициалах).

Этот список может быть дополнен серией топонимов: *Лиранга* (1), *Заланга* (4), *Мкуруанга* (6), *Орангу* (2), *Галанге*(3), *Залангое* (5), *Калванго* (3), *Лванге* (9), гидроним, *Лванге* (10), *Карианго* (7), *Лоанг* (12), *Луангве*(45), гидроним, *Лунга* (27), гидроним, *Лунга*(60), гидроним, *Рунга*(15), *Рунгу* (14), *Карунгу*(13), *Аргунгу* (48), *Голунго-Аату* (11), *Морун г*(57), *Рунгва* (16) гидроним, *Рунгва* (18), *Рунгва-Уэст* (46), *Рунгве*(17), *Малонге* (28), *Лулонга* (29), гидроним, *Лулонга* (47), *Чилонга* (30), *Байшу-Лонга* (63), *Салонга* (31), *Очиваронго* (62), *Лонге* (32) гидроним, *Лилонгве* (34), *Луонго* (35), гидроним, *Иньякаленга* (41), *Каленге* (55), *Маленге* (64), *Чиленге* (42), *Нчеленге* (44), *Геленгденг*(43), *Кэрэн* (56), *Ленгве* (33), гидроним, *Аринга* (58), *Маринга* (36), гидроним, *Иринга* (54), *Баринга* (61), *Иринго* (37), гидроним, *Баринго* (59), гидроним, *Лушеринго* (38), гидроним, *Ялинго* (51), *Филинге* (39), *Кипилингу* (65), *Залингей* (40), *Дьемберинг* (50), *Ямберинг* (53), *Дьялинг* (49), *Диллинг* (52).

8. Подводя итоги, можно отметить, что перечисленные лингвонимы и топонимы выступают как результат развития корня, образованного на базе назализованного (глоттализированного или лабиовеляризованного) дрожащего многофокусника, рефлексам которого в современных языках являются по-разному назализованные и фарингализованные дрожащие, латеральные и альвеолярные фонемы. Этот корень является названием гипотетического протоэтноса, из которого образовались речевые коллективы, соотносимые с лингвонимами.* Географическая локализация лингвонимов и их вхождение во все языковые семьи Африки (ср. также распространение топонимов и гидронимов) подтверждают тезис о генетическом родстве нигеро-кордофанской, нило-сахарской, койсанской и афразийской семей.

* Как неназализованные рефлекссы того же многофокусника могут рассматриваться, в частности, корни с l- и r-образными силлабемами, соотносимые в современных языках со значением 'солнце, небо' (ср. k.iru, ilu, keru, kilu, k'ilu 'небо, небеса' в различных диалектах мбунду₂, izulu в зулу и т.п.; бог солнца Ра, солнечный сокол Гор (Хор), богиня Хатхор и т.д., с. 240 и др.).

Цитированная литература

1. Атлас мира. Африка. М., 1979.
2. Африка. Энциклопедический справочник. М., 1986.
3. Африка: культурное наследие и современность. М., 1985.
4. Африканское историческое языкознание. Проблемы реконструкции. М., 1987.
5. Африканское языкознание. Сб. статей. М., 1963.
6. Бесписьменные и младописьменные языки Африки. Сб. статей. М., 1973.
7. Брайант А.Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. Пер. с англ.
8. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
9. Бютнер Т. История Африки с древнейших времен. М., 1981. Пер. с нем.
10. Вопросы африканской фонологии. Сб. статей. М., 1974.
11. Гаудио А. Цивилизации Сахары: десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М., 1985. Пер. с франц.
12. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
13. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
14. Ернштедт П.В. Египетские заимствования в греческом. М.; Л., 1953.
15. Жуков А.А. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983.
16. Иванов Вяч. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
17. Иванов Вяч.В. Культ огня у хеттов. Древний мир. М., 1962.
18. Иванов Вяч.В. Общеиндоевропейская праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

19. Иванов Вяч. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от as'va- "конь". — Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
20. Из истории африканского средневековья (статьи британских ученых). М., 1986. Пер. с англ.
21. Иллич-Свитыч В. Н. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь, т.1. М., 1971.
22. История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). М., 1984. Пер. с франц.
23. Кобищанов Ю.М. На заре цивилизации. М., 1981.
24. Котляр Е.С. Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985.
25. Краткий сомали-русский и русско-сомали словарь. М., 1969.
26. Лившиц В.А. Кушаны. — В мон."Центральная Азия в Кушанскую эпоху", т.1. М., 1974.
27. Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. М., 1983. Пер. с польск.
28. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Второе издание, т.2. М., 1992.
29. Непомнящий Н. Колесницы в пустыне. М., 1981.
30. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
31. Ольдерогге Д.А. Происхождение языка хауса. М., 1956.
32. Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983.
33. Ольдерогге Д.А. Язык хауса. М., 1954.
34. Оля Б. Боги Тропической Африки. М., 1976.
35. Поздняков К.И. Языки манде. — Африканский этнографический сборник. 1980, 12.
36. Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского моря. М., 1978.
37. Сова Л.З. Аналитическая лингвистика. М., 1970.
38. Сова Л.З. Конфигурационный синтаксис языка зулу, ч.ч. 1-2. Л., 1968-1969.
39. Сова Л.З. Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе. — АО, 1980, вып.48, 3.
40. Сова Л.З. Эволюция грамматического строя в языках банту. Л., 1987.
41. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. Пер. с франц.
42. Спектральный анализ звуков речи и интонации. Сб. статей. М., 1969.
43. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. М., 1981.

44. Топоров В.Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
45. Топоров В.Н. К реконструкции мифа о мировом яйце. "Труды по знаковым системам", т.3. Тарту, 1967.
46. Топоров В.Н. О брахмане: к истокам концепции. Проблемы истории языков и культуры Индии. М., 1974.
47. Турецко-русский словарь. М., 1945.
48. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. т. 1-4. М., 1986-1987.
49. Федорова Н.Г. О структуре слога в суахили на материале экспериментально-фонологического исследования именных префиксальных морфем. — НАА, 1974, 3.
50. Хауса-русский словарь. М., 1963.
51. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985.
52. Языки и диалекты мира. Проспект и словник. М., 1982.
53. Abraham R. A modern grammar of spoken Hausa. London, 1941.
54. Abraham R. The principles of Ibo. Ibadan, 1967.
55. Abraham R. The principles of Tiv. London, 1940.
56. Actes du Colloque International du CNRS, Viviers (France), 4-16 avril 1977. — SELAF, Paris, 1980, I-III.
57. African language studies. London, 1960-1963, vol. 1-4.
58. Alexandre G. La langue more. Dakar, 1959.
59. Alves A. Dicionário etimológico. Bundo — Portugues. Lisboa, 1951.
60. Ardener E. Social anthropology, language and reality. — In: "Approaches to language". Oxford, 1983.
61. Armstrong L.E. The phonetic and tonal structure of Kikuyu. London, 1940.
62. Beach D.M. The Phonetics of the Hottentot language. Cambridge, 1938.
63. Bennett P., Sterk J. South-Central Niger-Congo: a reclassification. — JAS, 1977, N 8.
64. Bleek D. A Bushman dictionary. New Haven, 1956.
65. Bleek W.H.I. A comparative grammar of South African languages. Trübner & Co., London. Reprinted by Gregg, 1974.
66. Blois K.F. de. Bukusu generative phonology and aspects of Bantu structure. — BA, 1975, 85.
67. Bryan M.A. The Bantu languages of Africa. Oxford, 1959.
68. Burton J.W. The names people play: Atuot metaphors of self. Anthropos, Freiburg, 1982, Bd.77, 5/6.

69. Capello H. and Ivens R. De Benguella às terras de Iacca. — Descripcao organisada nos annos de 1877-1880, vol. I-II. Lisboa, 1881.
70. Chuks-Orji O. Names from Africa. Their origin, meaning and pronunciation. Chicago, 1972.
71. Coeur C. le et Coeur M. le. Grammaire et textes Teda-Daza. Dakar, 1956.
72. Coupez A. Etudes sur la langue luba. Tervuren, 1954.
73. Coupez A., Kamanzi Th. Recits historiques Rwanda dans la version de C. Gakaniisha. — BA, 1962, 43.
74. Cust R.N. A sketch of the modern languages of Africa, vol. I-II. London, 1883.
75. Delafosse M. Les langues du monde. Paris, 1924.
76. Doke C.M. A comparative study in Shona phonetics. Johannesburg, 1931
77. Doke C.M. A study of Lamba phonetics. — BS, 1928, vol.3, 1.
78. Doke C.M. Text-book of Zulu grammar. London, 1931.
79. Doke C.M., Vilakazi B.W. Zulu-English dictionary. Johannesburg, 1953.
80. Ethnonymes et toponymes africaines. Paris, UNESCO, 1984.
81. Finck F.N. Die Verwandtschaftsverhllthnisse der Bantusprachen. Göttingen, 1908.
82. Fodor I. Introduction to the history of Umbundu. L. Madyar's Records (1859) and the later sources. Budapest, 1983.
83. Frobenius L. and Fox D.C. African genesis. New York, 1937.
84. Gabriel Fr. Htude du tshiluba. Bruxelles, 1921.
85. Greenbrg J.H. Languages of Africa. Bloomington, 1963.
86. Guthrie M. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu Languages. — Gregg Press Ltd, Westmead, 1967-1971, vol. 1.
87. Guthrie M. The Bantu languages of Western Equatorial Africa. London, etc., 1953.
88. Harries L. A grammar of Mwera. Johannesburg, 1950.
89. Hetherwick A. A practical manual of the Nyanja language. London, 1932.
90. Hofman I. Gu:, ugu:, ugre:s in Kenzi-Nubischen. Afrika und Übersee. Berlin, 1983, Bd. 66, H.I.
91. Homburger L. Noms de parties du corps dans les langues negro-africaines. — Lingua, 1948, v.1, 2.
92. Jaques A.A. Shangana-tsonga ideophones and their tones. — BS, 1941, v.XV, 3.

93. Johnston H.H. A comparative study of the Bantu and Semi-Bantu languages. Oxford, 1919-1922, vol. I-II.
94. Jones D. The tones of Secuana nouns. London, 1928.
95. Junod H.A. Elementary grammar of the Tonga-Shangaan language. Lausanne, 1932.
96. Innes G. A mende grammar. London, 1962.
97. Keiling L. Elementos de grammätica mbundo. Bailundo, 1937.
98. Knappert J. The state of our knowledge of African languages. _ Linguistics, 1974, 124.
99. Koelle S.W. Ployglotta Africana or A comparative vocabulary of nearly three hundred words and phrases, in more than one hundred distinct African languages. London, 1854. Reprinted in Graz, 1963.
100. La classification nominale dans les langues negro-africaines. Paris 1968.
101. Lecomte E. Metodo prätico da lingua Mbundu falada no distrito de Benguela. Coimbra, 1963.
102. Le Guennec G., Valente J.F. Dicionário Portugues-Umbundu. Luanda 1972.
103. Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne, pidgins et Creoles. Texte. Cartes. — CNRS, Paris, 1981.
104. Linguistics in Sub-Saharan Africa. — In: Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. Mouton, etc., 1971, vol. 7.
105. Linguistic survey of the Northern Bantu borderland. Oxford, 1956 — 1957, vol. 1, 2, 4.
106. Lux A. E. Von Loanda nach Kimbundu. Ergebnisse der Forschungsreise in äquatorialen West-Afrika (1875-1876). Wien, 1880.
107. Madan A.C. Senga handbook. Oxford, 1905.
108. Madabuike I.A. Handbook of African names. Washington, 1976.
109. Manessy G. La classification nominale dans les langues voltaïques: observations et hypotheses. Bull. de la soc. de ling. de Paris, 1965, 60.
110. Marconnes F.A. A grammar of central Karanga, the language of old Monomotapa, as at present spoken in central Mashonaland, S.Rodesia. Witwatersrand, 1931.
111. Meeussen A.E. Tooncontractie in het ciLuba (Kasai). — Kongo-Oversee, 1951, XVII.
112. Merlo Ch., Vidand P. Unite des langues negro-africaines. Paris, 1967.
113. Meinhof K. Die Sprache der Duala in Kamerun. Berlin, 1912.
114. Meinhof K. Die Sprache der Herero in Deutsch-Südwestafrika. Berlin, 1909.

115. Meinhof K. Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen nebst Anleitung zur Aufnahme von Bantusprachen. Berlin, 1910.
116. Meinhof K. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906.
117. Meinhof K. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948 (репринт).
118. Meinhof K. Linguistische Studien in Ost-Afrika, I. Suaheli.-MSOS, 1903, VI; II. Schambala.-MSOS, 1904, VII; III. Namwezi.-MSOS, 1904, VII; IV. Sukuma.-MSOS, 1904, VII; V. Digo.-MSOS, 1905, VII; VI. Nika.-MSOS, 1905, VIII. VII. Pokomo.-MSOS, 1905, VIII; VIII. Bondei.-MSOS, 1906, IX; IX. Zigula.-MSOS, 1906, IX; X. Mbugu.-MSOS, 1906, IX; XI. Mbulunge.-MSOS, 1906, IX; XII. Dzalamo.-MSOS, 1907, X; XIII. Ndorobo.-MSOS, 1907, X; XIV. Makua.-MSOS, 1908, XI; XV. Yao.-MSOS, 1908, XI.
119. Meinhof C. Principles of practical orthography for African languages (I). — Africa, 1928, vol. 1.
120. Meinhof C., Warmelo N.J. Introduction to the Phonology of the Bantu languages. Berlin, 1932.
121. Nascimento J.P.do. Grammatica lo Umbundu ou lingua de Benguella. Lisboa, 1894.
122. Nekes M. Die Sprache der Jaunde in Kamerun. Berlin, 1913.
123. O'Neil J. A Shona grammar. Zezuru dialect. London, 1935.
124. Royen G. Die nominalen Klassifikationsystem in den Sprachen der Erde. Historischkritische Studie mit besonderer Berücksichtigung des indogermanischen. Berlin, 1929.
125. Schapera S. The Khoisan Peoples of South Africa, Bushmen and Hottentots. 1930.
126. Stopa R. From clicks to expiratory consonants. — 1) *Lingua posnaniensis*, 1957, N 6; 2) *Zeitschrift für Phonetik*, 1958, 11, 4.
127. Stopa R. Structure of Bushman and its traces in Indo-European. Wroclaw, 1972.
128. Stopa R. The evolution of click sounds in some African languages. Krakow, 1960.
129. Swift L.B. Fula. Basic course. Washington, 1965.
130. Torrend J. A Comparative Grammar of the South-African Bantu Languages. London, 1891.
131. Tucker A.N. The comparative phonetics of the Suto-Chuana group of Bantu languages. London, etc., 1929.
132. Tucker A.N., Ashton E.O. Swahili phonetics. — AS, 1942, vol.1, 2-3.

133. Tucker A.N., Bryan M.A. Linguistic analyses: the non-Bantu languages of North-Eastern Africa. Handbook of African languages, p. 5. London, 1966.
134. Tucker A.N., Bryan M.A. Linguistic survey of the northern Bantu borderland, v.4. London, 1957.
135. Tucker A.M., Bryan M.A. The non-Bantu languages of North-Eastern Africa. Oxford, 1956.
136. Valente J.F. Grammatica Umbundu. A lingua do Centro de Angola. Lisboa, 1964.
137. Vilakazi B.W. Inkondio kaZulu. Johannesburg, 1934.
138. Wanger W. Scientific Zulu Grammar. Stuttgart, 1927, vol. 1.
139. Watkins M.A. A grammar of chichewa, a Bantu language of British Central Africa. — Language dissertations publ. by Linguistic Society of America. Philadelphia, 1937.
140. Welmers Wm.E. African language structures. Berkeley, etc. 1973.
141. Westermann D. Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin, 1927.
142. Westermann D., Bryan M.A. Languages of West Africa (Part II of Handbook of African Languages). Oxford, 1952.
143. Westermann D., Melzian H.J. The Kpelle language in Liberia. Berlin, 1930.
144. Westermann D., Ward. I.C. Practical phonetics for students of African languages. London, etc., 1933.
145. Westphal E.O.J. Kwangari, an index of lexical types. London, 1958.
146. Wolf P. de. The noun class system of Proto-Benue-Congo. The Hague, 1971.
147. Wyk E.B. van. Northern Sotho. — *Lingua*, 1966, v.17, 1-2.
148. Ziervogel D. The Eastern Sotho. Pretoria, 1951.

Сокращения

- НАА — Народы Азии и Африки, Москва.
- АО — Archiv orientální, Praha.
- AS — African Studies, Johannesburg.
- BA — Belgique annales, serie in 8°, sciences humaines. Musee Royal de l'Afrique centrale, Tervuren.
- BS — Bantu Studies, Johannesburg.
- CNRS — Centre National de la Recherche Scientifique, Paris.
- JAS — Journal of the (Royal) African Society, London.
- MSOS — Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, Berlin.
- SELAF — Société d'études linguistiques et anthropologiques de France.

Языковой указатель
(в соответствии с [86], [40])

- А — см. лунду-балонг
А 11 — см. луиду
А 14 — см. бонкенг
А 15 — см. мбо
А20 — см. дуала
А24 — см. дуала
А25 — см. оли
А26 — см. пунгу
А30 — см. бубе-бенга
А31 — см. бубе
А31а — см. бубе_с
А31б — см. бубе_{ю-з}
А31 с — см. бубе_{ю-в}
А32а — см. баноо
А33Ь — см. комбе
А34 — см. бенга
А40 — см. баса
А43а — см. мбене
А43Ь — см. кого_с
А44 — см. банен
А46 — см. манди
А50 — см. бафия
А51 — см. фа'
А52 — см. каалонг,
мбонг
А53Ь — см. кее
А60 — см. санага
А62 — см. ямбага
А70 — см. яунде-фанг
А72а — см. эвондо,
яунде
А74 — см. буду
А74а — см. буду
А74Ь — см. бене
А75 — см. фанг
А80 — см. мака-нджем
А81 — см. мвумбо
А83 — см. макаа
А84 — см. баджуэ
А84а — см. нджем
А84Ь — см. баджуэ
А85 — см. беквил
А85а — см. конабем
А85Ь — см. беквил
А90 — см. кака
А91 — см. квакум
А92 — см. пол, помо
В — см. западные лагунные
банту
В10 — см. мьене
В11 — см. мьене
В11а — см. мпонгве
В11с — см. галва
В20 — см. келе
В21 — см. секияни
В22 — см. келе₁
В22а — см. келе_з
В22б — см. нгом
В25 — см. кота
В30 — см. тсого
В31 — см. тсого
В40 — см. шира-пуну
В41 — см. сира
В42 — см. сангу
В43 — см. пуну
В44 — см. лумбу₁
В50 — см. нджаби
В52 — см. нзеби
В60 — см. мбете
В61 — см. мбете
В62 — см. мбаама
В63 — см. ндуумо
В70 — см. теке
В71б — см. нджининги
В72 — см. теке_{с-в}
В72а — см. нгунгвел
В73а — см. тсааи
В73с — см. яа
В74а — см. ндзиндзиу
В75 — см. бали₁
В76 — см. теке_в
В77а — см. кукуя
В78 — см. вууму
В84а — см. мпуоно

B85 — см. янс
B85b — см. янс_ь
B85d — см. нтсуо
B85e — см. мпур
B87 — см. мбуун

C — см. северные банту
C10 — см. нгунди
C11 — см. нгунди
C12b — см. богонго
C15 — см. бонгили
C20 — см. мбоши
C22 — см. аква
C27 — см. куба
C30 — см. бангинтумба
C31b — см. нгири
C32 — см. бобанги
C34d — см. лингала
C35a — см. нтомба
C36a — см. пото
C36d — см. нгала
C36e — см. болоки
C40 — см. нгомбе
C41 — см. нгомбе
C50 — см. соко-келе
C52 — см. со₁
C53 — см. поке
C54 — см. лумбу
C55 — см. келе₂
C60 — см. монгонкунду
C61 — см. монгонкунду
C61a — см. монго
C61b — см. нкунду
C70 — см. тетела
C71 — см. тетела
C74 — см. йела
C75 — см. кела
C80 — см. куба
C83 — см. бушоонг
C84 — см. леле

D — см. северные банту
D10 — см. мболе-эна
D11 — см. мболе

D14 — см. эна
D23 — см. комо
D25 — см. лега
D27 — см. бангубангу
D28a — см. гуха
D28b — см. каланга
D30 — см. бира-хуку
D32 — см. била
D33 — см. ньяли
D34 — см. бамбути
D40 — см. конджо
D42 — см. нданди
D50 — см. бембе-кабвари
D53 — см. ньябунгу
D54 — см. бембе₁
D60 — см. руанда-рунди
D61 — см. руанда
D62 — см. рунди
D66 — см. ха

E — см. северо-восточные банту
EЮ — см. ньоро-ганда
EII — см. ньоро
E12 — см. торо
E13 — см. ньянкор
E15 — см. ганда
E20 — см. хая-джита
E30 — см. масаба-лухья
E31 — см. масаба
E31b — см. кису
E31c — см. букусу
E32 — см. лухья, рими
E32a — см. ханга
E33 — см. ньоре
E40 — см. рогили-куриа
E41 — см. лугооли
E43 — см. куриа
E45 — см. ната
E51 — см. гикую
E55 — см. камба
E56 — см. даисо
E60 — см. чага
E62a — см. хай
E62b — см. вунджо

E70 — см. ньика-таита
E71 — см. покомо
E72 — см. ньика
E72a — см. гирьяма
E72Б — см. каума
E74 — см. таита
E74a — см. дабида
E74Б — см. сагала₁

F — см. северо-восточные банту
F10 — см. тонгве
F 11 — см. тонгве
F20 — см. сукума-ньямвези
F21 — см. сукума
F22 — см. ньямвези
F24 — см. кимбу
F30 — см. иламба-иранги
F31 — см. ниламба
F32 — см. рими
F33 — см. ланги

G — см. восточные банту
G 10 — см. гого
G11 — см. гого
G12 — см. кагулу
G20 — см. шамбала
G21 — см. тубета
G22 — см. асу
G23 — см. шамбаа
G24 — см. бондеи
G30 — см. зигула-зарамо
G31 — см. зигула
G34 — см. нгулу
G35 — см. ругуру
G38 — см. видунда
G39 — см. сагала
G40 — см. суахили
G41 — см. тикуу
G42 — см. суахили
G42b — см. мвита
G42d — см. унгуджа
G42e — см. кингвана, нгвана
G43b — см. тумбату
G44 — см. коморо

G44a — см. нгазиджа G50
— см. поголо G51 — см.
поголо G60 — см. бена-
кинга G61 — см. санго
G62 — см. хехе G63 —
см. бена G65 — см. кинга

H — см. бассейна реки
Конго
НЮ — см. киконго, конго
НИ — см. беembe
H 12 — см. вили
H13 — см. куньи
H 14 — см. ндинги
H16a — см. конго₆,
конго_ю
H16Б — см. конго₄,
конго_ц
H16d — см. конго₂
H 16g — см. конго_в
H20 — см. кимбунду
H21 — см. мбамба
H21a — см. мбунду₁
H30 — см. кияка
H33 — см. хунгу
H40 — см. кимбала

K — см. Луалаба-Замбези
K 10 — см. чокве-лучази
K 11 — см. чокве
K12a — см. луимби
K12Б — см. нгангела
K 13 — см. лучази
K 14 — см. лвена
K.15 — см. мбунда,
мбунда₁
K20 — см. лози
K21 — см. лози
K30 — см. луяна
K3 1 — см. луяна
K32 — см. мбове
K33 — см. квангари
K40 — см. субиа
K41 — см. тотела
K42 — см. субиа

L — см. Луалаба-Замбези
L 10 — см. пенде
L 11 — см. пенде
L20 — см. сонге
L21 — см. кете
L23 — см. сонге
L30 — см. луба
L31 — см. луба-лулуа
L31 a — см. луба-касаи
L31 b — см. бена-лулуа
L32 — см. бена-каньока
L33 — см. луба-катанга
L34 — см. хемба
L35 — см. санга
L40 — см. каонде
L41 — см. каонде
L50 — см. лунда
L51 — см. салампасу
L52 — см. лунда,
L60 — см. нкоя
L62 — см. нкоя

M — см. Приозерья Мверу-
Бангвеулу-
Кариба
M10 — см. фипа-мамбве
M11 — см. пимбве
M14 — см. рунгу
M15 — см. мамбве
M20 — см. ньика-сафва
M22 — см. мванга
M23 — см. ньиха
M25 — см. сафва
M30 — см. конде
M31 — см. ньикюса
M40 — см. бемба
M41 — см. таабва
M42 — см. бемба
M50 — см. биса-ламба
M51 — см. бииса
M52 — см. дала
M54 — см. дамба
M60 — см. лендже-тонга
M63 — см. ила
M64 — см. тонга

N — см. Междуречья Рувума-
Замбези
N10 — см. манда
N11 — см. манда
N12 — см. нгони
N13 — см. матенго
N14 — см. мпто
N15 — см. тонга₂
N20 — см. тумбука
N21 — см. тумбука
N30 — см. ньянджа
N3 1a — см. ньянджа
N31b — см. чева
N31c — см. манганджа
N40 — см. сенга-сена
N41 — см. нсенга
N44 — см. сена

P — см. Междуречья Рувума-
Замбези
P 10 — см. матумби
P 11 — см. нденгерекко
P 13 — см. матумби
P20 — см. яо
P21 — см. яо
P22 — см. мвера
P23 — см. маконде
P25 — см. мабиха
P30 — см. макуа
P31 — см. макуа
P32 — см. ломве
P33 — см. нгулу
P34 — см. чвабо

R — см. юго-западные банту
R10 — см. умбунду
R11 — см. мбунду₂
R11a — см. бунда₂, н'бунда, нано
R11a₂ — см. баилундо
R11b — см. лобале, лобар, ловар
R11e — см. молува
R11f — см. бенгера
R11g — см. бенгела, пангела
R11g₁ — см. амбоим
R11g₂ — см. бие, бихе, вийе
R11g₃ — см. мбундо

R13— см. ньянека
R14— см. хумби
R20— см.ндонга
R21— см.кваньяма
R22 — см.ндонга
R23— см.квамби
R24— см. нгандьера
R30— см. гереро
R31— см. гереро
R40— см.ейе

S — см. юго-восточные
банту
S10 — см. шона
S11 —см. корекоре
S12 — см. зезуру
S13a — см. маньяка
S13a,— см. бос'а
S13b — см. тева
S14 — см.каранга
S15 — см. ндау
S15a — см. нданда
S15b — см. данда
S16a — см. каланга₂
S16a₁ — см. талахундра
S16a₂— см. намбзья
S16a₃ — см. рожи
S 16b — см. лилима
520 — см. венда
521 — см. венда
530 — см. суто-тсвана
531 — см. тсвана
S31a — см. ролонг
S31b — см. кгатла
S31c — см. тлхапинг
S31d — см. кхалахади,
тлвхаро
532 — см. суто северный,
суто_с
S32a — см. педи, тлокоа
S32b — см.победу
533 — см. суто южный,
суто_ю
S33с — см.таунг
S35a — см. пулана
S35b — см. кутсве
540 — см. нгуни
541 — см. к'оса

S42 — см. зулу
S43a — см. свати
S44 — см.ндебеле
S50— см. тсва-ронга
550— см. тсва-тсонга
551— см. тсва
S51a — см.хленгу
S51b — см.джонга
553— см. тсонга
S53с — см.хланангу
S55b— см.ронга
S54a —см. мапуту
S54с — см. нондване
S60— см. чопи
S61— см.чопи
S62— см. тонга,

ЯБ — см. банту

абиаланг 327
аброн 343
абуре 310
авестийский 172, 197, 199, 200,210,
214 авием 327
авийа 210
австралийский 256
австронезийский 16, 256
агар 327
агату 310
агбо 313
агни 310,311,312,316,323
агни-бауле 310
Адамауа 16, 196, 312,314,315,336,
339, 343
адангме 310
адола 330
азербайджанский 210, 212, 213
акан 233, 310
аква (С22) 115, 116, 191,263,282
аквенго 313
аккадский 198, 212,234
албанский 197,210,214,250
али 315
алиап 327

алтайский 197, 198, 199, 210, 212, 213, 214
 алур 330
 амади 315
 амбоим (R11g₁) 118
 амхарский 213
 анагута 312
 ангас 210, 212
 английский 100, 106, 118, 126
 ануак 330
 арабский 61, 71, 79, 102, 170, 198, 209, 210, 212, 213
 арамейский 198
 армянский 20, 198, 200, 209, 210, 212, 213, 214
 асу (G22) 227
 атуот 329
 афар² 210, 213
 афразийский 10, 11, 153, 196, 197, 330, 339, 345
 африканский 7, 11, 14, 15, 18, 171, 196, 200, 207, 215, 237, 238, 240, 249, 337, 338 и др.
 Африканский Рог 292
 ахмимский 212
 ачولي 330, 343
 ашанти 233, 242, 247
 бабалиа 319
 бабинга 245
 бага 233, 242
 багама 198
 баджуэ (A84) 184
 баи 315
 баилундо (R11a₁) 118, 132, 133, 135, 136, 149
 бак 303
 бали₁ (B75) 114, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 193, 194, 203, 204, 219, 221, 222, 233, 284 и др.
 бали₂ 189
 балто-славянский 164, 183, 252
 бамана 236, 237
 баманга 315
 бамбара 233, 240, 241, 242, 243, 245
 бамбути (D34) 242
 бамилеке 233
 бамум 233
 бангба 315
 банги-нтумба (C30) 15
 бангубангу (D27) 220
 банда 196, 248, 315, 316
 банен (A44) 241
 баноо (A32a) 191
 бантоидный 196
 банту 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 15, 18, 23, 24, 27, 29, 50, 54, 67 и др.
 банту-кавирандо 330
 барамбу 315
 барейн 198, 210, 343
 бари 330
 бари-маасаи 330
 барья 322, 324, 327
 баса (A40) 15
 басари 304, 305, 340
 бассейн реки Конго (H) 187
 бата 198
 бата-марги 198
 бауле 209, 233, 242
 бафия (A50) 15
 бацбийский 214
 бвамун 308
 бвири 315
 беджа 197, 198, 210, 212, 214
 бедик 304
 беembe (H11) 26
 беквил (A85b) 202
 беланда 330
 белорусский 212
 бемба (M40, M42) 15, 24, 105, 177, 178, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 201, 202 и др.
 бембе₁ (054) 188, 189, 190, 191, 193, 201, 203, 204
 бембе-кабвари (D50) 15
 бена (O63) 190, 324
 бенадир 213
 бена-каньока 116
 бена-кинга (G60) 15

бена-лулуа 233, 247
бенга (A34)184,187,190, 191,201, 204
бенгела (R11g)73, 118-122, 124, 131, 132, 135, 137, 143, 144, 147, 149, 284, 285 и др.
бенгера (R11f) 118, 121, 122, 139,285
бене (A74b) 184, 188, 190, 191, 193, 194, 201, 202, 204,205
Бенуэ-Конго 16, 312, 313, 336, 343
берберский 16, 196, 197, 198, 212, 213
берга 322, 327
берги 322
беге 15,233,240,241,245,247
биафада 304
библейско-арамейский 198
бие (R11g₂) 118, 124, 128, 129, 130, 132, 135,143,146,147
бииса (M51) 61, 64, 191, 203, 261
била (D32) 105
билин 197, 198,209,210,345
бини 310
бира-хуку (D30) 15
биром 312,313
биса-ламба (M50) 15
бисиед 331
бихе (R11g₁) 118
бобанги (C32) 185,186,187,188, 190, 191, 193, 194, 202, 203, 204, 220, 221, 222 и др.
бобо 233, 245
богонго (C12b) 31
боди 333
бозо 233, 245, 246
боки 313
болева 198
болоки (C36e) 177, 182, 190, 191
бома (B82) 117
бонгили (C 15)
бондеи (G24) 190
бонкенг (AH) 187
бор 327, 330
боратой 327
бос'а (S13a₂) 29
бохейр 212, 213
брагуи 198, 212, 214
бубе_c (A31a) 189, 191
бубе-бенга (A30) 15
бубе_{ю-в} (A31c) 191, 192, 193,203
бубе_{ю-з} (A31b)228
будума 210
будья 96
букусу (E31c) 24, 25, 27, 31, 49, 50, 51, 52, 54, 81, 265, 266, 270, 272, 275, 281 и др. булом 304
булу(A74) 184, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 201, 202, 204, 205, 233 и др.
бунда (R11a) 118
бурджи 210
бурун 330, 343
бурунги 198, 343
бурятский 212
бушменский 236
бушменский Ботсваны 103
бушоонг (C83) 188, 190, 191, 193, 202, 203, 204, 226
валлийский 212
вейнахский 214
венгерский 118
венда(S20, S21)15,40, 57,90,95,96, 97,98,99,104,106,111,115,177,185, 186 и др.
венский 199, 212, 213
видунда (G38) 221
вили (H12) 26
волоф 303, 304, 305
Вольта-Комоз 310
вольтийский 11, 16, 306, 309, 310, 312, 313,316,336,343
Восточноафриканское побережье 248, 283
восточный Судан 318, 321, 322, 324, 327, 336
восточнонилотский 330
восточносуданский 333
Восточные Адамауа 16, 196, 314, 315, 336, 339, 343
вунджо(E62b) 189,202
вууму (B78) 30
габри 198

гагаузский 210
 гаде 310
 галва (B11c) 282
 галла 212, 241, 242
 гамергу 198
 ган 310
 ганавури 312, 313
 ганда(E15)31,41,47,50,52,53, 54, 56,
 57,60,62,76,81,93, 107, 112 и др.
 ганза 322
 гбайя315
 гбанзили-булака 315
 гбану 315
 гбари 310
 гбофи 315
 геез 198,212,213
 гереро(R30,R31) 15, 131, 177, 180,
 183,
 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191,
 192,
 193, 201,202 и др.
 герзе-кпелле 241
 герка 212
 германский 66, 162, 164, 171, 201
 гидер 199
 гикую (E51) 25,30,31,32,35,45,46,52,
 53, 54, 70, 71, 75, 77, 78, 93 и др.
 гимирра 199
 гирьяма (E72a) 188, 189, 190,192,
 203
 глебо309,310,312
 гого (G10,G11) 15, 177, 191
 годье 233
 ток 327
 гол 327
 гола 303
 гонди 198, 199
 горно-алтайский 210
 готтентотский 103, 245
 готтский 201
 гофа 198, 199
 гребо201,311,316,317
 греческий 20, 162, 171, 172, 182,
 198,
 210,212,213,214
 грузинский 197, 198, 199, 210, 212,
 213
 груси 233
 гуанг 310
 гуле 322
 гульфей 212
 гур 196, 339, 342
 гурийский 197
 гурма 196, 308, 340
 гурманджи 308
 гуро 245
 дабида (E74a) 227
 дагара 308
 дагестанский 256
 даджу 322, 323, 324, 325, 327
 паза 322
 даисо (E56) 187, 188
 дамара 245
 дангалеат201, 209
 pawia (S15b)95, 105
 датог 330
 дембья 197, 209
 джанджеро 210, 214
 джонга (S51b) 29, 90, 97, 105, 106,
 117,288
 дида 233, 245
 дидинга 333
 дидинга-мурле 327, 335
 динка 196, 209, 322, 327
 дио 315
 диола 303
 догон 241
 до-луо 196
 донгджал 327
 'донго 315, 316
 дравидийский 6, 347
 древнеанглийский 198, 210
 древнеарамейский 212
 древневаллийский 212
 древневерхненемецкий 198, 210,
 214
 древнегреческий 164
 древнегрузинский 197,210, 213
 древнееврейский 198,209, 210, 212,
 213
 древнеегипетский 198, 209,
 210,211, 212
 древнеиндийский 162, 164, 172,
 182, 197,
 198,200,209,210,212
 древнеирландский 197, 199,
 210,211,212
 древнеисландский 210, 211, 212,214

древнепруссский 197, 210
 древнетюркский 212, 213
 древнеуйгурский 210, 212, 213
 древнеханаанский 213
 древнеюжноарабский 198, 210, 212
 дуала (A20, A24) 15, 29, 31, 33, 184, 187, 188, 190, 191, 193, 201, 202, 203, 204, 216, 263 и др.
 дунсянский 210
 еврейско-арамейский 198
 египетский 16, 170, 209
 ейе (R40) 15
 занде 315
 зань 198, 212
 западноатлантический 11, 16, 196, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 312, 313, 316, 336, 339, 343 и др.
 Западный Судан и Гвинея 318
 западный банту 248
 западный лагунный банту (B)
 зезуру (S12) 29, 30, 65, 66, 67, 87, 88, 92, 102, 103, 111, 204, 272, 273
 зигула (G31) 190, 192
 зигула-зарамо (G30) 15
 зилмаму 333
 зугдидский 199
 зулу (S42) 14, 28, 31, 33, 40, 58, 62, 65, 66, 67, 70, 71, 74, 88, 91, 95 108 и др.
 ибо 233, 247
 игбира 310
 игбо 310
 иджо 310
 идома 310
 ила (M63) 98, 105, 177, 185, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 201, 202, 203, 204, 205, 215 и др.
 иламба-иранги (F30) 15
 ингушский 214
 индейский 250
 индоевропейский 6, 16, 95, 96, 141, 153, 160, 161, 162, 164, 170, 171, 172, 173, 181, 183 и др.
 индри 315
 ираку 198, 214, 241, 242
 иригве 312
 ирландский 209, 212
 итальянский 162, 171, 250
 ияла 310
 йегу 198
 йела (C74) 270
 йоруба 233, 242, 310
 каалонг (A52) 263
 кагулу (G12) 207, 221
 кадам 330, 331
 казахский 213
 кака (A90) 15
 каква 330
 каланга₁ (D28b) 71, 186, 187, 188, 191, 201, 202, 204, 219, 282, 288
 каланга₂ (S16) 88, 90, 92, 105, 111, 189, 282
 календжин 330, 332, 343
 калмыцкий 212, 213, 214
 камасинский 198
 камба (E55) 184, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 202, 204, 219, 220, 261
 камбатта 210
 канембу 322
 каннада 199, 212
 канури 322
 каонде (L40, L41) 15, 189, 204, 205
 карагасский 199, 212
 каранга (S 14) 29, 30, 58, 67, 68, 87, 88, 91, 92, 102, 103, 105, 111, 192, 203, 273, 282, 343
 каримоджонг 330
 картвельский 6, 197, 198, 199, 210, 213, 347
 катла 324
 каума (E72b) 188, 192
 кафра 199
 ква 196, 306, 309, 310, 311, 312, 316, 318, 324, 336, 343
 квакум (A91) 263
 квамби (R23) 190, 191, 192, 204, 205
 квангари (K33) 26, 27, 30, 35, 43, 52, 53, 87, 93, 103, 107, 112, 113, 115, 116, 117 и др.

кваньяма (R21) 177, 180, 182, 188,
 189,
 190, 193, 202, 203, 204, 205, 324
 квегу 333
 кгатла (S31b)40, 324
 кее (A53b) 263, 280
 кейо 330
 кела (C75)25,50,81, 115, 116,264,265,
 270,273
 келе (B20) 15,215
 келе₁(B22) 191
 келе₃(B22a) 113
 кельтский 162, 171
 кемант 210
 кенге 319
 кенту 313
 кете (L21)71,273,275,276,282, 284,
 290
 киконго (H10) 15, 50, 72, 263, 264,
 265,
 266, 270, 281, 282, 283
 кимбала (H40) 15
 кимбу (F24) 207
 кимбунду (H20) 15
 кинга(C65) 191
 кингвана (G42e) 264, 265
 кипсигис 330, 331
 киргизский 210
 кису(E31b) 221, 228
 кияка (H40) 15
 коалиб 324
 коалиб-моро 324
 кобиана 303
 кого_c (A43b) 228, 231
 кодагу 210, 212, 213
 койсанский 10, 16, 339, 342, 345
 колами 198, 210
 кома 16, 322, 327
 кома-булдиит 322
 кома-мадин 322
 комбе (A33b) 188, 193, 205
 коми-язьвинский 213
 комо (D23) 188, 189, 204
 коморо (G44) 230
 конабем (A85a) 202
 конго₂ (H 16d) 230
 конго₄ (H16b) 187, 195, 207, 222, 223,
 227, 228, 229, 230
 конго₆ (H16a) 227
 конго_v (H 16g) 229
 конде (M30) 15
 конджо (D40) 15
 конкомба 233
 коно 241, 245, 246
 к'онья 103
 к'оса (S42) 28, 34, 40, 41, 59, 73, 91,
 94,
 95, 96, 97, 102, 103,110, 111, 115 и
 др.
 континентальный банту 292, 326
 конь 330
 коньяги 241, 248, 304
 коньянка 241
 коптский 212, 213
 кордофанский 6, 10, 14, 16, 18, 196,
 306, 310,
 322, 324, 325, 326, 336, 338, 339,
 343,345
 корекоре (S11)29, 102, 111
 кота (B25) 190, 191, 192, 199, 210,
 214
 котоко 212
 кпелле 200
 кпере 314
 крачи 242
 креш 319
 крим 304, 343
 кробу 241
 кронго 324, 343
 Кросс-Ривер 336
 кру 198, 201, 247, 306, 309, 310, 312,
 316,
 317, 336, 343
 куара 197, 210
 куба (C80) 15, 233, 245, 339
 куви 198
 куи 198, 210
 кукуруку 310
 кукуя (B77a) 25, 31, 227, 261, 263,
 264,
 265, 266, 281
 кулло 198, 214
 куман 330
 кунама 322, 324, 327
 куньи (H13) 230
 куриа (E43) 24, 25, 30, 93, 112, 272,
 281, 283

курумба 245
 курух 198, 213
 кусри 212
 кутсве (S35b) 97, 282
 кушитский 16, 196, 197, 198, 199, 209, 210, 212, 214, 339, 343
 кхалахади (S31d) 111
 лабуор 330
 лагунный Кот-Дивуар 310
 лакка 314
 лала (M42) 24, 25, 60, 61, 181, 187, 195, 206, 221, 226, 227, 228, 230, 231
 дамба (M54) 24, 25, 26, 32, 33, 40, 60, 61, 64, 71, 72, 80, 85, 87, 93, 100 и др.
 ланги (F33) 192, 194, 219, 221, 343
 ланго 330, 343
 латинский 5, 20, 162, 171, 172, 197, 199, 201, 209, 210, 213
 латышский 197, 214
 лаху 207
 лвена (K14) 93, 177, 181, 185, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 202, 203, 204, 205, 206, 207 и др.
 лега (D25) 15, 190, 191, 192, 193, 195, 205, 221, 227, 228
 леле (C84) 242, 339
 лендже-тонга (M60) 15
 ливийский 208, 209
 лилима (S16b) 88, 90, 92, 105, 111, 282, 288
 литовский 172, 197, 198, 199, 202, 210, 212, 214
 лобале (R11b) 118
 победу (S32b) 95
 лоби 241, 245
 ловар (R11b) 118
 логба 236, 237
 логоли 191, 192, 193, 202
 погоне 198, 210, 212, 213
 лози (K20) 15, 222, 263
 лома 200
 ломбо (C54) 189, 190, 191, 202, 204, 206
 ломве (P32) 201, 227, 228, 282
 лонгарим 333
 лотухо 330
 луак 327
 луба (L30) 15, 233, 245, 284
 луба-касаи (L31a) 27, 32, 42, 49, 50, 51, 52, 71, 76, 80, 116, 181, 185, 187, 188, 189 и др.
 луба-катанга (L33) 27, 106, 116, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 201, 202, 204, 205 и др.
 луба-лулуа (L31) 177, 178, 181, 204
 луго (луголлони) 241
 лугооли (E41) 206, 227, 230
 луимби (K12a) 93, 187, 189, 191, 265
 лумбу, (B44) 222
 лумбу, (C54) 206, 224
 лунда (L50) 15, 106, 190, 191, 192, 202, 203, 204, 205, 242, 245, 264, 265
 лунда₁ (L52) 206, 207, 224, 227, 230, 231
 лунду (A11) 190, 201, 230, 280, 281, 282
 лунду-балонг (A 10) 15
 луо 196, 327, 329, 330
 лухья (E32) 215
 лучази (K13) 93, 192, 227, 231, 265
 луюна (K30, K31) 15, 117, 177, 182, 184, 186, 190, 191, 192, 201, 202, 226, 228, 230, 282
 ма 315, 316
 маасаи 330, 331
 мабиха (P25) 34, 35, 44, 60, 61, 71, 72, 77, 89, 100, 106, 112, 116, 264, 265, 281 и др.
 маба 16, 321, 322, 323, 324, 343
 маба-масалит 327
 мабан 330
 маджанг 333
 мадьо 315
 майого 315
 макаа (A83) 190, 201, 222, 227, 230
 мака-нджем (A80) 15
 маконде (P23) 188, 190, 201, 202, 203, 248, 263, 282
 макуа (P30, P31) 15, 177, 182, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 202, 203, 215, 229, 282, 339
 макхокхоа 104
 малаялам 210, 212, 214

малто 198, 213
 малу 303
 малуал 327
 мамбве (M15) 190, 205, 219
 манганджа (N31c) 77, 177, 181, 186, 189,
 190, 191, 192, 193, 201, 202, 203 и др.
 мангая 315
 мангбей 314
 манда (N10, N11) 15, 177, 181, 182, 189,
 190, 191, 192, 229, 282
 мандара 198, 199
 манде 10, 16, 200, 241, 306, 307, 309,
 310, 312, 316, 336, 339, 343, 347
 манджа 233, 248
 манди (A46) 185, 190, 191, 263
 манза 315
 маню 241
 мансийский 198
 маньика (S 13a) 29, 30, 40, 67, 87, 96,
 102, 103, 111, 177, 181, 185, 186, 189, 190, 191
 и др.
 маньчжурский 210
 маньяку 303
 маю 214
 маори 234
 мапуту (854a) 117
 марийский 198
 марка 233
 марквет 330
 маркиш 117
 маса 199
 масаба-лухья (E30) 15
 масаи 245, 330
 масакин 324
 матенго (N13) 188, 190, 191, 205, 215,
 219, 230, 282
 матумби (P10, P13) 15, 177, 182, 184,
 201, 282
 маури 241
 махас 325
 махи 310
 мба 315, 316
 мбаама (B62) 25
 мбаи 196, 319, 323
 мбаи-мойссала 318, 319
 мбато 310
 мбембе 313
 мбене (A43a) 187, 188, 195, 204, 230,
 281, 282
 мбере 314
 мбете (B60, B61) 15, 25, 184, 187, 188,
 189, 191
 мбове (K32) 192, 202, 228, 230
 мболе (DU) 192, 203, 204, 220, 221
 мболе-эна (OЮ) 15
 мбонг (A52) 263
 мбоши (C20) 15, 25
 мбугу 198
 мбумз 14, 315
 мбунда, (K 15) 177, 181, 187, 192, 195,
 206, 227
 мбунду₁ (H21) 177, 181, 185, 201, 202,
 205, 219, 220
 мбунду₂ (R11) 73, 74, 117, 118, 119, 120,
 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 131,
 132, 133 и др.
 мванга (M22) 191, 221, 227, 228, 230
 мвера (P22) 25, 27, 28, 70, 77, 113, 177,
 178, 181, 182, 201, 206, 215, 221, 271, 282
 мвита (G42b) 181, 187
 мвумбо (A81) 184, 201, 222, 227, 230
 мегрельский 197, 198, 199, 210
 мехри 210, 213
 мезн 333
 мими 324, 327
 моба 308
 молува (R11c) 118, 120, 134, 150, 155
 моми 321
 монго (C61a) 15, 188, 190, 203, 205, 207,
 221, 225, 227, 275, 324, 339
 монгольский 198, 199, 210, 214
 монгольский письменный 210, 212
 монго-нкундо (C60, C61) 193, 194,
 215, 229
 монгорский 210
 мондари 330
 монзомбо 315
 мооре 308
 мордовский 198, 213

моропу 118
 мору-мангбегу 318
 моей 233,308
 моча 210
 мпонгве (В 11 а) 27, 177, 178, 181, 182, 185, 187, 188, 190, 191, 195, 203, 204, 222, 227, 228, 230,
 185, 187, 188, 191, 193, 195, 205 и др.
 мпото (N14) 186, 204, 221, 222, 227, 228, 231, 276 и др.
 229,230
 мпуоно (В84, В84а) 25
 мпур(В85е) 190, 219
 муби 198, 213
 мун 201, 209, 333, 334, 335
 мунгу 184
 мунданг 314
 мунду 315
 мурле 333
 мусгу 199,210
 мфину (В83) 30, 117, 184, 188, 190, 191, 193, 220, 222, 228, 230
 мъене (В10, В11) 15, 27, 87, 281, 292
 найки 199
 налу 233, 242
 намбзья (S16a^) 88, 90, 105, 288, 312
 нанайский 210
 найди (D42) 206, 207, 227, 230, 330, 333
 нанди-кипсигис 332
 нанканна 308
 нано(R11a) 118, 120, 121, 122, 123, 124, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139 и др.
 напоре 330
 ната (E45) 191, 192, 221, 227, 228
 н'бунда (R11a) 118, 139
 нгазиджа (G44a) 177, 181, 190, 191, 227, 230
 нгала(СЗба) 221, 263, 324
 нганасанский 198
 нгангела (K12b) 177, 181, 204, 205
 нгандьера (R24) 189, 201, 202, 203, 227, 228
 нгаса 330
 нгбака 315
 нгбака-ма'бо 196, 315, 317
 нгбака-манза 315
 нгбанди 315
 нгири(С31b) 324
 нгок 327
 нгом (В22b) 114, 115, 185, 187, 188, 190, 191, 195, 203, 204, 222, 227, 228, 230,
 31, 276 и др.
 нгомбе (С40, С41) 15, 184, 191, 193, 221
 нгони (N12) 233
 нгулу (Р33) 221, 228
 нгунгвел (В72а) 188, 193, 204, 222, 230, 263, 284
 нгунди (С10, С11) 15, 25, 185, 191, 193
 нгуни (S40) 15, 64, 87, 88, 95, 96, 98, 99, 102, 105, 106, 159, 240, 243, 247, 281 и др.
 нгури 324
 ндам 212
 нданда (S 15а) 96
 нданди (D42) 190, 191, 203, 204, 219
 ндау (815) 29, 74, 92, 95, 96, 97, 102, 105, 111, 188, 204, 227, 272, 282
 ндебеле (S44) 88, 97, 102
 нденгереко (Р 11) 201, 228
 нджаби (В50) 15
 нджем (А84а) 184
 нджининги (В71b) 117
 ндзиндзиу (В74а) 284
 ндинги (Н 14) 188, 203, 228, 230
 ндонга (R20, R22) 15, 177, 178, 186, 189, 190, 191, 192, 193, 202
 ндоро 315
 ндунга 316
 ндуумо(В63) 25
 негидальский 210
 немецкий 118
 ненецкий 198, 213
 нзакара 315
 нзеби (В52) 26, 190, 191, 204, 219, 227, 228
 нзема-аханта 310
 нигеро-камерунский 310
 нигеро-кордофанский 6, 10, 14, 16, 18, 196, 306, 310, 322, 338, 339, 343, 345
 ниламба (F31) 186, 188, 190, 192, 201, 202, 204, 221, 223, 228, 231

нило-сахарский 16, 18, 196, 318, 322, 333, 338, 339, 343, 345
 нилотский 11, 247, 322, 327, 329, 330, 336, 343
 нким 196
 нкоя (L60, L62) 15, 87, 190, 204, 227, 228, 230, 284
 новоассирийский 212
 новозламский 209
 нондване (S54c) 117
 ностратический 6, 10, 11, 197, 209, 214, 338, 347
 нсенга (N41) 32, 43, 44, 47, 49, 89, 107, 193, 204, 205, 207, 221, 226, 227, 230, 261
 нтифа 212
 нтомба (C35a) 190, 191, 203, 205, 220
 нтеуо (B85d) 187, 188, 191
 нуаруэнг 327
 нубийский 11, 322, 324, 325, 327, 343
 Нубийское нагорье 321, 322, 324
 нупе 310
 нуэр 196, 322, 329
 ньика (E72) 108, 177, 187, 189
 ньика-сафва (M20) 15
 ньика-таита (E70) 15
 ньикюса (M31) 25, 106, 177, 181, 190, 191, 192, 223, 227
 ньиманг 322, 327
 ньиха (M23) 24, 33, 55, 56, 60, 61, 62, 63, 177, 178, 181
 ньоре (E33) 207
 ньоро (E11) 184, 187, 188, 189, 190, 191, 194, 195, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 220 и др.
 ньоро-ганда (E 10) 15
 ньябунгу (D53) 195
 ньяли (D33) 227
 ньямвези (F22) 177, 178, 181, 206, 248, 263, 264, 265, 266
 ньянджа (N30, N31a) 15, 24, 25, 27, 28, 67, 77, 93, 99, 100, 106, 108, 187, 190, 195 и др.
 ньянека (R13) 228
 ньянкоре (E13) 184, 187, 188, 190, 191, 366
 193, 195, 202, 203, 204, 206, 215, 216, 219, 220 и др.
 оли (A25) 223, 280, 324
 ороцкий 210
 орокский 210
 оторо 324
 паданг 327
 падокво 199
 паи 282
 палек 327
 палеонегритский 246
 палиет 327
 палиоупини 327
 памбия 315
 пангрела (R11g) 118
 паранилотский 11, 330, 331, 332, 336, 343
 парджи 199, 210
 патри 315
 паяде 304
 педи (S32a) 29, 33, 34, 37, 38, 39, 40, 47, 59, 64, 66, 67, 88, 90, 91, 92 и др.
 пенде (L10) 15, 177, 186, 188, 191, 205 пенде₁ (L11)
 персидский 199
 пимбве (M11) 227, 230
 Плато 312, 313, 318, 336
 поголо (G50, G51) 15, 224
 позднешумерский 209
 по-330
 поке (C53) 192, 202, 204, 206
 покомо (E71) 184, 189, 191, 221, 227, 228
 покот 331
 пол (A92) 228
 полинезийский 234
 польский 23
 помо (A92) 228
 португальский 118
 прето (C3ба) 191, 228
 прабанту 9, 10, 18, 23, 24, 42, 83, 85, 86, 160, 175, 176, 177, 253, 254, 255 и др.
 праиндоевропейский 325
 праязык 6, 8, 9, 11, 18, 23, 24, 83, 84, 85, 86, 159, 161, 162, 171, 172, 175, 177 и др.

прибрежный банту 291, 292, 326, 336
 протобанту 316
 пулана (S35a) 282
 пунгу (A26) 184
 пуну (B43) 25, 30
 пхулана(S35a)97
 рек 327
 рими (E32) 187, 191, 192, 229
 роголи-кура (E40) 15
 рожи (S16a₃) 88, 90, 105, 288
 ролонг (S13a) 95,98, 99,181,207,222,
 223, 227, 228, 230, 231, 339
 ронга (S54) 28, 29, 67, 89, 90, 97, 105, 106,
 110, 111, 185, 202, 215, 263, 282, 284 и др.
 ронге 324, 341, 343
 руанда (D61) 23, 30, 31, 32, 33, 50, 57,
 112, 187, 188, 193, 195, 201, 203, 227,
 263 и др.
 руанда-рунди (D60) 15
 рувенг 327,343
 ругуру (G35) 221, 228
 рукуба 312
 рунга 324,343,345
 рунгва (M12) 208, 341, 345
 рунгве 208,324,345
 рунгу (M 14)324,341,345
 рунди(062) 185, 187, 188, 189, 190, 191,
 192, 193, 195, 201, 202, 203, 204, 205,
 206, 215 и др.
 русский 20, 138, 192, 208, 209, 264, 347
 рут 327
 саамский 198, 213
 сабаот 330
 сабейский 198, 212
 сабинь 330
 сагала₁ (E74b) 188, 191, 193, 201, 204,
 207,221,227
 сайд 212, 213
 салампасу(Б51)228
 самодийский 198, 213
 санага (A60) 15
 санга (L35) 191, 231, 265, 280, 339
 санго (G61)205, 315
 сангу (B42) 25
 сандаве 16
 сара-бонго-багирми 318
 сарва 198
 саронге 343
 сафва (M25) 192, 216, 219, 227, 230, 282
 сахарский 16, 196, 321, 322, 327, 336, 343
 сахо 198, 210, 212, 213
 сванский 198, 199
 свата(S43a) 95,96, 97, 102, 111
 северный банту (C, D) 195,200,284,292
 северо-восточный Судан 336
 северо-восточный банту (E, F) 272,
 274, 330
 северо-западный банту (A) 263, 280, 284,
 292, 294, 313
 секияни (B21) 113, 223, 228
 селькупский 198
 семито-хамитский 6, 198, 213, 214, 347
 семитский 16, 170, 198, 209, 210, 212, 343
 сена (N44) 188, 189, 282
 сенга-сена (N40) 15
 сенуфо 232, 241, 243, 245, 246, 248
 сербохорватский 198, 210, 213
 сере 315
 серер 303 ,304
 сидамо 198,210, 214
 сира (B41)25, 227
 сирийский 199,209,210, 213
 славянский 7, 164, 183, 199, 208, 250, 346
 со₁ (C52) 230
 собо 310
 соко-келе (C50) 15
 сокотри 209, 213
 солонский 210
 сомали 197, 198, 212, 213, 347
 сомоно 232
 сомрай 212
 сонгаи 232,247,336,343
 сонгаи-зарма-денди 306, 307, 308, 309,
 310, 312, 315
 сонге (L20, L23) 15, 27, 70, 188, 191, 201
 среднеассирийский 209
 староаккадский 209
 староарамейский 209

старокыпчакский 212, 213
старолитовский 214
старогузский 212
старославянский 197, 210, 212
суахили (G40, G42) 15, 24, 25, 26, 47, 48, 50, 303
60, 61, 62, 63, 71, 72, 73, 75, 78, 79 и др.
субиа (K40, K42) 15, 190, 191, 202, 216
судано-эфиопский 333
суданский 11, 256, 333
сукума (P21) 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 202, 203, 204, 205, 206, 207 и др.
сукума-ньямвези (F20) 15
сура 210
сури 333
сурма 327, 333
сусу 232
суто (S32) 71, 92, 95, 215, 232, 247, 272, 280, 283, 284, 287, 288
суто южный (S33) 206, 222, 223, 226, 227, 228, 229, 230, 231
суто-тсвана (S30) 15, 32, 36, 37, 38, 39, 40, 88, 92, 95, 96, 97, 98, 99, 104, 159 и др.
сьек 327
таабва (M41) 190, 191, 223
таби 322, 323, 327
тагбу 315
таита (E74) 215, 221
галахундра (S16a,) 88, 90, 105, 288
галоли 324
тама 321, 323, 324
тама-марарит 327
тамбаро 210
тамильский 213
таунг (S33c) 98, 99, 103
тви 327
теве (S13b) 106
тегали 324
теда 322
теке (B70) 15, 25, 113, 117
теке_в (B76) 30
теке_{с-в} (B72) 25, 30, 113
телугу 199, 210, 212
темеин 322, 323, 324, 327
темне 303
тесеба 303
тенде-янзи (B80) 15
терик 330, 331
тесо 330
тетела (C70, C71) 15, 177, 182, 185, 188, 190, 191, 192, 193, 202, 203, 204, 215, 219, 220 и др.
тешена 333
тибетско-бирманский 181, 207
тив 196, 340
тигре 210, 212
тигринья 210, 345
тид 333
тиене (B81) 25, 114, 188, 191, 192, 193, 219, 220, 221, 261
тикуу (C41) 177, 187, 188, 191, 195, 201, 202, 215, 221, 227, 228, 230
тир 324
тирмаг 333
тлвхаро (S31d) 183
тлокоа (S32a) 103, 222, 227, 230
тлхапинг (831c) 98, 99, 183
тогойо 315
тода 210, 212, 214
той 327
тонга₂ (N15) 227
тонга₃ (S62) 95, 96, 111, 195, 204, 230
тонгве (F10, F11) 15, 189, 215
топоса 330
торо (E12) 324, 339
тотела (K41) 191, 201, 221, 284
тохарский 171, 197, 250
тсааи (B73a) 228
тсва (S51) 59, 66, 97, 103, 110, 111, 182, 190, 192, 215, 222, 226, 227, 230, 231, 282 и др.
тсвана (S31) 28, 29, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 47, 59, 64, 65, 66, 67, 73 и др.
тсва-ронга (S50) 15
тсва-тсонга 95

тсого (B30, B31) 15, 25, 189, 191, 204, 205, 292
 тсонга (S53) 111, 195, 265, 282
 тубета (G21) 184, 206, 230
 тувинский 199, 210, 212
 туген330,331
 туик 327
 тулу 198, 199, 210, 212, 214
 тумбату (G43b) 191, 192, 223
 тумбука (N20, N21) 15, 190
 тумтум 324
 тунгусский 198, 210
 тура 232, 245
 турецкий 210, 212
 тури 330
 туркана 330, 343
 туркменский 210, 212, 213
 тюркский 198, 199, 210, 212, 213, 214
 уали 324
 уалири 324
 Убанги314
 убангийский 312, 336
 угаритский 198, 210, 213
 удмуртский 198
 удук 322
 удэйский 198, 210
 узбекский 198
 уири 324
 укелле 313
 украинский 250
 ули 324
 ульчский 210
 умбунду(КЮ) 15, 118, 147, 263
 унгуджа (G42d) 177, 184, 187, 188, 189, хумби (P14) 118
 190, 191, 192, 201, 202, 203, 204, 222
 уоламо 214
 уоли 324
 уральский 198, 213, 347
 урартский 209
 фа' (A51) 284
 фанг (A75) 185, 227, 230, 232
 фаюм 212, 213
 фероге 315
 финикийский 213
 финский 198, 199, 212, 213
 фипа-мамбве (M10) 15
 фон 232, 241, 242, 310
 французский 23, 98, 104
 фригийский 213
 фула 200, 209, 303, 305, 306
 фур 16, 321, 322, 327
 ха (D66) 220, 221, 223, 227
 хавийа 198
 хадийа 210
 хай (E62a) 187, 188, 189, 195, 201, 203, 227, 230
 хайда 234
 хакасский 210, 213
 халха 199, 210, 212, 214
 хамир 197, 198, 209, 210
 хамитский 330
 хамта 198, 210
 ханга (E32a) 188, 191, 193, 202, 203, 206, 221, 227, 230, 339
 хантыйский 198, 199
 хатса 16
 хауса 164, 196, 197, 198, 210, 241, 347
 хая-джита (E20) 15
 хейбан 324
 хемба (L34) 191, 215, 221, 223, 224, 227, 228, 264, 265
 хетго-лувийский 96
 хеттский 96, 162, 171, 197, 208, 250, 321
 хехе (G62) 177, 180, 187, 188, 191, 195, 228
 хланангу (S53c) 90, 228
 хленгу(551a) 105, 117, 340
 хунгу(НЗЗ) 188, 190, 191, 202, 204, 206
 Центральноафриканское Плато 336
 центральносуданский 312, 318, 319, 324, 336
 центральный банту 92, 273, 292, 310, 330
 церковно-славянский 213
 чага(Е60) 15, 248
 чагатайский 198, 213
 чадский 11, 16, 199, 210, 338, 339, 340, 343
 чай 333
 чанский 197, 198, 199, 213

чвабо(Р34) 195
 чева (N31b) 25, 27, 31, 32, 34, 43, 47, 48, 51, 247
 62, 75, 77, 89, 100, 106, 113 и др.
 чеченский 214
 чире 198
 чокве (K11) 93, 216, 219, 245, 264, 265
 чопи (S60, S61) 15, 102, 111, 177, 190,
 192, 204, 263, 282, 339
 "чопи" 330
 чувашский 210, 212, 213
 шакози 310
 шамбаа (G23) 177, 181, 187, 188, 190, 192,
 193, 194, 195, 202, 203, 204, 207, 223, 227
 шамбала (G20) 15
 шари-нильский 11, 16, 196, 201, 343
 шахри 210, 213
 шельха 198, 212
 шербо 303
 "шефалу" 330
 шиллук 330
 шир 330
 шира-пуну (B40) 15
 шона (S10) 15, 30, 58, 64, 67, 74, 87, 88,
 90, 92, 95, 96, 98, 99, 102, 105 и др.
 шумерский 208, 209, 234
 эбриэ 310
 эбурнео-дагомейский 310
 эве 240, 241, 242, 310
 эвенкийский 198, 210
 эвенский 210
 эвондо (A72a) 29, 33, 107, 159, 279,
 280, 281
 экой 247
 экойдный 196
 эламский 209
 элири 324
 эна (D14) 189, 202
 эндо 330, 331
 эннецкий 198
 эолийский 198
 эотиле 310
 эренга 324, 343
 эрзянский 198, 213
 эритрейский 330
 эстонский 198, 212, 213
 зтунг 196
 эфе 241
 юго-восточный Судан 336
 юго-восточный банту (S) 28, 29, 40, 59,
 64, 67, 73, 90, 91, 94, 96, 97, 98, 99 и др.
 юго-западный банту (R) 118, 276, 292
 южноафриканское побережье 292
 юнкоидный 312, 313, 336
 якома 315
 якутский 199, 210
 ямба (A62) 187, 188, 190, 191, 204, 281,
 282, 284, 290
 янс_в (B85b) 190, 191, 222
 яо (P20, P21) 15, 177, 185, 186, 188, 189,
 190, 191, 192, 193, 194, 201, 202, 203,
 204, 205 и др.
 ясинг 314
 яунде-фанг (A70) 15

Резюме

Любовь Зиновьевна Сова (Аксёнова) род. 17.09.1937 г. в г. Харькове на Украине. Окончила филологический факультет Харьковского государственного университета (1960), математико-механический факультет Ленинградского государственного университета (1969), аспирантуру при Ленинградском отделении Института языкознания Академии Наук СССР (1964). Кандидат филологических наук с 1965 г., доктор филологических наук с 1977 г., доктор философии (ФРГ) с 1993г. Автор 70 опубликованных статей и четырёх монографий, последняя из них — "Эволюция грамматического строя в языках банту" (Изд-во "Наука", Ленинград, 1987, 365 с.).

Предлагаемая читателю монография посвящена вопросам сравнительно-исторической реконструкции прабанту и того протоязыка, из которого мог развиваться прабанту. В отличие от других исследований в этой области, восстановление праязыковых форм не является самоцелью. Основное внимание автора сосредоточено не на праязыке *sui generis*, а на том аппарате речевой деятельности, функционирование которого можно было бы рассматривать как средство порождения праязыка. Речь идёт об описании праязыка на фоне вербального механизма, существующего у носителей современных банту, и реконструкции прообраза этого механизма у их предков, т.е. о моделировании аппарата, отвечающего за речевое мышление бантуязычных народов, о генезисе этого аппарата, его эволюции, взаимоотношениях с аналогичными устройствами других народов, внутренней структуре, процессе функционирования и его результатах — тех конкретных языках, которые существовали в различные периоды человеческой истории.

Процедура реконструкции основана на следующей методике. Современные языки банту (СЯБ) анализируются на предмет установления того общего, что у них есть в формальном и смысловом плане. Сначала в книге описывается регистровый строй СЯБ, представленные в них слоговые структуры, тон и его регистровые характеристики, ударение, особенности вдоха-выдоха в зависимости от степени раствора речевого канала, а также просодические корреляции, лежащие в основе вокалической синтагматики (глава 1), затем исследуется их тембровый строй: основной тон и обертоны, механизмы назализации, глоттализации, фарингализации и лабиализации (глава 2). Совокупность фонем СЯБ, системы гласных и согласных, зарегистрированные в конкретных языках, фиксируются как результат превращения энергии речевого дыхания в звуковую субстанцию путём последовательной обработки в регистровом и тембровом подотделах механизма речевой деятельности (МРД). Параллельно синтезу фонем из "сгустков" речевой энергии в формальном отделе МРД,

371 24*

осуществляется синтез лексико-грамматических значений в смысловом отделе МРД, затем происходит "склейка" формального и смыслового планов в более высоком отделе МРД и рождается единица языка в единстве формы и содержания, т.е. осмысленная совокупность фонем, соотнесённая с тем или иным лексико-грамматическим значением.

Поскольку описываемый в книге механизм речевой деятельности строится в терминах характеристик, общих для всех СЯБ, он выступает как эталон, который представлен у всех говорящих на СЯБ. Кроме эталонной части, существует специфицирующий набор признаков, позволяющий переходить от эталонного механизма к механизму, порождающему конкретный язык (тем или иным языковым коллективом) и каждый речевой акт (в речевой деятельности индивида). Каждый СЯБ является "продолжением" во времени прабанту, одной из возможных форм его манифестации. Прабанту, как и СЯБ, является языком банту, т.е. подобно всем остальным членам языковой семьи банту, обладает тем общим, что есть у СЯБ, и тем специфическим, что отличает его от других языков банту, например, от СЯБ. Подобно СЯБ, он может быть рассмотрен как *ergon* и *energeia* языкового механизма, состоящего из эталонной и специфической частей. Подобно СЯБ, его фонемы могут быть описаны как результат превращения энергии дыхания в энергию звуков посредством тембрового и регистрового подотделов механизма речевой деятельности тех индивидов, которые говорили на прабанту.

После реконструкции единиц плана выражения в монографии осуществляется переход к плану содержания и выявляется то общее, что отвечает в смысловом плане за развитие лексико-грамматических категорий. Процедура выявления общих лексико-грамматических характеристик СЯБ и прабанту как языка семьи банту осуществляется на материале космогонической лексики СЯБ и трёх семантических полей со значением '*солнце*', '*земля*' и '*вода*' (глава 3). Общность грамматических значений описывается по отношению к категориям времени и пространства, дихотомизируемым человеческим мышлением на категории внутреннего (языкового) времени-пространства и категории внешнего (по отношению к говорящему индивиду) пространственно-временного континуума. В терминах этих составляющих фиксируются означаемые грамматических категорий СЯБ и формируется гипотеза о генезисе лексико-грамматических значений, а затем и вербального мышления в целом.

В частности, показывается, что материалы изученных языков позволяют представить процесс образования первокорней, которые обозначали реалии, окружавшие человека, как механизм последовательной дифференциации понятия о *хаосе* на понятия о *тьме* и *свете*, а их, в свою

очередь, — на понятия о *воздушно-водной* среде и "*тверди*", затем на понятия *воздуха* и *воды*, с одной стороны, *космических тел* и *земли*, с другой, и т.д., до образования первокорней, обозначавших *животных, рыб, птиц, человека* и всех остальных реалий, существовавших вне человека и внутри его мозга. Этот процесс продолжается и поныне при создании новых понятий и слов. Описанные в монографии материалы позволяют предположить, что древние космогонические теории первоначально отражали процесс деривации слов (первокорней), обозначавших реалии, окружавшие человека. Впоследствии история деривации слов стала восприниматься как история образования реалий и возникло известное всем описание процесса мироздания (хаос → свет + тьма → вода, воздух, твердь земная, и т.д.). Материалы, позволяющие сформулировать эту гипотезу, изложены в главе 4.

Итогом рассмотрения генезиса плана формы (от праязыка до СЯБ) является описание процесса постепенной трансформации синкретичного лабиоглоттального многофокусника в современные системы фонем. Развитие плана содержания говорит о последовательной дифференциации (бинаризации) пространственно-темпоральных значений в результате поэтапной иерархизации пространственных и темпоральных ориентиров по отношению к говорящему субъекту. Иерархизация начинается с этапа бинаризации пространственно-временного континуума на внешнее время-пространство (по отношению к говорящему) и внутреннее время-пространство. Этот этап назван в работе партитивно-посессивной стадией вербального мышления. Затем наступает этап иерархизации пространственных характеристик объектов, окружающих человека (пространственная стадия языкового мышления), далее следует темпоральная стадия, когда языковое мышление сосредоточивается, в основном, на темпоральных характеристиках наблюдаемых объектов ("внешнем времени"). С современным состоянием вербального мышления соотносится стадия языкового анализа-синтеза, которая характеризуется интересом говорящих к "внутреннему времени-пространству", т.е. времени-пространству мозга говорящего субъекта и процессов его речевой деятельности. Эта стадия названа модальной (Введение). Речевой механизм, реконструкции которого посвящена монография, порождает язык, который проходит через все указанные стадии развития (от партитивно-посессивной через пространственную и темпоральную к модальной). Этап прабанту можно соотнести с моментом перехода от партитивно-посессивной к пространственной стадии, т.е. с партитивно-пространственным этапом развития языка. Прабанту, в свою очередь, является развитием языка, существовавшего до него, т.е. языка, входившего

в более широкую общность африканских языков, которые на этапе партитивно-посессивного строя образовывали языковую семью, членом которой был прабанту. Вопросам соотношения языков этой общности и характеристике генетической классификации африканских языков по отношению к представленной в них спецификации пространственно-временных категорий, свойственных партитивно-посессивному этапу языкового мышления, на котором происходила их дивергенция, посвящена заключительная часть главы 4. Общая концепция автора изложена в Предисловии к монографии.

Предлагаемая читателю книга написана на материале свыше 500 африканских языков, отдельные иллюстрации приводятся из языков других семей (в основном, из индоевропейских). Монография выполнена в отделе Сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальной лингвистики Института лингвистических исследований Российской Академии Наук. Она рекомендована к печати Учёным советом этого Института после проведенной по ней дискуссии специалистов по индоевропейским и африканским языкам.

Работа ориентирована на специалистов в области общего и сравнительно-исторического языкознания, типологии разноструктурных языков, африканистики, этнографии и философии. Кроме того, она также может представлять интерес для тех, кто работает в области моделирования человеческого интеллекта, языкового мышления, вербальной деятельности мозга, поскольку материалы монографии помогают понять, насколько относительным и субъективным является наше познание, в какой мере оно зависит от структуры заложенного в нас аппарата вербального отражения действительности.

Summary

Ljubov Zinovjevna Sova (Aksjonova) was born on the 17th of Sept., 1937, in Kharkov (the Ukraina, former USSR). She grad. from the Philological Dept. of Kharkov State University (1960), Mathematical-and-Mechanical Dept. of Leningrad State University (1969), Post - graduated courses at the Leningrad Branch of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. PhD from the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR(1965), Academic Doctoral Degree in Philology (USSR, 1977), Doctoral degree in Philosophy (Germany, 1993).

Dr. L.Z.Sova is an author of 70 published papers and four monographs (Configurational Syntax of Zulu, pt.1, Leningrad, 1967, 209 p.; Configurational Syntax of Zulu, pt.2, Leningrad, 1968, 300 p.; Analytical Linguistics, Moscow, 1970, 254 p.; The evolution of grammatical structure of Bantu languages, Leningrad, 1987, 365 p.).

The latest monograph of Dr. L. Z. Sova is devoted to the problems of historical reconstruction of Proto-Bantu (PBL) and of the language from which PBL could spring up. In contradiction to other researches in this field, the reconstruction of proto-forms is not the end in itself. The attention of the author is concentrated on the apparatus of the Proto-language activity rather than the Proto-language itself, *sui generis*.

It is the apparatus of generating the PBL which was reconstructed in the book. It speaks of the description of the mechanism of verbal activity by contemporary Bantu speaking peoples and of reconstruction of the prototype of this mechanism by their ancestors, i.e. of genesis of the apparatus of verbal activity, of its inner structure, of its functioning, of its connections to the analogous apparatus by other peoples, and of the results of the activity of the apparatus being the concrete languages which existed in different periods of human history.

The procedure of reconstruction is based on the following method. The contemporary Bantu languages (CBL) are analyzed to fix their common features in formal and meaning planes. For that, first of all, the registeral structure of CBL is described (the Chapter I): the syllable structures of CBL, the tone and its registeral characteristics, the accentuation, the peculiarities of inspiration according to the degree of opening of speech canal, the prosodi-cal correlations in the sphere of vocal syntagmatics and so on. Then the timbre structure of CBL is characterized (the Chapter 2): the main tone and overtones, the mechanisms of nasalisation, glottalisation, pharyngalisation and labialisation. The sets of phonemes in concrete CBL, their systems of vowels and consonants are registered as the results of transformation of energy of

speech respiration into the sound substance by means of consecutive processing in timbre and registeral subdivisions of apparatus of verbal activity (AVA).

To the parallel of the synthesis of phonemes from the "clots" of speech energy (in the "formal department" of AVA) the synthesis of lexical-and-grammatical meanings takes place in the "meaning department" of AVA. Then every formal and meaning components are connected (gluied) together into the formal-and-meaning units in the higher department of AVA, so the language elements are born as the unity of signifieds (phonemes) and signifyingings (lexical-and-grammatical meanings).

The apparatus of speech activity of the CBL is built in terms of characteristics being common for all CBL, that is why it is appeared as a standard being inherent to all Bantu speaking persons. However, in addition to the standard part of AVA, there are the specific sets of the features which turn the standard into the apparatus which can generate the concrete languages (by the concrete language communities) and every speech act (by speech activity of a person). Every CBL is the continuation of PBL, one of possible forms of its manifestations in time. Like all CBL, the PBL is a Bantu language; so, like other members of language family, he possesses a common heart (Bantu standard) and a specific addition to the standard which distinguishes the PBL from other members of the Bantu family, i.e. from CBL. Like all CBL, the PBL can be represented as *ergon* and *energeia*. Like all CBL, the phonemes of the PBL can be described as the result of transformation of the energy of respiration into the energy of sounds by means of processing by timbre and registeral subdivisions of AVA which are inherent to the ancestors of contemporary Bantu speaking peoples.

After reconstructing of the formal units Prof. L.Z.Sova deals with the sphere of meaning. She fixed the standard of the meaning plane defining the development of lexical-and-grammatical categories. The procedure of revealing of the common lexical-and-grammatical features of the PBL and CBL is applied to the material of cosmogonic lexics of the CBL and of semantic fields of the words with meaning "sun", "earth" and "water" (Chapter 3). The community of grammatical meanings is described in relation to the categories of time and space which are dualised by a human brain into the categories of inner time-and-spatial continuum (language time and space) and into the categories of outer to the speaker time-and-spatial continuum. The signifyingings of grammatical categories of CBL are fixed in the terms of these components, and this description is used for creating of hypothesis of genesis of lexical-and-grammatical meanings and of verbal thinking on the whole.

In particular, in the Fourth Chapter the author demonstrates that on the basis of the materials represented in the monograph the process of formation of the prim-stems (the first-stems) designated realia outer of a thinking person can be represented as the successive differentiation of the concept of chaos into the concept of darkness and of light which, in their turn, divided into the concept of non-solid medium and the concept of solidity. These last concepts are subdivided into the concepts of air and water, from one side, and into the concepts of earth and cosmic bodies (i.e. sun, moon, stars), and so on, till the formation of the first-stems (prim-stems) designated animals, fishes, birds, human beings and other realia existed outer of persons and in their brains. This procedure continues till now while creating new words. The materials described in the book show that the old cosmogonic theories could be in their origin the explanation of the derivation of words (prim - stems) designated phenomena outer the human brain. Then the derivative history of the words is perceived as the derivative history of the realia, i.e. the history of the world creation(chaos→ darkness, light→ water, air, solid bodies, etc.).

The results of researching of the formal units (from the PBL till CBL) is the description of successive transforming of syncretic labioglottalised polyconsonant in contemporary phonemes. The genesis of the meanings goes through successive differentiating (dualisation) of the notions of time and space in their relation to the speaking subject. The process begins from subdividing of space-and-time continuum into the space-and-time continuum outer to the speaking person and into the inner space-and-time continuum (the continuum of brain).

This moment of language and thinking history is fixed as a partitive (possessive) stage of verbal thinking evolution. The next stage is the explication of the spatial characteristics of surrounding objects (spatial stage of verbal thinking). It is followed by the temporal stage which is characterized with the interests of speakers to the temporal features of environment, i.e. to the "outer time". The contemporary stage of verbal thinking is correlated with the language analysis and synthesis of the units of inner time and space which are the constructs of human brain and of the processes of verbal activity. This stage in the Introduction to the monograph is called as a modal one.

The verbal apparatus which has been reconstructed by the author generates the language going through all mentioned stages (from the partitive stage via the spatial and the temporal ones to the modal stage). The historical moment of the PBL stage correlates with the passage from the partitive stage to the spatial one, i.e. to the partitive-and-spatial stage of language genesis. The PBL, in its turn, was the result of development of the language which had existed before and entered the community of African languages.

Therefore the final part of the Fourth Chapter of the book is devoted to the problems of relations between the languages of this community as well as to the problems of classification of African languages in according to the specification of spatial and temporal categories of the partitive stage of verbal thinking which have been explicated in these languages to the moment of their disintegration.

The monograph uses the materials of above 500 African languages, some illustrations are taken from the languages of other families (namely, of the Indo-European one). The monograph was accomplished at the department of Historical and Comparative Studies of the Indo-European Languages of the Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences. The Scientific Board including the specialists in Indo-European and African languages approved the book and recommended it to be published. The work will be useful for scholars of General, Structural, Comparative, Typologie and African Linguistics as well as for philosophers, ethnologists and specialists in modeling of verbal activity of human brain.

Resümee

Ljubow Sinowjewna Sowa (Aksjonowa) geb. 17.09.1937 in Charkow (Ukraina, ehem. UdSSR) studierte an der philosophischen Fakultät der Charkower Staatlichen Universität (Abschluß 1960), an der mathematisch-mechanischen Fakultät der Leningrader Staatlichen Universität (Abschluß 1969), Aspirantur an der Leningrader Abteilung des Instituts für Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (1964). Kandidat der philologischen Wissenschaften 1965, Doktor der philologischen Wissenschaften 1977, Doktor der Philosophie 1993. Autorin von 70 veröffentlichten Artikeln und vier Monografien, die letzte von ihnen „Die Evolution des grammatischen Aufbaus in den Bantu Sprachen“, Verlag „Nauka“, Leningrad, 1987, 365 Seiten.

Die dem Leser angebotene Monografie ist den Fragen der historischvergleichenden Rekonstruktion von Ur-Bantu und der Sprache gewidmet, aus der sich Ur-Bantu entwickeln könnte. Im Unterschied zu anderen Untersuchungen auf diesem Gebiet, ist die Wiederherstellung der Urspracheform kein Selbstzweck. Die Hauptaufmerksamkeit des Autorins ist nicht auf die Ursprache *sui generis*, sondern auf den Apparat der Sprech-tätigkeit gerichtet, dessen Funktionieren als Mittel der Geburt der Ursprache betrachtet werden könnte. Es handelt sich hier um die Beschreibung der Ursprache vor dem Hintergrund des verbalen Mechanismus, welcher bei den Trägern der modernen Bantu-Sprachen vorhanden ist und die Rekonstruktion des Prototyps dieses Mechanismus bei ihren Vorfahren, d.h. um die Modellierung des Apparates, welcher dem Sprechenden der bantusprechenden Völker entspricht, um die Genesis dieses Apparates, seine Evolution, die Wechselbeziehungen mit analogen Einrichtungen anderer Völker, der inneren Struktur, dem Prozess des Funktionierens und seine Ergebnisse — der konkreten Sprachen, welche in den verschiedenen Perioden der menschlichen Geschichte existierten.

Die Prozedur der Rekonstruktion basiert auf der folgenden Methode. Die modernen Bantu-Sprachen (MBS) werden auf den Gegenstand der Konstatierung des Allgemeinen hin analysiert, das bei ihnen im Formalen und Inhaltlichen vorhanden ist. Zu Beginn des Buchs wird der Registeraufbau der MBS, die in ihnen dargestellten Silbenstrukturen, der Ton und seine Registercharakteristik, die Betonung, die Besonderheiten des Ein- und Ausatmen in Abhängigkeit von dem Grad der Öffnung des Sprechkanals und auch der prosodischen Korrelation, welche die Grundlage der vokalischen Syntagmatik bilden (Kapitel 1), danach wird der Timbre-Aufbau untersucht: Grundton, Obertöne, Mechanismen der Nasalisation, Glottalisation, Pharyngalisation und Labialisation (Kapitel 2).

Die Gesamtheit der Phoneme der MBS, die Systeme der Vokale und Konsonanten, die in konkreten Sprachen registriert wurden, werden als

Resultat der Umwandlung der Energie der Sprachatmung in Tonsubstanz durch nachfolgende Bearbeitung in den Timbre- und Registerunterabteilungen des Mechanismus der Sprechfähigkeit (MST) fixiert. Parallel zur Synthese der Phoneme aus den „Klumpen“ der Sprechenergie in der formalen Abteilung des MST erfolgt die Synthese der lexiko-grammatischen Bedeutung in der inhaltlichen Abteilung des MST, darauf erfolgt die „Verklebung“ der formalen und inhaltlichen Ebenen in einer höheren Abteilung des MST und es wird in der Einheit von Form und Inhalt eine Spracheinheit geboren, d.h. die sinnvolle Gesamtheit der Phoneme, welche sich auf die oder jene lexiko-grammatische Bedeutung bezieht.

Da der im Buch beschriebene Mechanismus der Sprechfähigkeit auf Charakteristikbegriffen aufbaut, welche alle MBS gemeinsam haben, kann er als Stamm-Muster gelten, welches bei allen, die MBS sprechen, nachzuweisen ist. Außer dem Stamm-Musteranteil besteht ein spezifisches Sortiment von Merkmalen, welches es gestattet vom Stamm-Muster-Mechanismus zum Mechanismus überzugehen, welcher eine konkrete Sprache (mit diesem oder jenem Sprachkollektiv) und jeden Sprechakt (in der Sprechfähigkeit des Individuums) hervorbringt. Jede MBS stellt eine „Fortsetzung“ der Ur-Bantu-Zeit, eine der möglichen Formen ihrer Manifestation. Ur-Bantu ist, wie auch die MBS, sind eine Bantu-Sprache, welcher, wie auch allen anderen Sprachen der Bantu-Familie, die allgemeinen Merkmale eigen sind, über die die MBS verfügt und die sich durch die Spezifika auszeichnet, welche sie von anderen Bantu-Sprachen, wie der MBS unter scheidet. Ähnlich, wie die MBS kann sie als *ergon* und *energeia* des Sprachmechanismus betrachtet werden, welcher aus dem Stamm-Musterteil und dem spezifischen Teil besteht. Ähnlich der MBS, können ihre Phoneme als Ergebnis der Umwandlung der Atmungsenergie in Schallenergie beschrieben werden, welche durch die Timbre- und Register-Unterabteilungen der Sprachfähigkeit der Individuen erfolgt, welche auf Ur-Bantu gesprochen haben.

Nach der Rekonstruktion der Einheiten der Ausdrucksebene erfolgt in der Monografie der Übergang zur Inhaltsebene und es tritt das Allgemeine hervor, welches in der Sinnebene die Entwicklung der lexiko-grammatischen Kategorien bedingt. Das Verfahren des Herausfindens der lexiko-grammatischen Charakteristiken der MBS und Ur-Bantu erfolgt auf der Grundlage des Materials der kosmogonischen Lexik der MBS und dreier semantischer Wortfelder mit der Bedeutung „Sonne“, „Erde“ und „Wasser“ (Kapitel 3). Die Gesamtheit der grammatischen Bedeutungen wird bezüglich der Kategorien der Zeit und des Raumes beschrieben, welche das menschliche Denken in die Kategorien des inneren (sprachlichen) Zeit-Raumes und die Kategorien des äußeren (bezüglich des sprechenden Individuums) räumlich-zeitlich Kontinuums

dichotomisiert. In den termini dieser Bestandteile werden die Bezeichnungen der grammatischen Kategorien der MBS fixiert und die Hypothese über die Genesis der lexiko-grammatischen Bedeutungen und dann auch das verbale Denken im Ganzen formiert.

Im einzelnen zeigt sich, daß die Materialien der untersuchten Sprachen es gestatten, den Prozeß der Bildung der Urstämme darzustellen, welche die den Menschen umgebenden Realien bezeichneten, wie ein Mechanismus der folgerichtigen Differenzierung des Begriffs des Chaos in die Begriffe Finsternis und Licht und diese ihrerseits in die Begriffe des „Luft-Wasser“-Mediums und des „Festlandes“, danach in die Begriffe Luft und Wasser einerseits, der kosmischen Körper und der Erde andererseits usw. bis zur Bildung der Urstämme, welche Lebewesen, Fische, Vögel, den Menschen und alle anderen Realien, welche außerhalb des Menschen und in seinem Gehirn existieren. Dieser Prozeß setzt sich auch gegenwärtig bei der Bildung neuer Begriffe und Worte fort. Die in der Monografie beschriebenen Materialien gestatten es zu vermuten, daß die antiken kosmogonen Theorien ursprnglich den Prozeß der Derivation der Worte (Urstämme), die die den Menschen umgebenden Realien bezeichneten, widerspiegeln. Im Ergebnis wurde die Geschichte der Derivation der Worte als Geschichte der Entstehung der Realien empfunden und es entstand die uns allen bekannte Beschreibung des Prozesses der Schöpfung (Chaos→ Licht, Finsternis→ Wasser, Luft, Festland usw.). Die Materialien, welche es gestatten diese Hypothese zu formulieren sind im Kapitel 4 darge-stellt.

Das Ergebnis der Betrachtung der Genesis des Formen-Planes (von der Ursprache zur MBS) ist die Be-schreibung des Prozesses der allmählichen Transformation des synkretischen labioglottalen Polyfokus in ein modernes System von Phonemen. Die Entwicklung der Inhaltsebene zeugt von der folgerichtigen Differenzierung (Binarisierung) der räumlich-zeitlichen Bedeutungen im Ergebnis der etappenweisen Hierarchisierung der räumlichen und zeitlichen Richtpunkte bezüglich des sprechenden Menschen. Die Hierarchisierung beginnt mit der Etappe der Binarisierung des räumlichzeitlichen Kontinuums auf den äußeren Zeit-Raum (bezüglich des Sprechenden) und den inneren Zeit-Raum. Diese Etappe wurde in der Arbeit als partitiv-possesives Stadium derdes verbalen Denkens bezeichnet. Danach beginnt die Etappe der Hierarchisierung der räumlichen Charakteristiken der den Menschen umgebenden Objekte (räumliches Stadium des Sprachdenkens), weiter folgt das zeitliche Stadium, als das Sprachdenken sich hauptsächlich auf die zeitlichen Charakteristika der beobachteten Objekte („in der äußeren Zeit“) konzentriert. Der gegenwärtige Zustand des verbalen Denkens steht in Wechselbeziehung zum Stadium der sprachlichen Analyse-Synthese, welches

durch das Interesse der Sprechenden an dem „inneren Zeit-Raum“ charakterisiert wird, d.h. dem Zeit-Raum des Gehirns des sprechenden Subjekts und der Prozesse seiner Sprechfähigkeit. Dieses Stadium wird als modales bezeichnet (Einführung).

Der Sprechmechanismus, dessen Rekonstruktion diese Monografie gewidmet ist, bringt eine Sprache hervor, welche alle genannten Stadien der Entwicklung durchläuft (von den partitiv-possesiven über die räumliche und zeitliche zur modalen). Die Etappe des Ur-Bantu kann dem Moment des Überganges vom partitiv-possesiven zum räumlichen Stadium, d.h. der partitiv-räumlichen Etappe der Entwicklung der Sprache zugerechnet werden. Ur-Bantu seinerseits ist das Ergebnis der Entwicklung einer Sprache, welche vor ihr vorhanden war, d.h. einer Sprache welche einer breiteren Gesamtheit der afrikanischen Sprachen zugehörte, welche in der Etappe der partitiv-possesiven Formation eine Sprachfamilie bildete, deren Mitglied das Ur-Bantu war. Den Fragen der Wechselbeziehung zwischen den Sprachen dieser Gesamtheit und der Charakteristik der genetischen Klassifikation der afrikanischen Sprachen bezüglich der in ihnen vorhandenen Spezifikation der den räumlich-zeitlichen Kategorien eigenen partitiv-possesiven Etappe des Sprachdenkens, in der ihre Divergenz vorstatten ging, ist der Schlußteil des Kapitel 4 gewidmet. Die Gesamtkonzeption des Autors ist im Vorwort der Monografie dargelegt.

Das dem Leser angebotene Buch ist auf der Grundlage von mehr als 500 afrikanischen Sprachen entstanden, einzelne Illustrationen wurden aus Sprachen anderer Familien beigelegt (hauptsächlich indoeuropäischer). Die Monografie wurde in der Abteilung für vergleichendes historisches Studium der indoeuropäischen Sprachen und der Areallinguistik des Instituts für linguistische Forschung der Russischen Akademie der Wissenschaften erarbeitet. Sie wurde durch den Wissenschaftlichen Rat dieses Institutes zum Druck empfohlen, nachdem über sie eine Diskussion durch Spezialisten für indoeuropäische und afrikanische Sprachen erfolgte. Die Arbeit richtet sich an Philologen der Fachrichtungen allgemeine und Vergleichende historische Sprachwissenschaft, Typologie verschiedenstrukturierter Sprachen, Afrikanistik, Ethnografie und an Philosophen. Ein besonderes Interesse kann sie für jene darstellen, welche auf dem Gebiet der Modellierung des menschlichen Intellekts, des Sprachdenkens und der verbalen Hirntätigkeit tätig sind, da die Materialien der Monografie zu verstehen helfen, wie sehr relativ und subjektiv unsere Erkenntnis ist, in welchem Maße sie von der Struktur des in uns vorhandenen Apparates der verbalen Widerspiegelung der Wirklichkeit ist.

Übersetzt von M.Kanov (Berlin)

Оглавление

Предисловие.....	5
Введение	13
Глава 1. Регистровый строй языков банту.....	23
§ 1. Слоговая структура современных языков банту.....	24
§ 2. Основной тон и его регистровые особенности	31
§ 3. Ударение	55
§ 4. Мощность вдоха и степень раствора речевого канала.....	64
§ 5. Просодические корреляции.....	69
§ 6. Вокалическая синтагматика	76
§ 7. Заключение.	82
Глава 2. Тембровый строй языков банту	86
§ 1. Назальные согласные	87
§ 2. Неназальные согласные	94
§ 3. Диахронические иллюстрации (основной тон и обертоны).....	117
§ 4. Заключение	158
Глава 3. Генезис лексического фонда.....	169
§ 1. Методика реконструкции.....	177
§ 2. Поле слов со значением 'земля' в языках банту	187
§ 3. За пределами бантуского ареала	196
§ 4. Поле слов со значением 'солнце'.....	199
§ 5. Ностратические параллели.....	208
§ 6. Поле слов со значением 'вода'	214
§ 7. Заключение	231
Глава 4. У истоков грамматических категорий	256
§ 1. Означающие протосистемы именных классов	264
§ 2. Означаемые грамматических категорий в их отношении к категории класса.....	301
§ 3. Заключение	336
Заключение.....	338
Цитированная литература.....	346
Языковой указатель.....	353
Резюме	371
Summary.....	375
Resümee.....	379